КрГЗ
РФ
Б-116005

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыд. выдач _____

Кр Д - Хр

БЫТОВАЯ АРХЕОЛОГІЯ.

902.6 КрД
Б-957
Г701 1912.
63.4(0)
Г701

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ,

ЧИТАННЫХЪ

въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ.

Собаки 210, 271, 287, 329, 351, 353, 368, 370-371, 336, 437, 462
РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького
Б-116905

Изданіе Московскаго Археологическаго Института.

Печатня А. И. Снегиревой Москва.
1910.

Проф. В. Д. Городцовъ

Сдан автора 1912 г.

146

7444.

Печатано по постановленію Совѣта Московскаго Археологическаго Института. 1910 г. 20 февраля.

Директоръ Института *Александръ Успенскій.*

Свастика стр 125,126.
Добр.-Зло – 118;
Бог – 109

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	V
Введеніе	1
Металлическій періодъ.	5
Бронзовая эпоха.	14
Пора мѣдныхъ орудій	16
Сумеры и аккады	19
Египетъ	66
Иранъ	114
Троя	123
Санторинъ	126
Эгейскіе острова и Кипръ	131
Италія. Венгрія	132
Трипольская культура	133
Культура древнѣйшихъ кургановъ съ окрашенными костяками	151
Пережиточныя культуры поры мѣдныхъ орудій	153
Пора бронзовыхъ орудій	154
Главные культурные очаги и культурная база поры бронзовыхъ орудій	160
Месопотамія	162
Египетъ	168
Финикія	178
Малая Азія	187
Средняя Азія	193
Сибирь	196

Стр.

Европа 211
Венгрія 219
Скандинавія 234
Россія 243
Кавказское культурное теченіе 252
Средне-азіатское культурное теченіе 273
Сибирское культурное теченіе 274
Кобанская культура 283

Желѣзная эпоха. 290

Ранняя пора желѣзныхъ орудій 292
Галльштаттская культура 295
Латенская культура 303
Кавказъ 312
Южная Россія. Киммерійцы 341
Скиѳы 345
Сарматы 360
Культура народовъ волжско-камской области 362
Культуры средней и сѣверной Россіи 371
Средняя пора желѣзныхъ орудій 385
Южно-русскія культуры времени римскаго владычества. . 390
Движеніе западно-европейскихъ народовъ въ Россію. Народъ днѣпровскихъ полей погребальныхъ урнъ . . . 403
Готы 406
Движеніе восточныхъ народовъ въ Россію 417
Гунны 418
Хазары 419
Печенѣги, торки и половцы 424
Финны средней и сѣверной Россіи 429
Финскія древности волжско-камской области 431
Финскія древности окской области 439
Финскія древности прибалтійской области 449
Русскіе славяне 452

Предисловіе.

Настоящій курсъ „Бытовой археологіи“ является прямымъ продолженіемъ изданнаго авторомъ въ 1908 году курса „Первобытной археологіи“. Появленіе обоихъ курсовъ въ печати одинаково вызвано слушателями I-го выпуска Московскаго Археологическаго Института, которые отнеслись съ глубокимъ интересомъ къ лекціямъ и неоднократно просили объ изданіи ихъ въ печати. Но, согласившись на послѣднее, авторъ, стѣсненный крайнимъ недостаткомъ времени, не въ силахъ былъ привести всѣ лекціи къ одной формѣ и одному объему содержанія. Первоначально, когда не имѣлось въ виду печатаніе, считалось необходимымъ пояснять основныя положенія науки примѣрами, взятыми только изъ наиболѣе извѣстныхъ и доступныхъ источниковъ, расчитывая такимъ образомъ дать слушателямъ возможность болѣе легкаго изученія предметовъ по имѣвшимся пособіямъ. При дальнѣйшемъ же развитіи работы пришлось ввести въ кругъ вѣдѣнія первоисточники, что значительно измѣнило характеръ лекцій, получившихъ во многихъ отдѣлахъ видъ оригинальныхъ научныхъ изслѣдованій, сопровождаемыхъ болѣе или менѣе полными указателями литературъ. Авторомъ прилагались всѣ усилія, чтобы ввести слушателей въ возможно болѣе полный курсъ науки. Насколько это ему удалось, со временемъ оцѣнятъ другіе люди. Съ своей же стороны онъ считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность какъ всѣмъ слушателямъ I-го выпуска за ихъ отличное вниманіе къ изученію

первобытныхъ и бытовыхъ древностей, постоянно воодушевлявшее автора, такъ и въ особенности слушателю того же выпуска *А. И. Огневу,* добровольно и безкорыстно принявшему на себя большой трудъ по веденію корректуры обоихъ курсовъ и такимъ образомъ значительно облегчившему работу автора и ускорившему выходъ курсовъ въ печати.

В. А. Городцовъ.

1910 г. января 8 дня.

Бытовая археологія.

Введеніе.

Археологія дѣлится на первобытную (доисторическую) и историческую. Предметомъ первобытной археологіи является научное изслѣдованіе всѣхъ древнихъ памятниковъ человѣческой культуры до появленія о нихъ историческихъ извѣстій, въ формѣ писанныхъ документовъ, а также легендъ и преданій. Историческая же археологія служитъ прямымъ продолженіемъ первобытной (доисторической) и имѣетъ дѣло съ памятниками времени писанныхъ документовъ, легендъ и преданій.

Расы, народы и племена не сразу вступили въ сферы ихъ историческаго развитія. Поэтому многіе вполнѣ компетентные археологи полагаютъ возможнымъ сокращать и удлинять періодъ исторической археологіи, соображаясь съ ходомъ культурнаго развитія той или другой отдѣльной группы представителей всего человѣчества; они говорятъ, что періодъ исторической археологіи Египта длиннѣе періода таковой же археологіи Италіи. И это вполнѣ справедливо, но только въ отношеніи частныхъ случаевъ

культурнаго развитія; въ отношеніи же развитія всего человѣчества слѣдуетъ принимать періодъ культурнаго историческаго развитія, не подлежащій ни удлиненію, ни сокращенію. Начало этого періода обозначается, главнымъ образомъ, появленіемъ письменныхъ историческихъ документовъ. Время же появленія послѣднихъ, судя по современнымъ даннымъ археологіи, совпадаетъ съ металлическимъ періодомъ индустріальной эры общечеловѣческаго развитія.

Историческая археологія дѣлится на нѣсколько дисциплинъ, изъ которыхъ наиболѣе обширною и важною является бытовая археологія.

Благодаря значительному развитію культуры народовъ историческаго времени, изученіе его археологическихъ памятниковъ приходится вести при помощи весьма разнообразныхъ методовъ и пріёмовъ, при чемъ многіе отдѣлы памятниковъ обособляются и начинаютъ служить предметами самостоятельныхъ археологическихъ дисциплинъ, каковы: нумизматика, сфрагистика, геральдика, метрологія, палеографія, археографія и другія. За выключеніемъ всѣхъ этихъ отдѣловъ, вѣдѣнію бытовой археологіи подлежатъ памятники домашняго и общественнаго быта, преимущественно касающіеся жилищъ, одеждъ, пищи, ремеслъ, художествъ, промысловъ, а также разнаго рода бытовыхъ и религіозныхъ обрядовъ. Роль бытовой археологіи становится тѣмъ полнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ ниже и первобытнѣе изучаемая культура, и тѣмъ уже и зависимѣе, чѣмъ выше и развитѣе эта культура. Въ первомъ случаѣ бытовая археологія, по полнотѣ обслуживанія предмета, совершенно сближается съ первобытною археологіею, съ каковою она обыкновенно и смѣшивается; во второмъ случаѣ она является не болѣе, какъ дисциплиною, обслуживающею не цѣлое, а только часть объёма исторической археологіи.

Для болѣе нагляднаго представленія объ отношеніи бытовой археологіи къ другимъ археологическимъ наукамъ

и дисциплинамъ и о мѣстѣ ея среди ихъ, прилагаемъ діаграмму:

Что касается методовъ изслѣдованія бытовой археологіи, то они остаются тѣ же, какъ и въ первобытной археологіи. Геолого-археологическій методъ раскопокъ продолжаетъ служить для пріобрѣтенія знанія изъ отношенія памятниковъ къ почвѣ, если они съ нею связаны; типологическій — служитъ для изученія памятниковъ самихъ по себѣ или по ихъ сущности; и, наконецъ, сравнительный—помогаетъ понять смыслъ и назначеніе загадочныхъ памятниковъ путемъ сравненія ихъ съ предметами быта современныхъ народовъ.

Болѣе рѣзкое отличіе въ пріёмахъ изслѣдованія первобытной и бытовой археологіи заключается въ томъ, что первая для повѣрки своихъ выводовъ чаще обращается къ естественно-историческимъ, а вторая—къ историческимъ наукамъ; хотя и въ данномъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду то, что чѣмъ древнѣе и примитивнѣе изучаемыя историческія культуры, тѣмъ болѣе сглаживается и это отличіе въ пріёмахъ изслѣдованія.

Въ планъ настоящаго курса включаются памятники самыхъ передовыхъ древнихъ народовъ и памятники главныхъ народовъ, въ разное время населявшихъ территорію современнаго Россійскаго государства. Распредѣленіе ма-

теріала дается по принятой въ нашемъ курсѣ первобытной археологіи классификаціи, схема которой здѣсь приводится.

Хронологическая классификація.

Эра.		Періодъ.	Эпоха.	Пора.
Кайнозойская.	Индустріальная.	Каменный.	Эолитическая.	Сомнительныхъ орудій.
			Палеолитическая.	Тесанныхъ орудій (ранняя пора).
				Сколотыхъ орудій (поздняя пора).
			Неолитическая.	Полированныхъ орудій (ранняя пора).
				Сверленыхъ орудій (поздняя пора).
		Металлическій.	Бронзовая.	Мѣдныхъ орудій (ранняя пора).
				Бронзовыхъ орудій (поздняя пора).
			Желѣзная.	Желѣзныхъ орудій.

Объектомъ изслѣдованія бытовой археологіи служитъ только металлическій періодъ. Количество ученыхъ трудовъ, посвященныхъ памятникамъ этого періода, такъ велико и обширно и такъ быстро разрастается, что съ ними уже затруднительно совладать одному лицу, тѣмъ болѣе сколько-нибудь подробно освѣтить въ одномъ очеркѣ. Вслѣдствіе этого мы по необходимости должны избѣгать всѣхъ мелочныхъ подробностей явленій и выдвигать только важнѣйшія, способныя съ одной стороны выразить весь ходъ археологическаго развитія человѣчества и съ другой стороны возбудить интересъ къ самостоятельному изученію археологіи.

Металлическій періодъ.

Металлическій періодъ соотвѣтствуетъ концу современныхъ геологическихъ образованій и обнимаетъ время наиболѣе высокой человѣческой культуры. Въ металлическій періодъ человѣчество начинаетъ группироваться въ значительныя сообщества, союзы и государства. Главною причиною всѣхъ этихъ и многихъ другихъ не менѣе важныхъ явленій служили металлы, эксплуатируемые для выработки орудій труда, а также для боевыхъ и торговыхъ международныхъ сношеній. Изъ металловъ наиболѣе цѣнными являются мѣдь и желѣзо. Большую роль въ развитіи общечеловѣческой культуры сыграли также золото и серебро, служившія сначала для украшеній, а затѣмъ монетными знаками и матеріалами, необходимыми для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей высшей техники.

Какъ, когда и гдѣ впервые произошло знакомство человѣка съ металлами, пока остается неизвѣстнымъ, и рѣшеніе этихъ вопросовъ является одною изъ главныхъ задачъ археологіи.

Въ виду той важной роли, которую въ развитіи общечеловѣческой культуры сыграли золото, серебро, мѣдь, бронза, олово, свинецъ и желѣзо, необходимо нѣсколько остановиться на краткомъ обзорѣ этихъ металловъ и ихъ исторіи.

Золото [1]). Представляется весьма правдоподобнымъ, что золото было открыто человѣчествомъ ранѣе всѣхъ другихъ металловъ. Этимъ оно обязано своему блеску, невольно бросающемуся въ глаза и возбуждающему какъ

---

[1]) J. A. L. Sabatier. „Production de l'or, de l'argent et du cuivre chez les anciens“, S.-Pétersbourg, 1850.— А. А. Котляревскій. „Металлы и ихъ обработка у племенъ индоевропейскихъ“, Москва, 1865 г. — „Энциклопедическій словарь“, изданія Брокгауза.

у дикаря, такъ и у болѣе развитого человѣка желаніе воспользоваться предметомъ.

Въ природѣ золото встрѣчается въ формѣ кристалловъ, блестокъ и кусковъ болѣе или менѣе крупныхъ размѣровъ, называемыхъ самородками. Крупнѣйшій изъ извѣстныхъ самородковъ, найденный въ Австраліи, вѣситъ 6 пудовъ 8 фунтовъ, а найденный на Уралѣ—2 пуда 8 фунтовъ. По словамъ Страбона[1]) и Плинія[2]), въ древнихъ золотыхъ пріискахъ встрѣчались самородки отъ полуфунта до десяти и даже болѣе фунтовъ. Золото обладаетъ мягкостью и большою ковкостью. Химически-чистое золото въ природѣ не встрѣчается: оно всегда сопровождается незначительными примѣсями серебра, мѣди, желѣза и другихъ металловъ. Мѣсторожденія его извѣстны во всѣхъ странахъ свѣта и находятся или въ каменныхъ, преимущественно кварцевыхъ, породахъ, или въ рѣчныхъ розсыпяхъ. Послѣднія особенно должны были привлекать вниманіе людей, являясь совершенно доступными для пользованія. Очевидно, только благодаря этому многіе дикари Африки и Америки, совершенно незнакомые съ другими металлами, пользовались золотомъ. Повидимому и древнѣйшіе люди первоначально пользовались золотомъ, добываемымъ только изъ розсыпей. Въ началѣ металлическаго періода, когда только что начинаютъ появляться мѣдныя орудія, въ Месопотаміи и Египтѣ золото не представляло рѣдкости.

„Утренняя заря историческаго преданія, говоритъ д-ръ О. Шрадеръ, освѣщаетъ богато одаренную наплывомъ благороднѣйшаго изъ металловъ страну Египетскую. Особенно часто являются на рисункахъ и въ надписяхъ эѳіопы и другіе народы юга, приносящіе изъ своихъ обильныхъ золотомъ земель на Черномъ морѣ и на Арабскомъ заливѣ богатую дань, въ кошелькахъ, въ формѣ колецъ, доще-

---

[1]) Страбонъ. „Γεωγραφικά“, глава 146.

[2]) Плиній. „Historia naturalis“, XXXIII, глава 4.

чекъ, прутьевъ, плитокъ. Но и ассирійцы „Ротенну“ египетскихъ надписей и разныя сирійскія племена Таги (Tahi), хетиты, народъ Мегиддо (Megiddo) изображаются данниками, несущими золото; это показываетъ, что въ Ливанскихъ горахъ, кромѣ мѣди, успѣшно добывали и золото“.

„На египетскомъ языкѣ, продолжаетъ О. Шрадеръ, золото называется „nu̯b“, по-коптски „noub“; кажется, отъ этого слова получила свое имя Нубія. Гіероглифическій знакъ золота , въ Бени-Гассанскихъ надписяхъ сохранившійся еще въ своемъ первоначальномъ видѣ , представляетъ сложенный кусокъ полотна съ загнутыми концами, въ которомъ, перетряхивая, промывали песокъ. На Бени-Гассанскомъ знакѣ еще видно, что это полотно было свертываемо въ родѣ мѣшка, и что оттуда струится вода. (Сравн. еврейск. sagag, греческ. σαττέω). Въ Ѳивахъ есть рисунокъ, изображающій двухъ людей, перетряхивающихъ мѣшокъ; надъ рисункомъ надпись: „Изготовленіе золота“. Въ египетскихъ (болѣе позднихъ) надписяхъ различаются два сорта золота: „nu̯b en set“—„золото изъ скалы“, „горное золото“ и „nu̯b en mu“—„рѣчное золото“: рѣчное золото и теперь добываютъ негры на Голубомъ Нилѣ и собираютъ его въ трубочки перьевъ; оно называется у нихъ „tibber“ [1]).

Семитическіе народы и восточные азіатскіе арійцы познакомились съ золотомъ очень рано. По мнѣнію Гоммеля, отъ первыхъ знакомство съ золотомъ перешло къ сумерійцамъ, а по мнѣнію Шрадера, и къ западнымъ европейскимъ арійцамъ [2]), передавшимъ впослѣдствіи это

---

[1]) Д-ръ О. Шрадеръ. „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія“, Спб., 1886 г., стр. 247 и 248.

[2]) „Золото, говоритъ И. Тейлоръ, было извѣстно индусамъ раньше, чѣмъ они вошли въ Индію, и раньше ихъ отдѣленія, такъ какъ санскритское „hiranya“ тожественно съ зендскимъ „zaranya“, и это же слово

знакомство финнамъ. Но урало-алтайскія племена, кажется, узнали золото самостоятельно, благодаря изобилію этого металла въ горахъ ихъ первородины.

Серебро. Съ серебромъ человѣкъ познакомился также очень рано. Въ природѣ оно, подобно золоту, довольно часто встрѣчается въ видѣ самородковъ, которые легко бросаются въ глаза. Оно ковко и тягуче, нѣсколько тверже золота. Обыкновенно содержитъ въ себѣ примѣси золота, мѣди, ртути и др. Мѣсторожденія встрѣчаются во всѣхъ странахъ свѣта, но добываніе совершается, главнымъ образомъ, въ рудникахъ, такъ какъ серебряныя розсыпи почти совсѣмъ не встрѣчаются. Послѣднее обстоятельство послужило причиною того, что серебро стало извѣстнымъ человѣку позднѣе золота.

„Если мы не ошибаемся, говоритъ О. Шрадеръ, однимъ изъ главныхъ центровъ, отъ которыхъ шло распространеніе серебра, была Арменія съ прилежащими землями по

встрѣчается въ другихъ языкахъ иранской фамиліи, въ афганскомъ, белуджійскомъ и осетинскомъ. Должно быть тѣ же иранцы и, вѣроятно, скиѳскія племена, принадлежащія къ иранскому корню, передали это слово восточнымъ финнамъ (мордвѣ, вогуламъ, вотякамъ, зырянамъ и мадьярамъ), гдѣ оно приняло различныя формы: „sarni“, „sorni“, „sirna“—всѣ слова происхожденія иранскаго. Тевтонское названіе „gulth“, обозначающее металлъ „желтый“ или „блестящій“, и форма старинаго славянскаго слова „злато“ показываютъ, что славяне должны были заимствовать это слово у тевтоновъ въ отдаленную эпоху“.

„Однакоже западные финны должны были заимствовать названіе золота у германцевъ, какъ это показываютъ эстонское названіе „kuld“ и голландское „golle“.

„На основаніи сейчасъ нами сказаннаго, кажется, что золото было неизвѣстно первобытнымъ арійцамъ, но его знали индусы и иранцы, а можетъ быть также и славяне съ тевтонами, раньше своего раздѣленія“.

„Его употребленіе распространилось послѣ того, какъ греки отдѣлились отъ латинъ, латины отъ кельтовъ, а восточные финны отъ западныхъ. Оно дошло до грековъ черезъ финикіянъ, а къ кельтамъ, иллирійцамъ и литовцамъ отъ народовъ Италіи“. И. Тейлоръ. „Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ“, стр. 135 и 136.

Черному морю. Армянское „artsath“, проникшее на Кавказъ, послужило, быть можетъ, основаніемъ для названій серебра и на иранскомъ языкѣ Авесты и на индійскомъ. Но это заимствованіе произошло очень давно. Сѣверноевропейскія названія серебра: готское „silubr“ и проч. происходятъ, быть можетъ, отъ имени понтійскаго города Ἀλύβη, изъ котораго производитъ серебро Гомеръ“.

„Во внутреннихъ странахъ Европы кельты и албанцы заняли свои названія серебра отъ латинскаго; латинскій и греческій — почерпнули названія его изъ собственныхъ источниковъ. Замѣчательно, что финны, оказывающіеся такими подвластными чужому названію золота, имѣютъ для серебра названія, повидимому, свои собственныя, раздѣляясь, впрочемъ, въ этомъ случаѣ, на западную и на восточную части: одно названіе охватываетъ лишь одну, другое лишь другую изъ этихъ половинъ“.

„У всѣхъ тюрко-татарскихъ народовъ названіе серебра одно общее; поэтому, надобно полагать, очень давнее“ [1]).

Самыя древнія находки серебра относятся къ бронзовой эпохѣ. Шлиманъ нашелъ серебряныя вещи въ развалинахъ второго и третьяго города на мѣстѣ Трои, а также въ микенскихъ могилахъ, съ вещами, характерными для конца бронзовой эпохи. Въ Россіи его находятъ при скорченныхъ костякахъ, обыкновенно сопровождаемыхъ каменными и бронзовыми орудіями. Въ центральной Европѣ оно попадается впервые также вмѣстѣ съ бронзовыми вещами.

Этотъ металлъ очень рано начинаетъ служить для выдѣлки монетныхъ знаковъ и для изготовленія разнаго рода украшеній и вещей второстепеннаго бытового значенія. Цѣна серебра въ разное время и у разныхъ народовъ испытала большія колебанія. Древніе египтяне, арабы, ассиро-вавилоняне первоначально цѣнили серебро наравнѣ и даже значительно выше золота. Но съ теченіемъ вре-

[1]) Ibid., стр. 273 и 274.

мени, по мѣрѣ развитія знаній и техники, серебро стало добываться всё въ бо́льшемъ и бо́льшемъ количествѣ, и цѣна его становилась всё ниже и ниже.

Мѣдь. Открытіе мѣди послѣдовало такъ же рано, какъ и золота. Это объясняется тѣмъ, что въ природѣ мѣдь нерѣдко встрѣчается огромными самородными глыбами, которыя легко могли привлечь вниманіе человѣка и послужить объектами обработки. Мѣдь ковка и тягуча. Она часто содержитъ постороннія примѣси, имѣетъ значительное распространеніе въ природѣ, встрѣчается въ розсыпяхъ, горныхъ жилахъ и разнообразныхъ химическихъ соединеніяхъ.

Египтяне, сумерійцы, арійцы и многіе другіе народы Стараго свѣта обрабатывали мѣдь въ самое раннее время металлическаго періода. Мѣдныя орудія явились первыми на смѣну каменныхъ. Ихъ существеннымъ недостаткомъ служила мягкость металла. Правда, по словамъ проф. М. Гернеса, мексиканцы такъ хорошо закаливали мѣдь, что ихъ мѣдными топорами можно было рубить деревья и даже обрабатывать камень; но древне-европейскіе топоры оказывались для этого совершенно непригодными [1]). Для устраненія такого важнаго природнаго недостатка мѣди была изобрѣтена бронза.

Бронза. Бронза представляетъ сплавы мѣди съ оловомъ. Классическая бронза содержитъ 9—10% олова. Культурное значеніе этого сплава громадно. Въ то время какъ мѣдныя орудія въ борьбѣ съ каменными едва отстаивали свое существованіе, бронзовыя орудія, до появленія желѣзныхъ, не имѣли никакихъ конкурентовъ. Древнѣйшее упоминаніе о производствѣ бронзы имѣется въ гимнѣ богу огня, дошедшемъ до насъ на двухъ языкахъ: сумерійскомъ и ассирійскомъ. Въ этомъ гимнѣ огонь называется смѣшивателемъ красной мѣди съ оловомъ [2]). Полагаютъ, что

[1]) Проф. М. Гернесъ. „Исторія первобытнаго человѣчества“, стр. 73.

[2]) М. Никольскій. „Сумерійскій гимнъ богу огня IV-го тысячелѣтія до Р. Хр.“, стр. 7—9. М. Никольскій переводитъ сумерійское названіе

первыми открыли бронзу сумеро-аккады, отъ которыхъ знакомство съ выработкой ея перешло къ семитамъ, египтянамъ, арійцамъ Европы и другимъ народамъ.

Олово [1]). Олово, столь необходимое для бронзы, стало извѣстно въ раннія времена металлическаго періода. Оловянная руда имѣетъ малое распространеніе въ природѣ. Её добываютъ или въ первоначальныхъ мѣсторожденіяхъ въ видѣ жилъ, пластовъ, гнѣздъ или на вторичныхъ мѣстонахожденіяхъ въ формѣ розсыпей. Болѣе богатыя оловянныя руды находятся въ Корнваллисѣ, Девонширѣ, на Канарскихъ островахъ, въ Испаніи, на полуостровѣ Малаккѣ и на островахъ Банки и Биллитонѣ. Менѣе богатыя мѣсторожденія олова извѣстны въ Малой Азіи, къ западу отъ г. Синопа, гдѣ существовали древніе рудники, а также въ Мидіи. Олово очень тягуче и легкоплавко; въ соединеніи съ металлами даетъ многочисленные сплавы, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ сплавъ съ мѣдью, дающій бронзу. Полагаютъ, что олово было извѣстно египтянамъ за 4000 лѣтъ до Р. Хр.; о немъ говорится въ Библіи, сочиненіяхъ Аристотеля (IV в. до Р. Хр.) и Плинія, упоминающаго о луженіи оловомъ посуды.

Свинецъ. „Археологическія изслѣдованія, говоритъ О. Шрадеръ, еще не привели къ рѣшенію вопроса о томъ, свинецъ ли вошелъ въ употребленіе раньше олова или наоборотъ, и многіе ли металлы были извѣстны, когда началось употребленіе олова и свинца. Прежде полагали, что олово, встрѣчающееся и въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ и Галльштадтскихъ раскопкахъ, принадлежитъ къ самымъ древнимъ металламъ, а свинецъ появился только уже вмѣстѣ съ серебромъ, въ такъ назы-

---

„nagga“—„свинецъ“, но другіе изслѣдователи переводятъ это слово—„олово“.

Авт.

[1]) G. Bapst. „Sur la provenance de l'étain dans le monde ancien“, Paris, 1886.—„Энциклопедическій словарь“, изданія Брокгауза.

ваемый желѣзный періодъ. Теперь это мнѣніе совершенно опровергнуто, въ особенности результатами раскопокъ Шлимана. Ни въ одномъ изъ доисторическихъ городовъ Гиссарлика не найдено олова. Въ Микенахъ, гдѣ, какъ извѣстно, почти исключительно господствуетъ бронзовый періодъ, найдено много свинца“ [1]).

Во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ является то, что свинецъ сталъ извѣстнымъ съ глубокой древности. Послѣднее явленіе объясняютъ легкостью выдѣленія свинца изъ его соединеній, при значительномъ распространеніи въ природѣ. Иногда онъ встрѣчается въ самородномъ видѣ, но чаще въ соединеніи съ сѣрой въ формѣ свинцоваго блеска. Свинецъ очень мягокъ. Онъ встрѣчается въ Европѣ, Азіи и Америкѣ.

Древніе народы, повидимому, часто не различали свинца отъ олова и называли ихъ одними и тѣми же именами.

Желѣзо. Человѣкъ узналъ желѣзо позже золота и мѣди. Это объясняется тѣмъ, что въ природѣ желѣзо встрѣчается только въ видѣ руды, менѣе замѣтной, чѣмъ самородные металлы. Исключеніе составляетъ метеорное желѣзо, которое имѣетъ видъ самородковъ; но оно очень рѣдко, хотя всё же имѣется основаніе полагать, что съ этимъ-то метеорнымъ желѣзомъ человѣкъ познакомился ранѣе, чѣмъ съ другими сортами желѣза.

Желѣзныя руды являются самыми распространенными: онѣ входятъ въ составъ какъ вулканическихъ изверженныхъ, такъ и осадочныхъ горныхъ породъ. Изъ разнообразныхъ рудныхъ минераловъ главнѣйшими представляются магнитный желѣзнякъ, желѣзный блескъ, бурый желѣзнякъ (болотныя и озерныя руды) и шпатовый желѣзнякъ съ разновидностью его сферосидеритомъ.

---

[1]) Д-ръ О. Шрадеръ. „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія“, Спб., 1886 г., стр. 313.

Желѣзо гибко, ковко и чрезвычайно вязко; плавится только при очень высокихъ температурахъ; при нагрѣваніи до бѣлаго каленія куски его подъ ударами молота или подъ сильнымъ давленіемъ свариваются, т.-е. соединяются въ одну цѣльную массу.

Древнѣйшее упоминаніе о желѣзныхъ издѣліяхъ встрѣчается въ египетскихъ надписяхъ. Очень рано съ нимъ познакомились народы Месопотаміи, отъ которыхъ искусство обработки желѣза перешло къ народамъ Европы и Восточной Азіи.

На этомъ мы закончимъ наше знакомство съ главными металлами, извѣстными человѣку въ раннія времена древности.

Выше уже упоминалось, что въ развитіи общечеловѣческой культуры главную роль сыграли мѣдь и желѣзо. Изъ нихъ мѣдь стала извѣстна раньше желѣза. Весьма вѣроятнымъ представляется, что при самомъ первомъ знакомствѣ человѣка съ мѣдью обработка послѣдней производилась только при помощи холодной ковки. Позже было открыто искусство плавить мѣдь и подѣлки отливать въ формахъ. Еще позже человѣку удалось смѣшать расплавленную мѣдь съ оловомъ и получить бронзу— металлъ, отличающійся, сравнительно съ мѣдью, высокими качествами. Желѣзо открыто послѣднимъ. Таковъ историческій порядокъ знакомства съ главными металлами всего человѣчества, но этотъ порядокъ знакомства совсѣмъ не обязателенъ для отдѣльныхъ народовъ, изъ которыхъ одни узнали желѣзо ранѣе мѣди, другіе узнали оба металла одновременно и, наконецъ, третьи вымерли, не успѣвъ узнать ни одного изъ нихъ. Всѣ эти народы являются или являлись культурно-отсталыми и на общее культурное развитіе не имѣющими или не имѣвшими никакого положительнаго вліянія.

Бронзовая эпоха.

Бронзовая эпоха получила свое имя отъ „бронзы“ — металла, представляющаго смѣсь мѣди и олова или смѣсь мѣди и другихъ легкоплавкихъ металловъ. Въ послѣднее время всё чаще и чаще эпоху называютъ мѣдною, очевидно, руководствуясь тѣмъ, что мѣдь въ продолженіе всей эпохи играла основную культурную роль, тогда какъ бронза появилась только въ позднюю пору эпохи. Такое сужденіе слѣдуетъ признать справедливымъ, и если нами эпоха названа не мѣдною, а бронзовою, то это сдѣлано только потому, что послѣдній терминъ является еще общепринятымъ и въ уваженіе той громадной роли, какую бронза сыграла въ данную эпоху. Чистая мѣдь даетъ столь несовершенныя орудія, что они едва-едва конкурировали съ каменными и входили въ жизнь народовъ крайне медленно. Наоборотъ, бронзовыя орудія дали рѣшительный перевѣсъ металлическимъ орудіямъ и охотно принимались всюду, куда только проникали. Эта-то распространенность и послужила поводомъ для первоначальнаго наименованія эпохи бронзовою.

Начало и конецъ эпохи точно еще не могутъ быть установлены.

Извѣстный французскій химикъ Бертело, на основаніи химическихъ анализовъ древнѣйшихъ металлическихъ орудій Халдеи и Египта, доказалъ, что отъ 6—5000 лѣтъ до 4000 лѣтъ ранѣе Р. Хр. въ обѣихъ странахъ употреблялась на оружіе и орудія только чистая мѣдь. Это подтверждено многими археологическими находками, такъ что въ настоящее время представляется вполнѣ доказаннымъ, что за 5000 лѣтъ до Р. Хр. мѣдь, употреблявшаяся для выработки оружія и орудій, была извѣстна какъ въ Месопотаміи, такъ и въ Египтѣ; поэтому вполнѣ справедливо къ этому времени пріурочивать и начало бронзовой эпохи.

Конецъ эпохи обозначается появленіемъ оружія и орудій изъ желѣза. Это время совершенно не установлено. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что открытіе желѣза первоначально послѣдовало въ Африкѣ, именно въ Египтѣ, за 5000 или 4000 лѣтъ до Р. Хр. Лепсіусъ даже идетъ далѣе, утверждая, что египтяне знали желѣзо уже въ шестомъ тысячелѣтіи до Р. Хр. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти утвержденія строятся или на очень шаткихъ филологическихъ данныхъ, или на археологическихъ фактахъ сомнительной древности. Болѣе достовѣрнымъ представляется то, что какъ въ Египтѣ, такъ и въ Месопотаміи желѣзныя орудія начинаютъ входить въ употребленіе только во второмъ тысячелѣтіи до Р. Хр. При этомъ Египетъ получаетъ почти всю массу желѣза изъ Месопотаміи.

Повидимому, одновременно съ египтянами и месопотамцами или вскорѣ послѣ нихъ съ желѣзомъ познакомились индусы, нѣкоторые обитатели Кавказа, Европы и другихъ странъ. Не ранѣе этого времени желѣзо стало извѣстно и неграмъ Африки, заимствовавшимъ искусство обрабатывать желѣзо отъ египтянъ.

Такимъ образомъ второе тысячелѣтіе до Р. Хр. можно считать концомъ бронзовой эпохи, а это опредѣляетъ общую продолжительность всей эпохи, по меньшей мѣрѣ, въ 3000 лѣтъ.

Время бронзовой эпохи ознаменовалось образованіемъ первыхъ государствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя достигли замѣчательнаго могущества и получили значеніе міровыхъ монархій. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ письменность и многія науки, формулируются гражданскіе и церковные законы, возводятся монументальныя сооруженія въ видѣ великолѣпнѣйшихъ храмовъ, дворцовъ, удивительныхъ пирамидъ, кургановъ и другихъ разнообразныхъ надгробій. Земледѣліе, скотоводство, судоходство замѣтно крѣпнутъ и мѣстами достигаютъ цвѣтущаго состоянія. Но самымъ важнымъ открытіемъ этой эпохи слѣдуетъ считать открытіе бронзы, совершившееся приблизительно въ на-

чалѣ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр. Этимъ открытіемъ вся эпоха дѣлится на два отдѣла, или поры: 1) раннюю— пору мѣдныхъ орудій и 2) позднюю — пору бронзовыхъ орудій.

Пора мѣдныхъ орудій.

Пора мѣдныхъ орудій представляетъ время переходное отъ каменнаго періода къ металлическому, и поэтому въ классификаціи этого времени замѣчается особенная неустойчивость. Одни изслѣдователи относятъ его къ неолитической эпохѣ, мотивируя такое отношеніе тѣмъ, что металлическія издѣлія тогда будто бы не успѣли оказать никакого вліянія на общее состояніе культуры; другіе — выдѣляютъ въ особую самостоятельную эпоху, называя её энеолитическою; но при строгомъ критическомъ отношеніи взгляды ни тѣхъ ни другихъ не могутъ быть приняты. Къ неолитической эпохѣ изслѣдуемое время не можетъ быть отнесено потому, что металлическія издѣлія этой поры вошли въ слишкомъ широкое употребленіе: изъ мѣди выковывались не только разнаго рода украшенія и предметы второстепеннаго бытового значенія, но и оружіе и орудія всѣхъ главныхъ видовъ; таковы: топоры, ножи, копья и друг. Всё это должно было производить весьма глубокое вліяніе на состояніе общечеловѣческой культуры и вести человѣка къ высшей стадіи физическаго и духовнаго развитія. Слѣдовательно, рѣшительно нѣтъ никакого основанія присоединять эту стадію къ каменному періоду, къ періоду первобытнаго состоянія всего человѣчества. Не имѣется также достаточнаго основанія и къ выдѣленію этого времени въ самостоятельную культурную эпоху, и это какъ по тому, что время сравнительно коротко, такъ и еще болѣе по тому, что культура совершенно естественно, безъ всякаго надлома, связывается съ культурой слѣдующаго времени — поры бронзовыхъ орудій. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и представляется наиболѣе правильнымъ разсматривать изслѣдуемое время какъ часть, или

пору, бронзовой эпохи, наименовавъ её порою мѣдныхъ орудій.

Изслѣдуемая пора характеризуется смѣшаннымъ употребленіемъ каменныхъ и мѣдныхъ орудій, при чемъ въ началѣ преобладаютъ первыя, а въ концѣ поры, у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ, начинаютъ преобладать вторыя, хотя употребленіе первыхъ нигдѣ не прекращалось въ продолженіе всей поры. Даже можно замѣтить, что именно въ эту пору нѣкоторые виды каменныхъ орудій, какъ, напр., топоры со сверлинами, достигаютъ наиболѣе высокаго развитія, на что несомнѣнно оказали вліяніе формы и качества вновь появившихся мѣдныхъ орудій.

Гдѣ, въ какой географической области и какою народностью или даже расою впервые было изобрѣтено искусство ковать мѣдь, пока не можетъ быть точно установлено. Археологическія данныя намъ лишь указываютъ, что самыя древнія мѣдныя издѣлія найдены въ Месопотаміи, въ культурѣ двухъ небольшихъ родственныхъ народовъ монгольской расы: аккадовъ и сумеровъ. Отъ нихъ познакомились съ обработкой этого металла семиты, арійцы и другіе племена и народы.

Къ весьма характернымъ явленіямъ поры мѣдныхъ орудій относится также формированіе государствъ. Извѣстно, что въ концѣ неолитической эпохи культурное международное равновѣсіе нарушилось, и всѣ народы материковъ Стараго свѣта пришли въ движеніе политическаго характера, съ цѣлью овладѣнія лучшими землями и уничтоженія или порабощенія своихъ соперниковъ. Эти отношенія, естественно, должны были обостриться еще болѣе въ металлическомъ періодѣ, когда, вслѣдствіе обогащенія нѣкоторыхъ народовъ металлическими орудіями, международное равновѣсіе еще болѣе нарушалось, и стремленіе возстановить его давало толчокъ къ заключенію организованныхъ союзовъ и, наконецъ, къ возникновенію первыхъ государствъ.

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ им. Горького

Вполнѣ естественно также опредѣлились и площади этихъ государствъ. Ареной наиболѣе ожесточенной борьбы должны были стать площади соприкосновенія расъ и менѣе родственныхъ племенъ, а на такихъ площадяхъ—мѣста, изобилующія естественными богатствами.

Въ концѣ каменнаго періода главными жизненными артеріями служили рѣки и берега морей, при чемъ первыя пользовались несомнѣннымъ предпочтеніемъ предъ вторыми. То же самое наблюдается и въ началѣ металлическаго періода, когда особенно важная роль выпала на долю Тигра, Евфрата и Нила. Тучные берега Тигра и Евфрата служили областью борьбы и соревнованія представителей черной, желтой и бѣлой расъ. Такою же областью междурасовой борьбы служили не менѣе цвѣтущіе берега Нила.

Междурасовая борьба на берегахъ этихъ великихъ историческихъ рѣкъ сильно осложнялась ихъ физическими свойствами. „Всѣ онѣ, по словамъ Л. И. Мечникова, обращаютъ орошаемыя ими страны то въ плодородныя житницы, питающія милліоны людей за трудъ нѣсколькихъ дней, то въ чумныя болота, усѣянныя трупами безчисленныхъ жертвъ. Специфическая географическая среда этихъ рѣкъ могла быть эксплуатирована лишь коллективнымъ, сурово дисциплинированнымъ трудомъ безчисленнаго народонаселенія... Малѣйшее нерадѣніе при прорытіи какого-нибудь рва, въ поддержаніи какого-либо сооруженія, простая лѣность, эгоизмъ одного человѣка, или небольшой группы ихъ, при общей работѣ надъ коллективнымъ богатствомъ—драгоцѣнной влагой, и общественное бѣдствіе, непоправимое несчастье готово. Подъ страхомъ неминуемой смерти, рѣка-кормилица внушаетъ населенію солидарность и стремленіе объединить свои силы, хотя-бы на самомъ дѣлѣ отдѣльныя группы населенія не знали и даже ненавидѣли другъ друга. Она принуждаетъ каждаго члена общества къ исполненію части общественной работы, полезность которой познается впо-

слѣдствіи, а вначалѣ бываетъ непонятна громадному большинству. Зачастую даже это большинство не въ состояніи дать себѣ отчетъ о планѣ исполненія общей работы... Типичная культурная рѣка Нилъ ежегодно создавала своими благодѣтельными наводненіями не только новую плодотворную почву для Египта, но вмѣстѣ съ тѣмъ создавала и замѣчательно искусно организованное общество. Съ перваго взгляда въ прозаичномъ матеріалистѣ-египтянинѣ нельзя было замѣтить ни малѣйшихъ чертъ солидарности. Каждый, казалось, былъ поглощенъ эгоистическими заботами о самосохраненіи, и, однако, едва только наступалъ моментъ общественныхъ работъ, всѣ хватались за нихъ со страстнымъ рвеніемъ истинно-вѣрующихъ людей, которое такъ легко отличить отъ привычнаго возбужденія при исполненіи повседневной работы“ [1]).

Таковы были главные агенты возникновенія древнихъ государствъ. Свѣтлая заря перваго изъ нихъ ярко засвѣтилась на берегахъ Тигра и Евфрата и обозначила совершенно новую грань человѣческаго развитія, грань металлическаго и вмѣстѣ историческаго періода его жизни. Отсюда мы и начнемъ нашъ обзоръ бытовыхъ археологическихъ древностей, постоянно слѣдя за общимъ развитіемъ всего человѣчества.

Сумеры и аккады *).

Страна, гдѣ оказались древнѣйшіе памятники поры мѣдныхъ орудій, оставленные сумерами и аккадами, за-

---

[1]) Л. И. Мечниковъ. „Цивилизація и великія историческія рѣки“, Спб., 1898 г., стр. 117 и 118, со ссылкою на „Histoire ancienne“ Fr. Lenormant'a.

*) *Литература:*

1) Д-ръ О. Шрадеръ. „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія“, Спб., 1886 г.
2) F. Hommel. „Die Vorsemitischen Culturen“, Leipzig, 1883.
3) Его же. „Die Semitischen Völker“.
4) Fr. Lenormant. „Les noms de l'airain et du cuivre“.

служиваетъ сама по себѣ особеннаго вниманія, такъ какъ ея физико-географическими свойствами предрѣшается почти весь ходъ культурнаго развитія искони населявшихъ её народовъ.

Жизненными артеріями страны являлись Тигръ и Евфратъ. Ихъ плодородныя долины представляютъ широкую арену, окруженную полуциркомъ горъ. „При видѣ этой громадной арены, окруженной зубчатыми стѣнами горъ, прорѣзанныхъ широкими проходами, черезъ которые переселенцы могли вторгаться цѣлыми толпами, становится понятнымъ, говоритъ Элизе Реклю, что здѣсь должны были разыграться великія событія. На аренѣ Тигра и Евфрата оканчивается великій путь народовъ, шедшихъ тою или другою дорогою изъ Персіи,—путь, который тянется вдоль основанія азіатской преграды, развѣтвляясь на Иранскомъ плато на двѣ части: одна идетъ къ Азербейджану, другая—къ Гамадану и подошвѣ Эльвенда. Первый путь позволяетъ спуститься, черезъ страну курдовъ, въ долину при сліяніи Большого Заба и Тигра, второй же, болѣе извѣстный въ исторіи, проходитъ черезъ Бизутунъ и перевалъ Загрошъ и достигаетъ самаго сердца Месопотаміи, ея наиболѣе плодородной и густо населенной части. Далѣе къ югу открываются другіе проходы, которыми можно спуститься изъ собственно Персіи къ Керхѣ, Каруну и устью Тигра и Евфрата“.

---

5) Его же. „Manuel d'histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres Médiques“.

6) Его же. „La magie chez les Chaldéens et les origines Accadiennes“.

7) Его же. „Les premières civilisations“, Paris, 1874.

8) Его же. „La langue primitive de la Chaldée et les idiomes touraniens“, Paris, 1875.

9) Его же. „Les origines de l'histoire d'après la Bible et d'après les traditions des peuples orientaux“, Paris, 1880.

10) Vambéry. „Primitive Cultur“.

11) Lepsius. „Die Metalle in den ägyptischen Inschriften“, въ Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften, philosoph.-histor. Classe, 1871.

„На сѣверо-западѣ той же самой арены два великихъ народныхъ пути сообщаютъ Месопотамію съ Малой Азіей, а черезъ неё и со всѣмъ европейскимъ міромъ. Пройдя черезъ сѣдловину пограничныхъ горъ, одинъ путь оканчивается въ большой долинѣ, нѣкогда бывшей дномъ озера, гдѣ Токма-Су сливается съ Евфратомъ; это—главный этапный пунктъ между Багдадомъ и Константинополемъ; другой же путь, пересѣкая Евфратъ у самаго западнаго изгиба, направляется къ той бреши Тавра, которая извѣстна подъ названіемъ „Киликійскихъ воротъ“.

„Наконецъ, высоты средиземно-морскаго побережья, въ Палестинѣ и Сиріи, не представляющія, впрочемъ, нигдѣ непроходимой преграды, мѣстами прорѣзаны ущельями, связывающими морское побережье съ бассейномъ Тигра и Евфрата. Такимъ образомъ большой амфитеатръ между Ливаномъ, Тавромъ и Загрошемъ легко былъ доступенъ для всѣхъ народовъ; и, дѣйствительно, замѣчаетъ знаменитый географъ, сюда являлись представители всѣхъ климатовъ, всѣхъ расъ, всѣхъ языковъ и цивилизацій. Одно только море, длинный рукавъ Персидскаго залива, куда впадаютъ Тигръ и Евфратъ, омываетъ берега амфитеатра Месопотаміи, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него близко лежатъ другія моря, также приносящія ей дань товарами, людьми и идеями“ [1]).

---

12) Проф. О. Іегеръ. „Всеобщая исторія“, Спб., 1906 г.

13) Проф. Андерсонъ. „Исторія погибшихъ цивилизацій Востока“, Спб., 1904 г.

14) Кн. В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“.

15) Metchnikoff. „La civilisation et les grands fleuves historiques“. Имѣется русскій переводъ этой книги подъ заглавіемъ: „Цивилизація и великія историческія рѣки“, Спб., 1898 г.

16) Loftus. „Chaldea and Susiana“.

17) Корелинъ. „Ассирійскій народъ и его боги-покровители“, изд. 1894 и 1896 гг.

18) Его же. „Паденіе античнаго міросозерцанія“, 1895 г.

19) Oppert. „Expédition en Mésopotamie“.

[1]) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“, кн. II, стр. 271 и 272.

Въ силу только одного такого географическаго положенія въ узлѣ многихъ скрещивающихся путей международныхъ сношеній и передвиженій, страна Тигра и Евфрата должна была сыграть выдающуюся роль въ развитіи культуры всего человѣчества. Но эта роль еще болѣе усиливалась необыкновенно благопріятными физическими свойствами страны и оплодотворяющихъ её Тигра и Евфрата. Обѣ названныя рѣки, получая начало въ Армянскихъ горахъ, изобилующихъ атмосферными осадками, отличаются многоводіемъ. Чтобы судить о послѣднемъ, достаточно сказать, что количество воды, вливаемой Тигромъ и Евфратомъ въ общее ихъ русло, называемое Шатъ-эль-Арабомъ, въ два раза превышаетъ то количество воды, которое вливается Ниломъ въ Средиземное море.

Характеръ областей, орошаемыхъ этими рѣками, неодинаковъ. Наиболѣе сѣверная изъ нихъ, т.-е. Арменія, пересѣчена горами, представляющими довольно суровый видъ, хотя долины и террасы этой области изобилуютъ густыми лѣсами и великолѣпными пастбищами. Мѣстами почва становится настолько плодородною, что въ теченіе одного года даетъ по два богатыхъ урожая. Лѣса изобилуютъ дичью. Но главное богатство этой области составляютъ прекрасные луга, прокармливающіе милліоны животныхъ.

---

20) Его же. „Les inscriptions en langue susienne“.
21) Его же. „Mémoires du Congrès des orientalistes de Paris“.
22) Его же. „Études summériennes“, Paris, 1876.
23) Maspero. „Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique“. Имѣется русскій переводъ этой книги подъ заглавіемъ: „Древняя исторія народовъ Востока“, Москва, 1903 г.
24) Его же. „Lectures historiques“.
25) Мозолевскій. „Раскопки въ Месопотаміи“, 1901 г.
26) F. Delitsch. „Ein Gang durch alte Babel“, въ журналѣ „Daheim“ 1884, №№ 44 und 50.
27) Его же. „Babel und Bibel“. Имѣется русскій переводъ этой книги подъ заглавіемъ: „Библія и Вавилонъ“, Спб., 1907 г.

Вторая, средняя, область составляетъ собственно Месопотамію, или область междурѣчья. Эта область, простираясь отъ Арменіи до развалинъ Вавилона, представляетъ нѣсколько географическихъ поясовъ, отличныхъ другъ отъ друга и слѣдующихъ другъ за другомъ съ сѣвера на югъ. „Оставивши за собою Карача-Дагъ, послѣдній изъ антикавказскихъ выступовъ, говоритъ Л. И. Мечниковъ, путешественникъ вступаетъ въ слегка волнообразную равнину съ однообразнымъ рельефомъ, монотонность которой нарушаютъ только нѣсколько холмовъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ. Однако видъ этой равнины не утомляетъ взора, такъ какъ, если зима отличалась мягкостью, что бываетъ въ большинствѣ случаевъ, и если весенніе и осенніе дожди оросили мѣстность, по обычаю, обильно, то плодородіе и сила почвы проявляются здѣсь въ богатой и удивительно разнообразной растительности... Мы находимся здѣсь въ центрѣ страны, гдѣ хлѣбные злаки, это по преимуществу культурное растеніе, произрастаютъ въ дикомъ состояніи. Всѣ фруктовыя деревья Южной и Центральной Европы, т.-е. персиковыя, абрикосовыя, гранатовыя, фиговыя, апельсинныя, шелковичныя, миндальныя, вишневыя, грушевыя деревья, образуютъ здѣсь настоящіе лѣса; виноградъ покрываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквально всю почву. Поля, находящіяся подъ паромъ, покрываются

---

28) Его же. „Wo lag das Paradies?“.

29) Н. Астафьевъ. „Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ“, Спб., 1882 г.

30) З. А. Рагозина. „Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи“, Спб., 1902 г.

31) А. Адамантовъ. „Краткая исторія развитія математическихъ наукъ“, Кіевъ, 1904 г.

32) Б. А. Тураевъ. „Описаніе древне-восточныхъ предметовъ въ Музеѣ Имп. Общества любителей древней письменности“, Спб., 1901 г.

33) Его же. „О двухъ клинописныхъ табличкахъ Музея Церковно-Археологическаго Общества“, 1900 г.

34) Его же. „Къ исторіи Хеттскаго вопроса“, 1900 г.

цвѣтами и травами въ такомъ изобиліи, что охотничьи собаки, которыхъ туда посылаютъ за дичью, возвращаются сплошь покрытыми отростками растеній и цвѣтовъ. Очень знойное, очень сухое и очень длинное лѣто съ трудомъ побѣждаетъ эту могучую растительность, сжигаетъ её и освобождаетъ отъ нея землю, которая является тогда сѣрой, истощенной, покрытой морской солью и испещренной словно какой-то болѣзнью. Вся эта страна, являющаяся отечествомъ для многихъ животныхъ, съ незапамятныхъ временъ ставшихъ нашими домашними друзьями, лучше всякой другой соотвѣтствуетъ идеѣ рая, или зеленѣющаго Эдема“ [1]).

Третью картину представляетъ южная область, въ древности называемая Халдеей, или Сенааромъ. „По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся въ этомъ южномъ направленіи, продолжаетъ Л. И. Мечниковъ, и вступаемъ въ Вавилонскую страну, гдѣ Тигръ и Евфратъ не только сближаются другъ съ другомъ, но и соединяютъ и свои воды громаднымъ количествомъ рукавовъ, каналовъ, канавъ и гдѣ нѣкогда они отдѣльно другъ отъ друга впадали въ Персидскій заливъ, мѣстность значительно мѣняется по природѣ и по наружному виду. Тамъ уже нѣтъ больше ни весеннихъ, ни осеннихъ дождей; какъ и въ Египетской долинѣ, плодородіе почвы проявляется лишь въ мѣстахъ,

---

35) И. Володихинъ. „Архитектурный стиль“.
36) Лебазейль. „Древнѣйшіе и новѣйшіе колоссы“, 1895 г.
37) М. Аховъ. „Очерки изъ исторіи Армянскаго государства“, Спб., 1897 г.
38) Проф. Г. Шиллеръ. „Всемірная исторія“, 1906—7 гг.
39) G. Rawlinson. „The five great monarchies of the ancient eastern world“, London, 1862.
40) G. Smith. „Assyria from the earliest times to the fall of Nineveh“, London, 1877.
41) Проф. Р. Виппперъ. „Съ востока свѣтъ“.
42) Проф. К. Бецольдъ. „Ассирія и Вавилонія“, Спб., 1904 г.

[1]) Л. И. Мечниковъ. „Цивилизація и великія историческія рѣки“, Спб., 1898 г., стр. 152.

оживотворяемыхъ рѣчными наводненіями. По словамъ Rawlinson'a, уже въ окрестностяхъ Гитъ на рѣкѣ Евфратѣ и немного къ югу отъ Самара, лежащаго на Тигрѣ, путешественникъ покидаетъ слегка волнообразную равнину Месопотаміи, лежащую на значительной высотѣ надъ поверхностью воды въ океанѣ; слѣдуя по одной изъ великихъ рѣкъ, онъ вступаетъ въ низменную вполнѣ ровную и очень мало наклонную мѣстность, образованную наносами и продолжающуюся безъ перерыва вплоть до Персидскаго залива"... „Почва этой страны покрыта только солончаками и горькой полынью всюду, куда не проникаетъ оплодотворяющее наводненіе, регулируемое коллективной работой множества людей, которые пожертвовали своей личной независимостью общественной солидарности" [1]).

„Вся нижняя часть долины, говоритъ Масперо, сравнительно недавней формаціи, образовалась путемъ наносовъ Тигра и Евфрата, а также рѣкъ Адхема, Гиндеса и Хоаспеса, которыя оставались долгое время самостоятельными и вливались прямо въ море, но потомъ превратились въ простые притоки Тигра. Еще и теперь дельта Шатъ-эль-Араба быстро растетъ, при чемъ берегъ ея увеличивается въ продолженіе 70-ти лѣтъ почти на одну англійскую милю; въ древнія времена приростъ этотъ былъ, должно быть, гораздо чувствительнѣе, берегъ дельты увеличивался приблизительно на милю въ 30 лѣтъ... Получалась обширная низменная равнина, монотонное однообразіе поверхности которой не нарушалось ни однимъ

---

43) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика", Спб., 1906 г.
44) Его же. „Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы", Спб., 1907 г.
45) J. Halevy. „Recherches critiques sur l'origine de la civilisation Babylonienne", Paris, 1876.
46) Его же. „Le sumérisme et l' histoire Babylonienne", Paris, 1901.
47) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля", кн. II.
48) Perrot et Shipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité", t. II.
49) Г. Веберъ. „Всеобщая исторія".

[1]) Ibid., стр. 153.

холмикомъ. Евфратъ, плохо сдерживаемый своими берегами, давалъ вѣтви направо и налѣво, изъ которыхъ однѣ соединялись Тигромъ, другія терялись въ болотахъ. Та часть почвы, которая была всегда лишена воды, отвердѣла подъ палящими лучами солнца; другая почти совершенно исчезла подъ песчаными холмами, наносимыми вѣтромъ изъ пустыни; вся же остальная почва представляла изъ себя зараженную лагуну, покрытую громаднымъ тростникомъ, вышиною отъ 12 до 15 футовъ. Но даже и въ такомъ положеніи страна давала поселенцамъ много средствъ къ существованію. По словамъ Геродота (кн. I, CXCIII), въ ней мало полезныхъ древесныхъ породъ, „такъ какъ нѣтъ ни винограда, ни фиговыхъ, ни оливковыхъ деревьевъ“, но зато пшеница (Bérose. „Fragm.“, I, издан. Ленормана, стр. 6) и финикъ составляютъ ея естественныя произведенія. „Почва тамъ такъ благопріятна для хлѣбныхъ растеній, что урожай бываетъ обыкновенно самъ 200, а въ нѣкоторыхъ исключительно плодородныхъ мѣстностяхъ и самъ 300. Листья ржи и ячменя достигаютъ тамъ ширины въ 4 пальца. Что же касается проса и кунжута, которые являются здѣсь настоящими деревьями, я и не стану говорить о ихъ вышинѣ, хотя ихъ самъ видѣлъ, ибо я знаю заранѣе, что тѣ, кто не былъ въ землѣ Вавилонской, отнесутся съ недовѣріемъ ко всему, сказанному объ этой странѣ“ (Геродотъ, I, CXCIII; сравн. Θеофрастъ, „Hist. Plant.“, VIII, 7, и Плиній, „H. N.“, XVIII, 17, 45). „Пальма удовлетворяетъ всѣмъ прочимъ потребностямъ народонаселенія. Изъ нея приготовляютъ родъ хлѣба, вино, уксусъ, медъ, пироги и разныя ткани; кузнецы употребляютъ ея орѣхи вмѣсто углей; эти же самые орѣхи, только истолченные и размоченные, служатъ для откармливанія быковъ и барановъ. Говорятъ, что существуетъ персидская пѣсня, перечисляющая до 360 различныхъ употребленій пальмы“ (Страбонъ, XVI, XIV; сравн. Θеофрастъ, „Hist. Plant.“, II, 2, и Плиній, „H. N.“, XIII, 4). „Рѣки и болота изобилуютъ рыбой, преимуще-

ственно чебаками (лещами) и карпами“ (Лейярдъ, „Nineveh and Babylon“, стр. 567)“ [1]), а также несмѣтнымъ числомъ птицъ и дикихъ животныхъ; кабанъ, зубръ, разные виды антилопъ, слоны, львы, пантеры, шакалы и лисицы изобиловали въ древнихъ болотахъ и прилегающихъ пустынныхъ мѣстахъ.

Таковы физико-географическія свойства разсматриваемой страны. Очевидно, она должна была привлекать населеніе съ глубочайшей древности, и если мы, въ настоящее время, имѣемъ мало свѣдѣній о ея насельникахъ каменнаго періода, то это, конечно, лишь благодаря если не полному отсутствію, то крайней недостаточности археологическихъ изслѣдованій, направленныхъ для отысканія этихъ памятниковъ.

„Но эта цвѣтущая страна была бы безплодна и пустынна, такъ какъ отъ мая до ноября не выпадаетъ ни капли дождя, если бы обѣ рѣки ежегодно, съ неизмѣнной регулярностью, не сохраняли на извѣстное время свой высокій уровень воды отъ начала таянія снѣговъ на армянскомъ плоскогорьѣ, съ котораго сбѣгаютъ. Но, вслѣдствіе различнаго уровня ихъ источниковъ, половодье Евфрата продолжается отъ средины марта до начала іюня, а половодье Тигра отъ начала марта до средины мая. Съ средины іюля воды начинаютъ спадать, послѣ того какъ залили всю страну далеко вокругъ и такимъ образомъ подготовили обильный урожай. Правда, что эти наводненія не проходятъ такъ равномѣрно и спокойно, какъ наводненія Нила; иногда это бываетъ настоящій потопъ. Въ особенности опустошителенъ бываетъ Тигръ съ своими бѣшено и бурно мчащимися волнами“ [2]).

Судя по имѣющимся даннымъ, древнѣйшими обитателями этой счастливой страны были кушиты, представи-

---

[1]) Масперо. „Древняя исторія народовъ Востока“, Москва, 1903 г., стр. 128—130.

[2]) Проф. Г. Шиллеръ. „Всемірная исторія“, 1906—7 гг., т. I, стр. 90.

тели черной расы [1]), позже явились народы желтой и бѣлой расъ. Въ общемъ всё это представляло смѣсь чрезвычайно разнообразныхъ этническихъ группъ, говорившихъ на множествѣ различныхъ языковъ. Въ началѣ металлическаго періода всѣ эти народы планировались такъ, что въ сѣверной области преобладали арійцы, въ средней—семиты и въ южной—цвѣтныя племена сумеро-аккадовъ и отчасти кушитовъ [2]). Въ каменный періодъ это было, несомнѣнно, иначе, такъ какъ въ то время вся южная область находилась подъ водою Персидскаго залива, и народы, населявшіе её, должны были обитать гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстностяхъ. Какъ бы то ни было, но, зная физическія свойства страны, легко возстановить общій ходъ культурнаго развитія населявшихъ её народовъ.

Первые, древнѣйшіе обитатели, занявъ всѣ свободныя области Месопотаміи, не могли имѣть рѣшительно никакой причины къ культурному развитію, такъ какъ баснословно богатая природа вознаграждала ихъ обычные труды гораздо лучше, чѣмъ природа всякихъ другихъ странъ, откуда они могли прибыть. При такихъ условіяхъ даже энергичные народы впадаютъ въ райскую нѣгу и сопровождающее её невѣжество. Такъ ботакуды, владѣя тучнѣйшими землями въ долинѣ Амазонки, остались на самомъ низкомъ уровнѣ человѣческаго развитія. То же самое случилось и со множествомъ другихъ народовъ, безконкурентно населявшихъ страны съ богатѣйшими

---

[1]) Маріэттъ относитъ кушитовъ къ особой разновидности кавказскаго племени, населявшей искони Юго-западную Азію, съ чѣмъ однако большинство современныхъ изслѣдователей не согласны.

Авт.

[2]) Ленорманъ (Lenormant) и нѣкоторые англійскіе ученые считаютъ сумеровъ кушитами, народомъ черной расы, аккадовъ же относятъ къ желтой расѣ туранцевъ. Однако, въ настоящее время, большинство ученыхъ въ обѣихъ этихъ народностяхъ видятъ туранцевъ, не смѣшивая ихъ съ кушитами.

Авт.

почвами. Эти народы никогда не были въ состояніи культурно продвинуться хоть сколько-нибудь впередъ, но всегда оставались или на томъ самомъ уровнѣ развитія, на какомъ они находились въ моментъ занятія новой страны, или опускались ниже, и, въ случаяхъ прибытія другихъ болѣе образованныхъ народовъ, скорѣе вымирали или удалялись въ болѣе худшія страны, нежели переходили къ другой болѣе культурной жизни. Такъ сильно разслабляетъ первобытныхъ людей тучная, богатая дарами природа.

Появленіе въ Месопотаміи болѣе энергичныхъ вторичныхъ поселенцевъ, повидимому, случилось въ концѣ неолитической эпохи, когда у передовыхъ народовъ пробудился азартъ къ захвату чужихъ лучшихъ земель. Эти вторичные обитатели благословенной страны также испытали всю растлѣвающую силу тучной природы, но уже не могли заглохнуть и одичать, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго притока народовъ въ страну, ставшую въ перекресткѣ наиболѣе оживленныхъ путей сообщенія между образованнѣйшими народами первобытнаго міра. При этихъ условіяхъ культурный застой оказывался немыслимымъ. Однако эти внѣшнія причины культурнаго развитія никогда не могли заставить народы итти къ саморазвитію или стать выше своихъ сосѣдей, обитавшихъ въ зонахъ болѣе суровой природы. Правда, предвносимая извнѣ культура должна была становиться всё выше и выше, такъ какъ въ конкуренціи за обладаніе богатою страною (земнымъ раемъ) должны были принять участіе всё болѣе и болѣе энергичные и лучшіе народы, въ уровень съ которыми по необходимости приходилось становиться и ранѣе пришедшимъ, а слѣдовательно менѣе культурнымъ народамъ.

Благопріятныя условія для возникновенія мѣстной самодѣятельной культуры создались только съ выходомъ изъ власти моря болотистой Халдеи. По многимъ признакамъ этотъ выходъ совершился уже въ то время, когда

сѣверная и въ особенности средняя области Месопотаміи служили яблокомъ раздоровъ для многихъ прогрессивныхъ народовъ, а это, по многимъ признакамъ, совпадаетъ съ концомъ неолитической эпохи, съ порою сверленыхъ орудій.

Первоначально вновь открывшаяся мѣстность представляла изъ себя мало привлекательнаго. Ея болотистыя, сырыя равнины покрывались сплошными камышами или почти неприступною густою растительностью и служили неизсякаемыми источниками убійственной маляріи и другихъ заразныхъ болѣзней. Такою мѣстностью могли воспользоваться лишь по крайней необходимости болѣе слабые народы, не могшіе завладѣть землями въ сосѣднихъ лучшихъ областяхъ или удержать эти земли за собою. Единственнымъ удобствомъ на первое время въ этой мѣстности могло служить то, что здѣсь можно было жить покойнѣе, безъ страха постоянныхъ непріятельскихъ вторженій, а слѣдовательно успѣть поставить и закрѣпить культуру, что, дѣйствительно, и совершилось. Сама же природа ставила дилемму: или всѣмъ обитателямъ соединиться въ одно цѣлое и тогда широко пользоваться неистощимыми силами плодородной почвы, подавляя зловредные элементы, или умереть.

Одними изъ первыхъ, а можетъ быть и первыми, обитателями Халдеи явились сумеры и аккады. Кто они, съ чѣмъ, съ какою культурою явились и какъ рѣшили дилемму природы—вотъ вопросы, которыми занята не только археологія, но также исторія и многія другія науки.

Еще недавно о древнихъ народахъ Месопотаміи почти ничего не было извѣстно. Большинство изъ нихъ казались миѳическими и относились къ доисторическимъ. Своимъ блестящимъ и какъ бы внезапнымъ появленіемъ на исторической сценѣ они всецѣло обязаны археологіи и представляютъ настоящій тріумфъ нашей науки.

До начала археологическихъ работъ въ Месопотаміи документальными памятниками жизни древнѣйшихъ на-

родовъ, населявшихъ долины Тигра и Евфрата, являлись лишь отдѣльныя мѣста въ книгахъ Ветхаго Завѣта и отчасти греческихъ писателей.

Въ 1765 году датскій историкъ Нибуръ первымъ изъ европейскихъ ученыхъ посѣтилъ развалины Персеполя съ цѣлью изученія загадочныхъ въ то время клинообразныхъ надписей.

Въ 1802 году нѣмецкій ученый Гротенфендъ находитъ потерянный ключъ къ чтенію этихъ надписей. Далѣе труды цѣлаго ряда геніальныхъ изслѣдователей, какъ-то: Раулинсона, Опперта, де-Сасси, Гинкса, Делича и другихъ, не только вполнѣ устанавливаютъ чтеніе клинообразныхъ письменъ, но и создаютъ совершенно новую отрасль семитической филологіи, такъ называемую ассирологію, а также успѣваютъ опубликовать множество любопытныхъ текстовъ.

Въ 1820 году молодой ученый Клавдій Джемсъ Ричъ полагаетъ первое начало археологическихъ раскопокъ въ Месопотаміи, будучи увѣренъ, что ему удалось открыть остатки Ниневіи.

Въ 1842 году Эмиль Ботта производитъ раскопки Хорсабадскаго холма и находитъ стѣны древнихъ ассирійскихъ дворцовъ, покрытыхъ барельефами и надписями, принадлежавшихъ Саргону II.

Нѣсколько позже А. Г. Лейярдъ, раскапывая холмъ близъ селенія Нимрудъ, открываетъ остатки библейскаго города Калаха, въ которомъ находитъ колоссальныя изваянія крылатыхъ быковъ и львовъ съ человѣческими головами, разнообразные сосуды, оружіе, латы и много другихъ болѣе мелкихъ вещей.

Въ 1849 году Г. Раулинсонъ открываетъ въ огромномъ холмѣ „el Mugajjar“, на правомъ берегу нижняго теченія Евфрата, слѣды давно отыскиваемаго халдейскаго города Ура, служившаго родиной Авраама и прародиной Израиля.

Въ 1852 и 1853 годахъ Френель и Оппертъ приступаютъ къ изслѣдованію развалинъ Вавилона.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія экспедиція Рассами открываетъ остатки знаменитаго храма солнца въ Сиппарѣ.

Наконецъ, въ 1877 году французскій консулъ въ Басрѣ де-Сарзекъ (de Sarzec) открываетъ на нижнемъ теченіи р. Тигра слѣды сумерійскихъ жилищъ, подтвердившіе существованіе предполагавшейся, но еще неизвѣстной досемитической высокой культуры. Это открытіе составило эпоху въ археологіи и исторіи.

Въ 1881 году де-Сарзекъ произвелъ раскопки холма Телло (Tel-loh), послужившія къ открытію остатковъ сумеро-аккадскаго государства Лагаша, или Ширпурлы, ранѣе извѣстнаго только по надписямъ на нѣсколькихъ вавилонскихъ печатяхъ-цилиндрахъ [1]).

Съ этого времени въ изслѣдованіяхъ древностей Месопотаміи принимаютъ участіе сѣверо-американцы и нѣмцы. Первые открыли остатки нѣкогда могущественнаго города Ниппера, основаніе котораго они, повидимому, нѣсколько увлекаясь, относятъ къ 6-му или даже 7-му тысячелѣтію до Р. Хр.; вторые, поручивъ работу „Германскому восточному обществу“, успѣли много сдѣлать для развитія знанія древнѣйшихъ месопотамскихъ культуръ.

Благодаря плодотворнымъ, иногда геніальнымъ трудамъ поименованныхъ и многихъ другихъ лицъ и учрежденій, въ настоящее время предъ нами широко раскрылась жизнь древнѣйшихъ народовъ, обнаружились, доселѣ скрытыя, оригинальныя и совершенно самобытныя явленія политическихъ и общественныхъ отношеній, религіозныхъ умовоззрѣній и художественныхъ проявленій, словомъ ярко освѣтились такія темныя области, которыя, казалось, скрылись отъ просвѣщенныхъ глазъ навсегда. Трудами этихъ выдающихся лицъ уже въ достаточной степени разъяснены вопросы о сумеро-аккадахъ, древнѣйшихъ историческихъ

---

[1]) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906 г., стр. 17.

народахъ, и установлены ихъ роль и значеніе въ развитіи общечеловѣческой культуры.

Вопросъ о сумеро-аккадахъ впервые возникъ въ половинѣ XIX вѣка, когда были прочитаны клинописные памятники, называвшіе титулъ „царя Сумера и Аккада“. Это дало поводъ искать разъясненія смысла названій титула и мало-по-малу подходить къ истинѣ. Особенно много недоразумѣній и споровъ возникло съ именемъ сумеровъ. Одни ученые отождествляли ихъ съ кушитами или вообще съ народами черной расы и относили къ первобытному населенію Месопотаміи; другіе еще съ бо́льшимъ успѣхомъ доказывали одноплеменность сумеровъ съ аккадами и принадлежность ихъ къ желтой расѣ. Вопросъ былъ рѣшенъ филологіей, доказавшей, что сумеры и аккады говорили языкомъ одного туранскаго корня, не имѣющимъ ничего общаго ни съ арійскими, ни съ семитическими языками, но вполнѣ схожимъ съ нарѣчіями урало-алтайскихъ племенъ желтой расы. Это—языкъ агглютинирующій [1]), безъ флекцій [2]) и гортанныхъ звуковъ. Его болѣе сѣверное происхожденіе доказывалось еще тѣмъ, что, какъ разъяснилъ Оппертъ, элементарныя формы 180 письменныхъ знаковъ напоминаютъ существа или предметы, свойственные болѣе холодному сѣверному климату, въ которомъ не живутъ ни львы, ни леопарды, ни одногорбые верблюды, но есть медвѣди, волки, двугорбые верблюды, а характерными растеніями являются не пальмы и виноградъ, а хвойныя.

Въ настоящее время всѣ изслѣдователи согласны съ тѣмъ, что какъ сумеры, такъ и аккады явились въ Месопотамію съ Востока, изъ центральныхъ частей Азіи. Ихъ принадлежность къ финнамъ и татарамъ доказывается

---

[1]) Агглютинаціей называется процессъ, посредствомъ котораго отдѣльные морфологическіе элементы языка, въ видѣ префиксовъ, корней и суффиксовъ, соединяются вмѣстѣ и создаютъ слово.

[2]) Флекція есть измѣненіе окончанія слова посредствомъ склоненія или спряженія.

11605

РЯЗАНСКАЯ ОБЛ. им. Горького

типами физіономій, изображенныхъ на многихъ сумеро-аккадскихъ скульптурахъ. Эти физіономіи плоски, округлы, съ выдающимися скулами и черными волосами.

Нѣкоторые ученые старались извлечь указанія о происхожденіи этихъ народовъ изъ ихъ именъ. Сумеры, читаемое очень разнообразно: то какъ „сумиры“, то какъ „шумеры“, „шумиры“ и, наконецъ, по-библейски, „шинаръ“, обозначаютъ „людей равнины“, „людей юга“; аккады же— „людей горъ“, „людей сѣвера“. Это дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ заключить, что аккады явились съ восточныхъ горъ Азіи (Элама) позже сумеровъ, успѣвшихъ уже получить названіе „людей равнины“; другіе, наоборотъ, полагаютъ, что оба народа получили свои имена уже въ Месопотаміи, при чемъ одни, какъ занявшіе болѣе южную и болѣе равнинную область, стали называться сумерами, а другіе, какъ занявшіе область болѣе холмистую и сѣверную,—аккадами. Но какъ бы то ни было, самостоятельныя имена указываютъ на то, что сами народы, носившіе ихъ, не смѣшивали себя другъ съ другомъ и желали держаться самостоятельно, что, повидимому, въ концѣ существованія ихъ, и послужило поводомъ къ образованію двухъ самостоятельныхъ государствъ: Аккада съ главнымъ городомъ Сиппаръ (библейскій Сефарвоимъ) и Сумера съ главнымъ городомъ сначала Уромъ, а позже Вавилономъ.

Весьма важный вопросъ, съ какою культурою сумеро-аккады явились изъ своей первородины въ Месопотамію, остается пока нерѣшеннымъ. Допуская же, что переселеніе сумеро-аккадовъ совершилось въ концѣ каменнаго періода, когда стали обычными передвиженія болѣе сильныхъ народовъ, какъ съ цѣлью захвата у слабыхъ народовъ лучшихъ земель и угодій, такъ и съ цѣлью разнаго рода международныхъ сношеній, и когда Месопотамія сдѣлалась не только завиднымъ предметомъ овладѣнія, но и узловою станціею на путяхъ сношеній самыхъ энергичныхъ и, по своему времени, просвѣщенныхъ народовъ,

придется по необходимости заключить, что, во-первыхъ, сумеро-аккады явились въ Месопотаміи не первыми колонистами, и что, во-вторыхъ, они не стояли культурно выше предшествовавшихъ колонистовъ страны (вѣроятнѣе всего семитовъ), такъ какъ въ обоихъ случаяхъ не заняли бы болотистую нездоровую область, а взяли бы земли въ средней Месопотаміи съ ихъ баснословными природными богатствами. Если же это было такъ, то культурное состояніе вновь прибывшихъ колонистовъ не должно было быть выше уровня прогрессивныхъ народовъ того времени. Уровень же этотъ для данныхъ времени и мѣстности характеризовался употребленіемъ сверленыхъ, пиленыхъ, полированныхъ и оббитыхъ посредствомъ нажимовъ орудій, сдѣланныхъ иногда изъ самыхъ твердыхъ кристаллическихъ породъ камня, начатками скотоводства, земледѣлія, судоходства, торговли, капитальныхъ сооруженій, въ видѣ свайныхъ и плотинныхъ построекъ на водѣ, и фундаментальныхъ сооруженій, въ видѣ бытовыхъ и ритуальныхъ земляныхъ и каменныхъ построекъ на сушѣ, наконецъ, начатками общественности и городского быта.

Такой уровень культурнаго развитія необходимо приписать сумеро-аккадамъ въ моментъ появленія ихъ въ Месопотаміи, если только этотъ моментъ вѣрно совпадаетъ съ концомъ каменнаго періода. Однако имѣются основанія полагать, что оба эти народа явились въ новой области уже знакомыми съ металлами.

На сумеро-аккадскомъ языкѣ мѣдь называется „urud“; изъ всѣхъ названій металловъ это одно названіе пишется посредствомъ простыхъ, а не сложныхъ идеограммъ, изъ чего, по мнѣнію Гоммеля, слѣдуетъ заключить, что мѣдь стала извѣстна сумеро-аккадамъ раньше другихъ металловъ [1]). По Шрадеру, вавилоняне [2]), а по Ленорману и

[1]) F. Hommel. „Die Vorsemitischen Culturen“, Leipzig, 1883, стр. 400 и слѣд.

[2]) Д-ръ О. Шрадеръ. „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія“, Спб., 1886 г., стр. 275.

арабы [1]), заимствовали свои названія мѣди отъ сумеро-аккадовъ. Но въ нижней Месопотаміи мѣдные руды и самородки отсутствуютъ, а поэтому необходимо заключить, что съ этимъ металломъ сумеро-аккады были знакомы въ области своей первородины [2]). Этотъ весьма важный фактъ помогаетъ еще болѣе точно опредѣлить какъ время, такъ и культуру сумеро-аккадовъ въ моментъ ихъ переселенія въ Месопотамію.

Время появленія первыхъ мѣдныхъ издѣлій въ общечеловѣческой культурѣ, при современномъ состояніи знанія, можетъ быть отнесено самое бо́льшее за 6000 лѣтъ до Р. Хр., или почти за 8000 лѣтъ до нашихъ дней. Къ этому времени американскіе изслѣдователи относятъ существованіе Ниппера, одного изъ могущественныхъ сумеро-аккадскихъ городовъ. За 5000 лѣтъ до Р. Хр. обработка мѣди пользовалась уже довольно широкимъ распространеніемъ у всѣхъ болѣе культурныхъ народовъ, населявшихъ области, прилегающія къ восточному побережью Средиземнаго моря. Отсюда слѣдуетъ, что сумеро-аккады къ этому времени уже были въ Месопотаміи. Культура ихъ почти ничѣмъ не отличалась отъ вышеочерченной культуры конца каменнаго періода, конца поры сверленыхъ орудій.

Прибывши на новыя мѣста жительства, сумеро-аккады должны были рѣшить вопросъ о формѣ общежитія, что вполнѣ обусловливалось предстоявшею борьбою съ вредными элементами природы и имѣвшимися для этого культурными средствами. Съ поразительною проницательностью вполнѣ умныхъ практическихъ людей, они поняли, что

---

[1]) Fr. Lenormant. „Les noms de l'airain et du cuivre".

[2]) По мнѣнію французскаго археолога де-Моргана, мѣдь впервые была открыта въ Центральной Азіи, во владѣніяхъ современнаго Китая, откуда будто бы получили свое знакомство съ мѣдью и сумеро-аккады. Однако съ этимъ, при настоящемъ состояніи знанія, затруднительно согласиться.

Авт.

существованіе возможно только при условіи солидныхъ общественныхъ организацій, могущихъ обезпечить такія крупныя общественныя работы, какими представлялись плотины, дренажные и оросительные каналы, необходимые для оздоровленія и оплодотворенія вновь занятыхъ областей. Такимъ общественно-соціальнымъ запросамъ могли удовлетворять города и государства. Но понятіе о государствахъ въ то время еще не могло быть выработаннымъ, поэтому по необходимости приходилось остановиться на городскомъ строѣ общественной жизни, строѣ, завѣщанномъ концомъ каменнаго періода. Такъ и поступили сумеро-аккады. Они на первыхъ же порахъ основали нѣсколько городовъ; таковы знаменитые города: Уръ, Нипуръ (Нуффаръ), Эрехъ, Сиппаръ (Сефарвоимъ), Агаде и другіе. Первоначально каждый изъ этихъ городовъ представлялъ какъ бы самостоятельное небольшое государство, управлявшееся своимъ правителемъ, свободно воевавшее и мирившееся со всякимъ другимъ государствомъ, пока, наконецъ, не созрѣла мысль о пользѣ федераціи и о возможности осуществленія высшаго государственнаго строя.

Правители городовъ назывались „патези“ (patesi), а цари — „люгалями“ (lu-gal по-сумеро-аккадски — „великій человѣкъ“). Патези совмѣщали въ себѣ власть князя и первосвященника; они были въ родѣ библейскихъ патріарховъ. Люгали же представляли настоящихъ деспотовъ, которымъ подчинялись не только всѣ граждане, но и всѣ подвластные патези.

Изъ древнѣйшихъ городскихъ властителей въ настоящее время извѣстны цари Ширпурлы, или, какъ чаще называютъ, Телло, изъ которыхъ Урукагинъ, жившій около 4500 лѣтъ до Р. Хр., и Гудеа, жившій около 4000 лѣтъ до Р. Хр., а также царь Эреха Лугальзаггиси, жившій одновременно съ царемъ Гудеа.

Наибольшій расцвѣтъ и паденіе сумеро-аккадскихъ государствъ уже относятся къ IV-му тысячелѣтію до Р. Хр.,

т.-е. къ началу поры бронзовыхъ орудій, а поэтому и памятники этой поры здѣсь не будутъ разсматриваться.

Правильно рѣшивъ вопросъ о соціальномъ строѣ, сумеро-аккады получили полную возможность воспользоваться всѣми богатствами страны и быстро двинулись по пути общечеловѣческаго прогресса, ставши духовными предками всего современнаго цивилизованнаго міра. Ихъ практическія и научныя знанія сначала сдѣлались достояніемъ всѣхъ народовъ, населявшихъ Месопотамію, а потомъ передались, съ одной стороны, въ долину Нила (Масперо, Гоммель и др.), а съ другой—въ долину Гоанго и Янтсе-Кіанга (Терріенъ-де-ля-Купери), а также и въ многія другія страны.

Покончивъ на этомъ съ общимъ очеркомъ природы той страны, гдѣ получила первое развитіе металлическая культура поры мѣдныхъ орудій, и тѣхъ народовъ, которые такъ разумно воспользовались силами этой природы, перейдемъ къ обзору матеріальной культуры, или быта, послѣднихъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ начать нашъ обзоръ безъ оговорки, что, несмотря на весьма обширныя изданія сумеро-аккадскихъ памятниковъ, многое еще остается неопубликованнымъ и поэтому недоступнымъ для общаго пользованія; особенно остро ощущается недостатокъ чисто бытовыхъ памятниковъ, оставляемыхъ въ тѣни издателями, обыкновенно удѣляющими всё вниманіе изданію письменныхъ документовъ и памятниковъ изящныхъ искусствъ.

Металлы. Изъ металловъ въ пору мѣдныхъ орудій сумеро-аккадамъ были извѣстны мѣдь и золото. Съ первою, какъ уже замѣчено, они познакомились, вѣроятнѣе всего, еще ранѣе переселенія въ Месопотамію; со вторымъ же ихъ знакомство послѣдовало гораздо позже.

Сумеро-аккадское названіе золота „gush-kin“, подобно другимъ ихъ названіямъ металловъ, встрѣчается лишь въ сравнительно позднихъ текстахъ и пишется сложными идеограммами, а это, по справедливому замѣчанію Гом-

меля, доказываетъ, что сумеро-аккады узнали золото только уже въ Вавилонѣ [1]).

Для обработки металловъ, судя по древнѣйшимъ іероглифическимъ надписямъ, существовали литейщики, а это указываетъ на умѣнье плавить металлы. Изъ мѣди отливались разныя орудія, посуда, домашняя утварь, изъ золота—украшенія.

Орудія и оружіе. Орудія и оружіе вырабатывались преимущественно изъ камня и мѣди. Они состояли изъ топоровъ, копій, стрѣлъ, кинжаловъ, мечей и др.

Каменныя орудія, обыкновенно, полировались и тщательно затачивались, топоры же и молоты, кромѣ того, снабжались сверлинами; только наконечники кремневыхъ стрѣлъ и другія мелкія орудія представлялись оббитыми, отличаясь при этомъ тою изящностью и совершенствомъ отдѣлки, какія достигались обработкой кремня при помощи нажатія особыми инструментами.

Мѣдныя орудія первоначально вырабатывались по образцамъ каменныхъ, но, съ развитіемъ культуры, они довольно скоро получили совершенно оригинальныя формы, изъ которыхъ нѣкоторыя впослѣдствіи имѣли почти міровое распространеніе и намного пережили своихъ изобрѣтателей.

Топоры дѣлались съ однимъ, а позже и съ двумя лезвіями; съ рукоятками скрѣплялись по образцу каменныхъ топоровъ; рукоятки дѣлались, судя по сохранившимся изображеніямъ, прямыми и круглыми, умѣренной длины, иногда съ шарообразнымъ утолщеніемъ на концѣ.

Наконечники копій имѣли листовидную форму со втулками для надѣванія на древко. Форма эта существовала у многихъ народовъ не только въ продолженіе всей бронзовой, но даже и въ желѣзную эпоху. Древки ко-

---

[1]) F. Hommel. „Die Vorsemitischen Culturen", Leipzig, 1883, стр. 409 и слѣд.

пій были длинны [1]). Наконечники стрѣлъ формою походили на жало. Они, очевидно, имитировали кремневымъ трехугольнымъ наконечникамъ стрѣлъ, но позже ихъ дѣлали, наподобіе наконечниковъ копій, листовидной втульчатой формы, каковая получила чрезвычайно широкое распространеніе и въ европейскихъ древностяхъ встрѣчалась даже послѣ Р. Хр. Стрѣлы носились на спинѣ, въ колчанахъ, въ видѣ футляровъ или мѣшковъ простой четырехугольной формы.

Луки дѣлались кривыми, носились безъ налучья, повѣшанными на плечо такъ, что рука продѣвалась между лукомъ и тетивой.

Въ бою воины прикрывались большими четырехугольными щитами, иногда украшенными круглыми, вѣроятнѣе всего, мѣдными бляхами.

Кинжалы и мечи пользовались значительнымъ распространеніемъ. Судя по изображеніямъ, они были трехугольной вытянутой формы съ отдѣльными рукоятками, имѣвшими въ срединѣ перехватъ, но безъ крестовины.

Помимо описаннаго имѣлось еще оружіе, формою напоминающее буммерангъ, а также были извѣстны и пращи.

Для возведенія такихъ грандіозныхъ сооруженій, какъ плотины, каналы, стѣны храмовъ и городовъ, несомнѣнно, существовали хорошіе орудія и инструменты, о формахъ которыхъ, за отсутствіемъ ихъ, мы еще не можемъ составить сколько-нибудь точнаго понятія.

Керамика. Керамика сумеро-аккадовъ въ пору мѣд-

---

[1]) Извѣстно колоссальное копье, на которомъ очень много украшеній и надписей съ именемъ нѣкоего царя Кисъ, царствовавшаго около четырехъ тысячъ лѣтъ до Р. Хр. Повидимому, это копье употреблялось для ритуальныхъ цѣлей. Оно сдѣлано изъ краснаго металла, сплошь покрытаго зеленымъ слоемъ окиси (патиной). По химическому анализу французскаго химика Бертело, копье оказалось сдѣланнымъ изъ чистой мѣди.

Кн. В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“, т. V—VIII, стр. 189.

ныхъ орудій достигла весьма высокаго развитія, чему, главнымъ образомъ, способствовали обиліе хорошей, вязкой глины и отсутствіе въ странѣ камня, столь нужнаго для такихъ фундаментальныхъ построекъ, въ какихъ явилась необходимость при сильно развившейся городской жизни.

Въ составъ сумеро-аккадской керамики входили кухонные, столовые и ритуальные сосуды, кирпичи, письменныя принадлежности и другіе болѣе мелкіе предметы разнообразнаго назначенія.

Въ составъ сосудовъ входили разныхъ формъ и размѣровъ горшки, чашки, блюда, кувшины, кубки и др. Преобладаютъ самыя простыя формы, безъ ручекъ.

Кирпичное производство заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно достигло громадныхъ размѣровъ. Къ концу изучаемой поры изъ кирпичей воздвигались храмы, дворцы, разныя домашнія и надворныя постройки и городскія укрѣпленныя стѣны. Повидимому, сумеро-аккады стали дѣлать кирпичи первыми изъ всѣхъ народовъ. Форма ихъ кирпичей схожа съ современною. Первоначально кирпичи не обжигались, а употреблялись въ видѣ сырца, но въ концѣ поры мѣдныхъ орудій они не только обжигались, но и покрывались цвѣтной поливой, а также нерѣдко штемпелевались царскимъ именемъ. Обжиганію кирпичей придаютъ огромное культурное значеніе. По словамъ Іеринга, „обожженіе перваго кирпича нужно разсматривать какъ одно изъ событій, наиболѣе чреватыхъ послѣдствіями, и трудно сравнить съ нимъ какое-либо другое по значенію въ цивилизаціи“. „Изъ кирпича, продолжаетъ Реклю[1]), возникъ городъ; тогда какъ плугъ увеличилъ только средства питанія, обожжённый кирпичъ сгруппировалъ людей въ общества, связалъ ихъ трудомъ, вызвалъ у нихъ сознаніе превосходства культуры, развилъ національное самосознаніе, наконецъ, породилъ воз-

[1]) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“, кн. II, стр. 291 и 292.

никновеніе извѣстной интеллектуальной дисциплины—цѣлый рядъ изысканій и знаній, связанныхъ со строительствомъ, направилъ человѣчество на совершенно новый путь цивилизаціи".

Еще болѣе удивительными и оригинальными въ сумеро-аккадской керамикѣ являются письменныя принадлежности. Не имѣя ни пергамента, ни бумаги, ни другихъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ писчихъ матеріаловъ, сумеро-аккады рѣшились воспользоваться глиной. Мягкая и эластичная въ сыромъ и твердая въ сухомъ или обожжённомъ видѣ, глина вполнѣ отвѣтила предъявленнымъ ей научнымъ, канцелярскимъ и другимъ дѣловымъ запросамъ грамотности. Для бо́льшаго удобства обращенія и храненія была выработана особая форма глиняныхъ кирпичиковъ, или, какъ ихъ принято называть, таблетокъ, предназначенныхъ спеціально для письма. Эти таблетки имѣли небольшіе размѣры, четырехугольную, а чаще овально-подчетырехугольную форму, плоскую съ лицевой и нѣсколько выпуклую съ обратной стороны. Для письма назначалась плоская сторона, но, когда требовалось, пользовались и обратной выпуклой стороной.

Плитки вырабатывались изъ лучшихъ сортовъ глины, къ которымъ, для бо́льшей гибкости и вообще пластичности, примѣшивался особый составъ. Благодаря широко распространенной, если только не всеобщей, грамотности, вырабатываемое количество таблетокъ было огромно. Для храненія содержавшихся на нихъ болѣе важныхъ документовъ сооружались обширныя кладовыя, а для таблетокъ съ содержаніемъ выдающагося значенія лѣпились глиняные ящики или футляры, на которыхъ обыкновенно писалась точная копія вложеннаго документа.

Нерѣдко изъ глины дѣлались печати и буллы. Печати прикладывались къ разнымъ документамъ въ удостовѣреніе ихъ подлинности. Эти печати имѣли видъ цилиндровъ, покрытыхъ разными изображеніями; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ изображеній узнаны гербы царей, князей, горо-

довъ, а также и многія, повидимому, демоническія фигуры; всё это, обычно, сопровождалось надписями.

Буллы дѣлались изъ кусковъ сырой глины и служили въ роли современныхъ пломбъ, подвѣшиваемыхъ къ товарамъ. Они также подвязывались на веревкахъ или прилѣплялись къ корзинамъ, въ которыхъ переправлялся товаръ. Буллы, сопровождавшія товары изъ официальныхъ учрежденій, снабжались еще и глиняною печатью. На буллахъ обыкновенно дѣлались надписи съ указаніемъ адреса или лица, съ которымъ отправленъ товаръ [1]).

Изъ мелкихъ керамическихъ предметовъ, или предметовъ второстепеннаго значенія, слѣдуетъ упомянуть о статуэткахъ и фигуркахъ людей и животныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ довольно значительной изящности и совершенства въ передачѣ натуры.

Ткацкое искусство, плетеніе и др. Ткацкое искусство, плетеніе и другія подобныя ремесла, судя по барельефнымъ изображеніямъ и надписямъ, получили широкое распространеніе. Приготовлялись узорчатыя ткани и ковры, а изъ прутьевъ выплетались не только мелкія корзины, часто изображаемыя переносимыми на головахъ людей, но даже и небольшія рѣчныя суда. Существовали лица, а возможно и корпораціи, спеціально занимавшіяся тѣмъ или другимъ ремесломъ. Такъ въ различныхъ письменныхъ документахъ упоминаются ткачи, швеи, красильщики и др. Судить о деталяхъ техники названныхъ и другихъ подобныхъ ремеслъ, за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ, пока затруднительно, но онѣ, очевидно, были хорошо и практично соображены.

Одежда и украшенія. Остатки одеждъ, повидимому, еще не найдены. Но объ ихъ покроѣ легко составить понятіе по барельефнымъ и скульптурнымъ изображеніямъ.

---

[1]) Описаніе этихъ памятниковъ см. у Н. П. Лихачева въ его трудахъ: 1) „Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы“, Спб., 1907 г. и 2) „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906 г.

Изученіе сумеро-аккадскихъ одеждъ представляетъ выдающійся интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность прослѣдить картину ихъ эволюціи отъ простого пояса цѣломудрія до блестящихъ ризъ ассиро-вавилонскихъ деспотовъ и отъ первобытнаго вѣнца изъ перьевъ, украшавшихъ голову, до пышныхъ царскихъ тіаръ, снабженныхъ двумя или шестью рогами, въ знакъ присущаго имъ могущества.

На древнѣйшихъ сумеро-аккадскихъ барельефахъ боги и люди часто представляются или совершенно голыми или съ зачатками примитивной одежды. Голые боги имѣютъ длинные волосы на головѣ и бородѣ, т.-е. представляются въ совершенно дикомъ, некультурномъ образѣ [1]). Образа боговъ всюду стремятся повторять старые, отжившіе лики людей: слѣдовательно, нѣкогда предки сумеро-аккадовъ не гнушались ходить совершенно голыми, о чемъ и сохранилось воспоминаніе въ болѣе культурный періодъ жизни ихъ потомковъ.

Интересно, что, на ряду съ голыми обросшими богами, голые люди представляются или совершенно бритыми или съ волосами на головѣ, собранными въ длинную косу [2]).

Древнѣйшимъ украшеніемъ и покрытіемъ головы служилъ вѣнокъ, украшенный перьями, совершенно схожій съ вѣнками американскихъ дикарей. Чрезвычайно оригинальнымъ варіантомъ этого убора служатъ вѣнки съ подвязными рогами [3]). Въ дальнѣйшемъ развитіи головной вѣнокъ получилъ форму шапокъ и тіаръ.

Прекрасныя детальныя изображенія шапокъ переданы на каменныхъ статуяхъ, между прочимъ и на статуѣ царя Гудеа. Эти шапки очень похожи на мѣховыя шапки русскихъ крестьянъ. Онѣ имѣютъ широкій, судя по орнаменту, мерлушковый околышъ и выпуклый такой

---

[1]) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы“, Спб., 1907 г., стр. 25, рис. 47, стр. 29, рис. 52, средняя фигура человѣка.

[2]) Ibid., стр. 31, рис. 55, стр. 32, рис. 57.

[3]) Ibid., стр. 31, рис. 55, лѣвая бородатая фигура.

же верхъ. Шапка надѣвалась нѣсколько на затылокъ и покрывала голову съ ушами [1]).

Воины временъ царя Гудеа носили на головѣ башлыки, совершенно схожіе по покрою со скиѳскими. Такіе же башлыки надѣвали въ бою и цари, съ тою, однако, разницею, что сверхъ ихъ башлыковъ повязывалась лента съ чѣмъ-то въ родѣ банта на затылкѣ [2]).

Въ торжественныхъ случаяхъ цари и князья надѣвали тіары, т.-е. болѣе дорогія шапки, украшенныя рогами [3]).

Женскіе головные уборы неизвѣстны. Въ скульптурныхъ изображеніяхъ женщины представляются то совершенно бритыми [4]), то съ длинными волосами, заплетенными въ косы и собранными красивымъ узломъ на затылкѣ [5]). Весьма вѣроятно, что онѣ носили шапки, одинаковыя съ мужскими.

Древнѣйшей одеждой, какъ было замѣчено, служили пояса со спускающимися на бедра фартуками, изображенія которыхъ можно видѣть на цилиндрахъ Ширпурлы [6]). Дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ является четырехугольный кусокъ полотна, возможно, и мѣха, обернутый вокругъ бедръ въ видѣ юбки. По краямъ эти куски вышивались или разрисовывались узорчатой каймой [7]). Позже

---

[1]) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906 г., стр. 18, клише № 8.

[2]) Ibid., стр. 19, клише № 9.

[3]) Его же. „Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы“, Спб., 1907 г., стр. 29 и 52.

[4]) Проф. К. Бецольдъ. „Ассирія и Вавилонія“, Спб., 1904 г., табл. XXXI, рис. 2, древне-сумерійская канефора.

[5]) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906 г., стр. 37, клише № 23.

[6]) Ibid., стр. 32, клише № 16.—Его же. „Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы“, Спб., 1907 г., стр. 37, рис. 66.

[7]) Ibid., стр. 37, рис. 66, средняя фигура человѣка въ высокой шапкѣ.

такіе куски начали сшивать, такъ что получалась настоящая юбка. Такія юбки, повидимому, существовали очень долго. Ихъ носили одинаково мужчины и женщины, воины и цари [1]). Эти юбки шились или изъ гладкихъ матерій, иногда по краямъ отороченныхъ бахромой, или изъ матерій съ узоромъ, въ барельефахъ напоминающимъ листья пальмы или длинныя чешуйки, расположенные тремя или четырьмя горизонтальными рядами. При юбочныхъ одеждахъ весь бюстъ оставался голымъ. Въ бою цари прикрывали грудь и спину мѣховымъ плащемъ, перекинутымъ черезъ лѣвое плечо, мѣхомъ наружу [2]).

Къ началу IV-го тысячелѣтія начинаютъ входить въ моду длинныя одежды, покрывающія всё тѣло, но, повидимому, онѣ долгое время составляли принадлежность только однихъ царей и вельможъ [3]). Края одежды обшивались широкою бахромою.

Никакихъ личныхъ украшеній ни на статуяхъ, ни на барельефахъ не наблюдается. Эта черта заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ лишній разъ подчеркиваетъ необыкновенную разумность и скромность изучаемыхъ народовъ, не истощавшихъ своихъ средствъ на непроизводительные расходы по пріобрѣтенію въ сущности всегда пустыхъ, всегда безсмысленныхъ нарядовъ.

Земледѣліе. Земледѣліе составляло главную основу хозяйства. Познакомившись съ зачатками этого промысла,

---

[1]) Его же. „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906 г., стр. 19, рис. 9. — Проф. К. Бецольдъ. „Ассирія и Вавилонія“, Спб., 1904 г., табл. XVIII, рис. 1, изображеніе древне-сумерійскаго царя Телло (около 4200 л. до Р. Хр.) и его сановниковъ; табл. XXXI, рис. 2, древне-сумерійская канефора.

[2]) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906 г., стр. 19, клише 9.

[3]) Проф. К. Бецольдъ. „Ассирія и Вавилонія“, Спб., 1904 г., табл. XI, рис. 1, древне-сумерійскій сановникъ; табл. XII, рис. 1, статуя царя Гудеа изъ Телло. — Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика“, стр. 18, клише 9, статуя Гудеа.

вѣроятнѣе всего, еще въ неолитическую эпоху, сумеро-аккады, въ своемъ новомъ месопотамскомъ отечествѣ, выдвинули его на первый планъ, чему, прежде всего, способствовала чрезвычайно тучная, плодородная почва, дававшая за сравнительно незначительный земледѣльческій трудъ хорошіе урожаи. Такъ какъ весь успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ орошенія, то благодаря этому и была сооружена огромная сѣть оросительныхъ каналовъ, которые тянулись вдоль Евфрата и Тигра на тысячи верстъ. Плотины и шлюзы регулировали необходимый уровень не только въ каналахъ, но и въ самыхъ рѣкахъ, отъ которыхъ шли каналы. Полевые участки дѣлились на „шары“ (char) и „ганы“ (gan). Шаръ равнялся 9 квадратнымъ саженямъ, а ганъ—1800 шарамъ. 266 шаровъ составляли десятину. Изъ документовъ г. Ширпурлы видно, что царскія поля имѣли свыше тысячи десятинъ. Урожаи получались самъ-13 и самъ-47. Припомнимъ, что, по Геродоту, въ Месопотаміи, очевидно вслѣдствіе лучшей культуры, бывали урожаи самъ-200 и самъ-300. На поляхъ сѣялось два вида злаковъ, называемыхъ „ше“ и „ашъ“, въ которыхъ узнаютъ пшеницу и ячмень. Зерно размѣрялось по вѣсу на „ка“ и „гуры“. Одинъ гуръ равняется 300 ка. Величина ка еще не выяснена, но, судя по мѣсячной дачѣ на одного взрослаго человѣка 30 ка, она должна равняться приблизительно 2 современнымъ фунтамъ [1]).

---

[1]) М. В. Никольскій опредѣляетъ ка въ $^1/_2$ фунта, основываясь на дачѣ волу 100 ка; полагая, что это суточная дача зерна, онъ заключилъ, что волъ не можетъ въ сутки съѣсть болѣе 50 фунтовъ. Но 100 ка составляло дачу, очевидно, не суточную, а мѣсячную. Въ настоящее время нормой суточной дачи кавалерійской лошади является 10 фунтовъ 30 зол. овса или, взамѣнъ его, столько же ячменя. Быку не могло выдаваться болѣе, чѣмъ лошади, а скорѣе меньше. Полагая, что ка равнялось 2 фунтамъ, мы заключаемъ, что волъ въ суточную дачу получалъ около 7 фунтовъ, что вполнѣ правдоподобно.

Авт.

Для храненія зернового хлѣба строились особые амбары. Амбаръ, открытый де-Сарзекомъ въ Ширпурлѣ (Телло), представлялъ видъ четырехугольнаго зданія, безъ оконъ, имѣвшаго въ длину 7, а въ ширину 5 саженъ. Въ этомъ зданіи и были найдены остатки зернового хлѣба. Кромѣ хлѣбопашества, имѣлись огородничество и садоводство. Въ огородахъ разводились луковичныя растенія, крупные овощи, въ родѣ тыквъ, дынь, или арбузовъ, и растеніе „сесамъ“, изъ котораго вырабатывалось сесамовое масло. Въ садахъ росли виноградъ, финики и, вѣроятно, другія плодовыя деревья.

Скотоводство. Скотоводство, судя по письменнымъ документамъ, играло также огромную роль въ хозяйствѣ. При царскихъ дворахъ пастухи получали, послѣ писцовъ, самый большой окладъ натуральнаго жалованья. Вѣроятно, въ началѣ поселенія сумеро-аккадовъ въ Месопотаміи, эта отрасль хозяйства была первою, характеризуя и весь бытъ болѣе пастушескимъ, чѣмъ земледѣльческимъ. Разводились преимущественно коровы, ослы, овцы, козы и газели[1]). Лошадей и верблюдовъ еще не было; отсутствовали также и домашнія птицы. Скотъ употреблялся для мяса, кожъ, шерстяныхъ тканей и молока. Пользовались ли крупнымъ рогатымъ скотомъ для работы, неизвѣстно, хотя утвердительный отвѣтъ представляется болѣе правдоподобнымъ.

При царскихъ дворахъ въ кормъ, вѣроятнѣе же въ приправу или дополненіе корма, выдавалось зерно съ расчетомъ на 1 быка 100, а на 1 овцу 20 ка на единицу времени, какъ выше сказано, не совсѣмъ точно выясненную.

Рыболовство и охота. Рыболовство и охота играли видную роль въ домашнемъ обиходѣ сумеро-аккадовъ. Этому какъ нельзя болѣе способствовало изобиліе рыбы

---

[1]) М. В. Никольскій. „Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи“. „Древности Восточныя“, Труды Вост. Ком. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. III, в. II.

въ рѣкахъ и всякой болотной и другой дичи въ прирѣчныхъ зарослях и сосѣднихъ болѣе сухихъ степяхъ. Въ дворцовыхъ актахъ г. Ширпурлы говорится объ уловахъ огромныхъ количествъ рыбы разныхъ сортовъ и содержаніи при дворѣ чисто охотничьихъ животныхъ, каковы газели и другія, породы которыхъ, по однимъ письменнымъ документамъ, опредѣлить не представилось возможности.

Пища. О способахъ и формахъ приготовленія пищи намъ извѣстно еще мало. Мы знаемъ только, что въ составъ ея шли, главнымъ образомъ, мучные, мясные, молочные и рыбные припасы. Приправой служили овощи, плоды, молочныя и растительное (сесамовое) масла. Существовали какіе-то напитки, которые пились кружками или бокалами [1]), а также и прямо изъ кувшиновъ съ длинными носками, приспособленными для переливанія жидкостей и удобства питья [2]).

Строительное искусство: архитектурныя и инженерныя сооруженія. Строительное искусство сумеро-аккадовъ въ теченіе поры мѣдныхъ орудій получило чрезвычайно большое развитіе, хотя постоянно выражалось только въ самыхъ простыхъ формахъ, совершенно не осложненныхъ ни требованіями, повидимому, чуждой имъ роскоши, ни посторонними вліяніями. Строительными матеріалами служили дерево и глина. Строевые лѣса въ нижней Месопотаміи были рѣдки и состояли преимущественно изъ пальмъ, мало пригодныхъ для капитальныхъ построекъ; поэтому почти всѣ зданія сооружались изъ глины. Первоначально ихъ дѣлали изъ сырца (необожжённаго кирпича), а позже изъ кирпича. Цементомъ для кладки кирпичныхъ стѣнъ

---

[1]) Проф. К. Бецольдъ. „Ассирія и Вавилонія“, Спб., 1904 г., табл. XVIII, рис. 1, изображеніе древне-сумерійскаго городского царя Урнины изъ Телло (около 4200 л. до Р. Хр.) и его сановниковъ.

[2]) Ibid., табл. XVI, известковыя плиты изъ Нуффара съ изображеніемъ угощенія царей или божествъ.

служили или особый видъ красноватой жирной глины, смѣшанной съ рубленной соломой, или асфальтъ (горная смола), часто встрѣчаемый въ Месопотаміи [1]).

Изъ архитектурныхъ сооруженій обращаютъ на себя особенное вниманіе дворцы и храмы, остатки которыхъ хорошо сохранились до настоящаго времени и даютъ полное представленіе какъ о планахъ, такъ и о профиляхъ этихъ зданій. Гораздо труднѣе составить понятіе о простыхъ обывательскихъ домахъ. Руководясь разными соображеніями, полагаютъ, что эти дома въ первоначальномъ своемъ видѣ представляли простыя землянки, покрытыя сверху шалашемъ или шатромъ, сооруженными изъ камыша [2]). Позже появились дома съ глинобитными, сырцовыми и кирпичными стѣнами. Въ планѣ послѣдніе представляли болѣе или менѣе продолговатый четырехугольникъ, покрытый плоскою или выпуклою крышею, состоявшею изъ бревенчатаго накатника, сверху засыпаннаго слоемъ земли или дерна и предохранявшаго отъ дождя и жаркаго южнаго солнца. Полы дѣлались глинобитными или выстилались плитчатымъ кирпичемъ. Оконъ не было. Внутренность домовъ освѣщалась черезъ двери и отверстія въ потолкахъ. Для этой цѣли въ большихъ домахъ строились открытые дворы, въ которые и открывались двери всѣхъ комнатъ.

Гораздо основательнѣе и пышнѣе устраивались дворцы. Для нихъ, прежде всего, воздвигалась высокая искусственная земляная терраса, окруженная сырцовою или кирпичною стѣною. На террасу вели широкія ступени. Сами дворцы состояли изъ большого числа узкихъ четырех-

---

[1]) Богатѣйшія залежи асфальта въ древности находились сѣвернѣе Вавилона, на берегахъ р. Евфрата, при впаденіи въ неё р. Исы, современнаго р. Тита.

[2]) Въ древнѣйшемъ сказаніи о потопѣ говорится, что богъ Эа, сожалѣя людей, объявилъ о рѣшеніи боговъ потопить ихъ, говоря: „Хата! хата камышевая! Дворецъ, дворецъ кирпичный! внемли хата! Дворецъ, внемли!“ и т. д.—З. А. Рагозина. „Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи“, Спб., 1902 г., стр. 358.

угольныхъ залъ съ чрезвычайно толстыми стѣнами, залы располагались вокругъ одного или нѣсколькихъ дворовъ. Въ царскомъ дворцѣ въ Лагашѣ (Ширпурлѣ) оказалось сорокъ шесть залъ, сгруппированныхъ въ три корпуса [1]), имѣвшіе каждый свой отдѣльный дворъ, вымощенный кирпичемъ. Для утвержденія дверныхъ петель вставлялись въ дверные косяки куски твердаго камня, преимущественно, діорита.

Потолки зданій дѣлались куполообразными, а позже сводчатыми, при чемъ для сооруженія послѣднихъ вырабатывались особые кирпичи клиновидной формы. Еще недавно полагали, что изобрѣтеніе сводчатыхъ потолковъ принадлежитъ римлянамъ; теперь же эту честь слѣдуетъ приписать сумеро-аккадамъ. Внутренность нѣкоторыхъ залъ, повидимому, облицовывалась деревомъ и завѣшивалась коврами, а также украшалась каменными статуями царей. Полы выкладывались кирпичами съ узорчатыми украшеніями.

Наружными украшеніями зданій служили частые, симметрично расположенные выступы, представлявшіе видъ четырехгранныхъ полуколоннъ. Въ общемъ всё разсчитывалось болѣе на прочность и величіе размѣровъ, чѣмъ на изящество.

О домашней обстановкѣ имѣется немного свѣдѣній. Судя по скульптурнымъ и барельефнымъ изображеніямъ, въ дворцахъ имѣлись пышно украшенные столы, кресла (троны) и стулья съ высокими спинками и табуреты. Очень возможно, что такая мебель, но болѣе дешевая, имѣлась и у всѣхъ жителей.

Дворцы сопровождались разнаго рода спеціальными службами, въ родѣ амбаровъ для зернового хлѣба, дворовъ

---

[1]) Вѣроятно, изъ этихъ корпусовъ одинъ служилъ „сералемъ“, т.-е. помѣщеніемъ самого царя и его приближенныхъ, другой—гаремомъ и третій занимался службами, въ родѣ кухонь, мастерскихъ и т. п.

Авт.

для домашнихъ животныхъ, а также архивовъ. Послѣдніе представляли видъ крытыхъ длинныхъ траншей, вырѣзанныхъ въ почвѣ. Вдоль боковыхъ стѣнъ оставлялись ступеньки, на которыхъ въ извѣстномъ порядкѣ и разставлялись глиняныя таблетки, покрытыя надписями того или другого содержанія.

Форма храмовъ отвѣчала религіознымъ воззрѣніямъ сумеро-аккадовъ. Выйдя изъ горной страны, они естественно представляли свою первородину въ видѣ высокой горы. Впослѣдствіи образъ первородины отождествился съ раемъ, какъ счастливымъ горнимъ мѣстопребываніемъ боговъ и лучшихъ (святыхъ) людей. Образъ священной горы и послужилъ моделью храмовъ. Для каждаго изъ нихъ воздвигалась высокая земляная терраса, облицованная стѣною съ широкими ступеньками для входа. На террасѣ сооружалась пирамида, долженствовавшая изобразить священную гору. Эта пирамида всегда дѣлалась четырехугольною и возвышалась нѣсколько уменьшающимися ярусами. На самомъ верхнемъ ярусѣ строился домикъ, или часовня, служившій святилищемъ и обсерваторіей. Число ярусовъ было неодинаково: иногда ихъ дѣлали три, иногда пять, а иногда семь, такъ какъ эти числа считались священными.

Сумеро-аккадскіе храмы-пирамиды всегда оказывались строго оріентированными по странамъ свѣта, а именно такъ, что углы ихъ приходились на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Такое явленіе, очевидно, вызывалось удобствами астрономическихъ наблюденій. Допускаютъ, хотя безъ фактическаго основанія, что въ верхнемъ помѣщеніи существовали окна, пропускавшія опредѣленныя полосы свѣта солнца и луны, падавшія на спеціально для этого поставленные столы или противоположныя стѣны и дававшія тѣ или другія указанія для астрологическихъ предсказаній. Въ этомъ помѣщеніи ставились также статуи царей-храмоздателей и помѣщались изображенія божествъ.

Сооруженіемъ храмовъ особенно увлекался царь города Ура Урбау (Урукъ, Уріякъ, Урбагусъ), владычествовавшій, въ концѣ поры мѣдныхъ орудій, надъ землями сумеровъ и аккадовъ. Остатки грандіознѣйшихъ его сооруженій въ настоящее время открыты въ городахъ Урѣ, Ларсамѣ, Урукѣ, Нипурѣ и Сиппарѣ. Всѣ воздвигнутые имъ храмы оріентированы углами по странамъ свѣта. Сдѣланы они изъ кирпичей, заштемпелеванныхъ царскимъ именемъ. Развалины самаго большого храма, созданнаго Урбау, находятся въ г. Урукѣ. Они представляютъ холмъ около 70 метровъ въ поперечникѣ и 35 метровъ въ вышину, такъ что на одну эту постройку потребовалось не менѣе 30,000,000 кирпичей. Другіе храмы хотя и меньше размѣрами, но всё же поражаютъ своей величиной. „Ихъ количество и размѣры, говоритъ Масперо, за неимѣніемъ другихъ документовъ, достаточно убѣдительны для того, чтобы мы могли себѣ составить понятіе о могуществѣ воздвигнувшаго ихъ правителя и степени цивилизаціи его народа. Только завоеванія могли доставить царю Ура необходимое количество работниковъ для постройки всѣхъ этихъ сооруженій безъ истощенія силъ своей имперіи“ [1]).

Въ храмахъ г. Ширпурлы найдены статуи царей, изображенныхъ сидящими на тронахъ съ выгравированными на колѣняхъ планами сооруженныхъ ими зданій.

Храмы пользовались большимъ народнымъ почитаніемъ. Впослѣдствіи вавилонскіе цари, чтобы возвеличить себя въ глазахъ народа, стали дѣлать ихъ своими усыпальницами; также поступали и египетскіе фараоны, занявшіе формы своихъ надгробныхъ пирамидъ у сумеро-аккадскихъ храмовъ.

Инженерныя сооруженія пользовались широкимъ распространеніемъ. Среди нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ каналы, плотины и укрѣпленія.

---

[1]) Масперо. „Древняя исторія народовъ Востока“, Москва, 1903 г., стр. 154.

Каналами изрѣзывалась вся страна. Они служили въ однихъ случаяхъ для орошенія сухихъ возвышенныхъ площадей, въ другихъ случаяхъ для осушенія болотъ и отвода избытка воды рѣчныхъ разливовъ. Каналы часто сопровождались земляными или глинобитными плотинами. Многіе каналы и плотины достигали огромныхъ размѣровъ. Для осушенія заселенныхъ площадей проводились особыя водосточныя канавы, сверху покрытыя кирпичными сводами. Одна такая канава была открыта въ Вавилонѣ, на глубинѣ семи метровъ подъ развалинами ступенчатой пирамиды, относящейся ко времени царя Нарамсина, т.-е. къ самому началу IV-го тысячелѣтія до Р. Хр. [1]).

Съ неменьшею заботливостью и стараніемъ сумеро-аккады относились и къ построенію укрѣпленій. И это вполнѣ понятно, такъ какъ въ то время вся Месопотамія представляла какъ бы одно сплошное поле сраженій. Крѣпостныя стѣны, обыкновенно, сооружались изъ глины, при чемъ внутренняя часть глинянаго вала облицовывалась сырыми, а наружная—обожжёнными кирпичами. Прочность стѣнъ увеличивалась вбитыми вдоль наружныхъ стѣнъ толстыми деревянными столбами. Для прикрытія защитниковъ устраивались зубчатыя забрала (бойницы) и навѣсы. Въ планѣ крѣпостныя стѣны имѣли многоугольное очертаніе. Сохранился детальный чертежъ одной крѣпости, выгравированный на колѣняхъ сидячей каменной статуи царя Гудеа, жившаго около 4000 лѣтъ до Р. Хр.

Крѣпостными стѣнами окружались города и дворцы. Полагаютъ, что и пирамидальные храмы въ критическія минуты служили также укрѣпленіями.

Изящныя искусства. Сумеро-аккады, несомнѣнно, обладали большимъ вкусомъ и настоящимъ художественнымъ чутьемъ. Они оставили послѣ себя довольно значительное

---

[1]) Проф. К. Бецольдъ. „Ассирія и Вавилонія", Спб , 1904 г., стр. 119, табл. XIV.

количество настоящихъ художественныхъ произведеній, особенно въ области пластики.

Пластика ихъ отличалась реализмомъ. Она, повидимому, полностью развилась на месопотамской почвѣ, въ пору мѣдныхъ орудій. Первоначальныя пластическія произведенія этого времени отличаются первобытною неуклюжестью и грубостью формъ. Затѣмъ, вскорѣ произошла перемѣна къ лучшему. Отдѣлка деталей, какъ человѣческихъ, такъ животныхъ и растительныхъ фигуръ, становится всё болѣе и болѣе тщательною и тонкою, передача натуры—удачнѣе и пониманіе формъ, особенно мускулатуры, — зрѣлѣе. Таковы ихъ барельефы и статуи. Особенно большого успѣха достигла скульптура въ концѣ поры мѣдныхъ орудій. Замѣчательныя статуи царя Гудеа изъ Ширпурлы (Телло) представляютъ настоящія художественныя произведенія, значительно превосходящія всѣ извѣстныя вавилонскія и даже ассирійскія статуи болѣе позднихъ временъ. Эти статуи (изъ нихъ одна безъ головы) выполнены въ натуральную человѣческую величину, сдѣланы изъ малахита, вывезеннаго изъ Аравіи, и отличаются строгою стильностью и совершенствомъ техники. Въ ихъ позахъ выражена скромность и въ лицѣ уцѣлѣвшей головы—умъ и наблюдательность [1]).

Изъ барельефовъ особенно замѣчательнымъ считается „стела коршуновъ“, на которомъ изображено отбитіе штурма воиновъ г. Киша, напавшихъ на г. Ширпурлы въ царствованіе надъ послѣднимъ лугаля Эаннаду [2]). Весьма замѣ-

---

[1]) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906 г., стр. 18, клише № 8. Снимокъ, по замѣчанію автора, заимствованъ изъ „Revue d'Assyriologie“ (1904, № 1). Подлинная статуя находится въ Луврѣ. — Проф. К. Бецольдъ. „Ассирія и Вавилонія“, Спб., 1904 г., табл. XI, рис. 1, статуя царя Гудеа изъ Телло (музей Лувра).

[2]) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906 г., стр. 19. — Проф. К. Бецольдъ. „Ассирія и Вавилонія“, Спб., 1904 г., табл. XIII, рис. 1.

чателенъ также барельефъ, изображающій древне-сумерійскаго царя Урнину изъ Ширпурлы (Телло), царствовавшаго около 4200 лѣтъ до Р. Хр., и его сановниковъ [1]).

Не менѣе замѣчательными представляются рѣзныя печати и геммы, указывающія на умѣнье рѣзать, гравировать и шлифовать драгоцѣнные камни.

Живопись также пользовалась большимъ распространеніемъ. Краски употреблялись синія, зеленыя, желтыя, красныя, бѣлыя и черныя. Преобладала живопись декоративная, для росписи стѣнъ.

Изъ музыкальныхъ инструментовъ въ древнѣйшихъ письменныхъ документахъ упоминаются арфы, дудки, цимбалы. Навѣрно были знакомы и барабаны. Судя по большому количеству религіозныхъ гимновъ, найденныхъ на глиняныхъ таблеткахъ, заключаютъ и о процвѣтаніи пѣнія. Повидимому, музыка и пѣніе составляли главную принадлежность богослуженій.

„Распаденіе музыки на отдѣльныя области, отличающіяся по содержанію и направленію, какъ, напр., арія, речитативъ и проч., говоритъ князь В. П. Максутовъ, было совершенно незнакомо древнимъ халдеямъ, у которыхъ музыка, какъ образовательное искусство, находилась еще въ зародышѣ. Тѣмъ не менѣе врядъ ли можно отвергать „музыкальное“ вліяніе Месопотаміи на фараоновскій Египетъ: весьма вѣроятно, что бо́льшая часть музыкальныхъ инструментовъ и игральныхъ приборовъ, представленныхъ на древне-египетскихъ стѣнныхъ изображеніяхъ, были принесены въ страну фараоновъ изъ приевфратскихъ земель“ [2]). И, дѣйствительно, такое вліяніе древнѣйшихъ обитателей Халдеи, сумеро-аккадовъ, на Египетъ и другія страны въ изучаемую пору мѣдныхъ орудій вполнѣ возможно и, навѣрно, было фактомъ.

---

[1]) Ibid., табл. XVIII, рис. 1.

[2]) Кн. В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“, кн. V—VIII, стр. 143.

Письменность, литература и наука. Острый умъ и изобрѣтательность сумеро-аккадовъ особенно сильно выразились въ изобрѣтеніи письменности, созданіи литературы и науки.

Древнѣйшее сумеро-аккадское письмо носило характеръ іероглифовъ, или картиннаго письма: каждый отдѣльный знакъ изображалъ какой-нибудь предметъ; группы знаковъ служили для выраженія тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ понятій. Съ теченіемъ времени, для ускоренія письма, іероглифическое сомкнутое очертаніе замѣнили перерывчатымъ, сдѣланнымъ прямыми штрихами, что имъ сообщило значеніе условнаго знака предмета. Далѣе, уже подъ очевиднымъ вліяніемъ письменнаго матеріала, изъ штрихового контурнаго письма развилась клинопись, сохранившаяся не только до конца поры мѣдныхъ орудій, но и до сравнительно поздняго времени желѣзной эпохи.

Для письма пользовались глиняными плитками-таблетками и очиненными на три грани палочками. Размѣры таблетокъ были различны; самыя большія имѣли около 4—5 вершковъ длины и 3—4 вершковъ ширины. Таблетки вырабатывались изъ хорошей вязкой глины желтоватаго цвѣта. Въ дѣло онѣ пускались сыроватыми, достаточно окрѣпшими, чтобы сохранить написанные знаки. По окончаніи письма, таблетки высушивались или даже обжигались [1]).

Выше мы уже говорили, что таблетки дѣлались плоскими съ одной и нѣсколько выпуклыми съ другой стороны. Письмо всегда начиналось на плоскихъ поверхностяхъ; когда же содержаніе его было велико, то конецъ

---

[1]) Въ настоящее время почти всѣ древнія таблетки оказываются покрытыми сверху бѣловатымъ или сѣрымъ налетомъ выцвѣтовъ почвенныхъ солей, особенно, гипса, крайне затрудняющимъ чтеніе надписей и нелегко удаляемымъ съ поверхностей плитокъ различными химическими манипуляціями.

переносился на обратную сторону; при этомъ таблетка поворачивалась сверху внизъ, такъ что верхъ письма на обратной сторонѣ приходился надъ низомъ письма лицевой стороны.

Клинообразными надписями таблетки покрывались такимъ образомъ: сначала проводились вертикальныя линіи, раздѣлявшія плоскости на нѣсколько столбцовъ, по которымъ и велись надписи сверху внизъ. На лицевой сторонѣ таблетки начинали писать съ лѣваго столбца. Когда надписью покрывался послѣдній (правый) столбецъ, то письмо переносили на обратную сторону и первымъ начинали писать не лѣвый, а правый столбецъ, т.-е. письмо велось по столбцамъ уже справа налѣво. Каждое написанное слово, а иногда и фраза отдѣлялись отъ другихъ поперечными чертами. Если текстъ оказывался настолько длиннымъ, что требовалось нѣсколько таблетокъ, то послѣднія занумеровывались; кромѣ того, для бо́льшей связи, на каждой новой плиткѣ въ началѣ повторялась или та фраза, какою кончалась предшествующая плитка, или первыя слова первой плитки, служившія какъ бы заглавіемъ всего сочиненія.

Чтенію и письму, по многимъ признакамъ, обучались всѣ граждане безъ различія пола. Обученіе начиналось съ дѣтскаго возраста, для чего учреждались школы, снабженныя разными пособіями для учащихъ и учащихся. Въ развалинахъ школы г. Сиппара отысканы таблетки съ поправками учителей и слѣдами пальцевъ учениковъ, стиравшихъ неправильно написанные знаки и слова. На одной таблеткѣ оказалась слѣдующая заслуживающая вниманія надпись: „Кто отличится въ школѣ въ чтеніи и письмѣ, тотъ будетъ блестѣть какъ солнце“ [1]).

При царскихъ дворахъ писцы получали самый высшій окладъ натуральнаго жалованья, именно, въ мѣсяцъ 160 ка зернового хлѣба.

---

[1]) V. Scheil. „Une saison de fouilles à Seapar“, Paris, 1903.

Сумеро-аккады оставили послѣ себя обширную литературу. Къ сожалѣнію многое до сихъ поръ остается непрочитаннымъ. Но и въ прочитанномъ встрѣчаются поэтическія мѣста [1]).

Научныя знанія сумеро-аккадовъ связывались исключительно съ цѣлями практической жизни. Излюбленными ихъ науками являлись астрономія, математика и отчасти медицина.

Астрономіей занимались преимущественно жрецы. Для астрономическихъ наблюденій служили пирамидальные храмы (зиггураты), планъ и оріентировка которыхъ спеціально приспособлялись для астрономическихъ цѣлей. Сумеро-аккадскіе астрономы первыми открыли основные законы, управляющіе движеніями небесныхъ свѣтилъ. Они, повидимому, въ продолженіе всей поры мѣдныхъ орудій, вели безпрерывныя наблюденія надъ ходомъ луны, солнца и планетъ. Они выяснили періодичность лунныхъ и солнечныхъ затменій, опредѣлили настоящее число дней въ году и правильно раздѣлили годъ на мѣсяцы и недѣли [2]). Ихъ астрономическія знанія легли

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, въ какихъ поэтическихъ выраженіяхъ прославляли аборигены Месопотаміи восходъ солнца (Баббаръ): „О, солнце! Ты вступило изъ темной глубины небесной; ты отодвинуло запоры свѣтлаго неба — небесныхъ вратъ. О, солнце! Надъ землею возвысило ты главу свою! Ты наполнило сіяніемъ своимъ всё неизмѣримое пространство небесное и всѣ страны земныя“.

Кромѣ того сохранилось еще болѣе интересное четверостишіе, смыслъ котораго передается такъ:

„Отдыха вовсе не зная,
Спѣшно иду я усталой стопой.
Много, скиталецъ, прошелъ я,
Цѣли жъ желанной всё нѣтъ предо мной“.

Кн. В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“, кн. V—VIII, стр. 99.

[2]) Сумеро-аккады имѣли календари съ указаніемъ праздничныхъ дней; при чемъ въ каждомъ мѣсяцѣ праздновались седьмой (sabbath), четырнадцатый, двадцать первый и двадцать восьмой дни.

въ основу позднѣйшей ассиро-вавилонской астрономіи, достигшей высокаго совершенства.

Сумеро-аккады дѣлили годъ на 360 дней, мѣсяцъ—на 30 дней, день суточный—на 24 часа, часъ—на 60 минутъ и минуту—на 60 секундъ. Послѣднія дѣленія остаются общепринятыми до настоящаго времени. Что касается неправильности дѣленія года на 360 дней, то таковая была замѣчена самими сумеро-аккадами, которые, для исправленія погрѣшности, черезъ извѣстные періоды лѣтъ, вводили необходимыя поправки.

Въ составъ математическихъ знаній входили счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе, дроби, квадраты и кубы чиселъ.

Цыфры писались клинописью. Счисленіе велось по двумъ системамъ: десятичной и шестидесятичной. Послѣдній способъ счисленія пользовался большимъ распространеніемъ.

Медицина едва начала формироваться и находилась въ полной зависимости отъ астрологіи, на почвѣ которой, вѣроятнѣе всего, она и получила свое начало. Лѣкарства приготовлялись изъ разныхъ растеній и минераловъ. Пріёмы лѣкарствъ сопровождались заклинаніями, заговорами и наговорами. Докторовъ не было: лѣчили жрецы и волшебники. Это всё, что можно сказать относительно медицины, да и то не на основаніи прямыхъ источниковъ, а на основаніи болѣе позднихъ документовъ, дошедшихъ отъ ассиро-вавилонянъ.

Религія. Религія сумеро-аккадовъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ изъ ея положеній многія легли въ основу позднѣйшихъ и современныхъ великихъ религій. Если разсматривать сумеро-аккадскую религію въ ея цѣломъ, то она представляетъ, подобно всѣмъ великимъ религіямъ, смѣсь самыхъ возвышенныхъ понятій съ грубымъ матеріализмомъ, суевѣріемъ и шаманствомъ, смѣсь разумнаго пониманія религіи съ тупымъ и нелѣпымъ формализмомъ чисто внѣшней обряд-

ности [1]). Такое явленіе одинаково повсюду зависитъ отъ непониманія общей неразвитой массой человѣчества высшихъ отвлеченныхъ идей, открывающихся черезъ лицъ съ наиболѣе сильными и чуткими умами.

Высшія религіозныя представленія сумеро-аккадовъ заключались въ томъ, что всѣмъ міромъ управляетъ единый Богъ, наблюдающій за созданнымъ имъ міровымъ порядкомъ и награждающій людей за хорошую праведную жизнь на землѣ и за гробомъ, давая, въ послѣднемъ случаѣ, вкусить источники новой жизни. Отсюда, естественно, устанавливалась религія, какъ отношеніе человѣка къ Богу, требовавшее отъ каждаго человѣка знанія Бога и исполненія его требованія — быть хорошимъ, праведнымъ [2]).

Всё это иначе выразилось въ народной религіи, раздѣлившей единаго Бога на троицу боговъ и давшей этой троицѣ множество женъ, сыновей и дочерей, а также споспѣшествующихъ и противодѣйствующихъ духовъ. Троица понадобилась для удовлетворенія космогоническихъ понятій, выработанныхъ наукою того времени, а ея дальнѣйшее дробленіе—для олицетворенія различныхъ естественныхъ явленій.

Космосъ сумеро-аккады трактовали слѣдующимъ образомъ. Земля есть полусфера, въ видѣ опрокинутой круг-

---

[1]) Кн. В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“, кн. V—VIII, стр. 43.

[2]) На одной глиняной таблеткѣ, найденной въ древнѣйшей сумерійской столицѣ Урѣ (Халдейскомъ), оказался написаннымъ слѣдующій гимнъ: „Кто выше всѣхъ на небѣ? Ты единъ. Кто выше всѣхъ на землѣ? Ты единъ. Твое имя исповѣдуется на небесахъ, и добрые духи преклоняютъ предъ тобою свои лики“.

Въ другомъ же гимнѣ говорится: „Милосердый отецъ, полный всепрощенія, содержащій въ рукѣ своей жизнь человѣковъ, Господи, твоя божеская сила необъятна, какъ небо, и моря наполняетъ страхомъ“...

Ibid., стр. 48.

лодонной чаши, окруженная со всѣхъ сторонъ безбрежнымъ океаномъ. Подъ землею находитея бездна, область смерти и вѣчнаго мрака. Выше земли разстилается небо; оно имѣетъ видъ двухъ полусферическихъ совершенно прозрачныхъ хрустальныхъ сводовъ, краями упирающихся на края земли. Къ верхнему своду неба прикрѣплены неподвижныя звѣзды, и самъ онъ вращается, какъ на оси, вокругъ священной горы Карсагъ-Каламма, соединяющей небо и землю. По поверхности нижняго небеснаго свода движатся планеты, а между этимъ сводомъ и землею находится атмосфера съ ея облаками, вѣтрами, грозами и дождями. На востокѣ и на западѣ помѣщались врата, служившія для восхода и заката солнца.

Для управленія тремя главными областями міра были созданы три божества, изъ которыхъ богъ Ану управлялъ небомъ, богъ Эа—землей и богиня Нинкигаль—бездной.

Жена Эа—Дамкина олицетворяла землю, а сынъ ихъ Мирри-Дугга (Мерудугъ, вѣроятно, позднѣйшій Мардукъ) служилъ посредникомъ между отцомъ и людьми.

Мужемъ Нинкигали являлся Нергалъ, богъ войны, а ея постоянными спутниками — два злыхъ демона: Намтаръ, бѣсъ чумы, и Угна, бѣсъ лихорадки. Ихъ постояннымъ жилищемъ служитъ бездна, куда направляются всѣ души умершихъ. Въ этомъ убѣжищѣ мрака нѣтъ ни награды для праведника, ни наказанія для нечестиваго: возмездіе за добро и зло начинается и кончается на землѣ; но въ безднѣ имѣется источникъ жизни, обладающій свойствомъ вернуть на землю душу, напившуюся изъ него воды, и открыть доступъ къ нему могутъ только боги.

Всѣ боги и духи имѣютъ власть помогать и вредить человѣку, но одни изъ нихъ болѣе добродѣтельны, а другіе болѣе зловредны. Для умилостивленія всѣхъ ихъ существовали молитвы и заклинанія. „Каждый человѣкъ со дня своего рожденія поступаетъ подъ покровительство какого-нибудь бога или богини и считается ихъ слугой и сыномъ, онъ ихъ иначе и не называетъ какъ

мой богъ, моя богиня, не дерзая называть по именамъ. Они охраняютъ его днемъ и ночью не столько отъ видимыхъ опасностей, сколько отъ существъ невидимыхъ, которыя шныряютъ поминутно и неотлучно на всякомъ мѣстѣ около людей, осаждая ихъ со всѣхъ сторонъ. Если человѣкъ набоженъ, почитаетъ съ благоговѣніемъ божество собственной страны, неуклонно исполняетъ предписанные обряды, совершаетъ молитвы, приноситъ жертвы, однимъ словомъ, дѣлаетъ добро, тогда онъ никогда не будетъ оставленъ безъ ихъ помощи: они благословляютъ его многочисленнымъ потомствомъ, счастливой старостью, долгими днями до момента, во всѣ времена опредѣленнаго судьбою, въ который онъ долженъ безропотно, съ покорностью оставить дневной свѣтъ".

„Если же, напротивъ, онъ ведетъ нечестивую жизнь, безчестенъ, тогда „его богъ срѣжетъ его, какъ былинку", погубитъ его потомство, сократитъ его дни и предастъ его демонамъ, которые внѣдрятся въ его тѣло и будутъ его мучить болѣзнями раньше, чѣмъ поразить его потомъ смертельно" [1]).

Различнымъ богамъ и богинямъ приносились жертвы, состоявшія изъ животныхъ и растеній, а иногда имъ посвящались земли и имущества. Ихъ прославляли въ особыхъ гимнахъ и молитвахъ, изъ которыхъ многіе сохранились до настоящаго времени.

Погребенія. Обрядъ погребеній всюду является тѣсно связаннымъ съ религіознымъ представленіемъ о загробной жизни. Мы уже видѣли, что сумеро-аккады въ загробной жизни ничего не ожидали, кромѣ источника живой воды, даруемой богами. Такое представленіе не требовало никакихъ особенныхъ матеріальныхъ сборовъ, ни приготовленій въ загробный міръ. Нагимъ явился въ свѣтъ, нагимъ и отойди въ тьму.

---

[1]) Ibid., стр. 46.—Maspero. „Lectures historiques", XIII, 190.

До насъ пока мало дошло свѣдѣній о формѣ и ритуалѣ погребеній. Съ ними знакомитъ насъ только барельефъ „стелы коршуновъ“, гдѣ изображено погребеніе павшихъ воиновъ времени царя Гудеа (около 4000 лѣтъ до Р. Хр.). Воины положены совершенно голыми, безъ ориентировки и порядка, грудой и какъ попало. Надъ сваленными трупами набросаны сучья, взбираясь по которымъ живые люди сыпятъ надъ покойниками холмъ, принося землю въ корзинахъ на своихъ головахъ [1]). Въ то же время трупы непріятельскихъ воиновъ растаскиваются хищными птицами. Отсюда яснымъ становится, что тѣла покойниковъ требовалось предохранить отъ уничтоженія птицами и, конечно, звѣрями; и это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы въ загробный край человѣкъ явился цѣлымъ и чтобы таковымъ вновь возродился, если ему удастся испить живой воды.

Очевидно, подобнымъ образомъ хоронили и всѣхъ людей, т.-е. ихъ клали нагими, безъ ориентировки, съ свободно расположенными конечностями, и засыпали землею. Такимъ образомъ здѣсь мы встрѣчаемся съ первичнымъ обычаемъ сооруженія кургановъ.

Позже, повидимому, въ самомъ концѣ поры мѣдныхъ орудій, появляются погребенія въ глиняныхъ горшкахъ, иногда прикрытыхъ глиняными же горшками той же самой формы, а иногда особыми крышками, а также въ гробахъ, сдѣланныхъ въ видѣ опрокинутыхъ чашъ эллиптической формы. Въ горшкахъ и гробахъ покойниковъ клали въ согнутомъ положеніи и сопровождали глиняными сосудами и другими предметами домашняго быта.

На этомъ мы закончимъ обзоръ древностей замѣчательнаго народа, повидимому, стоявшаго во главѣ культурнаго развитія человѣчества въ продолженіе всей поры

---

[1]) Проф. К. Бецольдъ. „Ассирія и Вавилонія“, Спб., 1904 г., табл. XIII, рис. 1.

мѣдныхъ орудій. Въ заключеніе интересно еще разъ взглянуть на тѣ факторы, которые обусловили такое явленіе.

Мы знаемъ, что сумеро-аккады принадлежали къ желтой расѣ. Эта раса въ настоящее время занимаетъ среднее положеніе какъ въ физическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. По многимъ даннымъ, въ такомъ положеніи эта раса находилась не только въ началѣ металлическаго, но и въ концѣ каменнаго періодовъ, и сумеро-аккады, при обыкновенныхъ условіяхъ, какъ часть, не могли быть выше цѣлаго и въ культурномъ отношеніи не должны быть выше средины. Такъ оно, повидимому, и было до прибытія этого народа въ Месопотамію, гдѣ онъ вынужденъ былъ занять худшія земли, такъ какъ лучшія удерживали болѣе энергичные и не менѣе развитые народы высшей бѣлой расы. Однако, по занятіи угодій въ Месопотаміи, народъ сумеро-аккадовъ не только сталъ выше всѣхъ представителей своей расы, но и выше народовъ бѣлой расы, оказавшись во главѣ общечеловѣческаго прогресса. Очевидно, причины такого явленія лежатъ не только въ самомъ человѣкѣ, но и внѣ его. Что же это за причины? Несомнѣнно, среди нихъ наибольшую роль сыграли физическія свойства занятой сумеро-аккадами страны и ея географическое положеніе въ узлѣ великихъ путей древнихъ международныхъ сношеній.

Физическія свойства страны настоятельно требовали, чтобы народъ сплотился, развилъ возможно шире общественный и даже государственный строй и такимъ образомъ воспріялъ высшую степень культурнаго состоянія.

Въ то же время узловое положеніе страны на лучшихъ путяхъ культурныхъ сношеній давало населенію полную возможность постоянно обогащаться всѣми новостями, всѣми открытіями, сдѣланными самыми образованными народами того времени, и такимъ образомъ помогало стать въ курсѣ общечеловѣческой культуры. Великая честь принадлежитъ сумеро-аккадамъ за то, что они послѣдовали указаніямъ природы вновь занятой страны и

вполнѣ воспользовались выгодами ея географическаго положенія. Но для этого, очевидно, не нужно было генія порывистыхъ бурныхъ народовъ высшей расы, а вполнѣ было достаточно генія болѣе покойныхъ и болѣе практическихъ народовъ средней расы.

Какъ бы то ни было, сумеро-аккады сыграли выдающуюся культурную роль и изъ всѣхъ народовъ желтой расы едва ли не одни имѣютъ право на званіе великихъ культурныхъ народовъ.

Египетъ *).

Величаво и пышно расцвѣтшая на берегахъ Тигра и Евфрата сумеро-аккадская культура не могла остаться безъ благотворнаго вліянія на развитіе культуръ другихъ народовъ. И мы находимъ слѣды этого вліянія не только въ ближайшихъ, но и въ отдаленныхъ областяхъ Азіи, Африки и Европы; особенно же сильно оно выразилось въ культурѣ Египта, во многихъ отношеніяхъ похожаго на южную Месопотамію и одинаково зависящаго отъ періодическаго измѣненія многоводныхъ рѣкъ.

„Великая африканская рѣка, говоритъ Реклю, соотвѣтствуетъ двумъ близнецамъ, Тигру и Евфрату, а потому на берегахъ ея возникла цивилизація, подобная месопотамской и также затерявшаяся во тьмѣ доисторическаго періода. Сходство культуры этихъ двухъ странъ очевидно, если судить по завѣщаннымъ намъ свѣдѣніямъ. Мысль о халдеяхъ наводитъ на мысль объ египтянахъ; нельзя вспомнить о памятникахъ, оставленныхъ намъ первыми, не сравнивая ихъ невольно съ тѣми, что оставили вто-

*) *Литература:*

1) Lepsius. „Die Metalle in den ägyptischen Inschriften“.
2) Кн. В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“.
3) Л. И. Мечниковъ. „Цивилизація и великія историческія рѣки“, Спб., 1898 г.
4) Maspero. „Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique“.
5) Г. Веберъ. „Всеобщая исторія“.

рые, т.-е. египтяне. Оба эти народа стояли близко по культурѣ и развивались одинаково; это объясняется какъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ другъ на друга, такъ и вліяніемъ смежныхъ съ ними народностей. Въ развитіи этихъ двухъ этническихъ группъ есть много сходства, но въ то же время существуютъ и поразительные контрасты, вытекающіе изъ разницы географическаго положенія".

„Въ историческомъ передвиженіи народовъ Месопотаміи замѣчается бо́льшее разнообразіе—такова и природа этихъ рѣкъ... въ Месопотамію всегда свободно находили доступъ различныя племена и народности, которыя, такимъ образомъ, и вліяли на ея историческое развитіе. Напротивъ, Нилъ—единственная рѣка, протекающая по долинѣ, ограниченной съ обѣихъ сторонъ утесами и скалистыми склонами горъ. Онъ тянется узкою полосою по обширной территоріи своего бассейна. Ширина обработанныхъ полей мѣняется отъ 5 до 25 километровъ; существуетъ даже пространство между Θивами и Ассуаномъ, равняющееся по ширинѣ всего 1200 метрамъ, такъ что долина тутъ какъ бы совершенно прерывается. Исторія Нильской долины соотвѣтствуетъ ея географическимъ особенностямъ. Земледѣльческое населеніе сосредоточивалось въ длинномъ жолобѣ, гдѣ рѣка ежегодно разливается, а именно, между двумя противоположными склонами горъ, тогда какъ песочныя или скалистыя пространства, гдѣ Нилъ разлиться не можетъ, почти необитаемы. По нимъ и прежде блуждали лишь бѣдныя кочующія племена, слишкомъ слабыя, чтобы оказать вліяніе на политическое и общественное развитіе народовъ, населявшихъ долину

6) Д. Н. Анучинъ. „Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ". Археолог. Изв. и Зам., изд. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. VI, №№ 3 и 4.

7) I. de-Morgan. „Recherches sur les origines de l'Égypte. L'âge de la pierre et les métaux", Paris, 1896.

8) Его же. „Recherches sur les origines de l'Égypte. Ethnographie préhistorique et tombeau royal de Négadah", Paris, 1897.

рѣки. Всѣ великія перемѣны въ судьбѣ Египта шли какъ бы вдоль долины съ юга на сѣверъ, по теченію рѣки, или наоборотъ. Это и понятно: всякія переселенія и завоеванія могли происходить лишь въ такомъ направленіи, гдѣ для этого были открыты ворота въ міръ; съ одной стороны—у широкой дельты Нила, а съ другой—у его верховьевъ, гдѣ въ него вливаются рѣки, берущія начало съ вершинъ Эѳіопіи или обширныхъ равнинъ Центральной Африки. Какое изъ этихъ двухъ вліяній было важнѣе для населенія — еще неизвѣстно; археологія пока на это отвѣта не дала. Но вообще о движеніи народовъ съ сѣвера мы знаемъ больше, потому что то были семиты и греки; они-то и описали намъ событія такъ, какъ могли видѣть ихъ съ своего наблюдательнаго поста“ [1]).

Площадь Египта представляетъ узкую, длинную полосу, вытянутую съ юга на сѣверъ. Длина ея достигаетъ 1100, ширина на югѣ 12, а на сѣверѣ 270 верстъ. Происхожденіе этой полосы относится къ недавнимъ геологическимъ временамъ. Въ началѣ эоценовой эпохи третичнаго періода Египта еще совсѣмъ не существовало: на мѣстѣ его тогда свободно разливалось море. Только въ слѣдующую міоценовую эпоху, вслѣдствіе поднятія суши или пониженія уровня морскихъ водъ, бо́льшая часть страны вышла изъ-подъ волнъ пучины, обнаживъ мощные пласты нуммулитовыхъ известняковъ, отложившихся въ водахъ отступившаго эоценоваго моря. Въ это время Египетъ составлялъ одно цѣлое съ Аравіей, такъ какъ раздѣляющее ихъ Красное море тогда еще не существовало.

---

9) Его же. „Memphis et la vallée du Nil dans les temps historiques“. La vie contemporaine, 1895, t. III.

10) G. Schweinfurth. „Ueber den Ursprung der Aegypter“.

11) R. Virchow. „Die Mumien der Könige im Museum von Bulag“.

12) С. Мечъ. „Сахара и Нилъ“, 1888 г.

13) M. Champollion-Figeac. „Égypte ancienne“, Paris, 1839.

14) Meyer. „Geschichte des alten Aegyptens“.

[1]) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“, 1908 г., кн. III, стр. 360—363.

Въ продолженіе пліоценовой эпохи почва Египта продолжала подниматься и выходить изъ воды моря, хотя до конца третичнаго періода устье Нила представляло морской заливъ, далеко простиравшійся къ югу и сливавшійся съ озеромъ на мѣстѣ современнаго Фаюма.

Въ началѣ четвертичнаго періода обсохла дельта Нила, образовалось Красное море, и Нилъ впервые пробилъ себѣ путь изъ Центральной Африки чрезъ Ассуанскій горный хребетъ къ Средиземному морю. Полагаютъ, что въ это время Европа переживала ледниковую эпоху, и весь ея сѣверъ и средина были затянуты сплошнымъ ледянымъ чехломъ, откуда приносились въ Африку прохлада и влага, оживлявшія даже мертвую пустыню Сахару. „Самъ Нилъ, говоритъ акад. Д. Н. Анучинъ, въ тѣ времена былъ, несомнѣнно, многоводнѣе, и его разливы въ нѣсколько разъ превышали по мощности современные. Это можно заключить изъ отложеній гальки, покрывающихъ даже высокія террасы по окраинамъ долины и мѣстами еще прикрытыхъ рѣчнымъ пескомъ, но бо́льшей частью песокъ снесенъ вѣтромъ, образовавшимъ подвижныя дюны, отчасти уже подходящія къ заселеннымъ мѣстамъ и пашнямъ. Отложивъ въ теченіе ряда тысячелѣтій мощные слои наносовъ и выровнявъ тѣмъ уклонъ своего ложа, Нилъ утратилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и значительную долю своей силы; онъ переноситъ теперь только илъ и не въ состояніи передвигать гальку. Буренія, произведенныя въ нижнихъ частяхъ долины Нила, показали, что дно рѣки состоитъ изъ пліоценовыхъ (морскихъ) отложеній, прикрытыхъ рѣчными наносами, и, именно, сперва слоями гальки

15) H. Brugsh. „Die Aegyptologie“, 1891.
16) Б. А. Тураевъ. „Богъ Тотъ“.
17) Его же. „Описаніе древне-восточныхъ предметовъ въ Музеѣ Имп. Общества любителей древней письменности“, Спб., 1901 г.
18) Корелинъ. „Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія“, 1893 г.
19) И. Володихинъ. „Архитектурный стиль“, 1898 г.
20) О. Шуази. „Исторія архитектуры“, Москва, 1906 г.

(соотвѣтствующими древнѣйшему періоду жизни рѣки), затѣмъ — песка, далѣе — песка съ иломъ и, наконецъ, — одного ила. Эти послѣдовательныя отложенія должны были постепенно повышать дно, а слѣдовательно и уровень рѣки, и, дѣйствительно, теперь во время разливовъ вода заливаетъ и такія мѣста, которыя ранѣе лежали выше уровня наибольшаго половодья. Такъ, въ Луксорѣ, вода заливаетъ теперь на 1—2 метра полъ храма, построеннаго при Аменхотепѣ III (XIII дин.); въ Эснэ—на 0,1—1 м. полъ зданія, воздвигнутаго при Птоломеяхъ; въ Луксорѣ—на 0,1 м. полъ древней коптской церкви, построенной въ первые вѣка христіанства на мѣстѣ языческаго храма. Вообще (въ послѣднее время) принимаютъ, что возвышеніе почвы, вызываемое отложеніемъ наносовъ Нила, составляетъ около 0,001 м. въ годъ, около 0,1 м. въ столѣтіе и около 1 м. въ тысячу лѣтъ“ [1]).

Изъ всего приведеннаго видно, что, со времени образованія области современнаго Египта, физическія свойства страны были далеко неодинаковыми. Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, важно выяснить, каковыми они были въ продолженіе поры мѣдныхъ орудій. Зная исторію и скорость развитія почвы, намъ не трудно представить рельефъ долины для даннаго времени. Семь тысячъ лѣтъ тому назадъ, когда возникло начало поры мѣдныхъ орудій, поёмная долина р. Нила метровъ на семь была ниже современной, а слѣдовательно была болѣе богата боло-

21) Perrot et Chipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité“, t. I, l'Égypte, Paris, 1882.

22) R. Forrer. „Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Alterthümer“.

23) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“, 1908 г.

24) Проф. Г. Шиллеръ. „Всемірная исторія“, Спб., 1907 г.

25) Ebers. „Aegypten“, Stuttgart, 1880 г.

[1]) Д. Н. Анучинъ. „Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“. Археолог. Изв. и Зам., изд. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. VI, №№ 3 и 4, стр. 95 и 96.

тами и озерами. Чрезвычайно жирная почва и отсутствіе какой-либо культуры ея способствовали могучему развитію дѣвственной фауны и флоры. Всѣ эти явленія производили настолько сильное впечатлѣніе на первыхъ болѣе цивилизованныхъ колонистовъ страны, что о нихъ сохранились преданія, записи и фигурныя изображенія, дошедшія до нашихъ дней. Египетскіе жрецы, въ V вѣкѣ до Р. Хр., говорили Геродоту, что, по имѣющимся преданіямъ, дельта Нила нѣкогда покрывалась моремъ, простиравшимся до Мемфиса, а далѣе вверхъ по рѣкѣ Нилу были многочисленныя и вредныя для здоровья болота. Судя по изображеніямъ временъ первыхъ египетскихъ династій, страна еще и въ эти времена покрывалась обширными лѣсами и роскошными лугами (саваннами), въ которыхъ водились газели, антилопы, жирафы, обезьяны, гиппопотамы, кабаны, страусы, крокодилы, въ настоящее время вытѣсненные или истребленные человѣкомъ. Нубійскія дикія кошки, шакалы, волки, лисицы, гіэны, рыси, леопарды, львы и другіе хищники, потомки которыхъ обитаютъ въ Египтѣ еще и теперь, изобиловали въ то время.

Среди лѣсныхъ зарослей и могучей водяной флоры ютились миріады разнообразныхъ птицъ, а въ водахъ скрывались безчисленныя количества рыбъ. Изъ древесныхъ породъ особенно полезными человѣку являлись финиковыя пальмы, абрикосовыя, фиговыя, гранатовыя и тамарисковыя деревья, а изъ водяныхъ растеній — папирусъ и лотосъ. Папирусъ, какъ хлѣбное растеніе, имѣлъ громадное значеніе. Ростъ его достигалъ до двухъ саженъ. Его мягкое, сочное и ароматическое корневище давало вкусную пищу человѣку, а клейкія волокна стебля, съ развитіемъ культуры, доставляли великолѣпный писчій матеріалъ. Выпеченный изъ папируса хлѣбъ служилъ изысканнымъ лакомствомъ и подавался на царскихъ столахъ[1]).

---

[1]) Масперо. „Древняя исторія народовъ Востока“, Москва, 1903 г., стр. 8, со ссылкой на „Papyrus Anastasi“, IV, табл. XIV, I.

Египетскіе лотосы, или водяныя кувшинки, принадлежали къ тремъ видамъ:

1) бѣлый лотосъ (Nymphaea alba),

2) голубой лотосъ (Nymphaea coerulea),

3) розовый лотосъ (Nymphaea nelumbo).

Изъ этихъ видовъ для человѣка особенно цѣннымъ являлся розовый, называемый въ Египтѣ священнымъ лотосомъ; это растеніе цѣликомъ употреблялось въ пищу; изъ него приготовлялись, по словамъ Діодора, мука, хлѣбъ, и каша.

Мы не будемъ останавливаться на перечнѣ другихъ, несомнѣнно, важныхъ для человѣка естественныхъ произведеній страны, отмѣтимъ только, что въ общемъ всё это обращало Египетъ въ плодородную житницу, способную пропитать огромное населеніе за самый незначительный трудъ съ его стороны.

Однако, на ряду со всѣми этими благотворными явленіями, въ первобытномъ Египтѣ не мало таилось и вредоносныхъ явленій. Таковы чумныя болота, заражавшія воздухъ и разносившія повсюду неумолимую смерть, а также маловодья Нила, особенно дурно вліявшія на земледѣліе, получившее значительное развитіе въ пору мѣдныхъ орудій. Чтобы противостоять всѣмъ этимъ явленіямъ, обитателямъ Египта, подобно обитателямъ южной Месопотаміи, необходимо было сплотиться въ возможно болѣе сильныя сообщества и выработать строгую дисциплину для производства тѣхъ работъ, которыя первоначально направлялись исключительно для противодѣйствія дурнымъ явленіямъ природы. Начало такого народнаго сплоченія на египетскихъ берегахъ Нила совпадаетъ съ порою мѣдныхъ орудій, со введеніемъ въ культуру земледѣлія и скотоводства.

Первое заселеніе Египта совершилось въ палеолитическую эпоху; оно какъ бы сопутствовало возникновенію страны. Въ неолитическую эпоху населеніе значительно увеличилось и достигло довольно высокой степени куль-

турнаго развитія; ему была извѣстна высшая техника обработки кремня и другихъ породъ камня, которыми оно пользовалось для изготовленія орудій, отличавшихся совершенствомъ формъ и чистотою отдѣлки. Главными занятіями его служили охота и рыбная ловля, но земледѣліе и скотоводство оставались или совершенно неизвѣстными, или не выходили изъ первичной стадіи развитія въ видѣ болѣе или менѣе случайныхъ попытокъ и опытовъ.

Съ наступленіемъ металлическаго періода въ Египетъ начинаютъ проникать сначала мѣдныя орудія, высшія искусства, въ видѣ скульптуры и живописи, а затѣмъ какъ бы внезапно появляются вполнѣ развитыми земледѣліе и скотоводство. Вопросъ, какимъ образомъ произошли такія крупныя культурныя перемѣны, тѣсно связывается съ вопросомъ о доисторическомъ и историческомъ населеніи Египта.

Въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи населенія важное значеніе принадлежитъ антропологическимъ даннымъ. Наибольшее количество антропологическаго матеріала, добытаго изъ раскопокъ, обработали Петри и д-ръ Фукэ. Ими положительно выяснено, что доисторическимъ населеніемъ Египта были долихоцефалы, иногда съ ясно выраженными чертами негритянскаго типа; что касается историческаго населенія, то оно представляетъ большую смѣсь разныхъ формъ, въ которой значительную роль начинаетъ играть широкоголовый, или мезоцефалическій, типъ.

Петри считаетъ доисторическое населеніе ливійскимъ, пришедшимъ изъ Сѣверной Африки, мотивируя это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что могилы доисторическаго племени до настоящаго времени были находимы только у западной границы Египта, на окраинѣ Ливійской пустыни, что ихъ обычай класть покойниковъ въ скорченномъ положеніи и въ большихъ сосудахъ повторяется въ Алжирѣ, Испаніи и отмѣчается Діодоромъ на Балеарскихъ островахъ.

Однако доводы Петри не признаются вполнѣ убѣдительными, хотя они приняты де-Морганомъ и проф. Виде-

маномъ; съ ними отчасти соглашается и Швейнфуртъ [1]), утверждающій, что вмѣстѣ съ ливійцами въ заселеніи первобытнаго Египта принимали большое участіе и обитатели восточной Нубіи. Однако послѣднее явленіе имѣло мѣсто уже въ пору мѣдныхъ орудій, когда въ египетской культурѣ ясно выразилось вліяніе историческаго времени Востока. По мнѣнію Швейнфурта, населеніе Нубіи, колонизовавшее Египетъ, пришло въ Африку изъ южной Аравіи или Іемена. Такое заключеніе онъ основываетъ на слѣдующихъ данныхъ, которыя мы приводимъ въ изложеніи Д. Н. Анучина: „1) въ долинахъ Верхняго Египта и Нубіи и теперь еще кочуютъ различныя хамитическія племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ бега, изъ коихъ абадде и бишарины, повидимому, наиболѣе сохранили свой прежній типъ и языкъ, во многихъ отношеніяхъ родственные древне-египетскому; 2) на сосудахъ пра-египетскаго населенія мы встрѣчаемъ часто изображеніе одного своеобразнаго растенія (перешедшее потомъ и въ гіероглифы), подъ которымъ нельзя не узнать вида алоэ (Aloe abyssinica Lam., или Aloe vulgaris Lam.), растущее только къ югу отъ Египта въ Нубіи и южной Аравіи; 3) священными деревьями у египтянъ были еще сикомора и персея (Mimusops), а оба они родомъ тоже изъ южной Аравіи; 4) у абадде еще и теперь въ ходу каменные горшки (подобные которымъ находились въ древнихъ египетскихъ погребеніяхъ поры мѣдныхъ орудій), выдолбленные, правда, только изъ болѣе мягкаго зеленоватаго или чернаго тальковаго сланца, но, во всякомъ случаѣ, представляющіе любопытный пережитокъ глубокой старины; 5) найденныя въ могилахъ раковины—всѣ изъ Краснаго моря, а не изъ Средиземнаго; 6) способъ погребенія въ колодцеобразныхъ ямахъ и въ скорченномъ положеніи распространенъ еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ Африки, при чемъ у нѣкоторыхъ народовъ (напр. у ова-гереро) существуетъ даже обычай втискивать трупъ

[1]) G. Schweinfurth. „Ueber den Ursprung der Aegypter“.

силою въ малое помѣщеніе, нерѣдко ломая при этомъ костякъ въ крестцѣ; 7) можно найти также въ современной Африкѣ параллели и къ древнему обычаю расчлененія труповъ (слѣды котораго были найдены, впрочемъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, наприм., въ дольменахъ Алжира, въ могилахъ бронзоваго вѣка Баваріи, даже кое-гдѣ въ Россіи)“ [1]).

Въ теченіе поры мѣдныхъ орудій вступаютъ новые колонисты, которые, смѣшиваясь съ аборигенами и ранѣе прибывшими переселенцами, окончательно создаютъ типъ историческаго египтянина. Среди новыхъ колонистовъ несомнѣнно были представители бѣлой и желтой расы, а въ томъ числѣ и месопотамскіе сумеро-аккады. Послѣднее доказывается тѣмъ, что значительная часть словъ египетскаго языка, по новѣйшимъ даннымъ языковѣдѣнія, оказалась сумеро-аккадскаго происхожденія; кромѣ того, генеалогія божествъ Египта и сумеро-аккадской Месопотаміи является совершенно тождественною, и имена божествъ—схожими. По мнѣнію Фр. Гоммеля, сумеро-аккады впервые познакомили Египетъ съ обработкой металловъ и воздѣлываніемъ различныхъ хлѣбныхъ злаковъ. Э. Реклю утверждаетъ, что суммерійцы Месопотаміи, прибывши на берегъ Нила, оказали огромное вліяніе на населеніе Египта [2]). Присоединяясь къ мнѣнію обоихъ ученыхъ, мы съ своей стороны замѣтимъ, что подъ очевиднымъ вліяніемъ сумеро-аккадовъ, въ продолженіе поры мѣдныхъ орудій, основной укладъ бытовой, религіозной и политической жизни Египта формулировался по одному и тому же шаблону съ сумеро-аккадскимъ укладомъ жизни въ Месопотаміи. Въ бытѣ обѣихъ странъ господствуетъ земледѣліе, связанное съ искусственнымъ орошеніемъ и дренирова-

---

[1]) Д. Н. Анучинъ. „Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“. Археолог. Изв. и Зам., изд. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. VI, стр. 118 и 119.

[2]) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“, стр. 376.

ніемъ поёмной почвы. Въ религіи главенствуютъ жрецы-астрономы. Для религіозныхъ цѣлей возводятся одинаковыя ступенчатыя пирамиды. Политическая жизнь характеризуется сначала возникновеніемъ автономныхъ городовъ, представлявшихъ съ прилегающими областями какъ бы самостоятельныя государства, пережитками которыхъ въ Египтѣ долгое время оставались номы, затѣмъ образованіемъ федерацій и союзовъ городовъ и ихъ областей и, наконецъ, возникновеніемъ изъ этихъ федерацій и союзовъ всё болѣе и болѣе обширныхъ и могучихъ государствъ.

Когда и въ какомъ размѣрѣ произошло заселеніе Египта сумеро-аккадами, въ настоящее время отвѣтить еще невозможно. Несомнѣннымъ представляется лишь то, что колонизація производилась изъ Месопотаміи, а не изъ первородины сумеро-аккадовъ; это вполнѣ доказывается сходствомъ египетскихъ монументальныхъ кирпичныхъ построекъ съ месопотамскими, неизвѣстными ни въ какой другой странѣ. При современныхъ археологическихъ данныхъ, несомнѣннымъ также представляется, что колонизація послѣдовала въ пору мѣдныхъ орудій и скорѣе въ срединѣ ея, чѣмъ въ началѣ, такъ какъ извѣстно, что ранѣе пришедшіе въ Египетъ нубійцы или другіе праегиптяне уже имѣли мѣдныя орудія, познакомиться съ которыми они могли только отъ цивилизованныхъ обитателей Месопотаміи, т.-е. сумеро-аккадовъ. Наконецъ, тотъ фактъ, что въ Египтѣ древнѣйшія ступенчатыя пирамиды служили не храмами, а гробницами царей, также можетъ говорить лишь за сравнительно позднее появленіе сумеро-аккадовъ въ Египтѣ. Нужно полагать, что съ водвореніемъ ихъ возникла письменность, давшая начало исторіи. Для опредѣленія этого начала имѣется двѣ категоріи датъ; изъ нихъ первая касается датъ царствованія фараоновъ, а вторая — начальнаго года счисленія по Сотисовымъ періодамъ.

Для опредѣленія времени царствованія фараоновъ пользуются спискомъ царей, составленнымъ при Птоло-

меѣ II (285—247 г. до Р. Хр.) египетскимъ первосвященникомъ Манеѳономъ. Къ сожалѣнію этотъ списокъ составленъ такъ неясно, что остается неизвѣстнымъ, считать ли всѣ династіи, перечисленныя Манеѳономъ, царствовавшими одна за другой, или допускать, что нѣкоторыя изъ этихъ династій царствовали въ разныхъ областяхъ одновременно. Въ первомъ случаѣ царствованіе перваго фараона Менеса слѣдуетъ отнести за 5702 года до Р. Хр., а во второмъ за 3180 лѣтъ и даже менѣе [1]).

Египетскіе жрецы распредѣляли исторію Египта по Сотисовымъ періодамъ [2]). Каждый такой періодъ равнялся

---

[1]) „Боекъ (Boeckh) относитъ восшествіе на престолъ перваго фараона къ 5702 году до Р. Хр., Унгеръ считаетъ дату 5613, Бругшъ—4455, Лаутъ—4157, Лепсіусъ—3892, Гоммель—3800, Бунзенъ—3623, Мейеръ—3180 и т. д.“ — Князь В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“, т. I, кн. I—IV, стр. 448.

[2]) Въ Египтѣ еще во времена древняго царства „былъ установленъ гражданскій годъ въ 365 дней. Разница между нимъ и періодомъ обращенія земли вокругъ солнца, составляющая почти четвертую долю дня, не была принята въ расчётъ. Въ то время, когда была установлена продолжительность года, начало его совпадало съ тѣмъ днемъ, когда солнце восходитъ и заходитъ вмѣстѣ съ Сотисомъ (Сиріусомъ); это день, который считался тогда началомъ разлива Нила. Но съ теченіемъ времени начало гражданскаго года передвигалось черезъ всѣ времена физическаго года, потому онъ называется „движущимся“. Египетскіе астрономы замѣтили, что въ каждые четыре года гражданскій годъ подвигается на цѣлый день впередъ физическаго, и что религіозные праздники перестаютъ совпадать съ временами года, въ какія совершались первоначально. Они исправили неточность, установивъ кромѣ движущагося гражданскаго года другой, неподвижный, продолжительность котораго опредѣлили въ $365^1/_4$ дней, и ввели четырехлѣтній періодъ, который принятъ въ Юліанскомъ календарѣ: три года имѣли по 365 дней, четвертый годъ имѣлъ 366 дней. Такимъ образомъ выходило, что первый день истиннаго солнечнаго года, совпадавшій съ 1 числомъ мѣсяца Тота гражданскаго года, черезъ 4 неподвижные года совпадалъ со 2 числомъ Тота, черезъ дважды четыре года съ 3 числомъ и т. д. Въ 365 четырехлѣтій, т.-е. въ 1460 истинныхъ солнечныхъ лѣтъ, черезъ первый день неподвижнаго года переходили всѣ дни гражданскаго года, и слѣ-

1460 годамъ. Послѣдній годъ третьяго періода Сотиса совпалъ съ 139 годомъ по Р. Хр. „Эта цифра, говоритъ Г. Веберъ, даетъ основаніе для достовѣрнаго опредѣленія времени первыхъ двухъ періодовъ: второй періодъ Сотиса кончился въ царствованіе Менефты, итакъ 1322 годъ до Р. Хр. принадлежалъ времени царствованія Менефты; первый періодъ кончился въ 2782 году, слѣдовательно начался въ 4242 году; такимъ образомъ можно полагать, что начало египетской исторіи совпадаетъ съ этимъ годомъ. Черезъ 350 лѣтъ послѣ начала перваго періода Сотиса, по хронологіи египетскихъ жрецовъ, Менесъ основалъ Мемфисское царство“ [1]).

Такія даты представляются наиболѣе вѣрными, но, примиряя ихъ съ датами первой категоріи, мы, по примѣру нѣкоторыхъ историковъ [2]), остановимся на средней ариѳметической, опредѣляющей время царствованія Менеса около 4440 лѣтъ до Р. Хр. и начало египетской исторіи около 4800 лѣтъ. При такомъ условіи къ порѣ мѣдныхъ орудій должно быть отнесено время царствованія фараоновъ 1-й и отчасти 2-й династій [3]), и это тѣмъ болѣе справедливо, что при послѣдней династіи въ Египтѣ появляются бронзовыя орудія [4]), характеризующія послѣдующую пору культурнаго развитія.

дующій первый день истиннаго солнечнаго года снова совпадалъ съ 1 числомъ мѣсяца Тота, обѣ формы года снова сходились: 1460 неподвижныхъ лѣтъ составляли ровно 1461 гражданскій годъ. Этотъ великій періодъ уравненія двухъ формъ года былъ названъ Сотисовымъ періодомъ, т.-е. періодомъ Сиріуса, потому что началомъ его было опредѣлено время, когда обѣ формы года будутъ имѣть первымъ своимъ днемъ тотъ день, въ который солнце восходитъ и заходитъ вмѣстѣ съ Сиріусомъ (Сотисомъ)“.—Г. Веберъ. „Всеобщая исторія“, стр. 133 и 134.

[1]) Ibid , стр. 134.

[2]) Князь В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“, т. I, кн. I—IV, стр. 448.

[3]) Первая династія существовала 263, вторая 302 года. Обѣ онѣ были тинитскаго происхожденія.

[4]) Д. Н. Анучинъ. „Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе

Такимъ образомъ въ настоящемъ отдѣлѣ намъ приходится познакомиться съ памятниками времени зарожденія и перваго развитія египетской культуры. Въ данномъ случаѣ особенно важно отмѣтить какъ то, что отражаетъ оригинальную мысль мѣстнаго народнаго генія, такъ и то, что носитъ слѣды заимствованій отъ другихъ народовъ. Мы начнемъ съ обзора вещественныхъ памятниковъ.

Металлы. Первымъ металломъ, съ которымъ познакомились обитатели Египта, несомнѣнно, было золото: его находятъ въ древнѣйшихъ погребеніяхъ, возрастъ которыхъ относятъ болѣе, чѣмъ за четыре тысячи лѣтъ до Р. Хр. Такъ одна золотая веретенообразная бусина и нѣсколько обломковъ другихъ золотыхъ вещей были найдены въ гробницахъ Негады [1]) и Абида. Кромѣ того, одинъ кремневый прекрасно-оббитый ножъ, найденный при другихъ условіяхъ, оказался наполовину обернутымъ золотымъ листомъ, покрытымъ гравированными изображеніями змѣй, антилопъ, коровъ и льва. Имѣются случаи и другихъ находокъ золотыхъ предметовъ. Древнее египетское золото заключаетъ въ себѣ довольно значительную примѣсь серебра, что показываетъ на неумѣнье раздѣлять эти металлы, обыкновенно являющіеся смѣшанными въ природѣ.

Чаще встрѣчаются подѣлки изъ мѣди. Мѣдныя издѣлія найдены какъ въ древнѣйшихъ царскихъ погребеніяхъ, такъ и въ погребеніяхъ простыхъ смертныхъ. Въ составъ этихъ издѣлій входятъ мѣдные топоры, наконечники копій, долота, ножи, шила, иглы, проволоки и сосуды. Топоры имѣли видъ пластинокъ, по формѣ вполнѣ схожихъ съ полированными пластинками кремневыхъ топоровъ, подобно которымъ они скрѣплялись и съ рукоятками посредствомъ паза, вырѣзаннаго въ древкѣ, и крѣпкихъ пе-

---

Египта, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ". Археолог. Изв. и Зам., изд. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. VI, стр. 113.

[1]) Гробница Негады приписывается первому фараону Менесу.

ревязокъ. Изображеніе ихъ часто можно видѣть въ гіероглифическихъ надписяхъ.

Химическій анализъ описываемыхъ издѣлій, произведенный французскимъ химикомъ проф. Бертело, выяснилъ, что всѣ они состоятъ изъ чистой мѣди, лишь съ незначительными прибавленіями мышьяка, свинца и цинка, часто составляющихъ естественную примѣсь мѣдной руды. Интересно отмѣтить отсутствіе слѣдовъ олова. Это явленіе указываетъ на полное незнакомство египтянъ въ разсматриваемую культурную пору съ бронзой. Допускаютъ, что древнѣйшая мѣдь получалась египтянами съ Синая, гдѣ найдены надписи и картуши фараоновъ III династіи, царствовавшей въ самомъ началѣ поры бронзовыхъ орудій.

Орудія и оружіе. На ряду съ металлическими повсюду еще существовали болѣе первобытныя орудія и оружіе изъ камня, кости и дерева. Особенно много ихъ было въ началѣ поры, къ концу же, ко времени первыхъ фараоновъ, они становятся болѣе рѣдкими. Обработка кремня въ разсматриваемое время достигла наибольшаго совершенства. На стоянкахъ и въ погребеніяхъ находятъ великолѣпно - отдѣланные кривые ножи, кинжалы, наконечники копій, наконечники стрѣлъ, пилки и тщательно-оббитые или полированные топоры. Послѣдніе, для удобства скрѣпленія ихъ съ рукоятками, часто имѣли боковые выступы, каковые повторялись и у мѣдныхъ топоровъ.

Кремневыя пилки вырабатывались съ большимъ искусствомъ. Ихъ острые зубцы располагались по одному краю ножевидныхъ пластинокъ, напоминая зазубрины металлическихъ серповъ, за каковые нѣкоторые изслѣдователи и принимаютъ эти подѣлки.

Наконечники стрѣлъ встрѣчались самыхъ разнообразныхъ формъ и, повидимому, пользовались въ продолженіе всей поры исключительнымъ употребленіемъ. Среди ихъ формъ встрѣчаются листовидныя, трехугольныя съ выемкой въ основаніи, съ боковыми вырѣзами для удобства

привязи къ древку, съ черенками и развильчатыми лезвіями. Послѣднія представляютъ особенный интересъ, потому что онѣ, явившись результатомъ окончательнаго развитія неолитическихъ стрѣлъ съ поперечнымъ лезвіемъ, сами стали прототипомъ вилообразныхъ металлическихъ стрѣлъ, дошедшихъ въ разныхъ странахъ до очень поздняго, а въ Сибири даже до нашего, времени.

Кремневые ножи отличались совершенствомъ отдѣлки и удержались въ египетской культурѣ особенно долго. Послѣднее объясняется тѣмъ, что эти ножи пользовались ритуальнымъ значеніемъ, благодаря которому только ими можно было вскрывать трупы покойниковъ, предназначенныхъ для бальзамированія. Эти ножи имѣли кривую серповидную форму, достигали необыкновенно крупныхъ размѣровъ, имѣли рукоятки иногда обложенными золотомъ, клинки отполированными, а лезвія остроначоченными.

Помимо названныхъ и другихъ подобныхъ орудій въ Египтѣ употреблялись метательные камни и боласы, или арканы.

Виды и многія детали боевого и охотничьяго оружія изображены на тальковой плиткѣ[1]). Эта плитка хранится въ Луврскомъ музеѣ. По формѣ она напоминаетъ палитру художниковъ, называемую палеттой (palette). Такія каменныя палетты въ Египтѣ находятся часто. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ онѣ являются отголоскомъ древнѣйшаго месопотамскаго искусства. Сначала ихъ считали подарками, которые присылались ассирійскими царями египетскимъ фараонамъ; но проф. Штейндорфъ доказалъ, что работа ихъ мѣстная египетская и относится къ болѣе глубокой древности. На луврской палеттѣ изображены воины, производящіе охоту на разныхъ дикихъ животныхъ и звѣрей. Ихъ вооруженіе довольно разнообразно. Часть воиновъ вооружена

[1]) Д. Н. Анучинъ. Цитированная статья, стр. 124, рис. 19.— Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906 г., стр. 8, клише № 2.

луками и стрѣлами, другая часть—луками, кинжалами и бумерангами, третья — копьями, кинжалами, бумерангами и топорами, четвертая—бумерангами и дубинами и, наконецъ, одинъ человѣкъ вооруженъ арканомъ, который онъ успѣлъ ловко набросить на вѣтвистые рога оленя.

Лукъ представленъ съ характерно вогнутой срединой и круто согнутыми концами. По своей формѣ и величинѣ, онъ вполнѣ тождественъ съ луками современныхъ сибирскихъ самоѣдовъ[1]). Стрѣлы трехугольныя и съ развильчатыми или широкими лезвіями въ родѣ срѣзней, еще недавно существовавшихъ повсюду въ Россіи и сохранившихся у нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ до настоящихъ дней.

Копья представлены съ древками длиною въ ростъ человѣка; наконечники ихъ, повидимому, были металлическими.

Топоръ имѣется только у одного воина; онъ—съ двумя лезвіями. Въ Египтѣ такіе топоры были очень рѣдки, обычными они являлись въ Месопотаміи у сумеро-аккадовъ, откуда, вѣроятнѣе всего, и были заимствованы Египтомъ.

Кинжалы—короткіе и листовидной формы. Рисунокъ не передаетъ вещества кинжаловъ: они могли быть металлическими (мѣдными) и кремневыми.

Въ рукахъ нѣсколькихъ воиновъ изображены бумеранги. Это—весьма интересная подробность. Древнѣйшіе бумеранги извѣстны на изображеніяхъ месопотамскихъ сумеро-аккадовъ, позже мы ихъ находимъ у индусовъ и австралійцевъ. Гёксли, указывая на нѣкоторыя черты сходства древнихъ египтянъ съ названными народностями, особенно отмѣчаетъ нахожденіе у всѣхъ ихъ бумеранговъ, видя въ этомъ признакъ общности и единства происхожденія всѣхъ трехъ народовъ. Не заходя такъ далеко, мы замѣтимъ только, что происхожденіе египетскаго бумеранга

---

[1]) Образцы самоѣдскихъ луковъ и стрѣлъ имѣются въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.

отъ сумеро-аккадскаго представляется весьма и весьма вѣроятнымъ.

Кромѣ бумеранговъ, были въ употребленіи дубины и палицы. Судя по сохранившимся ихъ изображеніямъ, онѣ формой вполнѣ походили на дубины современныхъ дикарей Африки и Австраліи.

Извѣстны были мѣдныя и кремневыя пилы и такіе же серпы.

Костяныя орудія также не составляли рѣдкости. Они вырабатывались не только изъ простой, но и изъ слоновой и гиппопотамовой кости. Въ составъ ихъ входили шила, разнаго рода острія, иногда покрытыя орнаментомъ, гарпуны, пилы и др. Сверхъ того изъ кости вырабатывались разныя мелкія вещицы, въ родѣ булавокъ, гребней, ложекъ, привѣсокъ, амулетовъ и статуэтокъ, изображающихъ людей, животныхъ и птицъ. Изъ этихъ вещицъ заслуживаютъ вниманія статуэтки льва и собаки, вырѣзанныя изъ слоновой кости. Онѣ найдены въ гробницѣ Негады, приписываемой фараону Менесу. Характерныя лежачія позы съ поджатыми задними и вытянутыми передними ногами этихъ животныхъ вполнѣ воспроизводятъ позы сфинксовъ.

Керамика. Керамика египтянъ поры мѣдныхъ орудій представляетъ выдающійся интересъ какъ по эволюціи, пережитой самимъ ремесломъ, по изображеніямъ разныхъ картинъ быта, такъ и по тѣмъ чертамъ, которыя указываютъ на культурныя связи Египта съ другими странами. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ керамическая посуда и разнаго рода мелкія изящныя издѣлія.

Матеріаломъ обычныхъ керамическихъ издѣлій служила иловатая нильская глина. Предметы, вылѣпленные изъ этой глины, послѣ обжиганія получали желтоватый или красноватый цвѣтъ. Для бо́льшей прочности издѣлій къ глинѣ примѣшивался песокъ. Сосуды вырабатывались отъ руки безъ помощи какихъ-либо вспомогательныхъ

снарядовъ, въ родѣ правилъ, формъ и т. п. Несмотря на послѣднее обстоятельство, формы ихъ отличались симметричностью и тщательностью внѣшней отдѣлки.

Въ составъ керамическихъ издѣлій входили разнаго рода сосуды, пластическія и архитектурныя издѣлія.

Въ числѣ сосудовъ преобладали обыкновенные кухонные горшки, чаши, кувшины, кубки, нерѣдко встрѣчались также и двойные сосуды.

Кухонные горшки имѣли разныя формы. Болѣе примитивные изъ нихъ оказывались совершенно схожими съ неолитическими: они были конусовидной формы безъ шеекъ и съ округлымъ дномъ. Среди болѣе развитыхъ формъ преобладаютъ плоскодонныя съ утолщенными краями, болѣе или менѣе сильно выраженными шейками и выпуклыми боковыми стѣнками. Нѣкоторые имѣли небольшія ушки.

Чаши представляли развалистыя формы. Размѣры ихъ довольно разнообразны и указываютъ на различное употребленіе этихъ сосудовъ, служившихъ, вѣроятно, какъ для кушаній, такъ и для питья.

Кувшины имѣли форму узкогорлыхъ бутылей, амфоръ и совершенно оригинальныхъ высокихъ широкогорлыхъ сосудовъ. Ручки отсутствуютъ; ихъ изрѣдка замѣняютъ ушки, располагаемыя то на перехватѣ шейки, то на выпуклостяхъ боковыхъ стѣнокъ.

Двойные сосуды соединялись одною перемычкою и всегда имѣли ушки, такъ какъ, несомнѣнно, служили для переноса пищи на болѣе далекія разстоянія, напр., изъ дома на убираемое поле, лугъ и т. п.

Для воды иногда употреблялись особые сосуды съ рѣшетчатыми отверстіями. Такіе сосуды существуютъ въ Египтѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ до настоящаго времени.

Для прикрытія сосудовъ дѣлались спеціальныя крышки въ видѣ глиняныхъ чашечекъ и коническихъ глиняныхъ пробокъ. Для постановки круглодонныхъ сосудовъ употреблялись особыя подставки.

Обжиганіе сосудовъ производилось, повидимому, въ печахъ; въ началѣ поры оно было не выше средняго, но къ концу ея стало сильнымъ, сообщавшимъ глинѣ, вмѣсто красноватаго, ярко-красный цвѣтъ.

Орнаментика сосудовъ являлась весьма распространенною. Въ узорахъ преобладали семейства рѣзныхъ, инкрустированныхъ, лѣпныхъ, расписныхъ и точеныхъ. Семейства печатныхъ и чеканныхъ совершенно отсутствовали.

Изъ семейства рѣзныхъ чаще всего фигурируетъ элементъ зигзаговаго орнамента, дававшаго въ своихъ сочетаніяхъ разнаго рода зубцы, городки и т. п.

Бо́льшій интересъ представляетъ семейство инкрустированныхъ. Инкрустація употреблялась линейная, пунктирная же инкрустація совершенно отсутствовала. Для инкрустированія употреблялась бѣлая мастика, которая втиралась въ углубленія, прочерченныя по сырой глинѣ сосудовъ. На сосудахъ, добытыхъ раскопками въ Гебелейнѣ, оказались изображенными фигуры людей, животныхъ, рыбъ, деревьевъ и геометрическихъ угловъ или городковъ.

Инкрустированный орнаментъ встрѣчается на обширной площади, включающей, помимо Египта, Малую Азію и почти всю площадь Европы. Время существованія его растягивается на нѣсколько тысячелѣтій. Въ какомъ мѣстѣ и когда получилъ начало этотъ интересный орнаментъ, пока неизвѣстно, но, при настоящемъ состояніи нашего знанія, гебелейнскіе инкрустированные сосуды должны быть отнесены къ самымъ древнимъ.

Лѣпной орнаментъ, повидимому, не пользовался распространеніемъ. Въ видѣ шнурового элемента мы его находимъ на сосудѣ изъ царской гробницы Негады, на глиняной конусовидной покрышкѣ котораго оказались отпечатки картуша (клейма), какъ полагаютъ, перваго египетскаго фараона.

Наибольшимъ и господствующимъ распространеніемъ пользовалось семейство расписного орнамента. Роспись

производилась кистью или бородкой пера. Для росписи употреблялись черная и красная краска. Среди элементовъ орнамента преобладаютъ линейный, волнообразный и фигурный. Волнообразный орнаментъ, кажется, употреблялся и для стилизованнаго изображенія воды и рѣкъ. Среди фигурныхъ находятся изображенія кружковъ, треугольниковъ, концентрическихъ завитковъ, растеній, птицъ, животныхъ, людей, ихъ жилищъ, лодокъ и т. п. Фигурныя изображенія даютъ обширный матеріалъ для изученія какъ самого человѣка и его быта, такъ и окружающей фауны и флоры. Изъ растеній легко узнаются лотосы, алоэ и сикоморы, изъ птицъ—страусы и фламинго со спирально загнутыми шеей и клювомъ, изъ животныхъ—газели, антилопы, жирафы и крокодилы. Люди представлены въ костюмахъ и голыми, въ разныхъ возрастахъ и полахъ.

Обыкновенно узоры покрываютъ всю поверхность сосудовъ. Ихъ комбинаціи всегда хорошо продуманы и нерѣдко изящны. Поверхность многихъ сосудовъ полировалась.

Остается еще упомянуть о каменныхъ и костяныхъ сосудахъ. Эти сосуды имѣли малые размѣры и часто представляли изъ себя животныхъ, птицъ, рыбъ, лодки и др. Каменные сосуды пользовались широкимъ распространеніемъ и вырабатывались изъ различныхъ кристаллическихъ породъ камня. Изготовленіе ихъ требовало много времени и усилій. Полагаютъ, что отдѣлка ихъ производилась только при помощи деревянныхъ клиньевъ, молотка, песка и воды. Поверхность такихъ сосудовъ также украшалась разнаго рода изображеніями и геометрическими узорами.

Кромѣ бытовыхъ сосудовъ, изъ глины приготовлялись ритуальные сосуды, или цисты, а также разнаго рода фигурки, пряслица и кирпичи. Цисты имѣли видъ ящика эллиптической формы, прикрывавшагося глиняной, хорошо пригнанной крышкой. Эти цисты вполнѣ схожи съ месопотамскими цистами, отъ которыхъ онѣ, вѣроятнѣе всего, и

получили начало. Пряслица вырабатывались изъ глины и камня и указываютъ на существованіе нитокъ и тканей.

Кирпичное производство практиковалось въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Египетскіе кирпичи имѣли плоскую, продолговатую форму, въ общемъ схожую съ современною [1]). Они вырабатывались изъ вязкой нильской глины съ примѣсью рубленной соломы. Ихъ техника и формовка, несомнѣнно, цѣликомъ заимствованы изъ Месопотаміи. Интересно, что даже такая деталь, какъ клейменіе кирпичей, производившееся въ Месопотаміи сумеро-аккадами, практиковалась и въ Египтѣ [2]). Приготовленіе кирпича считалось черною работою, на которую впослѣдствіи употреблялись плѣнники и порабощенные народы [3]). Кирпичи не обжигались, а высушивались на солнцѣ.

Въ заключеніе скажемъ о глиняныхъ цилиндрическихъ печатяхъ. Оригиналы этихъ печатей найти еще не удалось, отыскались только ихъ оттиски на глиняныхъ коническихъ пробкахъ, закупоривавшихъ сосуды съ виномъ или съ другими жидкостями. Судя по этимъ оттискамъ, египетскія печати были совершенно схожи съ сумеро-аккадскими. Онѣ покрывались изображеніями или надписями [4]).

Одежда и украшенія. Египетъ—жаркая страна; одежда въ ней не составляла первой необходимости, и если её носили, то или какъ украшеніе, или какъ предметъ для прикрытія наготы; впрочемъ о послѣднемъ заботились меньше, и чаще женщины, чѣмъ мужчины. На самыхъ древнихъ, дошедшихъ до насъ, изображеніяхъ на гли-

---

[1]) Размѣры египетскихъ кирпичей равнялись 14×38×11 см. *Авт.*

[2]) Perrot et Chipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité", l'Égypte, t. I, p. 506.

[3]) Исходъ, V, 6—8.

[4]) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика", Спб., 1906 г., стр. 10 и 11, рис. 3, 4, 5 и 6.

няныхъ сосудахъ изъ Гебелейна и Абидоса мужчины и дѣти представлены совершенно голыми, но женщины уже одѣтыми въ длинныя юбки. Эти изображенія относятся къ началу поры мѣдныхъ орудій, до проникновенія въ Египетъ месопотамской культуры и образованія египетской національности. На людяхъ не видно никакихъ украшеній, и головы ихъ представлены круглыми; послѣдній признакъ указываетъ на отсутствіе на головѣ длинныхъ волосъ, изобличая, можетъ быть, принадлежность изображенныхъ людей къ негритянской расѣ.

На луврской палеттѣ, относящейся ко времени вліянія Месопотаміи на Египетъ и, вѣроятнѣе всего, ко времени перваго образованія египетской націи, всѣ мужчины представлены въ юбкахъ, опоясанныхъ широкими кушаками, оканчивающимися звѣринымъ хвостомъ. Юбки эти—короткія, совершенно сходныя съ сумеро-аккадскими, но мало похожія на позднеегипетскія. Обычай носить звѣриные хвосты сохранялся въ Египтѣ очень долго, но со временъ первыхъ династій имъ пользовались только фараоны; очевидно, этотъ обычай общепринятымъ былъ ранѣе образованія государствъ, т.-е. во время общинно-городского строя. На головахъ воиновъ представлены курчавые или завитые волосы, спускающіеся до плечъ; на лицахъ замѣтны небольшія бороды. Почти у каждаго воина въ волоса воткнуты страусовыя перья.

Во время царствованія фараоновъ первыхъ династій костюмы установились прочно и надолго. Фараоны и болѣе знатные мужчины носили короткія юбки, укороченныя спереди и удлиненныя назади; эти юбки чаще оказываются не сшитыми, а запахивающимися свободными полами. Мужчины низшихъ ранговъ иногда ограничивались только поясами цѣломудрія или платками, закрывавшими задъ и бедра. Иногда употреблялись накидки, покрывавшія спину и плечи, съ застежкой на груди.

Жрецы ходили въ бѣлой холстинной одеждѣ, а при совершеніи богослуженій накидывали на плечи шкуру пан-

теры или леопарда и опоясывались дорогими вышитыми поясами.

Женщины одѣвались въ длинныя сшитыя или запахивавшіяся юбки. Дѣти, обыкновенно, ходили голыми.

Волосы на головѣ мужчины стригли или подстригали, а женщины заплетали на множество мелкихъ косъ. На головахъ первые носили круглыя шапочки, а вторыя—повязки и платки.

Украшеніями служили ожерелья, браслеты и привѣски. Ожерелья составлялись изъ бусъ цилиндрической формы, сдѣланныхъ изъ раковинъ, известняка, серпентина, сердолика, мѣди, золота и особой голубоватой пасты, удержавшейся до конца существованія государства.

Браслеты изготовлялись изъ слоновой кости, перламутра, золота и мѣди. Привѣски отличались большимъ разнообразіемъ. Онѣ имѣли видъ то каменныхъ пластинокъ геометрической формы, гладкихъ или покрытыхъ узоромъ, то миніатюрныхъ изображеній животныхъ и птицъ.

Земледѣліе. Земледѣліе составляло основу благосостоянія Египта, но оно въ началѣ поры мѣдныхъ орудій еще не было извѣстно: съ нимъ познакомились только съ прибытіемъ месопотамскихъ колонистовъ, наложившихъ ясную печать на всё производство этой отрасли хозяйства. Богатѣйшіе урожаи Египта, подобно урожаямъ Месопотаміи, зависѣли исключительно отъ орошенія почвы. Главнымъ источникомъ орошенія служили разливы Нила. Ежегодно въ іюнѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе періодическихъ дождей въ тропической области Африки, Нилъ начинаетъ подыматься. Въ іюлѣ воды его выступаютъ изъ береговъ. Въ сентябрѣ онѣ достигаютъ наивысшаго уровня, затопляя всю аллювіальную долину и дѣлая Египетъ похожимъ на море, по которому, какъ острова, раскидываются живописные города и села, занимающіе наиболѣе высокія мѣста долины. Разливы не всегда бываютъ одинаковы: одинъ годъ они слишкомъ обильны, другой—слишкомъ скудны. Въ первомъ случаѣ страна обращается въ обширное бо-

лото, во второмъ — въ пустыню, сожжённую солнцемъ. Чтобы избавиться отъ такихъ тяжелыхъ явленій, земледѣльческому населенію прежде всего потребовалось урегулировать разливы рѣки. Съ этою цѣлью въ Египтѣ, какъ и въ Месопотаміи, были сооружены огромные оросительные и дренажные каналы, плотины и шлюзы. Но и эти дорого стоившія гидравлическія сооруженія не всегда спасали отъ болѣе или менѣе крупныхъ бѣдствій. „Правильное разлитіе, говоритъ Плиній Старшій, поднимаетъ воду на 16 локтей; при меньшей высотѣ вода не покрывала всего нужнаго для земледѣлія пространства, и нельзя было бросать сѣмянъ въ сухую почву. А при бо́льшей высотѣ вода требовала лишнее время для своего отлива, чѣмъ замедлялись полевыя работы; сѣмена также нельзя было сѣять на почву слишкомъ еще влажную и, слѣдовательно, упускалась опредѣленная для того пора. Египетъ боялся той и другой крайности: при 12-ти локтяхъ высоты ему предстоялъ голодъ, при 13-ти онъ еще опасался недостатка въ продовольствіи: 14 локтей уже радовали жителей, 15 производили успокоеніе, а 16 обѣщали обиліе и вызывали восторгъ“. „Зрѣлище нильскаго разлива, говоритъ Осборнъ, составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній моей жизни. Вся природа ликуетъ отъ радости. Мужчины, дѣти, стада одичавшихъ быковъ рѣзвятся въ освѣжительныхъ водахъ Нила, широкія волны котораго влекутъ за собою стаи рыбъ, сверкающихъ своею чешуею, а всевозможныя птицы тучами вьются надъ ними. Лишь только плодоносная вода смочитъ песокъ, какъ Нилъ уже кишитъ милліонами насѣкомыхъ“. Въ это время открываются плотины, и вода впускается въ искусственные каналы и озера, орошающіе болѣе удаленныя и возвышенныя пашни[1]).

[1]) Такія искусственно-орошенныя пашни въ Египтѣ называются „шаракъ“, очевидно, отъ сумеро-аккадскаго „шаръ“, обозначающаго участокъ пашни мѣрою въ 9 квадратныхъ саженъ.

Авт.

Съ окончаніемъ періода дождей подъ тропиками, Нилъ мало-по-малу убираетъ свои воды и возвращается въ свои берега, оставляя повсюду осадки темнаго плодороднаго ила. Въ октябрѣ поля достаточно обсыхаютъ и становятся готовыми для обработки. Прекрасныя дошедшія до насъ изображенія позволяютъ прослѣдить весь ходъ земледѣльческихъ работъ. Описаніе послѣднихъ древними очевидцами лишь немного прибавляетъ къ этимъ иллюстраціямъ.

Обработка пашни начиналась посѣвомъ и пахотою. По словамъ Геродота, „Нигдѣ люди не собираютъ плодовъ земли такъ легко, какъ въ Египтѣ. Жители его не проводятъ съ тяжкимъ трудомъ бороздъ плугомъ, не конаютъ поля заступами; когда рѣка напоитъ ихъ поля, каждый засѣваетъ свой участокъ, выгоняетъ на него стада, чтобы они втоптали сѣмена въ землю, и потомъ спокойно ждетъ жатвы“. Древнія изображенія иллюстрируютъ это нѣсколько иначе. Они представляютъ полную эволюцію обработки почвы. Наиболѣе примитивнымъ способомъ обработки являлось взрыхленіе почвы кирками. Для этой тяжелой работы люди становились въ одинъ или два ряда и, подвигаясь понемногу впередъ, взрыхляли землю. Всѣ они вооружались одинаковыми кирками, сдѣланнымн изъ двухъ кусковъ дерева, связанныхъ подъ угломъ другъ къ другу. Одинъ кусокъ служилъ рукояткой, а другой, изогнутый и заостренный, служилъ сошникомъ.

Болѣе совершеннымъ способомъ обработки земли являлась запашка плугомъ, запряженнымъ людьми. Этотъ плугъ состоялъ изъ дышла, сошника и веревочныхъ лямокъ (постромокъ). За дышла и лямки брались люди и тянули плугъ, поддерживаемый сзади, какъ русская соха, особымъ рабочимъ. Этотъ способъ—очень древній, возникшій, вѣроятнѣе всего, ранѣе пріученія къ работѣ рогатаго скота.

Послѣднимъ, наконецъ, способомъ запашки являлся плугъ съ запряженными коровами или волами. Запряжка

этихъ животныхъ также установилась не сразу: сначала ярмо накладывалось на рога животныхъ, и только позже— на шеи, какъ это дѣлается и до настоящаго времени. Впрочемъ, трудно сказать, употреблялись ли для пахоты животныя въ пору мѣдныхъ орудій.

Сѣвъ зерна производился или предъ взрыхленіями почвы или послѣ. Во второмъ случаѣ, съ цѣлью углубить зерно въ почву, дѣлалась вторая запашка, или груды взрыхленной земли разбивались кирками и молотками.

Засѣянныя поля быстро покрывались зеленью молодыхъ всходовъ. Въ мартѣ нивы созрѣвали и начиналась жатва. Теперь всѣ рабочіе вооружались серпами. Самые древніе серпы, какъ показали раскопки Петри въ Кагунѣ, дѣлались изъ деревянныхъ ножей, снабженныхъ вмѣсто лезвій острыми зубчатыми кремневыми пластинками. Но взамѣнъ, а можетъ быть и на ряду съ этими примитивными орудіями, очень рано явились мѣдные серпы. Ихъ характерная форма, увѣковѣченная на разнаго рода изображеніяхъ и іероглифическихъ знакахъ, походила на современную. Жатва производилась мужчинами и женщинами. Стебли срѣзались высоко, выше середины ихъ роста. Срѣзанные стебли складывались и связывались въ снопы такъ, что въ каждомъ снопѣ колосья выходили въ оба конца. Снопы сначала складывались въ груды, напоминающія наши копны, а послѣ въ большіе стога, или скирды. Для подъёма сноповъ на вершины послѣднихъ употреблялись деревянныя трехрогія длинныя вилы.

Молотьба хлѣбныхъ растеній производилась волами, которые для этого прогонялись по разостланнымъ на току снопамъ. Вымолоченное зерно вѣялось широкими лопатами, просѣвалось черезъ рѣшета и затѣмъ ссыпалось въ амбары.

Такимъ образомъ заканчивался весь циклъ добывающаго земледѣльческаго труда. Далѣе слѣдовалъ трудъ по обработкѣ добытаго зерна, что уже зависѣло отъ вида и назначенія этого продукта.

Главными хлѣбами являлись пшеница и ячмень. Пшеница играла первенствующую роль: ею питалось всё населеніе, а въ послѣдующія времена она сдѣлалась и предметомъ торговли съ другими народами. Изъ ячменя, въ концѣ поры мѣдныхъ орудій, выварилось пиво.

Размолъ зеренъ производился при помощи примитивныхъ ручныхъ мельницъ, состоявшихъ изъ двухъ камней: нижняго въ видѣ большой плиты съ хорошо выглаженнымъ лотковиднымъ углубленіемъ, въ которое насыпались зерна, и верхняго небольшого округлаго камня съ однимъ сглаженнымъ бокомъ, служившаго для растиранія зеренъ. Въ трудѣ по размолу хлѣбныхъ зеренъ принимали участіе какъ мужчины, такъ и женщины.

Изъ садовыхъ растеній разводились виноградъ, финики, гранаты и фиги. Виноградъ, вѣроятнѣе всего, вывезенъ изъ Месопотаміи, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ родился въ дикомъ видѣ и очень рано началъ культивироваться.

Скотоводство. Первыя попытки приручения стадныхъ животныхъ, повидимому, относятся къ концу неолитической эпохи. Въ пору мѣдныхъ орудій скотоводство уже принимаетъ видъ настоящаго промысла. Въ это время въ распоряженіи египтянъ находились коровы, козы, антилопы, газели, кошки, шакалы и др. Рогатый скотъ почти весь годъ пасся на невоздѣланныхъ земляхъ, проводя день и ночь подъ открытымъ небомъ. Водопоемъ ему служили каналы и лужи, оставшіеся послѣ наводненій. Главнымъ вниманіемъ скотоводовъ пользовался крупный рогатый скотъ, принадлежавшій къ двумъ породамъ: рогатой, близкой къ африканскому зебу, но безъ горба, и безрогой (комолой). Въ общемъ скотоводство пользовалось большимъ уваженіемъ, но пастухи находились въ презрѣніи. Послѣднее явленіе представляется страннымъ и непонятнымъ, особенно, если мы припомнимъ, что у сумеро-аккадовъ, отъ которыхъ Египетъ такъ много позаимствовалъ, пастухи пользовались очень большимъ вниманіемъ.

Весь египетскій скотъ употреблялся для мяса, молока, кожъ и тканей. Употребленіе его для работъ еще не установлено.

Рыболовство и охота. Рыболовство и охота играли видную роль въ жизни египтянина изучаемаго времени. Дѣвственная или едва тронутая культурой страна изобиловала рыбой и всевозможною дичью. Для ловли рыбы служили челны, сѣти, гарпуны и удочки[1]). Ловились окуни, голавли, щуки, миноги и др. Пойманная рыба солилась и сушилась на солнцѣ. Рыбой питался весь народъ, за исключеніемъ жрецовъ, ею кормили и священныхъ животныхъ, въ видѣ кошекъ, крокодиловъ, ибисовъ и др. Изъ рыбъ приготовляли муміи.

Главною цѣлью охоты было истребленіе хищныхъ животныхъ, въ родѣ львовъ, тигровъ, леопардовъ. Для охоты служили довольно разнообразные виды оружія и снарядовъ. Чаще употреблялись лукъ и копья. Въ охотничьей сценѣ, изображенной на луврской палеттѣ, представлены львы, пораженные стрѣлами. Козы и антилопы ловились арканами, или боласами, бегемотовъ и крокодиловъ били баграми, мелкую дичь и птицъ поражали бумерангами; птицы, кромѣ того, ловились сѣтями, силками и разнаго рода западнями.

---

[1]) Князь В. П. Максутовъ, говоря о рыболовныхъ снарядахъ, существовавшихъ въ Египтѣ въ разныя эпохи культурнаго развитія, даетъ имъ слѣдующее описаніе: „Рыболовныя сѣти были очень длинныя, съ широкими петлями, верхній край ихъ поддерживался на поверхности воды деревянными поплавками, а нижній удерживался на днѣ свинцовой тяжестью. Ихъ плели главнымъ образомъ изъ пальмовыхъ лыкъ, камыша и, отчасти, изъ папируса. Изъ найденныхъ во множествѣ принадлежностей рыбной ловли, наиболѣе часто попадались метательные гарпуны, или остроги, которые можно видѣть и доселѣ у современныхъ негровъ Судана. Иногда двѣ такихъ связывались вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было бросить рядомъ, или въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Затѣмъ были въ употребленіи удочки съ одной или нѣсколькими лесами, невода, мережи съ поплавками и грузилами и т. п.“.— „Исторія древняго Востока“, т. I, кн. I—IV, стр. 382 и 383.

Пища. Земледѣліе, скотоводство, охота и рыболовство давали египтянину хорошій столъ, приправой которому служили фрукты, вино и пиво. Пища приготовлялась на огнѣ: хлѣбы пеклись изъ хорошо вымѣшаннаго тѣста, мясо жарилось и варилось въ котлахъ. Въ общемъ столъ начиналъ приближаться къ столу болѣе культурныхъ современныхъ народовъ.

Строительное искусство: архитектурныя и инженерныя сооруженія. Строительное искусство египтянъ поры мѣдныхъ орудій является отголоскомъ сумеро-аккадскаго искусства. Первыми строительными матеріалами точно такъ же, какъ и въ нижней Месопотаміи, служили дерево и глина, и только въ концѣ поры начинаетъ вводиться камень, который въ монументальныхъ постройкахъ вскорѣ овладѣлъ первенствомъ.

Жилые дома устраивались изъ дерева и глины и въ планѣ имѣли четырехугольную форму. По типу они почти не отличались отъ сумеро-аккадскихъ: были также глухими безъ оконъ по фасаду и освѣщались изъ внутренняго двора или съ крытыхъ террасъ, устраивавшихся на крышахъ ради прохлады въ лѣтнія душныя ночи. Дома раздѣлялись на нѣсколько узкихъ комнатъ съ выходами во дворъ. Всѣ комнаты оставлялись темными и болѣе всего разсчитывались на прохладу во время лѣтняго зноя.

Деревянные дома возводились изъ сикоморы и пальмы, растущихъ повсюду въ Нильской долинѣ. Имѣется основаніе полагать, что египтяне первоначально не отесывали деревьевъ, а только очищали ихъ отъ сучьевъ. Возводя стѣны, они врывали въ землю стойки или столбы и затѣмъ обмазывали ихъ глиной, иногда придавая стѣнамъ массивные размѣры.

Крыши обыкновенно дѣлались плоскими, въ видѣ террасъ, лежавшихъ на накатѣ изъ пальмовыхъ стволовъ, прикрытыхъ землею и глиной. Полы оставлялись земляными.

По образцу деревянныхъ возводились сырцовые и каменные дома. Египтяне употребляли для стройки сырецъ просушенный, поэтому имъ необходимъ былъ цементъ, каковымъ и являлись или жидкій растворъ глины, или песокъ, при чемъ послѣдній даже признавался болѣе удобнымъ, такъ какъ лучше распредѣлялъ тяжесть конструкціи зданія. Каменные дома строились очень рѣдко.

Стѣны комнатъ завѣшивались цыновками. Внутри дворовъ сооружались портики, опиравшіеся на пальмовые столбы, прототипы каменныхъ колоннъ. Богатые дома обставлялись дорогою мебелью, иногда вырѣзанною изъ чернаго дерева. Столы, стулья и ящики нерѣдко имѣли ножки, обработанныя въ видѣ ногъ животныхъ и совершенно напоминающія месопотамскую мебель.

Остатковъ дворцовъ еще не найдено. О нихъ приходится составлять понятіе лишь по нѣкоторымъ изображеніямъ, дошедшимъ до насъ отъ болѣе поздняго времени. „Эти дворцы, говоритъ О. Шуази, состоятъ изъ отдѣльныхъ павильоновъ, раскиданныхъ среди садовъ, окруженныхъ высокой оградой. Не только весь паркъ обведенъ общей стѣной, но и всѣ кварталы дворца отдѣлены особыми стѣнами. Сады украшены бесѣдками и прудами; цвѣтники разбиты на правильные участки, а среди нихъ, какъ и въ садахъ современнаго Востока, виднѣются кой-гдѣ кіоски, совершенно открытые сами по себѣ, но защищенные отъ нескромныхъ взоровъ оградой парка“.

„Весьма вѣроятно, что кварталы, на которые подраздѣлялся дворецъ, отвѣчали слѣдующему, въ настоящее время безусловно господствующему, дѣленію во всѣхъ азіатскихъ жилищахъ: селямликъ, гдѣ хозяинъ принимаетъ посѣтителей и гостей; гаремъ—помѣщенія, исключительно назначенныя для семьи; и, наконецъ, ханъ, гдѣ группировались всѣ службы: конюшни, мастерскія, кладовыя, помѣщенія прислуги. Ханъ занималъ бо́льшую часть дворца, такъ какъ въ эпоху, когда деньги были еще неизвѣстны, всѣ богатства заключались въ естественныхъ произведе-

ніяхъ, и обширныя кладовыя были дѣйствительно необходимы“ [1]).

Припомнимъ, что и дворцы сумеро-аккадовъ дѣлились на три изолированныя группы комнатъ. Возможно, что первые египетскіе дворцы были болѣе всего схожими, именно, съ сумеро-аккадскими.

Храмы, несомнѣнно относящіеся къ порѣ мѣдныхъ орудій, неизвѣстны. Древнѣйшіе храмы, которые могутъ относиться къ концу поры, находятся близъ большого сфинкса и большихъ пирамидъ. Эти храмы имѣютъ въ планѣ четырехугольную почти квадратную форму, со сторонами, точно оріентированными по странамъ свѣта. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ „храмъ сфинкса“. Снаружи онъ окруженъ чрезвычайно массивною каменною стѣною, сложенною изъ большихъ тесанныхъ камней. Входъ внутрь былъ одинъ, съ запада. Онъ представлялъ видъ длиннаго и узкаго коридора. Внутри имѣлось два двора и нѣсколько комнатъ. Въ одномъ дворѣ стояли 16 четырехугольныхъ массивныхъ колоннъ, составлявшихъ опору кровли, переводинами которой были столь же массивные четырехгранные камни. Конструкція зданія отличается примитивностью стиля и относится къ разряду мегалитическихъ сооруженій.

При взглядѣ на огромныя глыбы камня, введенныя въ составъ зданій, невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ человѣкъ обрабатывалъ, передвигалъ, поднималъ на высоту и ставилъ вертикально такія огромныя глыбы. Обстоятельные отвѣты на это даетъ французскій архитекторъ О. Шуази.

„Однимъ изъ главныхъ средствъ, которыми пользовались, повидимому, египтяне при обдѣлѣ камня, говоритъ онъ, было распиливаніе съ помощью мокраго песка, что практикуется и теперь, при чемъ пилу можно замѣнить... веревкой или тоненькой дощечкой. Когда присту-

[1]) О. Шуази. „Исторія архитектуры“, 1906 г., т. I, стр. 68 и 69.

паютъ къ обдѣлкѣ камня указаннымъ способомъ, то совершенно безразличны размѣры той массы, которую предстоитъ отдѣлить“ [1]).

„Чтобы поднять каменную глыбу, достаточно подвести подъ неё сплоченный рядъ рычаговъ, загруженныхъ въ свободномъ концѣ“.

„Въ моментъ, когда рычаги опущены, вкладываютъ камень“.

„Затѣмъ при помощи земляной насыпи возвышаютъ точки опоры рычаговъ и продолжаютъ подъёмъ камня до желанной высоты“.

„Если желаютъ передвинуть камень, то въ такомъ случаѣ даютъ насыпи, на которой онъ лежитъ, легкій уклонъ и покрываютъ её слоемъ глины; если уклонъ опредѣленъ правильно, то, безъ посторонней помощи, силой своей тяжести, камень сползаетъ къ основанію насыпи, какъ то бываетъ при спускѣ кораблей на воду“.

„Когда камень достигъ конца спуска, то возобновляютъ описанную выше операцію, при чемъ слѣдуетъ указать, что этимъ способомъ возможно передвиженіе даже противъ естественнаго уклона почвы“.

„Такъ же просто рѣшается задача поставить камень вертикально, въ видѣ обелиска: подъ одинъ конецъ его подкладываютъ деревянный стержень и затѣмъ изъ-подъ другого, болѣе тяжелаго, конца начинаютъ выбирать землю, на которой лежитъ камень, при чемъ глыба, въ силу своей тяжести, вращается, скользя по сырой глинѣ, которой покрыта поверхность, и становится вертикально“.

„Вся операція совершается безъ помощи канатовъ и какихъ-либо машинъ, хотя и крайне медленно; но, какъ это извѣстно, время имѣетъ крайне малую цѣнность у первобытныхъ племенъ. Самый же фактъ существованія этихъ памятниковъ, потребовавшихъ огромной затраты труда и, однако, не имѣвшихъ утилитарнаго назначенія,

[1]) Ibid., т. I, стр. 29.

свидѣтельствуетъ о могучей организаціи власти; и вообще мегалитизмъ, гдѣ недостаточность орудій возмѣщается затратой труда, является характернымъ типомъ архитектуры у полуварварскихъ племенъ, подчиненныхъ деспотизму безграничной власти, свидѣтельствуя собой одновременно и о недостаточности орудій и о господствующемъ режимѣ въ зарождающихся человѣческихъ обществахъ“ [1]).

Въ древнемъ Египтѣ, судя по изображеніямъ на стѣнахъ каменоломни въ Эль-Мазара и въ Эль-Берсе, передвиженіе камней совершалось на саняхъ людьми. Дорога покрывалась сырой глиной. Люди тянули тяжесть на канатахъ [2]). Для переправы большихъ камней черезъ Нилъ ихъ помѣщали между двумя барками и, когда разливалась рѣка, барки выводили, при чемъ камень, погруженный въ воду, терялъ болѣе $^1/_3$ своего вѣса.

Когда каменныя колонны были установлены, и стѣны доведены до конца, то всё зданіе засыпалось землей или закладывалось кирпичами, такъ что представляло видъ сплошной платформы. Пользуясь этою платформою, укладывали монолиты архитрава (переводины) и выводили всю кровлю. По окончаніи работы кирпичъ разбирали, землю удаляли, и зданіе было готово.

Въ оконченномъ видѣ зданія древнѣйшихъ храмовъ представляли тяжелыя постройки, внушающія уваженіе лишь къ массивности и прочности ихъ матеріала. Въ общемъ же они походили на большіе жилые дома.

Еще болѣе на жилые дома походили надгробныя сооруженія, называемыя мастаба. Древность ихъ, несомнѣнно, восходитъ къ порѣ мѣдныхъ орудій.

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 6 и 7.

[2]) Чтобы судить, какое огромное количество времени и рабочихъ рукъ требовалось на производство подобныхъ операцій, можно указать на то, что, для передвиженія одного большого камня изъ Элефантины въ Саисъ, требовалось 3000 человѣкъ и 3 года времени.

Авт.

„Мастаба, говоритъ О. Шуази, очевидно представляютъ копію жилища: снаружи различаются детали обработки двери, внутри всё расположеніе и даже убранство скопированы съ жилища—плафоны изъ стволовъ пальмы, отверстія, служившія для освѣщенія, и даже обшивки изъ тростниковыхъ плетенокъ; и, чтобы оживить это жилище мертвеца, живописецъ покрываетъ стѣны сценами изъ обыденной жизни".

„Нѣкоторыя мастаба заключаютъ въ своихъ массивахъ замурованные колодцы, ведущіе въ погребальныя комнаты; другія же, вмѣсто залъ, имѣютъ длинныя галлереи, гдѣ хранятся статуэтки" [1]).

Особенно большими размѣрами отличаются мастаба, приписываемыя фараонамъ I-й и II-й династій. Амелино раскопалъ нѣсколько такихъ сооруженій близъ Абида, а де-Морганъ, въ сообществѣ съ Видеманомъ, Жекье и Ламромъ, изслѣдовалъ одно сооруженіе близъ Негады. Послѣднее нѣкоторыми учеными приписывается первому фараону Менесу.

„Гробница представляла въ общемъ солидное четырехугольное сооруженіе, длиною въ 54 м. и шириною въ 27 м. На возвышенной площадкѣ былъ выложенъ изъ необожжённаго кирпича фундаментъ, на которомъ была воздвигнута самая гробница. Толстыя стѣны ея, отступя нѣсколько отъ краевъ фундамента, были сложены зубчато, т.-е. съ фестончатыми выступами наружу и внутрь, но затѣмъ эти ниши были задѣланы, такъ что стѣны получались ровныя и въ одной плоскости со стѣнами фундамента. Пространство внутри этихъ стѣнъ было разбито на камеры, пять большихъ по средней линіи, изъ коихъ средняя самая обширная, и шестнадцать кругомъ ихъ, именно, по шести, длинныхъ и узкихъ, вдоль продолговатыхъ стѣнъ, и по двѣ, болѣе короткихъ, вдоль поперечныхъ стѣнъ. Промежутки между внутренними и на-

[1]) Ibid., т. I, стр. 63.

ружными камерами были заложены кирпичемъ, но всѣ наружныя камеры между собою и всѣ внутреннія находились въ сообщеніи одна съ другой. Повидимому, какъ предполагаетъ де-Морганъ, сперва была возведена центральная часть зданія съ его пятью камерами, сообщавшимися между собою коридорами, и съ выходомъ къ сѣверу; затѣмъ, послѣ погребенія и наполненія камеръ вещами, коридоры и входъ были заложены кирпичемъ и вокругъ зданія возведена другая стѣна, отдѣленная отъ первой коридоромъ и съ зубчатою наружною поверхностью. Этотъ коридоръ былъ раздѣленъ каменными перегородками, въ свою очередь, на камеры, а въ концѣ концовъ и зубчатая стѣна была заложена кирпичемъ, такъ что получились ровныя четырехугольныя стѣны. Эти зубчатыя стѣны напоминаютъ подобныя же—древнихъ вавилонскихъ (сумеро-аккадскихъ) сооруженій въ Урукѣ, Варкѣ, Телло и др. Гробницы, раскопанныя Амелино, въ Омъ-эль-Гаабъ, около Абида, были выстроены по инымъ планамъ. Были ли прикрыты эти гробницы сверху и какъ, остается неизвѣстнымъ; но на одной гробницѣ, близъ Абида, углубленной въ землю, сохранились еще около стѣнъ слѣды стропилъ, и можно было вывести заключеніе, что крыша дѣлалась деревянная“ [1]).

Къ разряду надгробныхъ сооруженій относятся также пирамиды, которыя египтяне называли „абумиръ“, что значитъ „гробница“ и „математическая форма тѣла“; грани же пирамиды назывались „пирамусъ“, отъ котораго, очевидно, и происходитъ древне-греческое и современное названіе „пирамида“. Къ порѣ мѣдныхъ орудій можно отнести только нѣсколько ступенчатыхъ пирамидъ, построенныхъ преимущественно изъ кирпича. Изъ ступенчатыхъ пирамидъ особенно замѣчательна огромная пи-

[1]) Д. Н. Анучинъ. „Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ“. Археолог. Изв. и Зам., изд. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. VI, стр. 111 и 112.

рамида въ Саккара. Полагаютъ, что эта пирамида построена Уэнефесомъ, четвертымъ фараономъ I-й династіи, для погребенія аписовъ.

Въ планѣ саккарская пирамида имѣла форму не квадрата какъ обыкновенно, а прямоугольника: ея сѣверная и южная стороны равнялись 107,3, а восточная и западная— 120,6 метрамъ длины; высотою же она была около 57 метровъ. Конструкція ступенчатыхъ пирамидъ оказывается совершенно схожею съ конструкціей сумеро-аккадскихъ храмовъ-пирамидъ (зиггуратовъ). Поэтому полагаютъ, что первыми строителями египетскихъ пирамидъ были сумеро-аккады, или, какъ ихъ часто называютъ, халдеи. Бока или углы пирамидъ всегда точно оріентированы по странамъ свѣта. Интересно отмѣтить, что уже самыя древнія египетскія пирамиды являются спеціально предназначенными для погребенія, тогда какъ сумеро-аккадскія пирамиды, въ продолженіе всей поры мѣдныхъ орудій, были только храмами и для погребенія начали служить лишь въ пору бронзовыхъ орудій (въ IV-мъ тысячелѣтіи до Р. Хр.). Такое явленіе заставляетъ сильно усомниться въ древности, приписываемой I-й династіи фараоновъ, и какъ бы подчеркиваетъ вѣрность лѣтосчисленія по періодамъ Сотиса, при которомъ ступенчатыя пирамиды должны были явиться памятникомъ не поры мѣдныхъ, а поры бронзовыхъ орудій.

Изъ инженерныхъ сооруженій особеннаго вниманія заслуживаютъ гидравлическія. Первыми инженерами, несомнѣнно, были выходцы изъ Месопотаміи, а поэтому и произведенія ихъ носили характеръ чисто месопотамскій. Египетскія гидравлическія сооруженія, подобно месопотамскимъ, состояли изъ дамбъ, шлюзовъ, плотинъ и каналовъ, покрывавшихъ всё болѣе и болѣе частою сѣтью всю страну Египта. Посреди каждаго канала оставлялся холмикъ земли, называвшійся „невѣстой рѣки“. Когда впущенныя воды Нила уносили этотъ холмикъ, то жители болѣе поздняго времени бросали въ воду куклу, вѣро-

ятно, символъ человѣческой жертвы, которую давали обоготворяемой рѣкѣ въ древнѣйшее время.

„Инженеры той эпохи, говоритъ Э. Реклю, умѣли пользоваться тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, что, разливаясь въ теченіе вѣковъ, Нилъ повышаетъ уровень прибрежной почвы постоянными отложеніями ила, отчего даже образовался легкій склонъ по направленію отъ берега къ подножію холмовъ. Ударяя главнымъ образомъ въ правый берегъ, Нилъ сдѣлалъ этотъ склонъ особенно замѣтнымъ на восточномъ берегу. Здѣсь на протяженіи пятисотъ километровъ тянется вдоль рѣки осушительный каналъ. При низкомъ уровнѣ, когда приходилось прибѣгать къ искусственному орошенію, стоило только поднять плотины выше уровня“.

„Для этого употребляли или сосуды, или плотно сплетеныя корзины и поднимали воду посредствомъ ручныхъ рычаговъ со ступеньки на ступеньку совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ теперь бѣдные феллахи при помощи шадуфовъ, весьма распространенныхъ по всему побережью Нила“ [1]).

Что касается военныхъ сооруженій, то о нихъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Очевидно, они въ Египтѣ въ пору мѣдныхъ орудій не были столь распространенными, какъ въ Месопотаміи, что легко объясняется отсутствіемъ въ долинѣ Нила сильныхъ и воинственныхъ народовъ, которые безпокоили бы египтянъ. Судя же по сохранившимся крѣпостямъ болѣе поздняго времени, въ родѣ Семнеха, можно составить нѣкоторое понятіе и о конструкціяхъ древнѣйшихъ крѣпостей, первое появленіе которыхъ возможно относить къ концу поры мѣдныхъ орудій. Египетскія крѣпости обыкновенно возводились изъ глины. Для бо́льшей устойчивости и распредѣленія на бо́льшую площадь поверхности ударовъ осадныхъ машинъ, въ стѣны закладывались деревянные брусья и бревна.

---

[1]) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“, кн. III, стр. 382.

По стѣнамъ, черезъ опредѣленные промежутки, располагались квадратныя башни. На стѣнахъ возводились зубцы для защиты воиновъ во время нападеній непріятеля. Ворота дѣлались узкими, входы—длинными съ нѣсколькими колѣнами, чтобы затруднить вторженіе черезъ нихъ штурмующихъ колоннъ. Въ общемъ египетскія крѣпости были копіями сумеро-аккадскихъ.

Изящныя искусства. Египетскія произведенія изящныхъ искусствъ, повидимому, появляются только съ прибытіемъ месопотамскихъ колонистовъ. Они удобно дѣлятся на двѣ категоріи: древнюю и позднюю.

Произведенія древней категоріи принадлежатъ дофараоновскому времени. Въ нихъ еще видно участіе египетскихъ аборигеновъ. Въ составъ ихъ входили образцы скульптуры, рѣзьбы и живописи (керамической), но всё это представляло не болѣе какъ слабыя игрушечныя произведенія, правда, иногда отмѣченныя печатью художественнаго дарованія. Изображенія людей отличаются особенною примитивностью. Формы животныхъ грубы и тяжелы, хотя имъ нельзя отказать въ нѣкоторой реальности; таковы статуэтки изъ слоновой кости и камня, изображающія львовъ, собакъ и другихъ животныхъ, а также птицъ и рыбъ.

Произведенія поздней категоріи, наоборотъ, носятъ характеръ большой зрѣлости, а иногда величія замысла и геніальности исполненія. Образцомъ скульптуры этого времени служитъ „большой сфинксъ“, представляющій фигуру льва съ головой человѣка, покрытой царскимъ вѣнцомъ. Полагаютъ, что это колоссальное изваяніе является самымъ древнимъ произведеніемъ фараоновскаго времени. Фигура вырѣзана изъ природной скалы. Оказавшійся въ скалѣ дефектъ, приходившійся на половинѣ тѣла сфинкса, былъ заложенъ каменной кладкой на извести. Голова обращена на востокъ. Длина сфинкса равна 172, высота — 64 футамъ. Между лапъ его находился храмъ, задняя стѣна котораго, сдѣланная изъ цѣлой гра-

нитной плиты въ 14 футъ высотою, прислонялась къ груди сфинкса.

Долго не могли разгадать смыслъ этого символическаго изображенія, и только въ самое послѣднее время удалось доказать, что оно представляетъ Ра-Гармахиса, бога утра, побѣдителя мрака, обращающаго свой взоръ къ восходящему солнцу. Египтяне вѣрили въ дѣйствительное существованіе въ пустынѣ бога въ этомъ видѣ и считали его могущественнымъ стражемъ храмовъ, защищающимъ ихъ отъ всякаго зла.

Остатковъ музыкальныхъ инструментовъ, относящихся къ порѣ мѣдныхъ орудій, пока еще не найдено, хотя существованіе ихъ въ это время не подлежитъ никакому сомнѣнію. Могилы фараоновъ и обыкновенныхъ людей самаго начала поры бронзовыхъ орудій изобилуютъ изображеніями разныхъ музыкальныхъ инструментовъ, въ числѣ которыхъ можно видѣть ударные, духовые и струнные.

Въ число ударныхъ инструментовъ входили колотушки для отбиванія такта, барабаны (тупары, или тофы), металлическія тарелки и тамбурины. Древнѣйшей представительницей струнныхъ инструментовъ являлась арфа. Въ первобытномъ видѣ она имѣла форму лука съ нѣсколькими туго натянутыми струнами. Изъ духовыхъ инструментовъ египтяне могли знать только флейты. Металлическія трубы стали извѣстны лишь въ пору бронзовыхъ орудій.

„Музыка и поэзія, говоритъ Г. Веберъ, оставались, вѣроятно, въ исключительной власти духовенства, и, кажется, главнымъ ихъ назначеніемъ было служить принадлежностью религіи. При богослуженіи безъ сомнѣнія были воспѣваемы, съ аккомпаниментомъ оркестра, священные гимны; дошедшіе до насъ остатки ихъ показываютъ, что въ нихъ были длинныя перечисленія именъ и свойствъ божества, и что формою ихъ былъ параллелизмъ отдѣловъ мысли, какъ въ еврейскихъ псалмахъ“ [1]).

---

[1]) Г. Веберъ. „Всеобщая исторія“, т. I, стр. 139.

Археологическія открытія послѣдняго времени всё болѣе и болѣе подтверждаютъ, что египетская музыка цѣликомъ заимствована изъ Месопотаміи.

Письменность, литература и наука. Появленіе первой письменности, несомнѣнно, относится къ порѣ мѣдныхъ орудій, ко времени, предшествовавшему воцаренію фараоновъ. Таковы гіероглифическія письмена на каменныхъ стелахъ, костяныхъ и деревянныхъ пластинкахъ, найденныхъ въ древнѣйшихъ египетскихъ погребеніяхъ. Но особенно письменность увеличилась во время фараоновъ, когда появились характерные глиняные печати, гербы и картуши (клейма) фараоновъ и болѣе важныхъ административныхъ лицъ.

Древне-египетскія письмена принято называть іероглифами. Іероглифы состоятъ изъ знаковъ (всего около 1000), изображающихъ людей, животныхъ, растенія, плоды, зданія, оружіе, орудія и др. предметы. Среди древнѣйшихъ знаковъ можно видѣть такія изображенія, какія являются обычными въ болѣе позднее время; таковы изображенія соколовъ, змѣй (uraeus), грифовъ, группъ цапель, человѣческихъ рукъ и ногъ, серповъ, топоровъ и т. п.

Съ теченіемъ времени чтеніе іероглифовъ было основательно забыто. Въ наше время впервые прочитать ихъ удалось французскому ученому Шампольону, и теперь они такъ же легко читаются, какъ и другія дошедшія до насъ античныя письмена.

Древнѣйшимъ писчимъ матеріаломъ служили глиняныя плитки, лоскутки кожи, деревянныя дощечки и папирусъ. Самые древніе дошедшіе до насъ документы, писанные на папирусѣ, относятся ко времени фараоновъ I-й династіи.

Папирусъ вырабатывался изъ стеблей болотнаго растенія, называемаго тѣмъ же именемъ. Стебель этого растенія разрѣзывался на тонкія пластинки, которыя, будучи смоченными водою, склеивались между собою довольно крѣпко и образовывали большіе листы. Эти листы прессовались,

сушились на солнцѣ и пускались въ дѣло. Въ виду ломкости листовъ папируса ихъ не складывали, а свертывали въ видѣ свитковъ.

Древнѣйшія литературныя произведенія носили почти исключительно религіозный характеръ: въ составъ ихъ входили преимущественно гимны, религіозныя сказанія и волшебныя заклинанія.

Научныя произведенія встрѣчаются очень рѣдко. Къ разряду такихъ произведеній относятъ LXIV главу „Книги мертвыхъ“ и извѣстный „Медицинскій папирусъ“, написанные при пятомъ фараонѣ I-й династіи Гузапти. Манеѳонъ упоминаетъ еще о научныхъ трактатахъ по анатоміи, писанныхъ лично вторымъ фараономъ той же династіи Тетомъ. Несомнѣнно, имѣлись сочиненія по астрономіи и математикѣ, но изъ нихъ ни одно не дошло до нашего времени или еще не открыто.

Религія. Религія египтянъ никогда не отличалась ни ясностью, ни опредѣленностью воззрѣній. Этотъ недостатокъ, несомнѣнно, еще въ бо́льшей мѣрѣ былъ присущъ ихъ воззрѣніямъ въ пору мѣдныхъ орудій, когда только что начали формироваться и воплощаться религіозныя идеи. Такія времена всюду сопровождались полной свободой совѣсти, и каждый человѣкъ, каждая община могли вѣрить, какъ имъ было угодно. Такъ это было и въ Египтѣ.

„Всматриваясь въ сущность религіозныхъ воззрѣній народа фараоновъ, говоритъ князь В. П. Максутовъ, нельзя не видѣть, что религія его обнимаетъ такіе элементы, которые на первый взглядъ не имѣютъ между собою ничего общаго и кажутся прямо-таки несогласованными другъ съ другомъ, затрудняя надлежащее разрѣшеніе затронутаго вопроса“.

„Для того, чтобы сколько-нибудь разобраться въ послѣднемъ и прослѣдить главнѣйшія проявленія религіозныхъ воззрѣній въ древнемъ Египтѣ, мы должны припомнить историческое происхожденіе монархіи фараоновъ, сконцентрировавшей вокругъ себя цѣлый рядъ admini-

стративныхъ общинъ, или номовъ, представлявшихъ въ древнѣйшую эпоху независимыя, обособленныя другъ отъ друга политическія цѣлыя".

„Въ каждомъ изъ этихъ микроскопическихъ государствъ была своя религія; по всей вѣроятности, нѣкоторыя божества — небо, земля, небесныя свѣтила, особенно солнце—были одинаково почитаемы всюду, но большинство божествъ существовало только для извѣстной области, и никакія узы не соединяли ихъ. Хотя съ теченіемъ времени они, какъ мы видѣли, были поглощены центральной властью и низведены на степень провинцій, но тѣмъ не менѣе, просуществовавъ продолжительное время самостоятельно и запасшись историческими воспоминаніями, они не забыли о своей бывшей независимости и, строго говоря, никогда не переставали существовать, какъ отдѣльныя государства, внутри поглотившей ихъ монархіи" [1]).

Полагаютъ, что въ основѣ египетской религіи лежалъ первобытный фетишизмъ, т.-е. такое религіозное воззрѣніе, когда предметомъ поклоненія служатъ обыкновенныя вещи, за которыми признается чудодѣйственная сила, каковы амулеты, талисманы, чары и заклинанія. Въ подтвержденіе этого указывается на то, что въ древнѣйшихъ текстахъ пирамидъ часто встрѣчаются мѣста, гдѣ имя божества замѣнено изображеніемъ предмета, связаннаго съ этимъ божествомъ; такъ, вмѣсто имени бога неба, ставился іероглифъ земли, вмѣсто имени Тота — іероглифъ ибиса [2]).

Масперо подраздѣляетъ всѣ божества египтянъ на три группы: боговъ мертвыхъ, боговъ стихій и боговъ солнца. Озирисъ, Изида и Анубисъ считались главными покровителями мертвыхъ; Себъ — покровителемъ земли,

---

[1]) Кн. В. П. Максутовъ „Исторія древняго Востока", т. I, кн. I—IV, стр. 117 и 118.

[2]) Б. А. Тураевъ. „Богъ Тотъ", гл. 1, стр. 8.

Нутъ — неба, Апись — Нила, Ра, Шу и Атени — солнца, Аммонъ—дневного свѣта. Но нѣкоторыя божества не подчинялись такой классификаціи; таковы Пта, Себакъ, функціи которыхъ совершенно неясны.

Въ нѣкоторыхъ номахъ особеннымъ почетомъ пользовались не боги, а богини, какъ, напримѣръ, Гаторъ—въ Дендерѣ, Неитъ—въ Саисѣ. Каждый болѣе важный богъ имѣлъ жену и сына. Такія тройственныя божества существовали во всѣхъ номахъ.

Боги изображались или въ видѣ людей, одѣтыхъ въ человѣческія одежды и снабженныхъ присвоенными имъ божественными эмблемами, или въ видѣ животныхъ, или, наконецъ, въ смѣшанномъ видѣ. Такимъ образомъ богъ Горъ изображался то въ образѣ человѣка, то въ образѣ ястреба, то въ образѣ человѣка съ головой ястреба, то, наконецъ, въ образѣ ястреба съ человѣческой головой.

Жукъ-Пта, ибисъ-Тотъ, ястребъ-Горъ, шакалъ-Анубисъ и нѣкоторые другіе обоготворялись во всемъ Египтѣ. Крокодилъ обожался въ Ѳивахъ и Шедѣ и преслѣдовался въ Элефантинѣ. Самыми священными животными считались въ городѣ Геліополисѣ быкъ-Мневисъ („душа бога Ра“) и птица-Фениксъ, въ городѣ Мендесѣ—козелъ („душа Озириса“) и въ Мемфисѣ—быкъ-Апись („вторая жизнь Пта“ и „душа Озириса“). Впослѣдствіи быкъ-Апись обоготворялся во всемъ Египтѣ. Для содержанія его устраивалось особое помѣщеніе въ главномъ храмѣ бога Пта, а для погребенія—особыя пирамиды, а позже—гробницы и кладбища.

Существовала ли у египтянъ изучаемой поры идея о Единомъ, Всемогущемъ Богѣ, неизвѣстно, хотя въ болѣе позднее время эта идея, несомнѣнно, существовала [1]).

---

[1]) Доказательствомъ этого служитъ слѣдующій сохранившійся отрывокъ папируса, переведенный Бругшемъ:

„Богъ единъ, и нѣтъ другого Бога, кромѣ Него. Богъ сотворилъ всё. Богъ есть духъ невидимый, духъ всѣхъ духовъ, великій духъ

Представителями людей предъ богами являлись жрецы. Полагаютъ, что отъ жрецовъ произошли фараоны, скоро достигшіе божескаго достоинства. Дружно работая для своихъ личныхъ интересовъ, они скоро завладѣли всѣми богатствами и поработили народъ. На обязанности жрецовъ лежали разнаго рода моленія, заклинанія, предсказанія и жертвоприношенія. Въ древнѣйшія времена въ жертву приносились и люди. Послѣднее подтверждается открытыми изображеніями и преданіями, записанными Діодоромъ.

Погребенія. Въ обрядахъ погребеній поры мѣдныхъ орудій замѣчается разнообразіе и неустойчивость, что легко объясняется формированіемъ государства изъ разныхъ народностей, имѣвшихъ различныя воззрѣнія на загробную жизнь. Такимъ образомъ среди погребеній мы видимъ: 1) погребенія со скорченными костяками, 2) погребенія съ расчлененными костяками, 3) погребенія съ первыми попытками мумифицированія труповъ и 4) погребенія какъ бы со слѣдами трупосожженій. Египетскій обрядъ приготовленія мумій и ихъ погребенія окончательно вырабатывается только при фараонахъ III-й и IV-й династій, т.-е. уже въ пору бронзовыхъ орудій.

Погребенія со скорченными костяками представляются наиболѣе древними, хотя они, несомнѣнно, существовали и въ болѣе позднее время изслѣдуемой поры, испытавъ ясно выраженное вліяніе месопотамской культуры. Для покойниковъ вырывали въ чистой или каменистой почвѣ

египтянъ, духъ божественный. Богъ существуетъ отъ начала. Онъ былъ и тогда, когда еще ничего не было. Онъ отецъ всякаго начала. Богъ вѣченъ, Онъ всегда былъ, не имѣетъ конца и будетъ всегда. Богъ невидимъ, и никто не знаетъ вида Его. Богъ есть истина; Онъ ею живетъ, Онъ питается ею и на неё опирается. Онъ творитъ истину. Богъ зачинаетъ всё, но Самъ не зачатъ. Онъ всему міру даетъ жизнь. Онъ рождаетъ всё, но Самъ не рожденъ. Онъ Самъ себя производитъ и рождаетъ. Онъ сотворилъ формы Своего тѣла".

Э. Реклю. „Человѣкъ и земля", кн. III, стр. 391 и 392.

колодцеобразныя ямы, на дно которыхъ клали покойниковъ всегда на лѣвомъ боку и въ сильно скорченномъ положеніи, съ кистями рукъ предъ лицомъ. Вокругъ покойника располагались глиняные расписные и каменные сосуды, содержавшіе, судя по находимымъ въ нихъ костямъ животныхъ и слѣдамъ жира, поставленную покойникамъ пищу. Кромѣ того, покойники сопровождались разнаго рода мелкими вещами домашняго быта. Такъ около нихъ находили каменныя и мѣдныя орудія, украшенія изъ кости и раковинъ, пластинки изъ тальковаго сланца разныхъ формъ, но чаще ромбовидныхъ, служившія, какъ полагаютъ, амулетами, покрытыя изображеніями крокодиловъ, антилопъ и другихъ животныхъ.

Могилы со скорченными костяками располагаются группами, иногда весьма близко одна отъ другой. Ихъ могильники обыкновенно находятся на окраинахъ поёмной нильской долины. Они открыты въ окрестностяхъ селеній Тукъ, Негады, Эль-Амра и Кавамиль.

Позднѣйшія изъ погребеній этого типа характеризуются появленіемъ при покойникахъ цилиндрическихъ сосудовъ, большого числа мѣдныхъ издѣлій и, наконецъ, гробовъ, въ видѣ прямоугольныхъ ящиковъ, слѣпленныхъ изъ глины или сложенныхъ изъ необожжённыхъ кирпичей. Въ исключительныхъ случаяхъ покойникъ оказывается втиснутымъ въ большой опрокинутый вверхъ дномъ глиняный горшокъ.

Погребенія съ расчлененными костяками встрѣчаются также нерѣдко. Этотъ видъ погребеній имѣетъ много варіацій. Въ однихъ случаяхъ въ могилѣ оказываются только черепъ и немного костей скелета, а также глиняные цилиндрическіе или овальные сосуды, поставленные сверху. Въ другихъ случаяхъ кости являются сложенными въ овальный или четырехугольный глиняный гробъ, сопровождающія же покойника вещи поставлены внѣ гроба; въ составъ этихъ вещей обыкновенно входятъ цилиндрическіе сосуды, сдѣланные изъ сѣрой глины или изъ камня, мѣд-

ныя орудія и другія подѣлки, а изрѣдка и издѣлія изъ кремня.

Могильники съ расчлененными костяками найдены близъ Тука, Кавамиля, Негады и Сильсилэ. Въ трехъ первыхъ могильникахъ погребенія этого типа оказываются смѣшанными съ погребеніями предшествующаго типа.

Въ черепахъ расчлененныхъ костяковъ иногда находятся слѣды асфальта, являющагося первымъ признакомъ введенія мумификаціи труповъ. Вѣроятно, нѣсколько позже, въ самомъ концѣ поры мѣдныхъ орудій, появляются муміи, отличающіяся отъ мумій позднѣйшихъ эпохъ тѣмъ, что трупъ не завернутъ въ саванъ и бинты, а просто залитъ асфальтомъ и положенъ въ согнутомъ положеніи въ гробъ.

Мумификація труповъ въ Египтѣ явилась результатомъ вѣры, что душа умершаго человѣка остается живою, но продолжительность существованія ея зависитъ отъ сохранности тѣла, такъ какъ съ разложеніемъ послѣдняго, начинаетъ гаснуть и уничтожаться душа: ея сознаніе затемняется, и самое существо умаляется до того, что она обращается въ пустую форму, лишенную самосознанія и, наконецъ, исчезающую, если отъ тѣла ничего не осталось. Если же тѣло остается цѣлымъ, то и душа получаетъ вѣчное загробное существованіе [1]).

Изъ такого воззрѣнія на отношеніе души къ тѣлу и возникли ревностныя заботы о сохраненіи и препарированіи трупа. Въ приведенныхъ примѣрахъ заливанія труповъ асфальтомъ мы видимъ первое проявленіе такихъ заботъ. Въ слѣдующую пору бронзовыхъ орудій онѣ выразились въ болѣе яркихъ и пышныхъ формахъ настоящаго бальзамированія труповъ и символизаціи послѣднихъ статуями, имѣвшими возможно бо́льшее сходство съ покойниками.

---

[1]) Подробное изложеніе этого вопроса даетъ князь В. П. Максутовъ въ „Исторіи древняго Востока“, т. I, стр. 166—186.

Среди погребеній описанныхъ типовъ въ Негадѣ была открыта царская гробница, какъ полагаютъ, одного изъ фараоновъ I-й династіи и даже Менеса. Выше мы уже приводили описаніе этого довольно солиднаго сооруженія. Внутри его оказались слѣды настолько сильнаго пожара, что стоявшіе въ комнатахъ каменные сосуды шлакировались, стѣны, сложенныя изъ сырцоваго кирпича, оказались сильно обожжёнными, множество предметовъ совершенно расплавилось. Но въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ обширной гробницы огонь не былъ такъ силенъ, и въ нихъ удалось найти весьма цѣнныя вещи, сдѣланныя изъ слоновой кости, алебастра, черепахи, дерева, и даже остатки тканей. Де-Морганъ, изслѣдователь гробницы, полагалъ, что пожаръ входилъ въ погребальный обрядъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ трупосожженіемъ; но противъ этого рѣшительно высказался Амелино, приписывающій пожаръ болѣе позднему времени съ цѣлью разоренія погребенія.

Среди вещей, найденныхъ въ гробницѣ, особенный интересъ представляютъ рѣзныя изображенія изъ слоновой кости и глиняный сосудъ съ отпечатками картуша фараона. Изъ мелкихъ вещицъ многія оказались совершенно схожими съ вещицами, найденными при погребеніяхъ вышеописанныхъ типовъ.

Гробницы, подобныя негадской, были открыты близъ Абида. Онѣ лишь немного отличались мелкими деталями. Судя по найденнымъ гербамъ и картушамъ, эти гробницы приписываютъ фараонамъ II-й династіи.

Заканчивая обзоръ египетскихъ древностей поры мѣдныхъ орудій, мы въ правѣ замѣтить, что многія изъ нихъ носятъ ясные слѣды заимствованій изъ сумеро-аккадской культуры, что начало культурнаго развитія на берегахъ Нила явилось нѣсколько позже, чѣмъ на берегахъ Тигра и Евфрата, и шло въ продолженіе всей поры мѣдныхъ орудій слабѣе, чѣмъ на берегахъ послѣднихъ. Быстрое развитіе власти сословія жрецовъ, а затѣмъ и фараоновъ, обусловливалось не только физико-географическими свой-

ствами страны, но и изолированностью ея отъ сильныхъ культурныхъ сосѣдей, а также и разноплеменностью основного населенія, при чемъ менѣе культурныя аборигенныя племена составили главный кадръ крѣпостного сословія и послужили въ рукахъ ловкой культурной аристократіи сильнымъ орудіемъ для закрѣпощенія и всего вообще населенія. Процессъ такого закрѣпощенія въ пору мѣдныхъ орудій еще не былъ законченъ, почему нѣкоторыя черты культуры носятъ чисто народный характеръ и живое необъединенное творческое разнообразіе, чего уже ни разу не замѣчается во всей исторіи позднѣйшаго развитія Египта, жившаго геніемъ фараонизма и жреческаго аристократизма.

Иранъ.

Мы познакомились съ двумя главными культурными очагами поры мѣдныхъ орудій, очагами Месопотаміи и долины Нила, изъ которыхъ уже въ слѣдующую пору бронзовыхъ орудій возникли первыя міровыя государства, дававшія долгое время направленіе и темпъ развитію общечеловѣческой культуры. Теперь намъ предстоитъ взглянуть на третій очагъ, который, можетъ быть лишь за недостаткомъ изслѣдованій, представляется менѣе важнымъ, но тѣмъ не менѣе жизненнымъ и продуктивнымъ. Такимъ очагомъ является Иранъ, служившій, по мнѣнію многихъ ученыхъ, прародиной арійцевъ, геній которыхъ съ незапамятныхъ временъ выдвигалъ ряды высшихъ идей, неудержимо стремясь воплотить ихъ въ соотвѣтствующія формы.

Изученіе древностей Ирана особенно важно для русскихъ археологовъ, и это какъ потому, что часть страны находится во владѣніяхъ Россіи, такъ и потому, что происхожденіе многихъ древностей Россіи только и можетъ быть понято при изученіи древностей Ирана. А чтобы судить о научномъ значеніи послѣднихъ, необходимо отмѣтить, что нѣкоторые ученые видятъ на площади Ирана начало общечеловѣческой исторіи.

„Эта мѣстность Передней Азіи, говоритъ Э. Реклю, связанная узкой перемычкой сѣверной Персіи, вдоль хребта Эльборуса и Туркменскаго Кавказа, со всѣми путями изъ Восточной Азіи, проходящими на сѣверъ и югъ отъ Памира, является одновременно и континентальною страною и морскою, по преимуществу. Правда, она занимаетъ почти геометрическую средину Стараго свѣта, и океанійскія побережья отстоятъ отъ нея въ тысячахъ километровъ разстоянія; но, съ другой стороны, цѣлыхъ пять морей проникаютъ своими выдвинутыми впередъ концами въ эту область, принося съ собою преимущества морского климата, — богатую растительность, обиліе осадковъ и удобные пути сообщенія. Эти моря представляютъ также великіе пути, какъ въ прямомъ смыслѣ, благодаря своей видной площади, такъ и въ смыслѣ движенія по ихъ берегамъ, по которымъ издавна слѣдовали самые разнообразные народы. Нѣтъ другой страны, которая находилась бы въ такихъ же благопріятныхъ условіяхъ своего положенія, какъ Передняя Азія, вокругъ которой сходятся: Персидскій заливъ, Красное море, Средиземное море, Понтъ Эвксинскій (Черное море) и Каспійское, представляющее остатокъ Полярнаго моря, нѣкогда покрывавшаго собою западную Сибирь. Такимъ образомъ уже по одному географическому положенію Малая Азія и Персія были предназначены служить человѣчеству мѣстомъ развитія труда и знаній, исходной точкой того, что мы называемъ „цивилизаціей“; отсюда послѣдняя распространилась потомъ въ сторону какъ Европейскаго Запада, такъ и Китайскаго Востока“.

„Кромѣ великолѣпнаго, имѣющаго наклонъ къ Персидскому заливу, бассейна Месопотаміи, который въ то же время, благодаря близости четырехъ другихъ морей, легко сообщается со всѣми приморскими странами Стараго свѣта, Передняя Азія, въ широкомъ смыслѣ этого географическаго термина, обладаетъ и другимъ большимъ рѣчнымъ бассейномъ, который также игралъ въ исторіи на-

родовъ большую роль, хотя и уступалъ въ этомъ отношеніи Месопотамскому бассейну. Назадъ тому нѣсколько столѣтій эта страна была гораздо обильнѣе орошена, нежели въ наше время, и её покрывала роскошная растительность; культурныя земли съ ихъ осѣдлымъ населеніемъ были менѣе ограничены пустынею. Это—та обширная область, которая орошается „рѣками-двойниками“, Аму и Сыръ, нѣсколько напоминающими по своему расположенію другихъ рѣчныхъ „близнецовъ“—Тигръ и Евфратъ“ [1]).

Черезъ обширную область Ирана проходило нѣсколько путей древнѣйшихъ международныхъ сношеній. Изъ нихъ южный путь шелъ изъ Индіи вдоль побережья Индійскаго океана и Персидскаго залива до Месопотаміи. Параллельно и рядомъ съ этимъ сухопутнымъ путемъ шелъ путь морской, связывавшій прибрежные города Индіи съ таковыми же городами Персидскаго залива.

Средній путь соединялъ внутреннія области Иранскаго плоскогорья съ Индіей и Месопотаміей. Этотъ путь пользовался наименьшимъ значеніемъ.

Наиболѣе важнымъ являлся сѣверный путь, проходившій вдоль южной подошвы горнаго хребта Эльборуса и направлявшійся на востокъ, черезъ Кабульскій проходъ, въ цвѣтущую долину Инда и на западъ, черезъ Месопотамію, въ Малую Азію, Сирію, Аравію и Египетъ. Отъ этого великаго международнаго пути отходило нѣсколько боковыхъ путей, направлявшихся къ сѣверу; изъ нихъ первый шелъ западнымъ побережьемъ Каспійскаго моря въ плодородныя долины сѣвернаго Кавказа и южной Россіи, второй — пересѣкалъ горный хребетъ у современнаго г. Астерабада и велъ въ долины Аму и Сыръ-Дарьи и далѣе въ Китай, Сибирь и, черезъ Каспійскія ворота, въ Европейскую Россію. По всѣмъ этимъ путямъ, начиная съ неолитической эпохи и до позднѣйшаго времени, происходили постоянныя передвиженія не только отдѣльныхъ

[1]) Э. Реклю: „Земля и люди“, кн. II, стр. 200—202.

предпринимателей и всякаго рода туристовъ, но и цѣлыхъ народовъ.

Населеніе Ирана искони принадлежало къ арійцамъ. Не разъ вторгавшіяся въ эту область другія племена играли всегда второстепенныя роли. Пиктэ [1]), Томашекъ [2]), Гейнъ [3]), Сейсъ [4]) и многіе другіе ученые полагаютъ, что Иранъ служилъ первородиной всѣхъ арійцевъ, и, хотя съ этимъ далеко не всѣ соглашаются, археологическія открытія, сдѣланныя въ послѣднее время, говорятъ болѣе въ ихъ пользу, нежели въ пользу противниковъ.

Арійское населеніе древняго Ирана отличалось большою энергіею и творческою силою ума. Находясь при великихъ путяхъ международныхъ сношеній, оно развило въ себѣ воинственность и предпріимчивость. На югѣ оно постоянно отражало морскихъ пиратовъ, на сѣверѣ боролось съ ордами всевозможныхъ туранскихъ кочевниковъ. Его отдѣльныя племена получили лестные эпитеты „счастливыхъ“, „храбрыхъ“ и „непобѣдимыхъ“, а весь народъ— имя „арійцевъ“, что значитъ по-санскритски „благородный“, отъ чего, какъ полагаютъ, и страна получила названіе Ирана.

Безпрерывныя боевыя столкновенія однако не препятствовали культурнымъ сношеніямъ народовъ черезъ посредство Ирана, стоявшаго если не выше, то въ уровнѣ развитія передовыхъ народовъ того времени. Въ его предѣлахъ, вѣроятнѣе всего, впервые была открыта и стала обрабатываться мѣдь, а также впервые стали вспахивать поля плугомъ, впрягая въ него быковъ.

Въ Иранѣ очень рано возникъ культъ огня, получившій свое начало, повидимому, изъ обоготворенія солнца, и культъ земледѣльческаго труда. Слѣды обоихъ куль-

---

[1]) Piktet. „Origines Indo-européennes“, 1859.
[2]) Tomaschek. „Zur Kunde der Halbinsel Hämus“.
[3]) Van den Gheyn. „Les migrations des aryas“.
[4]) Sayce. „Principles of philology“ and „Science of languages“.

товъ, въ видѣ пережитковъ, наблюдаются у всѣхъ народовъ арійскаго корня.

„Къ этимъ вѣрованіямъ первобытныхъ иранцевъ, которыя въ чистомъ видѣ можно найти въ Авестѣ и другихъ священныхъ книгахъ персовъ, естественно примѣнялись потомъ другія натуралистическія и анимистическія религіи. Поклоненіе небу и облакамъ, почитаніе животворной воды, бьющей изъ земли и быстро изсякающей подъ солнцемъ, если бы её не скрывали въ подземныхъ каналахъ, страхъ предъ злыми духами, порожденными разстроеннымъ воображеніемъ человѣка, всѣ эти чувствованія входили уже въ иранскую религію прежде, чѣмъ образовался маздеизмъ—поклоненіе „высшему существу“, „высшей мудрости“,—игравшій такую важную роль въ исторіи Ирана и въ исторіи человѣческой мысли. Маздеизмъ (ученіе, приписываемое Зороастру), поглотивъ всѣ предшествующія религіозныя формы, добавилъ къ нимъ идею полнаго антагонизма между добромъ и зломъ (Ормуздомъ и Аримановъ [1])“.

Общественная жизнь населенія Ирана въ пору мѣдныхъ орудій концентрировалась, преимущественно, въ юго-западномъ углѣ плоскогорья, въ странѣ Эламъ. Эта мѣстность представляетъ изъ себя параллельныя цѣпи высокихъ, трудно проходимыхъ горъ, называемыхъ Загрошемъ, подъ защитой которыхъ осѣли бахтіары, одно изъ сильныхъ племенъ иранскихъ арійцевъ, основавшее городъ Сузы, столицу Элама.

Раскопки, произведенныя на мѣстѣ древнихъ Сузъ французскимъ археологомъ де-Морганомъ, выяснили, что въ пору мѣдныхъ орудій Сузы представляли крупный культурный центръ, находившійся въ самыхъ живыхъ сношеніяхъ съ городами сумеро-аккадовъ. Среди многочисленныхъ находокъ особенно обращаютъ вниманіе глиняныя таблички, покрытыя знаками, которые еще не уда-

[1]) Э. Реклю. „Земля и люди“, кн. II, стр. 242.

лось разобрать. Древность ихъ относятъ къ концу V-го тысячелѣтія до Р. Хр. Въ это время Сузы уже управлялись самостоятельнымъ царемъ.

Чрезвычайно интересная каменная плита съ барельефомъ была открыта недалеко отъ г. Кальмана. На ней изображенъ бахтіаръ, гордо попирающій ногою одного человѣка и готовящійся поразить стрѣлою другого, упавшаго на колѣни и просящаго пощады. На одномъ краю барельефа сдѣлана слѣдующая клинообразная надпись: „Тардокнисъ, начальникъ, сынъ Синъ-Ипса, возстановилъ это изображеніе, снова воздвигнувъ, когда оно упало. Кто разрушитъ его, того да обратятъ въ прахъ Шаманъ и Адатъ, его самого, племя и самое имя его". По мнѣнію де-Моргана, эта надпись относится ко времени царя Гудеа, т.-е. къ концу поры мѣдныхъ орудій.

Барельефъ представляетъ памятникъ высокоразвитого искусства. Изображенныя на немъ фигуры людей отличаются реальностью и живостью движеній. Двѣ угнетенныя фигуры напоминаютъ сумеро-аккадовъ, какъ они сами себя изображали въ лучшихъ скульптурныхъ произведеніяхъ. Бахтіаръ имѣетъ на головѣ шапку съ высокимъ верхомъ, на шеѣ гривну, или ожерелье, съ круглой подвѣской въ видѣ большой медали. Верхняя часть тѣла какъ будто бы открыта, нижняя часть закрыта короткой юбкой, подпоясанной широкимъ поясомъ, за который заткнутъ топоръ. Въ лѣвой рукѣ изображенъ кривой лукъ, а у правой руки—колчанъ со стрѣлами.

Всё это въ общемъ указываетъ, какъ много важныхъ открытій ожидается въ странѣ древняго Ирана и какъ желательно направить туда дѣятельность археологовъ.

До сихъ поръ мы вели обзоръ такихъ археологическихъ культуръ, въ которыхъ имѣлись письменность и болѣе или менѣе точныя хронологическія даты ихъ существованія. Теперь намъ приходится приступить къ обзору

культуръ такихъ, которыя или совсѣмъ не имѣли никакой письменности и хронологическихъ датъ, или въ которыхъ существованіе письменности и хронологическихъ вычисленій современная наука еще не успѣла констатировать. Оцѣнка времени подобныхъ культуръ является очень затруднительною и не гарантированною отъ крупныхъ ошибокъ. Однако, съ развитіемъ археологическаго знанія и увеличеніемъ числа правильно освѣщенныхъ фактовъ, недостатки эти всё болѣе и болѣе уничтожаются.

Въ настоящее время, при хронологическомъ опредѣленіи подобныхъ нѣмыхъ культуръ, можно держаться слѣдующихъ положеній, вытекающихъ изъ закона общечеловѣческаго прогресса.

1) Важныя культурныя открытія и изобрѣтенія не только никогда не забываются, но дѣлаются общимъ достояніемъ всего человѣчества. Таковы открытіе огня, обработка камня и обработка металла. Всѣ современные народы пользуются плодами этихъ открытій, хотя знакомство съ ними совершается такъ медленно, что многіе народы вымерли, не успѣвъ узнать позднѣйшаго изъ нихъ.

2) Скорость распространенія знакомства съ открытіями и изобрѣтеніями зависитъ отъ весьма разнообразныхъ причинъ, но главнымъ образомъ отъ скорости сообщенія между населенными странами и отъ культурной воспріимчивости народовъ.

3) Всю населенную поверхность земного шара можно разсматривать въ видѣ ряда областей, отличающихся другъ отъ друга какъ этническими, такъ и физическими особенностями. Въ древнія времена однѣ изъ этихъ областей являются связанными другъ съ другомъ, другія — изолированными. Къ первымъ относятся всѣ области материковъ Стараго свѣта, ко вторымъ — области материковъ Новаго свѣта. Области, связанныя другъ съ другомъ, знакомятся съ новыми культурными открытіями и изобрѣтеніями или непосредственно черезъ область, сдѣлавшую открытіе, или черезъ посредство другихъ областей.

4) Новыя открытія и изобрѣтенія, сдѣланныя въ однѣхъ областяхъ, узнаются въ другихъ областяхъ позже, и такое запаздываніе становится тѣмъ больше, чѣмъ медленнѣе совершаются между ними сношенія.

5) Начало знакомства съ новыми открытіями и изобрѣтеніями не можетъ быть позже конца пользованія ими въ той области, изъ которой они получены.

Такимъ образомъ въ послѣднемъ положеніи мы находимъ опору для искомыхъ датъ. Но, чтобы получить эту опору, требуется каждую изслѣдуемую культуру ввести въ связь съ наиболѣе изученной передовой культурой. Въ пору мѣдныхъ орудій, какъ мы видѣли, таковою являлась культура южной Месопотаміи, гдѣ издѣлія изъ чистой мѣди смѣнились бронзовыми около 4000 лѣтъ до Р. Хр.

Египетъ представляетъ область, культурно подчиненную Месопотаміи. Египетъ переживалъ мѣдную культуру. По принятому нами положенію, начало египетской мѣдной культуры не можетъ быть позже 4000 лѣтъ до Р. Хр., такъ какъ въ болѣе позднее время Египетъ получилъ бы изъ Месопотаміи не мѣдную, а бронзовую культуру. И, дѣйствительно, даже по болѣе минимальнымъ датамъ періодовъ Сотиса египетская мѣдная культура должна относиться къ половинѣ V-го тысячелѣтія до Р. Хр.

Точно такъ же мѣдная культура Ирана, если бы онъ не претендовалъ на первенство, могла быть датирована, по меньшей мѣрѣ, четырьмя тысячами лѣтъ до Р. Хр., и это косвенно могло бы подтвердиться кальманскимъ барельефомъ, надпись котораго была сдѣлана при сумеро-аккадскомъ царѣ Гудеа, т.-е. около 4000 лѣтъ до Р. Хр.

Такіе примѣры даютъ основаніе дѣлать опредѣленія и по отношенію болѣе отсталыхъ и нѣмыхъ культуръ. При чемъ, если выяснится ихъ зависимость отъ второстепенной культуры, то и время ихъ слѣдуетъ опредѣлять сообразно съ концомъ изслѣдуемаго явленія во второстепенной культурѣ. Такъ, напримѣръ, если бы выяснилось, что мѣдная культура Греціи получена изъ Египта, то

нельзя было бы начало ея относить къ болѣе позднему времени, чѣмъ конецъ этой культуры въ Египтѣ. А намъ извѣстно, что конецъ мѣдной культуры въ Египтѣ послѣдовалъ при фараонахъ второй династіи, т.-е., по минимальной датѣ періодовъ Сотиса, въ первой половинѣ IV-го тысячелѣтія до Р. Хр. Отсюда же мы въ правѣ были бы заключить, что въ пору мѣдныхъ орудій Греція входила въ число отсталыхъ областей, жившихъ пережитками каменнаго періода.

Допускаютъ, что великія культурныя открытія могли послѣдовать въ разныхъ областяхъ самостоятельно, и указываютъ на сибирскую, эгейскую и другія культуры, какъ на представляющія нѣчто обособленное и генетически самостоятельное. Однако болѣе глубокое изслѣдованіе корней этихъ и подобныхъ имъ культуръ всё болѣе и болѣе убѣждаетъ, что каждое изъ великихъ открытій совершилось только одинъ разъ, и пользованіе имъ въ разныхъ областяхъ происходитъ по простому „закону соприкосновеній“.

Вѣроятнѣе всего, этотъ законъ окажется обязательнымъ и для областей Новаго свѣта, гдѣ, какъ въ Мексикѣ и Перу, генезисъ металлической культуры хотя и представляется загадочнымъ, но новыя открытія и изслѣдованія даютъ всё бо́льшее и бо́льшее число фактовъ, указывающихъ на зависимую связь его съ культурами Стараго свѣта.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда изучаемая культура не можетъ быть введена въ связь съ основными культурами, что, по недостатку произведенныхъ изслѣдованій, случается часто, её необходимо условно относить къ концу того хронологическаго дѣленія, къ которому по характеру вещей эта культура должна была бы принадлежать. Напримѣръ, въ Финляндіи открыта культура, характеризующаяся большимъ количествомъ каменныхъ орудій и нѣсколькими орудіями изъ бронзы. По изложенному положенію, такую культуру слѣдуетъ условно отнести къ концу поры бронзовыхъ

орудій. Когда же будетъ установлена болѣе точная дата, тогда культура должна быть перенесена въ соотвѣтствующее хронологическое дѣленіе.

При условіи лишь такихъ положеній въ настоящее время возможенъ обзоръ древнихъ культуръ, не оставившихъ послѣ себя болѣе точныхъ датъ.

Пышно и ярко расцвѣтшія мѣдныя культуры на берегахъ Тигра, Евфрата и Нила не могли не отразиться на состояніи культуръ и другихъ странъ. Археологическія открытія ежегодно приносятъ всё новыя и новыя доказательства необыкновенно широкаго распространенія плодовъ древнѣйшей металлической индустріи. Культуры, характерныя для поры мѣдныхъ орудій, въ настоящее время открыты въ Малой Азіи, на островахъ Средиземнаго моря, во многихъ областяхъ Европы и Средней Азіи. Количество находокъ такъ многочисленно, что подробно ознакомиться съ ними въ одномъ курсѣ не представляется возможнымъ. Въ виду этого, намъ по необходимости придется остановиться лишь на немногихъ болѣе важныхъ открытіяхъ.

Троя*).

Въ Малой Азіи особенною извѣстностью пользуются открытія, сдѣланныя на мѣстѣ древняго города Трои. Развалины города, по историческимъ указаніямъ, должны были находиться въ сѣверо-западномъ углѣ Малой Азіи. Наиболѣе отвѣчающимъ положенію этого города представлялся обширный холмъ у дер. Эски-Гиссарликъ, на правомъ берегу р. Скамандра. Въ 1871 году Г. Шлиманъ, богатый петербургскій коммерсантъ, приступилъ къ раскопкамъ холма, которыя продолжалъ въ 1872, 1873, 1878 и

*) *Литература:*

1) H. Schliemann. „Ilios Stadt und Land der Trojaner“, 1881.
2) Его же. „Atlas trojanischer Altertümer“, 1874.
3) Perrot et Chipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité“, t. VI, Troie.
4) F. Veliský. „Troja, o starožitnosti Schliemannovy“, 1874.

1879 годахъ. Результатомъ этихъ огромныхъ работъ явилось открытіе остатковъ семи разрушенныхъ городовъ, послѣдовательно смѣнившихъ другъ друга.

Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, интересъ представляютъ остатки перваго древнѣйшаго города. Они залегали на глубинѣ 20—22 аршинъ. Городъ имѣлъ небольшіе размѣры: его длина равнялась 150 аршинамъ. Онъ былъ основанъ на небольшомъ природномъ холмикѣ высотою около трехъ аршинъ и окруженъ массивною каменною стѣною, толщина которой у основанія достигала $3^1/_2$ аршинъ. Стѣна слагалась изъ необтесанныхъ известковыхъ камней. Наружная ея сторона была облицована болѣе крупными камнями и сдѣлана съ наклономъ внутрь. На площади города сохранились остатки каменныхъ жилыхъ построекъ. Болѣе тонкія стѣны ихъ складывались изъ камня на глиняномъ цементѣ. Кирпичей ни обожжённыхъ, ни сырцовыхъ совершенно не оказалось.

Главными занятіями жителей служили скотоводство и рыболовство. Среди многочисленныхъ кухонныхъ остатковъ найдены кости коровъ, овецъ, козловъ и свиней; всё это сопровождалось большимъ количествомъ раковинъ съѣденныхъ моллюсковъ. Кости дикихъ животныхъ встрѣчались очень рѣдко; очевидно, охота служила только подспорьемъ къ скотоводству и рыболовству.

Въ составъ бытовыхъ предметовъ входили орудія и подѣлки изъ мѣди, камня, кости и глины. Предметы изъ мѣди встрѣчались очень рѣдко. Найдено нѣсколько узкихъ долотовидныхъ топоровъ, пластинчатыхъ ножей, булавокъ гвоздевидной формы съ загнутыми въ спираль головками, браслетовъ и привѣсокъ. Особенный интересъ представляетъ половинка каменной формы, служившей для отливки мѣдныхъ вещей [1]). Этотъ предметъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя мѣдныя вещи вырабатывались въ самомъ городѣ.

---

[1]) H. Schliemann. „Ilios“, 282, № 103.

Издѣлія изъ камня встрѣчались гораздо чаще. Среди нихъ оказались топоры, молоты, ножи, пилки, наконечники стрѣлъ и др. Всѣ топоры были полированными; одни изъ нихъ имѣли форму клина, другіе снабжались сверлинами. Они вырабатывались изъ кремня, діорита и нефрита. Нефритовыхъ топоровъ найдено было 13 штукъ. Ближайшіе къ Троѣ выходы нефрита имѣются въ Куэнь-Лунѣ и у истоковъ р. Хатанги. Вѣроятнѣе всего, изъ этихъ-то областей и получался нефритъ древними троянцами.

Помимо названныхъ орудій, нерѣдко встрѣчались круглые камни (боласы), терки, или песты и плиты съ чашечными углубленіями, служившія, вѣроятнѣе всего, для растиранія зеренъ.

Подѣлки изъ кости встрѣчались также въ значительномъ количествѣ. Въ составъ ихъ входили шила, иглы, булавки разныхъ формъ, пластинки, украшенныя кружковымъ орнаментомъ, игральныя кости. Въ общемъ техника всѣхъ вещей представляется очень примитивною.

Наибольшимъ разнообразіемъ отличаются керамическія издѣлія. Найдено большое число сосудовъ, пряслицъ и статуэтокъ. Нѣкоторые сосуды имѣли огромные размѣры, достигая почти 3 аршинъ высоты; другіе дѣлались на трехъ и четырехъ высокихъ ножкахъ, приспособляясь къ нагрѣванію на кострахъ; многіе имѣли по одной и по двѣ ручки, а иногда и ушки, служившія, очевидно, для подвѣшиванія сосудовъ. Очень часто встрѣчались блюда или чаши разныхъ размѣровъ. Поверхность сосудовъ, въ большинствѣ случаевъ, оставлялась безъ украшеній, но иногда покрывалась узорами. Послѣдніе, обыкновенно, состояли изъ линій, прочерченныхъ по сырой глинѣ, въ видѣ разнообразныхъ геометрическихъ фигуръ. Между прочимъ, здѣсь впервые встрѣчается свастика.

Свастика представляетъ фигуру креста съ загнутыми концами. Для разъясненія смысла этого знака имѣется довольно обширная литература. „Свастика“—слово древнеиндійское и означаетъ „доброе пожеланіе“; въ Ведахъ

оно употреблялось или въ значеніи имени существительнаго „блаженство“, или въ значеніи нарѣчія „здраво“. По мнѣнію однихъ ученыхъ, форма знака произошла отъ двухъ накрестъ-сложенныхъ кусковъ дерева, при помощи тренія которыхъ добывался священный огонь; по мнѣнію другихъ ученыхъ [1]), свастика явилась стилизованнымъ изображеніемъ летящихъ птицъ, потомъ—эмблемой весны, и далѣе — эмблемой солнца и огня. У древнихъ индусовъ свастика считалась эмблемой бога огня Агни. Изображенія свастикъ встрѣчены на золотой коронѣ, найденной въ саркофагѣ египетской царевны Кхнумиты, принадлежавшей къ III-й или IV-й династіямъ, царствовавшимъ въ концѣ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр.

Заслуживаютъ вниманія пряслица. Это — глиняные кружки, формою похожіе на чётки обыкновенныхъ счётовъ. Полагаютъ, что эти вещицы служили для веретенъ. Глиняныя статуэтки отличаются грубостью и полнымъ отсутствіемъ художественнаго вкуса.

Такова въ общихъ чертахъ культура древнѣйшей Трои. Въ ней нѣтъ ни записей, ни другихъ обозначеній времени. Но, руководясь вышеизложеннымъ закономъ культурныхъ соприкосновеній и принимая во вниманіе близость изслѣдуемаго пункта къ культурнымъ первоисточникамъ въ Месопотаміи и Иранѣ, мы совершенно въ правѣ отнести культуру первой Трои къ концу поры мѣдныхъ орудій, т.-е. приблизительно къ началу IV-го тысячелѣтія до Р. Хр.

Санторинъ *).

Ко времени первой Трои возможно отнести и развалины селеній, открытыхъ подъ вулканическимъ пепломъ на островѣ Санторинѣ, въ греческихъ Цикладахъ.

---

[1]) Гр. А. А. Бобринскій. „О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи“, Труды Ярославскаго областного съѣзда, 1902 г.

*) *Литература:*

1) Fouqué. „Santorin et ses éruptions“, Paris, 1879.

Поводомъ къ открытію ихъ послужило добываніе вулканическаго песка (пуццолина), употребляемаго для приготовленія цемента. Рабочіе, выбирая песокъ, часто открывали остатки разрушенныхъ каменныхъ строеній. Однако на эти памятники никто не обращалъ вниманія, пока ихъ не замѣтилъ Христоманосъ, профессоръ химіи Аѳинскаго университета, и не доказалъ важнаго значенія ихъ для науки. За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ раскопокъ и изслѣдованій, благодаря которымъ установлено, что островъ Санторинъ, называвшійся въ болѣе древнее время Терой, былъ обитаемъ въ пору мѣдныхъ орудій, когда ему пришлось пережить грандіознѣйшую катастрофу. Во время чрезвычайно сильнаго вулканическаго изверженія вся средина острова, представлявшая куполовидное возвышеніе, обрушилась внизъ и залилась хлынувшими водами моря, прорвавшими кольцевидные остатки острова, образовавъ изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ острововъ, изъ которыхъ наибольшими по размѣрамъ оказались современные Санторинъ (Тера) и Теразія. Происшедшимъ въ то же время сильнымъ землетрясеніемъ были разрушены почти всѣ жилыя сооруженія, остатки которыхъ вулканъ засыпалъ пемзой и пуццолиномъ, образовавъ слой, мѣстами достигавшій до 42 аршинъ толщины. Исторія не знаетъ ни одной подобной катастрофы. Ея гигантскимъ размѣрамъ уступаетъ даже изверженіе Кракатау, потрясшее въ 1883 году Зондскій архипелагъ и опустошившее острова Яву и Суматру. Вся растительная и животная жизнь разорваннаго острова были совершенно уничтожены, и уцѣлѣвшія части его, въ видѣ нѣсколькихъ острововъ, оставались долгое время необитаемыми.

Такимъ образомъ культуры древнѣйшихъ жителей здѣсь являются совершенно чистыми, не осложненными

2) Mamet. „De insula Thera“, Paris, 1874.
3) Perrot et Chipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité“, t. VI.
4) Dumont. „Les céramiques de la Grèce propre“.

никакими позднѣйшими наслоеніями. Эти культуры, открытыя въ нѣсколькихъ пунктахъ Санторина и Теразіи, носятъ совершенно одинаковый характеръ. Селенія состоятъ изъ каменныхъ домовъ, иногда обведенныхъ каменными стѣнами. Дома сопровождаются остатками земледѣлія, скотоводства и рыболовства, а также каменными и, рѣже, металлическими орудіями и украшеніями.

На островѣ Теразіи былъ открытъ домъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ комнатъ. Стѣны дома оказались сложенными изъ кусковъ камня, связанныхъ цементомъ, составленнымъ изъ красноватаго землистаго вещества и растительныхъ остатковъ. Для угловъ зданія камень слегка обтесывался, для стѣнъ же употреблялся безъ всякой обработки. Зданіе оказалось оріентированнымъ съ сѣвера на югъ. Его сѣверная стѣна продолжалась въ обѣ стороны, образуя нѣчто въ родѣ крѣпостной стѣны, сопровождавшейся снаружи рвомъ. Эта стѣна охватывала домъ, повидимому, со всѣхъ сторонъ.

Въ одной комнатѣ дома найдены запасы ячменя и другихъ зеренъ, насыпанныхъ или на полу у стѣнъ, или хранившихся въ большихъ глиняныхъ сосудахъ. Въ другихъ комнатахъ найдены базальтовыя грузила, каменныя корыта, каменныя орудія, жернова, одна кремневая пилка и одинъ обсидіановый наконечникъ стрѣлы. Въ наружныхъ дверяхъ лежалъ костякъ человѣка, очевидно, задавленнаго упавшей крышей. Судя по отсутствію костяковъ другихъ обитателей дома и цѣнныхъ вещей, слѣдуетъ полагать, что катастрофа совершилась не внезапно, а съ предварительными предупрежденіями, можетъ быть, въ формѣ колебанія почвы или подземныхъ ударовъ, такъ что жители, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, успѣли выбѣжать изъ домовъ и захватить съ собою болѣе цѣнныя вещи.

Значительно болѣе такихъ остатковъ открыто на островѣ Санторинѣ. Въ 1867 году Фукэ нашелъ развалины селенія въ южной части этого острова, близъ со-

временнаго города Акротири. Начатыя имъ въ 1870 году раскопки были продолжены членами Французской школы въ Аѳинахъ Маме (Mamet) и Горсе (Gorceix), открывшими остатки другого поселенія, расположеннаго поблизости къ первому.

Такимъ образомъ было изслѣдовано много домовъ. Типичные изъ нихъ представляли правильный четырехугольникъ, раздѣленный внутри на нѣсколько комнатъ. Стѣны ихъ складывались изъ простыхъ и тесанныхъ кусковъ базальта. Цементомъ служило красноватое землистое вещество, смѣшанное съ остатками растеній. Среди камней въ стѣны продольно закладывались болѣе или менѣе толстые куски дерева. Изъ дерева также дѣлались наличники оконъ и дверей. Окна прорѣзались небольшія, около 60 сантиметровъ вышины и 50 сантиметровъ ширины. Полы дѣлались въ разныхъ комнатахъ не на одномъ уровнѣ: въ однѣхъ комнатахъ выше, въ другихъ ниже. Крыши были плоскія и состояли изъ бревенчатаго накатника, сверху покрытаго слоемъ камня и земли. Для поддержанія крышъ въ срединѣ комнатъ иногда ставились деревянныя колонны, или столбы, для которыхъ сооружались особые цилиндрическіе пьедесталы, вырѣзанные изъ камня.

Въ большинствѣ домовъ стѣны бѣлились грубымъ растворомъ известковаго вещества, которое иногда также служило цементомъ для кладки стѣнъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ по извести наносились разными красками геометрическіе узоры. Горсе полагаетъ, что такимъ же образомъ расписывались и потолки. Въ каждомъ домѣ имѣлись маленькія комнаты съ углубленнымъ поломъ, служившія, по мнѣнію однихъ, амбарами для храненія зернового хлѣба, по мнѣнію же другихъ, хлѣвами для загона мелкаго домашняго скота.

Въ домахъ найдены совершенно такіе же предметы, какъ и въ теразійскомъ домѣ. Но въ одномъ изъ нихъ, на ряду съ обсидіановыми ножами и наконечниками стрѣлъ, отыскались два золотыхъ кольца, а въ другомъ—пила, сдѣланная изъ чистой мѣди, безъ слѣдовъ олова.

Среди кухонныхъ отбросовъ изобиловали кости овецъ и козъ. Очевидно, обитателямъ острова было хорошо извѣстно скотоводство. Однако ихъ еще болѣе занимало земледѣліе. Въ огромныхъ глиняныхъ сосудахъ, спеціально служившихъ для храненія съѣстныхъ припасовъ, оказались зерна ячменя, который, по всѣмъ признакамъ, имѣлся въ изобиліи, затѣмъ—чечевица, горохъ, анисъ и др.

Глиняные сосуды и ихъ обломки встрѣчались въ большомъ количествѣ; ихъ находили какъ внутри, такъ и внѣ домовъ. Въ виду малой распространенности на островѣ горшечныхъ глинъ, нѣкоторые изслѣдователи полагали, что керамика привозилась откуда-нибудь со стороны. Однако микроскопическія изслѣдованія, произведенныя Фукэ (Fouqué) и Цессакомъ (Cessac), доказали возможность мѣстнаго гончарнаго производства. Въ глинѣ оказались остатки микроскопическихъ животныхъ изъ семейства фораминиферъ, діатомовыхъ и спонгіеровыхъ, встрѣчаемыхъ въ глинахъ острова Санторина. Обработка глины для керамическаго производства не отличалась тщательностью; такъ въ ней часто можно наблюдать множество кусочковъ базальта, кристаллы кварца и другихъ веществъ. Сосуды дѣлались въ формахъ и отъ руки. Поверхность ихъ иногда полировалась. Обжиганіе было очень слабое, такъ что нѣкоторые экземпляры казались какъ бы совсѣмъ необожжёнными. Формы сосудовъ совершенно схожи съ троянскими. Въ число ихъ входятъ различныхъ размѣровъ горшки, амфоры, чашки, тарелки, кружки, флаконы. Поверхность сосудовъ нерѣдко покрывалась расписнымъ орнаментомъ. Для росписи употреблялись красная, бѣлая, коричневая, темнобурая и черная краски. Орнаментировалась обыкновенно только верхняя часть сосудовъ. Орнаментъ состоялъ изъ параллельныхъ круговыхъ линій, различныхъ геометрическихъ фигуръ въ видѣ угловъ, ромбовъ, волютъ или спиралей. Поля нѣкоторыхъ фигуръ заполнялись точками.

Въ общемъ это была довольно высокая культура. Жители острова находились въ сообщеніяхъ съ далекими странами. Такъ полагаютъ, что обсидіанъ они получали съ острова Милоса, золото—изъ Малой Азіи, а мѣдь—съ Кипра. Такія широкія сношенія могли поддерживаться только при помощи хорошихъ морскихъ судовъ.

Эгейскіе острова и Кипръ.

Культура острова Санторина не представляетъ что-либо исключительное. Археологическія изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ доказали присутствіе подобныхъ культуръ на многихъ островахъ Эгейскаго моря и на островахъ Кипрѣ и Критѣ. На обоихъ послѣднихъ найдены остатки обширныхъ копей и мастерскихъ, служившихъ для выработки мѣди. Отсюда мѣдныя издѣлія распространялись по всему побережью Средиземнаго моря и проникали далеко внутрь Европы и Малой Азіи. Возникновеніе островныхъ мѣдныхъ культуръ относятъ за 4000 лѣтъ до Р. Хр., но онѣ существовали и позже. Такъ на островѣ Кипрѣ, вмѣстѣ съ остатками этой культуры, найдена цилиндрическая печать вавилонскаго царя Нарамсина, жившаго около 3750 лѣтъ до Р. Хр. и, какъ свидѣтельствуютъ клинообразныя надписи, имѣвшаго съ кипрянами войну.

На Кипрѣ вырабатывались въ большомъ количествѣ клиновидные топоры, кинжалы, ножи, серпы, пилы, наконечники копій и стрѣлъ, а также разныя украшенія простѣйшихъ формъ. Эти вещи находятъ въ большомъ количествѣ какъ на мѣстахъ древнихъ жилищъ, такъ и при погребеніяхъ. Кипрскія погребенія совершались или въ простыхъ ямахъ, или въ катакомбахъ (нишахъ), закрывавшихся камнями. При покойникахъ ставились глиняные сосуды безъ орнамента или съ инкрустированнымъ орнаментомъ, представляющимъ нарѣзы, выполненные бѣлой мастикой, и полагались различныя мѣдныя вещи.

Италія.

Въ Италіи мѣдныя культуры являются весьма распространенными. Связь и зависимость ихъ отъ культуръ Кипра и малоазійскихъ береговъ прочно установлены [1]). Извѣстно нѣсколько большихъ могильниковъ поры мѣдныхъ орудій. Покойники, обыкновенно, лежатъ въ скорченномъ положеніи на лѣвомъ, рѣже на правомъ, боку, головою то къ сѣверо-востоку, то къ сѣверо-западу, то къ югу. Ихъ хоронили въ катакомбахъ или ямахъ яйцевидной формы, иногда съ углубленіемъ въ боку для помѣщенія согнутыхъ ногъ. Съ покойниками ставили глиняные сосуды и клали каменные или мѣдные кинжалы и топоры, каменные топоры-молоты со сверлинами, стрѣлы и другіе предметы. Особенною извѣстностью пользуются большіе могильники Ремеделло-ди-Сотто и Кумароллы. Въ послѣднемъ при каждомъ покойникѣ находились мѣдный кинжалъ и кремневая стрѣла, а въ исключительныхъ случаяхъ и каменный топоръ.

Культуры, сопровождаемыя мѣдными орудіями, открыты въ Испаніи, Франціи, Англіи, Даніи, Германіи, Швейцаріи и Австріи. Всѣ онѣ имѣютъ спеціальную литературу [2]) и вызываютъ къ себѣ особенный интересъ.

Венгрія.

Наиболѣе богатою среди европейскихъ мѣдныхъ культуръ оказалась венгерская. Бо́льшая часть издѣлій этой

[1]) В. И. Модестовъ. „Введеніе въ Римскую исторію“, ч. I, стр. 56.

[2]) M. Much. „Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältnis zur Kultur der Indogermanen“, Wien, 1886. — O. Tischler. „Über die Kupferzeit in Europa“, 1887.—C. Delon. „Le cuivre et le bronze“, Paris, 1877.—P. Raymond. „Nouvelles recherches sur l'âge du cuivre dans les Cevennes“. Bull de la Soc. d'anthropologie de Paris, 1898, IX.—F. von Pulszky. „Die Kupferzeit in Ungarn“, Budapest, 1884.—R. Forrer. „Statistik der in der Sweiz gef. Kupfergeräthe“, Antiqua, 1885.—Его же. „Reallexicon“, 431—434.—V. Gross. „Les Protogelvètes“, p. 22, X, fig. 1—30.—Montelius. „Über die Kupferzeit in Schweden“, 1894. И многіе другіе.

культуры являются кованными, а не литыми и притомъ не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній. Типы ихъ самые простые. Встрѣчаются клиновидные топоры съ расширеннымъ лезвіемъ, трехугольные кинжалы, ножи, булавки, крючки для уженія рыбы и мѣдныя бусы. Нѣкоторыя издѣлія совершенно схожи съ кипрскими. „Очевидно, говоритъ Л. Нидерле, что съ Кипромъ, гдѣ, какъ было уже сказано, находились очень богатыя копи мѣди, происходила уже въ то время оживленная торговля какъ сырымъ матеріаломъ, такъ и издѣліями изъ него. Указанное сходство доказывается главнымъ образомъ двумя типами: листообразными кинжалами, клинокъ которыхъ переходитъ въ загнутый на концѣ стержень, и шпильками или булавками изъ толстой проволоки, одинъ конецъ которыхъ бываетъ обыкновенно обвитъ другой проволокой, а противоположный—загнутъ. Назначеніе этихъ булавокъ до сихъ поръ еще не выяснено, такъ же точно, какъ назначеніе подобныхъ же позднѣйшихъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ бронзы. Эти два кипрскіе типа мы можемъ прослѣдить не только въ Гиссарликѣ (Троѣ) и на Балканахъ до Албаніи и до Венгріи, но и до Италіи и Швейцаріи, Чехіи и Германіи“ [1]).

Трипольская культура *).

Особенный научный интересъ, среди всѣхъ европейскихъ культуръ поры мѣдныхъ орудій, представляетъ культура трипольская. Изученіе этой культуры, повидимому,

---

[1]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 205 и 206.

*) *Литература*:

1) В. Б. Антоновичъ. Замѣтка, помѣщенная въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. XIII, стр. 106.

2) А. А. Спицынъ. „Раскопки глиняныхъ площадокъ близъ с. Колодистаго, Кіевской губ.“. Изв. Имп. Археолог. Ком., 1904 г., вып. 12.

3) Его же. „Площадки съ расписными сосудами въ Звенигородскомъ и Уманскомъ уѣздахъ“. Археолог. Лѣтоп. южн. Россіи, 1899 г., стр. 174.

должно освѣтить такъ сильно волнующій многихъ европейскихъ ученыхъ вопросъ объ арійцахъ въ Европѣ. Остатки этой весьма характерной культуры въ настоящее время прослѣжены въ Россіи, Австріи, Румыніи и Европейской Турціи. Первые слѣды ея были открыты въ Молдавіи извѣстнымъ чешскимъ ученымъ проф. В. О. Пичемъ (J. L. Píč); затѣмъ въ Галиціи Г. О. Оссовскимъ; нѣсколько позже обширнѣйшіе и самые выразительные остатки были открыты въ Россіи. Въ изслѣдованіи послѣднихъ приняли участіе В. В. Хвойко, Н. Ѳ. Бѣляшевскій, проф. Э. Р. Штернъ и другіе.

Трипольская культура имѣетъ нѣсколько названій. „Трипольской“ её назвали по селу Триполье, Кіевской губ., гдѣ были сдѣланы особенно интересныя находки, привлекшія къ себѣ всеобщее вниманіе. Затѣмъ, замѣтивъ нѣкоторое сходство этой культуры съ древнѣйшею домикенскою культурою Пелопоннеса и греческихъ острововъ, начали называть её „домикенской“. Это названіе въ настоящее время теряетъ смыслъ уже потому, что и въ Греціи домикенскую культуру переименовали въ „эгейскую“. Далѣе были сдѣланы попытки называть культуру „протоарійской“, „протославянской“, „доисторической греческой“, желая въ этихъ названіяхъ выразить ту или другую этническую связь съ нѣкоторыми существующими или существовавшими народами. Наконецъ, въ 1908 году,

---

4) В. Н. Доманицкій. „Краткіе отчеты о раскопкахъ глиняныхъ площадокъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губ.“. Археолог. Лѣтоп. южн. Россіи, 1900 г., стр. 69, и Отч. Имп. Археолог. Ком. 1900 г., стр. 81—84.

5) В. Е. Данилевичъ. „Курсъ русскихъ древностей“, Кіевъ, 1908 г., стр. 101—111.

6) В. В. Хвойко. „Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья“. Труды XI Археолог. Съѣзда, т. I.

7) А. А. Скрыленко. „О глиняныхъ статуэткахъ изъ Триполья“. Изв. XII Археолог. Съѣзда.

на XIV Археологическомъ Съѣздѣ въ Черниговѣ, предложено еще новое названіе „карпато-днѣпровской". Однако, при возникшемъ обсужденіи этого термина, нашли за лучшее оставить старый, называя культуру „трипольской". Превосходство послѣдняго термина заключается въ томъ, что имъ не предрѣшаются вопросы ни о народности, ни о простираніяхъ культуры, для рѣшенія которыхъ еще недостаточно собрано фактовъ.

Трипольская культура слагается изъ глинобитныхъ сооруженій, повидимому, ритуальнаго назначенія, жилыхъ помѣщеній и разной домашней утвари.

Конструкцію глинобитныхъ сооруженій долго не удавалось выяснить, почему остатки ихъ называли, по формѣ половъ, площадками. Мало-по-малу, однако, удалось установить, что эти сооруженія имѣли видъ настоящихъ зданій или домовъ. Постройка ихъ совершалась слѣдующимъ образомъ: сначала выкапывалась четырехугольная болѣе или менѣе глубокая яма [1]); затѣмъ строились изъ столбовъ и прутьевъ боковыя стѣны и крыша. Полъ и стѣны обмазывались довольно толстымъ слоемъ глины; устройство и форма крыши остается совершенно невыясненною: она могла быть соломенною и бревенчатою, обложенною глиною. На одной изъ сторонъ, по всей вѣроятности, оставлялось дверное отверстіе, а въ крышѣ или въ стѣнѣ надъ

---

8) Ея же. „Глиняныя статуэтки домикенской культуры въ среднемъ Приднѣпровьѣ". Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I.

9) В. В. Хвойко. „Городища средняго Приднѣпровья, ихъ народность, древность и національность". Изв. XII Археолог. Съѣзда, стр. 33, и Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 104.

10) А. М. Покровскій. „О раскопкахъ В. В. Хвойко въ Кіевскомъ уѣздѣ". Изв. XI Археолог. Съѣзда въ Кіевѣ, стр. 175 и 176.

11) Э. Р. фонъ-Штернъ. „Раскопки въ сѣверной Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о неолитическихъ поселеніяхъ съ керамикой домикенскаго типа". Изв. XII Археолог. Съѣзда, стр. 87.

[1]) Труды XI-го Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 809.—Труды XIII-го Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 18.

крышей прорѣзалось окно, необходимое для выхода дыма. Послѣ того, какъ зданіе достаточно просыхало, полъ и стѣны его тщательно выглаживались и затѣмъ обжигались, а въ заключеніе бѣлились или красились въ разные цвѣта, преимущественно, въ красный, желтый и сѣровато-бѣлый. Полы въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставлялись просто земляными или выстилались тонкими плитами камня; иногда бывали неровными, мѣстами вздувались или провѣшивались внизъ, а мѣстами шли уступами, такъ что въ одной части зданія полъ оказывался выше, чѣмъ въ другой. Въ общемъ сооруженія представляли видъ усовершенствованныхъ землянокъ [1]). Размѣры ихъ были неодинаковы. Развалины имѣли въ длину отъ 5 до 30 метровъ, въ ширину отъ 3 до 20 метровъ.

Сооруженія располагались въ одинъ или нѣсколько рядовъ и почти всегда по окружности болѣе или менѣе неправильнаго круга. Чаще всего ихъ планировали на отлогихъ скатахъ, обращенныхъ къ югу, дѣлая это какъ бы для защиты отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ. Разстоянія сооруженій другъ отъ друга бывали различны: сооруженія, находившіяся на югѣ и юго-востокѣ, оказывались расположенными гуще, чѣмъ находившіяся на

---

12) Его же. „Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи“. Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I.

13) В. В. Хвойко. „Начало земледѣлія и бронзовый вѣкъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ“. Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I.

14) К. В. Хилинскій. „Трипольская культура“. Изв. XIV Археолог. Съѣзда, стр. 47—50

15) Б. И. и В. Н. Ханенко. „Древности Приднѣпровья“, в. I, Кіевъ, 1899 г.

16) Г. О. Оссовскій. „О геологическомъ и палеоэтнологическомъ характерѣ пещеръ юго-западной окраины Евр. Россіи и смежныхъ съ нею мѣстностей Галиціи“. Труды Томск. Общ. естествоисп. и врачей, годъ V, Томскъ, 1895 г., стр. 27—80.

[1]) Землянкой называется небольшое сооруженіе, полъ котораго углубленъ въ почву; въ данномъ случаѣ углубленіе пола достигаетъ до двухъ и нѣсколько болѣе метровъ.

Авт.

сѣверѣ и сѣверо-западѣ. Діаметры занимаемой ими окружности иногда достигали до 2 верстъ.

Внутри зданій находили остатки сожжённыхъ небольшихъ костровъ, располагавшихся посединѣ пола. Въ одномъ случаѣ открыто круглое глинобитное возвышеніе, сдѣланное въ формѣ пьедестала, поверхность и бока котораго были хорошо выглажены и окрашены краскою. Въ другихъ случаяхъ въ подобныхъ глинобитныхъ возвышеніяхъ оказывались вмазанными довольно большія гранитныя плиты, служившія для размола хлѣбныхъ зеренъ. Иногда встрѣчались куски камня, сложенные въ видѣ пирамиды надъ ямами, спускавшимися внизъ, подъ полъ.

Изъ болѣе подвижныхъ предметовъ особенно часто встрѣчались глиняные сосуды и керамическія издѣлія, рѣже мѣдныя, каменныя и костяныя орудія, кости животныхъ и человѣка, раковины рѣчныхъ моллюсковъ изъ рода Unio, остатки хлѣбныхъ зеренъ и др.

Глиняные сосуды чаще всего имѣютъ видъ обломковъ, но встрѣчаются и цѣлые. Они разсѣиваются то по всему полу и даже за предѣлами зданія, то группируются въ углахъ или другихъ пунктахъ зданія. Въ с. Веремьѣ В. В. Хвойко нашелъ группу сосудовъ на крышѣ и около сооруженія, формою напоминающаго печь, сложенную изъ тесанныхъ камней [1]). Изъ цѣлыхъ сосудовъ одни стояли

---

17) И. А. Линниченко и В. В. Хвойко. „Сосуды со знаками изъ находокъ на площадкахъ трипольской культуры". Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XXIII.

18) В. В. Хвойко. „Раскопки 1901 г. въ области трипольской культуры". Зап. Русск. Отд. Имп. Археолог. Общ. т. V, в. 2.

19) Dr. J. L. Píč. Čechy předhistorické, 106—108.

20) Dr. K. Hadaczek. „Z badań archeologicznych w dorzeczu Dniestru". Materialy antrop.-archeol., t. VI.

21) W. Wosinsky. „Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel", Budapest, 1888.

22) A. Voss. „Siebenbürgische und Bosnische Funde". Zeitschrift für Ethnologie, 1895.

[1]) Труды XI Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 779, рис. 82.

отверстіями, а другіе дномъ вверхъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ оказывались крышки, другіе были вложены другъ въ друга. Въ большинствѣ сосудовъ никакихъ остатковъ не содержалось [1]), но иногда въ нихъ находились хлѣбныя зерна, зола [2]), кости животныхъ и жжёныя кости человѣка [3]).

На ряду съ глиняными сосудами, а иногда и въ нихъ, встрѣчаются глиняныя статуэтки, изображающія человѣка и животныхъ, грузила отъ ткацкихъ станковъ то круглой, то конической формы и, наконецъ, пряслица. Оружіе и орудія—очень рѣдки. Мѣдныхъ орудій найдено пять, изъ коихъ четыре имѣли видъ плоскихъ, къ низу расширяющихся, топориковъ и одно—видъ топора-чекана съ расширяющимся лезвіемъ загнутымъ въ формѣ птичьяго клюва длиннымъ обухомъ [4]). Чаще встрѣчаются каменныя орудія. Въ составъ ихъ входятъ виды, свойственные концу неолитической эпохи, порѣ сверленыхъ орудій; таковы полированные и просверлённые топоры, кремневые наконечники стрѣлъ, ножи, скребки, сверла и др. Больше такихъ орудій оказывается среди остатковъ трипольской культуры въ Придунайской области, тогда какъ въ Приднѣ-

---

23) H. Schmidt. „Tordos". Zeitschrift für Ethnologie", 1904.

24) M. Hoernes, W. Radimski und Fr. Fiala. „Die neolithische Station", Wien, 1895 und 1898.

25) M. W. Vassits. „Die neolithische Station Jablaniza", Braunschweig, 1902.

26) M. Much. „Die Heimat der Indogermanen".

27) Н. Бѣляшевскій. „Раскопки на мѣстѣ неолитическаго поселенія съ керамикой домикенскаго типа у с. Колодистаго Звенигородскаго уѣзда Кіевской губ." Кіевская Старина, т. LXX, 1900 г., стр. 66—73.

[1]) Это вполнѣ подтверждается чашками, вложенными другъ въ друга стопами или пачками. Труды XIII Археолог. Сѣзда, стр. 16.

[2]) Зола легко могла попасть въ сосуды случайно, напр., во время пожара, когда горѣла крыша.

Авт.

[3]) Труды XI-го Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 779 и 794.

[4]) Ibid., табл. XXX, рис. 11.

провской ихъ необыкновенно мало. Такъ въ 1899 году, во время довольно обширныхъ раскопокъ, произведенныхъ, въ присутствіи членовъ XI Археолог. Съѣзда, въ окрестностяхъ д. Юшки, не было найдено не только ни одного орудія, но и ни одного осколка кремня. До 1899 года, послѣ множества раскопанныхъ развалинъ глинобитныхъ зданій, было найдено всего шесть полированныхъ топоровъ, изъ которыхъ одинъ оказался со сверлиной. Мало было отыскано и другихъ орудій. Нѣкоторый интересъ представляютъ длинные кремневые ножевидные осколки, которымъ В. В. Хвойко придаетъ значеніе серповъ. Однажды нѣсколько штукъ такихъ орудій оказались вложенными въ глиняный горшокъ. Въ Придунайской области встрѣчаются орудія изъ обсидіана.

Любопытными также представляются и каменные шары, величиною съ яблоко и менѣе. Иногда они совершенно круглы, иногда же одинъ или два бока ихъ оказываются стертыми въ видѣ гладкихъ плоскостей. Круглые камни считаются метательными, а съ притертыми боками—зернотерками, или жерновками для размола хлѣбныхъ зеренъ и красокъ.

Костяныя орудія имѣютъ преимущественно форму шилъ; въ исключительныхъ случаяхъ попадаются молотки и топоры то со сверлиной, то съ поперечнымъ желобкомъ для скрѣпленія ихъ съ рукояткой.

Необработанныя кости животныхъ бывали находимы какъ внутри зданій на полу, такъ и внѣ ихъ. Эти кости принадлежали главнымъ образомъ домашнимъ животнымъ: коровѣ, овцѣ, козѣ, свиньѣ и собакѣ. Собака (Canis familiaris palustris) отличалась малымъ ростомъ. Изъ дикихъ животныхъ зарегистрованы кости сернъ, оленей и лосей, а

---

28) Ѳ. К. Волковъ. „По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ керамикой домикенскаго типа“. Кіевская Старина, т. LXX, 1900 г., стр. 235—245. Та же статья печатана также и въ Археолог. Лѣтоп. южн. Россіи, т. II, стр. 131—141.

также остатки птицъ, рыбъ и черепахъ. Нерѣдко встрѣчались раковины прѣсноводныхъ моллюсковъ, при чемъ въ зданіяхъ онѣ попадали единицами, тогда какъ внѣ зданій ихъ находили значительными скопленіями, въ видѣ кьеккенмёддинговъ. Въ послѣднемъ случаѣ вперемежку съ ними залегаютъ и кости другихъ животныхъ. На нѣкоторыхъ костяхъ замѣтны слѣды огня.

Хлѣбныя зерна находились или въ сосудахъ, или на полу зданій, въ видѣ насыпанныхъ кучъ. Чаще всего они оказывались обугленными и принадлежащими пшеницѣ, ячменю и просу.

Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія найденныя среди всѣхъ названныхъ предметовъ кости человѣка. Подъ поломъ одного глинобитнаго сооруженія, близъ села Веремья, была открыта небольшая четырехугольная яма, обложенная со всѣхъ сторонъ толстыми стѣнками изъ выжженной глины; на днѣ ея, на берестѣ, лежалъ костякъ взрослаго человѣка въ сильно скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головой на юго-западъ, а въ другомъ сооруженіи на полу стояла урна со жжёными костями человѣка. Въ сооруженіяхъ окрестностей села Триполья найдено пять урнъ, содержавшихъ подобныя кости, а въ одномъ сооруженіи такія же кости лежали на полу. На полу встрѣчены жжёныя человѣческія кости и въ сооруженіи близъ села Щербаневки.

Въ с. Колодистомъ въ одномъ глинобитномъ сооруженіи, подъ глинянымъ поломъ, оказалась яма глубиною болѣе роста человѣка, вырытая такъ, что верхъ ея былъ въ три раза у́же, чѣмъ низъ. Бока ямы оказались обмазанными глиною. На днѣ стоялъ горшокъ со жжёными костями человѣка. Этотъ горшокъ оказался засыпаннымъ золою, затѣмъ замазаннымъ слоемъ глины и забросаннымъ чернозёмомъ въ уровень съ поломъ.

Въ Петренахъ человѣческія кости, повидимому, совсѣмъ не были найдены. Изслѣдователь, проф. Э. Р. Штернъ, замѣчаетъ только, что въ нѣкоторыхъ сосудахъ оказывались зола и пепелъ. Но въ Галиціи г. Оссовскій нахо-

дилъ въ каждомъ сосудѣ хотя по одному куску обгорѣлой человѣческой кости.

Таковы въ общемъ явленія, связанныя съ глинобитными сооруженіями трипольской культуры. Вопросъ, что представляли эти сооруженія, и почему они сопровождаются такими предметами и явленіями, рѣшался различно. Одни полагали, что глинобитныя сооруженія представляли жилыя и надворныя постройки, а въ совокупности составляли селенія какой-нибудь осѣдлой или полуосѣдлой народности; другіе видѣли въ нихъ зданія, спеціально предназначенныя для совершенія ритуальныхъ обрядовъ, въ родѣ жертвоприношеній и погребеній останковъ сожжённыхъ покойниковъ, и, наконецъ, третьи допускали, что одна часть глинобитныхъ сооруженій служила для жилья, другая—для жертвоприношеній и погребеній сожжённыхъ покойниковъ.

Первое мнѣніе въ настоящее время почти не имѣетъ сторонниковъ: оно не объясняетъ причины нахожденія въ зданіяхъ костей человѣка и другихъ не менѣе важныхъ явленій. Второе мнѣніе считается господствующимъ; къ нему примкнули даже и тѣ изслѣдователи, которые ранѣе держались другихъ мнѣній, хотя вопросъ всё же остается не совсѣмъ рѣшеннымъ.

Жилищами считаютъ болѣе простыя землянки, найденныя какъ въ Австріи, такъ и въ Россіи. Ямы этихъ землянокъ имѣли овальныя или четырехугольныя формы съ выходами въ видѣ ступенекъ или скатовъ. Противъ входа въ каждой ямѣ имѣлась печь, вырѣзанная въ видѣ ниши въ стѣнкѣ, или очагъ, сложенный изъ камней. Полагаютъ, что ямы огораживались и покрывались плетнями, обмазанными глиной, а по отношенію другъ къ другу располагались по окружности болѣе или менѣе неправильнаго круга. Иногда жилищемъ служили пещеры. Такая пещера была открыта въ Галиціи, близъ Бильча Золотого.

Всѣ эти жилища сопровождались почти тѣми же самыми предметами, съ какими мы познакомились въ гли-

нобитныхъ сооруженіяхъ, а именно: золою, углями, обломками и цѣлыми экземплярами глиняной посуды, разнаго рода подѣлками изъ камня, рога, кости и мѣди, остатками пищи и, наконецъ, кухонными отбросами, состоявшими изъ раковинъ рѣчныхъ моллюсковъ, костей домашнихъ и дикихъ животныхъ, а также черепахъ, рыбъ и др.

Подѣлки изъ мѣди очень рѣдки. Къ числу ихъ можно отнести лишь плоскій топорикъ, найденный въ пещерѣ, близъ Бильча Золотого[1]), но о болѣе значительномъ употребленіи ихъ въ домашнемъ обиходѣ того времени говорятъ найденныя въ землянкахъ льячки и формы, служившія для отливки металлическихъ вещей. Льячки, въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, найдены въ землянкахъ Бутмирской стоянки въ Босніи, а формы—въ землянкахъ г. Кіева.

Въ гораздо бо́льшемъ количествѣ встрѣчаются каменныя и костяныя орудія. Особенно много ихъ найдено въ Бутмирской стоянкѣ и въ пещерѣ Бильча Золотого.

Что касается одежды и пищи, то о нихъ можно составить только приблизительное понятіе.

Съ формой одеждъ насъ знакомятъ глиняныя статуэтки. Судя по нимъ, можно полагать, что люди того времени нерѣдко ходили совершенно голыми или съ одними поясами цѣломудрія, но на женщинахъ чаще можно видѣть короткія и длинныя юбки. Формы мужскихъ одеждъ совсѣмъ неизвѣстны. Вѣроятно, онѣ мало отличались отъ женскихъ. Волосы на головахъ женщинъ представляются то короткими, то длинными, собранными въ узелъ на затылкѣ. Шея украшалась ожерельями изъ глиняныхъ бусъ и звѣриныхъ зубовъ. Основываясь на частыхъ находкахъ

---

[1]) Г. О. Оссовскій называетъ топорикъ бронзовымъ, но имъ не было произведено химическаго анализа; судя же по формѣ этого топорика, совершенно схожей съ мѣдными клиновидными топорами кіевскихъ глинобитныхъ сооруженій, его необходимо отнести къ разряду мѣдныхъ.

Авт.

глиняныхъ грузиковъ, можно допустить, что владѣльцамъ трипольской культуры было извѣстно ткацкое искусство. Принимая же во вниманіе зимнія стужи занимаемыхъ ими областей Европы, необходимо полагать, что они широко пользовались и болѣе теплыми мѣховыми одеждами.

Пищей, главнымъ образомъ, служили продукты земледѣлія и скотоводства; но на ряду съ ними не малую роль играли рѣчные моллюски, рыба, черепахи и разныя дикія животныя.

В. В. Хвойко въ землянкахъ находилъ остатки окаменѣлыхъ лепешекъ. Эти лепешки состояли изъ муки и мяса, отъ котораго остались слѣды косточекъ. Всё это смѣшивалось, формовалось въ видѣ небольшихъ шаровъ и поджаривалось, представляя, повидимому, довольно вкусное блюдо.

Изъ бытового инвентаря трипольской культуры весьма важное значеніе имѣютъ керамическія издѣлія, въ особенности сосуды и статуэтки. Матеріаломъ для послѣднихъ двухъ родовъ издѣлій служила или чистая, иногда отмученная глина, или глина съ примѣсью кварца, слюды и толченыхъ раковинъ.

Выработка сосудовъ производилась только отъ руки. Виды ихъ очень разнообразны: въ средѣ ихъ имѣются большіе грушевидной формы горшки съ узкимъ отверстіемъ, обыкновенные кухонные горшки, чашки, кувшины, кубки и бездонные одиночные и двойные биноклевидные сосуды загадочнаго назначенія. Днища сосудовъ преобладаютъ плоскія, но на ряду съ ними встрѣчаются круглыя и на короткихъ ножкахъ. Для подвѣшиванія и переноски сосудовъ вырабатывались ушки и ручки.

Изъ пластическихъ произведеній преобладаютъ фигуры людей и животныхъ.

Обжиганіе всѣхъ поименованныхъ издѣлій является или среднимъ, или сильнымъ и, повидимому, производилось въ печахъ и закрытыхъ горнахъ. Многіе обломки издаютъ характерные звенящіе звуки.

Особенный интересъ представляетъ орнаментъ. Отличительною чертою его является смѣлость и свобода исполненія. Элементы орнамента относятся къ группамъ чеканныхъ, рѣзныхъ, инкрустированныхъ, лѣпныхъ, расписныхъ и точеныхъ.

Чеканные элементы орнамента встрѣчаются рѣдко и состоятъ, преимущественно, изъ ямочныхъ и лунчатыхъ вдавленій. Гораздо бо́льшимъ распространеніемъ пользовались рѣзные элементы. До появленія трипольской культуры эти элементы въ Евр. Россіи имѣли лишь незначительное распространеніе и столь вялое развитіе, что невозможно и думать о происхожденіи трипольскаго рѣзного орнамента изъ мѣстнаго аборигеннаго. Трипольскій рѣзной орнаментъ, несомнѣнно, прибылъ въ Россію изъ другой страны. Изъ другой же страны вмѣстѣ съ нимъ явились инкрустированные, лѣпные, расписные и точеные элементы, изъ которыхъ болѣе цвѣтущаго состоянія достигли расписные.

Для росписи поверхность сосудовъ полировалась или тщательно сглаживалась, а иногда покрывалась бѣлой, желтовато-бѣлой, коричневой и красной облицовкой. Узоры наносились въ одну или въ двѣ краски. Въ первомъ случаѣ употреблялись цвѣта: черный, фіолетово-коричневый, желтый и красный; а во второмъ — красный и черный. Узоры состоятъ изъ спиральныхъ и другихъ геометрическихъ фигуръ, изображеній человѣка, животныхъ и растеній. Симметрія въ расположеніи фигуръ часто совершенно отсутствуетъ. Въ воспроизведеніи предметовъ замѣчается склонность къ реализму и нѣкоторое пониманіе природы. То же самое можно замѣтить и въ отношеніи пластики. Такъ, формы человѣческаго тѣла часто передаются съ замѣчательною реальностью и вѣрностью. Любопытно, что въ это раннее время развитія пластики уже появилась стилизація, благодаря которой нѣкоторыя фигуры представляютъ изъ себя простой силуэтъ, а иногда лишь самое отдаленное сходство, въ родѣ намека на изображаемый

предметъ. Таковы плоскія фигурки и таковы кресты, изображающіе человѣка; изъ нихъ на первыхъ иногда обозначаются разныя подробности тѣла: глаза, носъ, уши и т. п. Глаза то представляются въ видѣ сквозныхъ отверстій, то въ видѣ впадинъ, носъ — незначительнымъ возвышеніемъ, сдѣланнымъ щипкомъ двухъ пальцевъ, уши—полукруглыми выступами, или нѣсколькими отверстіями; ротъ чаще всего отсутствуетъ; руки имѣютъ форму рудиментовъ, нерѣдко снабженныхъ болѣе крупными сквозными отверстіями, служившими, вѣроятнѣе всего, для подвѣшиванія фигурокъ на шнурахъ; ноги выражаются удлиненіемъ нижней части тѣла, сведеннымъ на конусъ или подъ обрубленнымъ угломъ; рѣже такія ноги заканчиваются одной ступней или пьедесталомъ, на которыхъ статуэтки могутъ стоять.

Назначеніе стилизованныхъ статуэтокъ неизвѣстно. Большинство ихъ считаетъ идолами. Нѣкоторые высказывали предположеніе, что ими украшались гробницы, какъ это дѣлалось позже у грековъ, этрусковъ и другихъ народовъ. Однако такому сужденію противорѣчитъ отсутствіе гробницъ въ трипольской культурѣ.

„Вообще описываемыя статуэтки, говоритъ спеціально изучавшая ихъ А. А. Скрыленко, можно отнести къ категоріи плоскихъ идоловъ „maquettes“, типъ которыхъ представляютъ статуэтки кипрскаго отдѣла Лувра, представляющія наиболѣе примитивныя изображенія человѣческой фигуры. Эта форма существовала и въ самомъ раннемъ періодѣ греческаго искусства: греки называли своихъ древнѣйшихъ идоловъ „ξόανον“—„доска“, очевидно, потому, что они были плоски и предъявляли копію съ аналогичныхъ деревянныхъ изображеній“.

„Прототипами статуэтокъ этой категоріи, заключаетъ А. А. Скрыленко, являются въ трипольской культурѣ лицевые треугольники съ тремя ямочками для глазъ и носа или рта, украшающіе нѣкоторые сосуды. Нѣчто похожее на изображеніе лица попадается также въ качествѣ орна-

мента на нѣкоторыхъ расписныхъ сосудахъ той же культуры, хотя сходство здѣсь довольно гадательное. Треугольники же, по выполненію и по нѣкоторой, характерной для нихъ, экспрессіи, какъ ни странно примѣненіе этого слова къ лицу изъ трехъ простыхъ ямочекъ, представляютъ совершенное тождество съ лицами многихъ фигурокъ“ [1]).

Статуэтки рельефной пластики отличаются полнымъ реализмомъ: на нихъ можно видѣть головные волосы, болѣе или менѣе грубыя черты лица, руки, ноги и костюмы. Иногда онѣ изображаютъ людей стоящими, иногда сидящими.

Интересно, что почти всѣ, какъ плоскія, такъ и рельефныя, статуэтки представляютъ женщинъ. Нѣкоторые видятъ въ нихъ богинь плодородія, культъ которыхъ явился очень рано и существовалъ въ Месопотаміи, Малой Азіи и на многихъ средиземноморскихъ островахъ.

Подобныя статуэтки находили какъ въ развалинахъ жилищъ, такъ и при остаткахъ погребеній. Л. Гезе, отмѣчая крайній реализмъ большинства такихъ изображеній, полагаетъ, что грубое, иногда безстыдное, обнаженіе тѣла считалось въ древности сильнымъ средствомъ для борьбы съ враждебными силами. Поэтому, чтобы предохранить домъ и личность отъ зла, однѣ изображенія зарывались въ землю для противодѣйствія злымъ подземнымъ силамъ, а другія вѣшались въ воздухѣ для противодѣйствія злымъ воздушнымъ силамъ. „Если припомнить неизмѣнныя отверстія на плечахъ и бедрахъ нашихъ статуэтокъ, замѣчаетъ А. А. Скрыленко, могущія служить для этой (послѣдней) цѣли, то, пожалуй, значеніе послѣднихъ можно объяснить себѣ и такимъ образомъ. Быть можетъ, онѣ вѣшались въ домахъ или втыкались во что-либо во время путешествія (или при погребеніи) для принесенія предъ

---

[1]) А. А. Скрыленко. „Глиняныя статуэтки домикенской культуры, открытой въ среднемъ Приднѣпровьѣ“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 147 и 148.

ними жертвы, для молитвы или просто, чтобы обезопасить себя отъ всякаго зла“ [1]).

Возможно, что это справедливо, но справедливо также и сожалѣніе уважаемой изслѣдовательницы, что всё это пока не вышло изъ сферы гипотезъ, рѣшеніе которыхъ всецѣло принадлежитъ будущему времени.

Кромѣ статуэтокъ, изображающихъ людей, въ трипольской культурѣ встрѣчаются и статуэтки животныхъ. Обыкновенно онѣ представляютъ быковъ. Иногда головки ихъ прилѣпляются къ стѣнкамъ сосудовъ, при чемъ главное вниманіе художника привлекаютъ рога, которые дѣлаются часто непомѣрно-большими, и вся фигура рогатой головы мало-по-малу получаетъ видъ полумѣсяца. Нѣкоторыя фигурки имѣютъ отверстія, служившія, очевидно, для подвѣшиванія.

По поводу этихъ произведеній пластики весьма интересное замѣчаніе дѣлаетъ проф. Э. Р. Штернъ.„ То обстоятельство, говоритъ онъ, что среди этихъ находокъ глиняной пластики попадаются такъ часто изображенія быка, объясняется далеко не случаемъ. M. Hoernes подробно изслѣдовалъ это явленіе въ связи съ доисторическимъ развитіемъ искусства. Здѣсь достаточно будетъ упомянуть, что эти древнѣйшія изображенія быка не только слѣдуетъ считать интереснымъ культурно-историческимъ доказательствомъ его высокой цѣнности, но что они ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ этотъ періодъ люди приводили ихъ въ извѣстное соотношеніе съ опредѣленными метафизическими представленіями, которыя позже получили свое дальнѣйшее развитіе. Что въ этихъ изображеніяхъ быковъ... слѣдуетъ видѣть не простую дѣтскую забаву, ясно доказываетъ одна находка изъ Ленгіэля: на одной изъ найденныхъ тамъ бычачьей фигурѣ напечатлѣнъ символическій знакъ, которымъ ей несомнѣнно сообщалась, подобно какъ впослѣдствіи греческимъ изо-

[1]) Ibid., стр. 152.

браженіямъ, печать посвятительнаго предмета. На эти примитивныя воспроизведенія быковъ... нужно смотрѣть такъ же, какъ и на массовыя находки такихъ грубыхъ фигуръ животныхъ изъ мѣди и бронзы въ гротѣ Идейскаго Зевса или на жертвенникахъ въ Олимпіи, которыя безъ исключенія представляютъ быковъ и лошадей и, безъ сомнѣнія, были приносимы въ жертву Герѣ и Зевсу“ [1]).

Къ этому замѣчанію можно было бы присоединить еще, что изучаемыя статуэтки могли быть символами не только жертвенныхъ, но и обоготворяемыхъ животныхъ. Культъ быковъ, насколько можно судить по современнымъ даннымъ археологіи, впервые возникъ въ Иранѣ и Месопотаміи, откуда и распространился съ одной стороны въ Египетъ, а съ другой — въ Среднюю и Малую Азію, черезъ посредство которыхъ нѣсколько позже проникъ въ Европу.

Заканчивая на этомъ обзоръ пластическихъ произведеній, отмѣтимъ еще, что нѣкоторыя изъ нихъ покрывались орнаментами и расписывались красками.

Вопросы, какимъ образомъ возникла трипольская культура въ Европѣ, гдѣ ея корни и гдѣ ея производныя, интересуютъ многихъ ученыхъ, но до настоящаго времени не получили окончательнаго рѣшенія. Одни полагаютъ, что эта культура развилась изъ аборигенной неолитической культуры Европы и въ Приднѣпровской области впослѣдствіи перешла въ скиѳскую, а въ Придунайской области—въ гальштаттскую культуры. Другіе, допуская аборигенный европейскій генезисъ культуры, утверждаютъ, что производными ея являются культуры Греціи и Эгейскихъ острововъ, отъ которыхъ впослѣдствіи произошла микенская и античная греческая культуры. Наконецъ, третьи выводятъ трипольскую культуру изъ Азіи и производными ея считаютъ всѣ культуры европейскихъ арійцевъ.

---

[1]) Э. Р. фонъ-Штернъ. „Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи“. Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 31 и 32.

Внимательно изучая всѣ неолитическія культуры на материкѣ Европы, мы рѣшительно нигдѣ не видимъ корней, изъ которыхъ могла бы развиться трипольская культура, которая рисуется яркимъ пятномъ на блѣдноватомъ фонѣ европейскаго неолита. Очевидно, эти корни скрываются гдѣ-нибудь за предѣлами Европы.

Трипольская культура, несомнѣнно, имѣетъ черты сходства съ эгейской и малоазійской (троянской), но невозможно считать ихъ производными другъ отъ друга, такъ какъ онѣ существовали на занимаемыхъ ими площадяхъ одновременно и приблизительно на одинаковой степени развитія.

Относительно послѣднихъ двухъ культуръ намъ извѣстно, что онѣ развились подъ вліяніемъ месопотамской культуры. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ: не получила ли и трипольская культура свое начало подъ тѣмъ же вліяніемъ Месопотаміи и не находилась ли первоначально въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ послѣдней?

Французскій археологъ де-Морганъ нашелъ совершенно сходную культуру въ нижнихъ слояхъ древняго города Сузъ, находившагося въ Иранѣ, на самой границѣ Месопотаміи. Керамика трипольской культуры является настолько близкою къ сузской, что кажется вышедшею изъ одной и той же мастерской[1]).

Похожія культуры были найдены въ Асхабадѣ, Мервѣ и другихъ мѣстахъ Ирана, такъ что становится вполнѣ вѣроятнымъ, что корни трипольской культуры находятся именно въ Иранѣ. Какимъ путемъ проникла она въ Европу, сказать пока еще затруднительно, но наиболѣе возможными кажутся два пути: черезъ Кавказъ и Каспій-

[1]) Когда Ѳ. К. Волковъ показалъ де-Моргану образцы керамики, взятые изъ приднѣпровскихъ стоянокъ, то послѣдній сказалъ, что если бы ему не было извѣстно, что предметы эти—съ береговъ Днѣпра, то онъ подумалъ бы, что они взяты изъ его витринъ съ керамикой изъ Сузъ. Такъ поразительно схожими оказались днѣпровская и сузская керамики.
Авт.

скія ворота. Оба эти пути уже давно указывались лингвистами и историко-географами для движенія кельтовъ, германцевъ и славянъ изъ ихъ азіатской первородины въ Иранѣ и отчасти Туранѣ. При настоящихъ археологическихъ открытіяхъ „Карта миграціи арійцевъ“ Гейна (Gheyn)[1]) представляется очень близкою къ истинѣ, хотя и нельзя сказать того же про подобранные имъ хронологическіе моменты движенія этихъ племенъ.

Въ настоящее время можно положительно утверждать, что тѣ многія загадки, которыя связываются съ трипольской культурой, только и могутъ быть рѣшены въ Иранѣ и отчасти въ Туранѣ.

Намъ остается еще коснуться времени трипольской культуры. Въ Ѳессаліи остатки ея найдены въ слоѣ, залегавшемъ ниже слоя съ остатками микенской культуры, а это даетъ основаніе относить культуру къ концу III-го тысячелѣтія до Р. Хр.; но имѣются не менѣе положительные признаки, указывающіе на существованіе ея въ Европѣ гораздо ранѣе. Тотъ фактъ, что трипольская культура находилась въ живомъ общеніи съ Ираномъ, откуда она, повидимому, и получила свое начало, можетъ только указывать на принадлежность ея, по крайней мѣрѣ, къ концу поры мѣдныхъ орудій, т.-е. къ началу IV-го тысячелѣтія до Р. Хр., потому что во всякое другое болѣе позднее время изъ Ирана могли итти уже не мѣдныя, а бронзовыя и желѣзныя орудія.

Кромѣ того, народы, оставившіе памятники трипольской культуры, имѣли общеніе съ народами Кипра и другихъ острововъ Средиземнаго моря. Это доказывается какъ нахожденіемъ въ областяхъ распространенія трипольской культуры мѣдныхъ орудій кипрскаго типа[2]), такъ и появле-

[1]) I. Van den Gheyn. „Les migrations des aryas“, 1882.

[2]) Типичный кипрскій двулезвійный мѣдный топоръ былъ найденъ вмѣстѣ съ двумя мѣдными серпами въ балкѣ Щетковой, Елисаветградскаго уѣзда Херсонской губ., и хранится въ коллекціяхъ г. Гошкевича,

ніемъ орудій этого типа у народовъ, обитавшихъ въ то время въ Венгріи, куда кипрскія издѣлія могли попадать только черезъ области, занятыя народами трипольской культуры. Поэтому и въ этихъ фактахъ имѣются доказательства принадлежности трипольской культуры къ концу поры мѣдныхъ орудій.

Культура древнѣйшихъ кургановъ съ окрашенными костяками.

Народъ, оставившій намъ памятники трипольской культуры, выбылъ изъ предѣловъ современной Россіи, не давъ никакихъ производныхъ[1]). Этотъ народъ передвинулся къ юго-западу, въ область Дуная, и очень возможно, что часть его пошла далѣе къ югу, въ Пелопоннесъ, гдѣ и слилась съ аборигенами, столь близкими по культурѣ, а также, вѣроятно, и по крови, переселенцамъ.

Что за причина заставила послѣднихъ покинуть нашъ край, неизвѣстно. Роскошныя земли Приднѣпровья могли привлекать, а не отталкивать населеніе. Поэтому причину слѣдуетъ искать не внутри области, а внѣ ея.

На югѣ Россіи имѣется множество кургановъ. Древнѣйшіе изъ нихъ содержатъ окрашенные костяки, обыкновенно лежащіе въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ и ориентированные головами къ В. или С.-В. Одни изъ нихъ покоятся на спинѣ съ свободно-протянутыми конечностями, другіе—скорченно на правомъ или, въ исключитель-

---

въ Херсонѣ. В. В. Хвойко указываетъ нѣсколько случаевъ подобныхъ находокъ на среднемъ Приднѣпровьѣ; въ числѣ этихъ находокъ встрѣчаются также мѣдные серпы, затѣмъ долота, топорки, плоскія листовидныя копья (вѣроятно, ножи) и др. См. Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 5.

Авт.

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что скіоская культура является производною отъ трипольской, но съ этимъ невозможно согласиться.

Авт.

ныхъ случаяхъ, на лѣвомъ боку и, наконецъ, третьи—на спинѣ съ поджатыми колѣнами вверхъ[1]).

Бытовыхъ предметовъ при покойникахъ случается очень мало. Обыкновенно находятъ краску и мѣлъ, оба вещества въ видѣ порошка, а первую, кромѣ того, и въ видѣ мелкихъ кусочковъ. Рѣже попадаются кремневыя и костяныя орудія, глиняные круглодонные сосуды и, повидимому, мѣдныя шила, долота и бусы, свернутыя изъ тонкихъ листочковъ мѣди.

Въ Россіи такія погребенія пользовались обширнымъ распространеніемъ: ихъ нашли на берегахъ нижней Волги, Дона, Днѣпра и многихъ другихъ. Аналогичныя имъ погребенія оказались при устьѣ р. Китоя, притока Ангары, въ Иркутской губерніи[2]).

Время погребеній неизвѣстно. Обыкновенно его относятъ къ неолитической эпохѣ; но это—невѣрно, такъ какъ въ погребеніяхъ не разъ находили мѣдныя вещи.

Производныя отъ этихъ погребеній въ Россіи существовали очень долго и, повидимому, успѣли проникнуть далеко на западъ; такъ подобныя погребенія находятъ въ Австріи, Италіи, Франціи и Великобританніи. Очевидно, это были представители многочисленнаго и очень подвижного народа, и поэтому вполнѣ возможно, что они-то и принудили днѣпровскихъ обитателей трипольской культуры покинуть свои насиженныя плодородныя угодья и податься къ юго-западу. А что народъ, оставившій эти погребенія, явился на Днѣпрѣ позже трипольской культуры, то хорошо доказывается слѣдующимъ фактомъ: при раскопкахъ

---

[1]) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ". Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I. — Его же. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ". Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I.

[2]) Н. И. Витковскій. „Отчетъ о раскопкѣ могильника каменнаго періода въ Иркутской губ. въ 1880 г."—Его же. „О раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губ., на лѣвомъ берегу р. Ангары". Обѣ статьи печатаны въ Трудахъ V Археолог. Съѣзда, т. I.

остатковъ глинобитныхъ сооруженій трипольскаго типа, въ окрестностяхъ с. Триполья, былъ вскрытъ одинъ курганъ, расположенный на площади, занятой названными сооруженіями. Въ основаніи этого кургана обнаружился глинобитный полъ разрушеннаго сооруженія, черезъ который и была прорыта яма, содержавшая скелетъ съ окрашеннымъ костякомъ[1]). Очевидно, курганное погребеніе явилось здѣсь уже послѣ разрушенія и запустѣнія сооруженій трипольской культуры.

Ко времени трипольской культуры слѣдуетъ отнести также курганы, расположенные на границѣ Херсонской и Кіевской губерній, гдѣ Д. И. Щербаковскій[2]) нашелъ остатки костяковъ, покоившихся въ скорченномъ или вытянутомъ положеніяхъ, съ разнообразной оріентировкой, при которыхъ найдены куски краски, одинъ мѣдный клиновидный топоръ, одно орудіе въ видѣ кирки, сдѣланное изъ рога лося или оленя глиняная стилизованная фигурка человѣка, совершенно схожая съ подобными же фигурками, такъ часто находимыми повсюду въ трипольской культурѣ.

Пережиточныя культуры поры мѣдныхъ орудій.

За предѣлами очерченнаго района, заселеннаго народами, такъ или иначе успѣвавшими итти въ курсѣ современнаго имъ культурнаго развитія, народы всѣхъ другихъ странъ пребывали или коснѣли въ стадіи переживанія культуръ каменнаго періода. Австралійцы, оставшіеся даже до нашихъ дней въ культурѣ типа сколотыхъ орудій, несомнѣнно находились въ той же культурѣ и въ пору мѣдныхъ орудій. Народы всей Восточной и Сѣверной Азіи, Сѣверной Европы, почти всей Африки и Америки, повидимому, также находились въ разныхъ стадіяхъ переживанія культуръ каменнаго періода.

---

[1]) „Археологическая Лѣтопись южн. Россіи“, 1899 г., т. I, стр. 8 и 9.

[2]) Д. И. Щербаковскій. „Раскопки кургановъ на пограничьѣ Херсонской и Кіевской губерній“.

Памятники всѣхъ этихъ народовъ часто по необходимости приходится удерживать въ сферѣ первобытной археологіи, но для исправленія такой хронологической погрѣшности слѣдуетъ принимать всѣ доступныя наукѣ средства. Такъ культуры, характеризующіяся исключительно каменными орудіями, могутъ быть переведены въ видѣ пережитковъ въ свое хронологическое мѣсто въ металлическомъ періодѣ, по признакамъ подражанія всѣхъ или хотя части этихъ орудій металлическимъ, по признакамъ вліянія несомнѣнно металлическихъ культуръ на костяныя, керамическія и другія подѣлки, обряды погребеній и т. п. На каменныхъ полированныхъ топорахъ пережиточныхъ культуръ часто встрѣчаются обронно-выраженныя линіи, раздѣляющія предметъ на двѣ равныя половины, представляющія изъ себя не что иное, какъ подражаніе швамъ на металлическихъ орудіяхъ, отлитыхъ въ формахъ, сложенныхъ изъ двухъ половинокъ. Такія орудія и сопровождающія ихъ культуры слѣдуетъ обязательно переносить въ металлическій періодъ. Съ развитіемъ знанія число подобныхъ руководящихъ признаковъ должно увеличиваться, и опредѣленіе времени пережиточныхъ культуръ будетъ дѣлаться всё болѣе и болѣе доступнымъ.

Пора бронзовыхъ орудій.

Пора бронзовыхъ орудій служитъ прямымъ продолженіемъ поры мѣдныхъ орудій. Начало ея совпадаетъ съ началомъ IV-го тысячелѣтія, а конецъ со срединой II-го тысячелѣтія до Р. Хр. Самыми важными культурными событіями этого времени являются изобрѣтеніе бронзы, прирученіе лошади и обученіе ея для перевозки тяжестей и человѣка, а также усовершенствованіе морского судоходства.

Бронза, какъ уже упоминалось, представляетъ смѣсь мѣди съ оловомъ. Процентное отношеніе этихъ металловъ другъ къ другу устанавливалось опытнымъ путемъ и

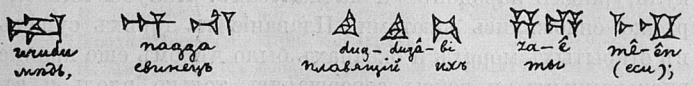
крайне медленно. Въ самыхъ древнихъ бронзахъ Месопотаміи и Египта олово составляетъ 1—3%, а въ болѣе позднихъ — 12 и даже 16%. Бронза съ незначительною примѣсью олова отличается мягкостью, а съ болѣе значительною — твердостью и хрупкостью. Лучшею бронзою считается классическая, содержащая отъ 9 до 10% олова. Вмѣсто олова иногда примѣшивались другіе металлы, въ родѣ свинца, цинка. Бронза отличается отъ мѣди легкоплавкостью и красивымъ золотистымъ цвѣтомъ. Полагаютъ, что имя ея взято отъ южно-италіанскаго города Brundisium'a (Бриндизи), гдѣ въ средніе вѣка существовало обширное производство бронзовыхъ издѣлій.

Въ пору бронзовыхъ орудій изъ бронзы вырабатывались не только орудія и оружіе, но и разнаго рода украшенія и предметы, необходимые въ развитомъ бытѣ культурныхъ народовъ. Всё это отличается значительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ; при чемъ какъ предметы роскоши, такъ и орудія начинаютъ покрываться орнаментомъ, чего не наблюдается на мѣдныхъ издѣліяхъ предшествующей поры.

Открытіе бронзы приписывается сумеро-аккадамъ. Справедливо это или нѣтъ, но вѣрно то, что самое древнее упоминаніе объ этомъ металлѣ находится въ сумеро-аккадской литературѣ. Въ ихъ извѣстномъ гимнѣ богу огня имѣется обращеніе къ послѣднему, какъ плавящему мѣдь и олово [1]). Время гимна относится къ IV-му тысяче-

---

[1]) М. Никольскій. „Сумерійскій гимнъ богу огня“, стр. 8.
Слѣдующія слова Никольскій читаетъ:



но О. Шрадеръ тѣ же слова читаетъ: „Urudu anna xixibi zae men“, переводя ихъ: „Le cuivre l'étain mélangeur+leur tu es“, т.-е. „Мѣди и олова смѣшиватель ты еси“ (Д-ръ О. Шрадеръ. „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія“, Спб., 1886 г., стр. 282).

лѣтію до Р. Хр. Къ тому же времени относится и первое появленіе бронзовыхъ издѣлій въ Египтѣ.

На ряду съ бронзой продолжаютъ служить мѣдь, золото и, повидимому, впервые появляется серебро. Древнѣйшее литературное упоминаніе объ этихъ металлахъ имѣется въ томъ же сумеро-аккадскомъ гимнѣ богу огня.

Любопытно, что въ продолженіе всей поры бронзовыхъ орудій повсюду еще существовали каменныя орудія. Такъ ихъ находятъ въ древностяхъ Египта, Месопотаміи и другихъ наиболѣе культурныхъ странъ.

Площадь распространенія металловъ значительно увеличилась. Въ составъ ея вошли Индія, Китай, Японія, южныя части Сибири, бо́льшая часть Европы и всё средиземноморское побережье Африки. Весьма возможно, что въ эту пору произошло первое знакомство съ металлами и жителей Америки. Такому широкому распространенію знакомства съ металлами много способствовали усовершенствованіе морского судоходства и прирученіе лошади.

Судоходство получило значительное развитіе уже въ пору мѣдныхъ орудій, когда начали совершаться довольно оживленныя передвиженія какъ въ Средиземномъ морѣ, такъ и вдоль береговъ Южной Азіи, въ моряхъ и заливахъ Индійскаго океана. Въ пору бронзовыхъ орудій эти передвиженія еще болѣе увеличились и еще болѣе оживились. Главною причиною такого явленія, несомнѣнно, послужили бронзовыя орудія, способствовавшія улучшенію кораблестроенія.

Судя по дошедшимъ до насъ изображеніямъ, корабли поры бронзовыхъ орудій ходили на веслахъ, а у болѣе культурныхъ народовъ—и на парусахъ. Палубы ихъ нерѣдко снабжались каютами. Плаваніе на такихъ судахъ въ открытыхъ моряхъ и океанахъ было дѣломъ еще крайне рискованнымъ, и рейсы совершались только вдоль и въ виду береговъ. Несмотря на такое стѣсненіе, всё же море въ это время утратило значеніе грозной недоступной стихіи и мало-по-малу становилось не раздѣляющимъ, а

соединяющимъ народы пространствомъ. Къ концу поры бронзовыхъ орудій морскія суда проникли черезъ Средиземное море въ Атлантическій океанъ, посѣщая Канарскіе острова, берега Португаліи, Франціи, Бельгіи, Даніи и Великобританніи. Красное море также не оставалось пустыннымъ: посредствомъ его велись дѣятельныя сношенія Аравіи съ Нубіей и Египтомъ. Не менѣе оживленныя сообщенія происходили по Персидскому заливу и Персидскому морю, достигая, черезъ Бенгальскій заливъ, полуострова Малакки и нѣкоторыхъ острововъ Зондскаго архипелага.

При столь широкомъ судоходствѣ, при отсутствіи морскихъ картъ и компаса, легко могли быть разнаго рода случайности, приводившія отважныхъ мореходовъ въ весьма удаленныя страны, и возможно, что именно въ это время совершилось первое посѣщеніе Мексики и Перу людьми Стараго свѣта, познакомившими народы новыхъ странъ съ бронзовой культурой.

О томъ, что посѣщенія Новаго свѣта, по крайней мѣрѣ Центральной Америки, совершались благополучно, т.-е. съ возвратомъ мореходовъ изъ Америки въ Старый свѣтъ, говоритъ преданіе египтянъ объ Атлантидѣ, подъ которой могла разумѣться только Америка, затерявшаяся въ желѣзную эпоху. Интересно, что о посѣщеніяхъ Америки бѣлыми мореплавателями сохранилась память у нѣкоторыхъ ея туземцевъ, и они до появленія Колумба и другихъ европейцевъ не переставали ожидать прибытія съ востока бѣлыхъ боговъ.

Приручение лошади *) ускорило и улучшило сухопут-

*) *Литература*:

1) Ѳ. П. Кеппинъ. „Къ исторіи тарпана въ Россіи“. Журн. Минист. Народн. Просвѣщ., 1896 г., январь.

2) Д. Н. Анучинъ. „Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ приручении въ Россіи“. Журн. Минист. Народн. Просвѣщ., 1896 г., іюнь и іюль.

3) Черскій. „Описаніе коллекціи послѣтретичныхъ млекопитающихъ животныхъ, собранныхъ Ново-Сибирскою экспедиціею 1885—86 г., Спб., 1891 г.

ныя сообщенія. Лошадь, умное, энергичное и быстрое животное, подчинилась власти человѣка позже другихъ домашнихъ животныхъ. Полагаютъ, что ея прирученіе совершилось въ Средней Азіи, откуда знакомство съ нею распространилось къ востоку, въ сторону Китая и Японіи, и къ западу, въ сторону Месопотаміи, Египта, Малой Азіи и Европы. Китайскія хроники говорятъ о верховыхъ коняхъ за 3000 лѣтъ до Р. Хр. Въ Месопотаміи, по изслѣдованію Гомеля, домашняя лошадь появилась около 2300[1]) лѣтъ, а въ Египтѣ около 2000 лѣтъ до Р. Хр.[2]). Въ это же время она, повидимому, проникла и въ Европу, гдѣ, вѣроятно по примѣру восточной, успѣли приручить и туземную болѣе тяжелую, такъ называемую западную лошадь.

---

4) I. H. Шатиловъ. „Сообщеніе о тарпанахъ“, Москва, 1884 г.
5) Rütimeyer. „Fauna der Pfahlbauten“.
6) F. Hommel. „Die Vorsemitischen Culturen“, Leipzig, 1883.
7) Его же. „Die Namen der Säugethiere“.
8) Г. Левченко. „Исчезнувшія и исчезающія южной Россіи животныя“. „Кіевская Старина“, 1882 г., августъ.
9) Piette. „L'équidé tacheté de Lourdes“. Bull. de la Soc. d'Anthropologie de Paris, 1892.

[1]) На статуѣ Саргона I, царствовавшаго около 3800 лѣтъ до Р. Хр., воздвигнутой ему уже впослѣдствіи, между прочимъ, написано: „Множество обитыхъ бронзой колесницъ сопровождало меня по каменистымъ землямъ“. (Кн. В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“, т. I, кн. I—IV, стр. 234). Если въ колесницы Саргона впрягались не обозные волы, а боевые кони, то появленіе послѣднихъ въ Месопотаміи придется отнести, сравнительно съ датой Гомеля, на 1500 лѣтъ далѣе въ глубь прошедшаго.

Авт.

[2]) Лефебюръ, въ своей статьѣ „Sur l'ancienneté de l'âne et du cheval en Égypte“, напечатанной въ „Annuaire de la France des Lettres de Lyon“, II, 1—11, утверждаетъ, что лошадь была извѣстна въ Египтѣ при XII-й династіи и даже нѣсколько ранѣе; но съ этимъ многіе не согласны, полагая, что лошадь приведена въ Египетъ гиксами, около 2000 лѣтъ до Р. Хр.

Авт.

Кости лошади нерѣдко бывали находимы въ стоянкахъ неолитической эпохи поры мѣдныхъ орудій. Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ этомъ доказательства приручения лошади въ болѣе раннее время. Однако эти явленія легче объяснить охотой за дикою лошадью, которая обитала во многихъ мѣстахъ Европы, а въ особенности въ степяхъ южной Россіи.

Весьма возможно, что первыя прирученныя лошади служили не для ѣзды, а для молока и мяса, какъ онѣ служатъ для этой цѣли еще и теперь у нѣкоторыхъ тюрко-татарскихъ племенъ. Въ такомъ состояніи лошади, конечно, не могли играть сколько-нибудь выдающейся культурной роли. Значеніе лошадей поднялось только послѣ обученія ихъ верховой и экипажной ѣздѣ, давшаго возможность быстраго и легкаго сообщенія, благодаря чему пространства, разъединяющія древніе народы, какъ бы сразу сократились и трудно доступное стало легко доступнымъ. Такое явленіе, повидимому, произвело потрясающее впечатлѣніе, отраженіемъ котораго являются дошедшія до насъ легенды о чудовищныхъ кентаврахъ, представлявшихъ людей съ лошадиными туловищами и ногами. Съ этого времени на международныя культурныя сношенія Стараго свѣта ложится какой-то особенный лихорадочный и нервный отпечатокъ. Въ разныхъ мѣстахъ возникаютъ самостоятельные культурные центры, то вліяющіе другъ на друга, то конкурирующіе во вліяніи на области, расположенныя въ удаленіи отъ нихъ.

10) М. Н. Богдановъ. „Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыня Кизилъ-Кумъ“, Ташкентъ, 1882 г.

11) С. Г. Гмелинъ. „Путешествіе по Россіи“, часть I, стр. 68—73.

12) Fr. Lenormant. „Sur l'antiquité de l'âne et du cheval“.

13) A. Nering. „Fossile Pferde aus deutschen Diluvial-Ablagerungen und ihre Berichungen zu den lebenden Pferden“.

14) Его же. Ueber Tundren und Steppen der jetzt-und Vorzeit“, Berlin, 1890.

15) Акад. Ив. Лепехинъ. „Дневныя записки“, ч. II, стр. 5.

16) Бопланъ. „Описаніе Украйны“, стр. 93.

Главные культурные очаги и культурная база поры бронзовыхъ орудій.

Самою важною задачею изслѣдуемой поры является установленіе культурныхъ теченій и вліяній. Рѣшеніемъ этой задачи занимаются выдающіеся археологи нашего времени; этому рѣшенію посвящена цѣлая литература. Въ предшествующую пору мѣдныхъ орудій главнымъ культурнымъ очагомъ служила Месопотамія, а второстепенными— Египетъ и Иранъ, при чемъ роль послѣдняго, по крайней мѣрѣ для древнѣйшей стадіи развитія, осталась невыясненною. Возможно, что всѣ металлическія орудія отличаются удивительнымъ однообразіемъ формъ вслѣдствіе единства ихъ происхожденія.

Въ пору бронзовыхъ орудій, хотя пульсъ культурной жизни попрежнему бился въ Месопотаміи, Египетѣ и Иранѣ, или, правильнѣе, Средняя Азія[1]), начинаютъ играть роль вполнѣ самостоятельныхъ культурныхъ очаговъ. Соединеніе этихъ пунктовъ образуетъ настоящую культурную базу поры бронзовыхъ орудій. Каждый изъ названныхъ трехъ очаговъ стремится выслать во всѣ стороны лучи своихъ культурныхъ вліяній. При этомъ выясняется любопытное явленіе: воды морей и рѣкъ способствуютъ дальнѣйшему проникновенію этихъ лучей, а горы и лѣса тормозятъ и задерживаютъ ихъ. Это зависѣло отъ качества средствъ водныхъ и сухопутныхъ сообщеній, изъ которыхъ первыя, очевидно, были лучше вторыхъ, а также и отъ бо́льшей дикости народовъ, занявшихъ глухія и закрытыя географическія пространства.

Исходя изъ различныхъ очаговъ, культурные лучи мѣстами пересѣкали другъ друга, образуя ряды новыхъ

[1]) Подъ Средней Азіей въ настоящемъ случаѣ разумѣются соприкасающіяся восточныя области Ирана и Турана, орошаемыя истоками и верховьями рѣкъ Аму- и Сыръ-Дарьи, гдѣ впослѣдствіи возникло знаменитое Бактрійское царство.

Авт.

культурныхъ очаговъ, изъ которыхъ нѣкоторые къ концу поры успѣли пріобрѣсти также первостепенное значеніе. Таковыми явились, по отношенію къ Месопотаміи и Египту, Малая Азія и Финикія, а по отношенію къ Месопотаміи и Средней Азіи—Индія (р. Индъ), Китай (р. Гоанго и Янтсе-Кіангъ) и Сибирь (р. Енисей).

Подъ культурнымъ воздѣйствіемъ всѣхъ этихъ очаговъ возникъ еще новый рядъ очаговъ. Такъ подъ воздѣйствіемъ Сибири и Средней Азіи возникъ очагъ на берегахъ р. Камы, а подъ воздѣйствіемъ Средней Азіи, Малой Азіи и Египта—венгерскій очагъ, вліявшій въ свою очередь на сѣверо-германскую и скандинавскую культуры, въ области которыхъ совершились пересѣченія венгерскаго вліянія съ вліяніями очаговъ Сибири и Средней Азіи.

Время возникновенія болѣе позднихъ очаговъ, повидимому, относится къ самому концу поры бронзовыхъ орудій, а развитіе—къ желѣзной эпохѣ, при изученіи памятниковъ которой ихъ и слѣдуетъ разсматривать какъ примѣры пережитковъ, завѣщанныхъ предшествующею бронзовою эпохою. Вліянія между всѣми названными очагами совершаются по „закону соприкосновеній“, или вслѣдствіе простой передачи изобрѣтеній изъ одного мѣста въ другое.

Для того, чтобы вполнѣ понять и учесть всѣ культурныя теченія и вліянія, необходимо знаніе наиболѣе характерныхъ культурныхъ отличій тѣхъ или другихъ изслѣдуемыхъ очаговъ. Приступая къ изученію этихъ отличій, мы должны отмѣтить еще два положенія, касающихся возникновенія и распространенія культуръ. Изъ нихъ первое состоитъ въ томъ, что, при нѣкоторыхъ условіяхъ, одинаковые культурные факты способны возникнуть въ разныхъ географическихъ областяхъ какъ бы независимо другъ отъ друга. Такое возникновеніе объясняютъ „закономъ совпаденій“. Однако основы этого закона остаются непонятными. Скорѣе всего онѣ также кроются въ культурныхъ заимствованіяхъ, или въ „законѣ соприкосновеній“, начала которыхъ скрыты временемъ или другими

обстоятельствами. Это, по крайней мѣрѣ, подтверждается тѣмъ, что, съ развитіемъ знанія, область дѣйствія закона совпаденій приходится всё болѣе и болѣе суживать и то, что считалось возникшимъ самостоятельно, считать заимствованнымъ. Второе положеніе указываетъ на то, что лучи культурныхъ вліяній, проникая черезъ болѣе или менѣе обширныя пространства, лежащія между очагами, или какъ бы совсѣмъ не касаются ихъ, или касаются только очень слабо. Такое явленіе, при настоящемъ уровнѣ археологическаго знанія, остается также не совсѣмъ понятнымъ. Вѣроятнѣе всего, оно объясняется отчасти географическими свойствами данныхъ пространствъ (тундры, лѣса, горы) и отчасти недостаткомъ собраннаго археологическаго матеріала, благодаря чему мы не можемъ возстановить всей сѣти соприкосновеній, существовавшихъ въ дѣйствительности.

Месопотамія.

Месопотамія въ продолженіе всей поры бронзовыхъ орудій не переставала находиться во главѣ общечеловѣческаго прогресса. Культура ея всё болѣе и болѣе развивалась и сообщалась народамъ другихъ странъ, увлекая ихъ въ одинъ могучій потокъ историческаго развитія. Къ сожалѣнію, мы не можемъ касаться всѣхъ бытовыхъ подробностей этой интересной страны. Онѣ такъ многочисленны и важны, что для нихъ сложилась особая наука—ассиріологія. Мы коснемся только въ общихъ чертахъ исторіи развитія ея культуры, чтобы возможно ярче оттѣнить значеніе послѣдней въ общечеловѣческомъ прогрессѣ.

Съ переходомъ въ пору бронзовыхъ орудій сумеро-аккады потеряли культурное и политическое господство, передавъ то и другое своимъ болѣе даровитымъ ученикамъ семитамъ. Уже въ концѣ поры мѣдныхъ орудій въ страну сумеро-аккадовъ начали приходить изъ сосѣднихъ областей разныя племена послѣднихъ, сливаясь съ коренными жителями. За 4000 лѣтъ до Р. Хр., по словамъ проф. Андерсона, сѣверныя сумеро-аккадскія области заселялись

семитами [1]). Въ началѣ поры бронзовыхъ орудій, а именно около 3800 лѣтъ до Р. Хр. [2]), царь Саргонъ I, родомъ семитъ, объединилъ почти всѣ разрозненныя области сумеро-аккадовъ, давъ возможность окончательно восторжествовать семитамъ. Послѣдній фактъ важенъ потому, что имъ объясняется особенно сильное вліяніе Месопотаміи на развитіе вообще всѣхъ семитовъ, разсѣянныхъ по Аравіи и восточнымъ областямъ Средиземнаго моря. Со времени Саргона I сумеро-аккадскій языкъ выходитъ изъ обыденнаго употребленія, сохранившись только въ религіозныхъ обрядахъ, какъ языкъ необходимый для пониманія древнихъ книгъ и сохраненія давно установившагося ритуала [3]). Саргонъ I принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей

---

[1]) Проф. Андерсонъ. „Исторія погибшихъ цивилизацій Востока“, Спб., 1904 г., стр. 29.

[2]) Одна прочитанная надпись Набонида, послѣдняго вавилонскаго царя, жившаго за 550 лѣтъ до Р. Хр., повѣствуетъ, что Шамашъ (богъ солнца) великій владыка... сподобилъ его узрѣть цилиндръ Нарамсина, сына Саргона, котораго за 3200 лѣтъ никто изъ царей, жившихъ ранѣе, не видалъ. Складывая 550+3200, получаемъ 3750 лѣтъ до Р. Хр., когда царствовалъ сынъ Саргона Нарамсинъ; далѣе, Саргонъ царствовалъ 54 года, слѣдовательно начало его царствованія относится за 3800 лѣтъ до Р. Хр. Противъ этой даты сильно возражаетъ C. F. Lehmann, доказывающій, что въ надпись Набонида вкралась ошибка, и царствованіе Нарамсина слѣдуетъ относить не за 3750, а за 2750 лѣтъ до Р. Хр. Въ настоящее время, однако, большинствомъ лучшихъ ассиріологовъ дата для Нарамсина въ 3750 лѣтъ до Р. Хр. признается вѣрною. Желающему познакомиться съ этимъ вопросомъ рекомендуемъ работы слѣдующихъ авторовъ: 1) Pinches. „Notes on a new list of early babylonian kings“, въ „Proceedings of the Society of Biblical Archeology“, 1881, 37—46. 2) C. F. Lehmann. „Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie und ihre Lösung“, Leipzig, 1898. 3) Oppert. „Illusions et déceptions chronologiques“. „Revue Archéologique“, 1900, № 1, p. 4—16. 4) Hugo Radau. „Early babylonian history“, 1900. 5) Н. П. Лихачевъ. „Древнѣйшая сфрагистика“, Спб., 1906, стр. 21.

Авт.

[3]) Масперо. „Древняя исторія народовъ Востока“, Москва, 1903 г., стр. 155.

своего времени; онъ дѣятельно собиралъ всѣ лучшія произведенія сумеро-аккадской письменности, образовавъ въ г. Эрехѣ обширнѣйшую библіотеку; привелъ её въ порядокъ; многіе болѣе важные трактаты перевелъ на семитическій языкъ, снабдивъ переводы комментаріями и объясненіями грамматическихъ правилъ обоихъ языковъ. Въ то же время имъ возведены грандіознѣйшіе храмы въ Сиппарѣ, Ниппурѣ и Вавилонѣ и совершены обширныя завоеванія, пріобщившія къ месопотамской культурѣ Эламъ, Аравію, Сирію и даже Критъ. Его царствованіе считаютъ апогеемъ внѣшняго могущества и началомъ процвѣтанія семитической расы во всей Халдеѣ [1]).

Сынъ Саргона Нарамсинъ съ тѣмъ же успѣхомъ продолжалъ дѣла отца и былъ дѣятельнымъ строителемъ храмовъ и успѣшнымъ завоевателемъ отдаленныхъ странъ. Но при наслѣдникахъ этихъ славныхъ правителей жизнь Халдеи какъ бы стихаетъ, и въ продолженіе болѣе 1000 лѣтъ Месопотамія не ознаменовываетъ себя ничѣмъ замѣчательнымъ, хотя культурная жизнь ея по всѣмъ признакамъ не переставала развиваться, обусловивъ новый, еще болѣе сильный, расцвѣтъ Халдеи во второй половинѣ поры бронзовыхъ орудій.

Около 2248 лѣтъ до Р. Хр. вступилъ на царство дѣятельный и мудрый царь Гаммураби. Подъ его управленіемъ создалось громадное Вавилонское царство и приведено въ порядокъ разстроившееся народное хозяйство. Съ послѣднею цѣлью была сооружена большая сѣть новыхъ оросительныхъ каналовъ и плотинъ, а старые каналы и плотины расчищены и подновлены. Для лучшаго управленія составлены и написаны первые своды законовъ. Всё это отразилось благотворно на состояніи государства, и оно получило значеніе первой міровой державы, каковое и удержало до конца поры бронзовыхъ орудій, хотя и пережило нѣсколько потрясающихъ событій. Къ этому

[1]) Ibid., стр. 156.

времени относится необыкновенное развитіе Вавилона, ставшаго столицей государства. Его торговля и промышленность получили міровое значеніе, а науки, въ особенности математика и астрономія, достигли такого развитія, какое приводитъ въ изумленіе даже современныхъ ученыхъ [1]). „Не говоря уже о Парижѣ, замѣчаетъ Ф. Деличъ, даже Римъ едва ли можетъ сравниться съ Вавилономъ по тому вліянію, которое этотъ послѣдній оказывалъ... на весь міръ“ [2]). Къ концу изучаемой поры его языкъ становится языкомъ офиціальныхъ дипломатическихъ и другихъ дѣловыхъ сношеній между наиболѣе цивилизованными странами: Египтомъ, Ханааномъ, Кипромъ и, вѣроятно, другими. При такихъ условіяхъ и произведенія Вавилонскаго царства получали широкое распространеніе, проникая не только во всѣ области Передней Азіи, но и далѣе—въ Индію, Китай, Среднюю Азію, Европу и Африку.

Металлическія издѣлія, повидимому, достигли широкаго распространенія. Въ надписи на статуѣ Саргона I упоминается множество обитыхъ бронзой колесницъ, сопровождавшихъ царя въ его военныхъ походахъ. Въ развалинахъ сооруженій и могилахъ изучаемаго времени найдены мѣдныя, бронзовыя, золотыя и серебряныя вещи. Въ составъ ихъ входили оружіе и орудія, украшенія, посуда, статуэтки и т. п.

Оружіе состояло изъ бронзовыхъ мечей, кинжаловъ, копій, стрѣлъ и топоровъ, нерѣдко покрытыхъ золотыми насѣчками и гравированными украшеніями. Грибовидныя верхнія гайки рукоятокъ кинжаловъ и мечей иногда дѣ-

---

[1]) Полагаютъ, что въ это время Фарра вывелъ изъ города Ура Авраама и Лота, родоначальниковъ еврейскаго народа, развившаго чистое монотеистическое ученіе о Богѣ, какъ Единомъ Творцѣ и Промыслителѣ міра, ученіе, какъ намъ извѣстно, впервые возникшее въ пору мѣдныхъ орудій у сумеро-аккадовъ.

Авт.

[2]) Ф. Деличъ. „Библія и Вавилонъ“, Спб., 1907 г., стр. 19.

лались прорѣзными для заполненія углубленій бѣлою или цвѣтною мастикою. Топоры получили довольно разнообразныя формы: имѣлись двулезвійные, обыкновенные и топоры-молоты.

Личныя украшенія стали входить въ моду только къ концу поры бронзовыхъ орудій. Такъ въ гробницахъ этого времени найдены серьги, браслеты, кольца, сдѣланные изъ бронзы, чистаго золота и, рѣже, серебра. На ряду съ ними случалось находить и металлическіе сосуды, въ видѣ серебряныхъ чашъ, бронзовыхъ котелковъ и ведерокъ.

Древнѣйшія бронзовыя статуэтки найдены де-Сарзекомъ въ Телло, гдѣ онѣ могли относиться къ самому началу поры бронзовыхъ орудій. Одна изъ этихъ статуэтокъ представляетъ колѣнопреклоненнаго мужчину, другая—женщину съ сосудомъ или корзиной на головѣ и третья —тельца [1]). Всѣ три статуэтки снабжены гвоздевидными придатками, посредствомъ которыхъ онѣ утверждались на пьедесталахъ.

На ряду съ металлическими издѣліями употреблялись еще повсюду и издѣлія изъ камня. Такъ при покойникахъ, сопровождаемыхъ бронзовыми, золотыми и серебряными вещами, случалось находить каменные топоры, копья и стрѣлы.

Керамическія издѣлія остаются въ довольно примитивномъ состояніи. Сосуды удерживаютъ тѣ же формы, какія наблюдались въ предшествующую пору, но чаще дѣлаются съ ушками и ручками; среди нихъ появляются настоящіе кувшины, амфоры и чаши рюмочной формы. Новость въ кирпичномъ производствѣ представляли обожжённыя клиновидныя плиты, служившія для составленія колоннъ.

Вавилоняне славились ткацкимъ искусствомъ. Ихъ тонкія шерстяныя и хлопчатобумажныя ткани и пестрые

[1]) Perrot et Chipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité", t. II, p. 329.

ковры служили предметами вывоза въ дальнія страны. Не менѣе замѣчательны разныя мелкія издѣлія, служившія предметами роскоши; таковы рѣзные камни, кость и дерево.

Однимъ изъ важнѣйшихъ промысловъ вавилонянъ служила торговля. Это обусловливалось выгоднымъ географическимъ положеніемъ ихъ страны въ узлѣ великихъ международныхъ путей сообщенія. Египетъ, Аравія, Ханаанъ, Малая Азія, Кавказъ, Иранъ, Индія и др. направляли свои лучшія произведенія въ Вавилонъ и тамъ получали въ обмѣнъ другіе или тѣ же, но искусно обработанные, товары.

Въ концѣ поры бронзовыхъ орудій изъ Египта въ Месопотамію шли стеклянные сосуды, бусы, тонкая пряжа; изъ Аравіи—соль, ладанъ, мирра и разныя пряности; съ береговъ Средиземнаго моря—янтарь, получавшійся изъ Прибалтійскаго края, олово и пурпуръ; изъ Средней Азіи—золото, мѣдь, олово, разные драгоцѣнные камни и ароматическія смолы; изъ Индіи—золото, слоновая кость, красная краска и жемчугъ. Въ обмѣнъ на всё это Вавилонъ отпускалъ бронзовыя издѣлія, предметы роскоши, хлѣбъ и другіе товары, распространяя въ то же время новыя философскія и религіозныя идеи и новыя научныя и опытныя знанія.

Въ отношеніи религіозно-обрядовой стороны весьма интересными представляются погребенія мертвыхъ. Трудами членовъ экспедиціи Прусскаго Королевскаго музея выяснено, что въ месопотамскихъ гробницахъ изслѣдуемаго времени преобладаютъ остатки неполныхъ трупосожженій, т.-е. обряда, когда покойника не совсѣмъ сожигали, а только обжигали болѣе или менѣе поверхностно. Этотъ обрядъ впослѣдствіи изъ Месопотаміи проникъ на Кавказъ и въ южную Россію. При месопотамскихъ покойникахъ найдены, кромѣ угля и золы, куски сплавленной бронзы, попорченныя огнемъ металлическія украшенія, каменные топоры, кремневыя стрѣлы, точильные камни, жерновки, обломки глиняной посуды, печати съ клеймами

и надписями, кости домашнихъ животныхъ (овцы), птицъ и рыбъ [1]).

Египетъ.

Вторымъ культурнымъ очагомъ являлся Египетъ. Въ продолженіе всей поры бронзовыхъ орудій эта страна, несмотря на пережитыя политическія волненія и неудачи, достигла большого развитія и во многихъ отношеніяхъ занимала передовое культурное положеніе; ея архитектура и искусство превосходили всё имъ современное. Но, несмотря на это, Египетъ не имѣлъ такого мірового культурнаго значенія, какое вышало на долю Месопотаміи. Причинами служили географическое положеніе страны и характеръ уклада государственной жизни.

Положеніе въ глухой области, вдали отъ оживленныхъ путей международныхъ сношеній, дѣлало Египетъ менѣе доступнымъ, а вмѣстѣ и менѣе поучительнымъ для народовъ. Чрезмѣрно и рѣзко выраженные фараонизмъ и теократизмъ въ государственной жизни также не могли быть привлекательными и вызывать подражанія.

Фараоны считались богами. Для поклоненія имъ существовалъ особый культъ. Ихъ власть была непогрѣшимою и безпредѣльною. Её стѣсняли только жрецы. Обособившись въ сильную корпорацію, они одни могли обуздывать до тонкости развитые инстинкты алчности и страстей своихъ царей. Между ними часто происходили столкновенія. Для болѣе успѣшной борьбы фараоны противопоставили жрецамъ армію. Въ результатѣ всѣ блага государства раздѣлили между собою эти три силы. Чтобы судить о фактическомъ значеніи этихъ силъ достаточно сказать, что изъ 4321000 гектаровъ плодородной египетской земли 1840000 гектаровъ принадлежали фараону, 1440000 — жрецамъ, 1033000 — воинамъ и лишь 8000 гектаровъ — остальному многомилліонному населенію, при

[1]) „Zeitschrift für Assyriologie“, 1887, B. II, S. 403.

чемъ фактическими владѣльцами народной земли являлись немногіе ловкіе откупщики. Такимъ образомъ вся масса народа была совершенно обобрана и находилась въ полномъ распоряженіи землевладѣльцевъ. Въ сущности египетскій народъ представлялъ огромнѣйшую толпу рабовъ, раздѣленныхъ между нѣсколькими тысячами богатѣйшихъ въ мірѣ рабовладѣльцевъ. Такое явленіе наложило ясную печать и на всю египетскую культуру. При внимательномъ изученіи послѣдней легко замѣтить повсюду рѣзкія противорѣчія. Съ одной стороны выступаютъ безумная роскошь и блескъ показной культуры, разсчитанной на удовлетвореніе самаго изысканнаго вкуса, съ другой—убожество и нищета. Не вдаваясь въ обзоръ всего быта, мы коснемся только главныхъ его особенностей.

Земледѣліе и скотоводство, составлявшія истинную основу государственнаго благополучія, оставались всё время на той степени развитія, какой они достигли въ пору мѣдныхъ орудій. Изъ оросительныхъ сооруженій слѣдуетъ упомянуть лишь о Меридовомъ озерѣ. Аменемхатъ III, одинъ изъ фараоновъ XII-й династіи, желая урегулировать разливы Нила и оросить нильскими водами запустѣвшую котловину, служившую нѣкогда дномъ морского залива, провелъ къ ней большой каналъ, названный впослѣдствіи Іосифовымъ, и наполнилъ сухую пустынную котловину водою, оживившею берега новаго воднаго источника, имѣвшаго около 30 миль въ длину. Это громадное сооруженіе, получившее названіе Меридова озера и Файюма, обыкновенно трактуется какъ памятникъ народнаго благосостоянія, но въ дѣйствительности оно служило только благосостоянію одного царя. Достаточно отмѣтить, что, по свидѣтельству Діодора, вся рыба вновь созданнаго огромнѣйшаго озера была отдана имъ своей женѣ на покупку туалетнаго масла и другихъ туалетныхъ принадлежностей. Между тѣмъ эта статья ежедневно приносила дохода по одному таланту серебра, составлявшему по тому времени большую сумму денегъ.

Скотоводство египтянъ къ концу изучаемой поры осложнилось появленіемъ прирученной лошади. Полагаютъ, что это животное впервые было приведено въ Египетъ гиксами, азіатскими кочевниками, временно господствовавшими въ Египтѣ.

Въ народныхъ жилищахъ, одеждѣ и пищѣ, повидимому, не произошло никакихъ перемѣнъ. Простонародье, какъ и въ предшествующую пору, жило въ глинобитныхъ мазанкахъ, ходило почти безъ всякихъ одеждъ и кормилось произведеніями обрабатываемой, но чужой земли, не помышляя о какихъ-либо кулинарныхъ совершенствахъ. Совсѣмъ другое наблюдается по отношенію къ высшимъ классамъ населенія.

„Дома знатныхъ и богатыхъ людей, говоритъ Веберъ, были большіе, построенные удобно, убранные блистательно; многоэтажные, съ плоскою кровлею, съ галлереями, они были пріятными жилищами и были хорошо отдѣланы внутри. Мебель и посуда были искусной работы, иногда раскрашены въ яркіе цвѣта. Всё, что мы видимъ нынѣ въ комнатахъ зажиточныхъ людей: столы, стулья, кресла съ мягкими подушками, кровати,—всё это было у египтянъ, и притомъ разнообразное, красивое; такъ что ихъ мебель и посуда свидѣтельствуютъ не только о роскоши, но и объ изяществѣ вкуса и объ очень искусной техникѣ, показываютъ высокое развитіе формъ общественной жизни. Сады съ тѣнистыми аллеями, бесѣдками и прудами, съ цвѣтниками, фруктовыми деревьями и съ трельяжами виноградныхъ лозъ служили прохладнымъ убѣжищемъ отъ дневного зноя. Жизнь женщинъ въ особенности была богата удобствами и удовольствіями, свободна отъ стѣсненія, тяготѣющаго надъ женщиною на Востокѣ. На памятникахъ мы находимъ много данныхъ, показывающихъ, что, несмотря на дозволительность многоженства, отношенія между мужемъ и женой были задушевныя, семейная жизнь была нравственно чиста. Комнаты женщинъ на рисункахъ всегда богато снабжены туалетными принадлежностями; возлѣ госпожи стоятъ ра-

быни, готовыя прислуживать ей, подаютъ ей косметическія масла и наряды, искусно причесываютъ ея волосы. Общественная жизнь вращалась около женщинъ, онѣ оживляли общество своими талантами, музыкою, пѣніемъ, танцами. Общественныя развлеченія составляли важный элементъ жизни въ большихъ городахъ Египта, это показываютъ намъ безчисленныя изображенія. Мы можемъ прослѣдить по нимъ весь ходъ времени въ собраніяхъ общества по вечерамъ, съ той минуты, когда господа и госпожи, въ сопровожденіи слугъ, подходятъ или подъѣзжаютъ въ экипажахъ къ дому, гдѣ собираются гости, или выходятъ изъ паланкиновъ, въ которыхъ несли ихъ рабы, и слуги хозяевъ встрѣчаютъ гостей... Пиры и праздники, на которыхъ невольники подаютъ гостямъ цвѣты и чаши, свидѣтельствуютъ о роскоши и умѣньи наслаждаться жизнью... Столъ весь покрытъ блюдами съ кушаньями и сосудами съ виномъ, чашами, всяческою посудою. Плотныя кушанья египтяне брали съ блюдъ пальцами, какъ и теперь дѣлается на востокѣ; жидкія ѣли ложками. Для увеличенія пріятности пира есть тутъ артисты и артистки; они играютъ на инструментахъ, поютъ, танцуютъ; часто и пирующее общество принимаетъ участіе въ музыкѣ, пѣніи, танцахъ. Музыкальныхъ инструментовъ очень много: арфы разнаго устройства, свирѣли, флейты, лютни, гитары, тамбуринъ и проч.; изъ этого можно заключить, что и музыка у египтянъ получила, подобно другимъ искусствамъ, высокое развитіе. Танцы были похожи на наши балетные, только медленнѣе и сдержаннѣе ихъ. Находимъ на памятникахъ и другія развлеченія: игру въ кости, игру похожую на шашки или шахматы, игру въ мячъ, игру пальцами, которая до сихъ поръ остается въ Южной Европѣ, фехтованье, игру въ сраженія на водѣ; находимъ фокусниковъ, акробатовъ, клоуновъ, дающихъ представленія“ [1]).

---

[1]) Веберъ. „Всеобщая исторія“, т. I, стр. 101 и 102.

Всѣ эти чудныя иллюстраціи, собранныя Веберомъ для характеристики аристократическаго быта древняго Египта, если и не вполнѣ подходятъ къ началу поры бронзовыхъ орудій, то для конца ея, когда Египетъ уже окончательно сложился въ отчетливо выраженныя формы, являются вполнѣ характерными.

Скопленіе огромныхъ богатствъ въ немногихъ рукахъ, при ясно выраженной склонности богатыхъ людей къ роскоши, не могло остаться безъ соотвѣтствующаго развитія ремеслъ и разнаго рода художествъ; и мы ихъ находимъ, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ образцахъ, на высокой степени совершенства. Ткачи, столяры, каменьщики, скульпторы, гончары, стекольщики, маляры, граверы нерѣдко обладали большимъ знаніемъ своего дѣла и артистическими способностями.

Египетскіе ткачи поры бронзовыхъ орудій изготовляли тончайшія хлопчатобумажныя и льняныя ткани, нѣжностью и добротой не уступавшія шелковымъ матеріямъ. Многія изъ этихъ тканей подвергались окраскѣ.

Столярное мастерство стояло также высоко. Египетская мебель отличается своею стильностью и прочностью. Среди столярныхъ инструментовъ находились бронзовые топоры, пила, долота, буравы и др., но рубанки, повидимому, отсутствовали; вмѣсто ихъ для выглаживанія дерева служили полировальные камни.

Скульптурныя произведенія нерѣдко отличались правильностью очертаній и тонкостью исполненія. Ихъ сравниваютъ даже съ работами греческихъ мастеровъ, получившихъ всемірную извѣстность уже въ болѣе позднее время.

Въ гончарномъ производствѣ вводится, повидимому, ранѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, гончарный кругъ. Начинаетъ изготовляться фаянсъ и фарфоръ. Первое открытіе искусства вырабатывать стекло также принадлежитъ Египту изслѣдуемой поры. Изъ стекла приготовлялись сосуды, бусы и другія мелкія вещицы, а также глазурь для покрытія глиняныхъ издѣлій. Стеклянные сосуды встрѣчаются

въ гробницахъ очень часто; нѣкоторые изъ нихъ вывозились въ далекія страны и бывали находимы въ Месопотаміи. Еще бо́льшимъ распространеніемъ пользовались стеклянныя бусы, образцы которыхъ найдены при скорченныхъ костякахъ южной Россіи.

Добываніе металловъ значительно увеличилось, и обработка ихъ усовершенствовалась. Мѣдь добывалась въ рудникахъ Синайскаго полуострова, золото привозилось изъ Нубіи и Аравіи, какъ предметъ торговли; такимъ же образомъ получались олово и серебро; послѣднее, въ виду рѣдкости, цѣнилось выше золота. Съ производствомъ бронзы въ Египтѣ познакомились при фараонахъ II-й династіи, царствовавшей въ началѣ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр. Къ концу поры бронзовыхъ орудій этотъ металлъ сталъ самымъ обычнымъ; изъ него вырабатывались всѣ орудія и всѣ военное оружіе. Въ составѣ послѣдняго находились топоры, мечи, кинжалы, ножи, копья, стрѣлы и др. Топоры удержали формы топоровъ предшествующей поры, отъ которыхъ они отличаются металломъ и очень распространеннымъ въ это время орнаментомъ. Мечи и кинжалы получили разнообразныя формы, изъ которыхъ оригинальною является форма кривыхъ однолезвійныхъ клинковъ, употреблявшихся какъ для кинжаловъ и мечей, такъ и для ножей. Интересъ этой вычурной формы заключается въ томъ, что она даетъ возможность слѣдить за распространеніемъ культурнаго вліянія Египта на отдаленныя страны. Такъ мы находимъ эту форму не только по всему восточному и сѣверному побережью и островамъ Средиземнаго моря, но и по берегамъ Балтійскаго. Рукоятки мечей, кинжаловъ и ножей нерѣдко украшались головками людей и другими фигурами. Стрѣлы имѣли крупные размѣры, дѣлались со стержнями для насада и длинными боковыми крюками. Эти стрѣлы также имѣли широкое распространеніе и въ настоящее время найдены въ Греціи и на Кавказѣ.

Интересно, что, на ряду съ бронзовымъ оружіемъ и орудіями, еще долго удерживались и каменныя, которыя

находятъ въ большомъ количествѣ на мѣстахъ поселковъ всей первой половины поры бронзовыхъ орудій. Полагаютъ, что окончательное вытѣсненіе каменныхъ орудій въ Египтѣ совершилось уже послѣ XII-й династіи.

Архитектурныя сооруженія достигаютъ могучаго расцвѣта. Лучшія сооруженія поражаютъ своею грандіозностью, а лучшія зданія—красотою формъ. Строительнымъ матеріаломъ служилъ почти исключительно камень, при чемъ предпочитались наиболѣе твердыя породы, въ родѣ гранита, сіенита, базальта и т. п. Наиболѣе крупными архитектурными памятниками безспорно являются пирамиды. Эти колоссальныя сооруженія поражаютъ зрителя своими размѣрами, но они совершенно лишены архитектурной красоты. Въ этомъ отношеніи гораздо выше ихъ стоятъ храмы, погребальные склепы и катакомбы.

Храмы строились по одному плану, въ одномъ стилѣ и имѣли видъ продолговатыхъ четырехугольниковъ, обведенныхъ высокими массивными стѣнами, съ однимъ главнымъ и нѣсколькими второстепенными входами. Главный входъ устраивался съ пилонами (башнями), за которыми открывался перистиль, или открытый дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ крытыми колоннадами. Далѣе слѣдовало крытое помѣщеніе, называвшееся „заломъ ожиданій“. Крыша этого зала поддерживалась рядами колоннъ; окна въ немъ отсутствовали; слабый свѣтъ пропускался только черезъ небольшое четырехугольное отверстіе въ потолкѣ. Третью часть храма составляла „святая святыхъ“, гдѣ стояли изображенія боговъ или содержался списъ. Эту часть могли посѣщать только жрецы и царь. Стѣны и колонны храмовъ покрывались скульптурными и живописными изображеніями, а также и іероглифическими надписями. Дороги, ведущія къ главнымъ входамъ храмовъ, часто украшались аллеями сфинксовъ, а въ концѣ изучаемой поры и обелисками. Послѣдніе, обыкновенно, ставились передъ пилонами; они имѣли видъ огромныхъ четырехгранныхъ колоннъ, вырѣзанныхъ изъ одного цѣлаго камня, и посвящались богу

солнца Ра. Древнѣйшій обелискъ, уцѣлѣвшій до нашего времени, былъ поставленъ фараономъ Усертесеномъ I, царствовавшимъ около 2300 лѣтъ до Р. Хр..

Не менѣе интересны гробницы покойниковъ. Цари, жрецы и вся вообще аристократія, пресыщенные благами земной жизни, естественно искали продолженія счастія и за гробомъ. Съ этою цѣлью они усиленно фантазировали о еще лучшихъ загробныхъ благахъ, о еще болѣе утонченныхъ удовольствіяхъ. Въ процессѣ своихъ фантастическихъ измышленій они не стѣснялись лукавить и всячески обманывать самихъ себя и боговъ. Они воображали, что не только умершіе изъ ихъ великолѣпныхъ сословій будутъ вѣчно жить и послѣ смерти, не только сопровождающіе ихъ предметы будутъ служить имъ вѣчно, но даже простыя изображенія этихъ предметовъ, а также животныхъ и людей, посвященныя мертвымъ, въ загробномъ мірѣ оживутъ и начнутъ служить удовольствіямъ избалованныхъ господъ.

Всё это явилось причиной особой заботы о сооруженіи роскошныхъ гробницъ и снабженіи ихъ всякою утварью, то вносимой натурою, то изображаемою кистью художниковъ или рѣзцами скульпторовъ. Посвященные мертвымъ люди и животныя поступали въ гробницы только въ видѣ изображеній. Въ настоящее время каждая гробница, сохранившаяся отъ разграбленія современниками покойниковъ или ихъ потомками, представляетъ цѣлый музей бытовыхъ древностей. Въ нихъ можно видѣть роскошныя постели, столы, кресла, стулья, кушетки, предметы игръ и развлеченій, въ родѣ игральныхъ костей, шашекъ и шахматовъ, дѣтскія игрушки, принадлежности охоты и рыболовства, библіотеки, изображенія людей и животныхъ, вѣчно трудящихся и вѣчно обремененныхъ, и, наконецъ, изображенія господъ, облаченныхъ въ лучшія одежды и вѣчно испытывающихъ удовольствія въ кругу такихъ же счастливыхъ знакомыхъ.

Гробницами царей служили пирамиды; гробницами знати—катакомбы и особыя зданія, называемыя въ настоящее

время „мастабами“ (отъ арабскаго „mastaba“—„скамейка“). Катакомбы и мастабы обыкновенно располагались около пирамиды. Мастабы считались болѣе почетной формой загробныхъ жилищъ, и въ нихъ хоронились только придворные чины и высшія особы; въ катакомбахъ же могли почивать всѣ, имѣвшіе для этого достаточныя средства. Катакомбы состояли изъ наружнаго сооруженія, представлявшаго нѣчто въ родѣ часовни, гдѣ родственники совершали поминки по усопшимъ, и подземныхъ пещеръ, куда ставили гробы (саркофаги) съ вложенными въ нихъ мумiями. Когда перестали строить пирамиды, то въ катакомбахъ начали хоронить и останки царей. Царскія катакомбы отличаются особенною роскошью, но лучшія изъ нихъ относятся уже ко времени желѣзной эпохи.

Простой народъ хоронилъ своихъ покойниковъ гораздо проще. Въ 1907 году д-ръ Меллеръ открылъ кладбище близъ Абузиръ-эль-Мелекъ, въ среднемъ Египтѣ, при входѣ въ Файюмъ. Кладбище содержало огромное число погребеній, относящихся къ срединѣ IV-го тысячелѣтія до Р. Хр. Въ каждой могилѣ, представлявшей простую яму, покоилась мумія, положенная на боку, скорченно, съ прижатыми къ подбородку колѣнами. Тѣло покойника покрывалось цыновкой или мѣхомъ; рядомъ съ нимъ ставились глиняные и каменные сосуды, а также полагались кремневыя орудія. Въ сосудахъ бывали находимы остатки хлѣба, муки, масла, мяса и др. Годомъ раньше въ тѣхъ же могилахъ д-ромъ Меллеромъ были отысканы хлѣбы, спеціально приготовленные для мертвыхъ, состоявшіе изъ нильскаго ила и мучныхъ отрубей, а также сосуды, насыпанные до краевъ мелкимъ бѣлымъ пескомъ, очевидно, въ надеждѣ, что Озирисъ превратитъ всё это въ настоящую пищу.

Для выясненія значенія Египта въ общечеловѣческомъ прогрессѣ особенно важно познакомиться съ его внѣшними сношеніями, посредствомъ которыхъ могли распространяться какъ искусства, знанія, такъ и высшія философскія идеи. Избытокъ произведеній богатѣйшей природы,

быстро развившіяся ремесла и искусства, казалось, сами собою должны были наталкивать египтянъ на широкія сношенія съ сосѣдями. Однако на дѣлѣ это вышло не такъ. Общенія египтянъ съ иностранцами оказались противными правящему классу, которымъ и были приняты всѣ мѣры, чтобы, если не совсѣмъ уничтожить, то какъ можно болѣе стѣснить подобныя сношенія. Въ результатѣ египтяне могли бы оказаться замкнутыми подобно китайцамъ, если бы общій ходъ развитія страны могъ вполнѣ подчиниться прихоти эгоистичныхъ консерваторовъ. Въ силу общаго культурнаго развитія Египту нужны были заграничные товары и рынки для сбыта товаровъ своей страны, а для этого являлись необходимыми связи съ сосѣдними и отдаленными странами. Надписи поры бронзовыхъ орудій свидѣтельствуютъ о дальнихъ путешествіяхъ египтянъ въ самыя древнія времена. „Такъ при фараонѣ Асса, изъ пятой династіи, т.-е. въ эпоху, отдаленную отъ насъ приблизительно на 60 вѣковъ [1]), славный воитель Урдуду проникъ въ страну Пунтъ и привелъ съ собой оттуда карлика, очевидно, представителя того самаго племени акка, которое было недавно открыто европейскими путешественниками. Другой изслѣдователь Хиркуфъ прошелъ на югъ еще дальше, чѣмъ Урдуду, достигъ „Страны Блаженныхъ“ и въ ней въ свою очередь добылъ другого карлика „донка“, видъ котораго „преисполнилъ радостью и любовью сердце фараоново“ [2]). Имѣются косвенныя указанія на сношенія Египта съ Индіей, а многіе предметы, найденные въ гробницахъ, указываютъ на торговыя сношенія съ Малой Азіей, Сиріей и Месопотаміей. Изъ всѣхъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ странъ въ Египетъ привозились мѣдь, золото, серебро, олово, свинецъ, слоновая кость, жемчугъ, драгоцѣнные камни, ладанъ

---

[1]) По принятой нами хронологіи около 50 вѣковъ. *Авт.*

[2]) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“, кн. III, стр. 425.

и др. Изъ Египта отпускались хлѣбъ, оружіе, льняныя ткани, стеклянныя, смальтовыя и керамическія издѣлія, рѣзные камни и папирусъ. Египетское оружіе особенно сильно распространялось по восточному побережью Средиземнаго моря, а позже, черезъ финикійскихъ моряковъ, и по разнымъ приморскимъ областямъ Европы. Изъ стеклянныхъ и смальтовыхъ издѣлій, какъ выше замѣчено, заслуживаютъ вниманія бусы и разнаго рода привѣски, имѣвшія также весьма широкое распространеніе.

Въ общемъ культурное вліяніе Египта на другія страны было гораздо слабѣе и ограниченнѣе, нежели вліяніе Месопотаміи.

Финикія*).

Финикія представляетъ самый важный очагъ, развившійся подъ вліяніемъ Месопотаміи и Египта. При блестящемъ свѣтѣ этого очага многія прибрежныя страны Азіи, Европы, Африки и, можетъ быть, даже Америки впервые познакомились съ плодами бронзовой культуры и такимъ образомъ вошли въ курсъ высшаго общечеловѣческаго развитія. Такой выдающейся культурной роли Финикіи способствовало ея географическое положеніе и предпріимчивость населенія.

Финикія занимаетъ узкую полосу земли, расположенную вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря. Съ востока её ограничиваютъ горы Ливана, а съ запада—обширныя морскія пучины. Вершины и террасы горъ, защищая страну отъ непріятельскихъ вторженій, доставляли пре-

---

*) *Литература:*

1) Б. А. Тураевъ. „Вопросъ о финикіянахъ въ Балтійскомъ морѣ". Труды X Археолог. Съѣзда въ Ригѣ, 1896 г., т. I.

2) Его же. „Очеркъ исторіи изученія финикійской древности". „Историческое Обозрѣніе", т. VI. Въ статьѣ дается подробный обзоръ литературы, касающейся историческихъ и археологическихъ изслѣдованій какъ на мѣстѣ древней Финикіи, такъ и на мѣстѣ ея колоній.

красные корабельные лѣса и тучныя пастбища для домашняго скота. Сбѣгавшіе съ горъ ручьи и потоки орошали плодородную почву прибрежной долины. Излучистый морской берегъ давалъ повсюду бухты, удобныя для стоянокъ древнихъ судовъ, а оторванныя отъ берега скалы образовывали острова, защищавшіе бухты отъ вѣтровъ и бурныхъ волнъ открытаго моря и служившіе неприступными крѣпостями и складами для дорогихъ товаровъ.

Окруженная зубчатыми горами, пересѣченная глубокими долинами потоковъ, страна отличалась уютностью и необыкновенной красотой, которую многіе путешественники ставятъ выше даже всѣми прославленной Ривьеры. Такая страна не могла остаться безъ населенія, и археологія нашла въ ея почвѣ остатки жизни, восходящей къ глубочайшей древности. Уже въ палеолитическую эпоху люди, подвигаясь изъ внутреннихъ странъ Азіи на западъ, перешагнули черезъ высокіе, лѣсистые хребты Ливана и спустились къ плодороднымъ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ нашли дилювіальныхъ носороговъ, стада дикихъ быковъ, лошадей, оленей, мясо которыхъ доставило вновь прибывшему населенію обильную пищу. Съ этого момента страна осталась навсегда обитаемою человѣкомъ. Прогрессируя, человѣкъ пережилъ здѣсь неолитическую эпоху и пору мѣдныхъ орудій, когда бытъ его обогатился земледѣліемъ, скотоводствомъ, а также первыми ритуальными сооруженіями въ видѣ дольменовъ, кромлеховъ и менгировъ.

Какому племени, какой расѣ принадлежали первые поселенцы страны, остается неизвѣстнымъ. Финикійское

3) Его же. „Финикія“. Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XXXV. Въ статьѣ приводится литература предмета.
4) А. С—въ. „Финикійское искусство“. Ibid. Въ концѣ статьи приводится наиболѣе важная литература.
5) Масперо. „Древняя исторія народовъ Востока“, Москва, 1903 г.
6) Г. Веберъ. „Всеобщая исторія“.
7) Кн. В. П. Максутовъ. „Исторія древняго Востока“.

преданіе называетъ ихъ хоримами, гебаленами и др., но кто бы они ни были, имъ не суждено было выдвинуться и стать въ главной роли на сценѣ историческихъ народовъ. Эта великая честь выпала на долю семитовъ, надвинувшихся новою волною съ стараго Востока. Чтобы стать въ первой роли общечеловѣческаго развитія, населеніе должно было использовать всѣ выгоды, представляемыя географическимъ положеніемъ страны, а для этого прежде всего необходимо было знаніе мореходства: только оно могло открыть невѣдомые пути къ неизсякаемымъ богатствамъ, разбросаннымъ по островамъ и берегамъ морей и океановъ. Съ такимъ знаніемъ и оказались финикіяне.

О происхожденіи финикіянъ было много споровъ. Въ настоящее время большинство ученыхъ относитъ ихъ къ хананеямъ, родственному племени израильтянамъ. Масперо производитъ ихъ имя отъ „пунъ“ („пёни“, „пюни“), служившаго національнымъ именемъ хананеянъ, которое они носили въ своей первородинѣ и сохраняли повсюду, куда только переселялись. Полагаютъ, что финикіяне вышли изъ восточной Аравіи, гдѣ они жили на берегахъ Персидскаго залива. Чтобы судить о древности этого событія, слѣдуетъ вспомнить, что городъ Тиръ, основанный выходцами изъ города Сидона, имѣлъ возрастъ въ 2300 лѣтъ до посѣщенія его Геродотомъ, или въ 2750 лѣтъ до Р. Хр. Въ то время въ Финикіи существовало нѣсколько городовъ, имѣвшихъ большую древность. Таковы Арадъ, Гебалъ (Библосъ), Беритъ, Сидонъ и др. Но уже лагашскій царь Гудеа велъ торговыя сношенія со страной Финикіи, а

---

8) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“, кн. II и III.

9) Проф. Андерсонъ. „Исторія погибшихъ цивилизацій Востока“, Спб., 1904 г.

10) Perrot et Chipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité“, t. III.

11) J. B. Waring. „Stone monuments, tumuli and ornament of remote ages“, London, 1870.

12) Dr. Ed. Riehm. „Handwörterbuch des Biblischen Altertums für gebildete Bibelleser“. Purpur и др.

Саргонъ I присоединилъ её къ своимъ вавилонскимъ владѣніямъ.

Осѣвши на берегу Средиземнаго моря, финикіяне ревностно занялись мореходствомъ, которое имъ, повидимому, было извѣстно еще въ первородинѣ; съ развитіемъ этого промысла они сдѣлали страну центромъ самыхъ широкихъ международныхъ сношеній, о которыхъ другія культурныя страны того времени не могли и думать. Но такого положенія Финикія достигла только къ концу поры бронзовыхъ орудій; полный же расцвѣтъ ея силъ и значенія совпадаетъ уже со слѣдующей порою желѣзной эпохи.

Къ концу поры бронзовыхъ орудій Финикія являлась міровымъ рынкомъ, куда стекались товары со всѣхъ концовъ Стараго свѣта, и откуда они вновь растекались. Ихъ везли моремъ и сушею. Изъ Индіи, Китая, Средней Азіи, Месопотаміи, Кавказа, Малой Азіи, Египта тянулись караваны къ берегамъ Финикіи сухими путями. Отъ Финикіи взадъ и впередъ ходили финикійскіе корабли ко всѣмъ островамъ и доступнымъ берегамъ Средиземнаго моря, проникая черезъ Босфоръ до восточнаго берега Чернаго моря и черезъ Гибралтаръ (древніе Геркулесовы столбы) въ Атлантическій океанъ, съ одной стороны до Касситеридскихъ (Британскихъ) острововъ и береговъ Даніи и Скандинавіи, а съ другой— до Канарскихъ острововъ и, очень возможно, до цвѣтущихъ береговъ Центральной Америки. Краснымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, къ верховьямъ которыхъ пролегали торныя дороги, обставленныя финикійскими факторіями, ихъ корабли обходили всю Аравію, Индію и достигали экваторіальныхъ острововъ Зондскаго архипелага, гдѣ на островѣ Борнео уже найдены памятники съ древними финикійскими надписями.

На Средиземномъ морѣ не было ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго по своимъ природнымъ или культурнымъ богатствамъ пункта, который бы не посѣщали финикіяне. Пользуясь малыми перевозочными средствами, какими являлись морскія суда того времени, они перево-

зили только наиболѣе цѣнные и компактные товары. Таковы золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, драгоцѣнные камни, лучшія ткани, разнаго рода украшенія, благовонія и вообще высоко цѣнимые предметы роскоши. Только на болѣе близкія разстоянія перевозился зерновой хлѣбъ, строительный матеріалъ и другіе сырые непереработанные товары.

Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ разнообразными народностями, торгуя всевозможными товарами и мѣняя ихъ, финикіяне, естественно, становились всё болѣе и болѣе просвѣщенными и богатыми. Несомнѣнно, они могли стать первыми среди всѣхъ современныхъ имъ народовъ, если бы этому не помѣшала ихъ кровожадная, сладострастная религія и необыкновенная алчность къ богатству.

Религія финикіянъ состояла изъ обоготворенія природы. Они поклонялись небеснымъ свѣтиламъ, источникамъ, горамъ и деревьямъ. Ихъ боги и богини имѣли нерѣдко видъ простыхъ камней и только позже, очевидно, подъ вліяніемъ Месопотаміи и Египта, стали изображаться въ видѣ людей, иногда съ рогами животныхъ. Въ древнихъ финикійскихъ погребеніяхъ часто встрѣчаются глиняныя статуэтки Астарты, отличающіяся грубостью формъ. Но, независимо отъ внѣшняго изображенія, всѣ финикійскія божества одинаково отличаются чувственностью, кровожадностью и жестокостью. Чтобы получить милость этихъ божествъ, требовались крупныя и тяжелыя искупительныя жертвы: однимъ богамъ нужно было приносить въ жертву множество людей, другимъ дѣвственность невинныхъ женщинъ. Безстыдство жрецовъ здѣсь превышало всякое вѣроятіе. Повсюду процвѣтали рабство и торговля людьми. Только такими отрицательными явленіями можно объяснить то, что финикіяне, несмотря на многія благопріятныя условія, не создали своей оригинальной культуры и не сплотились въ одно могущественное государство.

Финикіянамъ приписывалось изобрѣтеніе письма и открытіе стекляннаго производства; но, по новѣйшимъ археологическимъ даннымъ, то и другое оказалось ими

заимствованнымъ отъ болѣе просвѣщенныхъ народовъ, хотя финикіяне ввели свои поправки и значительно усовершенствовали оба эти искусства. Финикійское письмо получило фонетическій алфавитъ, состоявшій изъ 23 буквъ. Это упростило изученіе грамоты и оказалось настолько совершеннымъ, что впослѣдствіи греки и латиняне, а черезъ нихъ и всѣ современные культурные народы, воспользовались финикійскимъ алфавитомъ.

Финикійскія стеклянныя издѣлія пользовались обширною извѣстностью. Бусы, посуда и разнаго рода мелкія подѣлки расходились по всѣмъ странамъ. Особенно славилось сидонское стекло. Финикіяне умѣли покрывать свои стеклянныя издѣлія разнаго рода украшеніями и самое стекло окрашивали въ разные цвѣта, хотя необходимо замѣтить, что наибольшаго развитія это искусство достигло у нихъ уже въ желѣзную эпоху.

Не менѣе стекла пользовался славой и финикійскій пурпуръ. Пурпуръ представлялъ краску, извлекавшуюся изъ моллюсковъ морскихъ раковинъ. Цвѣтъ его мѣнялся отъ ярко-краснаго до фіолетоваго. Пурпуромъ окрашивались шелковыя, льняныя, бумажныя и шерстяныя ткани; лучшія изъ нихъ имѣли баснословныя цѣны и были доступны только для самаго богатаго класса людей [1]).

---

[1]) Пурпуръ вырабатывался изъ моллюсковъ „Murex brandaris“ и „Murex trunculus“, живущихъ въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ. Для ловли ихъ въ воду опускались корзины съ варенымъ мясомъ или мухами. Ловля производилась весною и лѣтомъ. Вынувъ изъ воды моллюсковъ, ихъ вытаскивали изъ раковинъ, которыя для этой цѣли приходилось разбивать; затѣмъ солили въ продолженіе трехъ дней, чтобы получить разсолъ, въ который клали матерію и варили при средней температурѣ. Интенсивность и красота окраски зависѣли отъ продолжительности и повторности варки, а также отъ смѣшиванія разныхъ видовъ моллюсковъ. Прочность окраски достигалась удивительная: пурпурный цвѣтъ одежды Александра Македонскаго, стоившей 5000 талантовъ, черезъ 190 лѣтъ казался совершенно новымъ. Описаніе изготовленія пурпурныхъ тканей даетъ Плиній. См. Dr. Ed. Riehm. „Handwörterbuch des Biblischen Altertums für gebildete Bibelleser“, II Band, S. 1247 und 1248.

Точно такъ же міровою извѣстностью пользовались финикійскія бронзовыя издѣлія, въ составъ которыхъ входили разнаго рода сосуды, украшенія и орудія, оружіе же встрѣчалось рѣдко. На ряду съ бронзой обрабатывались золото и серебро. Металлическіе сосуды покрывались разнаго рода изображеніями, чаще всего заимствованными изъ месопотамской и египетской миѳологіи и быта. Въ составъ финикійскихъ орудій и оружія входили бронзовые топоры, кинжалы, мечи, копья, стрѣлы и щиты. Большинство изъ нихъ повторяло месопотамскія или египетскія формы. Особеннаго вниманія заслуживаютъ финикійскіе бронзовые щиты. Они дѣлались круглой формы съ выпуклой срединой, иногда снабженной особымъ выступомъ, называемымъ умбономъ. Поверхность щитовъ покрывалась узорами и разнаго рода изображеніями. Подобные бронзовые щиты найдены въ Швеціи, Англіи и сѣверной Германіи, гдѣ они, очевидно, появились подъ вліяніемъ финикійскихъ образцовъ.

Финикійская керамика носила вполнѣ заимствованный характеръ, хотя съ теченіемъ времени она сама стала прототипомъ керамики многихъ другихъ странъ. Формы глиняныхъ сосудовъ весьма разнообразны. Среди нихъ нерѣдко встрѣчаются такъ называемые лицевые сосуды, у которыхъ шейка или весь сосудъ представляютъ лицо человѣка, а также сосуды, изображающіе животныхъ, птицъ и т. п. Древнѣйшіе сосуды обыкновенно покрываются рѣзными или расписными геометрическими узорами, расположенными вокругъ сосудовъ въ видѣ полосъ и поясковъ, состоящихъ изъ зигзаговъ, ромбовъ, квадратовъ и др. Позже, въ желѣзную эпоху, въ Финикіи появляются сосуды съ изображеніями животныхъ и разныхъ сценъ изъ домашняго и религіознаго быта. Керамическія издѣлія долгое время служили предметами внѣшней торговли; поэтому вліяніе ихъ на развитіе керамическаго искусства другихъ менѣе развитыхъ странъ огромно, и его можно прослѣдить по всѣмъ островамъ и по всему побережью Средиземнаго моря.

Скульптура представляла подражаніе египетской и месопотамской. Изваянія человѣческихъ фигуръ отличались сравнительною грубостью, непропорціональностью частей и отсутствіемъ движенія. Отдѣлка фигуръ небрежна и неполна.

Архитектурныя сооруженія разсчитывались главнымъ образомъ на прочность, о стильности же финикіяне почти не заботились. Многое цѣликомъ бралось у другихъ народовъ.

Храмы строились по образцу египетскихъ и представляли зданія, окруженныя стѣною съ портиками и колоннами. Впрочемъ, древнѣйшіе храмы имѣли болѣе оригинальныя формы. Такъ приписываемые финикіянамъ храмы на островѣ Мальтѣ представляютъ неправильныя по своему плану зданія, сложенныя изъ огромныхъ камней, въ видѣ полуцирковыхъ башенъ безъ потолка и крыши. Эти храмы по своему характеру близки къ мегалитическимъ сооруженіямъ и сопровождаются менгирами, билитами и трилитами.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ погребальные склепы. Ихъ строили въ видѣ катакомбъ, вырѣзанныхъ въ обрывахъ и на поверхностяхъ скалъ. Въ первомъ случаѣ входъ въ катакомбы нерѣдко украшался фасадами съ широкими карнизами, выступавшими въ формѣ навѣсовъ, поддерживавшихся колоннами; во второмъ случаѣ надъ катакомбами ставились башни. Послѣднія имѣли видъ цилиндровъ, усѣченныхъ конусовъ и пирамидъ. Цилиндрическія башни нерѣдко дѣлались въ нѣсколько уступовъ съ пирамидальной верхушкой и фигурами львовъ у основанія. Башни иногда группировались по нѣскольку вмѣстѣ и общимъ своимъ видомъ вполнѣ напоминали нураги Сардиніи и другихъ острововъ Средиземнаго моря, которыя многими изслѣдователями приписываются также финикіянамъ. Интересно, что древніе остатки подобныхъ башенъ извѣстны въ Ирландіи и даже на одномъ изъ острововъ Океаніи [1]).

[1]) J. B. Waring. „Stone monuments, tumuli and ornament of remote ages“, London, 1870, p. 21 and 22, plate 24, fig. 5 and 6.

Знатные покойники полагались въ саркофагахъ, форма которыхъ ими была заимствована у египтянъ, или представляла каменный ящикъ съ четырехскатной крышкой. Крышки нѣкоторыхъ изъ нихъ украшались фигурами сфинксовъ, или львовъ съ птичьими головами. Болѣе бѣдные люди хоронились безъ всякихъ саркофаговъ. Обыкновенно каждаго покойника сопровождали значительнымъ количествомъ разной домашней утвари и изображеніями боговъ.

Жилыя постройки финикіянъ возводились изъ обожжённаго и высушеннаго на солнцѣ кирпича, а также изъ камня. Цементомъ служили известь и гипсъ. Богатые дома строились въ нѣсколько этажей. Крыши ихъ дѣлались то плоскими, то двухскатными, то куполообразными. Домашняя утварь отличалась разнообразіемъ и обиліемъ. Столы, стулья, табуреты, диваны составляли обычную обстановку каждаго городского дома. Стѣны завѣшивались дорогими занавѣсами. Полы застилались коврами. Для бо́льшаго блеска въ комнатахъ разставлялись золотые, серебряные и бронзовые сосуды, металлическія зеркала, разнаго рода мелкіе предметы роскоши, сдѣланные изъ стекла, янтаря, слоновой кости, драгоцѣнныхъ камней и металловъ. Всё это поражало богатствомъ, изысканностью отдѣлки деталей, но часто страдало отсутствіемъ эстетическаго вкуса.

Одежда состояла изъ юбокъ египетскаго покроя и верхнихъ плащей. Тѣ и другіе, обыкновенно, дѣлались цвѣтными и украшались разнаго рода обшивками, золотомъ и драгоцѣнными камнями. Женская одежда въ общемъ походила на мужскую. Разницу составляли платки пурпуроваго цвѣта, въ которые завертывались финикіянки при выходѣ изъ дома. Обувью служили полусапожки, сшитые изъ сафьяна, но ими пользовались только богатые люди, да и то лишь въ болѣе торжественныхъ случаяхъ. Личными украшеніями служили золотые и серебряные серьги, кольца, перстни, браслеты, діадемы, парчевыя повязки, разнаго рода бусы и ожерелья, металлическіе пояса и др. Количество этихъ украшеній превышало всякую мѣру:

богатыя женщины носили перстни, кольца на каждомъ пальцѣ ногъ и рукъ, браслеты также на каждой рукѣ и ногѣ, ожерельями старались покрыть всю шею и грудь.

Изъ приведеннаго весьма краткаго обзора бытовыхъ древностей Финикіи легко видѣть, что эти древности имѣли заимствованный характеръ, являясь какъ бы механическимъ отраженіемъ такихъ же древностей Месопотаміи и Египта.

Народы, живущіе подражаніями, не могутъ претендовать на положительное значеніе въ общечеловѣческомъ прогрессѣ, и если финикіяне сумѣли занять въ этомъ прогрессѣ почетное мѣсто, то только благодаря своему посредничеству между цивилизованными и дикими народами. Ихъ предпріимчивости и трудамъ многіе народы обязаны своимъ знакомствомъ съ предметами производства болѣе высокихъ культуръ и участіемъ въ курсѣ высшаго современнаго имъ развитія. Такъ при содѣйствіи ихъ познакомились съ бронзой почти всѣ приморскіе жители Западной Европы, Сѣверной Африки, Индіи и, вѣроятно, многихъ другихъ странъ. Чтобы судить, насколько было велико вліяніе финикіянъ на всѣ народы, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, достаточно указать на тотъ фактъ, что имя Касситеридскихъ острововъ, гдѣ финикіяне добывали олово, столь необходимое для бронзы, было популярно въ Месопотаміи, Аравіи, Африкѣ, Индіи и употреблялось въ нарицательномъ значеніи для олова.

Малая Азія.

Менѣе важную роль въ общечеловѣческой культурѣ играли народы Малой Азіи. Несомнѣнно, сами они шли въ курсѣ современнаго имъ развитія, но вліяніе ихъ ограничивалось сравнительно меньшимъ географическимъ райономъ. Оно проникало черезъ Босфоръ и Дарданеллы на Балканскій полуостровъ, распространяясь къ югу въ направленіи Пелопоннеса и къ сѣверу къ долинѣ р. Дуная и устью Днѣпра, а черезъ Кавказъ къ долинѣ Дона. Но

лучи малоазійскаго культурнаго вліянія, повсюду смѣшиваясь съ лучами, высылаемыми въ тѣ же области изъ очаговъ культурной базы, значительно поглощались и становились мало замѣтными.

Среди памятниковъ малоазійской культуры поры бронзовыхъ орудій наибольшею извѣстностью пользуются остатки города Трои, близъ селенія Гиссарликъ. При обзорѣ культуръ предшествующей поры мы уже имѣли случай познакомиться съ древнѣйшими остатками этой мѣстности, гдѣ было открыто семь городовъ, послѣдовательно смѣнившихъ другъ друга. Культура перваго древнѣйшаго города характеризовалась каменными и мѣдными орудіями, украшеніями, сдѣланными изъ мѣди и серебра, каменными зданіями и такими же городскими стѣнами, признаками скотоводства и земледѣлія, а также и другими явленіями, вполнѣ характерными для поры мѣдныхъ орудій. Послѣ паденія перваго города мѣстность долгое время оставалась необитаемою и покрылась довольно толстымъ слоемъ чистаго наноса почвы, не содержавшаго никакихъ слѣдовъ пребыванія человѣка; на этой чистой почвѣ и возникъ новый второй городъ Трои; но такое событіе совершилось уже въ пору бронзовыхъ орудій.

Вторая Троя была довольно большимъ и богатымъ городомъ. Шлиманъ ошибочно счелъ его за Трою гомеровскаго времени, но Дёрпфельдъ исправилъ его ошибку, доказавъ, что къ гомеровскому времени относится шестой городъ, всѣ же предшествовавшіе города существовали въ болѣе древнее время.

Къ изучаемой нами порѣ бронзовыхъ орудій можно относить только остатки второго, третьяго и четвертаго городовъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что Дёрпфельдъ, столь внимательно изслѣдовавшій всѣ остатки городовъ Трои, относитъ возникновеніе шестого города за 1500 лѣтъ до Р. Хр., а это даетъ основаніе и пятый городъ относить къ той же порѣ. Впрочемъ, въ виду того, что третій, четвертый и пятый города представляли изъ себя лишь незна-

чительныя поселенія, мы можемъ на нихъ и не останавливаться, удѣляя главное вниманіе обзору памятниковъ второго города.

Этотъ городъ состоялъ изъ акрополя, или кремля, и нѣсколькихъ предмѣстій. Акрополь окружался массивною каменною стѣною съ двумя воротами, ведшими въ предмѣстья. Его стѣна слагалась изъ большихъ необтесанныхъ камней съ промежутками, заполненными мелкимъ щебнемъ и кирпичемъ. Для бо́льшей прочности и противодѣйствія стѣнобитнымъ машинамъ внѣшняя плоскость стѣны имѣла наклонъ внутрь подъ угломъ въ 45°, тогда какъ внутренняя плоскость была отвѣсна.

Внутри акрополя располагались дворцы и другія жилыя постройки. Всѣ зданія были каменныя. Дворцы имѣли въ планѣ вытянутую четырехугольную форму и подраздѣлялись на сѣни (πρόδομος) и главную залу (μέγαρον). Мужчины и женщины жили въ отдѣльныхъ покояхъ. Полагаютъ, что зданія имѣли деревянныя крыши, но городъ погибъ отъ сильнаго пожара, уничтожившаго не только всѣ деревянныя части, но и расплавившаго и шлакировавшаго мѣстами камни и кирпичи домовыхъ и крѣпостныхъ стѣнъ. Множество вещей, найденныхъ среди развалинъ второго города, отличается особеннымъ разнообразіемъ формъ и матеріала, но среди нихъ не оказалось ни одной вещи, сдѣланной изъ желѣза. Всѣ оружіе и всѣ орудія оказывались или каменными, или бронзовыми; при чемъ послѣднія встрѣчались чаще, чѣмъ первыя. Среди каменныхъ орудій иногда встрѣчались нефритовыя и ядеитовыя. Бронзовыя орудія отличались примитивностью формъ, указывающей на тѣсную связь ихъ съ орудіями предшествующей археологической поры. Составъ бронзы также носитъ характеръ глубокой древности, такъ какъ содержитъ не болѣе 3—8½% олова.

Среди развалинъ найдено много литейныхъ формъ, вырѣзанныхъ изъ камня, преимущественно, изъ стеатита. Въ этихъ формахъ отливались топоры, долота, кинжалы,

ножи, разнаго рода украшенія; но формъ для отливки мечей и другихъ крупныхъ предметовъ среди нихъ совсѣмъ не оказалось.

Топоры имѣли простую клиновидную форму; только въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчались топоры съ двумя лезвіями. Долота были схожи съ топорами и отличались лишь болѣе узкой пластинкой. Долотъ съ желобчатымъ лезвіемъ, повидимому, не существовало. Ножи имѣли клинки или двулезвійные, въ видѣ копьеца, или однолезвійные съ загнутымъ концомъ. Кинжалы вырабатывались листовидной формы, такъ называемаго кипрскаго типа. Изъ другихъ мелкихъ орудій слѣдуетъ упомянуть о бронзовыхъ шилахъ и гвоздяхъ; они походили на наши современные, при чемъ гвозди часто достигали большихъ размѣровъ.

Изъ бронзы и серебра отливались и выковывались разнообразные сосуды, въ видѣ большихъ тазовъ, кубковъ и вазъ простѣйшихъ формъ. Металлическія украшенія вырабатывались въ большомъ количествѣ. Въ составъ ихъ входили спиральныя кольца, разнаго рода бусы, привѣски, цѣпочки, головныя булавки, рѣже браслеты и гривны. Всё это дѣлалось изъ золота, бронзы и серебра. Наиболѣе пышныя и дорогія золотыя украшенія найдены въ одномъ дворцовомъ помѣщеніи, которое Шлиманъ назвалъ „сокровищницей Пріама“. Изученіе ихъ представляетъ выдающійся интересъ, такъ какъ многія изъ украшеній передались позднѣйшимъ народамъ, въ особенности населявшимъ Россію, гдѣ просуществовали почти до нашихъ дней. Таковы ожерелья и головныя металлическія украшенія съ шумящими подвѣсками, ручныя спиральныя кольца, столь извѣстныя въ финскихъ нарядахъ средней и сѣверной Россіи; таковы же гривны съ грибовидными утолщеніями на концахъ, форма которыхъ удержалась до XII и даже XIII вѣка по Р. Хр. почти въ всей Россіи.

Бо́льшая часть описываемыхъ троянскихъ украшеній была мѣстнаго производства, но спиральныя кольца съ расширенными концами или срединами, украшенныя зернью,

составляли скорѣе всего привозный месопотамскій или иранскій товаръ, отличавшійся болѣе высокой техникой, чѣмъ всѣ остальныя металлическія вещи, несомнѣнно, троянскаго производства.

Съ украшеніемъ металлическихъ вещей зернью мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ впервые. Позже, въ желѣзную эпоху, эта техника получила обширное распространеніе, но особенно ею увлекались мастера Ирана, Месопотаміи и Кавказа, передавшіе свое искусство народамъ Европы. Родственнымъ и не менѣе интереснымъ украшеніемъ золотыхъ вещей являются здѣсь также впервые спирали, свитыя изъ золотой проволоки и припаянныя къ предметамъ. Техника этихъ спиралей, повидимому, также— не мѣстная, а привозная изъ болѣе культурныхъ центровъ. Въ началѣ желѣзной эпохи спиральный орнаментъ считался модным и пользовался широкимъ примѣненіемъ не только въ украшеніяхъ всевозможныхъ металлическихъ вещей, но и вещей, сдѣланныхъ изъ кости, камня и глины. Лучшіе образцы спиральнаго орнамента даетъ Грецiя, въ частности же греческая, такъ называемая, микенская культура. Въ троянскихъ спиральхъ заслуживаютъ вниманія очковидныя фигуры, украшающія одинъ золотой браслетъ изъ „сокровищницы Пріама“. Въ данномъ случаѣ очковидныя спирали оказались припаянными къ поверхности браслета и такимъ образомъ играли подчиненную роль. Въ галльштаттской культурѣ, относящейся къ началу желѣзной эпохи, проволочная очковидная спираль начинаетъ играть совершенно самостоятельную роль, служа фибулами, привѣсками и бляшками для украшенія головныхъ уборовъ, одежды и конской сбруи.

Троянскія подѣлки изъ кости и камня удерживали характеръ неолитическій и состояли изъ полированныхъ просверлённыхъ и клиновидныхъ каменныхъ топоровъ, мельничныхъ жернововъ, пестиковъ, каменныхъ сосудовъ, грузилъ, костяныхъ иглъ, проколокъ и др.

Интереснѣе и обильнѣе керамическія издѣлія. Въ со-

ставѣ ихъ находятся сосуды, пряслица, печати и статуэтки. Сосуды въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ никакихъ украшеній, но отличаются довольно значительнымъ разнообразіемъ формъ. Преобладаютъ кувшины, блюда, глубокія тарелки и сосуды для питья. Среди послѣднихъ интересны сосуды узкой почти конической формы съ большими ручками, придающими имъ видъ буквы „Ф“. Но болѣе заслуживаютъ вниманія сосуды, изображающіе человѣка и животныхъ. Эти формы въ Троѣ заимствованы черезъ Критъ и Сирію изъ Египта, но онѣ и сами, повидимому, послужили прототипомъ подобныхъ сосудовъ, найденныхъ въ сѣверной Германіи. На нѣкоторыхъ изъ такихъ сосудовъ изображается человѣческое лицо, а иногда и всё туловище, обыкновенно, женщинъ. „Сосуды эти, говоритъ Л. Нидерле, принимались за изображенія свѣтлоокой и совоокой (γλαυκῶπις) богини Аѳины. Характеръ носа и глаза этихъ изображеній, дѣйствительно, напоминаютъ иногда подобіе совы“ [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изображеніе лица переносилось съ сосуда на крышку, которая дѣлалась въ формѣ цилиндрической шапочки. Сосудамъ съ подобными изображеніями присвоено названіе „лицевыхъ“. На одномъ сосудѣ имѣется непрочитанная надпись [2]).

На ряду съ кухонной керамикой часто встрѣчаются глиняныя пряслица и грузила, указывающія на развитое ткацкое искусство и рыболовство. Впрочемъ есть основаніе полагать, что нѣкоторыя изъ пряслицъ служили не для веретенъ, а пуговицами для застегиванія одежды, на что указываютъ какъ формы нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ и орнаментъ, располагаемый только съ одной лицевой стороны.

Спеціальное изученіе этихъ предметовъ представляетъ значительный интересъ, такъ какъ поверхность ихъ не-

---

[1]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 253.

[2]) H. Schliemann. „Atlas trojanischer Alterthümer“, 1874, Taf. 161, №№ 3092 und 3093.

рѣдко покрывается знаками символическаго значенія, приближающимися иногда по своему характеру къ идеографическому письму.

Грубыя глиняныя статуэтки, изображающія, какъ полагаютъ, идоловъ, встрѣчаются очень часто. Нерѣдко, впрочемъ, онѣ бываютъ сдѣланы изъ кости и камня. Это — очень схематическія изображенія человѣка, вполнѣ напоминающія подобныя изображенія предшествующей поры, когда эти статуэтки пользовались уже весьма широкимъ распространеніемъ и, между прочимъ, были извѣстны въ Европѣ въ трипольской культурѣ. Появившись такъ рано, онѣ просуществовали въ неизмѣненномъ видѣ почти до средины желѣзной эпохи. Такъ въ Россіи подобныя статуэтки найдены В. И. Сизовымъ на Кавказѣ и мною въ Полтавской губерніи среди древнѣйшихъ скиѳскихъ памятниковъ.

Въ заключеніе намъ остается упомянуть о вещахъ изъ слоновой кости, горнаго хрусталя, сердолика, стекла и египетскаго фарфора, указывающихъ на болѣе или менѣе далекія международныя сношенія.

Въ общемъ всё приведенное показываетъ, что хотя народы Малой Азіи въ пору бронзовыхъ орудій и уступали въ культурномъ развитіи вышепоименованнымъ странамъ, но всё же стояли на высокой степени общаго развитія.

Средняя Азія.

Древности Средней Азіи, благодаря почти полному отсутствію археологическихъ изслѣдованій памятниковъ изучаемаго времени, остаются мало извѣстными. Несомнѣнное существованіе въ этой географической области самостоятельнаго культурнаго очага доказывается болѣе логическими доводами и историческими данными, чѣмъ добытыми археологическими фактами: безъ существованія такого очага невозможно объяснить возникновеніе второстепенныхъ культурныхъ очаговъ въ сѣверной Индіи, Китаѣ, южной Россіи и отчасти въ Средней Европѣ.

Судя по географическому положенію могучихъ культуръ ранней поры желѣзныхъ орудій, слѣдуетъ полагать, что центромъ среднеазіатскаго очага являлись берега Аму- и Сыръ-Дарьи, гдѣ впослѣдствіи возникли Бактрія и Согдіана, и гдѣ находятся современные Бухара, Самаркандъ, Ташкентъ и др. Эта область иногда разсматривается какъ отдаленнѣйшій восточный уголъ Ирана. Она была съ глубокой древности заселена арійцами. Въ началѣ желѣзной эпохи персы называли обитателей этой страны „восточными мидянами“, которые въ то время отличались сравнительно высокой культурой и мужествомъ. Побѣды надъ ними древніе персидскіе цари считали особенными заслугами и любили хвастаться ими. Весьма возможно, что „восточные мидяне“ составляли населеніе данной области и въ пору бронзовыхъ орудій.

Хотя по географическому положенію эта область не представляла центра пересѣченія главныхъ международныхъ путей сообщенія, какъ это мы видѣли въ Месопотаміи, гдѣ сходились пути изъ Аравіи, Египта, средиземноморскихъ странъ, Малой Азіи, Кавказа, Ирана и далекой Индіи, тѣмъ не менѣе она лежала въ узлѣ важныхъ путей, соединявшихъ культуры Месопотаміи, Индіи, Китая, Сибири и Европы. Такое условіе, въ связи съ плодородіемъ рѣчныхъ долинъ, способствовало развитію благосостоянія населенія. Древнѣйшія легенды и преданія свидѣтельствуютъ о густотѣ и цивилизованности этого населенія. Здѣсь началъ свое ученіе Зороастръ, здѣсь позже окрѣпъ буддизмъ и получилъ характеръ міровой религіи.

Къ югу и востоку отсюда вели единственные горные проходы; къ сѣверу и западу простирались безпредѣльныя пустыни и степи, по которымъ, какъ вольныя птицы, двигались кочевники. Послѣдніе не создавали своей культуры, но они нерѣдко являлись распространителями культурныхъ плодовъ, выращенныхъ въ болѣе цивилизованныхъ странахъ.

„Отъ самыхъ склоновъ Памира, замѣчаютъ графъ

И. Толстой и Н. Кондаковъ, тамъ, гдѣ выходятъ изъ горъ рѣки Оксъ (Аму-Дарья) и Яксартъ (Сыръ-Дарья), беретъ свое начало широкая степь, связывающая поверхъ Каспійскаго моря Азію съ Европою. Связь эта по физическому строенію страны настолько полная, что нельзя бы было провести опредѣленной границы между частями свѣта. Повсюду та же равнина, то затянутая глиною, то засыпанная пескомъ, изрѣдка прерываемая холмистыми кряжами, солончаками, болотами. Русскій естествоиспытатель Сѣверцовъ выразилъ мнѣніе, что флора южной Россіи простирается до бассейна Енисея. То же распространеніе имѣла въ древности фауна южно-русскихъ степей. Еще въ XVII вѣкѣ водились въ Украйнѣ туръ, кабанъ и дикія лошади".

„Необозримая ширь степей ограничивалась съ юга горными кряжами и морями, а съ сѣвера непроходимыми для номада лѣсами и болотами. Только лѣсныя болотистыя чащи сдерживали распространеніе кочевника, переходившаго безпрепятственно за своими стадами и двигавшагося въ однихъ климатическихъ условіяхъ съ береговъ Аральскаго моря къ устьямъ Дуная. Уже въ глазахъ исторіи свершилась перемѣна въ характерѣ почвы и климата Средней Азіи, нынѣ на громадныя пространства заносимой песками, и культурное отдѣленіе отъ нея степей южной Россіи. Благодаря, прежде всего, отсутствію естественныхъ преградъ, именно, по этому степному поясу проходила въ древности вся масса разнородныхъ племенъ, наводнившихъ затѣмъ Европу".

„Такъ тождество конскихъ удилъ и уборовъ сѣверной Италіи съ ассирійскими въ древнѣйшую эпоху и съ кавказскими въ періодъ римской имперіи объясняется непосредственнымъ переходомъ въ Италію конныхъ отрядовъ изъ прикаспійскихъ степей. Путь народныхъ передвиженій былъ и главнымъ путемъ торговли, а съ нею и культуры" [1]).

[1]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства", в. II, стр. 1.

Такія передвиженія имѣли мѣсто и въ болѣе раннее время. Они, несомнѣнно, совершались и въ бронзовую эпоху: это доказывается сходствомъ бронзовыхъ орудій южной Россіи съ туркестанскими. Таковы бронзовые топоры съ вислыми обухами и длинными, узкими клинками, листовидныя прорѣзныя копья, серпы и конскія удила. Интересныя находки ихъ сдѣланы въ Семирѣченской области, на берегахъ озера Иссыкъ-Куля [1]) и близъ г. Вѣрнаго [2]). Въ составъ ихъ входятъ топоры, серпы, наконечники копій, долота, удила, псаліи [3]), бляхи уздечнаго набора и сосуды. Всѣ вещи сдѣланы изъ бронзы, отличаются солидными формами, указывающими на достаточное изобиліе металла, и хорошимъ литьемъ. Уздечный наборъ и топоры покрыты орнаментикой. Серпы оказались двухъ различныхъ формъ: 1) въ видѣ широкой слегка загнутой пластины, съ крючкомъ для скрѣпленія съ рукояткою, и 2) въ видѣ болѣе узкой и длинной также слегка изогнутой пластины, съ насѣчками по лезвію и трубкой для насада на рукоятку. Послѣдняя форма представляется рѣдкою, тогда какъ первая имѣла широкое распространеніе какъ въ сторону Сибири, такъ и въ сторону Европы.

Сибирь*).

Культура Сибири, какъ и другихъ областей Восточной Азіи, въ пору бронзовыхъ орудій, судя по даннымъ

---

[1]) Каталогъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея, Москва, 1893 г., стр. 349, №№ 406—415.

[2]) Ibid., стр. 348, №№ 391—395.

[3]) Псаліи, или усики, представляютъ принадлежность конскихъ удилъ; онѣ играли роль современныхъ уздечныхъ колецъ и назначались для того, чтобы, при натягиваніи одного изъ поводьевъ, удила не вытягивались изъ пасти коня. Псаліи имѣли видъ прямыхъ или слегка изогнутыхъ палочекъ, часто украшенныхъ различными изображеніями.

Авт.

*) *Литература:*

1) В. В. Радловъ. „Сибирскія древности. Изъ путевыхъ записокъ по Сибири". Переводъ съ нѣмецкаго графа А. А. Бобринскаго, Спб., 1896 г.

современной археологіи, развивалась подъ живымъ вліяніемъ среднеазіатскаго и отчасти месопотамскаго очаговъ культурной базы. Возникновеніе всѣхъ ихъ относится къ болѣе позднему времени, и проявленіе оказывалось менѣе грандіознымъ. Наиболѣе сильные культурные центры образовались въ Индіи—на берегахъ рѣкъ Инда и Ганга, въ Китаѣ—на берегахъ рѣкъ Гоанго и Янтсе-Кіанга и въ Сибири—по отрогамъ Алтая, на истокахъ рѣкъ Оби и Енисея. Мы остановимся на послѣднемъ, какъ болѣе изученномъ и ближе стоящемъ къ Европѣ.

Сибирская культура поры бронзовыхъ орудій, несомнѣнно, возникла подъ вліяніемъ среднеазіатской, а развивалась подъ сложнымъ вліяніемъ среднеазіатской и китайской культуръ. Ея возникновеніе относится къ сравнительно позднему времени, что хорошо доказывается какъ отсутствіемъ древнѣйшихъ клиновидныхъ формъ мѣдныхъ и бронзовыхъ топоровъ, такъ и почти полнымъ отсутствіемъ каменныхъ орудій. Нѣкоторые изслѣдователи, замѣчая въ сибирскихъ культурахъ преобладаніе мѣдныхъ орудій надъ бронзовыми, полагаютъ, что эта культура возникла самостоятельно, но такое явленіе гораздо правильнѣе объяснять изобиліемъ въ странѣ мѣди и отсутствіемъ олова, необходимаго для составленія бронзы. Позднее появленіе металлическаго производства обусловилось географическимъ положеніемъ страны, лежащей вдали отъ очаговъ культурной базы и имѣющей съ одной стороны

2) Его же. „Сибирскія древности“. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Археолог. Комиссіею.

3) „Отчеты Имп. Археологической Комиссіи“.

4) J. R. Aspelin. „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“.

5) F. R. Martin. „L'âge du bronze au musée de Minoussinsk“, Stokholm, 1893.

6) В. Е. Данилевичъ. „Курсъ русскихъ древностей“, Кіевъ, 1908 г.

7) А. А. Штукенбергъ. „Матеріалы для изученія мѣднаго (бронзоваго) вѣка восточной полосы Европейской Россіи“. Изв. Общ. Археолог., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. унив., т. XVII, вып. 4.

8) Д. Клеменцъ. „Древности Минусинскаго Музея“, Томскъ, 1886—1887 г.

дикую тайгу, а съ другой — высокія, мѣстами совершенно непроходимыя горы. Во всякомъ случаѣ, при имѣющихся въ настоящее время фактахъ, нѣтъ никакого основанія относить возникновеніе сибирской культуры далѣе конца поры бронзовыхъ орудій. Развитіе же ея и прекращеніе совершились уже въ желѣзную эпоху, когда эта культура являлась довольно пышнымъ пережиткомъ. Своимъ возникновеніемъ она всецѣло обязана рудному богатству сибирскихъ горъ и только отчасти плодородію рѣчныхъ долинъ, прикрытыхъ горными отрогами и холмами отъ разрушительныхъ набѣговъ степныхъ наѣзниковъ.

Несмотря на большіе пробѣлы въ археологическихъ изслѣдованіяхъ Средней Азіи и Сибири, всё же можно прослѣдить, какъ среднеазіатская культура, распространяя свое вліяніе въ сторону Алтайскихъ горъ, придерживалась исключительно предгорій и истоковъ стекавшихъ съ нихъ рѣкъ, избѣгая туранскихъ степей и бархановъ. Возможно, что первыми носителями этой культуры являлись колонисты, вышедшіе изъ Ирана или восточнаго Турана. Впослѣдствіи сибирская культура совершенно обособилась, явившись оригинальнымъ очагомъ, высылавшимъ далеко лучи своего вліянія. Такъ орудія сибирскаго типа найдены къ востоку — въ Забайкальской области, а къ западу — въ области средняго Урала и Волги, откуда они проникали тайгой и тундрами въ Финляндію и Скандинавію, а степями въ южную Россію и Венгрію.

Главнымъ центромъ сибирской культуры являлись истоки р. Енисея, гдѣ, на протяженіи отъ г. Минусинска до г. Красноярска, берега рѣки изобилуютъ памятниками этой культуры, при чемъ въ составъ ихъ входятъ курганы, могильники, рудныя копи и множество отдѣльно затерянныхъ предметовъ. Весьма возможно, что одновременно съ ними появились и первыя изображенія людей, животныхъ и символическихъ знаковъ, которыми покрыты береговыя скалы почти при всѣхъ переправахъ черезъ ручьи и рѣки.

Курганы имѣютъ видъ то квадратныхъ, то круглыхъ холмовъ, насыпанныхъ изъ грунтовой почвы и мелкаго камня.

Квадратные курганы представляютъ плоскія невысокія насыпи, обставленныя въ видѣ ограды каменными столбами и плитами, иногда достигающими исполинскихъ размѣровъ. Доставка и постановка этихъ камней сопрягались съ значительными затрудненіями. Такого рода курганы встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Абаканской степи.

Круглые курганы обыкновенно насыпались изъ грунтовой земли, взятой вокругъ ихъ подошвы. На вершинахъ курганныхъ насыпей ставились каменныя плиты, образуя четырехугольники и круги. Плиты иногда достигали большихъ размѣровъ. При постановкѣ нижніе концы ихъ на треть высоты погружались въ почву и укрѣплялись посредствомъ болѣе мелкихъ обломковъ камней. Всѣ плиты ставились въ одномъ направленіи съ востока на западъ, и самые четырехугольники являлись строго оріентированными по странамъ свѣта, при чемъ короткія стороны обращались къ сѣверу и югу, а длинныя стороны, которыя почти вдвое болѣе короткихъ, — къ востоку и западу. Курганы такого вида довольно рѣдки. Академикъ Радловъ встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Абаканѣ и въ нѣсколькихъ другихъ сосѣднихъ пунктахъ. Также рѣдки и курганы съ каменными кругами на вершинахъ. Они извѣстны въ горахъ Алтая по теченію Катуньи, Ангодаи, Уруссуллы и Чуи.

Гораздо обыкновеннѣе могильники. Они также обставляются каменными плитами, располагаемыми въ формѣ то четырехугольниковъ, то круговъ.

Могильники съ четырехугольными каменными оградами имѣютъ видъ или группы отдѣльныхъ, или сомкнутыхъ оградъ. Каждая отдѣльная ограда составляется изъ 10 плитъ и оріентируется короткими сторонами на сѣверъ и югъ, а длинными—на востокъ и западъ. Сомкнутыя ограды возникаютъ благодаря тому, что каждая новая

ограда примыкаетъ къ старой, и раздѣляющая ихъ стѣна становится общею. Могильники съ такими оградами представляютъ видъ площадей, раздѣленныхъ на болѣе или менѣе равныя четырехугольныя клѣтки.

Могильники съ круглыми оградами, сооруженными изъ плитъ, поставленныхъ на ребро, встрѣчаются особенно часто въ Алтаѣ, въ плодородныхъ долинахъ притоковъ Иртыша и Катуньи.

На ряду съ четырехугольными могилами нерѣдко находятся менгиры и четырехугольныя ограды, имѣвшіе, по мнѣнію В. В. Радлова, значеніе жертвенныхъ мѣстъ. Менгиры, называемые по-русски „маяками“, обыкновенно, стоятъ въ разстояніи 10—50 шаговъ къ западу отъ четырехугольныхъ могильныхъ оградъ.

Изслѣдованія сибирскихъ и приалтайскихъ погребеній производились В. В. Радловымъ, А. В. Адріановымъ, Г. Оссовскимъ, Д. Клеменцомъ и другими. Къ сожалѣнію, громадное большинство и, повидимому, лучшихъ памятниковъ оказалось ограбленнымъ русскими кладоискателями, которые изъ этого сдѣлали особый промыслъ, существовавшій до тѣхъ поръ, пока не были опустошены всѣ богатыя могилы.

В. В. Радловъ изслѣдовалъ нѣсколько погребеній въ Абаканской и Іюсской степяхъ и въ предгорьяхъ Алтая. Во всѣхъ вскрытыхъ имъ погребеніяхъ покойники лежали въ ямахъ, углубленныхъ въ землю аршина на $1^1/_2$ и даже на 3 и расположенныхъ бо́льшею частью подъ центромъ кургана или четырехугольника. „Въ могилахъ, окаймленныхъ прямоугольниками изъ десяти камней, средніе камни, повидимому, служили границами собственно могильной ямы, такъ что края ея приходятся на линіи, соединяющей четыре средніе камня. Ширина могильной ямы равна, приблизительно, одной трети длинной стороны большого могильнаго прямоугольника, вслѣдствіе чего она измѣряется въ своемъ протяженіи сообразно величинѣ наружнаго прямоугольника. Длина могильной

ямы, наоборотъ, всегда равна $2^1/_2$—3 аршинамъ и совершенно независима отъ величины могилы. Длинная сторона здѣсь повсюду параллельна короткимъ сторонамъ наружнаго прямоугольника, т.-е. она направлена съ востока на западъ".

„Дно могильной ямы либо просто утрамбовано, либо выложено тонкими каменными плитами. На дно ямы положены покойники головою къ востоку. У остова, найденнаго на Іюссѣ, голова была наклонена на бокъ, руки вытянуты вдоль туловища, а большіе пальцы подняты кверху. Вершка на четыре надъ головою, по направленію къ сѣверу, находится глиняный сосудъ конической формы. Остовы, лежащіе, такимъ образомъ, на днѣ могилы, прикрывались либо толстымъ слоемъ дерева, либо нѣсколькими большими каменными плитами, толщиною часто въ 2—4 вершка. Затѣмъ могильную яму наполняли различной величины полевыми камнями и сверху засыпали её обломками скалъ или землей" [1]).

Иногда на днѣ ямы устраивались ящики, сдѣланные изъ каменныхъ плитъ, иногда въ ямахъ хоронилось по 2, по 3 и даже по 5 покойниковъ, а въ одной ямѣ на Іюссѣ оказалось 22 черепа, изъ которыхъ многіе принадлежали дѣтямъ, остальные же только женщинамъ.

Устройство могилъ, встрѣченныхъ въ горахъ Алтая, оказалось совершенно схожимъ съ енисейскимъ. Но въ городѣ Семипалатинскѣ въ одной могильной ямѣ покойникъ лежалъ на лѣвомъ боку въ согнутомъ положеніи; при немъ былъ найденъ мѣдный ножъ.

Во всѣхъ описанныхъ здѣсь каменныхъ могилахъ найдены ясные слѣды предметовъ, вылитыхъ изъ бронзы и мѣди. Это обстоятельство даетъ право полагать, что тѣ народы, которые оставили послѣ себя такіе надмогильные памятники, вѣроятно, еще не знали выдѣлки и употребленія желѣза.

---

[1]) Ibid., стр. 11 и 12.

Совершенно схожія погребенія были вскрыты А. В. Адріановымъ на берегу р. Енисея, близъ с. Новоселова, Минусинскаго округа. Но курганныя погребенія, изслѣдованныя имъ за Абаканской Управой, дали новыя черты ритуала. Могильныя ямы здѣсь оказались забранными деревянными срубами, въ большинствѣ которыхъ находилось по одному покойнику, въ меньшинствѣ — по два, а въ одномъ—три. За исключеніемъ немногихъ, всѣ остатки покойниковъ лежали въ крайне безпорядочномъ состояніи. Цѣлые скелеты лежали головою на Ю.-З. Въ одномъ погребеніи оказались остатки трупосожженія. Вещей при покойникахъ найдено немного. Въ составъ ихъ входили почти исключительно мѣдныя и бронзовыя орудія и украшенія, костяныя стрѣлы, иглы, булавки, обломки гипсовыхъ масокъ, стеклянныя бусы и, наконецъ, неопредѣленныя желѣзныя подѣлки [1]).

Послѣднее явленіе показываетъ, что погребенія относятся уже къ желѣзной эпохѣ, и мы остановились на нихъ только потому, что нѣкоторые изслѣдователи считаютъ ихъ типичными для бронзовой культуры Сибири.

Кромѣ могильныхъ памятниковъ, въ приалтайской области часто встрѣчаются копи для выработки мѣдныхъ рудъ. Эти копи простонародье называетъ „чудскими“. Принадлежность ихъ къ бронзовой эпохѣ доказывается частыми находками въ нихъ мѣдныхъ и бронзовыхъ кайлъ, кирокъ, молотовъ и топоровъ.

Чудскія копи имѣютъ видъ узкихъ шахтъ, направленныхъ въ глубину земли къ рудоноснымъ жиламъ, достигнувъ которыхъ, шахты иногда развѣтвлялись на рукава и ходы, служившіе спеціально для выработки руды, но, обыкновенно, шахты къ низу становятся уже, чѣмъ наверху. Глубина ихъ не превышаетъ 7 саженъ. Иногда въ шахтахъ встрѣчаются деревянныя подпоры, указывающія

[1]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1899 годъ“, стр. 104 и 105.

на умѣнье древнихъ рудокоповъ искусственно укрѣплять стѣны шахтъ и такимъ образомъ избѣгать опасности отъ обваловъ. Впрочемъ, замѣчаетъ В. В. Радловъ, въ этомъ искусствѣ они, повидимому, не были очень опытны: шахты нерѣдко проваливались и засыпали рудокоповъ. Доказательствомъ этому служатъ частыя находки въ провалившихся копяхъ скелетовъ съ еще уцѣлѣвшими при нихъ кожаными мѣшками, наполненными рудою.

Въ Императорскомъ Эрмитажѣ имѣется мѣдная статуэтка, представляющая алтайскаго древняго рудокопа. На головѣ его надѣтъ башлыкъ, на шеѣ—ожерелье, бедра прикрыты короткой юбкой, опоясанной широкимъ поясомъ, на ногахъ видны кожаныя туфли или башмаки; черезъ лѣвое плечо повѣшена сумка, предназначавшаяся для собиранія руды; въ лѣвой рукѣ находится молотъ, а въ правой—тесло или просто клинъ. На рукахъ рудокопы носили рукавицы, сшитыя изъ кожи съ головы животныхъ, при чемъ большой палецъ пропускался въ ухо.

На ряду съ мѣдными рудами въ приалтайской области дѣятельно разрабатывались „золотыя розсыпи“. Такъ во многихъ золотыхъ розсыпяхъ въ Киргизской степи и на Кузнецкомъ Алтаѣ (Алатау) часто находятъ въ золотоносномъ пескѣ, на нѣсколько саженъ вглубь отъ верхняго слоя земной поверхности, мѣдныя орудія и оружіе. „Я самъ, говоритъ В. В. Радловъ, присутствовалъ при нахожденіи мѣднаго оружія на пріискѣ близъ Кокбекти, а на Кіѣ мнѣ продали два большіе мѣдные кельта, которые, какъ говорили, найдены были въ золотоносномъ пескѣ и, вѣроятно, служили для отбиванія щебня“ [1]).

Плавильныя мастерскія встрѣчаются на Алтаѣ, въ Саянскихъ горахъ, а также въ восточной части Киргизской степи, на берегу Иртыша и въ другихъ мѣстахъ.

Многочисленность чудскихъ копей указываетъ, что добываніе металла превышало его внутреннее потребленіе,

[1]) Ibid. стр. 15.

вслѣдствіе чего для сбыта излишка требовались посторонніе потребители. И, дѣйствительно, алтайскія издѣлія, какъ мы уже видѣли, расходились далеко къ востоку и западу, въ области менѣе культурныхъ народовъ. Но самое большое потребленіе металлическихъ издѣлій было внутри своей страны. Это краснорѣчиво доказывается многими находками такихъ издѣлій, случающимися при пахотѣ и разныхъ земляныхъ работахъ какъ на верхнемъ Енисеѣ, такъ и на Алтаѣ.

Большинство сибирскихъ мѣдно-бронзовыхъ издѣлій имѣетъ настолько своеобразный характеръ, что легко отличается отъ всякихъ другихъ. Особенно характерны ножи и кинжалы; не менѣе оригинальны боевые молотки, или клевцы, а также и головныя булавки.

Топоры встрѣчаются нѣсколькихъ типовъ. Изъ нихъ наиболѣе широкимъ распространеніемъ пользовались долотовидные топоры-кельты. Эти топоры, несомнѣнно, получили свое начало отъ клиновидныхъ топоровъ. Рукоятки для такихъ топоровъ дѣлались кривыми, въ видѣ крючка. Для скрѣпленія съ рукояткой одни топоры имѣли отверстія, черезъ которыя вбивались гвозди, другіе—одно или два ушка и, наконецъ, третьи—и отверстіе и ушки. Въ вопросѣ о генезисѣ этой формы топора особенно интересны отверстія для гвоздей, которыя можно прослѣдить на древнѣйшихъ клиновидныхъ мѣдныхъ и бронзовыхъ топорахъ на островѣ Кипрѣ, въ Троѣ, Греціи, Венгріи, а подражанія имъ въ каменныхъ топорахъ—въ Даніи, Скандинавіи и Россіи. Вѣроятно, топоры съ такими отверстіями впервые выработаны въ Месопотаміи и оттуда распространились во всѣ стороны, достигнувъ и Алтая. Сибирскіе топоры-кельты часто покрываются незатѣйливымъ геометрическимъ орнаментомъ. Интересны топорики-лопатки. Это небольшія, повидимому, парадныя орудія, имѣющія большія ушки въ видѣ птичьихъ головокъ съ сильно загнутыми клювами. Топоры съ проухами для рукоятокъ встрѣчаются рѣдко; изъ нихъ топоры съ вислыми обухами, несомнѣнно,

получались изъ Средней Азіи, гдѣ они, въ изучаемую пору, были обычными.

Ножи пользовались большимъ распространеніемъ и въ находкахъ встрѣчаются чаще всего. Ихъ рукоятки и клинки, обыкновенно, отливались изъ одного куска металла. Въ общемъ они имѣли видъ прямыхъ или изогнутыхъ пластинокъ. Клинки ихъ дѣлались съ однимъ лезвіемъ. Плоскія рукоятки отличались небольшими размѣрами. Почти каждая изъ нихъ снабжалась отверстіемъ для привязи ножа къ поясу. Иногда эти отверстія увеличивались и получали видъ кольца, спирально загнутыхъ другъ къ другу роговъ, прорѣзныхъ пальметъ, разнообразныхъ фигурокъ животныхъ и головокъ птицъ. Плоскія стороны рукоятокъ также нерѣдко покрывались различными украшеніями въ видѣ линій, зерни, городковъ, шнуровъ, головокъ животныхъ, прорѣзей и т. п. Кривые ножи имѣютъ, правда, отдаленное, но тѣмъ не менѣе несомнѣнное сходство съ нѣкоторыми формами бронзовыхъ ножей Малой Азіи.

Кинжалы, подобно ножамъ, имѣютъ рукоятки и клинки отлитыми изъ одного куска металла и также отличаются небольшими размѣрами. Клинки всѣхъ кинжаловъ—трехугольные, обоюдоострые, иногда слегка расширенные въ срединѣ. Рукоятки отдѣляются отъ клинковъ перекрестьями, отлитыми или въ видѣ простыхъ четырехугольныхъ перекладинъ, или въ видѣ раскрытыхъ крыльевъ бабочекъ; послѣднія представляются особенно характерными. Рукоятки, обыкновенно плоскія, часто покрыты простыми геометрическими узорами и прорѣзями. Но особенное вниманіе обращалось на украшеніе навершій рукоятокъ, которыя дѣлались въ видѣ пуговокъ, бутоновъ, простыхъ перекладинъ, перекладинъ, согнутыхъ наподобіе полумѣсяца, спиралей и колецъ. Нерѣдко концамъ перекладинъ придавали формы головокъ хищныхъ птицъ съ загнутыми клювами, или головокъ животныхъ, а иногда и вся перекладина изображалась въ формѣ какого-нибудь животнаго.

Въ общемъ формы кинжаловъ настолько своеобразны, что невольно возникаетъ мысль объ ихъ независимомъ, вполнѣ оригинальномъ происхожденіи и развитіи. Но въ дѣйствительности это было не такъ. Нѣкоторыя, очевидно, болѣе архаичныя формы изобличаютъ заимствованный характеръ и этого оружія. Такъ среди изучаемыхъ кинжаловъ оказалась форма, совершенно схожая съ обычными въ Месопотаміи и на Кавказѣ. Таковы трехгранные клинки съ гвоздевиднымъ стержнемъ для насада въ рукоятку [1]). При дальнѣйшемъ усовершенствованіи этого оружія всё вниманіе мастеровъ поглощалось выработкой рукоятки. Сначала прибавили къ клинку выступы, замѣняющіе нижнюю перекладину рукоятки [2]), дальше гвоздевидному стержню клинка придали видъ настоящей рукоятки [3]).

Копья имѣли или листовидную форму съ длинной втулкой для насада на древко, или форму, развившуюся изъ первой, но съ глубокимъ вырѣзомъ на мѣстѣ втулки. Листовидная втульчатая форма цѣликомъ заимствована изъ Средней Азіи и Месопотаміи. Стрѣлы также взяты изъ Средней Азіи и Месопотаміи; онѣ встрѣчаются со втулками и черенками для насада, отливаются изъ мѣди и бронзы, но, повидимому, принадлежатъ уже къ желѣзной эпохѣ.

Серпы или вполнѣ подражаютъ среднеазіатскимъ, или нѣсколько ихъ видоизмѣняютъ. Всѣ они имѣютъ видъ слегка изогнутыхъ, однолезвійныхъ пластинокъ съ отверстіями на широкихъ концахъ, служившими для скрѣпленія съ рукоятками. Долота встрѣчаются въ большомъ количествѣ и представляютъ три рѣзко выраженныхъ типа: 1) съ клиновиднымъ, 2) желобчатымъ и 3) клювовиднымъ лезвіями.

Нерѣдки также булавки. Почти всѣ онѣ—гвоздевидной формы съ четырехграннымъ остріемъ, съ легкимъ пере-

---

[1]) В. В. Радловъ. „Сибирскія древности“, т. I, в. II, табл. X, № 14.
[2]) Ibid., № 14.
[3]) Ibid., № 15 и другіе.

хватомъ на верхней части и головками то въ видѣ шляпки гвоздя, то шарика, то кольца. Назначеніе этихъ предметовъ точно не установлено. Возможно, что они служили шилами, или проколками, столь необходимыми при сшиваніи кожаной обуви и одежды; хотя шилами принято считать особыя четырехгранныя острія, утоньчающіяся къ обоимъ концамъ. Булавки съ небольшими головками [1]) могли также удобно употребляться и вмѣсто иголъ.

Конскія удила находятся очень часто. Обыкновенно они сопровождаются псаліями, или усиками. Типы удилъ совершенно схожи со скиѳскими, иранскими и месопотамскими. Первое появленіе ихъ, несомнѣнно, относится къ бронзовой эпохѣ, но полное развитіе они получили лишь позже, въ желѣзную эпоху.

Изъ предметовъ домашняго обихода заслуживаютъ вниманія бронзовые котлы, употреблявшіеся для варки пищи. Многіе изъ нихъ отличаются крупными размѣрами. Ихъ характерною чертою служитъ высокій поддонъ, или ножка, которая предназначалась для болѣе удобной постановки сосуда въ горящій костеръ. Рѣже встрѣчаются котлы на трехъ ножкахъ. Трехногіе котлы существовали въ бронзовую эпоху въ Египтѣ, Месопотаміи и Туранѣ. Сибирская одноногая форма котла также имѣла широкое распространеніе. Такъ мы её находимъ среди древностей Киргизскихъ степей, южнаго Приуралья и всей южной Россіи, но во всѣхъ этихъ областяхъ она относится уже не къ бронзовой, а къ желѣзной эпохѣ. Въ южную Россію одноногіе котлы впервые попадаютъ вмѣстѣ со скиѳами, приблизительно, въ VIII вѣкѣ до Р. Хр., а кончаютъ свое существованіе съ нашествіемъ готовъ въ III вѣкѣ по Р. Хр.

Изъ предметовъ роскоши слѣдуетъ упомянуть о бронзовыхъ зеркалахъ, разнаго рода привѣскахъ, бляхахъ, бу-

[1]) J. R. Aspelin. „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“, II livraison, p. 63, №№ 71—74.

сахъ изъ бѣлой пасты и другихъ украшеніяхъ. Зеркала имѣютъ видъ круглыхъ тонкихъ пластинокъ. Лицевая сторона ихъ—гладкая, полированная, а обратная—съ ушкомъ или въ видѣ кнопки съ отверстіями для привязи, или въ видѣ изображенія животныхъ. По формѣ они ближе всего стоятъ къ китайскимъ зеркаламъ, но прототипы ихъ слѣдуетъ искать въ очагахъ главной культурной базы, гдѣ они выступили на сцену очень рано и едва ли не ранѣе самаго возникновенія восточно-азіатскихъ металлическихъ культуръ.

Въ сибирскихъ погребеніяхъ очень часто находятъ всѣ металлическія вещи въ уменьшённомъ, миніатюрномъ видѣ. Такія вещи принято называть „вотивными“ (отъ лат. „votivus“ — „обѣтный“, „обѣщанный Богу“). Вотивныя вещи не имѣли никакого практическаго назначенія и употреблялись лишь въ религіозныхъ обрядахъ, въ видѣ приношеній и жертвъ, вслѣдствіе чего ихъ и находятъ или въ могилахъ, или въ жертвенныхъ мѣстахъ. Вотивныя вещи имѣлись у разныхъ древнихъ народовъ, но особенно широкимъ распространеніемъ онѣ пользовались у урало-алтайскихъ племенъ Сибири и у насельниковъ восточныхъ губерній Европейской Россіи; у послѣднихъ однако онѣ относятся уже къ желѣзной эпохѣ.

На ряду съ металлическими вещами встрѣчаются каменныя и костяныя. Въ число первыхъ входятъ полированные молотки со сверлинами, такіе же топоры и кирки, а въ число вторыхъ—наконечники стрѣлъ, гарпуны и др.

Керамическія издѣлія отличаются примитивностью. Всѣ глиняные сосуды, не исключая даже тѣхъ, которые были найдены въ богатыхъ погребеніяхъ, оказывались сдѣланными отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга, изъ темно-сѣрой, слабо обожжённой глины, съ круглыми днами, и, повидимому, ставились на мѣдные треножники, нерѣдко находимые въ погребеніяхъ Минусинскаго округа. Орнаментомъ покрывались лишь верхнія части сосудовъ. Въ орнаментѣ господствовали чеканные элементы въ родѣ

точечныхъ, трехугольныхъ, зубчатыхъ и линейныхъ вдавленій. Другія глиняныя подѣлки пока неизвѣстны.

Къ изслѣдуемому времени относятъ, какъ выше замѣчено, разнаго рода знаки и рисунки, встрѣчаемые въ большомъ изобиліи на скалистыхъ берегахъ р. Енисея, въ Іюсской степи и другихъ мѣстностяхъ приалтайской области. Рисунки представляютъ фигуры людей, животныхъ и деревьевъ. Люди изображаются то пѣшими, то конными. Среди животныхъ особенный интересъ представляютъ верблюды. Эти животныя, свойственныя болѣе южнымъ странамъ, въ сѣверныхъ предгорьяхъ Алтая не жили, поэтому они могли быть изображены или народами, переселившимися съ юга, или народами, посѣщавшими югъ. Въ томъ и другомъ случаѣ изображенія верблюдовъ указываютъ на живыя сношенія между народами сѣвера и юга, Сибири и Средней Азіи. Значеніе изображеній на скалахъ еще не выяснено, но всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что они имѣли какое-нибудь серьёзное значеніе, такъ какъ воспроизведеніе ихъ требовало много труда и времени.

Какой народности принадлежали описанныя древности, остается пока неизвѣстнымъ. В. В. Радловъ, основываясь на китайскихъ лѣтописяхъ, приписываетъ ихъ биламъ, или гелочамъ, народу схожему съ хакасами, имѣвшими голубые глаза и рыжіе волосы и по типу лица вполнѣ отличными отъ сосѣднихъ народовъ урало-алтайской вѣтви [1]). Онъ полагаетъ, что этотъ народъ велъ осѣдлый образъ жизни, усиленно занимался горнымъ промысломъ, скотоводствомъ и земледѣліемъ. Памятниками его горно-промышленной дѣятельности служатъ многочисленныя копи, литейныя формы и повсюду находимыя мѣдныя, бронзовыя и золотыя издѣлія. Скотоводство доказывается какъ находками костей домашнихъ животныхъ въ могильныхъ

[1]) В. В. Радловъ. „Сибирскія древности. Изъ путевыхъ записокъ по Сибири“, Спб., 1896 г., стр. 31 и 32.

ямахъ, такъ и многочисленными изображеніями такихъ животныхъ на скалахъ. Въ пользу развитого земледѣлія говорятъ остатки древнихъ оросительныхъ сооруженій, которые встрѣчаются во многихъ мѣстахъ по берегамъ Абакана, Енисея и въ Уймонской степи, а также и повсемѣстныя находки мѣдныхъ серповъ.

Охота также пользовалась широкимъ распространеніемъ. „Это доказываютъ, говоритъ В. В. Радловъ, не только охотничьи сцены, которыя часто встрѣчаются изображенными на рисункахъ, вырѣзанныхъ на скалахъ, но и наклонность этихъ народовъ украшать свои ножи и т. п. преимущественно изображеніями звѣрей, убитыхъ на охотѣ. Наконецъ, на то же самое указываютъ многочисленныя стрѣлы и копья, какъ литыя изъ мѣди и бронзы, такъ и вырѣзанныя изъ кости. Снабженные этими орудіями, упомянутые народы убивали, какъ намъ доказываютъ ихъ орнаменты, медвѣдей, оленей, дикихъ козловъ и аргали, которые въ большомъ числѣ обрѣтались въ сосѣднихъ горахъ. Что эти народы употребляли при охотѣ собакъ, видно изъ изображенія охотника съ двумя собаками, найденнаго на Алтаѣ, и изъ многихъ украшеній на кинжалахъ“ [1]).

О жилищахъ, одеждахъ и пищѣ можно составить лишь очень смутное представленіе. Остатковъ жилищъ до сихъ поръ нигдѣ не было найдено, не найдены и ихъ изображенія. Полагаютъ, что они не были каменными, такъ какъ отъ такихъ сооруженій не могло не сохраниться остатковъ, но они легко могли быть деревянными въ видѣ тѣхъ бревенчатыхъ срубовъ, обложенныхъ и покрытыхъ берестою, какіе устраивались въ могилахъ покойниковъ.

Объ одеждѣ можно судить по вышеописанному изображенію ея на бронзовой статуэткѣ рудокопа. Она шилась изъ тканей, образецъ которыхъ найденъ В. В. Радловымъ въ одной могилѣ на берегахъ Іюса. „Ткань, замѣчаетъ

[1]) Ibid., стр. 29.

изслѣдователь, была довольно грубая; нельзя было различить изъ какого вещества она сдѣлана. Судя по общему строенію, это, очевидно, была ручная пряжа, весьма схожая съ той тканью, которую киргизы и теперь изготовляютъ изъ верблюжьей шерсти, при помощи воткнутыхъ въ землю палокъ“ [1]).

Относительно пищи мы можемъ сказать только то, что ею служили продукты земледѣлія, скотоводства и охоты, и что нѣкоторые виды пищи варились въ большихъ металлическихъ и глиняныхъ сосудахъ.

На этомъ мы закончимъ обзоръ древностей одного изъ интересныхъ второстепенныхъ культурныхъ очаговъ Азіи, имѣвшаго несомнѣнное вліяніе на развитіе культуръ Европейской Россіи и отчасти Западной Европы.

Европа.

Первое знакомство Европы съ металлами произошло въ пору мѣдныхъ орудій. Центромъ распространенія металловъ въ то время служила Месопотамія, но въ Европу они проникали разными путями, изъ коихъ наиболѣе важные шли: 1) Средиземнымъ моремъ, 2) Малой Азіей и Балканскимъ полуостровомъ, 3) Кавказомъ, 4) Средней Азіей и Каспійскими воротами. Къ самому концу эпохи открылся еще новый путь изъ Сибири черезъ Уральскія горы.

Какимъ образомъ происходила по всѣмъ этимъ путямъ передача новыхъ изобрѣтеній, сказать трудно. Обыкновенно, подобныя явленія совершаются или путемъ торговли, или путемъ враждебныхъ вторженій новыхъ племенъ. Въ виду того, что время употребленія бронзовыхъ орудій было продолжительно, а международныя сношенія довольно оживленны, можно полагать, что передача новостей совершалась обоими названными способами. Относительно значенія этихъ способовъ сношеній мнѣнія изслѣдователей сильно

[1]) Ibid., стр. 22.

расходятся: одни придаютъ больше значенія торговлѣ, другіе—завоеваніямъ.

Габріель де-Мортилье полагаетъ, что бронза принесена въ Европу цыганами, выходившими изъ Индіи, богатой оловомъ и мѣдью, и разносившими повсюду свои бронзовыя издѣлія [1]). Эта смѣлая теорія имѣла многихъ послѣдователей. Однако, при настоящемъ состояніи археологическаго знанія, теорія Мортилье уже потому не можетъ быть принята, что Индія и Европа познакомились съ бронзой одновременно изъ общихъ культурныхъ очаговъ, лежавшихъ между ними. Мортилье обратилъ вниманіе на необычно малые размѣры бронзовыхъ браслетъ и рукоятокъ бронзоваго оружія и, выяснивъ, что изъ современныхъ народовъ Европы цыгане имѣютъ самую малую руку, нашелъ и въ этомъ подтвержденіе, что бронзовыя издѣлія могли выйти только изъ цыганскихъ мастерскихъ. Однако трудно понять, почему бродячіе мастера дѣлали вещи по своей рукѣ, а не по рукамъ заказчиковъ. Очевидно, или руки послѣднихъ въ то время не были столь крупными (широкими), какъ у современныхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ, или малые размѣры рукоятокъ оружія и браслетъ вызваны были другими не менѣе общими для разныхъ народовъ причинами.

Проф. В. И. Модестовъ придаетъ больше значенія иммиграціямъ. „Перемѣна культуры въ странѣ, говоритъ онъ, производится двумя фактами: вліяніемъ внѣшнихъ сношеній съ нею, происходящихъ преимущественно путемъ торговли, и иммиграцій новыхъ народныхъ элементовъ. Торговля вноситъ въ страну новые предметы, даетъ ей понятіе объ иной, высшей, культурѣ и вызываетъ подражаніе какъ новому вкусу въ житейской обстановкѣ, такъ и техникѣ въ выдѣлкѣ новыхъ предметовъ. Вліяніе иностранной торговли бываетъ сильно, но не настолько, чтобы измѣнить весь строй жизни въ странѣ, измѣнить ея ре-

[1]) G. de Mortillet. „Origine du bronze“, Paris, 1876.

лигіозныя вѣрованія и понятія. Сильнѣе и рѣшительнѣе дѣйствуетъ вліяніе иммиграціи новыхъ этническихъ элементовъ высшей культуры. Поражая воображеніе туземцевъ видомъ новой обстановки, новаго культа, новаго склада жизни, болѣе совершеннаго, иммиграція другихъ этическихъ элементовъ мало-по-малу и незамѣтно привлекаетъ къ подражанію одну часть туземнаго населенія за другою и въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, обыкновенно измѣряемаго столѣтіями, подчиняетъ и всю страну требованіямъ внесенной пришельцами культуры, независимо отъ того, была ли эта иммиграція мирная или враждебная, завоевательная. Такъ греческія колоніи въ Сициліи въ теченіе трехъ столѣтій совершенно эллинизировали почти всё прежнее населеніе, навязавъ ему свой языкъ, вѣрованія, понятія, культурныя привычки, сдѣлавъ изъ сикуловъ сикеліотовъ, т.-е. сицилійскихъ грековъ. Такъ Римляне романизировали Испанію, Галлію, Дакію, западную половину Сѣверной Африки (Тунисъ, Алжиръ, Марокко) и т. д. Само собой разумѣется, что мирная иммиграція дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ завоевательная, которая навязываетъ новую культуру путемъ насилія и предписаній, какъ напр. дѣйствовали арабы въ Азіи, Африкѣ и отчасти въ Европѣ, навязывая покореннымъ народамъ мусульманство, какъ средство сохраненія гражданскихъ правъ, а нерѣдко и жизни. Иногда же завоевательная иммиграція въ странѣ, въ которую врывается, истребляетъ бо́льшую часть населенія, оттѣсняетъ оставшуюся часть его въ лѣса и горы, или выгоняетъ за ея предѣлы, и сама занимаетъ покинутыя мѣста: такимъ образомъ появляется въ этихъ мѣстахъ сразу новая культура вмѣсто прежней, исчезнувшей вмѣстѣ съ ея обитателями“ [1]).

Нѣсколько иного мнѣнія держится д-ръ Л. Нидерле.

---

[1]) Проф. В. И. Модестовъ. „Введеніе въ Римскую исторію“, ч. I, стр. 100 и 101.

„Бронзовая культура, говоритъ онъ, проникла въ Европу, повидимому, мирно и постепенно, путемъ торговыхъ сношеній. Таково впечатлѣніе, производимое на насъ послѣдовательнымъ ходомъ ея развитія. Она не явилась, какъ полагали нѣкоторыя прежнія теоріи, напр. Тройна, въ результатѣ завоеванія. Не было вторженія изъ Азіи никакого новаго народа, который ринулся съ бронзовыми мечами и копьями на древнее населеніе, вооруженное каменными топорами и стрѣлами, и насильственно привилъ ему свою новую культуру. Никакой рѣзкой границы между эпохами камня и бронзы мы не усматриваемъ. Возможно, конечно, что подобное насильственное внесеніе новой культуры могло быть гдѣ-нибудь на небольшой ограниченной территоріи. Передвиженія народовъ происходили въ Европѣ съ глубокой древности, и прежнее населеніе ея конечно не уступало своей земли новому безъ извѣстнаго сопротивленія, какъ это было и позже, во времена историческія. Очень вѣроятно, поэтому, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ смѣна культуръ могла произойти и болѣе рѣзкимъ или менѣе мирнымъ образомъ. Но въ общемъ—ходъ древнѣйшей культуры выказываетъ несомнѣнно характеръ постепеннаго развитія“ [1]).

Но какъ бы то ни было, пути, какими бронза проникала въ Европу, въ настоящее время довольно точно выяснены, и намъ остается только установить, что приносилъ каждый изъ этихъ путей, и какое вліяніе имѣло то, что было приносимо, на ту или другую культурную область.

Исходя изъ Месопотаміи, одинъ путь направлялся черезъ Кавказъ къ сѣверу и проникалъ до верховьевъ р. Волги. Этотъ путь сообщеній былъ наименѣе оживленнымъ и съ удаленіемъ къ сѣверу становился всё болѣе и болѣе глухимъ. На сѣверъ Кавказа имъ приносились издѣлія изъ золота, серебра, бронзы, пасты, глины, и всё это имѣло

[1]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 221 и 222.

или чисто месопотамское происхожденіе, или происхожденіе подъ живымъ месопотамскимъ воздѣйствіемъ. Вліяніе Египта и Финикіи здѣсь сказалось лишь въ самое позднее время. Далѣе, къ центру Россіи, попадали только немногія издѣлія изъ бронзы и керамики. Ниже, при обзорѣ русскихъ древностей изучаемой поры, мы подробнѣе ознакомимся съ характеромъ всѣхъ явленій, сопровождавшихъ этотъ очень древній путь, повидимому, совершенно заглохшій къ концу бронзовой эпохи.

Второй путь шелъ изъ Малой Азіи черезъ Константинопольскій и Дарданельскій проливы въ область Дуная. Этотъ путь также не пользовался оживленіемъ.

Гораздо важнѣе третій морской путь, выходившій съ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря, служившихъ въ продолженіе всей поры бронзовыхъ орудій рынкомъ и складомъ издѣлій Месопотаміи и Египта и составлявшихъ богатый фабрично-заводскій районъ мѣстныхъ, сначала хеттскихъ, а затѣмъ финикійскихъ, производствъ. Идя вдоль всего Средиземнаго моря, этотъ путь давалъ нѣсколько боковыхъ вѣтокъ, направленныхъ къ сѣверу и проникавшихъ до сѣверныхъ областей Западной Европы. Таковы балканская вѣтка пути, ведшая въ Венгрію, сѣверную Германію и Скандинавію, и менѣе важныя вѣтки апеннинская, французская и пиренейская, проникавшія внутрь сравнительно небольшихъ областей. Далѣе средиземноморскій путь шелъ черезъ Гибралтарскій проливъ, окружалъ Пиренейскій полуостровъ, шелъ мимо сѣверныхъ береговъ Франціи и достигалъ острововъ Великобританніи и, очень вѣроятно, Скандинавіи.

Средиземноморскій путь являлся для Европы наиболѣе благодѣтельнымъ, такъ какъ по своему характеру былъ наиболѣе мирнымъ (коммерческимъ) и распространялъ высшія по тому времени идеи и формы быта.

По этому пути повсюду разсѣяны однородные и всегда величественные остатки мегалитическихъ и болѣе совершенныхъ каменныхъ сооруженій, въ родѣ нурагъ, башенъ и

менгировъ [1]), служившихъ для ритуальныхъ и бытовыхъ цѣлей, схожія формы погребеній, схожіе остатки металлургическихъ заводовъ и земледѣлія и совершенно схожіе предметы быта. Достаточно сказать, что въ Англіи, Испаніи и многихъ мѣстностяхъ, расположенныхъ по Средиземному морю, найдены одинаковыя копи для добыванія металлическихъ рудъ. Въ Венгріи нѣкоторые изъ бронзовыхъ серповъ оказываются очень схожими съ египетскими, а въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ оказались схожими съ египетскими не только полевые злаки—ячмень, пшеница, просо, ленъ и другіе, но даже и сорныя травы [2]).

Клинки европейскихъ бронзовыхъ кинжаловъ и мечей являются болѣе или менѣе точными копіями египетскихъ и месопотамскихъ. Круглые щиты съ сильно выдвинутыми умбонами представляютъ подражаніе финикійскимъ и могли итти въ Европу только средиземноморскимъ путемъ и отходящими отъ него путевыми вѣтками. Тѣмъ же путемъ и его вѣтками распространялись разнаго рода предметы роскоши и домашней утвари, въ видѣ стеклянныхъ и пастовыхъ бусъ, металлическихъ украшеній, фибулъ, расписныхъ и лицевыхъ глиняныхъ сосудовъ и другихъ. На ряду съ ними, вѣроятнѣе всего, шли ткани и издѣлія изъ кости и дерева, отъ которыхъ могло не сохраниться никакихъ остатковъ. Несомнѣнно, этимъ же путемъ были переданы въ Европу и тѣ изящные геометрическіе мотивы орнамента, которымъ такъ славятся европейское бронзовое оружіе и бронзовыя личныя украшенія.

Четвертый путь шелъ изъ очага Средней Азіи. Минуя Каспійскія ворота, этотъ путь велъ въ южную Россію и далѣе въ Западную Европу, гдѣ главное направленіе его совпадало съ теченіемъ р. Дуная. Этимъ путемъ распространились въ Европѣ оригинально разработанная

---

[1]) J. B. Waring. „Stone monuments, tumuli and ornament of remote ages“, London, 1870.

[2]) Проф. І. Ранке. „Человѣкъ“, т. II, стр. 671.

форма месопотамскаго топора съ вислымъ обухомъ, широкая, слабо изогнутая форма серпа, конскія удила съ псаліями, такъ называемаго скиѳскаго типа, и разнаго рода личныя и конскія украшенія. Этотъ путь культурныхъ сношеній впервые былъ установленъ Софусомъ Мюллеромъ[1]), хотя историки и лингвисты, исходя изъ гипотезы о движеніи арійцевъ изъ Средней Азіи въ Европу, предсказывали существованіе такого пути и ранѣе. Повидимому, имъ мало пользовались, или онъ еще недостаточно изученъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно большой недостатокъ ощущается въ предѣлахъ южной Россіи.

При настоящемъ состояніи знанія, гораздо болѣе значенія придаютъ пятому сѣверному пути, который выходилъ изъ сибирскаго культурнаго очага и направлялся къ среднему Уралу, откуда далѣе шелъ двумя вѣтками: сѣверною въ Скандинавію и южною въ Малороссію и далѣе въ Среднюю Европу. Длиннѣйшія линіи этого пути обусловливались ни физико-географическими условіями, которыя въ данныхъ районахъ какъ разъ являются неблагопріятными, ни какими-либо особыми культурными запросами, а, вѣроятнѣе всего, одноплеменностью населенія, принадлежавшаго къ урало-алтайскому корню. Широкое море этого населенія заливало всю среднюю и сѣверную Россію, весь сѣверъ Скандинавіи и часть сѣверной Германіи. Это-то племенное единство и послужило причиной образованія сѣвернаго пути культурныхъ сношеній. Обширныя тундровыя и таежныя пространства, неистощенныя богатства дѣвственной природы и рѣдкость широко разсѣяннаго населенія удерживали послѣднее въ первобытномъ состояніи; суровый климатъ, малопроходимыя лѣсныя дебри и болота защищали его отъ вторженій извнѣ. Въ общемъ же всё это, обезпечивая существованіе длинныхъ путей сообщенія, мѣшало ихъ оживленію, и поэтому передвиженія совершались по нимъ крайне вяло. Что касается распространенія бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣ-

[1]) Sophus Müller. „Zur Bronzealterfrage“. Archiv für Anthropologie.

лій, то, вѣроятнѣе всего, оно совершалось при помощи бродячихъ мастеровъ литейщиковъ и кузнецовъ, столь прославляемыхъ въ финскихъ старинныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ. По крайней мѣрѣ этимъ легче всего объяснить, что, при отсутствіи на огромныхъ пространствахъ сѣверной и средней Россіи какихъ-либо болѣе значительныхъ культурныхъ центровъ, металлическія вещи изучаемаго времени отличаются довольно значительнымъ развитіемъ. При этомъ, конечно, нельзя совершенно отрицать вліянія торговыхъ сношеній и враждебныхъ вторженій чужихъ племенъ, но оно, повидимому, было лишь крайне незначительнымъ.

Сѣвернымъ путемъ и отходящими отъ него вѣтвями разносились металлическія вещи только сибирскаго (алтайскаго) типа. Среди нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ долотовидные топоры, называемые кельтами. Эти топоры, вѣроятнѣе всего, впервые были выработаны въ алтайскомъ культурномъ очагѣ и оттуда распространились къ востоку, до Японіи и Китая, и къ западу, до Норвегіи и Франціи. Они повсюду имѣютъ болѣе или менѣе одинаковыя формы, снабженныя то отверстіемъ для гвоздя, то однимъ или двумя ушками для привязи топора къ деревянной рукояткѣ, остатки которой нерѣдко удавалось находить. Менѣе распространенными были бронзовые ножи. Намъ уже извѣстно, что характерною чертою этихъ ножей являлась плоская рукоятка, отлитая изъ одного куска металла съ клинкомъ. Эта рукоятка въ огромномъ большинствѣ случаевъ снабжалась отверстіями для привязи ножа къ поясу. Подобные ножи найдены даже въ Норвегіи [1]), куда они могли проникнуть вмѣстѣ съ топорами-кельтами, являющимися въ этой странѣ довольно обычными.

Изъ культурныхъ очаговъ Западной Европы особенный интересъ представляютъ венгерскій и скандинавскій, изученіемъ древностей которыхъ мы и займемся нѣсколько подробнѣе.

[1]) O. Rygh. „Norske oldsager“ („Antiquités Norwégiennes“), Bronzealder (L'âge du bronze), fig. 117.

Венгрія*).

Венгрія представляетъ изолированную котловину, ограниченную почти со всѣхъ сторонъ отрогами Альпійскихъ и Карпатскихъ горъ. Богато орошенная Дунаемъ и его многоводными притоками, венгерская котловина представляла плодородную область, способную къ развитію высокихъ культуръ. Обиліе мѣдныхъ рудъ еще болѣе увеличивало ея выгоды. Въ результатѣ всё это обусловило появленіе довольно яркаго культурнаго очага. Горныя цѣпи закрывали этотъ очагъ отъ частыхъ враждебныхъ вторженій и, такимъ образомъ, давали возможность болѣе покойнаго и послѣдовательнаго его развитія, а р. Дунай связывала съ культурными странами. Къ его широкой долинѣ направлялись пути: 1) изъ Сибири черезъ Уральскій перевалъ, Каму, Волгу, Донъ и Днѣпръ, 2) изъ Средней Азіи черезъ Каспійскія ворота, низовья Волги и южно-русскія степи, 3) изъ Малой Азіи черезъ Дарданеллы и Черное море, 4) изъ Египта черезъ Средиземное море и Балканскій полуостровъ. Каждый путь приносилъ какія-нибудь культурныя новости, способствуя развитію далекаго очага, какимъ могла представляться въ то время венгерская область, явившаяся фокусомъ, собиравшимъ въ себѣ лучи почти всѣхъ культурныхъ очаговъ, и отражавшая отъ себя собственные лучи въ еще болѣе отдаленныя области.

При изученіи культуръ предшествующей эпохи мы уже видѣли, что въ венгерской области первое знакомство съ металлами возникло подъ вліяніемъ Ирана и средиземноморскихъ областей. Въ пору бронзовыхъ орудій это знакомство усилилось, и культурная дѣятельность значительно увеличилась.

---

*) *Литература*:

1) I. Undset. „Études sur l'âge du bronze de la Hongrie“, Christiania, 1880.

2) Его же. „Die Terramaren in Ungarn“, Wien, 1889.

3) Его же. „Orientalische Einflüsse innerhalb der ältesten europeischen Civilisation“. Zeitschrift für Ethnologie, 1891.

Относительно состава населенія области еще мало извѣстно, но наиболѣе вѣроятнымъ представляется, что оно принадлежало къ арійскому корню. Въ составъ его, несомнѣнно, вошла и та народность, которая принесла въ Европу трипольскую культуру. Возможно также, что въ составъ населенія входили и другіе этническіе элементы, такъ какъ Венгрія съ древнѣйшихъ временъ находилась на пути передвиженій различныхъ народовъ.

Что касается жилищъ, оставленныхъ венгерскимъ населеніемъ изслѣдуемаго времени, то они мало отличались отъ неолитическихъ и предшествующей поры мѣдныхъ орудій. Бѣднѣйшая часть населенія обитала въ пещерахъ, болѣе богатая—въ открытыхъ стоянкахъ и террамарахъ. Послѣдняя форма жилищъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ она представляетъ нововведеніе, характерное лишь для начала металлическаго періода.

Венгерскія террамары болѣе извѣстны подъ названіемъ „сорныхъ кучъ“. Въ настоящее время онѣ представляютъ видъ холмовъ, разбросанныхъ по берегамъ рѣкъ. Такихъ холмовъ особенно много въ Альфёльдской низменности. Полагаютъ, что они образовались такъ же, какъ и итальянскія террамары, т.-е. отъ переноса озерныхъ свайныхъ построекъ на сушу, при чемъ жилища, по установившейся традиціи, продолжали строиться на сваяхъ. Такія жилища еще и въ настоящее время наблюдаются у нѣкоторыхъ народностей, предки которыхъ обитали на озерахъ и рѣкахъ. Такъ ихъ можно видѣть на островахъ Новой Гвинеѣ, Борнео, Суматрѣ и на полуостровѣ Малаккѣ [1]).

Живя въ свайныхъ постройкахъ, жители обыкновенно сбрасываютъ разный домашній соръ внизъ подъ платформы

4) I. Hampel. „Bronzezeit in Ungarn“.
5) Его же. „Trouvailles de l'âge du bronze en Hongrie“, Budapest, 1886.
6) Его же. „Antiquités préhistoriques de la Hongrie“, Esztergom, 1876.
7) F. Pulsky. „Die Kupferzeit in Ungarn“, Budapest, 1884.
8) M. Much. „Kupferzeit in Europa“, Wien, 1886.

[1]) Г. Шурцъ. „Исторія первобытной культуры“, стр. 436—439.

домовъ, благодаря чему мало-по-малу и образуются цѣлые холмы, состоящіе изъ мусора, золы, костей съѣденныхъ животныхъ, обломковъ разбитой посуды и т. п. Наибольшіе изъ такихъ холмовъ достигаютъ аршинъ 14 въ діаметрѣ и аршинъ 10 въ высоту.

Нѣкоторые изслѣдователи сближаютъ венгерскія „сорныя кучи“ съ итальянскими террамарами и даже полагаютъ, что какъ тѣ, такъ и другія оставлены однимъ и тѣмъ же народомъ, сначала обитавшимъ въ Венгріи и только позже перешедшимъ въ Италію. Однако между венгерскими и итальянскими жилищами существовала несомнѣнная разница. Итальянскія террамары представляютъ остатки цѣлыхъ селеній, связанныхъ крѣпостными валами и водяными рвами въ одно компактное цѣлое, тогда какъ венгерскія сорныя кучи представляютъ остатки отдѣльныхъ свайныхъ построекъ, болѣе или менѣе свободно раскинутыхъ по берегамъ рѣкъ и ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ. Очевидно, обычаи обитателей тѣхъ и другихъ были различными. Къ сожалѣнію, венгерскіе памятники еще не получили такого широкаго освѣщенія, какое имѣютъ итальянскіе, и поэтому нельзя судить о всѣхъ ихъ деталяхъ.

Пищей венгерскаго населенія служили какъ продукты земледѣлія и скотоводства, такъ и продукты охоты и рыболовства. Существованіе земледѣлія доказывается частыми находками бронзовыхъ серповъ, а существованіе прирученныхъ животныхъ—остатками ихъ костей среди кухонныхъ отбросовъ и отчасти принадлежностями сбруи. Въ число домашнихъ животныхъ входили коровы, овцы, козы, свиньи и лошади. Послѣднія употреблялись для ѣзды и пользо-

9) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, Спб., 1898.
10) В. И. Модестовъ. „Введеніе въ Римскую исторію“, ч. I, Спб , 1902 г.
11) Dr. J. L. Píč. „Přehled ceske archaeologie“, Prag, 1908.
12) Его же. „Starožitnosti země české. Čechy předhistorické, Prag, 1899. Сочиненіе важно для сравнительнаго изученія формъ бытовыхъ предметовъ.

РЯЗАНСКАЯ ОБЛ

вались особеннымъ вниманіемъ, на что указываютъ очень дорогія и пышныя по тому времени украшенія, въ родѣ бронзовыхъ удилъ, псалій, бляхъ и разнаго рода шумящихъ привѣсокъ.

Изъ ремеслъ особеннаго вниманія заслуживаютъ металлургія и керамика. Венгерская металлургія въ изучаемую пору достигла значительнаго развитія. Предметами обработки преимущественно служили мѣдь и бронза. Мѣдь добывалась внутри области, особенно въ восточной ея части, въ богатыхъ рудою западныхъ отрогахъ Карпатскихъ горъ, гдѣ и сосредоточиваются наиболѣе богатыя находки. Другіе металлы, какъ золото, серебро и столь необходимые для бронзы олово и свинецъ, очевидно, привозились изъ другихъ странъ.

Изъ мѣди и бронзы вырабатывались какъ предметы первой необходимости, такъ и предметы роскоши. Въ составъ первыхъ входили разнаго рода орудія и оружіе, въ составъ вторыхъ—личныя украшенія и украшенія конской сбруи. Наибольшій интересъ представляютъ орудія и оружіе, такъ какъ въ нихъ болѣе ярко отразились и внутреннее развитіе культуры и вліянія на ея развитіе внѣшнихъ культуръ. Въ виду всего этого мы и остановимся на болѣе подробномъ изученіи данной группы предметовъ. Связующимъ и наиболѣе важнымъ звеномъ между орудіями и оружіемъ служатъ топоры, съ которыхъ удобнѣе всего и начать изученіе.

Намъ уже извѣстно, что прототипами венгерскихъ металлическихъ топоровъ явились мѣдные клиновидные и проушные топоры, совершенно схожіе съ мѣдными месопотамскими, а также и съ каменными полированными топорами. Въ изучаемую пору обѣ формы получили дальнѣйшее развитіе и

13) O. Montelius. „Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Scandinavien“, Braunschweig, 1900.

14) Dr. R. Forrer. „Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Altertümer“, Strassburg, 1907.

15) Julie Schlemm. „Wörterbuch zur Vorgeschichte“, Berlin, 1908.

подраздѣлились на нѣсколько самостоятельныхъ типовъ. Изъ простой клиновидной формы возникли формы топоровъ съ закраинами и топоровъ съ крыльями, отличающіяся болѣе крупными размѣрами и бо́льшимъ изяществомъ. Закраины и крылья служили для скрѣпленія съ рукояткой, представлявшей изъ себя, судя по дошедшимъ изображеніямъ и немногимъ остаткамъ, изогнутую форму, напоминающую букву Г. Короткій конецъ такой рукоятки пропиливался и въ него вставлялся тупой конецъ топора, при чемъ закраины и крылья охватывали конецъ рукоятки снаружи. Для болѣе прочнаго скрѣпленія съ рукояткой такимъ топорамъ придавались ушки, черезъ которыя пропускался ремень, навивавшійся затѣмъ на рукоятку. Существовавшія въ древнѣйшихъ клиновидныхъ топорахъ скважины, служившія для пропуска гвоздика, также повторялись и въ новыхъ формахъ топоровъ, но приняли, вмѣсто практическаго, чисто декоративное назначеніе, получивъ видъ полулунныхъ выемокъ, которыми заканчивались многіе топоры съ закраинами и съ крыльями.

Обѣ изучаемыя формы топоровъ были выработаны въ Западной Европѣ, гдѣ онѣ встрѣчаются повсюду. Обыкновенно ихъ называютъ пальштабами и кельтами, хотя послѣднее названіе чаще связывается съ долотовидными формами топора.

Венгерскіе, какъ и всѣ европейскіе, долотовидные топоры являются вполнѣ схожими съ сибирскими, откуда они, очевидно, и были заимствованы. Появленіе ихъ въ областяхъ Западной Европы должно быть отнесено къ позднему времени, и едва ли они не принадлежатъ болѣе къ желѣзной, чѣмъ къ бронзовой эпохѣ. Въ Россіи, черезъ которую эта форма проникла въ Западную Европу, она оставалась въ живомъ употребленіи даже около начала христіанской эры [1]). Во Франціи на долотовидныхъ кель-

[1]) А. А. Штукенбергъ. „Матеріалы для изученія мѣднаго (бронзоваго) вѣка восточной полосы Европейской Россіи“. Изв. Общ. Археолог., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. унив., т. XVII, вып. 4.

тахъ, въ видѣ орнамента, изображались крылья пальштабовъ, что также показываетъ на позднее появленіе ихъ и въ этой странѣ [1]).

Топоры съ проухомъ, или отверстіемъ для рукоятки, были не менѣе обычными. Среди этихъ топоровъ встрѣчаются съ прямыми и вислыми обухами. Тѣ и другіе получили свое начало въ Месопотаміи, но проникали въ Венгрію разными путями, то черезъ Малую Азію, то черезъ Центральную Азію и южную Россію. Только нѣкоторыя изъ разновидностей этихъ топоровъ имѣли чисто мѣстное происхожденіе; таковы легкія изящныя формы топоровъ съ вислыми фигурными обухами, не встрѣчающимися въ другихъ внѣевропейскихъ областяхъ. Многіе топоры разсматриваемаго отдѣла украшались разнообразными, иногда изящными, геометрическими узорами.

На ряду съ проушными встрѣчаются такіе же топоры съ двумя лезвіями, съ клевцами и молотками. Всѣ они служили исключительно для боевыхъ цѣлей и поэтому особенно тщательно украшались узорами и получали наиболѣе изящныя формы. Для той же цѣли была выработана особенная форма топора съ клинкомъ въ видѣ трехугольнаго кинжала, которая изъ Венгріи проникла въ сѣверную Германію и даже Скандинавію, гдѣ и получила широкое развитіе.

Ближайшими къ топорамъ по своимъ формамъ являются долота. Они дѣлались съ прямыми и желобчатыми лезвіями. Простѣйшія изъ долотъ имѣютъ форму клиньевъ, болѣе сложныя — форму пальштабовъ съ закраинами и полулунной выемкой въ вершинѣ. Клиновидныя формы переходятъ въ кельтовидныя съ вертикальной втулкой для насада на древко, или рукоятку. Всѣ долота отличаются отъ топоровъ лишь узкими и длинными клинками и вполнѣ напоминаютъ современныя долота.

---

[1]) L'abbé Breuil. „L'âge du bronze dans le bassin de Paris". L'Anthropologie, t. XVI.

Ножи приняли формы близкія къ египетскимъ съ кривымъ клинкомъ. Они отливаются то вмѣстѣ съ рукоятками, то съ черешкомъ для насада въ деревянныя или костяныя рукоятки. Въ первомъ случаѣ рукоятки бываютъ украшены разными узорами и фигурными придатками. Многія изъ нихъ приспособлены для ношенія на привязи.

Серпы въ Венгріи встрѣчаются очень часто и принадлежатъ къ нѣсколькимъ различнымъ типамъ, изъ которыхъ наиболѣе интересными представляются узкіе и сильно изогнутые серпы, похожіе на египетскіе, затѣмъ широкіе и болѣе прямые, иногда со втулкой или съ закраинами для насада на рукоятку, а иногда безъ всякихъ приспособленій для таковой цѣли. Всѣ послѣднія формы имѣютъ аналогіи въ серпахъ Средней Азіи, исключеніе же составляютъ серпы съ закраинами для насада; эта форма, очевидно, выработалась въ Венгріи по образцу топоровъ и долотъ, имѣвшихъ такія же закраины.

Весьма любопытны впервые появляющіяся бронзовыя бритвы. Всѣ онѣ—съ двойными лезвіями, отдѣленными другъ отъ друга прорѣзями, и съ короткими, отлитыми вмѣстѣ съ лезвіями, фигурными рукотками, приспособленными для ношенія на привязи.

Кинжалы становятся очень обыкновенными. Они чаще всего имѣютъ цилиндрическія рукоятки и трехугольные клинки. По формѣ это оружіе вполнѣ походитъ на египетское, гдѣ трехугольная форма кинжаловъ, хотя и не была единственною, тѣмъ не менѣе являлась очень распространенною. Въ Европу и въ частности въ Венгрію она попала изъ Египта черезъ посредство Финикіи или Крита. То же слѣдуетъ сказать и про мечи, появившіеся въ Венгріи, какъ и во всей Европѣ, позже кинжаловъ. Ихъ клинки совершенно схожи съ египетскими и финикійскими, заимствованными изъ Египта же. Мѣстную разработку, повидимому, получили только нѣкоторые виды рукоятокъ, но рукоятки со спирально-завитыми верхними гайками

могли проникнуть изъ Сибири, гдѣ онѣ также появляются довольно рано, хотя и не достигаютъ такихъ пышныхъ формъ, какія наблюдаются у европейскихъ рукоятокъ. Впрочемъ, подобные завитки имѣли возможность возникнуть въ обоихъ пунктахъ и самостоятельно, развиваясь изъ общеизвѣстной въ то время металлической спирали.

Бронзовые наконечники стрѣлъ встрѣчаются не часто, такъ какъ главная масса наконечниковъ изготовлялась изъ кремня, обсидіана [1]) и кости. Находимые бронзовые наконечники стрѣлъ оказывались съ черешками и втулками. Лучшіе изъ нихъ, однако, относятся уже къ желѣзной эпохѣ.

Чаще встрѣчаются бронзовые наконечники копій. Всѣ они со втулками и ушками или особыми выемками, одинаково предназначаемыми для привязи копій къ древкамъ.

На ряду съ оружіемъ и орудіями встрѣчаются разнаго рода мелкіе предметы домашняго обихода и украшенія. Къ числу первыхъ слѣдуетъ отнести иглы и шила, къ числу вторыхъ—булавки, фибулы, кольца, браслеты, привѣски и др.

Иглы имѣли разныя формы и дѣлались съ ушками и безъ ушковъ съ поперечными желобками, служившими для привязи нити.

Еще бо́льшимъ разнообразіемъ отличались булавки. По объясненію Л. Нидерле, онѣ употреблялись для закалыванія одежды и укрѣпленія волосъ. Булавки, служившія для первой цѣли, отличаются большими размѣрами. Головки ихъ представляютъ то видъ спиралей, то плоскаго кружка, то шарика, то удлиненной головки, украшенной поперечными нарѣзами, или желобками.

Въ концѣ эпохи появляются первыя фибулы. Древнѣйшая форма ихъ представляетъ варіантъ дугообраз-

---

[1]) Обсидіанъ могъ добываться внутри страны, именно, въ Токайскомъ округѣ. *Авт.*

ной фибулы, болѣе ранніе образцы которой мы уже видѣли въ Финикіи. Въ Венгріи эта фибула получила весьма интересное развитіе, именно одинъ конецъ ея началъ завиваться въ спиральный дискъ. Для бо́льшей пышности такіе диски прикрѣплялись съ боковъ пружины, или эта послѣдняя гнулась въ цѣлые ряды спиралей, своею формою напоминающихъ цыфру 8; но самыя пышныя фибулы украшались шумящими привѣсками. Однако необходимо замѣтить, что такія сложныя формы относятся уже къ желѣзной эпохѣ.

Наибольшее количество бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій найдено въ кладахъ и складахъ. Клады содержатъ преимущественно готовыя издѣлія; склады же состоятъ изъ разнаго рода лома, очевидно предназначавшагося для переливки. Одни ученые полагаютъ, что какъ клады, такъ и склады были оставлены торговцами, при чемъ первые представляли предметы продажи, а вторые плату за проданное или обмѣненное; другіе допускаютъ, что вещи кладовъ и складовъ одинаково служили вмѣсто монеты для обмѣна на разные мѣстные продукты; наконецъ, третьи (Ворсо, Лиссауэръ и др.) принимали ихъ за жертвы подземнымъ богамъ. Интересное объясненіе этимъ явленіямъ даетъ Л. Нидерле. „По нашему мнѣнію, говоритъ онъ, сами названія — кладъ или складъ — заключаютъ въ себѣ наилучшее объясненіе подобныхъ находокъ. Бронза въ теченіе очень долгаго времени была металломъ рѣдкимъ, бронзовое оружіе и украшенія были наиболѣе цѣнными предметами изъ всего имущества отдѣльнаго лица или семьи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ древности ихъ прятали въ эпохи смутъ, при приближеніи напримѣръ. непріятеля, подобно тому, какъ поступали въ гораздо болѣе позднія времена съ монетами и драгоцѣнностями. Не будетъ слѣдовательно большой натяжкой полагать, что кромѣ золотыхъ кладовъ и часть этихъ бронзовыхъ находокъ представляетъ собою тоже клады, спрятанные въ смутныя времена и потомъ не вынутые изъ земли. Бо́льшая часть ихъ однако

была, вѣроятно, зарыта въ землю странствовавшими торговцами, которые занимались литейнымъ дѣломъ или сбытомъ готовыхъ бронзовыхъ издѣлій. Особенно въ началѣ бронзоваго вѣка, когда бронза еще не выдѣлывалась въ Средней Европѣ, но доставлялась туда путемъ торговли изъ восточныхъ и южныхъ странъ, или въ видѣ уже совершенно готовыхъ, отдѣльныхъ издѣлій, или же только въ слиткахъ, ожидавшихъ обработки,—купцы, пускавшіеся внутрь Европы по непроходимымъ дорогамъ, сквозь густые дѣвственные лѣса, вдоль рѣкъ и т. п., естественно облегчали себѣ торговлю тѣмъ, что въ извѣстныхъ мѣстахъ припрятывали часть своего товара. Затѣмъ они направлялись съ небольшимъ запасомъ въ окрестныя страны и, продавши всё, что было съ ними, возвращались, брали изъ своего склада новый запасъ и отправлялись въ другія мѣстности“ [1]).

Немало металлическихъ вещей даютъ мѣста жилищъ и древнихъ погребеній.

Вмѣстѣ съ металлическими вещами повсюду встрѣчаются обломки и цѣлыя подѣлки изъ глины, кости и камня. Въ числѣ послѣднихъ, кромѣ орудій въ видѣ наконечниковъ копій и стрѣлъ, полированныхъ и просверленныхъ топоровъ, скребковъ и др., имѣются жерновки и куранты, а въ числѣ костяныхъ подѣлокъ являются обычными разнаго рода проколки, или шила, иглы и булавки; всѣ они отличаются примитивностью формъ. Не богаты формами и подѣлки изъ глины. Среди нихъ мы находимъ простые сосуды, мало отличающіеся отъ неолитическихъ. Чаще начинаютъ встрѣчаться ушки и ручки. Интересны ручки съ придатками въ видѣ роговъ. Въ Венгріи сосуды съ такими ручками встрѣчаются въ террамарахъ; въ террамарахъ же они встрѣчены и въ Италіи; но что особенно любопытно, такъ это нахожденіе ихъ въ зольникахъ Полтавской губерніи, гдѣ ими сопро-

[1]) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 236.

вождаются древнѣйшіе памятники желѣзной эпохи [1]). Какимъ образомъ могли возникнуть эти явленія въ столь отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, остается не совсѣмъ понятнымъ [2]). Не менѣе интересны встрѣчающіяся подстановки для круглодонныхъ сосудовъ. Онѣ представляютъ видъ полыхъ колонокъ съ блоковиднымъ перехватомъ посрединѣ и являются вполнѣ схожими съ такими же подстановками и биноклевидными полыми сосудами, впервые проникшими въ Европу съ трипольской культурой. Орнаментика глиняныхъ сосудовъ окончательно падаетъ. Большинство сосудовъ является безъ всякихъ украшеній. Встрѣчаемыя же украшенія имѣютъ видъ рѣдкихъ бугорковъ, одной или двухъ выпуклыхъ линій, охватывающихъ сосуды въ видѣ обручей, тогда какъ геометрическіе узоры изъ прочерченныхъ линій и вдавленныхъ точекъ становятся всё болѣе и болѣе рѣдкими. Сосуды въ видѣ жилищъ, столь обычные въ древностяхъ Финикіи, Кипра, средней Италіи и сѣверной Германіи, въ Венгріи, повидимому, совершенно отсутствовали. Не встрѣчены здѣсь и лицевые сосуды.

О венгерскихъ промыслахъ имѣются довольно полныя свѣдѣнія. Такъ извѣстно, что въ то время существовали всѣ главные виды промысловъ, каковы: земледѣліе, скотоводство, охота, рыболовство и торговля. О развитомъ земледѣліи свидѣтельствуютъ частыя находки серповъ. Памятниками скотоводства служатъ кости всѣхъ главныхъ видовъ домашнихъ животныхъ, обычно сопровождающія стоянки

---

[1]) Имп. Россійскій Историческій Музей. Коллекціи изъ Бѣльскаго городища, Полтавской губ.; раскопки Имп. Московскаго Археологическаго Общества 1906 года.

[2]) Сосуды съ рогатыми ручками, по замѣчанію Л. Нидерле, явились подъ южнымъ вліяніемъ и распространялись, кромѣ Италіи и Венгріи, еще въ Чехіи, Швейцаріи, на Балканахъ и въ Истріи; по мнѣнію же Гёрнеса типъ рогатыхъ ручекъ въ это время возникъ въ Центральной Европѣ самостоятельно.—Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 275.

того времени, а также нерѣдко находимыя въ тѣхъ же стоянкахъ глиняныя фигурки, представляющія этихъ животныхъ, среди которыхъ легко узнаются коровы, овцы и лошади. О широкомъ пользованіи послѣднею для ѣзды свидѣтельствуютъ бронзовыя удила и разнаго рода привѣски, украшавшія конскую сбрую. Охота и рыболовство также представляли видныя статьи промысла. Въ сорныхъ кучахъ венгерскихъ террамаръ кости дикихъ животныхъ и рыбъ даже преобладаютъ надъ костями домашнихъ животныхъ, что ясно указываетъ на процвѣтаніе какъ охоты, такъ и рыболовства. Это процвѣтаніе вполнѣ понятно, такъ какъ огромные лѣса изобиловали дичью, а рѣки рыбой.

О существованіи торговыхъ сношеній Венгріи съ другими странами свидѣтельствуютъ янтарь и бронза. Янтарныя украшенія древними людьми цѣнились весьма высоко, и потому горячіе поиски янтаря начались рано. Въ концѣ бронзовой эпохи янтарныя издѣлія распространялись по всѣмъ наиболѣе цивилизованнымъ странамъ. Полагаютъ, что распространеніе совершалось исключительно путемъ торговыхъ сношеній. Интересно познакомиться съ этимъ продуктомъ нѣсколько ближе.

Янтарь представляетъ окаменѣвшую смолу ископаемыхъ хвойныхъ деревьевъ, покрывавшихъ сушу въ третичный періодъ. Выступая изъ-подъ коры деревьевъ, янтарная смола, подобно смолѣ современныхъ пихтъ, елей, сосенъ и другихъ хвойныхъ, застывала и впослѣдствіи кусками попадала въ землю, гдѣ окаменѣвала и получала окончательный видъ янтаря. Въ Европѣ такой янтарь находятъ въ третичныхъ отложеніяхъ разныхъ областей, а именно: въ Испаніи, Сициліи, Италіи, Австріи, Румыніи, Приднѣпровьѣ, Польшѣ и Курляндіи, но обильнѣйшіе и лучшіе въ мірѣ сорта его оказываются въ Пруссіи, близъ Кёнигсберга, въ олигоценовыхъ отложеніяхъ Балтійскаго моря. Полагаютъ, что въ эпоху этихъ отложеній огромныя площади Сѣверной Европы были покрыты хвойными лѣсами, при чемъ наибольшее количество смолы доставляли

лѣса Скандинавіи и Финляндіи, откуда рѣки сносили куски этой смолы въ море, которое и отлагало ихъ въ своихъ осадкахъ [1]).

Балтійскій янтарь имѣетъ красивый желтоватый цвѣтъ, дающій въ шлифовкѣ особый жирный отблескъ, и отличается отъ янтаря другихъ странъ своимъ химическимъ составомъ, а именно 4—7%-мъ содержаніемъ янтарной кислоты, по чему легко и узнается.

Чтобы судить о древности и обширности распространенія балтійскаго янтаря, слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ былъ найденъ въ гробницахъ египетскихъ фараоновъ V-й династіи и среди памятниковъ конца бронзовой эпохи Месопотаміи, Финикіи, Микенъ и др. Древнѣйшее письменное упоминаніе о немъ найдено въ одной клинообразной надписи на ассирійскомъ обелискѣ.

Добываніе балтійскаго янтаря не представляетъ затрудненій. Янтароносный слой часто залегаетъ у самаго моря. Волны, ударяясь о берегъ, вымываютъ куски янтаря, которые при тихомъ состояніи моря падаютъ на дно, но при волненіи вновь подымаются на поверхность и прибиваются къ берегу, гдѣ ихъ и собираютъ жители какъ выгодный товаръ для торговли, достигшей въ изучаемую пору особеннаго процвѣтанія. Судя по многочисленнымъ археологическимъ находкамъ, торговля балтійскимъ янтаремъ совершалась морскими и континентальными путями сообщеній. Полагаютъ, что главными агентами морской торговли были финикіяне, проникавшіе къ янтароноснымъ берегамъ черезъ проливы Гибралтаръ и Ламаншъ. Захвативъ большія количества драгоцѣннаго товара, они развозили его по всѣмъ культурнымъ народамъ древняго міра.

---

[1]) Янтарь находятъ и на берегахъ Бѣлаго моря, о чемъ упоминаетъ акад. Лепехинъ. („Дневныя записки путешествія 1768—69 г.,“ ч. IV, стр. 120), но бѣломорскій янтарь никогда не игралъ сколько-нибудь замѣтной культурной роли. *Авт.*

Но не менѣе дѣятельная торговля шла и по континентальнымъ путямъ, въ особенности по берегамъ рѣкъ Эльбы, Одера, Вислы и Днѣпра. На одномъ изъ этихъ путей какъ разъ и находилась Венгрія, объ участіи которой въ торговлѣ янтаремъ свидѣтельствуютъ частыя находки янтарныхъ украшеній, скоплявшихся иногда въ значительныхъ количествахъ. Такъ въ одномъ венгерскомъ кладѣ, найденномъ въ Сарадѣ, оказалось около тысячи бусъ, сдѣланныхъ изъ балтійскаго янтаря.

Памятникомъ такихъ же торговыхъ сношеній, но не съ сѣверомъ, а съ югомъ, является бронза. Богатая мѣдью Венгрія совсѣмъ не имѣетъ олова, необходимаго для полученія сплава бронзы. Отсюда слѣдуетъ заключить, что всё количество этого металла ввозилось со стороны и скорѣе всего изъ Малой Азіи или Ирана, гдѣ имѣлись оловянныя руды. Вмѣстѣ съ оловомъ ввозились и другіе металлы, въ родѣ золота и серебра, изрѣдка встрѣчающихся въ венгерскихъ культурахъ бронзовой эпохи, а также и самая бронза то въ видѣ слитковъ, то въ видѣ разнаго рода издѣлій.

О религіозныхъ обрядахъ древняго венгерскаго населенія можно судить лишь по оставленнымъ имъ погребеніямъ, которыя могутъ быть подраздѣлены на два основныхъ типа: трупосожженія и простыя погребенія.

Трупосожженія преобладали. Останки сожжённыхъ покойниковъ помѣщались въ глиняныхъ урнахъ. Вмѣстѣ съ ними складывались и тѣ вещи, которыя сопровождали покойниковъ при сожженіи ихъ на кострахъ. Кромѣ того каждая урна окружалась другими глиняными сосудами. Всё это помѣщалось въ неглубокія ямы и засыпалось землей. Полагаютъ, что первоначально такія погребенія обозначались небольшими холмиками земли, но въ настоящее время они не обозначаются никакими внѣшними признаками, и открытіе ихъ всегда является случайнымъ. Такой типъ погребеній принято называть „полями погребальныхъ урнъ“ (champs d'urnes, Urnenfelder). Весьма вѣроятно, что этотъ типъ раз-

вился изъ погребальнаго обряда трипольской культуры. Позже, именно въ желѣзную эпоху, поля погребальныхъ урнъ получили чрезвычайно широкое распространеніе: ихъ нашли въ Италіи, Галліи, Англіи, Германіи, Австріи и Россіи. Венгерскія поля погребальныхъ урнъ бронзовой эпохи обыкновенно сопровождаются разнаго рода мелкими бронзовыми вещицами, въ видѣ привѣсокъ и мелкихъ украшеній; орудія же и оружіе встрѣчаются въ нихъ очень рѣдко.

Одновременно съ описанными практиковались и простыя погребенія, при чемъ покойники полагались въ ямы, иногда обставленныя съ боковъ каменными плитами. Такія погребенія встрѣчаются рѣже. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія погребенія Пилинскаго могильника, въ которыхъ найдено большое количество бронзовыхъ мечей, кинжаловъ, кельтовъ, серповъ и ножей, отличавшихся миніатюрными размѣрами и, очевидно, имѣвшими чисто-вотивный характеръ. Интересно отмѣтить, что подобными вотивными вещами особенно любили сопровождать своихъ покойниковъ сибирскіе народы приалтайскаго края. Такое сходство въ настоящемъ случаѣ представляется не совсѣмъ случайнымъ, такъ какъ въ погребеніяхъ обоихъ столь отдалённыхъ областей оказываются схожими и топоры-кельты. Очевидно, между обѣими областями существовала какая-то связь.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о культурномъ вліяніи венгерскаго очага на другія области. Мы уже видѣли, что этотъ очагъ возникъ подъ воздѣйствіемъ другихъ болѣе сильныхъ и болѣе древнихъ культурныхъ очаговъ Азіи и Средиземнаго моря. Это воздѣйствіе не прекращалось до конца изучаемой поры. Но въ свою очередь и венгерскій очагъ не оставался безъ вліянія на другія смежныя и болѣе удалённыя страны. Особенно сильно вліяніе его сказалось въ сѣверной Италіи. Пигорини полагаетъ, что оружіе и утварь стоянки Пескіеры и террамаръ тѣсно связаны съ оружіемъ и утварью долины Дуная, а слѣдовательно, замѣчаетъ онъ, между

населеніемъ, распространившимся въ теченіе бронзовой эпохи въ сѣверо-восточной Италіи, и современнымъ ему населеніемъ Венгріи существовала общность культуры и, можетъ быть, происхожденія.

Ундзетъ пришелъ къ заключенію, что сѣверно-итальянскій обычай хоронить останки трупосожженій въ поляхъ погребальныхъ урнъ принесенъ изъ Венгріи. Нидерле также замѣчаетъ, что какъ способъ построекъ террамаръ, такъ и типы бронзовыхъ предметовъ и керамики Италіи обнаруживаютъ много сходства съ венгерскими. Модестовъ пошелъ еще далѣе, полагая, что сѣверная Италія была колонизована выходцами изъ Венгріи, населеніе которой въ то время, т.-е. въ бронзовую эпоху, принадлежало къ арійскому корню и въ Италіи явилось родоначальнымъ для римлянъ.

Далѣе вліяніе Венгріи прослѣжено въ Швейцаріи, Чехіи, южной и сѣверной Германіи, а также въ Скандинавіи. Оно выразилось въ этихъ странахъ какъ передачей нѣкоторыхъ формъ оружія, орудій, разнаго рода украшеній, такъ и въ обрядахъ погребеній черезъ трупосожженія, а въ ближайшихъ странахъ — въ керамикѣ и системѣ домашнихъ построекъ. Въ общемъ, венгерскій культурный очагъ является вполнѣ характернымъ представителемъ всѣхъ культуръ Западной Европы, относящихся къ концу бронзовой и отчасти къ началу желѣзной эпохъ.

Скандинавія*).

Возникновеніе скандинавскаго очага относится къ самому концу бронзовой эпохи, а наибольшее развитіе его совпадаетъ съ желѣзною эпохою. Оно совершилось подъ воздѣйствіемъ, по крайней мѣрѣ, трехъ лучей, брошенныхъ

*) *Литература:*

1) O. Montelius. „Antiquités Suédoises“, Stockholm, 1873.

2) Его же. „La Suède préhistorique“, Stockholm, 1874.

3) Его же. „Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien“, Braunschweig, 1900.

изъ болѣе древнихъ очаговъ, а именно: Финикіи, Венгріи и Сибири; самъ же скандинавскій очагъ, несмотря на весь свой блескъ, почти не оказалъ никакого вліянія на другія страны, что всецѣло зависѣло отъ его географическаго положенія. Будемъ ли мы разсматривать Скандинавскій полуостровъ въ отношеніи къ материку Европы, или ко всей огромной массѣ суши, образуемой материками Стараго свѣта — Африкой, Азіей и Европой, онъ одинаково представитъ довольно изолированный уголъ, составляющій сѣверо-западный край суши, за которымъ далѣе идутъ огромныя водныя пучины Атлантическаго и Сѣвернаго Ледовитаго океановъ.

Принимая во вниманіе такое географическое положеніе, нетрудно понять, почему этотъ край позже другихъ пріобщается къ общечеловѣческому прогрессу, и почему самъ онъ не вліяетъ на развитіе другихъ странъ: онъ слишкомъ далекъ отъ культурной базы изучаемаго времени, и за нимъ далѣе нѣтъ такихъ населенныхъ странъ, до которыхъ могло бы достигнуть его культурное вліяніе.

Развитію Скандинавіи въ данную пору времени способствовали три фактора: близость къ центру добыванія лучшаго янтаря, богатство мѣдью и сильная природная защита края отъ враждебныхъ вторженій, благодаря окружающимъ тундрамъ, морямъ и океанамъ.

Первый факторъ явился причиной соприкосновеній населенія Скандинавіи съ культурными народами далекихъ странъ и пробужденія интереса къ культурному развитію; второй—способствовалъ укрѣпленію мѣстной металлургіи, какъ главной основѣ прогресса, и, наконецъ, третій—давалъ возможность покойно и вдумчиво довести развитіе воспринятыхъ началъ высшей культуры до возможнаго совершенства.

4) O. Rygh. „Norske oldsager“, Christiania, 1885.
5) S. Müller. „Bronzealderens“, Kopenhagen, 1876.
6) Его же. „L'Europe préhistorique. Principes d'Archéologie préhistorique“, Paris, 1907.

Не имѣя возможности изучить во всѣхъ подробностяхъ археологію Скандинавіи, мы коснемся только наиболѣе характерныхъ ея сторонъ.

Населеніе Скандинавіи, повидимому, состояло изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ оно состоитъ и въ настоящее время, т.-е. изъ арійцевъ и финновъ. Скандинавскіе арійцы, судя по всѣмъ археологическимъ памятникамъ, принадлежали къ одной группѣ народовъ, населявшихъ въ то время, какъ и теперь, сѣверную Германію и Данію, т.-е. къ группѣ германцевъ и славянъ.

Софусъ Мюллеръ полагаетъ, что проникновеніе бронзовой культуры въ Скандинавію сопровождалось нашествіемъ съ юга народа, каковымъ, вѣроятнѣе всего, и являлись арійцы, такъ какъ финны въ Европѣ, повидимому, искони занимали сѣверъ. С. Мюллеръ строитъ свое заключеніе на основаніи появленія въ Скандинавіи трупосожженія, но это лучше подтверждается единствомъ всей вообще культуры народовъ, населявшихъ сѣверную Германію, Данію и южную Скандинавію. Возможно, что скандинавскіе арійцы первоначально явились съ южнаго берега Балтійскаго моря въ видѣ колонистовъ, а затѣмъ позже стали хозяевами страны.

Остатковъ жилищъ скандинавскаго населенія не сохранилось. Судя же по многочисленнымъ находкамъ топоровъ, долотъ, молотковъ и пилъ, полагаютъ, что жилища эти были деревянными.

Болѣе полное представленіе можно составить объ одеждѣ, которая прекрасно сохранилась, и образцы которой найдены въ погребеніяхъ Даніи. По этимъ образцамъ видно, что одежда приготовлялась изъ звѣриныхъ кожъ, шерстяныхъ и льняныхъ тканей. Особенно интересны, благодаря полной

---

7) J. J. A. Worsaae. „La colonisation de la Russie et du Nord Scandinave et leur plus ancien état de civilisation“, Copenhague, 1875.

8) Его же. „Сѣверныя древности Королевскаго музея въ Копенгагенѣ“, Спб., 1861.

своей сохранности, одежды, найденныя въ двухъ дубовыхъ гробахъ, изъ которыхъ одинъ былъ открытъ въ 1861 году, близъ Гавдрупа, а другой—въ 1871 году, близъ Ааргуза. Въ первомъ находился мужчина, а во второмъ женщина.

Одежда мужчины состояла изъ шерстяной шапки, надѣтой на голову, короткаго шерстяного плаща, накинутаго на плечи, и короткой шерстяной юбки, подпоясанной вокругъ поясницы длиннымъ кушакомъ; на ногахъ оказались куски шерстяной ткани (онучи) и остатки кожаной обуви; подъ головой, вмѣсто подушки, лежала сложенною шерстяная шаль, обшитая бахромой; сбоку находился бронзовый мечъ, а въ ногахъ стоялъ деревянный ящикъ, въ которомъ хранились другая шерстяная шапка, бронзовый ножъ и бронзовый гребень. Всё это было завернуто въ коровью кожу.

Женщина была одѣта въ шерстяной костюмъ, состоявшій изъ чепца, кофты съ короткими рукавами и длинной юбки, подпоясанной кушакомъ съ кистями на концахъ. Этотъ костюмъ по своему покрою очень близокъ къ современному. Сбоку покойницы лежалъ бронзовый кинжалъ, а изъ украшеній отыскались бронзовая пряжка, служившая для застегиванія ворота кофты, бронзовые спиральный перстень, два браслета и гривна.

Весьма вѣроятно, что въ подобныхъ одеждахъ и съ такими украшеніями ходили и жители Скандинавіи.

Пищей скандинавовъ служили продукты земледѣлія, скотоводства, охоты и рыболовства. Памятниками земледѣлія являются оставленныя на скалахъ изображенія, среди которыхъ можно видѣть пахаря, идущаго за плугомъ, влекомымъ двумя животными, а также часто находимые бронзовые серпы и каменные жернова. О скотоводствѣ, охотѣ и рыболовствѣ свидѣтельствуютъ кости домашнихъ и ди-

9) A. Bastian und A. Voss. „Die Bronzeschwerter des königlichen Museums zu Berlin“, Berlin, 1878.

10) Julie Schlemm. „Wörterbuch zur Vorgeschichte“, Berlin, 1908.

11) R. Forrer. „Reallexicon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Alterthümer“, Strassburg, 1907.

кихъ животныхъ, рыбъ и птицъ, находимыя на мѣстахъ жилищъ того времени. Среди только что упомянутыхъ изображеній на скалахъ можно узнать почти всѣ главные виды домашнихъ животныхъ, а именно лошадей, коровъ и овецъ. Лошадьми пользовались для ѣзды въ экипажахъ и верхомъ, при чемъ верховыя лошади служили и для военныхъ цѣлей; такъ одинъ скальный рисунокъ изображаетъ цѣлую картину кавалерійскаго сраженія.

Окруженныя почти со всѣхъ сторонъ морями, жители Скандинавіи должны были рано познакомиться съ судоходствомъ. Суда ихъ—двухъ типовъ: мелкія и крупныя. Всѣ крупныя суда имѣютъ тараны, указывающіе на ихъ боевое назначеніе; въ общемъ же они похожи на итальянскія суда, изображенныя на могильныхъ каменныхъ плитахъ, при чемъ даже такая деталь, какъ отдѣлка носовой части въ видѣ головы рогатаго животнаго съ длинной почти прямой шеей, одинаково повторяется въ обѣихъ странахъ; ихъ тараны также имѣли одинаковыя формы. Очевидно, такое сходство важныхъ и неважныхъ деталей судостроенія въ разныхъ странахъ не могло быть случайнымъ, возникшимъ по закону совпаденія, но скорѣе всего явилось слѣдствіемъ или взаимнаго вліянія судостроительнаго искусства обѣихъ странъ, или постороннимъ вліяніемъ этого искусства изъ третьей страны. Въ виду одинаковой культурной отсталости Италіи и Скандинавіи болѣе вѣроятнымъ представляется послѣднее предположеніе, при чемъ третьею вліяющею страною могла быть Финикія, корабли которой посѣщали большинство морей, омывающихъ Европу. При этомъ однако загадочнымъ представляется отсутствіе у скандинавскихъ судовъ парусовъ и мачтъ, хорошо извѣстныхъ въ это время и въ Италіи и въ Финикіи.

Кромѣ упомянутыхъ промысловъ, жители занимались также обработкой металла, камня и глины. Существованіе мѣстной обработки металловъ доказывается какъ находимыми слитками бронзы, такъ и каменными формами, слу-

жившими для отливки предметовъ различнаго назначенія. Находимыя вещи указываютъ, что жители Скандинавіи были знакомы съ мѣдью, бронзой и золотомъ, но серебро и желѣзо оставались имъ совсѣмъ неизвѣстными. Главнымъ металломъ служила бронза; изъ нея вырабатывалась почти вся масса оружія и орудій, а также и громадное большинство украшеній.

Скандинавское оружіе и орудія въ основныхъ типахъ схожи съ венгерскими; среди нихъ имѣются тѣ же пальштабы, кельты, почти всѣ формы топоровъ съ проухомъ или горизонтальнымъ отверстіемъ для рукоятки, тѣ же долота, копья, кинжалы, мечи, ножи, серпы, тѣ же иглы, шила, булавки, щипцы, тѣ же браслеты и кольца. Разницу представляютъ лишь формы бритвъ, фибулъ и щитовъ. Скандинавскія бритвы имѣютъ одно лезвіе и рукоятку въ видѣ загнутаго крючка. Обыкновенно, онѣ покрыты узорами и рисунками, а ручкамъ ихъ часто придавалась форма шеи и головы лебедя.

Фибулы состояли изъ двухъ дисковъ, соединенныхъ дугой, на которую надѣвалась игла (застежка), свободно вращавшаяся на дугѣ фибулы. Эти фибулы, повидимому, были выработаны самостоятельно народами, обитавшими въ области Балтійскаго моря, откуда онѣ распространялись къ югу до Чехіи.

Бронзовые щиты дѣлались круглой формы, съ высокимъ коническимъ умбономъ; вся поверхность ихъ покрывалась геометрическими узорами. Какъ общая форма щитовъ, такъ и основные мотивы орнамента заимствованы отъ финикійскихъ бронзовыхъ щитовъ. Отсутствіе на скандинавскихъ щитахъ изображеній животныхъ и людей, столь обычныхъ на финикійскихъ щитахъ, легко объяснить меньшимъ искусствомъ скандинавскихъ художниковъ, оказавшихся способными воспроизводить и даже развить далѣе только геометрическія формы.

Весьма любопытными представляются металлическіе сосуды, изъ которыхъ одни, повидимому, служили под-

вѣсными лампадами, другіе — для обычнаго домашняго обихода. Большинство ихъ сдѣлано изъ бронзы, меньшинство—изъ золота. Наибольшее распространеніе ихъ, однако, совпадаетъ съ желѣзной эпохой.

На ряду съ блестящими бронзовыми орудіями повсюду еще употреблялись и орудія, сдѣланныя изъ камня. Полированные топоры и кремневые кинжалы нерѣдко бывали находимы въ гробахъ вмѣстѣ съ бронзовыми топорами и кинжалами. Кремневые же наконечники стрѣлъ существовали даже безъ всякой конкуренціи. На нѣкоторыхъ формахъ каменныхъ орудій ясно запечатлѣлось вліяніе формъ металлическихъ орудій.

Керамическія издѣлія отличаются полною примитивностью. Большинство глиняныхъ сосудовъ не имѣетъ никакихъ украшеній или украшается простѣйшими геометрическими узорами въ видѣ точекъ и линій. Самые типы ихъ не отличаются разнообразіемъ, представляя изъ себя, преимущественно, кухонные горшки.

Среди художественныхъ произведеній особенный интересъ возбуждаютъ уже нѣсколько разъ упоминаемыя изображенія на скалахъ. Большинство такихъ изображеній найдено въ шведскихъ провинціяхъ Богуслёнѣ, Эстерготландѣ и Сканіи (Schonen), а также и въ юго-восточной Норвегіи. Обыкновенно, изображенія помѣщаются на открытыхъ, гладкихъ горизонтальныхъ или нѣсколько наклонныхъ, но не отвѣсныхъ плоскостяхъ гранитныхъ скалъ и рѣже на могильныхъ плитахъ. Иногда они занимаютъ поверхности въ нѣсколько аршинъ въ ширину и вышину. Изображаемые предметы врѣзались всею плоскостью въ глубь, какъ врѣзаются изображенія на камеяхъ и геммахъ. Шведы называютъ ихъ „Hällristningar“. Принадлежность изображеній къ описываемой порѣ доказывается типами нарисованныхъ топоровъ, мечей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, совершенно схожихъ съ типами соотвѣтствующихъ предметовъ, относящихся къ порѣ бронзовыхъ орудій.

Въ изображеніяхъ на скалахъ представляются сцены, преимущественно, изъ военной, или боевой, и рѣже изъ обыденной жизни. Воины сражаются другъ съ другомъ то пѣшими, то конными, то на судахъ. Ихъ вооруженіемъ служатъ копья, топоры, мечи, круглые и четырехугольные щиты. Изъ сценъ домашняго быта встрѣчаются земледѣльцы, идущіе за плугомъ; пастухи, пасущіе стада, и др. Менѣе понятными представляются изображенія концентрическихъ круговъ, круговъ съ крестами внутри, спиралей, колесъ и чашечныхъ углубленій, расположенныхъ то крестообразно, то рядами.

Большинство изслѣдователей полагаетъ, что всѣ эти изображенія представляютъ первые опыты изобразительнаго письма. Извѣстно, что въ Скандинавіи въ это время письма въ собственномъ смыслѣ еще не существовало. Между тѣмъ въ болѣе цивилизованныхъ странахъ оно уже пользовалось широкимъ распространеніемъ, представляя то видъ условныхъ знаковъ (клинопись, финикійскій алфавитъ), то видъ схематическихъ изображеній предметовъ (египетскіе іероглифы). Возможно, что подъ неяснымъ вліяніемъ этихъ письменъ и скорѣе всего, конечно, іероглифическаго типа, возникли у скандинавовъ первые опыты изобразительнаго фигурнаго письма, чтеніе котораго, однако, до сихъ поръ не установлено.

По общему виду изучаемыя изображенія до нѣкоторой степени напоминаютъ сибирскія, но, по своему генезису, они, кажется, ближе стоятъ къ изображеніямъ на итальянскихъ надгробныхъ плитахъ [1]).

Для оцѣнки искусства очень важное значеніе имѣетъ декоративный орнаментъ, широко практиковавшійся съ цѣлью украшенія какъ металлическихъ, такъ глиняныхъ

---

[1]) R. Forrer. „Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Alterthümer“, S. 556, Fig. 457 und 458. Die figural gravierten Grabsteine von Novilara (nach Hörnes). Новиляра находится близъ Пезаро, на берегу Адріатическаго моря.

и, вѣроятно, другихъ предметовъ. Господствуютъ геометрическіе элементы, изъ которыхъ наиболѣе интересными представляются элементы кривыхъ линій и бугорковъ, обычныхъ въ орнаментѣ металлической посуды. Первые явились въ подражаніе металлическимъ проволочнымъ спиралямъ и разнаго рода завиткамъ, вторые—въ подражаніе точечнымъ и ямочнымъ элементамъ неолитическаго орнамента керамики. Среди первыхъ преобладаютъ круги, волюты, волнообразныя и прямыя линіи. Оскаръ Монтеліусъ, Софусъ Мюллеръ и многіе другіе авторитетные археологи полагаютъ, что скандинавскій спиральный орнаментъ произошелъ отъ такъ называемой „микенской спирали“. Бугорчатый орнаментъ получался путемъ выдавливанія полусферическихъ бугорковъ, или выпуклинъ, съ внутренней стороны стѣнки сосуда. Подобныя бугорчатыя украшенія нерѣдко наблюдаются и на глиняной посудѣ, гдѣ они явились, по всей вѣроятности, въ подражаніе металлическимъ.

На ряду съ геометрическими элементами встрѣчаются также изображенія нѣкоторыхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, въ видѣ змѣекъ, птицъ, лодокъ и др.

Заканчивая на этомъ обзоръ древностей Скандинавіи, намъ остается еще въ заключеніе коснуться вопроса о степени культурныхъ вліяній на развитіе этихъ древностей. Въ началѣ настоящаго обзора было замѣчено, что возникновеніе скандинавскаго культурнаго очага совершилось подъ воздѣйствіемъ, по крайней мѣрѣ, трехъ болѣе древнихъ очаговъ — Финикіи, Венгріи и Сибири. Теперь интересно болѣе точно обозначить, что́ же, именно, и откуда было заимствовано. На это, при настоящемъ состояніи знанія, можно дать слѣдующій отвѣтъ. Изъ Венгріи заимствовано очень многое, почти вся основа культуры. Изъ Финикіи проникли бронзовые круглые щиты и, весьма вѣроятно, другіе виды орудій и оружія, каковые не могутъ быть отграничены отъ венгерскихъ, какъ происходящихъ изъ одного источника. Весьма возможно, что изъ Финикіи же заимствованы и формы таранныхъ боевыхъ судовъ, а

также и нѣкоторыя религіозныя идеи, въ родѣ поклоненія камню, памятникомъ чего является изображеніе на каменной плитѣ, найденной въ погребальной камерѣ близъ Кивика (Kivik) [1]).

Изъ Сибири въ Скандинавію проникло гораздо менѣе, а именно: формы кельтовъ и простѣйшія формы ножей.

Нѣкоторые ученые допускаютъ вліяніе и Средней Азіи, но въ подтвержденіе этого нельзя указать ни одного факта. Полное же отсутствіе среди скандинавскихъ древностей топоровъ съ вислыми обухами, столь типичныхъ для Средней Азіи, скорѣе указываетъ на то, что такого вліянія совершенно не существовало, и если, дѣйствительно, оказались бы какіе-нибудь признаки среднеазіатской культуры, то ихъ легче объяснить проникновеніемъ черезъ Венгрію, нежели прямыми болѣе непосредственными сношеніями.

Россія.

Познакомившись съ культурами сосѣднихъ областей, мы правильнѣе можемъ судить о культурѣ Россіи. Съ юга къ послѣдней примыкали наиболѣе древніе и наиболѣе сильные очаги Месопотаміи и Малой Азіи, съ востока—очаги Средней Азіи и Сибири, съ запада—Венгріи и Скандинавіи, и только съ сѣвера къ ней прилегали безлюдныя, холодныя области Сѣвернаго океана. Въ прилегающихъ областяхъ культура распространялась съ юга на сѣверъ, то же слѣдуетъ ожидать и въ отношеніи къ площади Россіи. Между очагами Востока и Запада существовали культурныя сношенія, которыя могли совершаться только черезъ Россію, поэтому и русскіе обитатели должны были имѣть участіе въ этихъ сношеніяхъ и такимъ образомъ получали возможность познакомиться съ плодами высшихъ культуръ болѣе или менѣе одновременно съ своими сосѣдями. Открытые

[1]) O. Montelius. „Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien“, Braunschweig, 1900, S. 68 und 69, Fig. 189.

въ русской почвѣ памятники подтверждаютъ то и другое положеніе. На первый взглядъ представляется только загадочнымъ, почему среди такой обширной площади не образовалось ни одного самостоятельнаго культурнаго очага, и почему постороннія вліянія здѣсь какъ бы растворялись и глохли. Всѣ эти явленія однако легко объясняются природными свойствами страны.

Россія представляетъ обширную равнину, одинаково доступную или недоступную во всѣхъ ея частяхъ, за исключеніемъ окраинъ, отчасти прикрытыхъ морями и горами. На всемъ же внутреннемъ пространствѣ нѣтъ ни одного географически уютнаго уголка, гдѣ могла бы развиться и окрѣпнуть самостоятельная культура. Напротивъ, на этомъ пространствѣ имѣется много такого, что способствовало развитію консерватизма и сохраненію дикихъ нравовъ и обычаевъ. Если мы двинемся съ сѣвера на югъ, то встрѣтимъ три географическихъ пояса, различныхъ какъ въ отношеніи климата и почвы, такъ и въ отношеніи растительнаго и животнаго царствъ; это—тундра, лѣсъ и степь.

Тундра занимаетъ весь сѣверъ Россіи и представляетъ наиболѣе печальную область. Болота и топи лѣтомъ, безпредѣльная снѣжная равнина зимою, низкая температура, переходящая въ зимнее время въ жестокія стужи и вьюги, вотъ что представляетъ изъ себя сѣверная тундра, которую древнія скандинавскія саги назвали царствомъ ужаса и смерти.

Очевидно, не такая мѣстность могла способствовать развитію культуры, которая здѣсь не развилась и до настоящаго времени.

Южнѣе тундры начинается лѣсъ, недавно, лѣтъ триста назадъ, покрывавшій однимъ сплошнымъ океаномъ не менѣе двухъ третей всей площади Россіи. Остатки этого лѣса сохраняются еще повсюду до настоящаго времени, хотя первобытныя заросли его становятся всё болѣе и болѣе рѣдкими: ихъ можно встрѣтить лишь въ болѣе

глухихъ областяхъ сѣверо-восточной Россіи и далѣе въ Сибири, лѣса которой нѣкогда составляли одно цѣлое съ лѣсами Россіи и вообще Европы. По этимъ остаткамъ первобытныхъ лѣсовъ и можно составить понятіе о вліяніи ихъ на культуру не только древняго полудикаго, но и современнаго болѣе цивилизованнаго человѣка.

„Урманы (сплошные лѣса Тобольской губерніи) въ сѣверныхъ округахъ, говоритъ Н. М. Ядринцевъ, не представляютъ затрудненія для большого прохода и даже для проѣзда верстъ на 30 и на 80 отъ жилищъ, такъ какъ крестьяне и инородцы, пускаясь на звѣроловство, протоптали тропинки съ „затесями“, т.-е. насѣчками на деревьяхъ. Но по правому берегу Иртыша, отъ устья рѣки Тары, и по обѣимъ сторонамъ Оби къ рѣкѣ Ваху, лѣсная пустыня почти совершенно непроходима. Здѣсь встрѣчаются огромныя пространства, которыхъ еще не касался ни огонь, ни топоръ, гдѣ не бывала нога не только русскаго, но даже самоѣда и остяка. Проникнуть въ глубь лѣсовъ мѣшаетъ необыкновенная ихъ густота, которая доходитъ до того, что и вѣтеръ не проникаетъ внутрь этой трущобы. Воздухъ лѣтомъ спертъ и удушливъ; къ вечеру знойнаго лѣтняго дня весь лѣсъ закутывается непроницаемымъ туманомъ, сырымъ и холоднымъ. Днемъ, среди лѣса бываетъ такъ же темно, какъ и ночью. Даже опытный звѣроловъ не можетъ поручиться, что онъ не заблудится среди лѣса. Погибнуть безъ вѣсти считается дѣломъ возможнымъ даже для людей, съ дѣтства привыкшихъ къ этимъ трущобамъ. Многочисленныя глубокія рѣки и рѣчки служатъ единственными путями, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, чтобъ проникнуть въ непроницаемыя, таинственныя дебри. По нимъ-то промышленники, осенью на лодкахъ, зимою на лыжахъ, проходятъ внутрь урмановъ. Но и они отходятъ отъ этихъ естественныхъ дорогъ въ глубь лѣса не болѣе, какъ на нѣсколько десятковъ верстъ и преимущественно только тамъ, гдѣ лѣсъ рѣже; далѣе же мрачныя недоступныя трущобы остаются невѣдомыми,

такъ какъ срубать деревья и пробираться между ними нѣтъ никакой возможности“ [1]).

„Густота лѣсовъ, говоритъ тотъ же изслѣдователь далѣе, бываетъ часто причиною обширнѣйшихъ лѣсныхъ пожаровъ. Такъ, напримѣръ, въ 1828 году, на берегахъ Оби, между Сургутомъ и Нарымомъ, выгорѣли всѣ урманы, верстъ на 300. Но сила растительности такъ велика, что черезъ 30 лѣтъ, въ 1859 году, вся эта громадная пустыня сдѣлалась опять непроходимою дремучею тайгой, наполнилась дикимъ звѣремъ, птицею и дичью, устлала лѣса густыми коврами цвѣтовъ и зелени. Мѣстами лѣса выжигаютъ даже нарочно, подъ пашни; такія пространства извѣстны здѣсь подъ именемъ гарей. На почвѣ пепельнаго цвѣта и безъ признаковъ жизни торчатъ обгорѣлыя деревья и обожжённые пеньки молодого лѣса. Но глядишь—черезъ нѣсколько лѣтъ это опять зеленый урманъ со всѣми чудесами его внутренней жизни. Иногда причинами лѣсныхъ пожаровъ бываютъ удары молніи“ [2]).

Лѣсъ обладаетъ свойствомъ сгущать надъ собою атмосферные пары въ тучи и вызывать изъ нихъ дождь, скупо расходуя и отдавая атмосферѣ получаемую влагу. Вслѣдствіе этого внутри лѣсныхъ областей образуются озера, рѣки, болота, непроходимыя трясины и топи, по берегамъ которыхъ иногда развивается могучая травяная растительность, скрывающая человѣка, который не можетъ пройти по ней хотя бы незначительное разстояніе, и даже верховой лошади трудно пробраться по такой травѣ [3]).

Дикіе звѣри, птицы, гады и насѣкомыя наполняютъ каждый удобный уголокъ лѣса и кишатъ въ каждой трущобѣ.

Таковымъ или даже еще болѣе могучимъ, еще болѣе дикимъ долженъ быть и древній первобытный лѣсъ

[1]) Н. М. Ядринцевъ. „Западно-сибирская низменность“. „Живописная Россія“, т. XI, стр. 54.

[2]) Ibid., стр. 56.

[3]) Ibid., стр. 52.

Россіи, особенно въ болѣе южныхъ его пространствахъ, гдѣ климатъ и почвы гораздо лучше сѣверныхъ. Всё это должно было дѣйствовать подавляющимъ образомъ на человѣка.

„Инородцы (сѣверной Россіи), говоритъ С. В. Максимовъ, живутъ въ полномъ порабощеніи могучими силами природы дремучихъ лѣсовъ, которые ихъ обездолили и принизили почти до звѣринаго состоянія. Древесное царство, предназначенное для обезпеченія жизни людей на землѣ и снабженное неисчислимымъ избыткомъ скрытыхъ даровъ и сокровищъ къ увеличенію земныхъ богатствъ,— для лѣсныхъ обитателей финскаго племени превратилось въ царство бѣдъ и несчастій. Лѣса выразились въ ихъ жизни только враждебными силами несокрушимаго могущества. Они поддерживаютъ жизнь этихъ племенъ лишь самымъ ничтожнымъ количествомъ своихъ сокровищъ“ [1]).

„Жилища (инородцевъ) очень грязны. ничѣмъ не отличаются отъ скотскихъ хлѣвовъ, но чистоплотности поучиться негдѣ; самый лѣсъ, неопрятный и сорный, съ поражающимъ избыткомъ залитъ грязью, наполненъ всевозможными паразитными насѣкомыми, какими кишитъ мохъ: и облѣпившій деревья, и заткнутый въ пазы стѣнъ строеній. Всякій инородецъ безъ исключенія, медвѣжьимъ обычаемъ, не купается, не умывается: ни бань, ни рукомойниковъ нѣтъ и въ заведеніи“...

„Одежда до послѣдней вещи изготовляется самими хозяевами изъ того, что родится на деревьяхъ или выростаетъ на животныхъ: изъ бересты—шляпы и обувь, изъ невыдѣланныхъ и сырыхъ шкуръ—платье, надѣваемое съ плечъ на руки, и опять обувь. Исподнее бѣлье совершенно неизвѣстно, несмотря на то, что съ незапамятныхъ временъ на глазахъ и подъ руками животная шерсть, но мы не находимъ здѣсь ни одного обрабатывающаго орудія“.

---

[1]) С. В. Максимовъ. „Первобытный лѣсъ“. „Живописная Россія“, т. XI, стр. 18.

„Средства перевозочныя для встрѣчъ и взаимнаго обмѣна идей скудны[1])... Пища ограничивается предѣлами лѣсныхъ растеній и животныхъ... Равенство передъ бѣдностью является здѣсь какъ господствующая форма быта, самая древняя и первобытная въ отношеніяхъ человѣческихъ обществъ, подведенныхъ могучими и враждебными силами природы подъ одинъ уровень и поставленныхъ подъ такой тяжелый обухъ“[2]).

---

[1]) Относительно способовъ сообщеній въ области древняго русскаго лѣса интересныя соображенія высказываетъ И. Е. Забѣлинъ, указывающій, что всякія передвиженія въ лѣсу оживлялись въ зимнее время. „При морозѣ, говоритъ онъ, открывалась самая прямая дорога въ такія мѣста, которыя до того времени бывали вовсе недоступны. Именно, въ Новгородской области нельзя было съ успѣхомъ воевать, какъ только во время крѣпкихъ морозовъ, въ глубокую осень или въ теченіе зимы. Самый сборъ дани съ подвластныхъ племенъ начинался съ ноября и продолжался во всю зиму. Естественно, что тогда же открывались и прямые ближайшіе торговые пути, особенно въ сѣверные глухіе углы. Зима ставила путь повсюду; лѣтомъ всякій путь шелъ только по большимъ рѣкамъ и конечно былъ труднѣе во всѣхъ отношеніяхъ. По лѣтнему сухому пути ѣздили развѣ въ ближайшія мѣста, ибо лѣса, болота, весенніе разливы безчисленныхъ рѣкъ дѣлали такой путь въ далекія мѣста совсѣмъ невозможнымъ. Цѣлыя войска, шедшія другъ противъ друга воевать, иной разъ расходились въ лѣсахъ по разнымъ направленіямъ и не встрѣчались на битву. Вообще въ лѣсной сѣверной сторонѣ весенніе разливы рѣкъ чуть не на всё лѣто покрывали поля, луга, лѣса сплошными безконечными озерами, по которымъ нельзя было проложить себѣ дорогу ни на лодкѣ, ни въ повозкѣ и которыя въ лѣтнюю уже сухую пору превращались только въ безконечныя же болота. Только одинъ батюшка-морозъ пролагалъ пути и дороги повсюду и возбуждалъ предпріимчиваго человѣка къ дѣятельности, какая совсѣмъ невозможна въ другое время, кромѣ зимы. Однако эти пути-дороги открывались и пролегали не столько по замерзшимъ болотамъ, но главнымъ образомъ по тѣмъ же рѣкамъ, по направленію ихъ русла, которое, замерзая, давало твердую площадь для ѣзды. Въ этомъ случаѣ и малыя рѣки, хотя бы и очень извилистыя въ своемъ теченіи среди дремучаго непроходимаго лѣса, служили надежною дорогою, чтобы выбраться на Божій свѣтъ“. („Исторія русской жизни“, ч. I, стр. 10 и 11).

[2]) С. В. Максимовъ. „Первобытный лѣсъ“. „Живописная Россія“, т. XI, стр. 22 и 23.

Такъ характеризуетъ бытъ современныхъ насельниковъ первобытныхъ лѣсовъ Россіи С. В. Максимовъ, внимательно изучавшій этотъ бытъ на мѣстѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ оно было и въ болѣе древнее время, а между прочимъ и въ бронзовую эпоху, и въ этихъ условіяхъ быта кроется причина отсутствія во всей обширной области лѣса самостоятельныхъ очаговъ культуры. Вся сила людей направлялась къ борьбѣ съ лѣсомъ и его могучей природой. Что эта борьба не всегда была успѣшна для человѣка, лучше всего говоритъ то, что населеніе первобытнаго лѣса увеличивается крайне медленно, по временамъ же ростъ его останавливается, уменьшается и даже уничтожается совсѣмъ, и самое населеніе вымираетъ.

Намъ извѣстно, что русскій лѣсъ былъ обитаемъ въ неолитическую эпоху, въ концѣ которой человѣкъ уже вступилъ въ активную борьбу съ лѣсной стихіей, вооружась противъ нея стихіею огня. Это сразу и значительно улучшило положеніе человѣка, бытъ котораго обогатился многочисленными, иногда весьма совершенными формами орудій и другихъ вещей. Несомнѣнно, столь успѣшно начатая активная борьба съ природой продолжалась и въ слѣдующую бронзовую эпоху и всё болѣе и болѣе способствовала къ усовершенствованію культуры, но несомнѣнно также и то, что она не могла еще привести человѣка къ полному господству надъ природой, и человѣкъ не въ состояніи былъ заняться созданіемъ своей собственной культуры, хотя въ руки его и успѣли поступить сѣмена высшихъ культуръ въ видѣ металлургіи и скотоводства, памятники которыхъ найдены въ области лѣса.

Столь же неспособными къ развитію самостоятельной культуры оказались и русскія степи. Совпадая на сѣверѣ съ границей чернозёма, степи занимали обширную область, доходившую на западѣ до Карпатскихъ горъ и Дунайской равнины, на югѣ — до Чернаго и Каспійскаго морей, на востокѣ—до Каспійскихъ воротъ, за которыми открывались еще болѣе обширныя азіатскія степи. Вся эта область пред-

ставляла какъ бы одно травяное море, среди котораго, какъ острова, кое-гдѣ виднѣлись лѣса, пріютившіеся по берегамъ и долинамъ рѣкъ и балокъ. Чрезвычайно тучная почва, сравнительно мягкій и теплый климатъ дѣлали страну вполнѣ удобною для поселеній человѣка и для развитія его культурной дѣятельности; но весьма крупнымъ недостаткомъ страны являлись ея обширность и полная открытость. Если бы южно-русская степь была раздѣлена на участки, подобные Скандинавіи, окруженной морями, или Венгріи, окруженной горами, то, несомнѣнно, каждый участокъ ея явился бы центромъ самостоятельной культуры. Но наша степь ничѣмъ не дѣлилась: она шла повсюду одною непрерывной широкой равниной, не образуя нигдѣ ни одного уютнаго уголка, ни одного участка, гдѣ бы общество людей могло покойно заняться мирной работой. Съ самаго начала образованія и до послѣдняго историческаго времени степь являлась свидѣтельницей буйнаго разгула, попранія правъ и всякаго безчинія. Лишь только мирный человѣкъ начиналъ заниматься дѣломъ и готовился вкусить его плоды, какъ изъ другого, часто совершенно невѣдомаго, угла степи наскакивалъ новый человѣкъ и забиралъ или разрушалъ всѣ результаты мирнаго труда безъ остатка. Степь, полная приволья и удовольствій, отовсюду притягивала къ себѣ людей всякаго званія и чина: и буйные, и угнетенные, и рабы, и свободные, всѣ стремились сюда, чтобы насладиться дарами богатой и симпатичной природы. Не имѣя возможности разграничиться, эти люди тотчасъ же вступали между собою въ бой и вели его до тѣхъ поръ, пока окончательно не уничтожали другъ друга или не выходили изъ предѣловъ степи. Такъ случилось уже на памяти сравнительно поздней исторіи съ киммерійцами, скиѳами, сарматами, готами, аланами, хазарами и десятками другихъ, пока наконецъ вся степь не была занята однородною русскою массою людей, но и эта огромная масса по своей величинѣ еще не соотвѣтствуетъ величинѣ природныхъ

богатствъ степи и поэтому еще не создала условій благопріятныхъ для развитія передовой самостоятельной культуры.

Служа вѣчной украйной Азіи и Европы, русская степь была всегда знакома съ плодами высшихъ культуръ, которые притекали сюда изъ всѣхъ ближайшихъ культурныхъ очаговъ. Не отличаясь высокими культурными качествами, эти плоды, въ видѣ памятниковъ древняго быта, наполняютъ почву и даютъ возможность слѣдить за ходомъ событій, пережитыхъ степью. Таковы курганы, стоянки, городища и повсюду разсѣянныя одиночныя вещи, дошедшія до насъ изъ разныхъ, иногда очень древнихъ, временъ и, между прочимъ, изъ поры бронзовыхъ орудій.

Относительно состава населенія Россіи въ изучаемое время трудно сказать что-либо положительное; повидимому, оно состояло изъ весьма разнообразныхъ племенъ и народовъ, принадлежавшихъ, однако, преимущественно къ двумъ расамъ: желтой и бѣлой. Представляется очень правдоподобнымъ, что лѣсъ и тундра населялись болѣе однородной массой финно-угрскихъ племенъ, лишь съ незначительной примѣсью другихъ народовъ; но степь представляла весьма пестрый этнографическій коверъ съ часто мѣняющимися красками и узорами. Вообще же населеніе было рѣдкимъ. Въ лѣсахъ и тундрахъ, несомнѣнно, многія и весьма обширныя площади оставались совершенно необитаемыми.

Что же касается культурныхъ теченій по русской территоріи, то можно замѣтить, что древнѣйшее изъ нихъ шло изъ Месопотаміи и отчасти Малой Азіи черезъ Кавказъ, откуда широкимъ вѣеромъ распространялось по степи и проникало далеко въ глубь лѣса. Вторымъ теченіемъ явилось среднеазіатское, покрывшее восточную часть лѣса до р. Камы и всю степь новымъ наслоеніемъ памятниковъ. Наконецъ, третьимъ теченіемъ послѣдовало сибирское, давшее въ пересѣченіи съ среднеазіатскимъ теченіемъ въ области Камы нѣчто въ родѣ культурнаго очага, развитіе котораго, однако, слѣдуетъ отнести уже къ желѣзной эпохѣ.

Сибирское культурное теченіе проникло черезъ всѣ области Россіи: тундру, лѣсъ и степи, достигая, какъ мы видѣли, дальняго запада Европы. Одновременно съ этимъ теченіемъ на Кавказѣ возникаетъ сильный очагъ съ довольно оригинальною культурою кабанскаго и елизаветпольскаго типа; однако, развитіе и этого очага принадлежитъ уже къ желѣзной эпохѣ.

Культурное вліяніе Венгріи и Скандинавіи сказалось лишь на небольшихъ пространствахъ, а именно: вліяніе первой ощущается только до низовья р. Днѣпра, а второй— только на узкой полосѣ восточнаго побережья Балтійскаго моря.

Кавказское культурное теченіе.

Кавказъ, несмотря на многочисленныя сдѣланныя тамъ находки древностей, еще далеко не изученъ, и можно съ увѣренностью сказать, что для будущаго онъ готовитъ много сюрпризовъ, такъ какъ и то, что тамъ найдено, уже поражаетъ научнымъ интересомъ и неожиданностью многихъ явленій. Таковы курганныя древности, открытыя проф. Н. И. Веселовскимъ на сѣверѣ Кавказа, въ Кубанской области, въ городѣ Майкопѣ и станицахъ Костромской, Царской и нѣкоторыхъ другихъ. Эти древности пролили много свѣта на всё кавказское культурное теченіе въ Россіи, а потому мы и позволимъ себѣ остановиться на изученіи ихъ болѣе подробно.

Въ городѣ Майкопѣ былъ изслѣдованъ одинъ огромный курганъ [1]), достигавшій почти 15 аршинъ отвѣсной высоты; въ немъ открыто два погребенія: 1) въ насыпи и 2) въ грунтовой ямѣ, ниже горизонта. Оба погребенія относятся къ одной эпохѣ и, можетъ быть, даже одновременны, такъ какъ признаковъ, чтобы верхнее погребеніе было впускнымъ, не оказалось.

---

[1]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1897 годъ“, Спб., 1900 г., стр. 2—11.

Могила перваго погребенія была открыта на глубинѣ 5 аршинъ отъ вершины насыпи и слагалась изъ булыжныхъ камней, среди которыхъ находились останки покойника, лежавшаго, въ скорченномъ положеніи; при немъ найдены мѣдный копьевидный клинокъ ножа, серебряная спиральная серьга и нѣсколько кусковъ красной краски.

Могила второго, коллективнаго, погребенія имѣла нѣсколько иную форму. Она представляла видъ четырехугольной обширной, но не глубокой ямы, съ дномъ, выложеннымъ рѣчнымъ булыжникомъ, и стѣнами, обложенными деревомъ, прикрѣпленнымъ къ столбамъ, врытымъ въ каждомъ углѣ ямы. Сверху яма была покрыта бревенчатымъ накатникомъ, на который былъ насыпанъ слой земли (можетъ быть, дерна), а затѣмъ наложенъ второй бревенчатый накатникъ, концы котораго выходили далеко за края ямы. Послѣ этого яма представляла видъ землянки, вѣроятнѣе всего, формою подражавшей жилищамъ того времени. Вокругъ этого загробнаго жилища была сдѣлана кольцеобразная ограда изъ ломанаго камня известковой породы.

Внутри могильное помѣщеніе дѣлилось деревянными перегородками на три комнаты: южную, представлявшую цѣлую половину помѣщенія, восточную и западную, полученныя дѣленіемъ второй половины на двѣ равныя части.

Въ южной комнатѣ лежалъ одинъ покойникъ въ скорченномъ положеніи, головою на югъ. Всѣ кости его оказались густо залитыми ярко-красной краской (сурикомъ) и „въ буквальномъ смыслѣ были усѣяны золотыми украшеніями, повидимому, нашивавшимися на платье“. Среди этихъ украшеній оказались штампованныя золотыя пластинки, изображавшія львовъ, бычковъ, розетки и кольца; большое число золотыхъ бусъ разной формы и величины, золотыхъ и серебряныхъ пронизей въ видѣ плоскихъ кружковъ; кромѣ того здѣсь же найдено множество бирюзовыхъ и сердоликовыхъ бусъ разныхъ формъ и размѣровъ. Подъ черепомъ покойника оказались двѣ узкія

золотыя ленты, а около черепа — пять золотыхъ ободковъ неизвѣстнаго назначенія, двѣ золотыя гладкія проволочныя серьги и золотыя кнопки. Рядомъ съ костякомъ, на пространствѣ между черепомъ и колѣнами, лежали вмѣстѣ и параллельно другъ другу шесть трубокъ длиною около 1 арш. 6 вершк. (1,03 м.), изъ которыхъ двѣ были серебряныя, а четыре — серебряныя съ золотыми нижними концами. На двухъ серебряныхъ трубкахъ было надѣто по одному массивному серебряному бычку съ просверлённымъ насквозь туловищемъ; на двухъ другихъ трубкахъ съ золотыми концами оказалось надѣто также по одному, но уже золотому массивному, бычку.

Недалеко отъ описанныхъ трубокъ найдены три золотыхъ продолговатыхъ и два серебряныхъ колпачка въ видѣ полушарій, а у нижнихъ концовъ трубокъ, у колѣнъ костяка, найдены кремневые наконечники стрѣлъ. Вдоль восточной стѣны лежали въ рядъ семнадцать сосудовъ различныхъ размѣровъ и формъ, а именно: два золотыхъ, одинъ каменный шаровидный съ накладнымъ золотымъ горлышкомъ и такою же крышечкой и четырнадцать серебряныхъ, изъ которыхъ одинъ оказался съ золотыми ушками и одинъ съ золотымъ ободкомъ у шейки. На двухъ сосудахъ имѣлись чрезвычайно любопытные гравированные рисунки. Такъ на одномъ изображены цѣлый ландшафтъ, представляющій горы, рѣки, впадающія въ озеро, деревья, птицы, домашнія животныя и звѣри, а на другомъ—домашнія животныя, звѣри и птицы, идущіе въ одну сторону. Среди домашнихъ животныхъ легко узнать лошадь, корову, овцу, свинью и козу, а среди звѣрей—льва, медвѣдя и пятнистую пантеру.

Въ одномъ изъ угловъ помѣщенія были сложены большой точильный брусокъ серповидной формы съ отверстіемъ для шнура, небольшой точильный камень, украшенный золотымъ пробойчикомъ, каменный топоръ клиновидной формы и десять разныхъ орудій, сдѣланныхъ изъ чистой мѣди. Въ составъ послѣднихъ входили одинъ

кинжалъ, одна кирка, два топора, ножъ, два клина, два долота и четырехгранное шило. Тутъ же стояло восемь небольшихъ круглодонныхъ глиняныхъ сосудовъ, а по всему полу лежали тонкія полоски серебра, иногда съ серебряными гвоздиками, указывающими на то, что пластинки были прибиты къ какому-нибудь предмету. Интересно, что такія же пластинки, и въ неменьшемъ количествѣ, отыскались и въ другихъ помѣщеніяхъ могилы.

Въ каждомъ изъ послѣднихъ помѣщеній также покоилось по одному костяку, лежавшему въ согнутомъ положеніи, головою на югъ. Судя по вещамъ, въ одномъ изъ этихъ помѣщеній (восточномъ) была похоронена женщина. У головы ея лежали серьги изъ толстой золотой проволоки, наподобіе тѣхъ, которыя найдены при главномъ покойникѣ; у рукъ собраны разнообразныя золотыя и сердоликовыя бусы. Вдоль одной стѣны стояли мѣдные сосуды въ видѣ плоской чаши, одного ведра съ дужкой, большого кувшина, котелка, большого котла съ шарообразнымъ дномъ и глинянаго круглодоннаго сосуда, приставленнаго къ сѣверо-западному углу помѣщенія.

При третьемъ костякѣ, лежавшемъ въ западномъ помѣщеніи, взяты золотыя и сердоликовыя бусы. Оба послѣднихъ костяка оказались залитыми красной краской, но слабѣе, чѣмъ первый.

Совершенно аналогичныя погребенія въ настоящее время открыты въ разныхъ пунктахъ Кубанской области и, между прочимъ, въ одномъ изъ кургановъ станицы Костромской [1]), гдѣ дно могильной ямы, такъ же, какъ и въ Майкопскомъ курганѣ, оказалось выложеннымъ булыжникомъ, стѣны облицованными деревомъ въ видѣ сруба, но крыша, вмѣсто накатника, состояла изъ довольно тонкихъ плитъ известняка, наложенныхъ другъ на друга такъ, что края ихъ выступали впередъ, образуя сводъ. На днѣ ямы лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи,

[1]) Ibid., стр. 15 и 16.

головою на юго-востокъ. Онъ весь былъ залитъ красною краскою. На шеѣ его находились мелкія бусы изъ бѣлой пасты. У головы стояли глиняный горшокъ со слѣдами росписи желтою краскою и другіе сосуды безъ всякаго орнамента. Въ сѣверо-восточномъ углѣ могилы найдены два точильныхъ бруска, два мѣдныхъ [1]) ножа, мѣдный топоръ, мѣдная пластинка рубанка, мѣдное четырехгранное шило и кремневые наконечники стрѣлъ. Въ другихъ погребеніяхъ этого типа заслуживаютъ вниманія костяныя головныя булавки, украшенныя рѣзьбою и головками съ выступами въ видѣ кнопокъ, каменныя формы для отливки металлическихъ прутиковъ толщиною въ карандашъ и длиною около 2—3-хъ вершковъ, а также глиняные сосуды, на днахъ которыхъ замѣтна вылитая бурая жидкость (вѣроятно, кровь), и сосуды для куреній.

Къ майкопскому типу погребеній очень близко примыкаетъ и типъ погребеній станицы Царской [2]), гдѣ въ курганахъ найдены скорченные окрашенные костяки, обращенные головами на югъ, сопровождаемые каменными и бронзовыми орудіями, золотыми спиральными кольцами и глиняными сосудами, а также открыты два дольмена, содержавшіе весьма характерный и богатый инвентарь. Оба дольмена были оріентированы съ сѣвера на югъ и представляли видъ четырехугольныхъ ящиковъ, сложенныхъ изъ каменныхъ, хорошо вытесанныхъ и пригнанныхъ плитъ. Внутри они перегораживались на двѣ половины поперечными плитами, имѣвшими отверстія, закрытыя каменными пробками. Въ одной плитѣ отверстіе и пробка были четырехгранной, а въ другой—круглой формы. Крыши

---

[1]) Опредѣленіе металла заимствуемъ изъ „Отчета“, будучи не совсѣмъ увѣрены, что оно правильно и основано на химическомъ изслѣдованіи. *Авт.*

[2]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1898 годъ“, Спб., 1901 г., стр. 33—39. Коллекція вещей хранится въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ.

дольменовъ также оказались различными: у одного она была плоскою, а у другого—двускатною.

Сверху и съ боковъ дольмена съ двускатною крышею были навалены камни. Полагаютъ, что къ этому сооруженію относился и кольцеобразный валъ изъ голышей, устроенный внутри насыпи кургана. Въ бо́льшемъ отдѣленіи дольмена лежалъ костякъ въ согнутомъ положеніи, головою на югъ. Всѣ кости его были покрыты краскою (сурикомъ). При костякѣ найдено двѣ пары золотыхъ серегъ, два золотыхъ кольца, значительное количество золотыхъ, серебряныхъ, хрустальныхъ, сердоликовыхъ и другихъ бусъ, одна золотая и двѣ серебряныя иглы, пять серебряныхъ пронизей веретенообразной формы, три желобчатыхъ долота изъ красной мѣди, три мѣдныхъ клина отъ рубанковъ, нѣсколько копьевидныхъ плоскихъ мѣдныхъ ножей, одно копье, четыре топора, двѣ мѣдныхъ двурогихъ и одна трехрогая вилки, разливная ложка, два котла изъ тонкой листовой мѣди и два маленькихъ мѣдныхъ горшечка, въ одномъ изъ которыхъ оказались сердоликовыя, хрустальныя и золотыя бусы. Полъ отдѣленія былъ посыпанъ сурикомъ.

Во второмъ отдѣленіи найдены слѣдующія вещи: шесть кремневыхъ копій съ зубчатыми краями, четыре глиняныхъ сосуда, два точильныхъ бруска, костяныя бусы и другіе мелкіе предметы.

Вокругъ дольмена съ плоской крышей имѣлось также огражденіе въ видѣ кольцеобразнаго вала, сложеннаго изъ камней. Въ погребальномъ отдѣленіи на днѣ лежала плита. Стѣны внутри носили слѣды окраски въ красный цвѣтъ. Покойникъ, посыпанный сурикомъ, лежалъ въ согнутомъ положеніи, головою на югъ; на немъ сохранились остатки одежды на черномъ мѣху, шерстью наружу; подъ мѣхомъ оказалась ткань съ клѣтчатымъ узоромъ, а подъ нею — остатки холщевой ткани, выкрашенной въ пурпуровый цвѣтъ и покрытой красными нитями въ видѣ кистей. „У ворота этого одѣянія лежалъ

тонкій ободокъ изъ низкопробнаго серебра, слегка вогнутый посрединѣ, служившій или отдѣльнымъ ожерельемъ, или принадлежностью мѣховой шубы. У головы покойника лежали: семь кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, двѣ серебряныя шпильки, мѣдный топоръ, ножъ, кинжалъ въ мѣдныхъ же ножнахъ и два четырехгранные стержня для насадки копій. Съ восточной стороны находился деревянный предметъ въ видѣ изогнутой палки съ мѣднымъ крюкомъ, закрѣпленнымъ въ деревянной втулкѣ мѣднымъ спиральнымъ кольцомъ и тонкой проволокой, скипѣвшейся въ спиральную сѣтку. Предметъ этотъ, повидимому, соотвѣтствуетъ мѣднымъ развилкамъ (вилкамъ) перваго дольмена. Надъ головой въ поперечной плитѣ было выдолблено небольшое, цилиндрической формы, углубленіе, куда положены слѣдующіе предметы: золотое спиральное кольцо, золотое кольцо изъ толстой проволоки и такое же изъ тонкой проволоки, также золотыя, серебряныя и сердоликовыя бусы, нанизанныя на красномъ плетеномъ шнуркѣ".

„У восточной стѣнки стояли въ рядъ четыре горшка, изъ коихъ два покрыты красной краской, другіе два— черной. На всѣхъ орнаментъ въ видѣ ёлочки, точекъ, горошинокъ и проч. Тутъ же, возлѣ горшковъ, находился точильный брусокъ. У колѣнъ покойника оказались три пращевые камня".

„Во второмъ отдѣленіи на полу лежало большое количество костяныхъ бусъ разнаго вида, выкрашенныхъ въ красную краску или сплошь, или полосками. Среди нихъ у южной стѣнки найденъ четырехгранный мѣдный стержень и два небольшихъ кабаньихъ клыка" [1]).

Погребенія съ подобнымъ же, но болѣе бѣднымъ, инвентаремъ открыты въ Терской области и вообще по всему сѣверному Кавказу, гдѣ при покойникахъ найдены каменныя орудія, сдѣланныя нерѣдко изъ нефрита и об-

---

[1]) Цитированный „Отчетъ", стр. 37 и 38.

сидіана, мѣдныя и костяныя булавки съ выступами въ видѣ кнопокъ, мѣдные или бронзовые ножи, долота, иглы, шила, спиральныя кольца, привѣски, костяныя бляхи, бусы (послѣднія иногда дѣлались изъ звѣриныхъ зубовъ), каменныя булавы и др. [1]).

Въ общемъ всё это представляетъ одну культуру съ ясно выраженными чертами и поэтому легко отличимую отъ другихъ культуръ. Первоисточникомъ ея, несомнѣнно, являлась Месопотамія, хотя замѣтно вліяніе и Малой Азіи. Время относится, вѣроятнѣе всего, къ началу поры бронзовыхъ орудій.

Изъ Месопотаміи заимствованы топоры, кирки, долота, пластинки рубанковъ, золотая, серебряная и бронзовая посуда, всѣ металлическія украшенія и украшенія изъ драгоцѣнныхъ камней и бѣлой пасты; изъ Малой Азіи—формы пластинчатыхъ копьевидныххъ ножей и кинжаловъ. Всѣ эти предметы—очень древнихъ типовъ. Такъ месопотамскія кирки, по формѣ совершенно схожія съ майкопскими, О. Монтеліусъ, въ своей хронологической классификаціи, относитъ къ древней порѣ бронзовой эпохи [2]), а майкопскіе ножи и кинжалы оказываются одинаковыми съ найденными Шлиманомъ въ развалинахъ второго города Трои [3]).

Интересно изученіе рисунковъ на вышеупомянутыхъ серебряныхъ сосудахъ. Изображенія горныхъ и рѣчныхъ ландшафтовъ, оживленныхъ растеніями, животными и птицами, а также изображенія животныхъ то одного, то разныхъ видовъ, слѣдующихъ въ одну сторону, каковыя имѣются на майкопскихъ сосудахъ, въ то время пользовались широкимъ распространеніемъ. Такъ горный ландшафтъ, подобный майкопскому, можно видѣть на одномъ

[1]) Д. Я. Самоквасовъ. „Основанія хронологической классификаціи“, Варшава, 1892 г.—А. А. Спицынъ. „Курганы съ окрашенными костяками“.

[2]) O. Montelius. „Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien“, Braunschweig, 1900.

[3]) H. Schliemann. „Atlas trojanischer Alterthümer“, Leipzig, 1874, Taf. 194.

месопотамскомъ бронзовомъ блюдѣ, гдѣ представлены горы, покрытыя деревьями, и пасущіеся олени, а по краю блюда изображены фигуры людей и боговъ въ архаическомъ египетскомъ стилѣ, можетъ быть, указывающемъ на первоначальное заимствованіе этого мотива изъ Египта [1]). Но еще ближе оказывается ландшафтъ, изображенный на другомъ месопотамскомъ бронзовомъ блюдѣ, гдѣ, какъ и въ майкопскомъ рисункѣ, среди горъ представленъ медвѣдь, поднявшійся на заднихъ лапахъ и срывающій съ дерева плоды [2]).

Что касается изображеній второго майкопскаго сосуда, то они въ месопотамскомъ искусствѣ являются совершенно обычными и, повидимому, существовали тамъ весьма продолжительное время, достигнувъ полнаго своего развитія уже въ желѣзную эпоху. Таковы изображенія на бронзовомъ блюдѣ, гдѣ въ одной зонѣ представлены быки, въ другой—козы, слѣдующія другъ за другомъ, а въ третьей — быки, козы, грифоны и пятнистыя пантеры, при чемъ быки точно такъ же, какъ и на майкопскомъ сосудѣ, изображены съ однимъ рогомъ, а пятна пантеръ— одинаково представлены кружками, равномѣрно покрывающими всё тѣло, кромѣ головы [3]). Совершенно схожія изображенія животныхъ, идущихъ другъ за другомъ, а иногда птицъ, слѣдующихъ или летящихъ въ такомъ же порядкѣ, можно часто видѣть на глиняныхъ пряслицахъ Трои [4]), гдѣ также имѣются и стилизованныя изображенія горъ, рѣкъ и деревьевъ. Крайняя стилизація и схематичность троянскихъ изображеній показываютъ на происхожденіе ихъ изъ подражанія болѣе совершеннымъ оригиналамъ, каковые, дѣйствительно, и существовали въ Месопотаміи.

---

[1]) Perrot et Chipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité", t. II, p. 742.
[2]) Ibid., p. 751.
[3]) Ibid., p. 743.
[4]) H. Schliemann. „Ilios Stadt und Land der Trojaner", Leipzig, 1881, №№ 289, 1872—1886.

Значительный интересъ представляютъ также кавказскія бусы изъ бѣлой пасты. Онѣ имѣютъ цилиндрическую форму и небольшіе размѣры. Месопотамское происхожденіе ихъ представляется несомнѣннымъ. Въ составъ пасты входитъ порошокъ пережжённой кости, почему издѣлія изъ этой пасты иногда называютъ костяными. Представляется весьма правдоподобнымъ, что она употреблялась и для инкрустаціи керамическаго орнамента. Бусы изъ такой пасты найдены въ Сибири и въ южной Россіи. По нимъ очень удобно слѣдить за распространеніемъ культурныхъ теченій. Нѣсколько позже, именно въ началѣ желѣзной эпохи, подѣлки изъ нея наводняютъ весь югъ Кавказа и имѣютъ видъ не только бусъ, но и разнаго рода бляхъ, застежекъ и другихъ. Одновременно съ этими предметами на Кавказѣ появляется и бѣло-пастовая инкрустація керамики, а также бронзовыхъ издѣлій въ видѣ рукоятокъ кинжаловъ и мечей.

Что касается предметовъ мѣстнаго кавказскаго производства, то къ числу ихъ слѣдуетъ отнести только немногія металлическія издѣлія, а также подѣлки изъ камня, кости и глины.

Выработка металлическихъ издѣлій, повидимому, велась въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и самыми примитивными способами, о чемъ хорошо свидѣтельствуютъ найденныя литейныя формы, приспособленныя только для отливки металлическихъ, вѣрнѣе всего, мѣдныхъ или бронзовыхъ прутиковъ толщиною въ карандашъ и длиною въ среднемъ около двухъ вершковъ [1]). Изъ этихъ-то прутиковъ потомъ и вырабатывались разныя мелкія вещицы, въ видѣ ножей, шилъ, иглъ. Такой примитивный способъ обработки металла могъ существовать лишь короткое время, пока не были узнаны у прогрессивныхъ народовъ способы выработки болѣе совершенныхъ

[1]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1904 годъ“, стр. 95, рис. 162.

литейныхъ формъ, каковыя нѣсколько позже появились какъ на Кавказѣ, такъ и въ другихъ районахъ существованія описываемыхъ первобытныхъ формъ. Въ виду же кратковременности существованія, эти послѣднія формы пріобрѣтаютъ особенное значеніе, какъ могущія хронологически объединить сопровождаемыя ими культуры, географически болѣе или менѣе удаленныя другъ отъ друга. Такъ, благодаря ихъ присутствію, является возможность заключить объ одновременности нѣкоторыхъ культуръ южной [1]) и средней [2]) Россіи.

Издѣлія изъ камня носятъ неолитическій характеръ, отличаясь иногда замѣчательною изящностью отдѣлки и цѣлесообразностью формъ. Таковы полированные нефритовые и другіе топоры-молоты со сверлинами, кремневые и обсидіановые наконечники стрѣлъ, булавы [3]) и др.

Изъ костяныхъ подѣлокъ заслуживаютъ вниманія привѣски изъ обрѣзанныхъ и отполированныхъ зубовъ, какъ полагаютъ, оленей и пронизки въ видѣ маленькихъ чашечекъ. Судя по обилію ихъ, можно допустить, что тѣ и другія вырабатывались на Кавказѣ и оттуда распространялись въ разныя страны. Такъ единичныя находки совершенно схожихъ привѣсокъ сдѣланы въ Сибири [4]), чашечныхъ же пронизокъ—въ Астраханской губерніи [5]).

---

[1]) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ.“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 194, 266, 309 и табл. V, рис. 1—5 и 7.—Каталогъ выставки XII Археолог. Съѣзда, стр. 39 и 53, гдѣ дается подробное описаніе формъ.

[2]) Ю. Г. Гендуне. „Городище Топорокъ, Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда“. Оттискъ изъ Трудовъ Тверск. Областн. Археолог. Съѣзда, стр. 11 и 12, табл. 5.

[3]) Кавказскія булавы своею грушевидною формою вполнѣ походятъ на месопотамскія, изъ которыхъ одна имѣетъ надпись царя Саргона I, царствовавшаго около 3800 лѣтъ до Р. Х.

Авт.

[4]) Имп. Россійскій Историческій Музей, зала 3, Сибирь.

[5]) Ibid. Водоемъ р. Волги, Астраханской губ., Черноярскаго уѣзда, село Ремонтное.

Наблюдая за распространеніемъ кавказскаго культурнаго теченія къ сѣверу, легко замѣтить, что оно захватывало значительную долю русскихъ погребеній со скорченными костяками и при этомъ независимо отъ различія ихъ ритуальныхъ формъ, или, что почти всё равно, независимо отъ различія племеннаго состава населенія, хотя наибольшее сходство съ кавказскими имѣютъ катакомбныя погребенія степной полосы и ямныя погребенія лѣсной полосы Россіи, на изученіи которыхъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе.

Катакомбныя погребенія извѣстны на берегахъ рѣкъ Донца, Бахмута, Кальміуса, Днѣпра, а также въ Крыму и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Наибольшее число ихъ изслѣдовано на берегахъ рѣкъ Донца и Бахмута[1]). Интересно, что по своей формѣ эти катакомбы оказываются совершенно схожими съ катакомбами Кипра, Сициліи, Минорки (одного изъ Балеарскихъ острововъ) и Португаліи [2]). Отношеніе этихъ памятниковъ другъ къ другу загадочно, но, повидимому, между ними существовала какая-то еще невыясненная связь.

При сооруженіи катакомбъ сначала вырывали входныя ямы; формы послѣднихъ довольно разнообразны; господствуютъ четырехугольныя съ сильно округленными углами; рѣже встрѣчаются подтрехугольныя и овальныя

---

[1]) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи“ и „Результаты археологическихъ изслѣдованій на берегахъ р. Донца, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ.“ Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I.—„Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ.“ „Дневникъ археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ.“ Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I.—Н. Е. Бранденбургъ. „Раскопки въ области Войска Донского“. Отчетъ Имп. Археолог. Ком. за 1891 г., стр. 80—82.

[2]) O. Montelius. „Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien“, Braunschweig, 1900, S. 185, Fig. 455, S. 189, Fig. 467, S. 202, Fig. 487, 488, 490 und 493.

или почти круглыя; размѣры ямъ также разнообразны, но въ общемъ невелики. Для спуска на дно ихъ часто устраивалось по одной, по двѣ и даже по три ступеньки. Катакомба сооружалась подкопомъ подъ одну стѣну входной ямы. Средніе размѣры катакомбъ варьируютъ около $2^1/_2$ арш. длины, $1^3/_4$ арш. ширины и 1 арш. вышины. Въ наиболѣе обширныхъ катакомбахъ можно стоять, лишь немного согнувшись, въ обыкновенныя же—приходится проникать ползкомъ или сильно согнувшись, а дѣтскія катакомбы нерѣдко совсѣмъ не вмѣщаютъ взрослаго человѣка, и ихъ разбираютъ или со взломомъ крыши, или черезъ отверстіе входа, не проникая внутрь.

Дно катакомбъ дѣлалось ровнымъ, эллиптическимъ или овальнымъ. Бока и крыша, сливаясь съ дномъ, образовывали округлые своды. Дно обыкновенно посыпалось или золою, или известью, или красной краской. Посыпка оказывалась или сплошною, или частичною. Значеніе ея вполнѣ ритуальное. Зола и вмѣстѣ съ нею уголь, являясь результатомъ горѣнія огня, указываютъ на вѣру въ чистилищную силу послѣдняго, что подтверждается существованіемъ у катакомбныхъ жителей обряда сожженія труповъ. Этотъ обрядъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ одинаково основывался на представленіи, что душа живетъ за предѣломъ смерти, и ей желательно скорѣе освободиться отъ разлагающагося нечистаго тѣла, чему лучше всего помогаетъ огонь.

Известь и краска, повидимому, употреблялись какъ символы того же огня. Ими посыпались не только дно катакомбы, но и разныя вещи и сами покойники[1]). Не-

[1]) Вопросъ объ окрашиваніи костяковъ представляетъ значительный научный интересъ. Мнѣнія изслѣдователей сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) окраска костей покойниковъ получалась отъ крашенныхъ одеждъ или отъ крашенныхъ стѣнъ склеповъ, при чемъ краска, по истлѣніи одежды и склеповъ, естественно осаждалась на костяхъ и на полу могилы; 2) окраска костей производилась преднамѣренно послѣ того, какъ онѣ были освобождены отъ мускуловъ; и 3) окраска костей

рѣдко въ катакомбахъ ставились особыя жаровни; обыкновенно, въ нихъ находятся зола и уголь, а иногда куски краски. Очевидно, и здѣсь краска являлась символомъ огня.

Въ катакомбахъ наблюдались три различныхъ формы погребеній: сожженіе, расчлененіе и обычное трупоположеніе. Погребенія въ формахъ сожженія и расчлененія практиковались рѣдко. Сожженіе, повидимому, было неполнымъ. Кости расчлененныхъ покойниковъ полагались въ извѣстномъ порядкѣ, но среди нихъ иногда недоставало нѣкоторыхъ частей. Судя по полной связи между мелкими костями ступней, въ одномъ случаѣ можно было установить, что ноги были отдѣлены въ колѣнныхъ сочлененіяхъ и положены въ катакомбу еще не освободившимися отъ мускульныхъ связокъ [1]).

Для расчлененныхъ погребеній обыкновенно выполнялся весь чинъ погребенія, какъ будто бы хоронился цѣльный трупъ взрослаго покойника. Такъ для нихъ вырывались катакомбы такихъ же размѣровъ, какъ и для обыкновенныхъ погребеній съ нерасчлененными костяками. Полы (дны) катакомбъ освящались символами святого огня въ видѣ бѣлаго порошка, мѣла и красной краски.

получалась отъ посыпки покойниковъ порошкомъ краски съ ритуальными цѣлями. Послѣднее мнѣніе въ настоящее время пользуется наибольшимъ распространеніемъ.

Литература:

1) Н. Е. Бранденбургъ. „Объ окраскѣ скелетовъ въ древнихъ курганныхъ могилахъ“. Труды Русск. Антрополог. Общ., 1890 г., стр. 39—44.

2) Я. Н. Якимовичъ. „Объ окрашенныхъ костякахъ, находимыхъ при археологическихъ раскопкахъ“. Докладъ, читанный въ Физико-Медицинскомъ Обществѣ при университетѣ Св. Владимира. Выдержки изъ доклада помѣщены въ „Кіевлянинѣ“ 1899 г., № 314, и въ „Археологической Лѣтописи южной Россіи“, т. I, стр. 209.

[1]) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ раскопокъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ“ и „Дневникъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ“. Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 222—224, 296, 297, 300 и 301.

Около частей покойника, какъ и около цѣлаго, разставлялись и раскладывались вещи, полагались отрубленныя ноги и головы животныхъ. Однимъ словомъ, части, какъ и цѣлому, воздавались всѣ почести полностью.

Покойники въ простыхъ погребеніяхъ полагались въ скорченномъ, или, правильнѣе, согнутомъ положеніи, на правомъ боку, лицомъ къ выходу изъ катакомбы. Ориентировка покойниковъ въ отношеніи странъ свѣта соблюдалась не очень строго, хотя преобладаетъ положеніе покойника головою на югъ.

Въ катакомбахъ хоронили какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей, по одиночкѣ и коллективно; въ послѣднихъ случаяхъ постоянно приходилось устанавливать, что всѣ покойники были внесены одновременно, что указываетъ на насильственную смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ. При покойникахъ, обыкновенно, полагались разныя вещи, въ составъ которыхъ входили подѣлки изъ бронзы, серебра, камня, кости, стекла, глины и др. Встрѣчались остатки ткани и мѣховой одежды. Нѣкоторыя катакомбы оказываются ограбленными современниками ихъ сооруженія, и потому слѣдуетъ заключить, что въ нихъ полагались и болѣе цѣнныя, вѣроятно, золотыя вещи.

Въ числѣ бронзовыхъ подѣлокъ найдены ножи, шила, булавки, кольца, бусы и другая мелочь. Крупныхъ предметовъ, въ родѣ топоровъ, кирокъ, долотъ, ни разу не встрѣчено, хотя существованіе ихъ хорошо доказывается характеромъ слѣдовъ, оставленныхъ какъ на деревьяхъ,

---

3) Julian Kulakovsky. „Sur la question des squelettes colorés“, Kiev, 1905.— Проф. Ю. А. Кулаковскій. „Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ“. Труды XI Археолог. Съѣзда, т. I.

4) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 147 и 148.

5) А. А. Спицынъ. „Курганы съ окрашенными костяками“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ.

6) Н. И. Витковскій. „О раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Ангары, произведенной лѣтомъ 1881 г.“ Труды V Археолог. Съѣзда, т. I.

которыми закрывались входы въ катакомбы, такъ и на лёссовыхъ стѣнкахъ самихъ катакомбъ и входныхъ ямъ. Всѣ бронзовыя подѣлки совершенно схожи съ кавказскими.

Серебряныя вещи встрѣчаются рѣдко и представляютъ небольшія кольца съ неспаянными, заходящими другъ за друга, нѣсколько утолщенными концами. По формѣ онѣ схожи съ кавказскими.

Чаще встрѣчаются подѣлки изъ камня. Въ составъ ихъ входятъ полированные топоры-молоты со сверлинами, кремневые наконечники стрѣлъ, круглые, вѣроятно, метательные шары, или боласы, булавы, литейныя формы, служившія для отливки металлическихъ прутиковъ, точильные бруски, бусы и др. Большинство изъ этихъ вещей является какъ бы повтореніемъ кавказскихъ.

Среди костяныхъ издѣлій встрѣчены шила, застежки для одежды, кольца, привѣски; въ одной катакомбѣ найдена цѣлая игра, состоящая изъ трехъ палочекъ и двухъ одинаковыхъ кубиковъ съ мѣтками на граняхъ [1]). Кромѣ того, встрѣчались игры изъ астрогаловъ овецъ, козъ, коровъ и, въ одномъ случаѣ, лошади.

Стеклянныя издѣлія представляются только отдѣльными крайне рѣдкими бусинами.

Наиболѣе многочисленными среди всѣхъ бытовыхъ предметовъ являются глиняные сосуды [2]). Формы ихъ

---

7) A. Bobrinskoy. „Notes d'archéologie russe". Revue Archéologique, t. III, 1904.

8) Гр. А. А. Бобринской. „Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣст. Смѣлы", т. I, стр. 58 и 60; т. II, стр. 149.

9) Г. Л. Скадовскій. „Бѣлозерское городище Херсонскаго уѣзда, Бѣлозерской волости, и сосѣдніе городища и курганы". Труды VIII Археолог. Съѣзда, т. III, стр. 90 и 91.

[1]) Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 194 и 195, табл. VI, рис. 1—5.

[2]) Подробное описаніе ихъ см. въ „Каталогахъ Выставокъ XII и XIII Археолог. Съѣздовъ", коллекціи бронзовой эпохи В. А. Городцова, а также въ Трудахъ XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 197 и 198, табл. VIII и IX, и въ Трудахъ XIII Археолог. Съѣзда, стр. 232 и 233, табл. XIII.

довольно просты. Поверхность большинства сосудовъ покрывалась обильнымъ и довольно красивымъ орнаментомъ, который, обыкновенно, начинался съ обрѣза шейки, покрывалъ всю ея поверхность и спускался пышными бахромами черезъ плечи сосудовъ на его бока. Сверхъ тисненыхъ узоровъ сосуды иногда покрывались красками. Сосуды безъ орнамента встрѣчаются рѣдко и отличаются большими размѣрами и болѣе сильнымъ обжигомъ. Они, очевидно, предназначались для служебныхъ цѣлей, тогда какъ орнаментированые сосуды могли имѣть назначеніе декоративныхъ вещей, предназначаемыхъ для пользованія лишь въ болѣе торжественныхъ случаяхъ.

Во многихъ сосудахъ находилось или темнобурое или желтоватое вещество. То и другое отлагалось на днахъ сосудовъ. Темнобурое вещество имѣло видъ засохшей крови и перегорѣлаго, пересохшаго мяса, за каковыя оно и принимается. Желтое вещество походитъ на мелкій песокъ, но, при болѣе внимательномъ изученіи, въ немъ узнавались зерна проса, или пшена.

Интересно, что ранѣе постановки сосудовъ въ могилы на дно многихъ изъ нихъ выливалась какая-то густая жидкость, стекавшая со дна на стѣны и оставлявшая на нихъ темнобурыя полосы и натеки. Весьма возможно, что это была кровь жертвенныхъ животныхъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ катакомбы нерѣдко полагались отрубленныя головы, ноги овецъ и коровъ. Сосуды со слѣдами

---

10) „Занятія VIII Археологическаго Съѣзда“, стр. 42, 78, 79, 189 и 190. Здѣсь приводятся мнѣнія проф. В. Б. Антоновича, Г. Л. Скадовскаго и І. А. Хайновскаго объ окрашиваніи костяковъ.

11) Извѣстія IX Археолог. Съѣзда, № 14, стр. 2. В. Б. Антоновичъ. „Замѣтка о крашенныхъ скелетахъ“ и мнѣнія по поводу этой замѣтки А. И. Маркевича, Д. Н. Анучина, Н. И. Веселовскаго и І. А. Хайновскаго.

12) Извѣстія XI Археолог. Съѣзда, стр. 149. Проф. Ю. А. Кулаковскій. „Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ“ и мнѣнія по поводу вопроса проф. В. Б. Антоновича, гр. А. А. Бобринскаго и др.

такой же жидкости на днахъ найдены и на сѣверномъ Кавказѣ.

Въ двухъ катакомбахъ сохранились остатки одежды и головного женскаго убора. Одежда состояла изъ тонкихъ хорошо обработанныхъ шкурокъ мелкихъ звѣрковъ. Сшивка отдѣльныхъ кусковъ мѣха выполнена съ замѣчательнымъ искусствомъ. Для сшивки служили тонкія крученыя нити. Украшеніе одежды составляли многочисленныя перламутровыя бляшки, найденныя разсѣянными по всему костяку [1]). Головной женскій уборъ состоялъ также изъ тонкой кожи, украшенной бахромой, сплетенной изъ нитокъ въ видѣ сѣтки съ отходящими внизъ кистями [2]).

Послѣ того, какъ покойникъ былъ положенъ, и предметы размѣщены вокругъ его останковъ, входъ въ катакомбу закрывался или деревянными плахами, или камнями, или чистой глиной, или, наконецъ, тѣми и другими вмѣстѣ. Въ донецкомъ и бахмутскомъ районахъ чаще практиковалось деревянное загражденіе. Куски дерева употреблялись то въ видѣ круглыхъ, то въ видѣ колотыхъ плахъ. Обработка ихъ, несомнѣнно, производилась весьма острыми металлическими инструментами.

По закрытіи катакомбы надъ ней насыпался курганъ съ вершиной не надъ центромъ основанія, а надъ сѣверною полою.

Принимая во вниманіе всё приведенное, мы можемъ видѣть, что человѣкъ, оставившій катакомбныя погребе-

---

13) Извѣстія XII Археолог. Съѣзда, стр. 182. Е. Н. Мельникъ. „Археологическія раскопки въ Ахтырскомъ и Купянскомъ уѣздахъ, Харьковской губерніи".

14) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ". Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 182, 183, 191 и 192.

15) Его же. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ". Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 219 и 233.

[1]) Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 197.

[2]) Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 314.

нія въ южной Россіи и въ особенности на берегахъ рѣкъ Донца и Бахмута, находился въ живой связи съ жителями Кавказа. Его бытъ характеризовался употребленіемъ мѣдныхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ и, очень вѣроятно, золотыхъ предметовъ, довольно развитымъ скотоводствомъ и признаками земледѣлія.

Катакомбный человѣкъ явился въ донецко-бахмутской области позже человѣка, хоронившаго своихъ покойниковъ въ грунтовыхъ ямахъ въ скорченномъ и вытянутомъ положеніяхъ, съ головою, обращенною къ сѣверо-востоку-востоку, и послѣ самъ былъ смѣненъ человѣкомъ, хоронившимъ покойниковъ въ срубахъ также въ скорченномъ положеніи, но съ оріентировкою для большинства лицъ на сѣверо-западъ-западъ, а для меньшинства — на сѣверо-востокъ-востокъ. Культура срубнаго человѣка мало отличалась отъ культуры катакомбнаго человѣка и одинаково находилась подъ вліяніемъ кавказскаго культурнаго теченія.

Въ другихъ областяхъ южной Россіи такой или какой-либо другой опредѣленной послѣдовательности въ смѣнѣ населенія, относящагося ко времени скорченныхъ и окрашенныхъ костяковъ, не наблюдается. Причиной этому, вѣроятнѣе всего, служитъ или недостатокъ систематическихъ изслѣдованій на болѣе широкихъ географическихъ площадяхъ, или другой болѣе сложный порядокъ смѣны населенія, что при племенномъ разнообразіи и дробности является весьма возможнымъ.

Наиболѣе отдаленные слѣды кавказскаго вліянія существуютъ на верхнемъ теченіи р. Волги, гдѣ открытъ цѣлый рядъ памятниковъ культуры такъ называемаго фатьяновскаго типа*), главными представителями которой

*) *Литература:*

1) Гр. А. С. Уваровъ. „Археологія Россіи. Каменный періодъ“, т. I, стр. 395—419.

2) „Антропологическая Выставка“, т. II, стр. 23 и т. III, стр. 188.

являются могильники, расположенные въ окрестностяхъ д. Фатьяновой и с. Великаго, Ярославской губерніи.

Культура фатьяновскаго типа характеризуется большимъ количествомъ каменныхъ орудій и малымъ количествомъ подѣлокъ изъ мѣди и бронзы, хотя, судя по находкѣ въ городищѣ Топорокъ каменной литейной формы для отливки прутиковъ, слѣдуетъ полагать, что металлическіе предметы вырабатывались внутри страны, заброшенной въ самой глуши первобытнаго лѣса. Признаки земледѣлія и скотоводства совершенно отсутствуютъ. Изъ прирученныхъ животныхъ въ распоряженіи человѣка имѣлась только одна собака. Главнымъ занятіемъ его служила охота на лѣсныхъ звѣрей и животныхъ, а именно на кабана, медвѣдя, рысь, лисицу, оленя и другихъ.

Населеніе принадлежало, подобно населенію южнорусской степи, къ долихоцефаламъ. Оно также хоронило своихъ покойниковъ въ ямахъ, въ скорченномъ положеніи, и сопровождало ихъ разными предметами быта, въ особенности глиняными сосудами; кургановъ же надъ могилами не сыпало, но выбирало для нихъ природные холмы.

„Среди русскихъ древностей, говоритъ А. А. Спицынъ, могильники фатьяновскаго типа ближайшія аналогіи имѣютъ въ южныхъ курганахъ съ погребеніемъ скорченныхъ костяковъ, особенно же въ нѣкоторыхъ кубанскихъ. Болѣе всего поражаетъ сходство посуды, какъ въ формѣ, матеріалѣ, такъ и въ орнаментѣ штриховомъ и также располагающемся по поверхности сосуда отдѣльными полотнищами. Характерна одна мелочная особенность: какъ на фатьяновскихъ, такъ и на кубанскихъ

3) А. А. Спицынъ. „Мѣдный вѣкъ въ Верхнемъ Поволжьѣ“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ., Русск. Отд., т. V.

4) Его же. „Новыя свѣдѣнія о мѣдномъ вѣкѣ въ средней и сѣверной Россіи“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ., Русск. Отд., т. II.

5) В. А. Городцовъ. „Раскопки могильника на Черной горѣ, въ окрестностяхъ с. Великаго, Ярославской губерніи и уѣзда“, Ярославль, 1896 г.

круглодонныхъ сосудахъ нерѣдко имѣются на днищахъ съ наружной стороны ямочки, иногда орнаментированныя. Для изящныхъ фатьяновскихъ каменныхъ топоровъ аналогіи отыскиваются лишь въ такихъ же подѣлкахъ кургановъ кубанскихъ, ставропольскихъ и таврическихъ, гдѣ онѣ достигаютъ высшаго расцвѣта. Обрядъ погребеній— тотъ же самый [1]). Если въ фатьяновской культурѣ погребеніе совершается не въ курганахъ, то всё же непремѣнно на возвышеніяхъ курганнаго вида. Другія черты сходства: ожерелья изъ звѣриныхъ зубовъ и костяныхъ трубочекъ, мѣдныя колечки, одинаковая форма клиньевъ, тамъ изъ мѣди, здѣсь изъ кремня; тонкіе и длинные кремневые фатьяновскіе ножи найдены также въ кубанскихъ курганахъ и близки къ мѣднымъ ножамъ, столь обычнымъ въ курганахъ со скорченными костяками“ [2]).

„Видимо, заключаетъ тотъ же авторъ въ другой своей работѣ, что чистая фатьяновская культура принесена на сѣверъ какимъ-то южнымъ населеніемъ“ [3]).

Намъ остается только присоединиться къ изложеннымъ мнѣніямъ цитируемаго автора и пожелать, чтобы русскіе археологи обратили на нихъ вниманіе и помогли болѣе широкому ихъ освѣщенію путемъ сбора новаго фактическаго матеріала. И это тѣмъ болѣе, что въ связи съ правильнымъ рѣшеніемъ вопросовъ, касающихся разсмотрѣннаго культурнаго теченія, находится правильное

---

6) Ю. Г. Гендуне. „Городище Топорокъ, Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда“. Труды Тверск. Областн. Археолог. Съѣзда.

7) Н. Е. Макаренко. „Поѣздка 1903 г. по верхнему теченію р. Волги“, Изв. Имп. Археолог. Ком.

[1]) А. А. Спицынъ. „Курганы съ окрашенными костяками“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. XI, в. 1 и 2, стр. 53—133.

[2]) Его же. „Мѣдный вѣкъ въ Верхнемъ Поволжьѣ“, Спб., 1903 г., стр. 15 и 16.

[3]) Его же. „Новыя свѣдѣнія о мѣдномъ вѣкѣ въ средней и сѣверной Россіи“. Отд. оттискъ изъ Записокъ Имп. Русск. Археолог. Общ., Русск. Отд., т. II, стр. 10.

рѣшеніе вопросовъ объ аналогичныхъ культурахъ въ разныхъ областяхъ Западной Европы, не исключая даже Великобританскихъ острововъ [1]), гдѣ открыты культуры, совершенно схожія съ южно-русскими, въ особенности съ приднѣпровскою.

Среднеазіатское культурное теченіе.

Среднеазіатское культурное теченіе проникаетъ въ область Россіи позже кавказскаго. Этимъ теченіемъ приносится оригинальная, но еще недостаточно изслѣдованная культура, характерными памятниками которой являются топоры съ вислыми обухами и широкіе серпы, изъ коихъ первые встрѣчаются особенно часто и площадью массового распространенія имѣютъ уголъ, образованный линіями, идущими отъ Перми на Кіевъ и отъ Кіева на Астрахань. По своей формѣ русскіе топоры съ вислыми обухами стоятъ близко къ туркестанскимъ и венгерскимъ. Направленіе ихъ теченія въ Россію достаточно опредѣляется фигурой занимаемой ими площади, широко открытой къ Каспійскимъ воротамъ и Туркестану, откуда они, очевидно, и притекали, или получили свое начало.

Къ сожалѣнію, несмотря на многочисленность находокъ, эти топоры до сихъ поръ не удалось связать ни съ погребеніями, ни со стоянками, ни вообще съ какими-либо опредѣленными культурами, и потому всѣ находки ихъ какъ бы висятъ въ воздухѣ. То же слѣдуетъ сказать и относительно серповъ. Въ общемъ всё это дѣлаетъ вопросъ о среднеазіатскомъ культурномъ теченіи довольно темнымъ. Повидимому, оно существовало непродолжительное время, будучи вскорѣ отклонено сибирскимъ теченіемъ, съ которымъ мѣстами успѣло слиться въ одинъ потокъ. Такъ съ болѣе поздними бронзами сибирскаго типа найдены топоры съ вислыми обухами въ извѣстномъ Галичскомъ

[1]) J. R. Mortimer. „Forty years' researches in British and Saxon burial mounds of east Yorkshire", London, 1905.

кладѣ, Костромской губерніи [1]), въ Дивногорскомъ монастырѣ, Воронежской губерніи [2]), а нѣсколько десятковъ серповъ среднеазіатскаго типа — въ мастерской, открытой близъ с. Сосновая Мыза, Саратовской губерніи [3]).

Судя по высокой техникѣ обработки топоровъ и ихъ многочисленности, слѣдуетъ полагать, что культуры, связанныя съ ними, должны быть довольно богатыми, и открытіе ихъ обѣщаетъ еще много интереснаго для русской археологіи.

Сибирское культурное теченіе.

Сибирское культурное теченіе явилось въ Россіи послѣднимъ. Наибольшее развитіе его относится, несомнѣнно, къ желѣзной эпохѣ, но первое появленіе, повидимому, еще застало бронзовую эпоху: это доказывается какъ появленіемъ вещей сибирскаго типа въ концѣ эпохи въ Западной Европѣ, такъ и совмѣстнымъ нахожденіемъ ихъ съ вещами болѣе древнихъ типовъ, найденными въ Россіи, на которыхъ мы и сосредоточимъ наше главное вниманіе.

Наибольшее количество бронзовыхъ вещей сибирскаго типа найдено въ Восточной Россіи, именно въ области соединенія Камы съ Волгой, гдѣ, повидимому, существовалъ довольно развитой очагъ, къ сожалѣнію, еще недостаточно обслѣдованный и поэтому обозначающійся болѣе или менѣе случайными находками [4]).

---

[1]) J. R. Aspelin. „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“, p. 67, fig. 299—303.—А. А. Спицынъ. „Галичскій кладъ“, Спб., 1903 г.

[2]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1902 г.“, стр. 125.

[3]) Имп. Россійскій Историческій Музей, зала 3, коллекція бронзовыхъ вещей, найденныхъ близъ с. Сосновая Мыза, Хвалынскаго уѣзда, Саратовской губ.—„Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1901 г.“

[4]) А. А. Штукенбергъ. „Матеріалы для изученія мѣднаго вѣка восточной полосы Европейской Россіи“. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. унив., т. XVII, вып. 4, стр. 166. „Въ восточной полосѣ Европейской Россіи, говоритъ А. А. Штукенбергъ, памятники мѣднаго, или бронзоваго, вѣка попадаются обыкновенно изолированными,

Первое возникновеніе очага относится ко времени вліянія среднеазіатскаго культурнаго теченія, которое и подготовило его дальнѣйшее развитіе. Главными благопріятными условіями образованія очага послужили: 1) сравнительно бо́льшая изолированность области, закрытой съ востока и юга горами Урала и Общаго Сырта, а съ запада и сѣвера трудно проходимыми лѣсами и болотами, и 2) природное богатство края, пересѣченнаго многоводными рѣками. Горы и ихъ отроги давали мѣдь, столь необходимую въ развитіи культуры, лѣса — дичь, служившую для пищи и одежды, а рѣки — рыбу и удобные пути сообщенія съ другими областями.

Памятниками горнаго промысла служатъ повсюду находимыя здѣсь рудныя копи, которыя русскій народъ называетъ „чудскими“. Эти копи, подобно сибирскимъ, представляютъ видъ узкихъ шахтъ, развѣтвляющихся внизу на ходы, или галлереи, служившіе для разработки рудоносныхъ слоевъ почвы. Посредствомъ ихъ разрабатывались, преимущественно, руды, извѣстныя подъ названіемъ „мѣдной зелени“ и „мѣдной сини“, отложившіяся въ песчаникахъ пермской геологической системы. „Такія мѣдныя руды, говоритъ проф. геологіи А. А. Штукенбергъ, извѣстны въ Вятской губерніи (Малмыжскій и Елабужскій уѣзды), въ Казанской губерніи (Мамадышскій уѣздъ), въ Уфимской, въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ“ [1]).

Разработка руды производилась при помощи мѣдныхъ кайлъ, каменныхъ топоровъ и сдѣланныхъ изъ оленьихъ роговъ кирокъ, часто находимыхъ въ чудскихъ копяхъ. Поблизости копей иногда находятъ слѣды мастерскихъ, въ видѣ плавильныхъ тиглей и каменныхъ литейныхъ

какъ и въ Западной Европѣ вообще. Орудія и оружіе обыкновенно находятъ случайно, выпахивая ихъ при обработкѣ полей или выкапывая при земляныхъ работахъ“.

[1]) Ibid., стр. 168.

формъ[1]). Среди орудій особенно часто встрѣчаются кельты, долота, наконечники копій, кинжалы и ножи. Всѣ они схожи съ сибирскими. Большинство изъ нихъ отлито изъ чистой мѣди и только немногіе — изъ бронзы, что объясняется избыткомъ въ странѣ мѣди и недостаткомъ олова.

Кельты проф. А. А. Штукенбергъ дѣлитъ на двѣ группы. Къ первой группѣ онъ относитъ такіе кельты, которые насаживались на топорище такъ, что лезвіе съ рукояткой находились въ одной плоскости. Эти орудія вполнѣ отвѣчаютъ нашему понятію о топорѣ: ими можно было рубить съ размаху[2]). Ко второй группѣ имъ отнесены кельты, которые насаживались на деревянную часть топора такъ, что лезвіе ихъ получало положеніе перпендикулярное къ рукояткѣ. „Такія орудія, замѣчаетъ изслѣдователь, могли замѣнять мотыги небольшихъ размѣровъ и могли быть употребляемы для обработки полей подъ посѣвъ“[3]).

Долота имѣютъ обычныя сибирскія формы. Копья отливались со втулками для насада на древко; среди нихъ установлено нѣсколько типовъ, изъ коихъ одни характеризуются полукруглыми вырѣзами въ лопастяхъ копейнаго пера, другіе—ушками на втулкахъ, служившими для лучшаго скрѣпленія съ древкомъ. Кинжалы встрѣчаются рѣдко и вполнѣ схожи съ сибирскими. Ножи имѣютъ или копьевидную форму, или форму длинныхъ пластинокъ съ однимъ лезвіемъ. Первые схожи съ кавказскими и, вѣроятнѣе всего, относятся къ болѣе древнему времени; вторые представляются одинаковыми съ сибирскими. Изрѣдка встрѣчаются серпы. По своей формѣ они ближе стоятъ къ среднеазіатскимъ, чѣмъ къ сибирскимъ; повидимому, первое появленіе ихъ относится къ болѣе раннему

[1]) Ibid. „Форма для отливки кельта и небольшой плавильный горшокъ, говоритъ А. А. Штукенбергъ, были найдены П. А. Пономаревымъ въ Лаишевскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, около села Шурана, въ урочищѣ „Ройскій Шиханъ“.

[2]) Ibid., стр. 179.

[3]) Ibid., стр. 189.

времени. Еще рѣже случаются находки бронзовыхъ удилъ. Одна находка ихъ извѣстна въ Тетюшскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, около деревни Чирки [1]).

Въ общемъ всѣ разсмотрѣнные памятники показываютъ, что населеніе, оставившее ихъ, было довольно культурно: знало земледѣліе, скотоводство, умѣло добывать и обрабатывать металлы и жило въ общемъ богато. Такое населеніе не могло остаться безъ вліянія на менѣе развитыхъ сосѣдей, и мы видимъ слѣды этого вліянія, распространяющагося лучами въ разныя стороны. Изъ этихъ лучей одинъ шелъ въ область тундры на Пинегу [2]) и Лапландію [3]); другой—въ область верхняго теченія Волги и ея сѣверныхъ истоковъ, на г. Галичъ [4]) и Финляндію [5]); третій — проникалъ въ центръ Россіи, въ область средней Оки [6]); четвертый — къ низовьямъ Днѣпра [7]) и Ду-

[1]) Ibid., стр. 201.

[2]) J. R. Aspelin. „Antiquités du Nord Finno-Ougrien", p. 60, fig. 240—243.—A. M. Tallgren. „Ural-Altailaisesta pronssikaudesta", Helsingissa, 1908, kuva 5.

[3]) J. R. Aspelin, цитированное сочиненіе, p. 51, fig. 158.

[4]) Ibid., p. 67.—А. А. Спицынъ. „Галичскій кладъ", Спб., 1903 г.

[5]) J. R. Aspelin, цитированное сочиненіе, p. 94, fig. 396—398.—A. Hackman. „De senaste fynden från vår bronsålder". Finskt Museum, 1900, № 1.—Его же. „Die Bronzezeit Finlands". Труды X Археолог. Съѣзда, II.—A. M. T. „Tre nya bronsåldersfynd från Finland". Suomen Museo (Finskt Museum), 1906, № 1.

[6]) В. А. Городцовъ. „Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ долинѣ р. Оки, 1897 года". — IV. Изслѣдованіе дюны Могилки, въ окрестностяхъ с. Алеканова, Муромской волости, Рязанской губ. и уѣзда.— Имп. Россійскій Историческій Музей, зала бронзовой эпохи, коллекція изъ с. Алеканова, Рязанской губ. — Собраніе гр. П. С. Уваровой: два бронзовыхъ кельта и бронзовое зеркало, найденные въ с. Волосовомъ, Муромскаго уѣзда, Владимирской губ.

[7]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1902 г.", стр. 129.—П. Бурачковъ. „О мѣстоположеніи древняго города Каркинитеса", Одесса, 1874 г., табл. V, VI, VIII, IX, X и XI.—Его же. „Объясненіе къ археологической картѣ Новороссійскихъ губерній и Крыма". „Древности", т. XII. — Имп. Россійскій Историческій Музей, зала бронзовой эпохи, Таврическая губ.

ная [1]) и далѣе въ Венгрію; и, наконецъ, пятый—на низовья Волги [2]) и Дона [3]).

Культура сѣвернаго тундроваго луча является мало извѣстною. Она представлена только однимъ кельтомъ, двумя парадными топорами, украшенными звѣриными и птичьими головками, и отчасти керамикой [4]).

Культура финляндскаго луча является болѣе ярко выраженною. Прежде всего въ Галичскомъ кладѣ мы имѣемъ признаки соприкосновенія вліянія сибирскаго съ среднеазіатскимъ; затѣмъ — признаки вполнѣ установившихся религіозныхъ воззрѣній. Сибирское, или, какъ часто называютъ, урало-алтайское, вліяніе выразилось въ характерѣ какъ почти всѣхъ бронзовыхъ издѣлій, такъ и керамики [5]), среднеазіатское же вліяніе — только въ формѣ одного топора съ вислымъ обухомъ [6]). Выразителями религіозныхъ воззрѣній служатъ литыя бронзовыя изображенія боговъ и священныхъ животныхъ [7]).

Въ области Финляндіи произошло соприкосновеніе сибирскаго теченія со скандинавскимъ, при чемъ на берегахъ Балтійскаго моря ясно преобладаетъ второе, тогда какъ въ глубинѣ страны господствуетъ первое, хотя общій перевѣсъ, несомнѣнно, находится на сторонѣ скандинав-

---

[1]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1891 г.“, стр. 84 и 85, рис. №№ 63 и 64.—Имп. Россійскій Историческій Музей, зала бронзовой эпохи, коллекція проф. Кнауэра, изъ Бессарабской губ.

[2]) Имп. Россійскій Историческій Музей, зала бронзовой эпохи, коллекція бронзовыхъ серповъ, кельтовъ, кинжаловъ и др., найденныхъ на полѣ с. Сосновой Мызы, Хвалынскаго уѣзда, Саратовской губ.

[3]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1891 г.“, стр. 79 и 80.—Имп. Россійскій Историческій Музей, зала бронзовой эпохи, коллекція Н. Е Бранденбурга, изъ Области Войска Донского.

[4]) В. А. Городцовъ. „Замѣтка о доисторическихъ стоянкахъ побережья Бѣлаго моря“, Москва, 1901 г.

[5]) А. А. Спицынъ. „Галичскій кладъ“, табл. XXIX, XXX, XXXI.

[6]) Ibid , табл. XXIX, рис. 4.

[7]) Ibid , стр. 3, 5 и табл. XXIX, рис. 5, 7, 8, 19, табл. XXX, рис. 1, 5, 6, 7, 9, табл. XXXI, рис. 7.

скаго вліянія, выразившагося какъ въ характерныхъ формахъ пальштабовъ, мечей, кинжаловъ, такъ и въ формахъ фибулъ съ подвижною булавкою и бритвъ съ однимъ лезвіемъ и спирально-загнутымъ концомъ[1]). Случаи находокъ каменныхъ формъ для отливки кельтовъ свидѣтельствуютъ о существованіи въ Финляндіи мѣстной обработки металла [2]).

Не менѣе интересна культура центральнаго окскаго луча, обозначившаяся уже нѣсколькими довольно важными находками, сдѣланными во Владимирской, Рязанской и Московской губерніяхъ. Особенно замѣчательною представляется Алекановская (Мурóминская) стоянка, расположенная въ поёмной долинѣ р. Оки, въ Рязанской губерніи. Произведенными изслѣдованіями окскихъ береговъ этой губерніи выяснено, что древнѣйшія культуры бронзовой эпохи проникли сюда съ юга Россіи. Таковы керамическія находки на окскихъ дюнахъ въ окрестностяхъ с. Солодчи и дер. Сумбуловой и Ужалья, оказавшіяся близкими къ керамикѣ донецкихъ дюнъ и сѣверно-волжскихъ могильниковъ фатьяновскаго типа. Проникнувъ въ Рязанскую область, восточная культура смѣшалась съ южною, что и запечатлѣлось въ памятникахъ Алекановской стоянки, гдѣ на ряду съ южно-русской керамикой наблюдается керамика другого, несомнѣнно, восточнаго типа, а также того же восточнаго типа бронзовый кельтъ и бронзовая головная булавка [3]). Довольно обильный матеріалъ, собранный на мѣстѣ стоянки, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь того времени въ глубокой глуши русскаго лѣса. Человѣкъ, какъ бы по обычаю, завѣщанному неолитической эпохой, держится на дюнахъ. Центромъ его жизни

---

[1]) A. Hackman. „Die Bronzezeit Finlands“. Труды X Археолог. Съѣзда, т. II, стр. 104—115.

[2]) Ibid., стр. 120.

[3]) В. А. Городцовъ. „Дневникъ археологическихъ изслѣдованій въ долинѣ р. Оки, произведенныхъ въ 1898 году“, стр. 20 и 21.

служатъ очаги, можетъ быть, окруженные легкими постройками въ видѣ шалашей. Вокругъ пасутся домашнія животныя, въ составъ которыхъ входятъ лошади, овцы и, вѣроятно, коровы. Слѣдовъ земледѣлія еще совсѣмъ не видно. Въ кругъ занятій человѣка включаются охота и, можетъ быть, рыболовство, а также обработка камня и металловъ. Близъ его очаговъ оказались въ изобиліи осколки кремня, среди которыхъ отыскались цѣлыя орудія, преимущественно, наконечники кремневыхъ стрѣлъ; тутъ же нашлись обломки шлакировавшихся тиглей, покрытыхъ зеленоватою окисью мѣди, одинъ кусочекъ свинца, небольшой обрывокъ мѣдной проволоки и обломокъ вышеупомянутаго кельта [1]), очевидно предназначавшихся для переливки и случайно затерянныхъ въ отбросахъ стоянки.

Среди памятниковъ культуры днѣпровскаго луча заслуживаютъ вниманія находки, сдѣланныя въ Екатеринославской, Таврической и Бессарабской губерніяхъ. „Въ 1865 году на берегу Конки, говоритъ П. Бурачковъ, въ 35 верстахъ отъ Знаменки, въ с. Князь-Григорьевкѣ, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, найдены были тамошними мальчиками и представлены волостному правленію около 50 экземпляровъ мѣдныхъ топоровъ и серповъ и въ томъ числѣ нѣсколько кусковъ мѣди, еще не обдѣланныхъ; всѣ они были литые. Формы для дѣланія такихъ орудій, наконечниковъ для копій и стрѣлъ, а также долотъ, найдены въ Гилеѣ (въ окрестностяхъ современнаго города Алешки) близъ с. Малыя-Копани и представлены на табл. VIII—XII. Замѣчательно, что топоръ совершенно одинаковой формы и величины и одна матрица для дѣланія серповъ найдены въ Херсонской губерніи на р. Чутѣ, близъ Чернаго лѣса“ [2]).

---

[1]) Имп. Россійскій Историческій Музей, зала бронзовой эпохи, коллекція изъ с. Алеканова, Рязанской губ.

[2]) П. Бурачковъ. „О мѣстоположеніи древняго города Каркинитеса“, Одесса, 1874 г., стр. 52.

Литейныя формы изъ Малыхъ-Копаней въ настоящее время хранятся въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ[1]). По внѣшнему виду наиболѣе сложныя изъ нихъ совершенно схожи съ найденными въ развалинахъ Трои[2]). Онѣ представляютъ четырехгранные бруски, вырѣзанные изъ свѣтлосѣраго стеатита. На каждой грани имѣются углубленія, предназначенныя для отливки тѣхъ или другихъ предметовъ, въ составъ которыхъ входили кельты, долота, кинжалы, ножи, копья и головныя булавки. На ряду съ этими сложными формами имѣются и болѣе простыя, служившія для отливки только одного предмета, напр., серпа, кельта, привѣски и т. п. Одна изъ такихъ формъ служила для отливки пальштаба[3]), что указываетъ на связь съ венгерскимъ очагомъ, вліяніе котораго въ этой области подтверждается и нѣкоторыми другими находками[4]).

Наиболѣе отдаленною является находка, сдѣланная проф. Ѳ. И. Кнауэромъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, гдѣ въ насыпи одного кургана, содержавшаго скорченные костяки, найдены бронзовая чаша съ ручкою, прикрѣпленною бронзовыми гвоздиками, и бронзовый кельтъ, лежавшій подъ чашею, опрокинутою кверху дномъ[5]).

Наконецъ, на пространствѣ паденія донского культурнаго луча, наиболѣе любопытными представляются находки, сдѣланныя во-1-хъ) близъ с. Сабанчеева, Алатырскаго

---

[1]) Имп. Россійскій Историческій Музей, зала бронзовой эпохи, Таврическая губ., коллекція П. Бурачкова.

[2]) H. Schliemann. „Ilios“, Leipzig, 1881, S. 482 und 483, №№ 499 und 500.

[3]) П. Бурачковъ, цитированное сочиненіе, табл. VI, правый рисунокъ.

[4]) Имп. Россійскій Историческій Музей, зала бронзовой эпохи, Екатеринославская губ., серпъ венгерскаго типа.

[5]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1891 годъ“, стр. 84 и 85, рис. 63 и 64, и стр. 164.

уѣзда, Симбирской губ.; во-2-хъ) на полѣ с. Сосновой Мызы, Хвалынскаго уѣзда, Саратовской губерніи; и въ-3-хъ) въ одномъ курганѣ близъ колоніи Ольгенфельдъ, по теченію р. Еи, на пути изъ Новочеркасска въ Ростовъ, въ Области Войска Донского. Въ первомъ пунктѣ найдены, въ видѣ клада, три бронзовыхъ кельта съ городчатымъ орнаментомъ и ушками для привязи къ рукояткѣ, два плоскихъ копьевидныхъ ножа, одно копье со втулкой для насада на древко и полукруглыми вырѣзами въ лопастяхъ пера, два кинжала, одна булавка съ головкой изъ плоской спирали и одинъ проволочный браслетъ со спирально-завитыми концами [1]).

Во второмъ пунктѣ найдены остатки мастерской, въ въ составъ которыхъ входили до 50 бронзовыхъ серповъ, 5 кинжаловъ, 3 кельта, 1 долото, куски мѣди и 1 литокъ. За исключеніемъ кельтовъ, всѣ вещи оказались только что вышедшими изъ литейныхъ формъ, совсѣмъ не обрубленными отъ постороннихъ придатковъ литья и не заточенными. Многіе предметы отлиты неудачно и предназначались для переплавки, при чемъ нѣсколько серповъ, очевидно, преднамѣренно сломаны на два и на три куска, чтобы удобнѣе вложить ихъ въ плавильный тигль [2]). Этотъ интересный фактъ, въ связи съ вышеотмѣченной подобной находкой на берегахъ Конки, говоритъ за то, что обработка бронзы въ южной Россіи въ разсматриваемое время пользовалась широкимъ распространеніемъ.

Въ третьемъ пунктѣ, при раскопкѣ одного кургана, найдено нѣсколько бронзовыхъ кельтовъ и кинжаловъ, или наконечниковъ копій съ продольнымъ возвышеніемъ посрединѣ [3]). Къ сожалѣнію, раскопка носила случайный ха-

[1]) Ibid., за 1894 годъ, стр. 41, рис. 53—56.

[2]) Имп. Россійскій Историческій Музей, зала бронзовой эпохи, Саратовская губ. — „Отчетъ Имп. Археолог. Комиссіи за 1901 г.“ — „Извѣстія Имп. Археолог. Комиссіи“, вып. 29, статья А. С. „Нѣкоторыя находки мѣднаго вѣка“.

[3]) „Отчетъ Имп. Археолог. Комиссіи за 1891 г.“, стр. 79. Одинъ

рактеръ, и условія весьма важной находки остались совершенно невыясненными.

Заканчивая на этомъ обзоръ наиболѣе важныхъ находокъ поры бронзовыхъ орудій. извѣстныхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, замѣтимъ, что изученіе древностей этой поры только что начинается, и, судя по началу, отъ него слѣдуетъ ожидать еще много важнаго и интереснаго для науки. Но какъ бы то ни было, характеръ этихъ древностей всегда останется или транзитнымъ, или случайнымъ и глохнущимъ, что вполнѣ обусловливается съ одной стороны могучей, въ общемъ суровой, природой, а съ другой — обширностью почти ничѣмъ неприкрытой страны, полное овладѣніе и защита которой могли быть доступными только для весьма многочисленнаго и культурноразвитого народа, какового въ то время еще не существовало не только въ Россіи, но и на всемъ Европейскомъ континентѣ.

Кобанская культура *)

Въ то время, когда сибирское культурное теченіе, конкурируя съ среднеазіатскимъ, проникало черезъ Россію въ Западную Европу, и когда на берегахъ Камы, подъ скрещеннымъ вліяніемъ названныхъ теченій, зажигался новый культурный очагъ, въ горахъ Кавказа вспыхнулъ еще болѣе яркій и своеобразный очагъ, памятникомъ котораго является культура, открытая въ Кобанскомъ могильникѣ и другихъ пунктахъ Кавказа. Эта культура характе-

---

кельтъ изъ этой находки хранится въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ, зала бронзовой эпохи, Область Войска Донского, коллекція Н. Е. Бранденбурга.

Авт.

*) *Литература:*

1) Гр. П. С. Уварова. „Могильники Сѣвернаго Кавказа". Матеріалы по археологіи Россіи, вып. VIII, Москва, 1900 г.

2) E. Chantre. „Recherches anthropologiques dans le Caucase", Lyon, 1885—1887.

ризуется обильной бронзой и первымъ появленіемъ желѣза. Послѣдній фактъ лучше всего опредѣляетъ время культуры на самой грани бронзовой и желѣзной эпохъ, т.-е. приблизительно около XV вѣка до Р. Хр., когда ясно обозначилось появленіе желѣза въ Месопотаміи, съ которой Кавказъ находился въ тѣсной связи, а поэтому не могъ быть неосвѣдомленнымъ о новомъ важномъ открытіи [1]). Относя же время культуры къ грани двухъ эпохъ, мы тѣмъ самымъ допускаемъ, что начало ея относится къ древнѣйшей изъ смежныхъ эпохъ, а потому и считаемъ возможнымъ начать изученіе ея въ настоящемъ хронологическомъ отдѣлѣ бронзовой эпохи.

Кобанская культура получила свое названіе отъ осетинскаго аула Кобани, расположеннаго въ 30 верстахъ отъ Владикавказа, на сѣверо-востокъ отъ Казбека, на берегу р. Гизель-Дона. Въ 1869 году близъ этого аула былъ случайно открытъ богатый могильникъ [2]), привлекшій вниманіе не только русскихъ, но и многихъ заграничныхъ археологовъ. Въ изслѣдованіи его приняли участіе

---

3) R. Virchow. „Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten", Berlin, 1883.

4) Протоколы Засѣд. Комитета по устройству Антропологической Выставки Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, № 20, Москва, 1878 г. О раскопкахъ Г. Д. Филимоновымъ Кобанскаго могильника въ 1877 году.

[1]) Относительно хронологіи кобанской культуры существуютъ довольно разнорѣчивыя мнѣнія. Гр. А. С. Уваровъ и гр. П. С. Уварова относятъ её къ VIII, проф. Р. Вирховъ—къ X, Э. Шантръ—къ XV—VII, а де-Морганъ—къ XXX—XXV вѣкамъ до Р. Хр. Наша дата, основанная на хронологіи развитія общечеловѣческой культуры, является, по отношенію къ приведеннымъ наиболѣе серьёзно обоснованнымъ датамъ, среднею, а это одно уже говоритъ за бо́льшую близость ея къ истинѣ.

Авт.

[2]) Въ Кобанскомъ могильникѣ встрѣчены погребенія разныхъ эпохъ. Въ настоящемъ случаѣ имѣются въ виду только древнѣйшія погребенія, отличавшіяся особеннымъ изобиліемъ вещей.

Авт.

такіе выдающіеся ученые, какъ проф. В. Б. Антоновичъ, Р. Вирховъ, Э. Шантръ, гр. П. С. Уварова и др. Извлеченные при раскопкахъ многочисленные предметы разошлись по всѣмъ лучшимъ музеямъ Европы. Всѣ металлическія вещи оказались сдѣланными изъ архаической бронзы, состоящей изъ 83% мѣди и 6,4% олова. Исключеніе составили только поясныя бляхи, украшенныя желѣзной инкрустаціей. Обиліе предметовъ и дотолѣ невиданная оригинальность стиля произвели въ свое время сильное волненіе во всемъ археологическомъ мірѣ. Одни полагали, что открытъ новый совершенно оригинальный культурный очагъ; другіе видѣли въ кобанской культурѣ только отраженіе болѣе древнихъ культуръ Средней Азіи, Сибири и т. д. Въ настоящее время, благодаря новымъ фактамъ, можно положительно утверждать, что изслѣдуемая культура явилась подъ вліяніемъ Месопотаміи; но, какъ сильная и весьма оживленная, она находилась въ сношеніяхъ съ разными странами, а между прочимъ съ Финикіей, Средней Азіей и даже Балтійскимъ побережьемъ, откуда получала янтарь, хотя въ послѣднемъ случаѣ сношенія могли быть и при посредствѣ другихъ странъ, напр., Венгріи. Въ результатѣ кобанская культура явилась фокусомъ, собиравшимъ лучи изъ разныхъ очаговъ, имѣвшихъ бо́льшею частью первостепенное значеніе.

Главнымъ представителемъ культуры, какъ по числу, такъ и по характерности предметовъ, является Ко́банскій могильникъ, содержавшій простыя погребенія, безъ всякихъ слѣдовъ сожженія труповъ. Покойники лежали въ каменныхъ ящикахъ, составленныхъ обыкновенно изъ тонкихъ неотесанныхъ плитъ мѣстнаго песчаника и рѣже—

---

5) В. Б. Антоновичъ. „Дневникъ раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ въ 1879 году". „V-й Археолог. Съѣздъ въ Тифлисѣ". Протоколы Подготовительнаго Комитета, стр. 242—245.

6) В. Е. Данилевичъ. „Курсъ русскихъ древностей", Кіевъ, 1908 года, стр. 135—140.

изъ валуновъ. Въ послѣднихъ случаяхъ замѣчались куски дерева, проникнутые окисью мѣди. Дно каждой могилы засыпалось слоемъ желтой глины, а верхъ покрывался каменными плитами. Могилы располагались близко другъ къ другу и нерѣдко въ нѣсколько этажей, что указываетъ на значительную продолжительность существованія могильника. Почти всѣ покойники полагались на правомъ боку, въ согнутомъ положеніи, безъ опредѣленной оріентировки въ отношеніи странъ свѣта, и со многими вещами. Обыкновенно какъ мужчины, такъ и женщины имѣли на рукахъ и ногахъ спиральные браслеты, на таліи — широкіе бронзовые пояса, у груди—дугообразныя фибулы и пластинчатыя булавки, на головѣ—выпуклыя бляшки, очевидно, служившія для украшенія головныхъ уборовъ. Кромѣ того при мужчинахъ часто встрѣчались булавы, топоры, кинжалы и глиняные, рѣже металлическіе, сосуды, а при женщинахъ—головныя булавки и другія украшенія. Въ общемъ могильный инвентарь представляется чрезвычайно богатымъ и разнообразнымъ. Не вдаваясь въ подробное описаніе всѣхъ вещей, мы остановимся лишь на болѣе характерныхъ изъ нихъ [1]).

Среди орудій и оружія особеннаго вниманія заслуживаютъ топоры и кинжалы. Первые отличаются изяществомъ и особенно оригинальностью формъ. Въ настоящее время топоры кобанскаго типа стали извѣстны въ находкахъ какъ сѣвернаго, такъ и южнаго Кавказа, но въ общемъ встрѣчаются не часто. Они имѣютъ узкую, длинную, прямую или красиво изогнутую форму, обыкновенно покрываются обронными или гравированными узорами и изображеніями. Кинжалы отливались или вмѣстѣ съ рукояткой, или отдѣльно въ видѣ клинковъ продолговатой подтрехугольной формы, часто совершенно схожей съ древ-

[1]) Желающему ближе познакомиться съ инвентаремъ Кобанскаго могильника рекомендуемъ обратиться къ богато иллюстрированному описанію гр. П. С. Уваровой, въ ея „Могильникахъ Сѣвернаго Кавказа“.

нѣйшими формами кинжаловъ Западной Европы [1]). Прототипы этихъ кинжаловъ, какъ и топоровъ, слѣдуетъ искать въ Месопотаміи. То же должно сказать и про конскія удила и многія личныя украшенія, въ родѣ браслетъ со спирально-завитыми концами, металлическихъ широкихъ поясовъ, выпуклыхъ бляшекъ, служившихъ для нашивки на головные уборы и др. Столь обычныя въ кобанской культурѣ дугообразныя фибулы оказываются совершенно схожими съ финикійскими, откуда онѣ, очевидно, и распространились частью на западъ въ Италію, Крайну и даже Германію, а частью на востокъ въ область Кавказа, гдѣ получили особенно широкое развитіе и удерживались весьма продолжительное время. Весьма любопытными являются бронзовыя привѣски, изображающія людей, животныхъ, птицъ, представленныхъ то полностью, то по частямъ, въ видѣ отдѣльныхъ головъ, ногъ и рукъ. Изображенія въ большинствѣ случаевъ грубы, тѣмъ не менѣе по нимъ можно установить цѣлый списокъ разныхъ видовъ животныхъ и птицъ. Такъ изъ домашнихъ животныхъ легко узнаются лошади, коровы, овцы, собаки, а изъ дикихъ—медвѣди, кабаны, лоси, олени, изъ птицъ — лебеди и голуби (неясны). Заслуживаютъ вниманія также бусы. Онѣ дѣлались изъ бронзы, сердолика и, въ исключительныхъ случаяхъ, изъ янтаря. Бусы носились на шеѣ, на рукахъ, въ видѣ браслетъ, и на головѣ.

Сосуды встрѣчаются рѣдко и почти всѣ оказываются глиняными. Они лѣпились отъ руки, безъ формъ и гончарнаго круга, изъ черной, довольно хорошо отмученной, глины съ примѣсью мелкаго песка и толченыхъ раковинъ. Обжиганіе ихъ, судя по черному цвѣту, производилось на открытыхъ кострахъ, при чемъ копоть, осаждаясь на стѣнкахъ сосудовъ, повидимому, и придавала имъ черную окраску. Въ числѣ сосудовъ имѣются обыкновенные ку-

[1]) O. Montelius. „Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien“, Braunschweig, 1900.

хонные горшки, чашки и кружки. Всѣ они сравнительно небольшихъ размѣровъ. Поверхности большинства ихъ покрываются рѣзнымъ, инкрустированнымъ костяной пастой, геометрическимъ и рѣже животнымъ орнаментомъ, въ которомъ встрѣчаются углы, ромбы, квадраты, двойныя спирали, рѣже—свастики и фигуры рыбъ. Нѣкоторымъ сосудамъ придавались формы животныхъ и птицъ; имѣлись и двойные сосуды. Въ общемъ же керамика не представляетъ ничего особенно характернаго и оригинальнаго.

Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія появленіе въ кобанской культурѣ эмали и желѣзной инкрустаціи, служившихъ для украшенія бронзовыхъ вещей. Начало свое онѣ, несомнѣнно, получили въ главныхъ очагахъ культурной базы, вѣроятнѣе всего, въ Месопотаміи. Кобанская эмаль представляла стеклянную массу, окрашенную въ разные цвѣта (красный, зеленый, синій, голубой и др.). Обыкновенно ею заполнялись или глубоко прочерченные контуры, или углубленныя площади разныхъ фигуръ. Такой техникѣ присвоено названіе „выемчатой эмали“ [1]). Одинаково съ нею выполнялась и желѣзная инкрустація, появившаяся позже стеклянной эмали. Впрочемъ, принадлежность этой инкрустаціи къ древнѣйшему времени кобанской культуры подвергается сомнѣнію [2]).

---

[1]) Гр. П. С. Уварова. „Могильники Сѣвернаго Кавказа“, стр. 43—47.—А. С. „Предметы съ выемчатою эмалью“, Спб., 1903 г.

[2]) Проф. Р. Вирховъ, произведя химическія изслѣдованія вещества, принимаемаго за желѣзную инкрустацію, убѣдился, что это вещество состоитъ не изъ желѣзной массы, а изъ стекловидной эмали, лишь сверху покрытой окисью желѣза, происшедшей отъ совмѣстнаго нахожденія эмалированныхъ вещей съ желѣзными. Но такъ какъ желѣзныя вещи сопровождали въ Кобанскомъ могильникѣ только позднѣйшія погребенія, то слѣдовательно и эмалированныя вещи съ желѣзной окисью должны принадлежать къ позднѣйшимъ погребеніямъ. R. Virchow. „Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten“, 1883, S. 66—69.

Заканчивая обзоръ древностей бронзовой эпохи, въ заключеніе необходимо отмѣтить, что человѣчество, въ продолженіе всего этого времени, культурно прогрессировало. Это ярко выразилось въ эволюціи всей матеріальной и духовной культуры. Постигнувъ, что прогрессъ становится болѣе возможнымъ при благопріятныхъ физико-географическихъ условіяхъ, лучшіе и самые энергичные представители человѣчества стремятся завладѣть такими условіями и, когда это имъ удается, начинаютъ необыкновенно быстро развиваться и обогащаться матеріальными средствами, высшими опытами и знаніями. Такъ сумеро-аккады, овладѣвъ плодородной частью Месопотаміи, ставшей въ узлѣ великихъ международныхъ путей сообщенія, въ короткій промежутокъ времени своего существованія успѣваютъ создать грамотность, науку, развить искусства и довести многія ремесла до высокаго совершенства, обогатиться матеріально и стать образцомъ культурной и политической жизни едва ли не всего современнаго имъ человѣчества. Финикіяне, воспользовавшись природной недоступностью своей маленькой, но благодатной страны и безконкурентнымъ господствомъ на морѣ, со страстью отдаются дальнимъ путешествіямъ и успѣваютъ познакомить множество приморскихъ народовъ съ благами высшихъ культуръ и довести свои матеріальныя богатства до баснословныхъ размѣровъ.

Однако, при несомнѣнномъ прогрессивномъ развитіи, человѣчество замѣтно страдаетъ еще отсутствіемъ правильнаго воспитанія духа, недостаточнымъ развитіемъ чувства справедливости и гражданской разумной дисциплины, вслѣдствіе чего постоянно впадаетъ въ крайности. Преклоняясь предъ богами, созданными дикой, нисколько недисциплинированной фантазіей, даже передовые народы приносятъ имъ въ жертву не только имущество и животныхъ, но и самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ людей. Такъ отцы, вышедшіе изъ Халдеи, рѣшаются рѣзать для Бога единственныхъ сыновей, а финикійскія матери бросаютъ сво-

ихъ грудныхъ младенцевъ на раскаленныя металлическія руки Молоха и считаютъ за стыдъ выражать состраданіе, когда ихъ ребенокъ, корчась и рыдая, въ предсмертныхъ адскихъ мукахъ сваливается чрезъ открытую пасть въ огнедышущее чрево бога. Такъ египтяне, увлекаясь фараонизмомъ, возводятъ своихъ правителей въ санъ непогрѣшимыхъ боговъ, а себя низводятъ до положенія жалкихъ рабовъ, исполняющихъ всѣ, даже самыя безумныя, прихоти первыхъ и создаютъ на удивленіе человѣчества многихъ вѣковъ грандіознѣйшія по величинѣ и по безсмысленности пирамиды и подземныя катакомбы, высѣченныя съ безумной роскошью въ каменныхъ скалахъ.

Слабые подражаютъ сильнымъ и также часто впадаютъ въ крайности и ошибки. Но, ошибаясь и увлекаясь, человѣчество всё же стремится къ выясненію лучшаго и, открывъ, старается принять это лучшее къ руководству. Такъ возникли первые письменные законы мудраго царя Гаммураби, направленные къ огражденію личности гражданина и стѣсненію административнаго произвола, и въ этомъ великомъ актѣ общечеловѣческаго прогресса запечатлѣлся только первый или одинъ изъ первыхъ шаговъ къ легальному развитію величайшаго чувства гуманности; всѣ же дальнѣйшіе шаги въ данномъ направленіи принадлежатъ уже другому времени, а именно желѣзной эпохѣ.

Желѣзная эпоха.

За бронзовой эпохой послѣдовала желѣзная, подъ которой разумѣютъ время, когда человѣкъ началъ пользоваться желѣзомъ, выплавляя его изъ руды и перековывая или переливая его въ орудія, оружіе и другіе предметы домашняго быта. Знакомство съ такимъ употребленіемъ желѣза совершилось не вдругъ, а постепенно. Ранѣе съ желѣзнымъ производствомъ познакомились болѣе цивилизованные народы, а потомъ и народы культурно отсталые.

Въ настоящее время, повидимому, уже нѣтъ народовъ, которые не знали бы желѣзныхъ издѣлій. Самое введеніе въ бытовую жизнь послѣднихъ совершалось также не вдругъ, а постепенно. Сначала появились единичные желѣзные предметы, всѣ же другіе оставались бронзовыми и каменными. Потомъ, съ теченіемъ времени, количество желѣзныхъ предметовъ уравнивается съ количествомъ послѣднихъ. Наконецъ, желѣзо окончательно вытѣсняетъ и бронзу и камень, при чемъ каменный орудія выводятся изъ употребленія ранѣе бронзовыхъ, а самыя вещества камня и бронзы начинаютъ эксплуатироваться лишь для второстепенныхъ нуждъ быта.

Употребленіе желѣза въ общечеловѣческой культурѣ ясно обозначается во II-мъ тысячелѣтіи до Р. Хр. Въ это время главнымъ центромъ желѣзнаго производства являлась Месопотамія. Около 1500 лѣтъ до Р. Хр. желѣзныя орудія имѣлись во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ древняго міра, проникая далеко и въ страны болѣе отсталыя. Такъ мы ихъ видимъ въ Ассиро-Вавилоніи, Египтѣ, Финикіи, Малой Азіи, на Кавказѣ и въ галльштаттской культурѣ, корни которой, повидимому, близко стоятъ къ обозначенному времени.

Конецъ желѣзной эпохи еще не насталъ до настоящаго времени, такъ что продолжительность эпохи можно оцѣнивать приблизительно въ 3500 лѣтъ. Эта эпоха представляетъ одно цѣлое время безъ характерныхъ признаковъ дѣленія его по совершенству вещества лучшихъ орудій. Сталь и чугунъ, разновидности желѣза, появляются почти одновременно съ послѣднимъ. Въ виду такого явленія приходится изучать древности желѣзной эпохи или въ одномъ общемъ отдѣлѣ, или въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, установленныхъ искусственно, на чисто условныхъ основаніяхъ. Въ обоихъ случаяхъ необходимо, какъ можно чаще, пользоваться данными абсолютной хронологіи, которыя, благодаря росту общечеловѣческой цивилизаціи, становятся всё болѣе и болѣе распространенными и точными,

и самое изученіе древностей удобнѣе всего вести по этническимъ группамъ, напримѣръ, дѣля ихъ на древности египетскія, ассиро-вавилонскія, греческія, римскія, скиѳскія и т. д. Неудобства такого изученія ощущаются только по отношенію къ отсталымъ народностямъ, древности которыхъ по необходимости приходится разсматривать въ схемѣ классификаціи первобытной археологіи. Въ настоящемъ курсѣ желѣзная эпоха условно подраздѣляется на три поры: раннюю пору желѣзныхъ орудій, среднюю пору желѣзныхъ орудій и позднюю пору желѣзныхъ орудій. Къ ранней порѣ относится время отъ начала желѣзной эпохи до христіанской эры, всего около 1500 лѣтъ; къ средней порѣ — время перваго тысячелѣтія, а къ поздней — время второго тысячелѣтія по Р. Хр.

Ранняя пора желѣзныхъ орудій.

Ранняя пора желѣзныхъ орудій характеризуется введеніемъ въ употребленіе первыхъ орудій изъ желѣза и ихъ борьбою съ бронзовыми и отчасти каменными орудіями, при чемъ къ концу поры желѣзо начинаетъ играть господствующую роль въ культурахъ всѣхъ болѣе цивилизованныхъ народовъ Азіи, Африки и Европы. Въ эволюціи духовной жизни человѣчества выясняется стремленіе къ развитію гуманности и общечеловѣческой любви. Это стремленіе, проникшее сквозь строй безчисленнѣйшихъ и опустошительнѣйшихъ войнъ, сквозь моря крови, пролитой ради жестокосердыхъ боговъ и безсовѣстныхъ владыкъ и жрецовъ, въ концѣ поры выкристализовалось въ ученіи Іисуса Христа, призывавшемъ всѣхъ людей къ братской любви, уничтоженію кровавыхъ и вообще матеріальныхъ жертвъ для Бога, съ замѣной ихъ одной молитвой о милости въ той степени, въ какой мы сами оказываемъ или готовы оказать таковую каждому человѣку. Это великое ученіе произвело переворотъ въ жизни всего человѣчества, и начало его считается почти всѣмъ цивилизованнымъ міромъ за начало новой хронологической эры.

Въ отношеніи культурныхъ вліяній изучаемой поры можно замѣтить, что въ это время ни одна страна въ мірѣ не осталась чуждой иностранныхъ вліяній, вслѣдствіе чего повсюду замѣчаются поразительныя смѣшенія идей и воззрѣній и скрещиваніе разнообразныхъ типовъ предметовъ домашняго и общественнаго быта.

Въ первой половинѣ изучаемой поры базой культурной жизни, попрежнему, остаются Месопотамія и Египетъ, произведенія которыхъ находятся въ безпрерывномъ обмѣнѣ и смѣшеніи, оказывая нивелирующее вліяніе другъ на друга. Самую главную роль въ распространеніи этихъ смѣшанныхъ произведеній безспорно играетъ Финикія, достигшая въ это время апогея своего могущества. Благодаря ея міровому посредничеству, почти всѣмъ приморскимъ культурамъ Европы, Южной Азіи и Африки сообщается одинаковый характеръ. Модные въ Месопотаміи и Египтѣ мотивы искусства, одеждъ и жилищъ становятся образцами для посильныхъ подражаній у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, и многое, выработанное въ очагахъ культурной базы, является общимъ достояніемъ. Такъ металлическіе щиты, мечи, копья, стрѣлы повсюду принимаютъ болѣе или менѣе одинаковыя формы. Боевыя колесницы, запряженныя быстрыми конями, одинаково составляютъ блескъ вооруженія всѣхъ передовыхъ и сколько-нибудь цивилизовавшихся народовъ. Мы видимъ ихъ шумныя колонны въ Египтѣ, Ассиріи, подъ стѣнами Трои, гдѣ на нихъ состязаются лучшіе герои Греціи и Малой Азіи, на Кавказѣ, въ южной Россіи, Западной Европѣ и др. Евреи, въ лицѣ пророка Аввакума, представляютъ въ такой колесницѣ Іегову и полагаютъ, что въ подобной, но огненной, колесницѣ былъ взятъ пророкъ Илія живымъ на небо. Для царей и вельможъ повсюду модньмъ развлеченіемъ становится охота на дикихъ животныхъ въ родѣ свирѣпыхъ львовъ, дикихъ быковъ и быстрыхъ оленей и зайцевъ. Это даетъ темы для любимыхъ кровавыхъ сценъ, изображаемыхъ на разныхъ предметахъ быта и, въ особенности, роскоши. На

военныхъ доспѣхахъ, металлической и глиняной посудѣ и на многихъ другихъ предметахъ теперь можно видѣть, какъ львы и пантеры терзаютъ быковъ и оленей, соколы и орлы хватаютъ острыми когтями зайцевъ и другія подобныя сцены.

Центромъ знанія и искусства почти до конца ранней поры желѣзныхъ орудій остается Вавилонъ. Онъ преимущественно даетъ образцы формъ жизни. Всѣ народы стремятся къ нему, чтобы овладѣть или жить его чудесами. Вавилонскій языкъ и письмо считаются офиціальными въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Многочисленные памятники такихъ сношеній найдены въ Египтѣ (въ Тэль-Амарнѣ), Палестинѣ, Финикіи, Сиріи (странѣ хеттовъ), Малой Азіи, на Кавказѣ и въ Эламѣ. Вавилонская мудрость, въ видѣ разнаго рода наукъ, вызываетъ повсюду удивленіе и посильное подражаніе. Но, несмотря на всё это, политическое могущество Вавилона падаетъ: его подрываютъ всюду клокочущія кровопролитныя войны, принявшія въ это время вполнѣ эпидемическій характеръ. Первыми на международномъ боевомъ поприщѣ выступили египтяне. Свергнувъ иго азіатскихъ кочевниковъ гиксовъ, они рѣшили мстить имъ и ихъ одноплеменникамъ въ самой Азіи, перенеся туда театръ военныхъ дѣйствій. Это послужило поводомъ къ непримиримой враждѣ египтянъ съ хеттами, народомъ сильнымъ и цивилизованнымъ, занимавшимъ обширную область у сѣверо-восточнаго побережья Средиземнаго моря. Борьба приняла затяжной характеръ, и въ то время, когда мужественные хетты, отстаивая свои владѣнія и независимость, буквально истекали кровью, поднялась и окрѣпла сосѣдняя страна Ассирія, какъ бы спеціально рожденная и воспитанная для веденія войнъ въ наиболѣе жестокой ихъ формѣ. Она воюетъ со всѣми сосѣдями, пока, наконецъ, безпрерывными боевыми экспедиціями не уничтожаетъ сама себя. Жестокіе ассирійцы, овладѣвъ почти всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, всюду вносятъ грубость, религіозный фанатизмъ и крайній деспотизмъ. Подъ ихъ-то

убійственнымъ вліяніемъ и ослабѣла культурная работа Востока, и только этимъ можно объяснить появленіе во второй половинѣ изучаемой поры на міровой культурной сценѣ и въ главныхъ роляхъ новыхъ народовъ: мидянъ, грековъ и римлянъ, положившихъ твердую основу духовному господству арійцевъ. Въ то же время въ Европѣ успѣваютъ выступить на историческомъ поприщѣ кельты, галлы, иллирійцы, киммерійцы, скиѳы и сарматы.

Изученіе древностей европейскихъ народовъ ведется археологами съ неослабною энергіею, и къ настоящему времени уже собраны обширные матеріалы, часть которыхъ получила вполнѣ научное освѣщеніе. Не имѣя возможности охватить всѣ эти матеріалы, мы остановимся лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые являются наиболѣе важными для изученія древностей народовъ, обитавшихъ въ Россіи.

Галльштаттская культура *).

Съ галльштаттской культурой въ послѣднее время всё чаще и чаще связывается понятіе о начальной стадіи развитія желѣзной культуры въ Западной Европѣ вообще. Проф. М. Гёрнесъ идетъ даже далѣе, полагая, что область галльштаттской культуры простирается отъ Кавказа до Атлантическаго океана и отъ Средиземнаго до Нѣмецкаго моря, занимая, такимъ образомъ, почти всю Европу. Въ настоящемъ курсѣ мы подъ галльштаттской культурой будемъ подразумѣвать культуры ранней поры желѣзныхъ орудій въ предѣлахъ Западной Европы и въ особенности въ приду-

*) *Литература*:

1) E. F. von Sacken. „Das Grabfeld von Hallstatt“, Wien, 1868.
2) F. Simony. „Die Alterthümer vom Hallstatter Salzberg und dessen Umgebung“, 1851.
3) A. B. Meier. „Das Gräberfeld von Hallstatt“, 1885.
4) P. Reinecke. „Chronologie des Grabfeldes von Hallstatt“. Mittheil. der Anthrop. Gesellsch. in Wien, XXX.
5) M. Hoernes. „Gruppen und Stufen des Gräberfeldes von Hallstatt“. Korresp.-Blatt der deutschen Geschichts- und Alterthumsvereine, 1907.

найской области. Возникновеніе и развитіе этой культуры совершилось подъ живымъ воздѣйствіемъ главныхъ культурныхъ очаговъ древняго міра. Самыя многочисленныя находки галльштаттской культуры были сдѣланы въ Австріи, именно: въ Венгріи, Моравіи, Крайнѣ и Босніи, т.-е. въ тѣхъ, приблизительно, областяхъ, гдѣ въ началѣ бронзовой эпохи осѣла народность, принесшая трипольскую культуру, которая, смѣшавшись впослѣдствіи съ другими народностями, дала венгерскую культуру, получившую особенно блестящее развитіе въ концѣ бронзовой эпохи. Главными носителями галльштаттской культуры почти всѣми учеными признаются кельты, состоявшіе въ ближайшемъ родствѣ съ германцами и славянами. Время культуры слѣдуетъ относить къ XV—V вѣкамъ до Р. Хр.

Наиболѣе типичными для галльштаттской культуры считаютъ многочисленные предметы Галльштаттскаго могильника, отъ котораго культура и получила свое имя.

Этотъ могильникъ находится въ Верхней Австріи, на отлогомъ склонѣ Соленой горы (Зальцбергѣ), на берегу небольшого озера, близъ г. Галльштатта. Богатыя соляныя залежи въ окрестныхъ горахъ, съ глубокой древности привлекая сюда населеніе, послужили причиной возникновенія въ изучаемую пору значительнаго торговаго и промышленнаго поселка, памятникомъ котораго и явился обширный могильникъ.

На площади Галльштаттскаго могильника вскрыто нѣсколько тысячъ погребеній, изъ коихъ около тысячи получило вполнѣ научное освѣщеніе, при чемъ выяснилось,

---

6) Его же. „Hallstadt en Autriche, sa nécropole et sa civilisation". Revue d'anthropologie, 1889.

7) J. Undset. „Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa", Gamburg, 1882.

8) J. Szombathy. „Ausgrab. am Salzberg bei Hallstatt", 1887.

9) J. Ranke. „Der Mensch", 1887, S. 560—594. Въ русскомъ переводѣ: „Человѣкъ", т. II, стр. 687—701.

10) R. Forrer. „Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Alterthümer", Stuttgart, S. 323—330.

что приблизительно половина ихъ имѣла видъ трупосожженій и половина — видъ простыхъ погребеній. Подобное смѣшеніе обрядовъ часто наблюдается и въ другихъ областяхъ Европы и объясняется различно. Одни полагаютъ, что разные обряды соотвѣтствовали мужскому и женскому полу; другіе приписываютъ ихъ разнымъ сословіямъ: благороднымъ, простолюдинамъ, воинамъ и рабамъ; третьи— разнымъ народностямъ, послѣдовательно смѣнившимъ другъ друга; и, наконецъ, четвертые—культурной эволюціи, при чемъ, по ихъ мнѣнію, въ Галльштаттскомъ могильникѣ обычай трупосожженія относился къ болѣе древнему времени, нежели простыя погребенія, такъ какъ при первыхъ изъ нихъ находится болѣе бронзовыхъ, а при вторыхъ— болѣе желѣзныхъ предметовъ. Послѣднее мнѣніе представляется очень основательнымъ.

Могилы часто окружались и покрывались камнями. Дно ихъ оставлялось или ничѣмъ непокрытымъ, или выстилалось камнями и плитами, или вылѣпливалось изъ глины въ видѣ овальнаго нѣсколько продолговатаго блюда. При простыхъ погребеніяхъ покойники полагались съ сѣвера на югъ, преимущественно на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, и лишь изрѣдка—на боку, съ согнутыми ногами и руками, или даже въ сильно скорченномъ положеніи; иногда у покойниковъ, положенныхъ на спинѣ, ноги лежатъ накрестъ (особенность, нерѣдко наблюдавшаяся и въ южно-русскихъ погребеніяхъ этого времени); встрѣчаются покойники, лежащіе парами съ переплетенными руками или накрестъ другъ другу. Съ нѣкоторыми покойниками хоронились богато убранные кони.

---

11) Julie Schlemm. „Wörterbuch zur Vorgeschichte“, Berlin, 1908, S. 210—216.

12) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, Спб., 1898 г., стр. 371—405.

13) Н. И. Веселовскій. „Первобытный человѣкъ“, Спб., 1902 г., стр. 68 и 69.

14) Д. Н. Анучинъ. „Галльштаттскій могильникъ“. Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, 14 полутомъ, стр. 947—949.

Остатки трупосожженій полагались или прямо на полу ямы, или на полу, смазанномъ глиной, или въ глиняныхъ и бронзовыхъ сосудахъ, а въ исключительныхъ случаяхъ—въ деревянныхъ гробахъ.

Какъ простыя погребенія, такъ и трупосожженія одинаково сопровождались разнаго рода предметами, въ составъ которыхъ входили мечи, кинжалы, топоры, долота, копья, стрѣлы, ножи, шлемы, металлическіе пояса, фибулы, разнаго рода украшенія, стеклянныя и янтарныя бусы, бронзовые и глиняные сосуды и другіе. Всего въ могильникѣ добыто около 6000 предметовъ.

Одинаково часто встрѣчаются какъ бронзовые, такъ и желѣзные мечи; клинки ихъ длинны, широки, съ боковыми вырѣзами въ верхней части, обоюдоострые; приспособлены къ рубкѣ и уколамъ. Рукоятки ихъ дѣлались изъ бронзы, но чаще изъ дерева и слоновой кости, иногда украшенной янтаремъ. Верхняя гайка, обыкновенно, имѣла грибовидную форму, рѣже—форму дуги со спирально-завитыми концами.

Кинжалы почти всегда дѣлались изъ желѣза, съ бронзовыми рукоятками. Формою они напоминали мечи со спирально-завитыми верхними гайками. Отъ нѣкоторыхъ кинжаловъ сохранились бронзовыя ножны; онѣ не имѣли ни колецъ, ни крючковъ и, повидимому, носились по восточному обычаю воткнутыми за пояса. Самыми обычными въ погребеніяхъ являются желѣзные ножи. Клинки ихъ часто красиво изогнуты по образцу египетскихъ и финикійскихъ бронзовыхъ ножей и кинжаловъ. Размѣры ножей довольно

---

15) П. И. Милюковъ. „О результатахъ раскопокъ, предпринятыхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ осенью 1898 г., возлѣ с. Патели, у озера „Острово“, въ Македоніи“. Извѣстія XI Археолог. Съѣзда въ Кіевѣ, стр. 96—98.

16) J. L. Píč. „Starožitnosti Země České“.

17) Dr. H. Wankel. „Bilder aus der Mährischen Schweiz und ihrer Vergangenheit“, Wien, 1882 (Býčíská и др.).

разнообразны. Встрѣчаются очень крупные экземпляры, очевидно, предназначавшіеся для рубки. Копья дѣлались изъ бронзы и желѣза. Гораздо рѣже встрѣчаются стрѣлы; всѣ онѣ—бронзовыя, плосковатой формы, съ гвоздевиднымъ стержнемъ (черешкомъ) для насада и боковыми острыми шипами; эта форма стрѣлъ впервые, повидимому, была выработана въ Египтѣ, а въ началѣ желѣзной эпохи появляется на Кавказѣ, въ Греціи и другихъ мѣстахъ. Въ исключительныхъ случаяхъ попадаются и трехгранныя стрѣлы.

Топоры имѣли формы кельтовъ, пальштабовъ, простѣйшихъ клиновидныхъ и проушныхъ топоровъ. Кельты относятся къ сибирскимъ типамъ. Клиновидные топоры снабжаются боковыми выступами, служившими для упора рукоятки. Прототипы этой формы впервые выработаны въ Египтѣ, затѣмъ въ началѣ желѣзной эпохи мы ихъ видимъ на Кавказѣ, а нѣсколько позже—въ скиѳскихъ древностяхъ южной Россіи. На галльштаттскихъ топорахъ съ отверстіями для рукоятокъ (проухами) нерѣдко помѣщаются литыя изображенія животныхъ и всадниковъ,—черта, часто наблюдаемая въ сибирскихъ бронзахъ.

Не менѣе интересными представляются панцыри и металлическіе пояса. Панцыри состоятъ изъ отдѣльныхъ бронзовыхъ пластинокъ, нашитыхъ на одежду. Пояса сдѣланы изъ одной широкой и длинной полосы бронзы, нашитой на кожу. Металлическія пластинки обыкновенно покрываются богатыми чеканными украшеніями. Шлемы въ Галльштаттскомъ могильникѣ не были найдены, но въ другихъ могильникахъ галльштаттской культуры они встрѣчались нерѣдко. Всѣ они подраздѣляются на три типа: 1) бронзовые шлемы въ видѣ шляпы съ широкими полями и коническимъ верхомъ, 2) такіе же шлемы съ круглымъ верхомъ, увѣнчаннымъ двумя поперечными гребнями, и, наконецъ, 3) шлемы, сплетенные изъ прутьевъ и покрытые щитовидными бронзовыми бляхами, съ острымъ шишакомъ наверху.

Гораздо въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ оружіе, встрѣчаются разнаго рода украшенія и домашняя утварь. Изъ украшеній особеннаго вниманія заслуживаютъ фибулы, браслеты, булавки и бусы.

Фибулы галльштаттской культуры дѣлятся на два основныхъ типа: дугообразный и очкообразный. Дугообразныя фибулы получили свое начало въ концѣ бронзовой эпохи. Въ изучаемую пору онѣ пережили нѣсколько видоизмѣненій, изъ которыхъ простѣйшее было схоже съ основною формою фибулы бронзовой эпохи и представляло видъ дуги, одинъ конецъ которой, будучи отдѣленъ однимъ или нѣсколькими спирально-скрученными оборотами, образовывалъ иглу, а другой—пріемникъ, или лапку, служившую для захватыванія конца иглы при запираніи ея. Въ древнѣйшихъ фибулахъ лапка была короткою, у болѣе позднихъ—длинною, и дуга у древнихъ фибулъ отличалась бо́льшею простотою, чѣмъ у позднихъ, когда ей придавали то видъ челнока, то видъ одного или цѣлаго ряда бубновъ, то извивающейся змѣйки, то, наконецъ, видъ полумѣсяца, украшеннаго геометрическимъ орнаментомъ, литыми фигурками птицъ и шумящими привѣсками.

Очкообразныя фибулы состояли изъ двухъ круглыхъ щитковъ, спирально-скрученныхъ въ видѣ восьмёрки, одинъ конецъ которой служилъ иглой, а другой—лапкой. Очкообразныя фибулы для галльштаттской культуры считаются особенно характерными.

Браслеты, булавки и другія украшенія достигли большого развитія, указывая на несомнѣнную склонность жителей къ роскоши. Главная масса этихъ предметовъ вырабатывалась изъ бронзы и золота; серебро же совсѣмъ отсутствуетъ. Поверхность большинства украшеній покрывалась тонкимъ рѣзнымъ или чеканнымъ орнаментомъ, состоящимъ то изъ простыхъ геометрическихъ фигуръ, то изъ фигуръ звѣрей, а еще чаще птицъ, въ видѣ лебедей и утокъ съ длинными загнутыми вверхъ клювами. На ряду съ металлическими украшеніями появляются въ

большомъ количествѣ подѣлки изъ янтаря и стекла. Первый доставлялся съ береговъ Балтійскаго моря, а вторыя— изъ Египта и Финикіи. Видную роль также начинаютъ играть металлическіе и стеклянные сосуды.

Металлическіе сосуды преимущественно фабриковались изъ бронзы. Формы ихъ разнообразны: встрѣчаются вазы, чаши, ведра, сосуды въ видѣ повозокъ и др. Громадное большинство ихъ оказывается сдѣланнымъ изъ тонкихъ листовъ, склепанныхъ гвоздями. Поверхность ихъ покрывалась геометрическимъ и фигурнымъ орнаментомъ, переходящимъ иногда въ художественныя изображенія цѣлыхъ бытовыхъ сценъ. Кромѣ того, на краяхъ многихъ сосудовъ прикрѣплялись литыя фигурки животныхъ и птицъ.

Керамика достигаетъ значительнаго совершенства. Сосуды часто натираются графитомъ или украшаются бѣлымъ инкрустированнымъ орнаментомъ. Большинство сосудовъ дѣлается отъ руки, но отдѣльные экземпляры оказываются сфабрикованными на гончарномъ кругѣ, заимствованномъ, вѣроятнѣе всего, изъ Египта, гдѣ онъ былъ извѣстенъ еще въ бронзовую эпоху.

Формы жилищъ пока остаются невыясненными. По мнѣнію К. Стефани, галльштаттскими жилищами, вѣроятнѣе всего, служили землянки [1]). Болѣе солидныя свѣдѣнія имѣются о соляныхъ копяхъ, мѣдныхъ рудникахъ, желѣзоплавильныхъ и литейныхъ мастерскихъ, кузницахъ, открытыхъ въ Австріи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Соляныя копи имѣли видъ обычныхъ древнихъ шахтъ, направленныхъ съ поверхности почвы вглубь до пластовъ такъ называемой каменной соли. Глубина шахтъ иногда достигала до 200 аршинъ. Выработка соляныхъ пластовъ производилась посредствомъ размыванія ихъ водою, при чемъ получались болѣе или менѣе обширные подземные

---

[1]) „Internationalis Centralblatt für Anthropologie und verwandte Wissenschaften“, 1902, Heft 5.

галлереи, ходы и цѣлыя залы, въ которыхъ часто находятъ разныя вещи, вполнѣ характерныя для галльштаттской культуры. Таковы металлическія орудія и украшенія, иногда глубоко вросшія въ соляные слои. На ряду съ такими вещами, обыкновенно, находятся бревна, обтесанные брусья, служившіе для устройства крѣпей, лучина, которой освѣщались подземныя помѣщенія, остатки одеждъ, сшитыхъ то изъ хорошо выдубленныхъ шкурокъ животныхъ, то изъ шерстяныхъ матерій, раскрашенныхъ въ разные цвѣта.

Не менѣе часто встрѣчаются мѣдные рудники. Они имѣли также видъ шахтъ съ ходами и галлереями, направленнымн для выработки рудоносныхъ слоевъ. Раздробленіе послѣднихъ производилось при помощи огня, что доказывается частыми находками въ ходахъ и галлереяхъ большого количества обугленнаго дерева и желобовъ, служившихъ для проведенія воды, необходимой при тушеніи огня. Внутри рудниковъ часто находятъ каменные молоты, мѣдныя и бронзовыя кирки, деревянные ведра, корыта, столбы, служившіе подпорками и др. Извлеченную изъ шахтъ руду размельчали на особыхъ каменныхъ плитахъ, при помощи каменныхъ молотовъ, имѣвшихъ, для скрѣпленія съ рукоятками, поперечные желобки [1]). Дальнѣйшая обработка велась въ обжигательныхъ и плавильныхъ печахъ.

Остатки одной изъ обширнѣйшихъ кузницъ найдены въ Моравіи, въ пещерѣ Бычьей скалы, въ устьѣ которой проф. Ванкель открылъ погребеніе, повидимому, какого-нибудь князька или царька, сопровождавшееся убитыми людьми и животными (лошадьми), положенными съ мно-

---

[1]) Подобные молоты, сдѣланные изъ разныхъ кристаллическихъ породъ камня, были неоднократно находимы на Кавказѣ. Образцы ихъ имѣются въ коллекціяхъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ.

Авт.

гочисленными украшеніями. Въ составъ предметовъ кузницы входили тяжелые и легкіе желѣзные молоты, желѣзные кузнечныя клещи, наковальни, стамески, клинья, серпы, ножи, крючки, гвозди, бронзовые обрѣзки, ручки котловъ, проволока, каменныя литейныя формы. Большинство этихъ предметовъ представлено значительнымъ числомъ. Принадлежность всего инвентаря кузницы къ галльштаттской культурѣ доказывается какъ формами вещей, такъ и тѣмъ, что всѣ онѣ залегали въ почвѣ ниже остатковъ вышеупомянутаго погребенія съ многочисленными и вполнѣ характерными галльштаттскими типами вещей.

Заканчивая на этомъ краткій обзоръ памятниковъ галльштаттской культуры, мы въ правѣ замѣтить, что хотя она и относится къ числу варварскихъ культуръ, но всё же отличается значительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ.

Латенская культура*).

Прямымъ продолженіемъ галльштаттской культуры въ Западной Европѣ явилась латенская. Эта культура характеризуется рѣшительнымъ господствомъ желѣзныхъ орудій надъ бронзовыми и въ особенности надъ каменными. Время латенской культуры опредѣляютъ между V вѣкомъ до Р. Хр. и II вѣкомъ по Р. Хр. Наибольшій расцвѣтъ ея совпадаетъ приблизительно съ I вѣкомъ до Р. Хр. Ея возникновеніе произошло подъ живымъ воздѣйствіемъ италійской (этрусской) и греческой культуръ, а блестящее развитіе

*) *Литература*:

1) E. Désor. „Les palafittes ou constructions lacustres du lac de Neuchâtel“, Paris, 1865.
2) E. Vouga. „Les Helvètes à la Tène“, Neuchâtel, 1886.
3) M. Hoernes. „Urgeschichte des Menschen nach dem heutigen Stande der Wissenschaft“, Wien, 1892.
4) J. Undset. „Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa“, Hamburg, 1882.

обусловлено съ одной стороны даровитостью и творческими силами народовъ Западной Европы, а съ другой стороны— стеченіемъ весьма благопріятныхъ политическихъ условій. Въ это время восточные народы вели ожесточенный споръ за политическую гегемонію, въ который втянулись даже греки и скиѳы. Это и дало возможность народамъ Западной Европы заняться развитіемъ собственной культуры. Послѣднее совершилось съ такою интенсивностью, что къ концу изучаемой поры европейская культура получила міровое значеніе, и сама начала неотразимо вліять на многія другія доступныя. Главными двигателями ея явились греки, римляне, кельты и галлы. Двумя послѣдними народами и была дана латенская культура, въ развитіи которой вскорѣ приняли весьма дѣятельное участіе германцы и славяне. Въ результатѣ площадью распространенія культуры оказалась вся Средняя, Сѣверная и отчасти Восточная Европа. Центромъ ея служила Франція; наиболѣе же удаленные пункты распространенія отыскались на Кавказѣ, въ Крыму, на берегахъ Днѣпра, Оки, въ Остзейскомъ краю и Финляндіи.

Типичнымъ представителемъ изучаемой культуры считаютъ древнее укрѣпленіе la Tène, отъ котораго и получила свое имя культура. Остатки латенскаго укрѣпленія находятся въ Швейцаріи, на сѣверномъ берегу Невшательскаго озера, верстахъ въ семи отъ г. Невшателя, близъ д. Марэнъ (Marin). Въ настоящее время это — довольно живописная мѣстность съ широкимъ кругозоромъ въ сторону озера. Латеномъ (отъ la tène—мель) его назвали мѣстные рыбаки.

---

5) E. Chantre. „Les nécropoles du premier âge du fer des Alpes françaises“. Matériaux, XIII, 1878, p. 1—15.

6) V. Gross. „La Tène un oppidum helvète“, Paris, 1887.

7) J. Ranke. „Der Mensch“, II.

8) R Forrer. „Reallexikon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Alterthümer“, Strassburg, 1907, S. 445—448.

9) J. L. Píč. „Starozitnosti Země České. Čechy úsvitě dějin“. V Prase, 1902, 1903 a 1905.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка, при изслѣдованіи швейцарскихъ свайныхъ построекъ, въ этой мѣстности впервые открыли многочисленные памятники древности, обратившіе на себя вскорѣ всеобщее вниманіе археологовъ и вызвавшіе самое тщательное изслѣдованіе условій отложенія ихъ въ почвѣ. Въ результатѣ удалось выяснить, что мѣстность, называемая la Tène, первоначально представляла видъ прибрежнаго островка, поросшаго деревьями. Гельветы, одно изъ галльскихъ племенъ, воспользовались островкомъ и возвели на немъ небольшой наблюдательный фортъ. Съ послѣднею цѣлью они окружили островокъ плотиной и для сообщенія съ берегомъ устроили три моста; затѣмъ всю средину застроили жилищами, имѣвшими видъ блокгаузовъ, сооруженныхъ на сваяхъ, вбитыхъ въ почву на глубину одного метра. Судя по найденнымъ монетамъ, Латенскій фортъ существовалъ нѣсколько вѣковъ. Возникновеніе его относятъ ко II—I вѣку до Р. Хр. Среди остатковъ жилыхъ помѣщеній найдено большое количество разнаго рода желѣзнаго оружія, инструментовъ, сосудовъ, украшеній съ ясно выраженными чертами особаго типа, названнаго латенскимъ. Позднѣе подобные памятники были найдены во многихъ пунктахъ Западной Европы, изъ которыхъ особенное вниманіе привлекло древнее городище (градиштъ), открытое близъ Страдоница въ Богеміи [1]).

Раскопки Страдоницкаго городища дали до 20000 разныхъ предметовъ, среди которыхъ оказалось большое количество каменныхъ полированныхъ и сверленыхъ орудій, составлявшихъ, по мнѣнію изслѣдователей, пережитки

10) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, Спб., 1898 г., стр. 449—488.

11) Julie Schlemm. „Wörterbuch zur Vorgeschichte“, Berlin, 1903.

12) A. Voss und G. Stimming. „Vorgeschichtliche Alterthümer aus der Mark Brandenburg“, Brandenburg, 1887.

13) A. Hackman. „Die ältere Eisenzeit in Finland“, Helsingfors, 1905.

[1]) W. Osborne. „Der Hradischt bei Stradonic in Böhmen, Prag, 1880.

давно минувшей неолитической эпохи; всѣ же другіе предметы были латенскаго типа и сопровождались римскими и кельтскими (галльскими) монетами[1]). Однако самыя богатыя и характерныя находки были сдѣланы во Франціи на мѣстахъ древнихъ галльскихъ городовъ Алезіи и Бибракта, служившихъ одновременно и сильными крѣпостями и крупными торговыми центрами. Весьма большое количество вещей найдено также въ погребеніяхъ, открытыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Западной Европы. Всё это даетъ возможность возстановить многія бытовыя стороны населенія того времени.

Наиболѣе отличительною чертою латенскаго быта считаютъ его городской характеръ, широкое пользованіе для всѣхъ домашнихъ нуждъ желѣзомъ и ясно выраженное пристрастіе къ военной жизни. Среди новостей, которыми обогатился бытъ западно-европейскихъ народовъ, слѣдуетъ отмѣтить первое появленіе гончарнаго круга, ножницъ, шпоръ, монетъ, коралловыхъ и эмалевыхъ украшеній. Всё это сообщило культурѣ такія черты, по которымъ она легко отличается отъ другихъ. Помимо этого и многія другія вещи получили оригинальныя формы, и ихъ постепенное развитіе часто сообщаетъ имъ датирующее значеніе. Таковы фибулы, пользующіяся въ этомъ отношеніи общею извѣстностью.

Всѣ виды оружія дѣлались изъ желѣза. Изъ нихъ особенно славились мечи. Клинокъ ихъ имѣлъ видъ длин-

14) Н. Ѳ. Бѣляшевскій. „Поле погребальныхъ урнъ эпохи la Tène, въ Радомысльскомъ уѣздѣ". Археолог. Лѣтоп. южной Россіи, 1904 г., № 1, стр. 13—18.

15) А. А. Спицынъ. „Памятники латенской культуры въ Россіи". Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. VIII, в. 1 и 2, стр. 103—114.

[1]) Совмѣстное нахожденіе каменныхъ орудій съ вещами латенскаго типа представляется фактомъ весьма загадочнымъ, и намъ кажется болѣе правдоподобнымъ, что въ Страдоницкомъ городищѣ имѣлось два совершенно разновременныхъ культурныхъ наслоенія, въ которыхъ изслѣдователямъ не удалось правильно разобраться.

Авт.

ной (около метра), широкой, обоюдоострой пластины, почти незамѣтно суживающейся къ нижнему заостренному или округленному концу. Для рукоятки, вверху клинка, выковывался простой стержень со шляпкой, или пуговкой, служившей вмѣсто верхней гайки. Стержень впослѣдствіи закрывался костяной или деревянной оправой. На лучшихъ клинкахъ ставились фабричныя клейма. Особенно высоко цѣнились стальные мечи, вырабатываемые въ области Сѣверныхъ Альпъ, откуда они распространялись не только по всей Средней Европѣ, но и по культурнымъ странамъ Италіи, Греціи и даже Малой Азіи. Позже отъ латенской формы мечей получили свое начало великолѣпные франкскіе мечи и еще позже—скандинавскіе и русскіе.

Ножны латенскихъ мечей дѣлались изъ желѣза, рѣже—изъ бронзы и дерева. Лицевыя стороны ихъ иногда покрывались пышными узорами. Для ношенія къ нимъ прикрѣплялись цѣпи и ремни.

Интересно, что кинжалы совсѣмъ не употреблялись. Повидимому, ихъ замѣняли длинными кривыми ножами.

Наконечники копій весьма разнообразны. Наиболѣе же характерными представляются двѣ формы: 1) широкая—съ фигурными вырѣзами въ лезвіяхъ, и 2) узкая — съ длинной втулкой для насада на древко. Между этими формами существовало много переходныхъ. Нѣкоторые наконечники копій, судя по ихъ малымъ размѣрамъ, служили метательными дротиками.

Стрѣлы встрѣчаются рѣдко. Всѣ онѣ—желѣзныя, съ черешкомъ или втулкой для насада.

Для защиты отъ ударовъ противника, воины носили шлемы и щиты. Шлемы встрѣчаются рѣдко. М. Гёрнесъ упоминаетъ о металлическихъ шлемахъ съ заостреннымъ верхомъ, небольшимъ козырькомъ и выступами для защиты висковъ. Однако чаще встрѣчаются круглыя металлическія бляхи, служившія для нашивки на простой неметаллическій каркасъ шлема. Реставрацію такого шлема даетъ В. Гроссъ, при чемъ шлемъ получаетъ форму со-

вершенно схожую съ галльштаттскою, сохранившеюся на рисункахъ того времени. Основу шлема составляетъ тщательно выплетенная шапочка полушарной формы; верхъ ея защищается бронзовой сильно выпуклой круглой бляхой съ высокимъ шишакомъ, а бока—цѣлымъ рядомъ подобныхъ, но менѣе выпуклыхъ бляхъ, расчитанныхъ такъ, что краями онѣ соприкасаются другъ съ другомъ, съ верхней бляхой и нижнимъ краемъ шлема.

Щиты употреблялись преимущественно деревянные, окованные желѣзомъ и снабженные умбонами. Послѣдніе имѣли то видъ широкой желѣзной пластины, выгнутой въ срединѣ въ формѣ дуги, то видъ круглой чашки, прибивавшейся въ срединѣ щита. Пластинчатые умбоны преобладали, но не дали отъ себя никакихъ производныхъ; чашечные умбоны сначала были рѣдки, но затѣмъ, въ среднюю пору желѣзныхъ орудій, окончательно вытѣснили пластинчатые умбоны и просуществовали въ Европѣ до конца употребленія щитовъ. Съ внутренней стороны, для держанія щита, прибивались желѣзныя скобы.

Какъ въ погребеніяхъ, такъ и въ особенности на поляхъ битвъ латенскаго времени нерѣдко находятъ обломки колесницъ, шпоры и остатки конской сбруи. По свидѣтельству Цезаря, гельветы, несомнѣнно прикосновенные къ латенской культурѣ, пользовались колесницами для перевозки оружія и другихъ тяжестей, а во время боя изъ нихъ устраивали родъ крѣпости (табора, вагенбурга [1]) и сражались стоя на нихъ или скрываясь за ними. О формѣ латенскихъ колесницъ мы еще не имѣемъ пол-

[1]) Заслуживаетъ вниманія, что въ бояхъ совершенно такъ же пользовались повозками и русскіе славяне. См. П. В. Голубовскаго „Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Руси способъ защиты таборомъ“ (Труды XI Археолог. Съѣзда, т. II), а также „Извѣстія“ того же Съѣзда, въ которыхъ изложены мнѣнія оппонентовъ П. В. Голубовскаго, въ число которыхъ входили Н. Г. Николаевъ, В. Б. Антоновичъ, Д. И. Иловайскій, А. И. Маркевичъ, А. В. Лонгиновъ и Н. П. Дашкевичъ.

Авт.

наго представленія, такъ какъ въ цѣломъ видѣ онѣ не дошли до насъ; но интересно то, что колеса ихъ оказываются совершенно схожими съ колесами современныхъ русскихъ телѣгъ.

Латенскія шпоры также похожи на современныя и состоятъ изъ желѣзной дуги, охватывающей каблукъ или пятку обуви, и короткаго заостреннаго стержня для пришпориванія коня.

Отъ конской сбруи сохранились желѣзныя удила разныхъ формъ и множество бронзовыхъ бляхъ.

Изъ металлическихъ предметовъ домашняго быта слѣдуетъ упомянуть о топорахъ то обычной, то кельтовидной формы, ножницахъ, появившихся, какъ было замѣчено, впервые въ это время, ножахъ, бритвахъ, серпахъ, грабляхъ, сошникахъ, долотахъ, цѣпяхъ, удильныхъ крючкахъ, сосудахъ то въ видѣ ведеръ, то въ видѣ чашъ, получившихъ начало отъ галльштаттскихъ образцовъ металлической посуды.

Всѣ виды перечисленныхъ предметовъ отличаются прочностью и практичностью, но они часто лишены всякихъ украшеній и въ этомъ отношеніи стоятъ ниже соотвѣтствующихъ предметовъ галльштаттской культуры. Особенно это замѣтно на мѣдныхъ сосудахъ, среди которыхъ уже не встрѣчаются такіе, которые покрывались бы, подобно галльштаттскимъ, живыми сценами изъ домашняго быта и окружающей природы. Встрѣчаемыя же на предметахъ украшенія, обыкновенно, состоятъ изъ растительныхъ завитковъ и только въ исключительныхъ случаяхъ — изъ изображеній животныхъ и птицъ, отличающихся сухостью и условностью очертаній.

Спеціальныхъ произведеній изящнаго искусства извѣстно очень мало. Лучшимъ образцомъ считается бронзовая статуэтка, найденная въ Австріи. Она изображаетъ воина, одѣтаго въ узкую и короткую одежду, съ шапкой или шлемомъ на головѣ; на рукахъ и ногахъ его изображены браслеты, а на таліи—широкій поясъ.

Личныя украшенія не пользовались широкимъ распространеніемъ. Гривны, браслеты и перстни встрѣчаются рѣдко, отличаясь простотою формъ и часто полнымъ отсутствіемъ орнамента. Концы наиболѣе пышныхъ браслетовъ утолщались, получая видъ пуговицъ; иногда и по всему браслету сдѣланы утолщенія, напоминающія бусы или простые валики; но наиболѣе оригинальными являются браслеты, состоящіе изъ пластинокъ съ припаянными къ нимъ полушарными бляхами, или полубусинами.

Головныя булавки, столь распространенныя въ галльштаттской культурѣ, теперь становятся рѣдкими. Наоборотъ, фибулы получили болѣе широкое распространеніе. Всѣ онѣ фабриковались по одному, такъ называемому латенскому, типу. По нѣкоторому сходству съ самострѣлами, ихъ нерѣдко называютъ самострѣльчатыми и арбалетными.

Въ орнаментаціи предметовъ быта и роскоши начинаетъ играть видную роль эмаль. Центрами эмалеваго производства являлись Франція и отчасти Англія. Древнѣйшая латенская эмаль была краснаго цвѣта, почему и называлась „кровавымъ стекломъ“. Позже, къ концу развитія латенской культуры, число цвѣтовъ эмали умножилось; среди нихъ появились цвѣта оранжевый, желтый, зеленый, голубой и др. Эмалью украшались крупныя и мелкія вещи въ родѣ бронзовыхъ щитовъ, застежекъ, гривенъ, шпоръ и др. На ряду съ эмалевыми начинаютъ играть видную роль коралловыя украшенія. Янтарь также пользуется значительнымъ спросомъ.

Керамическое производство замѣтно подвигается впередъ. Такъ въ это время, кромѣ гончарнаго круга, вводятся въ употребленіе спеціальные горны для обжиганія посуды. Среди разнообразныхъ формъ часто наблюдаются рюмочныя, очевидно, подражающія бронзовымъ котламъ такъ называемаго скиѳскаго типа. Снаружи сосуды оставлялись или совершенно гладкими, или покрывались незатѣйливыми геометрическими орнаментами.

На ряду съ глиняными встрѣчаются часто и стеклянные сосуды. Формы ихъ схожи съ римскими, откуда они, вѣроятнѣе всего, и получались. То же слѣдуетъ сказать и про стеклянныя бусы.

Памятники латенской культуры очень часто сопровождаются монетами, отлитыми изъ золота, серебра, бронзы, патины (сплава мѣди, свинца и олова). Древнѣйшія изъ нихъ подражаютъ греческимъ (македонскимъ), а болѣе позднія—римскимъ. Поверхности латенскихъ монетъ покрыты разнаго рода изображеніями и надписями. Наиболѣе примитивную форму имѣютъ такъ называемыя „радужныя чашечки“ (patelae iridis), представляющія небольшіе, довольно массивные кружки вогнутой формы, напоминающіе чашечки. Поверхность ихъ чаще всего украшается черточками, расположенными то въ видѣ лучей, то въ видѣ треугольниковъ, дугъ и т. п., и только въ исключительныхъ случаяхъ—изображеніями звѣрей.

Въ заключеніе намъ остается еще взглянуть на религіозно-обрядовую сторону. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ погребенія. Они совершались подъ двумя видами: 1) простыхъ погребеній и 2) трупосожженій.

Въ простыхъ погребеніяхъ покойники полагались въ ямахъ, обыкновенно на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, иногда съ плоскими камнями подъ головою [1]). На ряду съ покойниками клали разныя вещи, въ видѣ украшеній, оружія, сосудовъ, денегъ.

Трупосожженія практиковались также нерѣдко. Останки сожжённаго покойника полагались въ сосуды и ставились въ ямы въ сопровожденіи всѣхъ тѣхъ предметовъ, какіе употреблялись и при обыкновенныхъ простыхъ погребеніяхъ этого времени, при чемъ оружіе, особенно мечи,

---

[1]) Подробность, нерѣдко наблюдавшаяся въ древне-русскихъ, повидимому, христіанскихъ погребеніяхъ, относящихся къ болѣе позднему времени.

Авт.

РЯЗАНСКАЯ ОБЛ. им. Горького

часто оказывается согнутымъ и такимъ образомъ приведеннымъ въ негодность. Трупосожженія встрѣчаются въ разныхъ областяхъ Западной Европы. Въ сѣверной же Германіи къ этому типу тѣсно примыкаютъ погребенія въ такъ называемыхъ „поляхъ погребальныхъ урнъ“ и курганахъ, гдѣ находятъ и характерныя латенскія фибулы и столь же характерные латенскіе мечи. Подобныя погребенія извѣстны и въ Восточной Европѣ, но о нихъ мы будемъ говорить при обзорѣ древностей Россіи.

Подводя общій итогъ всего, касающагося западноевропейскихъ культуръ ранней поры желѣзныхъ орудій, мы легко замѣчаемъ, что въ Западной Европѣ, въ продолженіе всей поры, культура безостановочно прогрессировала, создавая всѣ условія для первостепенной міровой ея роли, въ каковой къ концу поры и выступили сначала греки, а затѣмъ римляне; но для выступленія галловъ, германцевъ и славянъ еще не настало время.

Кавказъ *).

Кавказъ, въ отношеніи древностей ранней поры желѣзныхъ орудій, является одною изъ интереснѣйшихъ областей Россійскаго государства. Уже въ бронзовую эпоху культура Кавказа достигла значительнаго развитія; но по-

*) *Литература:*

1) М. В. Никольскій. „Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи“. „Древности Восточныя“, Труды Вост. Ком. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. I, вып. III.

2) Его же. „Клинообразная надпись изъ Ганли-Тапа около г. Эривани“. Ibid., т. II, в. I, стр. 24—27.

3) Его же. „Клинообразная надпись Русы въ Келаны-Кирланы (Алучалу) на берегу Гокчи въ Эриванской губерніи“. Арх. Изв. и Зам., изд. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. I, № 12.

4) Его же. „Древняя страна Урарту (Араратъ) и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ“. „Землевѣдѣніе“, кн. 1.

5) Его же. „Клинообразныя надписи Закавказья“. Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Имп. Моск. Археолог. Общ., в. V.

слѣднее пошло еще быстрѣе съ наступленіемъ желѣзной эпохи, когда возникли могущественныя царства и политическіе союзы, память о которыхъ сохранилась во многочисленныхъ письменныхъ документахъ, оставленныхъ какъ мѣстными жителями, такъ и сосѣдними народами.

При изученіи кавказскихъ древностей данной поры легко замѣтить, что культура развивается быстрѣе у южныхъ, чѣмъ у сѣверныхъ народовъ. Причиною такого явленія, несомнѣнно, служило отсутствіе удобныхъ и свободныхъ путей сообщенія. Высокій Кавказскій хребетъ, простираясь отъ Чернаго моря до Каспійскаго, являлся почти непроходимою стѣною, рѣзко отдѣляющею сѣверъ отъ юга, Европу отъ Азіи. Только три узкихъ прохода давали возможность обѣимъ сторонамъ сообщаться другъ съ другомъ.

Лучшимъ изъ проходовъ являлся Дербентскій, идущій по берегу Каспійскаго моря, гдѣ горы понижаются и способствуютъ сбѣгающимъ съ нихъ потокамъ образовать широкія долины. Дербентскимъ проходомъ пользовались многіе народы, стремясь проникнуть то на сѣверъ, то на югъ. Нѣкоторые изъ нихъ пытались удержать проходъ въ своихъ рукахъ и съ этою цѣлью строили искусственныя загражденія; такъ возникли, близъ современнаго г. Дер-

---

6) И. С. Поляковъ. „Дневникъ археологическихъ работъ, веденныхъ въ Закавказскомъ краѣ осенью 1879 года". V-й Археологическій Съѣздъ въ Тифлисѣ. I. Труды предварительныхъ комитетовъ, стр. 157—215.

7) В. Б. Антоновичъ. „Дневникъ раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ осенью 1879 года". Ibid., стр. 216—270.

8) Н. О. Эминъ. „Армавиръ". Ibid., стр. 321—323.

9) Его же. „Мидійцы въ древней Арменіи.—Новое толкованіе, данное Жюлемъ Оппертомъ слову „Аςtіагъ". Ibid., стр. 340—348.

10) Гр. А. С. Уваровъ. „Изслѣдованіе мѣстности, на которой предполагались развалины Армавира". Ibid., стр. 439—449.

11) Его же. „Курганы съ расчлененіемъ близъ г. Дербента", Москва, 1887 г.

бента, знаменитыя „Желѣзныя ворота“, представляющія каменную стѣну, пересѣкающую весь проходъ отъ Каспійскаго моря, гдѣ она сходила даже въ воду, и до высокихъ горныхъ хребтовъ. Арабскій поэтъ Фирдуси, въ своей „Книгѣ царей“, приписываетъ постройку стѣны Александру Македонскому, а исправленіе—Хозрою Нуширвану. Остатки ея сохранились и до настоящаго времени. Но какъ ни старались запереть этотъ путь, имъ всё же пользовались народы, успѣвая проникнуть въ обходъ искусственныхъ препятствій то мало извѣстными тропинками, то многочисленными горными долинами, отходящими съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Гораздо менѣе доступнымъ былъ второй, Дарьяльскій, проходъ, шедшій отъ истоковъ р. Куры къ истокамъ р. Терека и пересѣкавшій Кавказскій хребетъ почти въ самой срединѣ. Благодаря незначительной ширинѣ, этотъ проходъ легко было закрыть, что и сдѣлали оссы (осетины, алане, яссы, кассоги), удерживавшіе его въ своихъ рукахъ въ продолженіе всей ранней поры желѣзныхъ орудій и въ болѣе позднее время почти до нашихъ дней.

Третій проходъ шелъ по берегу Чернаго моря. Это былъ самый глухой и неудобный проходъ. Пролегая по узкой береговой полосѣ, онъ часто загораживался скали-

---

12) Его же и гр. П. С. Уваровой. „Взглядъ на Мцхетскій могильникъ“. „Древности“, Труды Имп. Моск. Археолог. Общ., т. X, стр. 8—14.

13) Его же. „Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ“. Труды V Археолог. Съѣзда, стр. 1—9.

14) Гр. П. С. Уварова. „Могильники Сѣвернаго Кавказа“. Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Имп. Моск. Археолог. Общ., в. VIII.

15) Ея же. „Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній по вопросу о кавказскихъ дольменахъ“. Ibid., в. IX, стр. 170—175.

16) В. Миллеръ. „Терская область“. Ibid., в. I.

17) Е. Д. Фелицынъ. „Западно-кавказскіе дольмены“. Ibid., в. IX, стр. 1—86.

стыми мысами, далеко выступающими въ море и представлявшими прекрасныя естественныя позиціи, пользуясь которыми легко можно было преградить всякую возможность къ овладѣнію проходомъ. Стремленіе улучшить проходъ почти никогда не увѣнчивалось успѣхомъ. Митридатъ Понтійскій потратилъ много труда и рабочихъ силъ, чтобы улучшить дорогу, но уже черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти, она снова заглохла на много вѣковъ, пока не была возобновлена русскими инженерами.

Такимъ образомъ сѣверный Кавказъ, отдѣляясь отъ южнаго почти непроходимою стѣною и находясь въ бо́льшемъ удаленіи отъ главныхъ очаговъ культурной базы, естественно, отставалъ въ своемъ развитіи. Однако его отсталость вовсе не была столь значительна, чтобы народы, населявшіе его, не могли слѣдовать общему культурному курсу. Противъ этого краснорѣчиво говорятъ всѣ болѣе точно провѣренные археологическіе памятники, указывающіе, что народы сѣвернаго Кавказа успѣвали своевременно ознакомиться со всѣми важными открытіями, и обвиненіе ихъ въ особомъ консерватизмѣ слѣдуетъ совершенно уничтожить, какъ результатъ неправильнаго чтенія и пониманія кавказскихъ древностей, появившихся въ большомъ количествѣ предъ судомъ науки въ то время, когда она еще не имѣла достаточнаго критерія для опре-

---

18) В. М. Сысоевъ. „Археологическая экскурсія по Закавказью“. Ibid., стр. 89—169.

19) „Отчеты Имп. Археологической Комиссіи“: за 1891 годъ, стр. 117—123; за 1897 годъ, стр. 47—49; за 1899 годъ, стр. 57—94; за 1900 годъ, стр. 68—81; за 1902 годъ, стр. 65—110; за 1903 годъ, стр. 61—108; за 1904 годъ, стр. 85—99.

20) В. Г. Тизенгаузенъ. „Новѣйшія археологическія раскопки на Таманскомъ полуостровѣ“. „Древности“, Труды Имп. Моск. Археолог. Общ., т. II, в. 1.

21) П. Бутковъ. „О мѣстности г. Танаиса“. Ibid., т. III, в. 2.

22) К. К. Гёрцъ. „Историческій обзоръ археологическихъ открытій на Таманскомъ полуостровѣ“. Ibid., т. VI, в. 1, 2 и 3.

дѣленія ихъ времени. Благодаря же отсутствію научнаго критерія, нѣкоторые археологи, основываясь на совершенно ложномъ свидѣтельствѣ византійскаго писателя Халкокондиласа Лаоникуса, умершаго въ 1464 году, относили кавказскія бронзовыя орудія даже къ XV вѣку по Р. Хр., дѣлая ошибку на тысячелѣтія [1]).

Благодаря каменистости кавказскихъ почвъ, памятники разныхъ вѣковъ и тысячелѣтій часто скопляются или на голыхъ поверхностяхъ скалъ, или въ весьма тонкихъ растительныхъ слояхъ, отложившихся на скалахъ. Неопытные изслѣдователи, руководясь лишь признакомъ совмѣстнаго нахожденія памятниковъ, относятъ ихъ къ одному, обыкновенно, позднѣйшему времени, и поэтому въ ихъ коллекціяхъ и описаніяхъ нерѣдко можно видѣть мѣдное и бронзовое оружіе въ сопровожденіи яко бы датирующихъ его римскихъ, византійскихъ и арабскихъ монетъ, въ дѣйствительности же имѣвшихъ лишь случайное, нисколько независимое отъ единства времени, отношеніе другъ

---

23) Г. А. Халатьянцъ. „О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи, въ связи съ данными ванскихъ надписей". „Древности Восточныя", Труды Вост. Ком. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. II, в. 2.

24) В. И. Сизовъ. „Восточное побережье Чернаго моря". Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Имп. Моск. Археолог. Общ., вып. II.

25) К. П. Патрановъ. „Клинообразныя надписи". Труды V Археолог. Съѣзда, стр. 115—122.

26) А. А. Спицынъ. „Мѣдный поясъ кавказскаго типа, найденный въ Кіевской губ.". Археолог. Лѣтопись южной Россіи, т. I, стр. 153.

[1]) Халкокондиласъ, на страницѣ 249 IX книги своего сочиненія „Ἀποδείξεις ἱστορικαί", изд. въ 1650 г. въ Парижѣ, говоритъ, что алане (осетины) дѣлаютъ превосходныя кольчуги... и изъ мѣди изготовляютъ оружіе, называемое аланскимъ (καὶ ὅπλα ἐπιτηδεύουσι ὑπὸ χαλκοῦ τὰ Αλανικὰ καλούμενα). Среди всѣхъ кавказскихъ древностей XV в. по Р. Хр. бронзовое и мѣдное оружіе отсутствуетъ, и поэтому свидѣтельство Халкокондиласа слѣдуетъ считать совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительности.

къ другу. Между тѣмъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда подобныхъ ошибокъ, раздались голоса, что Кавказъ, въ культурномъ отношеніи, всегда представлялъ совершенно отсталую область, являясь „захолустьемъ“ въ буквальномъ смыслѣ слова.

Кавказъ, какъ часть Передней Азіи, искони жилъ съ нею одною культурною жизнью. Ихъ процвѣтаніе и паденіе совпадаютъ другъ съ другомъ и вызываются одинаковыми общими причинами. Въ археологическихъ памятникахъ изучаемой поры это ярко выразилось какъ въ отношеніи общекавказской культуры, такъ и въ особенности въ отношеніи культуры южно-кавказской.

Изучая кобанскія древности, мы видѣли, что Кавказъ, во время перехода изъ бронзовой въ желѣзную эпоху, обладалъ сравнительно высокой культурой и былъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ со многими, иногда весьма отдаленными, странами. Весьма характерною чертою, отмѣтившею границу этого перехода, является желѣзная инкрустація бронзовыхъ украшеній (поясныхъ пряжекъ). Техника желѣзной инкрустаціи, по всѣмъ имѣющимся признакамъ, существовала очень короткое время. Въ Египтѣ она пользовалась распространеніемъ лишь при фараонахъ XIX династіи, царствовавшей между 1500—1320 годами до Р. Хр. Къ этому времени слѣдуетъ относить кобанскія желѣзныя инкрустаціи, и это совершенно независимо отъ первоначальнаго мѣста изобрѣтенія ея техники, такъ какъ таковое могло совершиться только въ главныхъ очагахъ древ-

---

27) З. А. Рагозина. „Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Ассиріи“, стр. 50—62, 225—228.

28) Э. Реклю. „Человѣкъ и земля“, кн. II, стр. 254—269.

29) E. Chantre. „Recherches anthropologiques dans le Caucase“, Paris, 1885.

30) R. Virchow. „Das Gräberfeld von Koban“, 1883.

31) Его же. „Ueber die culturgeschichtliche Stellung des Kaucasus“.

32) Perrot et Chipiez. „Histoire de l'art dans l'antiquité“, t. II.

33) П. К. Усларъ. „Древнѣйшія извѣстія о Кавказѣ“. Зап. Кавказск. Отд. Геогр. Общ., XII, 1881 г.

ней культурной базы, находившихся въ это время въ оживленныхъ сношеніяхъ между собою.

Кобанская культура, въ концѣ своего существованія, повидимому, обогатилась и первыми желѣзными орудіями въ видѣ единичныхъ экземпляровъ топоровъ и копій, но слѣдовъ дальнѣйшаго развитія въ ней не имѣется. Прямымъ продолженіемъ ея являются многочисленныя культуры, открытыя въ южномъ Кавказѣ. По этимъ культурамъ, даже въ настоящее время, когда изслѣдованія ихъ далеко нельзя назвать законченными, можно прослѣдить ходъ развитія кавказской культуры на протяженіи почти всѣхъ вѣковъ ранней поры желѣзныхъ орудій. При этомъ нельзя не замѣтить значительнаго параллелизма развитія кавказскихъ культуръ съ западно-европейскими. Такъ легко видѣть, что сначала въ обѣихъ областяхъ одинаково господствуютъ культуры съ галльштаттскими, а послѣ съ латенскими чертами. Явленія такого параллелизма обусловливались отнюдь не случайными совпаденіями, а положительными соприкосновеніями и связями. Намъ уже извѣстно, что западно-европейскія культуры галльштаттскаго типа имѣютъ восточное происхожденіе, а это и объясняетъ причину сходства ихъ съ кавказскими, составлявшими часть восточныхъ культуръ. Несомнѣнно, въ продолженіе всего времени развитія этихъ культуръ, Кавказъ шелъ впереди Западной Европы, такъ какъ не только былъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ главнѣйшимъ очагомъ Востока—Месопотаміей, но даже одно время и самъ властно заявлялъ претензію на міровое господство.

Совершенно другими условіями объясняется сходство культуръ съ чертами латенскаго типа. Во время ихъ развитія культурная база была передвинута на западъ, и главными очагами ея явились двѣ европейскихъ области—Грецiя и Римъ, быстро овладѣвшія иниціативой міровой культуры. Изъ этихъ-то очаговъ и разносились по Востоку тѣ предметы, которые сообщаютъ восточнымъ культурамъ черты латенскаго типа. Появленіе такихъ предметовъ на

Востокѣ и въ частности на Кавказѣ должно было совершаться и, дѣйствительно, совершалось съ нѣкоторымъ запаздываніемъ, но послѣднее не могло быть значительнымъ, какъ потому, что въ это время международныя сношенія въ цивилизованныхъ странахъ достигли весьма значительнаго оживленія, такъ еще болѣе и потому, что большинство этихъ странъ, а въ числѣ ихъ и Кавказъ, подъ конецъ изучаемой поры, вошли въ составъ Римской имперіи, явившейся главнымъ культурнымъ очагомъ, вслѣдствіе чего обмѣнъ культурными благами и модами еще болѣе ускорялся.

Мы начнемъ обзоръ съ культуръ южнаго Кавказа. Начало этихъ культуръ относятъ къ глубокой древности. Нѣкоторые ученые, напримѣръ Э. Реклю, склонны считать южный Кавказъ центромъ первоначальной металлургіи и исторической цивилизаціи вообще; они выводятъ отсюда сумеро-аккадовъ, а это одно могло бы указывать на существованіе въ описываемой области чрезвычайно маститыхъ памятниковъ. Населеніе южнаго Кавказа въ началѣ желѣзной эпохи принадлежало къ одному народу, распадавшемуся на большое число племенъ, управляемыхъ особыми царями. Этотъ народъ стоялъ особнякомъ, и, если къ нему не принадлежатъ нынѣшніе грузины, то, по мнѣнію М. В. Никольскаго, его слѣдуетъ считать совершенно исчезнувшимъ изъ среды современныхъ обитателей Малой Азіи и Закавказья. Самымъ древнимъ именемъ народа является имя „наири“, производимое отъ семитскаго „naru“— „рѣка“, слѣдовательно, обозначающаго народъ рѣкъ, подъ которыми, очевидно, разумѣлись истоки Тигра, Евфрата и Аракса.

Народъ наири уже въ началѣ ранней поры желѣзныхъ орудій отличался большою воинственностью. Такъ Салманассаръ I, царствовавшій приблизительно за 1300 лѣтъ до Р. Хр., построилъ нѣсколько городовъ, предназначенныхъ для защиты сѣверныхъ владѣній Ассиріи отъ набѣговъ племенъ наири. Но такая мѣра не достигала цѣли, и ассирійцамъ

пришлось вести многочисленныя войны съ неукротимыми сосѣдями. Ассирійскій царь Тукульти-Палешарра (Тиглатъ-Фелассаръ) I, царствовавшій съ 1120 по 1100 г. до Р. Хр., первымъ рѣшился вторгнуться въ земли наири. Объ этомъ событіи гласятъ двѣ монументальныя надписи, изъ которыхъ одна сдѣлана на искусственно-стесанной скалѣ западнѣе озера Ванъ, а другая — на восьмигранныхъ призмахъ, найденныхъ въ развалинахъ Ашура. Тукульти-Палешарра вторгался три раза въ земли наири, испытывая большія затрудненія на пути своихъ движеній, направленныхъ иногда не только безъ дорогъ, но и безъ тропинокъ, при чемъ наступавшимъ приходилось прорубать дорогу топорами сквозь густыя лѣсныя дебри и часто преодолѣвать высокія крутыя горы, вершины которыхъ, по картинному выраженію надписей, поднимались вверхъ, какъ лезвіе кинжала и были непроходимы для боевыхъ ассирійскихъ колесницъ, такъ что черезъ нихъ приходилось перебираться въ пѣшемъ строю. И только преодолѣвъ всѣ эти препятствія, ассирійцы могли нанести пораженія смѣлымъ горцамъ въ ихъ неприступныхъ горныхъ убѣжищахъ.

Однажды противъ Тукульти-Палешарра составилась коалиція изъ 83 царей разныхъ племенъ наири, которая, однако, была побѣждена. „Бурнымъ напоромъ моихъ храбрыхъ войскъ, повѣствуетъ надпись отъ лица Тукульти-Палешарра, я сокрушилъ царей. Подобный молніи громовержца Раммана, я истребилъ ихъ многолюдныя полчища; трупами ихъ воиновъ я, словно соломой, устлалъ горныя выси и ограды ихъ городовъ. Въ бою я уничтожилъ у нихъ сто двадцать колесницъ; шестьдесятъ царей земель наири, вмѣстѣ съ пришедшими къ нимъ на помощь, я загналъ до Верхняго моря. Большіе города ихъ я взялъ, имущества ихъ расхитилъ, селенія ихъ разорилъ, сжегъ огнемъ, опустошилъ, превратилъ въ груды и пахотную землю. Большія стада лошадей, жеребятъ, телятъ и всякую утварь безъ счета я угналъ и увезъ къ себѣ домой. Царей земель наири рука моя заполонила живыми всѣхъ...

Дѣтей ихъ, отпрыски ихъ царскихъ родовъ, я взялъ въ заложники. Наложилъ на нихъ дань—1200 коней до 2000 быковъ и отпустилъ ихъ по ихъ землямъ". Всё это рисуетъ бытъ и опредѣляетъ сравнительно высокую степень развитія народовъ, населявшихъ въ то отдаленное время Закавказье. Отстаивая свою политическую независимость, эти народы вынуждены были вести безпрерывныя войны. Судя по многочисленнымъ ассирійскимъ записямъ, каждый царь, начиная съ начала IX вѣка до Р. Хр., считалъ какъ бы долгомъ воевать съ народами наири, а нѣкоторые цари воевали разъ по шести и болѣе, грабя и разоряя богатую страну, нерѣдко служившую убѣжищемъ и для обиженныхъ ассирійцевъ. Тукульти-Нинибъ II (царствовавшій за 900 лѣтъ до Р. Хр.), сынъ его Ашурназирпалъ, внукъ Салманассаръ II (860—824 г. до Р. Хр.), Рамманъ-Нирари III (811—782 г. до Р. Хр.), Салманассаръ III (782—773 г. до Р. Хр.), Тукульти-Палешарра II, Саргонъ II, Сеннахирибъ (700 г. до Р. Хр.), смѣняя другъ друга, всѣ вели войны съ народомъ наири и не могли сокрушить его могущества. Спустя немного болѣе 150 лѣтъ послѣ походовъ Тукульти-Палешарра, политическое значеніе наири еще болѣе увеличилось. Въ это время возвышается племя урарту, которое овладѣваетъ гегемоніей. Цари урарту носятъ титулъ царей наири. Урартійскій царь Араме (Арраму) выдерживаетъ три войны (въ 860, 857 и 844 годахъ до Р. Хр.) съ ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ, послѣ чего границы Урарту были отодвинуты къ югу, т.-е. ближе къ Ассиріи. Седури, или Сардури I, царь Урарту, съ полнымъ успѣхомъ выдержалъ четвертое нападеніе Салманассара, не позволивъ послѣднему даже перейти границу своего царства. Это ободрило и еще больше сплотило народы наири, упрочивъ гегемонію урарту. Съ этого времени ассиріцы долго не могли проникнуть далѣе южныхъ областей наири, часто сами терпѣли пораженія и платили своими землями. Царь Менуа распространилъ свое владычество въ направленіи земли хеттовъ, а сынъ его Аргишти сдѣлалъ царя хеттовъ

Хиларуалини своимъ вассаломъ и покорилъ, при Салманассарѣ III, Ассирію, и только усиліями такихъ могучихъ вождей, какими явились ассирійскіе цари Тукульти-Палешарра II и Саргонъ II, царство Урарту было вновь ослаблено и затѣмъ въ VII вѣкѣ до Р. Хр. угасло окончательно. На мѣстѣ его въ разныхъ пунктахъ начинаютъ оперировать новые народы: киммерійцы, скиѳы, армяне и др.; но до конца изучаемой поры ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ создать сколько-нибудь значительнаго государства, и страною легко овладѣвали сначала мидійцы, затѣмъ персы, греки (Александра Македонскаго) и, наконецъ, римляне. Такимъ образомъ политическая сила Закавказья всецѣло связана съ народомъ наири, съ которымъ связывается и наибольшее культурное процвѣтаніе страны.

Судя по многочисленнымъ дошедшимъ до насъ надписямъ, культура наири носила вполнѣ месопотамскій, или ассиро-вавилонскій, характеръ. Въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ и въ болѣе торжественныхъ случаяхъ внутренней государственной жизни народы наири пользовались ассирійскимъ языкомъ, что, по замѣчанію М. В. Никольскаго, указываетъ не только на довольно распространенное въ народѣ знаніе этого языка, но и на существованіе особыхъ центровъ ассирійской учености и литературныхъ хранилищъ глиняныхъ дощечекъ (таблетокъ), по которымъ могли достигнуть умѣнья высѣкать и монументальныя надписи.

Въ странѣ Наири, повидимому, уже съ глубокой древности существовали многочисленные города; о нихъ, какъ мы видѣли, въ XII в. до Р. Хр. упоминаетъ надпись ассирійскаго царя Тукульти-Палешарра I; во время же процвѣтанія царства Урарту имена многихъ городовъ были вписаны въ монументальныхъ надписяхъ и сохранились до настоящаго времени. Изъ этихъ городовъ особенно замѣчательными являлись Сугуніа (резиденція могущественнаго царя Араме), Арамли (городъ, повидимому, того же царя Араме, впослѣдствіи извѣстный подъ именемъ Ар-

мавира, столицы армянъ), Тушпа (Ванъ) (резиденція царя Сардури I и его пріемниковъ) и многіе другіе. Города обносились кругомъ стѣнами, внутри же имѣли храмы, дворцы и жилища горожанъ. Сохранились изображенія двухъ городовъ: Сугуніи, представленной на бронзовыхъ воротахъ Балавата, гдѣ иллюстрированъ походъ Салманассара II въ Урарту въ 860 г. до Р. Хр. [1]), и Мусасира, изображеннаго на барельефѣ Саргона II въ Хорсабадѣ [2]). По этимъ иллюстраціямъ видно, что городскія стѣны возводились преимущественно на скалахъ изъ камня и приспособлялись для одноярусной, двухъярусной и даже четырехъярусной обороны. Каждый ярусъ увѣнчивался зубцами, служившими для защиты обороняющихся. Стѣны фланкировались частыми башнями.

Храмъ города Мусасира имѣлъ четырехугольную форму, украшался фронтонами и колоннами. Его каменныя стѣны декорировались копьями и круглыми, очевидно, металлическими щитами, изваяніями львиныхъ головъ и цѣлой львицы, питающей небольшого львенка. Изъ утвари представлены большіе круглодонные сосуды, поставленные на треножникахъ, изображающихъ ноги воловъ.

Дворцы, повидимому, походили на храмы и также сооружались изъ камня, но иногда имъ придавали видъ крѣпостей. Урартійскій царь Руса II сообщаетъ въ одной изъ армавирскихъ надписей, что онъ соорудилъ домъ, укрѣпленный изъ 1432 камней. Размѣры этихъ камней, въ настоящее время, точно установлены: они обычно равнялись двумъ аршинамъ въ длину и одному аршину въ ширину и толщину, и только для отдѣлки употреблялись кубическіе и квадратные плитчатые камни по одному аршину въ сторонѣ. Эти камни иногда покрывались клинообразными надписями.

[1]) „Древности Восточныя“, Труды Вост. Ком. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. I, вып. III, табл. XIV.

[2]) Матеріалы по археологіи Кавказа, собранные экспедиціями Имп. Моск. Археолог. Общ., вып. V, табл. IV.

На ряду съ каменными существовали также кирпичныя сооруженія, остатки которыхъ сохранились въ развалинахъ города, представляющихъ въ настоящее время огромный холмъ Топра-кале къ юго-востоку отъ города Вана.

Нѣкоторые города сопровождались каналами, служившими для снабженія жителей водою. Берега этихъ каналовъ укрѣплялись земляными насыпями, дикимъ камнемъ и деревянными сооруженіями.

Главными занятіями жителей городовъ и селеній являлись земледѣліе и скотоводство. Среди домашнихъ животныхъ имѣлись лошади, буйволы, коровы и овцы. Всѣ эти животныя, за исключеніемъ лошади, приносились въ жертву богамъ, а коровами и лошадьми платилась дань побѣдителямъ.

Жители были зажиточны. Въ монументальныхъ записяхъ Тукульти-Палешарра I говорится о несмѣтномъ имуществѣ, взятомъ имъ въ добычу, а также о серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, бронзовыхъ брусьяхъ и др. Воины одѣвались въ узкія и короткія одежды, опоясанныя широкими поясами; на головахъ носили шлемы съ высокими гребнями, а на ногахъ высокіе сапоги съ загнутыми вверхъ носами[1]). Оружіемъ ихъ служили копья, кинжалы, луки и круглые щиты. Воины сражались въ пѣшемъ и колесничномъ строяхъ.

Религія наири, повидимому, состояла изъ обоготворенія силъ природы. Особымъ уваженіемъ пользовались три божества: Халди, Теишба и Ардини. Халди былъ національнымъ богомъ; имя его поминается почти во всѣхъ надписяхъ; ему и его спутникамъ—халдійцамъ сооружались храмы, приносились жертвы и молитвы. Самъ народъ иногда называлъ себя халдеями, т.-е. поклонниками Халди.

---

[1]) Изображенія на бронзовыхъ воротахъ Балавата. „Древности Восточныя“, Труды Вост. Ком. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. I, вып. III, табл. XIV.

Значеніе этого бога намъ неизвѣстно. Теишба занималъ второе мѣсто; его считаютъ богомъ атмосферы, грома, молніи и водной стихіи. Посредниками между людьми и богами являлись жрецы.

Таковы въ общемъ свѣдѣнія о бытѣ главныхъ обитателей Закавказья. Эти свѣдѣнія добыты изъ надписей завоевателей или мѣстныхъ правителей и касаются сравнительно короткаго промежутка времени между XII и VII вѣками до Р. Хр. Гораздо бо́льшее время освѣщаютъ матеріалы, добытые въ могилахъ мертвыхъ. Къ крайнему сожалѣнію, эти матеріалы не отличаются тою хронологическою точностью, каковая свойственна вышеразсмотрѣннымъ документальнымъ свѣдѣніямъ.

Наиболѣе потрудившимися надъ изслѣдованіемъ могильныхъ памятниковъ Закавказья являются А. А. Ивановскій, Э. А. Ресслеръ, Г. О. Розендорфъ и А. Лалаянцъ. Ими добыты обширныя и весьма цѣнныя коллекціи, единственнымъ, но крупнымъ дефектомъ которыхъ служитъ лишь недостаточность или даже полное отсутствіе научнаго описанія ихъ изслѣдователями [1]).

Закавказскія погребенія изслѣдуемой поры и болѣе ранняго времени находятся въ могильникахъ, курганахъ и открытыхъ дольменахъ.

Могильники встрѣчаются рѣдко, что, можетъ быть, объясняется трудностью ихъ открытія. Въ настоящее время могильники извѣстны близъ Александрополя и Ново-Баязета. Могилы въ обоихъ пунктахъ устроены одинаково, въ видѣ продолговатыхъ четырехугольныхъ ямъ. Каждая яма покрывалась одною или нѣсколькими каменными плитами, положенными ниже горизонта почвы и сверху засыпанными землею. Иногда стѣны ямъ обставлялись

[1]) Коллекціи А. А. Ивановскаго, Э. А. Ресслера и Г. О. Розендорфа хранятся въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Печатныя свѣдѣнія о раскопкахъ Э. А. Ресслера и Г. О. Розендорфа имѣются въ „Отчетахъ Имп. Археолог. Комиссіи“.

Авт.

также плитами, и тогда могила представляла видъ каменнаго ящика. Дно ямы обыкновенно было земляным, но въ исключительныхъ случаяхъ оно покрывалось слоемъ глины. Въ нѣкоторыхъ ямахъ оказывались конусообразные каменные столбы, поставленные вертикально такъ, что верхняя часть ихъ выступала выше горизонта почвы. Покойники въ ямахъ лежатъ на лѣвомъ боку, головою къ сѣверу или сѣверо-западу; ихъ сопровождаютъ разныя бронзовыя вещи, бусы и глиняные сосуды. По своему общему виду всѣ эти предметы схожи съ курганными. Заслуживаютъ вниманія бронзовыя булавки, служившія для застёгиванія одежды. Каждая изъ нихъ представляетъ большую иглу, къ которой сверху прикрѣплена ромбическая прорѣзная лопасть; углы и основаніе лопасти украшены зубчатыми кружками. Эти оригинальныя булавки лежали на груди покойниковъ попарно и накрестъ другъ другу.

Курганы въ Закавказьѣ встрѣчаются повсюду. Они располагаются то поодиночкѣ, то по два, по три, то группами, то линіями, размѣщенными по хребтамъ отроговъ и возвышеній. По наружному виду ихъ дѣлятъ на нѣсколько типовъ. Чаще встрѣчаются курганы обычной болѣе или менѣе правильной полушарной формы; рѣже—такіе же курганы, обставленные по окружности основанія большими камнями; еще рѣже—такіе же курганы, обставленные большими камнями какъ по окружности основанія, такъ и по окружности вершины. Близъ Ново-Баязета имѣются насыпи съ гладкой вершиной, въ видѣ усѣченнаго конуса, обставленныя камнями по окружности основанія. Вѣроятно, къ остаткамъ кургановъ слѣдуетъ относить и круги, составленные изъ большихъ камней, которые могли окружать основанія развѣянныхъ вѣтромъ кургановъ.

Внутреннее строеніе кургановъ также довольно разнообразно. Самымъ простымъ представляется то, когда остатки покойника помѣщаются на горизонтѣ почвы и затѣмъ засыпаются холмомъ земли. Болѣе сложными представляются дольменообразныя сооруженія, поставленныя на горизонтѣ

почвы, затѣмъ—ямы, то простыя, то обложенныя камнями опять-таки въ видѣ дольменовъ, то, наконецъ, въ видѣ воронки, помѣщенной въ срединѣ насыпи выше горизонта почвы.

Въ курганахъ съ погребеніями на горизонтѣ встрѣчаются и сожженія и простыя трупоположенія. Въ первомъ случаѣ находятъ болѣе или менѣе значительныя количества золы и угля и среди нихъ разные предметы быта и личныхъ украшеній. Иногда сожженіе оказывалось неполнымъ, и костяки носили только слѣды обугливанія лишь нѣкоторыхъ костей. Во второмъ случаѣ открываютъ костяки то въ сидячемъ, то въ лежачемъ (вытянутомъ) положеніи, окруженные тѣми же предметами.

Такія же формы погребеній находятъ и въ дольменообразныхъ каменныхъ ящикахъ, какъ поставленныхъ на горизонтѣ почвы, такъ и въ ямахъ, съ тою, однако, разницею, что въ большихъ ящикахъ хоронилось по нѣсколько (иногда по тридцати) покойниковъ, среди которыхъ наблюдались и погребенія съ расчлененными костяками. Послѣдній обрядъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Впервые мы наблюдали его въ погребеніяхъ бронзовой эпохи. Весьма возможно, что и въ Закавказьѣ онъ первоначально явился въ это же время, но его существованіе тамъ устанавливается и для изучаемой поры. Наблюдается расчлененіе полное и частичное. Остатками полнаго расчлененія являются груды сложенныхъ костей покойника, безъ всякой связи ихъ между собою. Въ неполныхъ расчлененіяхъ отдѣлялся отъ костяка черепъ, или нижняя челюсть, которые помѣщаются отдѣльно отъ костяка, находящагося, за исключеніемъ этихъ костей, въ полномъ составѣ.

Простыя ямы въ большинствѣ случаевъ имѣютъ правильную четырехугольную форму съ округленными углами, но встрѣчаются ямы и въ видѣ неправильныхъ четырехугольниковъ и оваловъ или даже круговъ. Послѣднія представляются наиболѣе древними. Въ этихъ ямахъ удалось найти покойниковъ, погребенныхъ въ двухъ глиня-

ныхъ горшкахъ или въ одномъ. Въ первомъ случаѣ верхняя часть тѣла помѣщалась въ одномъ, а нижняя часть въ другомъ сосудѣ, послѣ чего оба сосуда плотно смыкались другъ съ другомъ; во второмъ случаѣ покойникъ втискивался въ одинъ большой сосудъ и сверху покрывался каменной плитой. Совершенно аналогичныя формы погребеній мы уже видѣли у сумеро-аккадовъ, у которыхъ онѣ практиковались въ концѣ поры мѣдныхъ орудій. Изъ другихъ формъ погребеній въ ямахъ снова повторяются полныя и неполныя трупосожженія, полныя и неполныя расчлененія костяковъ, положенія костяковъ: сидячее, скорченное на лѣвомъ или правомъ боку и вытянутое на спинѣ или на боку. Во многихъ ямахъ, содержавшихъ погребенія съ расчлененными костяками, въ боковыхъ стѣнкахъ вырѣзались особыя ниши, куда ставились черепа покойниковъ.

За исключеніемъ погребеній въ глиняныхъ горшкахъ, прочія формы погребеній часто встрѣчаются совмѣстно и не только въ одномъ районѣ, одной курганной группѣ, но и въ одной большой погребальной ямѣ, гдѣ нерѣдко встрѣчаются и цѣлые костяки, расположенные въ разныхъ позахъ, и расчлененные костяки, и слѣды трупосожженій.

Ямы сверху или засыпались почвой, часто смѣшанной съ валунами и галькой, или покрывались большими каменными плитами. Въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко наблюдаются конусообразные камни, поставленные вертикально. Изрѣдка ямы покрывались бревенчатымъ накатникомъ.

Что касается погребеній въ насыпяхъ кургановъ, то, повидимому, они практиковались также лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Близъ деревни Еленендорфъ, Елизаветпольскаго уѣзда, въ центрѣ насыпи одного кургана „было устроено углубленіе, въ видѣ кратера, гдѣ помѣщался конусообразный камень въ 0,90 м. вышины, утвержденный стоймя въ мягкомъ глинистомъ пескѣ, наполнявшемъ кратеръ доверху. Подъ этимъ камнемъ найдена могила особаго типа: она имѣла видъ воронки съ отверстіемъ, имѣвшимъ 1,50 м. въ діаметрѣ; эта воронка была

устроена изъ валуновъ и трехъ кедровыхъ бревенъ, размѣщенныхъ слѣдующимъ образомъ: два бревна длиною въ 1 метръ были врыты въ землю наискось, сходясь вмѣстѣ внизу, а третье, въ 0,33 м. длиною, лежало горизонтально подъ ними... Пространство между столбами и вокругъ ихъ было наполнено золою, углями, обожжёнными костями и человѣческими зубами. Никакихъ металлическихъ предметовъ или черепковъ отъ сосудовъ не оказалось“ [1]).

Погребенія очень часто сопровождаются то цѣлыми остовами, то отдѣльными костями животныхъ и птицъ. Среди нихъ опредѣлены кости лошади, мула, коровы, овцы, собаки, курицы и др. Кости мелкихъ животныхъ и птицъ нерѣдко помѣщаются въ глиняныхъ сосудахъ.

Изъ бытовыхъ предметовъ особенно часто встрѣчаются глиняные сосуды, которые иногда ставились въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ; затѣмъ столь же обычными являются разнаго рода украшенія и рѣже—оружіе и орудія.

Глиняные сосуды отличаются высокой техникой, нерѣдко имѣютъ блестящую поверхность и орнаментику, а иногда и какія-то загадочныя надписи. Всѣ они сфабрикованы безъ помощи гончарнаго круга, но съ большою тщательностью и хорошимъ навыкомъ. Виды ихъ довольно разнообразны: имѣются большіе сосуды баночной формы съ широкими горловыми отверстіями, рѣпчатой формы съ узкими отверстіями, но самыми обыкновенными являются формы чашъ. Обжиганіе сосудовъ довольно сильное. Орнаментація пользуется большимъ распространеніемъ; она состоитъ изъ разнообразныхъ геометрическихъ фигуръ и изображеній животныхъ, птицъ и человѣка, иногда вооруженнаго лукомъ. Всѣ изображенія представляются выполненными сухимъ шаблономъ, далекимъ отъ натуры. Главное вниманіе художниковъ обращалось на выразительность и яркость фигуръ, что и достигалось при помощи инкрустаціи ихъ бѣлой костяной мастикой.

---

[1]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи“ за 1899 г., стр. 80.

Костяная мастика, какъ удалось установить, состоитъ изъ порошка жжёной кости и какого-то еще неизвѣстнаго цемента. Мѣсто изобрѣтенія ея остается невыясненнымъ. Въ Закавказьѣ она пользовалась широкимъ распространеніемъ: её употребляли не только для наведенія керамическаго орнамента, но и для разнаго рода изящныхъ подѣлокъ. Таковы бусы, застежки и бляхи; послѣднія иногда оправлялись и украшались золотомъ и до настоящаго времени сохранили свою свѣжесть и красоту, вполнѣ напоминая современныя издѣлія изъ слоновой кости.

На ряду съ глиняными, иногда встрѣчаются и каменные сосуды, имѣющіе видъ небольшихъ чашъ на трехъ ножкахъ.

Несомнѣнно, къ болѣе позднему времени слѣдуетъ отнести расписные сосуды, найденные въ значительномъ количествѣ при погребеніяхъ Елизаветпольской губ. Яркая роспись этихъ сосудовъ выполнена красною и черною красками по естественному желтому фону сосудовъ, представляя изображенія разныхъ геометрическихъ фигуръ, а также людей, птицъ и др. Среди расписной керамики весьма любопытными являются глиняныя чашечки въ видѣ небольшихъ ванночекъ. Назначеніе ихъ не совсѣмъ понятно. Совершенно такіе же сосудики извѣстны въ сибирской керамикѣ, гдѣ древность ихъ, повидимому, относится къ болѣе раннему времени.

Украшенія и принадлежности одежды встрѣчаются въ значительномъ количествѣ, что позволяетъ до нѣкоторой степени возстановить порядокъ расположенія ихъ какъ на частяхъ тѣла, такъ и на одеждѣ.

На головѣ носились, хотя не часто, бронзовые вѣнчики, или діадемы, представляющіе изъ себя тонкія пластинки, суживающіяся къ концамъ, завернутымъ въ трубочки, служившія для пропусканія шнурка или вообще завязокъ. Серьги не были въ употребленіи; ихъ замѣняли височными кольцами, имѣвшими одинъ конецъ спущеннымъ поперекъ ихъ въ видѣ змѣйки, и очкообразными привѣсками такъ называемаго галльштаттскаго типа.

Пышнѣе украшалась шея, гдѣ, обыкновенно, помѣщалось большое количество бусъ и привѣсокъ, изъ которыхъ первыя отличаются разнообразіемъ формъ и матеріала, указывая на сношенія Закавказья съ отдаленными странами. Преобладаютъ бусы изъ краснаго сердолика, бронзы, голубой и бѣлой пасты. Рѣже встрѣчаются бусы изъ гешира, костяной пасты, стекла и янтаря. Голубыя пастовыя бусы, несомнѣнно, привозились изъ Египта, что вполнѣ подтверждается присутствіемъ между ними жучковъ-скарабеевъ, а янтарныя — съ юго-восточныхъ береговъ Балтійскаго моря. Весьма вѣроятно, что многіе изъ остальныхъ сортовъ получались изъ Месопотаміи и Финикіи. Предметами мѣстной выработки можно считать только бронзовыя и гешировыя бусы; первыя потому, что Закавказье славилось своими металлическими издѣліями, а вторыя потому, что геширъ, или антрацитъ (каменный уголь), въ древнее время былъ извѣстенъ и употреблялся на изящныя подѣлки только на Кавказѣ.

Ожерелья бусъ дополнялись разнаго рода привѣсками то въ видѣ круглыхъ или луновидныхъ медаліоновъ, то въ видѣ изображеній разныхъ предметовъ быта и культа. Медаліоны дѣлались то ажурными, то цѣлыми, украшенными геометрическими узорами и изображеніями животныхъ въ родѣ оленей, козловъ и др. Повидимому, также на шеѣ носились длинныя бронзовыя цѣпи съ подвѣшенными на концахъ ажурными птичками. Интересно отмѣтить, что многія привѣски снабжались дополнительными подвѣсками въ видѣ разнаго рода колецъ, бубенчиковъ и т. п. Совершенно такое же явленіе наблюдалось и въ галльштаттской культурѣ Западной Европы.

На ручныхъ пальцахъ носились кольца и перстни, а на рукахъ и ногахъ—браслеты. Ручные браслеты отличались отъ ножныхъ тѣмъ, что были легче и почти всегда имѣли подвижные концы, иногда спирально-заходящіе другъ за друга. Ножные браслеты часто дѣлались въ видѣ сплошныхъ колецъ, украшенныхъ характерными попереч-

ными рубчиками. Изъ браслетъ особенно оригинальными представляются тѣ, у которыхъ между концовъ вставлено по одной сердоликовой круглой бусинѣ.

Для застёгиванія и украшенія одежды служили костыльки (по-малороссійски цурки), булавки, пуговицы и фибулы. Костыльки то отливались изъ бронзы, то фабриковались изъ кости и костяной пасты. Всѣ они имѣютъ форму палочекъ съ болѣе или менѣе ярко выраженнымъ перехватомъ посрединѣ. Булавки для застёгиванія одежды встрѣчаются рѣдко, отличаются своими крупными размѣрами и вычурностью украшеній верхней лопасти. Гораздо обычнѣе пуговицы. Онѣ имѣютъ грибовидную форму и почти всегда отливались или штамповались изъ бронзы. Иногда для бо́льшей массивности ихъ заливали съ внутренней вогнутой стороны цвѣтною пастою. Ушки пуговицъ приспособлялись для пришивки и надѣванія на широкіе ремни; пуговицы съ ушками послѣдней формы могли служить одинаково и для украшенія конской сбруи. Судя по многочисленности пуговицъ, находимыхъ при одномъ покойникѣ, слѣдуетъ полагать, что онѣ служили главнымъ образомъ не для застёгиванія, а для украшенія одежды.

Кромѣ костыльковъ, пуговицъ и булавокъ, для застёгиванія одеждъ служили бронзовыя и желѣзныя фибулы, которыя по своимъ типамъ относятся къ раннимъ латенскимъ фибуламъ и такимъ образомъ хорошо отмѣчаютъ конецъ развитія изучаемой культуры.

Пояса употреблялись металлическіе и кожаные. Металлическіе пояса отличаются значительною шириною, выковываются изъ тонкихъ пластинъ бронзы и покрываются сложными иногда весьма вычурными изображеніями и геометрическими узорами.

Кожаные пояса не сохранились. О существованіи ихъ можно судить лишь по наборамъ бляхъ. Среди послѣднихъ особенно интересны бляхи, сдѣланныя изъ костяной пасты, по своему внѣшнему виду вполнѣ схожія съ подѣлками изъ слоновой кости. Каждая бляха является

оправленною въ бронзовый ободокъ и сверху украшенною однимъ или нѣсколькими гвоздиками съ накладнымъ золотомъ; наиболѣе же дорогіе экземпляры, помимо этого, окаймлялись рамкой, выполненной разноцвѣтными инкрустаціями.

Въ составъ оружія входили топоры, булавы, копья, кинжалы, луки и стрѣлы, а въ составъ орудій — топоры, ножи, бритвы, вилки, шила, иглы, молоты, точильные бруски и др. Какъ оружіе, такъ и орудія фабриковались обыкновенно изъ бронзы, рѣже изъ камня и только въ исключительныхъ случаяхъ изъ желѣза, которое вообще представляется очень рѣдкимъ.

Топоры—двухъ типовъ: клиновидные, по формѣ близкіе къ египетскимъ бронзовой эпохи, и сѣчковидные съ полукруглымъ лезвіемъ и проухомъ въ обухѣ для рукоятки. Оба типа вырабатывались исключительно изъ бронзы. Боевое назначеніе ихъ отчасти доказывается присутствіемъ на обухахъ нѣкоторыхъ топоровъ длинныхъ шиповъ конической формы, предназначавшихся для разбиванія металлическихъ шлемовъ. Но на ряду съ боевыми эти орудія, несомнѣнно, служили и бытовымъ цѣлямъ.

Булавы пользовались довольно большимъ распространеніемъ и дѣлались изъ камня и бронзы. Каменныя булавы имѣютъ обычную грушевидную форму; бронзовыя же снабжались длинными коническими шипами, расположенными со всѣхъ сторонъ, придававшими оружію серьёзное ударное значеніе.

Наконечники копій вырабатывались изъ бронзы и въ рѣдкихъ случаяхъ изъ желѣза. Всѣ они—одинаковой листовидной формы, съ длинною втулкою для насада на древко.

Мечи рѣдки и представляютъ видъ трехугольной обоюдоострой бронзовой пластины съ округленнымъ концомъ и рукояткой, отлитой изъ одного куска металла съ клинкомъ. Рукоятки—круглой формы съ вырѣзами для заполненія ихъ цвѣтною пастой и круглымъ верхомъ вмѣсто

гайки. Перекрестья отсутствуютъ. Поверхности клинковъ украшены продольными бороздками, а верхнія части клинковъ—разными геометрическими фигурами, среди которыхъ особенно видную роль играютъ двойныя спирали микенскаго типа.

Гораздо чаще встрѣчаются бронзовые кинжалы. Всѣ они—небольшихъ размѣровъ, трехугольной формы, съ довольно острыми концами и черешками для рукоятокъ, которыя были деревянными и сверху украшались грибовидными ажурными гайками. Металлическія рукоятки, отлитыя изъ одного куска съ клинкомъ, встрѣчаются рѣдко.

Луки не сохранились, но несомнѣнное существованіе ихъ доказывается какъ изображеніями на одномъ глиняномъ сосудѣ, такъ и значительнымъ числомъ найденныхъ въ погребеніяхъ стрѣлъ. Наконечники послѣднихъ вырабатывались изъ бронзы и камня. Бронзовыя стрѣлы принадлежатъ къ двумъ рѣзко выраженнымъ и совершенно различнымъ типамъ: 1) большіе, плоскіе наконечники съ двумя длинными крюками и черешкомъ и 2) малые трехгранные наконечники со втулкой. Первые, несомнѣнно, относятся къ болѣе древнему времени и являются точными копіями египетскихъ стрѣлъ бронзовой эпохи. Вторые схожи съ такъ называемыми скиѳскими наконечниками стрѣлъ и относятся къ болѣе позднему времени изучаемой поры.

Каменные наконечники стрѣлъ фабриковались преимущественно изъ обсидіана, столь распространеннаго въ Закавказьѣ, рѣже—изъ кремня и роговика. Всѣ они—одинаковой трехугольной формы, съ выемкой въ основаніи, и отличаются правильностью и удивительнымъ совершенствомъ отдѣлки.

Отъ древокъ стрѣлъ остатковъ не сохранилось, но сохранились наконечники тупыхъ концовъ, весьма тщательно вырѣзанные изъ кости. Въ основаніи каждаго такого наконечника имѣется глубокій полукруглый вырѣзъ, служившій для болѣе удобнаго накладыванія стрѣлы на тетиву и оттягиванія послѣдней во время стрѣльбы.

Къ предметамъ вооруженія слѣдуетъ отнести также широкіе металлическіе пояса, которые служили дополненіемъ вооруженія, представляя изъ себя какъ бы часть брони.

Изъ бытовыхъ орудій, топоры описаны выше. Ножи дѣлались изъ бронзы и лишь въ исключительныхъ случаяхъ изъ желѣза; большинство ихъ имѣетъ видъ узкихъ и длинныхъ пластинокъ съ однимъ лезвіемъ и загнутымъ вверхъ концомъ. Въ погребеніяхъ иногда встрѣчаются двурогія и однорогія бронзовыя вилы съ остатками деревянныхъ рукоятокъ. Эти вилы вполнѣ тождественны съ найденными на сѣверномъ Кавказѣ и въ южной Россіи среди культуръ бронзовой эпохи. Шила и иглы также схожи съ шилами и иглами бронзовой эпохи названныхъ областей. То же слѣдуетъ сказать и про точильные бруски, представляющіе тяжелые камни съ выточенными рукоятками, по своей формѣ нѣсколько напоминающіе вальки, употребляемые въ настоящее время при стиркѣ бѣлья.

Заслуживаютъ вниманія тяжелые молоты, сдѣланные изъ плосковатыхъ овальныхъ валуновъ, снабженныхъ поперечными желобками, предназначавшимися для скрѣпленія молотовъ съ рукоятками. Такія орудія въ Западной Европѣ были найдены въ мѣдныхъ рудникахъ галльштаттской культуры, гдѣ ими пользовались для раздробленія руды, прежде чѣмъ её класть въ обжигательныя и плавильныя печи. Весьма возможно, что для этой цѣли употреблялись и закавказскіе молоты.

Изъ другихъ предметовъ быта слѣдуетъ указать на бронзовые пинцеты, каменные ступки и пестики. Назначеніе пинцетовъ неясно. Полагаютъ, что ими пользовались для выдергиванія волосъ. Ступки и пестики могли служить для растиранія хлѣбныхъ зеренъ и красокъ.

Оцѣнивая всю культуру въ массѣ, нельзя не замѣтить въ ней многихъ вещей, схожихъ съ вещами галльштаттской культуры. Таковы прорѣзныя бляхи, очкообразныя привѣски, цѣлые браслеты съ зубчатымъ орнаментомъ, отчасти

мечи, каменные молоты, нѣкоторыя формы могилъ, но еще болѣе сходства вещей можно найти съ египетскими и месопотамскими, откуда многія изъ нихъ получались въ готовомъ видѣ, хотя всё это нисколько не мѣшаетъ закавказской культурѣ носить свой оригинальный характеръ, благодаря которому она легко отличается отъ другихъ. Этотъ характеръ крѣпко связываетъ и объединяетъ всю культуру, указывая, что вся она явилась результатомъ трудовъ одного народа, остававшагося весьма долго на одномъ мѣстѣ.

Что касается времени культуры, то опредѣленіе его затрудняется лишь отсутствіемъ научныхъ описаній большинства матеріала со стороны добывшихъ его изслѣдователей. Повидимому, это время было весьма продолжительно и захватывало не только конецъ, но и болѣе отдаленное время бронзовой эпохи. Наиболѣе древними памятниками, какъ уже было замѣчено, являются погребенія въ глиняныхъ сосудахъ, которыя, по аналогіи съ сумеро-аккадскими, могутъ быть пріурочены къ концу поры мѣдныхъ орудій. Весьма возможно, что съ развитіемъ нашего знанія и многіе изъ остальныхъ памятниковъ придется отнести, по крайней мѣрѣ, къ концу бронзовой эпохи. Однако большая часть культуры, осложненная не только желѣзными украшеніями въ видѣ инкрустацій, но орудіями и оружіемъ, останется навсегда въ разсматриваемой сферѣ ранней поры желѣзныхъ орудій. Наиболѣе поздніе моменты развитія культуры отмѣчаются появленіемъ сначала расписной посуды, которую по типу росписи можно пріурочить къ VII—VI вѣкамъ до Р. Хр., и затѣмъ желѣзныхъ фибулъ латенскаго типа, указывающихъ на приближеніе къ концу изучаемой поры. Если же таковое опредѣленіе вѣрно, то, руководясь сравнительно обильными письменными памятниками, мы въ правѣ приписать, по крайней мѣрѣ, главную часть культуры народамъ наири.

Сѣверный Кавказъ лишь немного отставалъ въ своемъ развитіи отъ Закавказья. Причиной такого явленія слу-

жило какъ то, что сѣверныя племена находились далѣе отъ главныхъ очаговъ культурной базы, такъ и то, что они не могли получить столь сильной политической организаціи, какую получили племена Закавказья. Несмотря, однако, на эти и нѣкоторыя другія препятствія, бытовые памятники сѣверно-кавказскихъ обитателей совершенствомъ и цѣлесообразностью формъ почти не уступаютъ закавказскимъ памятникамъ, а къ концу поры, съ перенесеніемъ культурной базы на южные полуострова Европы и окончательнымъ паденіемъ царства Урарту, культурный перевѣсъ даже склоняется въ сторону сѣверно-кавказскихъ памятниковъ.

Наиболѣе древнимъ сѣвернымъ народомъ, имя котораго извѣстно исторіи, являются оссы, или современные осетины, называвшіе сами себя „иронъ“. Этотъ народъ принадлежалъ къ иранской семьѣ. На сѣверномъ Кавказѣ онъ появляется весьма рано и остается въ этой области въ продолженіе всей изучаемой поры, раздробившись, соотвѣтственно физическимъ свойствамъ сильно пересѣченной горной страны, на многія племена, изъ которыхъ каждое старалось жить по-своему, не терпя никакой зависимости и не желая входить въ продолжительные союзы другъ съ другомъ ради политическаго могущества; слѣдствіемъ такого отношенія явилось полное забвеніе родства и отрицаніе его тамъ, гдѣ оно было совершенно очевидно.

Уже при переходѣ изъ бронзовой въ желѣзную эпоху обитатели сѣвернаго Кавказа состояли въ дѣловыхъ связяхъ съ весьма отдаленными народами. Позже эти сношенія всё болѣе и болѣе оживлялись. Греки, какъ гласитъ ихъ легенда о „золотомъ рунѣ“, съ незапамятныхъ временъ предпринимали плаваніе къ устьямъ р. Фаза (Ріона) и, конечно, къ другимъ доступнымъ пунктамъ восточнаго побережья Чернаго моря. Финикіяне, предупредившіе грековъ во всѣхъ сношеніяхъ съ дальними народами, также несомнѣнно знали и р. Фазъ и сѣверо-восточный берегъ названнаго моря. Во второй половинѣ ранней поры же-

лѣзныхъ орудій, греки уже основываютъ свои колоніи въ Тамани, или Фанагоріи, а при переходѣ изъ ранней въ среднюю пору вся область сѣвернаго Кавказа вошла въ сферу политическаго вліянія и отчасти полной зависимости отъ Римской имперіи.

Съ сѣверными землями Европы также засвидѣтельствованы оживленныя сношенія. Такъ намъ извѣстны движенія черезъ сѣверный Кавказъ киммерійцевъ и скиѳовъ, и, по словамъ Э. Реклю, „есть серьёзныя указанія, заставляющія предполагать существованіе правильно установившихся торговыхъ сношеній между Кавказомъ и берегомъ Балтійскаго моря, при посредствѣ осетиновъ, а, можетъ быть, и азовъ, переселившихся въ Скандинавію и находившихся въ близкой родственной связи съ осетинами“.

Бытовыя древности, доставляемыя сѣвернымъ Кавказомъ, изобильны и характерны. Нѣтъ сомнѣнія, что по нимъ, какъ по надписямъ, будетъ прочитана вся лѣтопись культурнаго развитія племенъ и народовъ, искони здѣсь обитавшихъ, а иногда тѣснившихъ и смѣнявшихъ другъ друга. Къ сожалѣнію, въ настоящее время бо́льшая часть этихъ древностей проходитъ черезъ руки кладоискателей и научно неподготовленныхъ изслѣдователей, труды которыхъ вносятъ лишь путаницу въ представленіе о ходѣ развитія народовъ сѣвернаго Кавказа и мѣшаютъ прійти къ вѣрнымъ выводамъ.

Благодаря каменистости почвы и тѣснотѣ обитаемыхъ, часто совершенно изолированныхъ областей, а также сравнительной густотѣ населенія, памятники разныхъ вѣковъ и тысячелѣтій здѣсь по необходимости ложились рядомъ, мѣшаясь и путаясь между собою. Разобраться въ этомъ хаосѣ можно только при самыхъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ на мѣстѣ и проведеніи строгихъ научныхъ параллелей съ классификаціями памятниковъ, изученныхъ при другихъ болѣе или даже вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ. Между тѣмъ нѣкоторые изслѣдователи кавказскихъ древностей поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они стараются

привязать памятники къ подходящей, по ихъ мнѣнію, исторической легендѣ или къ случайно подвернувшейся монетной датѣ. Отсюда и получается, что оружіе, типичное для бронзовой эпохи, и фибулы, характерныя для начальнаго латена, пріурочиваются къ датѣ монеты какого-нибудь византійскаго императора конца средней поры желѣзныхъ орудій, съ которой они ничего общаго никогда не имѣли.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ ранней поры желѣзныхъ орудій слѣдовало бы отнести культуру могильника Фаскау, если бы она не прошла черезъ руки спеціалистовъ-кладоискателей и не представляла послѣ того смѣси памятниковъ разныхъ временъ и эпохъ. Раскопки этого могильника, произведенныя В. Л. Тимоѳеевымъ, не устраняютъ всѣхъ недоразумѣній. Но какъ бы то ни было, могильникъ Фаскау въ своей главной массѣ не можетъ быть позже начала желѣзной эпохи. Въ составъ инвентаря его входятъ бронзовыя издѣлія и только въ исключительныхъ случаяхъ— желѣзныя. Въ однихъ орудіяхъ, особенно въ топорахъ, видно вліяніе Средней Азіи, въ другихъ орудіяхъ (кинжалахъ) и массѣ украшеній сказалось вліяніе Месопотаміи и южнаго Кавказа, но многое носитъ и свой совершенно оригинальный характеръ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно любопытны огромныя бронзовыя булавки съ плоскими головками, завитыми въ роговидныя спирали. Эти булавки служили для застёгиванія верхней одежды.

Къ довольно раннему времени слѣдуетъ отнести курганы съ расчлененіемъ костяковъ, изслѣдованные близъ г. Дербента, въ которыхъ гр. А. С. Уваровъ установилъ слѣды вліянія маздеизма, требовавшаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ расчлененія покойниковъ [1]), и древность ихъ отнесъ къ VII—VI вѣкамъ до Р. Хр.

---

[1]) Обычай расчлененія покойниковъ близъ Дербента держался очень долго: о немъ говорятъ Масуди, арабскій писатель половины X вѣка, и Секерій Казвини, писатель XIII вѣка по Р. Хр. Оба писателя

Къ болѣе позднему времени относится Казбекскій кладъ, датированный арамейскою надписью на бронзовомъ сосудѣ, принадлежащею къ V вѣку до Р. Хр. Кладъ состоитъ изъ множества бронзовыхъ тяжелыхъ дугообразныхъ фибулъ, разныхъ подвѣсокъ, часто представляющихъ изображенія животныхъ, въ особенности оленей, горныхъ барановъ, лошадей, муловъ и др., желѣзныхъ мечей или кинжаловъ съ бронзовыми рукоятками, нѣсколькихъ бронзовыхъ и одного серебрянаго сосудовъ, изъ коихъ послѣдній украшенъ пальметками и лировидно-расположенными длинными шеями и головками лебедей; этотъ замѣчательный сосудъ могъ быть сдѣланъ въ Финикіи или Сиріи.

Наконецъ, къ послѣднимъ четыремъ столѣтіямъ слѣдуетъ отнести курганы Кубанской области, содержавшіе погребенія подъ бревенчатыми шатрами, вокругъ которыхъ располагалось большое число цѣлыхъ конскихъ остововъ [1]).

Въ общемъ культуры сѣвернаго Кавказа по своему разнообразію и многимъ характернымъ особенностямъ заслуживаютъ большого вниманія, и детальное изученіе всего огромнаго матеріала, добытаго въ этой области, является для русской археологіи дѣломъ весьма важнымъ.

Въ заключеніе остается указать на то широкое распространеніе кавказскихъ культуръ, какимъ онѣ пользовались съ глубочайшей древности въ предѣлахъ южной Россіи.

утверждаютъ, что кубачи, послѣдователи маздеизма, ученія Зороастра, имѣли для каждаго пола особое обширное подземное помѣщеніе (ката?), гдѣ они разрѣзали трупы, отдѣляли мясо отъ костей и кости клали потомъ въ мѣшокъ, на которомъ надписывались имя умершаго, годъ рожденія и годъ его смерти; мясо и внутренности относили на двѣ возвышенности, отдѣльныя для каждаго пола и лежащія внѣ аула, и тамъ предоставляли ихъ на съѣденіе воронамъ и коршунамъ (Гр. А. С. Уваровъ. „Курганы съ расчлененіемъ близъ г. Дербента“, Москва, 1887 г., стр. 14).

Авт.

[1]) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1897 г.“, стр. 11. Курганы въ юртѣ станицы Костромской. — „Отчетъ той же Комиссіи за

Въ 1889 году, въ с. Подгорцахъ, въ 25 верстахъ ниже г. Кіева, на берегу поёмной долины Днѣпра, найденъ небольшой кладъ вещей, среди которыхъ оказался бронзовый поясъ, совершенно схожій съ закавказскими поясами времени введенія въ употребленіе желѣзныхъ орудій [1]). Въ послѣдніе же годы, на тѣхъ же кіевскихъ берегахъ Днѣпра, были найдены бронзовые топоры характерной кобанской формы, поступившіе въ собраніе графини П. С. Уваровой [2]). Всё это еще болѣе подчеркиваетъ важность изученія кавказскихъ культуръ.

Южная Россія.

Древности южной Россіи ранней поры желѣзныхъ орудій могутъ быть приписываемы тремъ народностямъ, послѣдовательно другъ за другомъ игравшимъ главныя историческія роли: киммерійцамъ, скиѳамъ и сарматамъ.

Киммерійцы *) являются древнѣйшими изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ Европейской Россіи. Ихъ относятъ къ арійскому корню и выводятъ изъ Средней Азіи, откуда они съ незапамятныхъ временъ подвинулись въ русскую степь и заняли сѣверное побережье Чернаго моря, отъ устья Кубани до устья Днѣстра или даже Дуная. Имя киммерійцевъ производятъ отъ финикійскаго „kamar“ — „тем-

---

1904 г.“, стр. 85—94. Курганы въ юртѣ Келермесской станицы, близъ Церковнаго хутора.

[1]) А. А. Спицынъ. „Мѣдный поясъ кавказскаго типа, найденный въ Кіевской губ.“ Археолог. Лѣтопись южной Россіи, т. I.

[2]) Свѣдѣніе это получено мною лично отъ гр. П. С. Уваровой. *Авт.*

*) *Литература:*

1) G. Rawlinson. „On the Cimmerians of Herodotus and the migrations of the Cymric race“. „History of Herodotus“, London, 1862, III, p. 150—156.

2) Ф. Брунъ. „О киммеріянахъ Геродота и о переселеніяхъ кимрскаго племени“. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. VII, стр. 235—256. Въ этой статьѣ представленъ полный переводъ предшествующей статьи Раулинсона.

ный", или отъ греческаго „χειμέριοι"—„зимніе", т.-е. люди странъ, имѣвшихъ холодныя зимы. Вавилоняне произносили это имя, какъ „гимери", ассирійцы—какъ „гимирраи", евреи — какъ „гомеръ". Ассирійцы и персы смѣшивали киммерійцевъ со скиѳами и саками (среднеазіатскими скиѳами); отъ скиѳовъ часто не отличали киммерійцевъ и греки.

Древнѣйшее упоминаніе о киммерійцахъ имѣется въ „Одиссеѣ" Гомера. Осѣвши въ южной Россіи, киммерійцы очень рано начинаютъ посѣщать Малую Азію, заводя тамъ свои колоніи. Имѣется извѣстіе греческаго писателя о появленіи киммерійцевъ въ этой странѣ въ началѣ XI вѣка до Р. Хр. Однако болѣе достовѣрныя извѣстія относятся уже къ VIII—VII вѣкамъ. По свидѣтельству Орозія, въ 784 году киммерійцы вступили въ Малую Азію, повидимому, въ весьма большихъ силахъ. Около 750 года они разрушили греческую колонію Синопъ, основанную незадолго до того времени на южномъ берегу Чернаго моря. Нѣсколько позже они уничтожаютъ Фригійское царство, наносятъ рядъ пораженій Лидійскому царству, держатъ въ страхѣ греческіе города Іонійскаго побережья и серьёзно тревожатъ Ассирію. Однако безпрерывныя войны истощили народъ, и не болѣе, какъ черезъ сто лѣтъ, часть киммерійцевъ совершенно погибаетъ, а другая часть, какъ полагаютъ, соединяется со скиѳами и, приблизительно за 640 лѣтъ до Р. Хр., принимаетъ участіе въ разгромѣ Ассиріи и всѣхъ прилегающихъ къ ней странъ Передней Азіи до границъ Египта.

---

3) А. Подберезскій. „Киммерійскіе памятники". Ibid., т. VIII, стр. 427—433.

4) С. Мельниковъ-Разведеновъ. „Вопросъ киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ". Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XXI, XXX.

5) Ed. Meyer. „Geschichte des Alterthums", I, §§ 452—455.

6) Fr. Lenormant. „Les origines de l'histoire", II, 2, p. 332 etc.

7) З. А. Рагозина. „Исторія Ассиріи", стр. 376, 377, 400—402, 412, 424 и 426.

По свидѣтельству Аристея Проконесскаго, греческаго писателя VI вѣка до Р. Хр., и Геродота, причиной переселенія киммерійцевъ изъ предѣловъ южной Россіи въ Малую Азію было нашествіе скиѳовъ.

Въ общемъ, всѣ свѣдѣнія, дошедшія до насъ отъ древнихъ писателей, характеризуютъ киммерійцевъ, какъ народъ рѣшительный, храбрый и знакомый съ благами высшихъ культуръ того времени. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ оружіе и орудія по своимъ качествамъ не отличались отъ оружія и орудій самыхъ культурныхъ народовъ Передней Азіи, всё болѣе и болѣе обогащавшихся желѣзомъ и вводившихъ его во всеобщее употребленіе. Вслѣдствіе этого, мы въ правѣ ожидать и среди киммерійскихъ памятниковъ, оставленныхъ въ предѣлахъ Россіи, не только бронзовыя, но и желѣзныя издѣлія. Къ крайнему сожалѣнію, до настоящаго времени, изученіемъ киммерійскихъ памятниковъ серьёзно никто не занимался, и они остаются покрытыми мракомъ полной неизвѣстности. А. Подберезскій приписывалъ киммерійцамъ крымскіе дольмены, проф. Д. Я. Самоквасовъ—всѣ южно-русскія „древности каменной и бронзовой культуры“, но оба они для своихъ положеній не представили никакихъ научныхъ доказательствъ. Первый въ основу своего положенія ставилъ „укоренившуюся мысль о святости драгоцѣнныхъ жертвенниковъ киммерійскихъ, пронесшихъ на себѣ бремя минувшихъ тридцати вѣковъ жизни, переносящихъ воображеніе въ полумиѳическія религіозныя таинства“, т.-е. чистѣйшую фантазію. Второй не приводитъ никакихъ доказательствъ, но, повидимому, руководствуется слѣдующимъ силлогизмомъ: киммерійцы въ

8) Д. Я. Самоквасовъ. „Основанія хронологической классификаціи“, Варшава, 1892 г., стр. VII и др.

9) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, Спб., 1889 г., в. II, стр. 6—8.

10) В. В. Латышевъ. „Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиоіи и Кавказѣ“, в. I.

11) Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона.

южной Россіи предшествуютъ скиѳамъ; южно-русскія „древности каменной и бронзовой культуры“ предшествуютъ скиѳскимъ; слѣдовательно, южно-русскія древности каменной и бронзовой культуры принадлежатъ киммерійцамъ. Но скиѳамъ могли предшествовать не только киммерійцы, но и другіе неизвѣстные народы, и южно-русскія „древности каменной и бронзовой культуры“ могли стоять особнякомъ отъ древностей киммерійцевъ, какъ оно и было.

Выше мы видѣли, что древніе греки, ассирійцы и персы, близко знавшіе киммерійцевъ, или не различали ихъ отъ скиѳовъ или смѣшивали ихъ съ ними. Такъ какъ этотъ фактъ указываетъ на отсутствіе рѣзкой разницы и въ бытовой обстановкѣ этихъ народовъ, то нужно полагать, что киммерійскіе памятники, если только они имѣются въ нашихъ собраніяхъ, скрываются въ одной массѣ со скиѳскими.

При внимательномъ изученіи южно-русскихъ памятниковъ ранней поры желѣзныхъ орудій нельзя не замѣтить среди нихъ такіе, которые сопровождаются керамикой съ бѣлою инкрустаціею. Число ихъ невелико. Обыкновенно они относятся къ древнѣйшимъ скиѳскимъ памятникамъ. Но намъ уже извѣстно, что инкрустированная бѣлой пастой керамика появляется въ Европѣ (въ кавказской и галльштаттской культурахъ) около начала перваго тысячелѣтія до Р. Хр., а это какъ разъ совпадаетъ со временемъ пребыванія киммерійцевъ въ южной Россіи; поэтому было бы гораздо вѣрнѣе приписывать какъ всю инкрустированную керамику, такъ и сопровождаемые ею другіе памятники киммерійцамъ. Образцы этихъ памятниковъ бывали находимы и въ курганахъ и въ зольникахъ (курганообразныхъ золистыхъ холмахъ неопредѣленнаго еще назначенія). Среди послѣднихъ, какъ увидимъ ниже, особенно интересны открытые въ Полтавской губ. близъ с. Бѣльска.

Чтобы составить понятіе о времени древнѣйшихъ зольниковъ, слѣдуетъ сказать, что даже въ тѣхъ изъ нихъ, которые совсѣмъ не содержатъ инкрустированной керамики и, слѣдовательно, относятся къ болѣе позднему вре-

мени, встрѣчаются обломки архаическихъ іоническихъ амфоръ VII вѣка и чернофигурныхъ аттическихъ вазъ VI вѣка до Р. Хр., тогда какъ въ зольникахъ, содержащихъ въ болѣе значительныхъ количествахъ обломки инкрустированной керамики, греческіе сосуды и ихъ фрагменты совершенно отсутствуютъ, что можетъ указывать на время, предшествующее появленію въ южной Россіи греческихъ колоній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скиѳовъ, вторженіе которыхъ въ южно-русскія степи совершилось не ранѣе первыхъ. Между тѣмъ въ такихъ древнѣйшихъ зольникахъ найдены желѣзныя вещи и другіе предметы, совершенно схожіе со скиѳскими, и человѣка, который оставилъ эти памятники, сопровождаютъ всѣ главные виды домашнихъ животныхъ, а также орудія, указывающія на знакомство съ примитивнымъ земледѣліемъ.

Киммерійцевъ въ предѣлахъ южной Россіи смѣнили скиѳы*). Это событіе, по свидѣтельству Геродота (I, 103—106), совершилось при скиѳскомъ царѣ Мадіи, сынѣ Протофіи, мидійскомъ царѣ Кіаксарѣ, сынѣ Фраорты, царствовавшемъ между 635 и 599 годами, и египетскомъ фараонѣ Псамметихѣ I, царствовавшемъ между 670 и 616 годами до Р. Хр.

Такимъ образомъ время событія „отцомъ исторіи“ устанавливается довольно точно. Къ сожалѣнію, это время относится къ появленію скиѳовъ въ Малой Азіи, а не къ появленію ихъ въ южной Россіи, гдѣ оно совершилось, несомнѣнно, ранѣе. Нѣкоторые и даже наиболѣе авторитетные ученые полагаютъ, что въ Малую Азію вторгались не европейскіе, а азіатскіе скиѳы, и что Геродотъ, ставя въ причинную связь появленіе скиѳовъ въ Малой Азіи съ

*) *Литература*:

1) „Древности Геродотовой Скиѳіи“, изд. Имп. Археолог. Комиссіи, Спб., 1866 г.
2) А. Лаппо-Данилевскій. „Скиѳскія древности“, Спб., 1887 г.
3) И. Е. Забѣлинъ. „Исторія русской жизни“, ч. I, Москва, 1908 г.
4) Его же. „Скиѳскія могилы“. „Древности“, Труды Имп. Моск. Археолог. Общ., т. I.

изгнаніемъ ими киммерійцевъ изъ южной Россіи, дѣлаетъ хронологическую и этнологическую ошибку.

Кто были скиѳы южной Россіи, откуда они явились и куда скрылись, исторія не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Подъ именемъ скиѳовъ (Σκύθαι) греки разумѣли многія племена, придерживавшіяся не только кочевого, но и осѣдлаго образа жизни, въ составъ которыхъ входили арійцы и туранцы. Азіаты называли эти народы саками, въ томъ же собирательномъ значеніи. Среди южно-русскихъ скиѳовъ главную роль играли царскіе скиѳы и скиѳы земледѣльцы. Въ первыхъ многіе видятъ туранцевъ, во вторыхъ—арійцевъ.

Что касается первородины южно-русскихъ скиѳовъ, то её видятъ довольно согласно въ Средней Азіи. При этомъ, однако, остается неяснымъ, какіе скиѳы явились изъ указанной области: скиѳы земледѣльцы или скиѳы царскіе. Такая же неясность наблюдается какъ въ употребленіи скиѳскаго имени, такъ и въ характеристикѣ скиѳскаго быта и не только современными изслѣдователями, но и древними, не исключая Геродота, который именемъ скиѳовъ то обозначалъ всѣ скиѳскіе народы, то однихъ царскихъ скиѳовъ, какъ скиѳовъ по преимуществу. О численности скиѳовъ ходили во время Геродота также весьма разнорѣчивыя свѣдѣнія, зависѣвшія, очевидно, отъ того, кого при данныхъ условіяхъ считали за скиѳовъ. Рѣчь скиѳовъ не была одинакова, не были одинаковы ихъ обычаи и нравы; одни изъ нихъ занимались земледѣліемъ, другіе—скотоводствомъ, но какъ тѣ, такъ и другіе вели оживленную торговлю съ греками, отпуская имъ въ изо-

---

5) Д. И. Иловайскій. „Эллино-скиѳскій міръ на берегу Понта“. „Древняя и новая Россія“, 1875 г., №№ 2 и 3.

6) Д. Я. Самоквасовъ. „Исторія русскаго права“, Варшава, 1884 г., в. II.

7) Его же. „Основанія хронологической классификаціи“, Варшава, 1892 г.

8) В. В. Латышевъ. „Изслѣдованіе объ исторіи и государственномъ строѣ г. Ольвіи“, Спб., 1887 г.

биліи хлѣбъ, скотъ, кожи, воскъ и другіе сырые продукты страны и получая взамѣнъ этого золотыя, серебряныя, глиняныя и другія издѣлія, дорогія ткани, масло, вино и т. п. По покрою одежды всѣ скиѳы представляются одинаковыми: всѣ они носили на головѣ остроконечныя войлочныя шляпы или, вѣрнѣе, шлыки, кафтаны, длинныя шаровары и невысокіе мягкіе сапоги безъ каблуковъ. Женскія одежды состояли изъ длинныхъ рубашекъ и платьевъ. Великолѣпныя иллюстраціи одеждъ даны многочисленными изображеніями на серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ и бляхахъ, найденныхъ при погребеніяхъ покойниковъ. По этимъ изображеніямъ видно, что какъ мужская, такъ и женская одежды часто покрывались многочисленными металлическими (обыкновенно золотыми) бляхами, а дополненіемъ къ одеждамъ служили ожерелья, гривны, серьги, браслеты и кольца.

Вооруженіемъ служили: луки, стрѣлы, копья, топоры кинжалы и мечи; крупное оружіе дѣлалось почти исключительно изъ желѣза, а стрѣлы изъ бронзы.

Жилищами для скиѳовъ-кочевниковъ служили крытыя телѣги; формы же жилищъ скиѳовъ-земледѣльцевъ остаются неизвѣстными; вѣроятно, это были примитивные дома. Нѣкоторые скиѳы имѣли свои города, изъ которыхъ Гелонъ пользовался особенною извѣстностью.

Ни храмовъ ни изображеній боговъ скиѳы не дѣлали, но для бога войны, пользовавшагося особеннымъ почетомъ, они сооружали оригинальные жертвенники, складывая ихъ изъ огромнаго количества хвороста въ видѣ холмовъ, на вершинѣ которыхъ водружался желѣзный мечъ, являвшійся

9) Его же. „Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ“, Спб., 1892 г., в. I.

10) П. Н. Кречетниковъ. „Границы и очертанія Геродотовой Скиѳіи“. „Древности“, Труды Имп. Моск. Археолог. Общ., т. XIII, кн. I.

11) В. Ѳ. Миллеръ. „Осетинскіе этюды“, Москва, 1887 г., III.

12) Его же. „Слѣды иранства на югѣ Россіи“. Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1886 г., № 10.

символомъ самого бога. Предъ этимъ мечомъ приносились разнообразныя жертвы, не исключая человѣческихъ. Другіе боги не пользовались такимъ уваженіемъ. Существовали особые гадатели, которыхъ за неправильное гаданіе иногда сжигали живыми.

Покойниковъ хоронили съ большою торжественностью. Трупъ покойника въ продолженіе 40 дней возили по знакомымъ и ежедневно устраивали пиры. Но особенною пышностью сопровождались похороны царей, въ честь которыхъ убивалось много людей и животныхъ. Для погребенія выкапывались глубокія и обширныя ямы, куда полагались вмѣстѣ съ трупами покойниковъ многіе, иногда драгоцѣнные, предметы домашняго быта. Ямы покрывались сверху бревнами и камышемъ и затѣмъ засыпались курганами. Иногда вмѣсто ямъ въ насыпяхъ кургановъ устраивались болѣе или менѣе обширные каменные склепы, иногда же эти склепы вырѣзались въ каменистыхъ скалахъ. Изъ скиѳскихъ кургановъ особенною извѣстностью пользуются Чертомлыкскій и Кульобскій. Оба они содержали, повидимому, царскія погребенія, но первый имѣлъ для помѣщенія покойниковъ ямы, иногда съ подкопами въ бокъ въ видѣ катакомбъ, а второй — склепъ, сложенный изъ тесанныхъ каменныхъ брусьевъ.

Чертомлыкскій курганъ находится въ 20 верстахъ къ сѣверо-западу отъ мѣстечка Никополя, Екатеринославской губерніи и уѣзда. Это мѣстечко расположено на правомъ берегу р. Днѣпра. Насыпь кургана имѣла конусообразную

---

13) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Древности скиѳо-сарматскія“, Спб., 1889 г.

14) Ѳ. Мищенко. „Скиѳы“. Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XXX, полут. 59.

15) Его же. „Противорѣчія въ извѣстіяхъ Геродота о первомъ появленіи сарматовъ и скиѳовъ въ Европѣ“. „Филологическое обозрѣніе“, т. XVII, кн. 1.

16) Г. Брунъ. „Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ нею земляхъ“.

форму. На вершинѣ его находилась каменная баба, представлявшая статую мужчины [1]). Отвѣсная высота насыпи равнялась 27, а окружность основанія—595 аршинамъ. Подошва насыпи кругомъ была обложена огромными нетесаными известковыми камнями. Сѣверный скатъ ея былъ круче другихъ, а южный отложе. Раскопка этой громадной насыпи продолжалась два года (1862 и 1863 г.). На глубинѣ $1\frac{1}{2}$—$2\frac{1}{2}$ арш., въ разныхъ мѣстахъ, встрѣчались обломки глиняныхъ амфоръ и разныя вещицы, составлявшія уздечный приборъ: желѣзныя удила, бронзовые баранчики (псалiи), пуговицы, запоны. На глубинѣ 3 саженъ открыты сложенныя въ кучу 250 желѣзныхъ удилъ съ принадлежащими къ нимъ бронзовыми псаліями, пуговицами, пряжками, запонами рѣзными въ видѣ птичьей головы, наносниками въ видѣ бюста животнаго, два нащечника изъ листового золота, въ видѣ крыльевъ, и 56 золотыхъ пластинокъ, прибитыхъ къ уздечнымъ ремнямъ золотыми гвоздиками, а также множество другихъ предметовъ.

Когда насыпь была снята до уровня горизонта почвы, то въ срединѣ кургана обнажились пятна нѣсколькихъ ямъ, изъ которыхъ главная находилась въ центрѣ и отличалась болѣе крупными размѣрами. Раскопки начались съ меньшихъ ямъ. Въ одной изъ нихъ найденъ остовъ человѣка, лежавшаго лицомъ къ главной гробницѣ; на шеѣ его былъ серебряный, покрытый листовымъ золотомъ,

---

17) Гр. А. А. Бобринской. „Курганы и случайныя находки близъ мѣстечка Смѣлы“, Спб., 1887 г.

18) Б. И. Ханенко. „Древности Приднѣпровья“, в. II и III.

Кромѣ того свѣдѣнія о раскопкахъ скиоскихъ кургановъ и городищъ можно найти въ изданіяхъ Имп. Археолог. Комиссіи, Имп. Моск. Археолог. Общества и другихъ археологическихъ обществъ.

[1]) Эта статуя, вызывавшая поклоненіе мѣстныхъ жителей въ 1862 году, въ 1908 году, при посѣщеніи мною кургана, оказалась тѣми же жителями поверженною и разбитою на куски, изъ которыхъ крупнѣйшій сохранилъ части груди, живота и рукъ.

Авт.

обручъ, на правомъ ухѣ — золотая серьга греческой работы; на среднемъ пальцѣ правой руки—золотое спиральное кольцо; съ праваго бока лежали желѣзное копье и дротикъ, съ лѣваго бока у пояса—небольшой ножикъ, а у тазовой кости — кучки бронзовыхъ стрѣлъ со слѣдами кожанаго колчана. Въ другой ямѣ лежалъ въ томъ же положеніи остовъ, у котораго на шеѣ былъ золотой витой массивный обручъ, у головы справа — кучка бронзовыхъ стрѣлъ съ остатками древокъ, расписанныхъ краскою; у лѣвой руки, подлѣ кисти, оказалось еще пять такихъ же стрѣлокъ.

Въ трехъ ямахъ открыто одиннадцать коней, лежавшихъ головами къ главной гробницѣ; изъ нихъ пять имѣли серебряные, а шесть — золотые уздечные наряды. Кромѣ того на нѣкоторыхъ коняхъ имѣлись остатки сѣделъ, покрытыхъ золотыми и серебряными пластинками, бляхами и пуговицами.

Центральная яма достигала 15 аршинъ глубины; дно ея составлялъ натуральный слой бѣлой глины. На днѣ ямы „обнаружились, говоритъ изслѣдователь И. Е. Забѣлинъ, только лишь признаки того, что здѣсь нѣкогда стоялъ гробъ и безъ сомнѣнія находились всѣ принадлежности погребенія. На это указывали: открытые посредине отпечатки красокъ, голубой и карминной, еще оставшихся на исподней сторонѣ черноземнаго слоя и служившихъ, повидимому, украшеніемъ гроба; по сторонамъ—малые остатки совсѣмъ истлѣвшаго дерева и тростника; а у стѣнъ ямы пережавившія желѣзныя скобы и согнутые въ видѣ скобъ гвозди, изрѣдка находимые и по всему пространству дна въ разныхъ мѣстахъ. Послѣ напряженныхъ ожиданій и долгихъ опасныхъ работъ, мы убѣдились только, заключаетъ изслѣдователь, что гробница была расхищена дочиста“.

Въ ходѣ, приписываемомъ грабителямъ, найдены: два бронзовыхъ котла, изъ которыхъ одинъ имѣлъ шесть ручекъ въ видѣ козловъ, одинъ бронзовый свѣтильникъ, различныя мелкія золотыя вещи, и сверхъ того открыто

подъ стѣнами три ниши, или пещерки, наполненныя также различными вещами. Въ одной изъ нихъ найдены пять колчановъ стрѣлъ, семь ножей, мечъ съ рукояткою, обложенною золотомъ, золотой наконечникъ отъ точильнаго бруска и бронзовая чаша. Въ другой нишѣ у входа стояло бронзовое ведерцо, а далѣе лежала цѣлая куча различныхъ бляхъ и пуговицъ числомъ до 700 штукъ. На нѣкоторыхъ бляхахъ повторялось изображеніе женщины, сидящей на стулѣ, съ зеркаломъ въ рукѣ, и мужчины, пьющаго изъ рога; другія бляхи, отчасти круглыя, были съ изображеніемъ женской головы или розетки, одна съ изображеніемъ головы Медузы, а больше всего было трехугольныхъ горошчатыхъ бляхъ.

„Подлѣ этой пещерки съ одной стороны найдены останки человѣчьяго остова, а съ другой по дну въ разныхъ мѣстахъ собраны золотыя вещи: два перстня, одинъ съ рѣзнымъ изображеніемъ собаки, другой съ изображеніемъ быка: массивное кольцо, наконечникъ отъ ноженъ меча, разныя бляхи, бусы и пластинки“.

„Далѣе, въ третьей пещеркѣ находки были еще интереснѣе: кромѣ мелкихъ золотыхъ вещицъ, найдена золотая чеканная доска или покрышка съ налуча, или футляра для лука, другая съ ноженъ меча, обѣ съ изображеніемъ сценъ изъ греческой миѳологіи: нѣсколько золотыхъ бляхъ съ колчановъ; пять мечей съ рукоятками, покрытыми чеканнымъ золотомъ, изъ которыхъ на 4-хъ грубою работою изображены грифоны и олени, а на одномъ превосходно вычеканено изображеніе охоты и вверху двѣ бычачьи головы безъ роговъ; найденъ также круглый мусатъ (точильный камень фигурою въ родѣ пальца) съ золотою рукоятью, три колчана бронзовыхъ стрѣлъ, пять подъемныхъ бронзовыхъ скобъ, можетъ быть отъ гроба; много пластинокъ отъ желѣзныхъ и бронзовыхъ наборныхъ поясовъ и пр. Безпорядокъ, въ какомъ лежали всѣ эти вещи, явно указываетъ, что черезъ это именно подземелье происходило расхищеніе гробницы“.

„Но расхитители, оставившіе еще такъ много изъ своего грабежа, вовсе не попали въ побочныя четыре гробницы, которыя выкопаны были обширными (около 8 арш. въ квадратѣ) пещерами въ каждомъ изъ четырехъ угловъ главной гробницы и притомъ ниже уровня ея дна аршина на 2, такъ что средина этого дна, гдѣ найдены признаки гроба, возвышалась передъ этими подземными комнатами въ видѣ катафалка, съ котораго въ пещеры вели покатые спуски".

„Въ сѣверо-восточномъ наугольномъ подземельѣ, при самомъ входѣ, слѣва найденъ человѣческій остовъ съ бронзовымъ обручемъ на шеѣ, съ серьгою въ правомъ ухѣ и съ спиральнымъ золотымъ кольцомъ на среднемъ пальцѣ правой руки; въ головахъ у него собрано нѣсколько золотыхъ и костяныхъ вещей, составлявшихъ, повидимому, что-то въ родѣ жезла; у пояса съ лѣвой стороны найденъ ножикъ съ костянымъ черенкомъ и тамъ же у тазовой кости — колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ. Затѣмъ обнаружилось, что въ этомъ подземельѣ были сложены богатыя одежды и различные уборы головные и т. п. Золотыя украшенія и принадлежности этихъ уборовъ состояли: изъ пластинъ (родъ вѣнчиковъ) съ изображеніями драконовъ, львовъ, оленей, травъ, цвѣтовъ, плодовъ и узоровъ; драконовъ, терзающихъ оленей, драконовъ, борющихся съ сфинксами, сфинксовъ и т. п.; изъ разнородныхъ бляшекъ круглыхъ, четырехугольныхъ, трехугольныхъ, также съ изображеніями на однихъ Медузиной головы, Геркулеса со львомъ, льва, терзающаго оленя, на другихъ грифа, зайца, розетки, тельца и пр.; изъ пуговицъ разной величины въ видѣ головы человѣка, въ видѣ розетки и гладкихъ; изъ бусъ, украшенныхъ сканью, изъ запонокъ въ видѣ сфинксовъ и пр. (всего около 2500 штукъ, мелкихъ и крупныхъ). Найдено кромѣ того нѣсколько стеклянныхъ синихъ бусъ и бѣлыхъ бисеринокъ, а также бронзовое зеркало съ желѣзною рукояткою, серебряная ложка, нѣсколько костяныхъ дощечекъ съ остатками позолоты, вѣроятно украшавшихъ

ларецъ, или ящикъ. Безпорядокъ, въ какомъ лежали эти вещи, бо́льшею частію кучками, не давалъ никакой возможности составить какое-либо опредѣленное понятіе объ ихъ первоначальномъ расположеніи. Повидимому одежды съ ихъ уборами были развѣшаны въ сводѣ подземелья на желѣзныхъ крючкахъ, которые тутъ же были находимы съ признаками на нихъ перетлѣвшихъ тканей. Въ глубинѣ задней стѣны подземелья найдены и самыя ткани въ комкахъ, уже истлѣвшія. При входѣ въ подземелье, справа у стѣны, стояло шесть глиняныхъ простыхъ, уже раздавленныхъ, амфоръ".

„Въ юго-восточномъ наугольномъ подземельѣ у входа, съ правой стороны у стѣны, стояла бронзовая небольшая ваза, подобная двумъ большимъ, найденнымъ въ подземельѣ грабителей, а за нею по стѣнѣ же—пять глиняныхъ раздавленныхъ уже амфоръ, противъ которыхъ найдены истлѣвшія кости какого-то небольшого животнаго (собаки), лежавшаго головою къ амфорамъ. Далѣе въ глубинѣ подземелья найдены подобные же золотые головные уборы въ видѣ пластинъ-вѣнчиковъ, также бляшки и пуговки (всего болѣе 350 штукъ). По южной стѣнѣ (гдѣ стояли амфоры) найдено нѣсколько колчановъ бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько ножей съ костяными ручками, какіе уже были находимы, и остатки истлѣвшей ткани".

„Особенно важны и замѣчательны были открытія въ сѣверо-западномъ наугольномъ подземельѣ. Здѣсь прежде всего мы примѣтили въ слояхъ глины отпечатки красокъ: голубой, красной, зеленой и желтой. Ширина мѣста, на которомъ сохранились эти краски, была около 2 арш., а вышина—1 арш. Мѣстами попадались остатки совсѣмъ перетлѣвшаго дерева. Видимо было, что здѣсь стоялъ деревянный гробъ, или саркофагъ. Послѣ обозначилось, также по отпечаткамъ красокъ и остаткамъ дерева, что онъ имѣлъ длину по направленію отъ запада къ востоку $3^1/_4$ арш. Посредине истлѣвшаго гроба открытъ женскій остовъ (длины 2 арш. 6 в.), лежавшій головою къ западу и, слѣдовательно,

лицомъ къ главной гробницѣ. На немъ былъ слѣдующій уборъ: на шеѣ золотой массивный гладкій обручъ около 1 ф. вѣсомъ, съ изображеніемъ по концамъ львовъ; въ ушахъ двѣ серьги, состоящія изъ колецъ съ семью подвѣсками каждое; на лбу золотая чеканная травами пластинка (вѣнчикъ) съ бляшками въ видѣ цвѣтковъ и розетокъ, сходная съ подобными же уборами, найденными въ двухъ описанныхъ подземельяхъ. Около головы и всего корпуса лежали рядомъ 57 четырехугольныхъ бляшекъ съ изображеніемъ прямо сидящей женщины и стоящаго справа отъ нея мальчика, повидимому, съ зеркаломъ въ рукѣ: рядъ, или нитка этихъ бляшекъ простиралась выше черепа на 8 вершковъ, огибая его треугольникомъ съ закругленною вершиною, и потомъ опускалась къ плечамъ и шла до кистей рукъ. Безъ сомнѣнія, бляшки служили каймою какого-либо покрова; съ исподней стороны на нихъ еще очень были замѣтны остатки весьма тонкой ткани пурпуроваго цвѣта. На кистяхъ рукъ были широкіе гладкіе золотые браслеты, а ниже ихъ—стеклянныя бусы; на всѣхъ пальцахъ—золотые перстни, на девяти—гладкіе, а на одномъ, правомъ мизинцѣ,—съ изображеніемъ летящей птицы въ родѣ драхвы. Между костью таза и ребрами лѣвой стороны найденъ круглый камень въ родѣ картечной пули, вѣроятно амулетъ. Справа подлѣ руки лежало бронзовое зеркало съ костяною рукоятью".

„Въ разстояніи 2 арш. отъ гроба, противъ его средины, по направленію къ сѣверу, лежалъ мужской малый и, повидимому, молодой остовъ, головою къ гробу, т.-е. на югъ; голова покоилась на правой щекѣ, слѣдовательно, лицомъ къ главной гробницѣ. У него на рукахъ были небольшіе браслеты; у пояса—ножикъ съ костяною ручкою, у таза слѣва—небольшой колчанъ стрѣлъ. Ноги остова почти упирались въ рядъ глиняныхъ, уже раздавленныхъ амфоръ, стоявшихъ по всей сѣверной стѣнѣ подземелья, начиная отъ самаго входа въ него изъ главной гробницы. Амфоръ было 13. Съ лѣваго бока остова лежала еще такая же амфора".

„Далѣе въ глубинѣ подземелья открыты: серебряная ваза въ родѣ амфоры, вышиною 1 арш., въ діаметрѣ въ плечахъ около 9 вершковъ, вся изящно расчеканенная травнымъ орнаментомъ съ изображеніемъ цвѣтовъ, птицъ и въ верху двухъ грифоновъ, терзающихъ оленя, а по плечу украшенная горельефными вызолоченными изображеніями сценъ изъ быта скиѳовъ, занятыхъ уходомъ за своими конями".

„Подлѣ вазы стояла серебряная же большая плоская чаша, родъ блюда на поддонѣ, такой же работы, украшенная желобками и травнымъ узоромъ, съ двумя ручками, подъ коими изображены рельефно женскія фигуры. На ней лежала большая серебряная ложка съ рукоятью, украшенною на концѣ кабаньей головой".

„Въ юго-западномъ наугольномъ подземельѣ открыто на материкѣ два остова воиновъ, лежавшихъ рядомъ, головами къ западу и лицомъ къ главной гробницѣ. Одинъ, лежавшій справа, подлѣ сѣверной стѣны, былъ въ слѣдующемъ уборѣ: на шеѣ—золотой обручъ съ изображеніемъ львовъ, по 6 на каждомъ концѣ; на кистяхъ рукъ—золотые браслеты; на безымённыхъ пальцахъ — по кольцу; около черепа лежали вокругъ рядомъ четырехугольныя бляшки съ изображеніемъ грифона, украшавшія, вѣроятно, головной покровъ; у лѣваго бедра находился мечъ съ рукоятью, покрытою золотомъ съ грубыми изображеніями грифона и оленя; на ножнахъ былъ золотой наконечникъ. Какъ этотъ мечъ, такъ и найденные прежде, съ которыми онъ совершенно сходенъ, имѣли длины около 21 дюйма. На чреслахъ былъ найденъ бронзовый поясъ, состоящій изъ набора бронзовыхъ пластинокъ. Видимо, что на этомъ поясѣ, вѣроятно, и висѣлъ упомянутый мечъ. Подлѣ меча найденъ ножикъ съ костяною рукоятью, а ниже его—колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ. Ноги, отъ колѣнъ до лодыжекъ, были покрыты бронзовыми латами, кованными изъ тонкаго листа, и потому совершенно перержавившими. Съ лѣваго бока у остова лежало желѣзное копье и такая же стрѣла (мета-

тельное копье) съ желѣзными же наконечниками, находившимися у ногъ остова, такъ что длина этихъ оружій была около 3 арш. Еще дальше въ разстояніи $^3/_4$ арш. найдены еще три такихъ же копья. Въ головахъ остова, съ лѣвой стороны, близъ черепа, лежала бронзовая чашка съ серебряными ручками и серебряный кувшинчикъ въ родѣ кубышки. За ними дальше былъ положенъ колчанъ стрѣлъ".

„На другомъ остовѣ, лежавшемъ съ правой стороны отъ перваго, найдены: на шеѣ золотой обручъ съ рѣзнымъ изображеніемъ львовъ по концамъ; на правой рукѣ серебряный браслетъ и золотое кольцо на среднемъ пальцѣ; на чреслахъ такой же бронзовый наборный поясъ съ перержавившими остатками ножа; у тазовой кости колчанъ стрѣлъ. Костей лѣвой руки до локтя не было" [1]).

Таковъ фактическій матеріалъ, добытый въ Чертомлыкскомъ курганѣ. Многіе предметы относятся къ лучшимъ произведеніямъ классическаго искусства. Особенно замѣчательна серебряная ваза, представляющая большой сосудъ для храненія вина. Внутри ея (въ шейкѣ и кранахъ) вдѣланы ситечки, служившія для процѣживанія жидкости. Крановъ три: два въ видѣ львиныхъ головокъ и одинъ, средній, въ видѣ головки крылатаго коня. Вся поверхность вазы покрыта великолѣпными изображеніями цвѣтовъ, птицъ, грифовъ, терзающихъ оленя, и живою картиною ловли и укрощенія степныхъ коней. Люди и кони представлены такъ правдиво, что производятъ впечатлѣніе точныхъ фотографій съ натуры. Не менѣе художественно выполнены: золотое налучье съ изображеніемъ сценъ изъ жизни легендарной Алопы, дочери Элевзинскаго царя Керкіона; золотая рукоятка меча съ изображеніемъ головокъ быковъ комолой породы и охоты всадниковъ за дикими козлами; золотая пластинка отъ ноженъ меча съ изображеніемъ битвы гре-

[1]) И. Е. Забѣлинъ. „Исторія русской жизни", Москва, 1908 г., стр. 296—305.

ковъ съ амазонками и др. Лучшіе знатоки античнаго искусства всѣ эти вещи относятъ къ IV—III вѣкамъ до Р. Хр.

Не менѣе богатыя находки сдѣланы и въ Кульобскомъ курганѣ, въ 6 верстахъ отъ Керчи. При раскопкахъ въ центрѣ его былъ обнаженъ склепъ, сооруженный изъ большихъ тесанныхъ камней. Внутри склепъ имѣлъ видъ квадратной комнаты въ $6^1/_2$ аршинъ длины и ширины. Потолокъ ея имѣлъ видъ шатра, образованнаго рядами камней, постепенно сближавшимися другъ къ другу. Полъ оказался вымощеннымъ каменными плитами. Входъ въ склепъ открывался съ сѣверной стороны. При входѣ стояли четыре глиняныя амфоры и бронзовый котелъ съ овечьими костями внутри, а далѣе вдоль стѣны размѣщалось нѣсколько бронзовыхъ котловъ, наполненныхъ серебряными небольшими сосудами греческой работы съ превосходно выполненными изображеніями. Въ юго-западномъ углу склепа, въ четырехугольной неглубокой ямѣ, лежали кости коня, бронзовые поножи (кнемиды) и шлемъ; тутъ же покоился костякъ мужчины, сопровождаемый большимъ числомъ золотыхъ бляшекъ, служившихъ украшеніями одежды.

Какъ разъ противъ входа помѣщался костякъ женщины, на лбу которой находилась электровая [1]) діадема великолѣпной работы, а на шеѣ, на груди и на ногахъ— множество золотыхъ бляшекъ и замѣчательный электровый сосудъ, покрытый изображеніями скиѳскаго царя и воиновъ. Далѣе, большая часть склепа была занята деревяннымъ саркофагомъ съ костякомъ мужчины, какъ полагаютъ, царя. На головѣ его находилась золотая діадема, на шеѣ— золотая гривна съ изображеніемъ скиѳскихъ всадниковъ, на рукахъ лежали золотые браслеты. Недалеко отъ покойника, за досчатой перегородкой, находились мечъ съ золотой рукояткой, золотая чаша, электровое налучье, лукъ,

[1]) Электрумъ, или электронъ, представляетъ смѣсь золота и серебра. *Авт.*

кожаная плеть и др. предметы. На полу саркофага найдено много золотыхъ бляшекъ, фляжекъ, пуговицъ, бронзовыхъ стрѣлъ, желѣзныхъ копій и др.

Безспорно самымъ цѣннымъ предметомъ является электровый сосудъ съ изображеніями скиѳовъ. По художественности выполненія всѣхъ представленныхъ сценъ этотъ сосудъ не уступаетъ изображеніямъ на чертомлыкской серебряной вазѣ. Дополняя же другъ друга, изображенія обоихъ сосудовъ даютъ возможность судить какъ о типѣ скиѳовъ, такъ и объ ихъ одеждѣ и вооруженіи. По типу, представленные на сосудахъ скиѳы вполнѣ похожи на арійцевъ; нѣкоторыя лица имѣютъ даже сходство съ наиболѣе характерными лицами современныхъ великоруссовъ и сѣверныхъ германцевъ.

Выдающійся интересъ представляютъ также золотая гривна, украшавшая шею царя, золотые серьги и браслеты женскаго костяка и обломки костяныхъ пластинокъ, покрытыхъ рисунками сценъ изъ греческаго быта и миѳологіи. Всѣ эти предметы являются образцами высокаго искусства.

Кромѣ кургановъ, число которыхъ огромно, скиѳы оставили послѣ себя нѣсколько городищъ и, повидимому, большое число зольниковъ. Изъ городищъ наибольшею извѣстностью пользуются Пастерское и Бѣльское. Первое расположено на берегу р. Днѣпра, въ Кіевской губ., второе—на берегу р. Ворсклы, въ Полтавской губ. Мы остановимся на послѣднемъ. Оно занимаетъ огромную площадь, простирающуюся на $10^1/_2$ верстъ въ длину и на 6 верстъ въ ширину. Окружающій эту площадь земляной валъ имѣетъ въ длину около 30 верстъ. Для болѣе упорной обороны городище усилено тремя фортами, или меньшими городищами, расположенными въ разныхъ пунктахъ по линіи главнаго вала, и нѣсколькими (не менѣе двухъ) добавочными валами, пересѣкавшими городище поперекъ и раздѣлявшими его на нѣсколько участковъ.

Самымъ сильнымъ по своимъ профилямъ является западный фортъ, близъ современнаго с. Бѣльска; этотъ фортъ носитъ слѣды и наибо́льшей обитаемости.

Въ культурномъ слоѣ Бѣльскаго городища обыкновенно находятся памятники, характерные для скиѳской культуры. Таковы бронзовыя стрѣлы, костяныя и бронзовыя псалiи съ концами, украшенными изображеніями лошадиныхъ копытъ и птичьихъ клювовъ, бронзовыя гвоздевидныя булавки и др. На ряду съ ними нерѣдко встрѣчаются обломки греческихъ сосудовъ. Судя по многочисленнымъ костямъ домашнихъ животныхъ, можно заключить, что въ основѣ благосостоянія жителей городища являлось скотоводство. Что же касается земледѣлія, то памятниками его являются лишь ручные жерновки (терки), служившіе, какъ принято думать, для растиранія хлѣбныхъ зёренъ, да случай находки обугленныхъ хлѣбныхъ колосьевъ въ одномъ сосѣднемъ съ городищемъ скиѳскомъ курганѣ.

Едва ли не самый большой интересъ возбуждаютъ зольники, о которыхъ мы уже упоминали выше, при изученіи древностей киммерійскихъ. Назначеніе зольниковъ остается еще загадочнымъ. Они представляютъ видъ холмовъ, насыпанныхъ изъ золистой почвы, содержащей множество костей животныхъ, обломковъ глиняной посуды и другихъ предметовъ домашняго быта. Возрастъ зольниковъ восходитъ къ глубокой древности, и многіе изъ нихъ, несомнѣнно, существовали ранѣе возникновенія городища, что доказывается тѣмъ, что при сооруженіи городища нѣкоторые зольники были засыпаны землею валовъ, сохранившись до настоящаго времени, а другіе разрушены и поступили въ насыпи валовъ. Независимость зольниковъ отъ городища доказывается также и тѣмъ, что большое число ихъ находится въ открытыхъ поляхъ. Но въ пользу связи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ съ городищемъ говоритъ то, что они только въ чертѣ его достигаютъ наибо́льшаго развитія. Такое явленіе наблюдалось не только въ Бѣльскомъ, но и въ Пастерскомъ и Лихачев-

скомъ [1]) городищахъ; поэтому можно заключить, что нѣкоторые зольники продолжали развиваться и во время существованія городищъ.

Въ зольникахъ Бѣльскаго городища найдены обломки іоническихъ, вѣроятнѣе всего милетскихъ, глиняныхъ амфоръ и чернофигурныхъ аттическихъ вазъ, но преобладаютъ типы греческой керамики болѣе поздняго времени, нисходящаго къ послѣднимъ вѣкамъ ранней поры желѣзныхъ орудій.

Изучая всѣ скиѳскія древности въ массѣ, легко замѣтить, что онѣ представляютъ смѣсь варварскаго съ греческимъ, при чемъ эта смѣсь является скорѣе механическою, чѣмъ органическою. Если справедливъ общепринятый взглядъ, что такія высокія произведенія искусства, какъ чертомлыкская и кульобская вазы, составляютъ плоды творчества греческихъ мастеровъ, то на долю скиѳовъ останутся только очень грубыя произведенія, едва заслуживающія мѣсто среди предметовъ изящныхъ искусствъ изучаемаго времени. Однако странно, почему греки съ такою любовью относились къ изображенію сценъ, казалось бы, совершенно чуждыхъ имъ скиѳовъ и не дѣлали ничего подобнаго въ отношеніи другихъ сосѣднихъ народовъ. Даже при полномъ отрицаніи происхожденія высокохудожественныхъ произведеній изъ рукъ скиѳовъ, всѣ же эти произведенія должно разсматривать, какъ доказательства того, что скиѳы обладали вполнѣ развитымъ чувствомъ изящнаго, для удовлетворенія запросовъ котораго и явились удивительныя творенія искусства.

Во II вѣкѣ до Р. Хр. Скиѳія была занята сарматами, или савроматами [*]), обитавшими ранѣе къ востоку отъ р.

---

[1]) Лихачевское городище находится въ Харьковской губ., Богодуховскомъ у., близъ слободы Лихачевки. См. статью И. А. Зарѣцкаго: „Замѣтка о древностяхъ Харьковской губ.“, „Харьковскій сборникъ“, 1888 г., в. 2, стр. 229—246.

[*]) *Литература:*

1) В. В. Латышевъ. „Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ“, в. I, Спб., 1893 г.

Дона. Время появленія сарматовъ въ предѣлахъ южной Россіи точно неизвѣстно, но въ концѣ VI вѣка до Р. Хр. они несомнѣнно уже были въ этой странѣ, такъ какъ въ 508—506 годахъ, состоя въ союзѣ со скиѳами, воевали, въ предѣлахъ южной Россіи, съ Даріемъ, царемъ персидскимъ. По свидѣтельству Діодора, сарматы были выведены скиѳами изъ Мидіи и поселены на Дону, но современемъ усилились, опустошили и обратили въ пустыню большую часть Скиѳіи, избивши всѣхъ непокорныхъ. Движеніе сарматовъ изъ-за Дона на западъ отмѣчаютъ и другіе древніе писатели. Геродотъ знаетъ ихъ земли только къ востоку отъ Дона, но Гиппократъ говоритъ о принадлежности имъ земли и западнѣе Дона. При Овидіи сарматы достигли уже Дуная.

Что касается происхожденія сарматовъ, то Геродотъ считаетъ ихъ народомъ родственнымъ скиѳамъ, говорившимъ на скиѳскомъ, лишь нѣсколько искаженномъ, языкѣ. Клавдій замѣтилъ, что сарматы бѣлокуры, Овидій—что они ни волосъ на головѣ ни бороды не брили, Плиній — что они расписывали свои тѣла краскою. Всѣ современные изслѣдователи согласны въ томъ, что сарматы происходятъ отъ арійскаго корня, но одни видятъ въ нихъ славянъ, а другіе—осетинъ (аланъ).

Одеждой сарматамъ, по свидѣтельству Діона Хрисостома, служили: кафтаны, кожаные или матерчатые паро-

2) Ю. Кулаковскій. „Карта Европейской Сарматіи по Птоломею“, Кіевъ, 1899 г.

3) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, в. II, Спб., 1889 г.

4) Д. Я. Самоквасовъ. „Основанія хронологической классификаціи“, Варшава, 1892 г.

5) И. Е. Забѣлинъ. „Исторія русской жизни“, Москва, 1908 г.

6) Д. И. Иловайскій. „Разысканія о началѣ Руси“, Москва, 1882 г.

7) В. Г. Васильевскій. „О мнимомъ славянствѣ болгаръ и роксоланъ“. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., 1882 г.

8) Ѳ. Мищенко. „Сарматы“. Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XXVIII, полут. 56.

вары и короткій плащъ. Детальное изображеніе одежды сармата можно видѣть на обломкѣ ритона изъ Кубанской области, гдѣ кафтанъ и шаровары изображены покрытыми многочисленными бляхами, а плащъ застёгнутымъ на шеѣ [1]).

Относительно жилищъ показанія древнихъ писателей расходятся: одни утверждаютъ, что сарматы вели кочевой образъ жизни и жили въ повозкахъ, возимыхъ то волами, то лошадьми, другіе—что они жили осѣдло въ городахъ. Птоломей, въ своей „Картѣ Европейской Сарматіи“, называетъ нѣсколько сарматскихъ городовъ, изъ которыхъ пять было на р. Днѣпрѣ. Тацитъ, описывая сарматскій городъ Успе, говоритъ, что онъ находился на возвышенномъ мѣстѣ, былъ огороженъ стѣнами и рвомъ, но стѣны его были сооружены не изъ камня, а изъ плетня и сучьевъ съ насыпанною внутрь землею. Форма городскихъ жилищъ остается неизвѣстною. Они могли быть въ видѣ юртъ, одна изъ которыхъ изображена въ пантикапейской катакомбѣ Анфестирія, но могли быть и другія формы.

Изъ древностей, приписываемыхъ сарматамъ, особенно замѣчательны керченскія катакомбы, но онѣ относятся уже къ средней порѣ желѣзныхъ орудій. Къ той же порѣ принадлежатъ и приписываемыя сарматамъ курганныя древности, добытыя Д. Я. Самоквасовымъ и другими изслѣдователями въ Аксютинской курганной группѣ, Полтавской губ., Роменскаго уѣзда. За выключеніемъ же ихъ, другихъ крупныхъ памятниковъ, какіе можно было бы приписать сарматамъ, въ настоящее время не имѣется.

Культура народовъ волжско-камской области *).

При изученіи памятниковъ конца бронзовой эпохи мы видѣли возникновеніе культурнаго очага въ области сое-

[1]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, в. II, стр. 58, рис. 42.

*) *Литература*:

1) А. А. Спицынъ. „Пріуральскій край. Археологическія разысканія о древнѣйшихъ обитателяхъ Вятской губерніи“. Матеріалы по архео-

диненія рѣкъ Камы и Волги; мы выяснили также, что это возникновеніе обусловливалось уютностью и богатствомъ области въ физико-географическомъ отношеніи. Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого очага въ раннюю пору желѣзныхъ орудій. Это развитіе шло весьма успѣшно. Въ настоящее время мы имѣемъ цѣлый рядъ культуръ, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга на протяженіи всего времени ранней поры. Древнѣйшія изъ нихъ содержатъ почти исключительно одни бронзовыя, болѣе позднія — бронзовыя и желѣзныя и самыя позднія—почти исключительно одни желѣзныя орудія. Всѣ вообще культуры несутъ рѣзко выраженныя черты вліянія Сибири и отчасти Средней Азіи, но, кромѣ этого, культуры средняго времени этой поры имѣютъ сходство со скиѳскою и галльштаттскою культурами, а также съ культурами Кавказа.

Древнѣйшими представителями культуры народовъ волжско-камской области являются Котловскій могильникъ и Котловскій поселокъ, болѣе поздними—Ананьинскій могильникъ и городище Грохань, и, наконецъ, самыми поздними—цѣлый рядъ такъ называемыхъ костеносныхъ городищъ, расположенныхъ по рѣкамъ Вяткѣ, Камѣ и отчасти Волгѣ.

Котловскіе могильникъ и поселокъ расположены на правомъ берегу р. Камы, въ с. Котловкѣ, Елабужскаго уѣзда, Вятской губ. Въ настоящее время бо́льшая часть занимаемой ими площади застроена усадьбами котловскихъ крестьянъ, вслѣдствіе чего для изученія оказалась недоступною. На доступной же площади вскрыто 27 могилъ, содержавшихъ болѣе 35 погребеній. Одни изъ погребеній

логіи восточныхъ губерній Россіи, собранные и изданные Имп. Моск. Археолог. Общ., в. I.

2) Его же. „Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края“, Вятка, 1889 г.

3) Ф. Д. Нефедовъ. „Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Прикамьѣ, произведенныхъ лѣтомъ 1893 и 1894 г.“ Ibid., т. III.

имѣли цѣлые костяки, другія—расчлененные. Покойники полагались въ песчано-глинистомъ материкѣ, на глубинѣ аршинъ двухъ отъ современнаго горизонта почвы. Нѣкоторыя изъ ямъ были покрыты плитами и холмами насыпной земли высотою около 2 аршинъ, впослѣдствіи слившимися и образовавшими одну сплошную насыпь почвы. Оріентировка покойниковъ неустойчива: одни изъ нихъ положены головами на сѣверъ, другіе—на востокъ и третьи—на западъ; господствуетъ оріентировка головами на сѣверъ. Въ погребеніяхъ съ расчлененными костяками находили то черепъ съ ручными костями и позвонками, то весь костякъ, но безъ головы или безъ одной, а иногда и безъ обѣихъ рукъ, безъ ногъ и т. п. Цѣлые костяки лежали то вытянуто, то скорченно такъ, что берцовыя ихъ кости стояли почти перпендикулярно къ бедрянымъ. Покойниковъ сопровождали каменныя, костяныя и бронзовыя орудія, бронзовыя украшенія, куски мѣдной руды, кости животныхъ, угли, обломки раздавленныхъ почвою глиняныхъ сосудовъ и др., но желѣзо среди нихъ совершенно отсутствовало. Въ число орудій входили бронзовые кинжалы, кельты, долота и стрѣлы; послѣднія встрѣчались также сдѣланными изъ кремня и кости. Украшенія состояли изъ бронзовыхъ гривенъ, бляшекъ, пуговицъ, привѣсокъ, пряжекъ и бусъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ привѣски въ видѣ грубыхъ изображеній птицъ и животныхъ. Каждая изъ такихъ привѣсокъ имѣетъ добавочныя подвѣски то въ видѣ гусиныхъ лапокъ, то въ видѣ бубенчиковъ. Подобной формы привѣски имѣли широкое распространеніе во всей области, нѣкогда занимаемой въ Россіи финскими народностями, гдѣ онѣ продержались

---

4) А. Ѳ. Лихачевъ. „Скиѳскіе элементы въ чудскихъ древностяхъ Казанской губ.“ Труды VI Археолог. Съѣзда, т. II.

5) К. И. Невоструевъ. „Ананьинскій могильникъ“. Труды I Археолог. Съѣзда, т. II.

6) Его же. „Елабужскія древности“. „Древности“, т. III, в. 2.

до XIV вѣка по Р. Хр. и отчасти были усвоены сѣверными славянскими племенами.

Глиняные сосуды въ цѣломъ видѣ, за исключеніемъ маленькой круглодонной чашечки, не сохранились. Судя же по обломкамъ, большинство ихъ имѣло круглыя днища и едва выраженныя шейки. Обжиганіе сосудовъ — слабое. Орнаментомъ покрывалась лишь верхняя часть сосудовъ. Узоры наносились чаще всего веревочками и зубчатыми чеканами.

Остатками Котловскаго поселка служатъ землянки. Всѣ онѣ имѣютъ видъ четырехугольныхъ ямъ отъ 3 до 4 аршинъ длины и ширины. Въ углахъ каждой изъ нихъ утверждались столбы, служившіе опорами горизонтальной крыши, состоявшей изъ ряда плахъ, сверху засыпанныхъ толстымъ слоемъ земли. Внутри землянокъ найдены кости разныхъ животныхъ и рыбъ, куски мѣдной руды, неоконченныя кремневыя орудія, одинъ обломокъ каменнаго полированнаго молотка и черепки глиняной посуды.

Землянки планируются на ряду и отчасти вперемежку съ погребеніями могильника. По мнѣнію изслѣдователя Ф. Д. Нефедова фактъ нахожденія древнихъ жилищъ среди могилъ можетъ объясняться или тѣмъ, что могильникъ возникъ уже послѣ того, какъ насельники покинули эти землянки, или же тѣмъ, что могильникъ и жилища существовали одновременно.

Время Котловскаго могильника и поселка загадочно: въ нихъ одинаково не было найдено желѣзо. Поэтому ихъ слѣдовало бы отнести къ бронзовой эпохѣ, но типы украшеній, въ особенности привѣсокъ въ видѣ птицъ и животныхъ, а также гусиныхъ лапокъ, настолько близки

---

7) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, в. III.

8) В. В. Латышевъ. „Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ“, в. I, Спб., 1883 г.

9) J. R. Aspelin. „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“, II, L'âge du fer.

къ типамъ подобныхъ же украшеній средней и даже поздней поры желѣзныхъ орудій, что принадлежность ихъ къ бронзовой эпохѣ кажется совершенно невѣроятною. Въ виду такихъ явленій и представляется болѣе удобнымъ смотрѣть на изучаемыя культуры какъ на пережитки бронзовой эпохи, имѣвшіе мѣсто въ волжско-камской области въ продолженіе ранней поры желѣзныхъ орудій.

Время Ананьинскаго могильника и городища Грохань было свидѣтелемъ постепеннаго введенія въ волжско-камской области желѣзныхъ орудій.

Ананьинскій могильникъ находится на берегу р. Камы, близъ с. Ананьина, недалеко отъ г. Елабуги. Могильникъ представляетъ невысокій холмъ, продолговатой формы. Высота его достигаетъ одной, а длина 70 саженъ. Въ составъ почвы холма входятъ чернозёмъ, глина, уголь, зола, указывающіе на искусственное его происхожденіе. Подъ этой почвой и отчасти въ срединѣ ея было открыто большое число погребеній, изслѣдованіе которыхъ началось въ 1859 году и послѣ возобновлялось нѣсколько разъ. Первыя изслѣдованія, къ сожалѣнію отличавшіяся особенною обширностью, выполнены совершенно ненаучными способами. Вслѣдствіе этого послѣдующія изслѣдованія направлялись главнымъ образомъ для выясненія тѣхъ или другихъ темныхъ или неправильно освѣщенныхъ сторонъ дѣла. Въ результатѣ всѣхъ подобныхъ трудовъ удалось установить, что погребенія Ананьинскаго могильника совершались подъ тремя видами: 1) простого трупоположенія, 2) неполнаго сожженія и 3) расчлененія покойниковъ; при этомъ нѣкоторые черепа оказывались преднамѣренно пробитыми острымъ орудіемъ. Костяки обыкновенно лежали головою на югъ; одни изъ нихъ оказывались вытянутыми, другіе—скорченными. Всѣ они сопровождались разными вещами домашняго быта, но у однихъ преобладали бронзовыя, а у другихъ желѣзныя орудія, что, можетъ быть, указываетъ на разновременность погребеній, при чемъ первыя могли относиться къ болѣе

раннему, а вторыя—къ болѣе позднему времени. Въ мужскихъ погребеніяхъ, обыкновенно, находятся ножи, кельты, топоры, копья, стрѣлы и рѣже кинжалы; въ женскихъ—гривны, ожерелья, бусы и др. Гривны носились и мужчинами. Сожжённые костяки сопровождались однимъ или нѣсколькими глиняными сосудами; находимыя при нихъ вещи носили слѣды вліянія огня, что указываетъ на сожженіе покойниковъ въ одеждахъ съ украшеніями и оружіемъ.

Останки покойниковъ полагались въ насыпи холма; для нѣкоторыхъ изъ нихъ устраивались каменные склепы, а другіе покрывались сверху плитами; на двухъ плитахъ оказались изображенія воиновъ въ остроконечныхъ шапкахъ, съ гривной на шеѣ, кельтомъ и кинжаломъ на поясѣ. Изображенія примитивны и выполнены рѣзьбою внутрь.

Городище Грохань, находится на берегу поёмной долины р. Камы, немного ниже впаденія въ неё р. Вятки, близъ д. Грохань, Мамадышскаго уѣзда. Оно представляетъ береговой мысъ, огражденный съ напольной стороны валомъ, сооруженнымъ изъ камня и земли. На площади городища найдено: 1) одно погребеніе, сопровождавшееся бронзовыми сосудами; 2) нѣсколько глинобитныхъ печей и каменокъ (очаговъ), сопровождаемыхъ толстыми слоями золы, костями животныхъ, глиняными черепками, среди которыхъ найдены обломки бронзовыхъ сосудовъ и мѣдныхъ шлаковъ, кремневыя издѣлія и одна бронзовая ручка ножа; и 3) бронзовые кельты, бронзовыя рукоятки кинжаловъ, желѣзные ножи, костяныя орудія, глиняныя пряслица съ изображеніемъ головокъ грифоновъ и др. По характеру вещей это городище должно относиться къ одному времени съ Ананьинскимъ могильникомъ.

Къ болѣе позднему времени, повидимому, относятся костеносныя городища, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, несомнѣнно, получили начало ранѣе, параллельно съ развитіемъ Ананьинскаго могильника и городища Грохань, что до-

казывается какъ случаями находокъ на такихъ городищахъ бронзовыхъ орудій, такъ и сходствомъ нѣкоторыхъ образцовъ керамики. Общая же масса и расцвѣтъ костеносныхъ городищъ относятся уже къ самому концу ранней поры желѣзныхъ орудій, когда желѣзо въ этой области начало окончательно вытѣснять бронзу. Наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ сравнительно поздняго времени костеносныхъ городищъ служитъ керамика, которая отличается сильнымъ обжигомъ и грубымъ орнаментомъ, т.-е. чертами, свойственными керамикѣ средней поры желѣзныхъ орудій почти во всей Европейской Россіи.

Характерною особенностью костеносныхъ городищъ волжско-камской области служитъ изобиліе костей, включенныхъ въ культурные слои. Кости принадлежатъ домашнимъ и дикимъ животнымъ. Чаще другихъ встрѣчаются кости оленя, лося, лошади, медвѣдя и бобра; рѣже—кости свиньи, коровы, барана, собаки, мелкихъ дикихъ звѣрковъ, рыбъ и птицъ. Судя по огромному количеству костей дикихъ животныхъ, заключаютъ, что обитатели костеносныхъ городищъ главнымъ образомъ занимались охотой и только немного скотоводствомъ.

По внѣшнему виду костеносныя городища схожи съ городищемъ Грохань; всѣ они имѣютъ видъ трехугольнаго мыса, огражденнаго съ двухъ сторонъ береговыми обрывами или оврагами и съ третьей напольной стороны—земляным валомъ. Среди бытовыхъ вещей, находимыхъ въ культурныхъ слояхъ городищъ, преобладаютъ костяныя орудія, сравнительно съ которыми металлическія орудія составляютъ рѣдкость. Въ составъ первыхъ входятъ ножи, стрѣлы, шила, иглы, удочки, ложки, рукоятки ножей, гребни, бусы, просверлённые зубы домашнихъ животныхъ и звѣрей. Обработка костяныхъ издѣлій отличается тщательностью, а иногда и художественнымъ вкусомъ; таковы изображенія животныхъ, фантастическихъ драконовъ и др. Среди желѣзныхъ предметовъ чаще встрѣчаются ножи; они имѣютъ серповидно-изогнутую форму и нерѣдко ко-

стяныя рукоятки. Гораздо чаще встрѣчаются бронзовыя издѣлія въ видѣ стрѣлъ, иглъ, шилъ, колецъ и разныхъ украшеній. Найдены формы и тигли, служившіе для отливки всѣхъ этихъ предметовъ. „Разнообразіе приборовъ для литья, встрѣченныхъ на костеносныхъ городищахъ, говоритъ А. А. Спицынъ, указываетъ на хорошее умѣнье ихъ обитателей обращаться съ металлами".

Какому или какимъ народамъ принадлежатъ разсмотрѣнные памятники, пока еще неизвѣстно. Измѣреніе череповъ Ананьинскаго могильника дало основаніе проф. Эйхвальду относить покойниковъ къ финской народности. По свидѣтельству же античныхъ писателей, въ волжско-камской области или вблизи ея обитали иссидоны, ѳиссагеты, аргипеи и іирки. Иссидоновъ Гекатей Милетскій, писатель конца VI и начала V вѣка до Р. Хр., относитъ къ скиѳамъ. По свидѣтельству Геродота, у нихъ существовали слѣдующіе обычаи: „Если у кого умретъ отецъ, то всѣ родственники пригоняютъ къ нему скотъ, затѣмъ, убивъ животныхъ и разрѣзавъ на куски ихъ мясо, разрѣзаютъ на части и трупъ отца-хозяина, потомъ смѣшиваютъ всё мясо и устраиваютъ пиршество. Голову покойника обнажаютъ отъ волосъ, вычищаютъ извнутри, покрываютъ позолотою и затѣмъ употребляютъ въ качествѣ священнаго сосуда при совершеніи ежегодныхъ большихъ жертвоприношеній. Это дѣлаетъ сынъ въ честь отца, подобно тому какъ эллины справляютъ праздникъ поминовенія". Такимъ образомъ мы убѣждаемся въ существованіи у иссидоновъ обычая расчлененія труповъ покойниковъ и препарированія череповъ, т.-е. признаковъ, присущихъ древнимъ погребеніямъ волжско-камской области, хотя и не совсѣмъ схожихъ другъ съ другомъ. Впрочемъ и самое географическое положеніе иссидоновъ, повидимому, не совпадало съ изслѣдуемою областью. Такъ, по Геродоту, иссидоны находились на крайнемъ сѣверо-востокѣ извѣстнаго эллинамъ міра. Современные писатели довольно согласно помѣщаютъ ихъ за Уральскими горами, полагая, что въ

названіи р. Исети, притокѣ Иртыша, сохранилась память объ имени иссидоновъ, вѣроятнѣе всего, обитавшихъ на ея берегахъ.

Гораздо ближе къ волжско-камской области должны были находиться іирки и ѳиссагеты. Нѣкоторые изъ вполнѣ авторитетныхъ современныхъ изслѣдователей, руководясь указаніями Геродота, помѣщаютъ ихъ даже какъ разъ въ волжско-камской области. Оба народа, повидимому, были родственны другъ другу, и греки называли ихъ скиѳами, съ которыми они были въ постоянныхъ сношеніяхъ. „Ѳиссагеты, говоритъ Геродотъ,—племя многолюдное и особое; живутъ они охотою. Рядомъ съ ними въ той же мѣстности живетъ народъ, называемый іирками (ἰύρκαι); они также промышляютъ охотою... Выше іирковъ по направленію къ востоку живутъ другіе скиѳы, отдѣлившіеся отъ царскихъ и прибывшіе въ эту землю“.

„О странѣ (этихъ народовъ)... имѣются очень достовѣрныя свѣдѣнія: къ нимъ ходятъ нѣкоторые скиѳы, отъ которыхъ нетрудно добыть свѣдѣнія, равно какъ и отъ эллиновъ изъ торжища Борисѳена и изъ другихъ припонтійскихъ торжищъ. Тѣ изъ скиѳовъ, которые приходятъ къ нимъ, ведутъ свои дѣла при помощи семи переводчиковъ на семи языкахъ“.

Таковы историческія свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ, вѣроятнѣе всего, въ волжско-камской области; они нисколько не противорѣчатъ археологическимъ даннымъ и вполнѣ могутъ быть объединены другъ съ другомъ. Что касается вѣрности этихъ свѣдѣній, то она вполнѣ подтверждается сопоставленіемъ нѣкоторыхъ деталей съ иллюстраціями на древнихъ вещахъ. Такъ объ охотѣ іирковъ Геродотъ говоритъ, что „охотникъ, взобравшись на дерево, которыми густо покрыта эта страна, подстерегаетъ звѣря; у каждаго наготовѣ лошадь, пріученная ложиться на брюхо, чтобы казаться ниже, и собака; когда охотникъ съ дерева завидитъ звѣря, онъ стрѣляетъ изъ лука, потомъ садится на коня и пускается въ погоню, при чемъ не отстаетъ и собака“.

Въ коллекціяхъ Императорскаго Эрмитажа имѣются двѣ парныя золотыя бляхи, на которыхъ представлена одна и та же сцена охоты на кабана въ двухъ послѣдовательныхъ моментахъ: первый подготовительный моментъ, когда охотникъ, выславъ собаку на поиски звѣря, замѣтилъ послѣдняго и спѣшитъ слѣзть съ дерева и поднять осѣдланнаго коня, находившагося внизу у ствола дерева, и второй главный моментъ, когда охотникъ, вскочивъ на коня, изо всѣхъ силъ гонится за звѣремъ, желая пронзить его стрѣлою, пущенною изъ туго натянутаго лука. Оба момента представлены въ мѣстности, покрытой густыми деревьями.

Такимъ образомъ каждая черта разсказа Геродота получаетъ полную иллюстрацію въ туземномъ искусствѣ. Но если въ такихъ мелкихъ деталяхъ разсказъ историка вѣренъ, то въ болѣе крупныхъ деталяхъ, касающихся, напримѣръ, названій народовъ, мѣстъ ихъ жительства и образа жизни, разсказъ, конечно, долженъ быть еще болѣе вѣрнымъ.

Культуры средней и сѣверной Россіи*).

Развитіе культуръ средней и сѣверной Россіи замѣтно отставало отъ развитія разсмотрѣнныхъ культуръ восточныхъ и южныхъ областей; оно отставало и отъ культуръ западныхъ областей. Причиной такого явленія служили менѣе благопріятныя физико-географическія особенности средней и сѣверной Россіи, попрежнему покрывавшейся лѣсами и тундрой. Тундра настолько неодолима, что до сихъ поръ держитъ своихъ обитателей на низшей степени развитія. Немалымъ тормозомъ для культурнаго прогресса являлись и лѣса. Неолитическій человѣкъ началъ жечь

*) *Литература:*

1) Ю. Г. Гендуне. „Городище Топорокъ, Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда“. Труды Тверск. Областн. Археолог. Съѣзда.

2) А. А. Спицынъ. „Городища Дьякова типа“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ., Русск. Отд., т. V.

ихъ и этимъ способомъ расчистилъ пути и мѣстами подготовилъ почву для воспріятія высшихъ культурныхъ началъ, каковыя и явились въ слѣдующую бронзовую эпоху въ видѣ металлургіи и скотоводства. Но на ряду съ этими началами еще долго и въ полной силѣ оставались старыя, и въ бытовой обстановкѣ всё еще царили каменныя орудія и низшіе промыслы охоты и рыбной ловли. При внимательномъ изученіи памятниковъ бронзовой эпохи нетрудно было предвидѣть, что борьба старыхъ культурныхъ началъ съ новыми продолжится и далѣе, перейдя въ сферу желѣзной эпохи, когда желѣзныя орудія будутъ сосуществовать съ каменными, при чемъ, благодаря незначительному количеству вращавшихся въ данныхъ областяхъ бронзовыхъ орудій, мѣстами будетъ казаться, что желѣзныя орудія явились здѣсь первыми изъ всѣхъ металлическихъ орудій, т.-е., что время бронзовой эпохи не успѣло запечатлѣться соотвѣтствующими памятниками. Такъ, дѣйствительно, многимъ изслѣдователямъ и кажется.

Мы видѣли, что бронзовая эпоха въ изучаемыхъ областяхъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, успѣла наложить свою печать на весь бытъ человѣка, и ознакомившійся съ нею легко отличаетъ памятники бронзовой эпохи отъ памятниковъ предшествующей и послѣдующей эпохъ. Ясная печать лежитъ и на нѣкоторыхъ памятникахъ ранней поры желѣзныхъ орудій: ею служитъ особый видъ керамическаго орнамента изъ отдѣла (семейства), получившаго спеціальное названіе — „печатныхъ элементовъ“. Еще въ концѣ бронзовой эпохи въ пріокской области появляется довольно оригинальный орнаментъ, воспроизводившійся тонкою нитью, которую держали въ обѣихъ ру-

3) Его же. „Новыя свѣдѣнія о городищахъ Дьякова типа“. Ibid.

4) Его же. „Бологовская стоянка каменнаго вѣка“. Ibid.

5) В. И. Сизовъ. „Дьяково городище близъ г. Москвы“. Труды IX Археолог. Съѣзда, т. II.

6) Н. И. Булычевъ. „Журналъ раскопокъ 1898 г. по берегамъ Оки“, Москва, 1899 г.

кахъ на высоту стѣнокъ сосуда и въ этомъ положеніи прикладывали къ сырой глинѣ, при чемъ получались оттиски въ видѣ прямыхъ внутри штриховатыхъ линій. Обыкновенно эти линіи располагались такъ, что онѣ пересѣкали другъ друга, и узоръ цѣнился тѣмъ выше, чѣмъ гуще шли линіи и чѣмъ чаще совершались пересѣченія между собою. Въ результатѣ стѣнки сосудовъ покрывались непрерывнымъ сѣтчатымъ узоромъ. Въ раннюю пору желѣзныхъ орудій, вѣроятно для ускоренія работы, нить замѣнили сѣтками, тканями и рогожами.

Сѣтки выплетались изъ нитей, которыя то перевивались другъ съ другомъ, то распускались и шли болѣе или менѣе параллельно другъ къ другу. Такія сѣтки, повидимому, изготовлялись спеціально для орнаментаціи сосудовъ, на которые надѣвались какъ джерсе, а въ верхней части наскоро выплетались непосредственно на сосудахъ. Когда орнаментъ былъ готовъ, верхняя часть сѣтки распускалась, и нижняя совлекалась съ сосуда внизъ.

Ткани употреблялись толстыя и тонкія; онѣ давали отпечатки съ простымъ и діагонально-скошеннымъ расположеніемъ нитей. Оттиски тѣхъ и другихъ довольно характерны и узнаются легко, давая на стѣнкахъ сосудовъ сплошные сѣтчатые узоры.

Рогожи употреблялись плетеныя изъ узкихъ полосокъ древесной коры (липы или бересты). Иногда онѣ были протканы нитями. Въ орнаментѣ оттиски рогожъ очень характерны и имѣютъ видъ сплошныхъ четырехугольныхъ вдавленій; но когда рогожа, будучи смоченною, высыхала, и полоски коры коробились, то отпечатки ихъ получались неясными, спутанными, хотя всё же легко опредѣлимыми.

---

7) Гр. Ѳ. А. Уваровъ. „Курманскій могильникъ“, Москва, 1890 г.

8) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій на берегахъ р. Оки, въ предѣлахъ Рязанской губ.“ Арх. Изв. и Зам., изд. Имп. Моск. Археолог. Общ., т. VII.

9) Его же. „Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ долинѣ р. Оки, 1897 года“. „Древности“, т. XVII.

На первый взглядъ, рогожные узоры кажутся также сѣтчатыми, поэтому многіе изслѣдователи называютъ вообще всѣ узоры, воспроизведенные сѣтками, тканями и рогожами,—„сѣтчатыми“, хотя въ дѣйствительности въ нихъ скрывается не менѣе четырехъ различныхъ типовъ орнамента изъ отдѣла печатныхъ.

Область распространенія этихъ типовъ, насколько возможно судить по сдѣланнымъ находкамъ, совпадаетъ съ центральной частью Европейской Россіи и ограничивается на югѣ и востокѣ среднимъ и нижнимъ теченіемъ р. Оки, на сѣверѣ — верхнимъ теченіемъ р. Волги и нѣкоторыми ея притоками, а на западѣ—верхнимъ теченіемъ р. Западной Двины. Конечными пунктами области въ настоящее время можно было бы назвать Рязань, Муромъ, Кострому, Валдай и Витебскъ. Это—та область, въ которой, сравнительно съ другими средне-русскими областями, найдено наибо́льшее количество памятниковъ какъ неолитической, такъ и бронзовой эпохъ, и гдѣ впослѣдствіи явилось ядро Россійскаго государства. Очевидно, культурные труды древнихъ народовъ шли въ пользу смѣнявшимъ ихъ болѣе позднимъ народамъ, и такимъ образомъ обезпечивалось прогрессивное движеніе культуры на данной географической площади.

Время появленія и исчезновенія изучаемыхъ типовъ орнамента точно не установлено. Начало его теряется въ глубинѣ вѣковъ ранней поры желѣзныхъ орудій; что же касается конца, то о немъ можно судить по тому факту, что ни въ одномъ погребеніи желѣзной эпохи, открытомъ въ очерченной области, такіе типы орнамента на глиняныхъ сосудахъ ни разу не были найдены. Между тѣмъ

---

10) Его же. „Дневникъ археологическихъ изслѣдованій въ долинѣ р. Оки, произведенныхъ въ 1898 году“. Ibid., т. XVII.

11) Его же. „Русская доисторическая керамика“. Труды XI Археолог. Съѣзда, т. I.

12) Его же. „Матеріалы для археологической карты долины р. Оки“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I.

древнѣйшія изъ погребеній, какъ мы увидимъ ниже, датируются латенскими фибулами и другими предметами II—III вѣка по Р. Хр., а это даетъ основаніе заключить, что конецъ существованія изучаемыхъ типовъ орнамента долженъ находиться около начала христіанской эры, или, другими словами, долженъ приблизительно совпадать съ концомъ ранней поры желѣзныхъ орудій.

Сопровождаемая печатными типами керамическаго ормента культура характеризуется присутствіемъ каменныхъ, костяныхъ и желѣзныхъ орудій, признаками металлургіи, скотоводства и, вѣроятно, земледѣлія; коллективными же памятниками ея являются городища, селища и холмища.

Каменныя орудія встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ [1]), и появленіе ихъ нерѣдко трактуется, какъ случайное; представителями ихъ являются полированные топоры со сверлинами, кремневыя стрѣлы, такіе же скребки, ножи и др. Гораздо многочисленнѣе костяныя орудія, и тамъ, гдѣ почва была способна сохранить ихъ, они находятся сотнями. Въ составъ ихъ входятъ разнаго рода острія, долота, ножи, стрѣлы, гарпуны и др. По типамъ всѣ они схожи съ орудіями костеносныхъ городищъ волжско-камской области. Желѣзныя орудія хотя и не отличаются обиліемъ, но въ своемъ составѣ имѣютъ всѣ главные виды, а совершенствомъ формъ указываютъ на то, что человѣкъ овладѣлъ ими вполнѣ. Въ числѣ ихъ извѣстны кельты, серпы, ножи, удила, удильные крючки, шила и иглы. Положительнымъ признакомъ мѣстной металлургіи служатъ почти повсюду находимые глиняные ложковидные тигли,

---

[1]) Въ с. Гремячемъ найдены 3 кремневыхъ скребка и 2 топора; въ Ловецкомъ городкѣ—1 кремневая стрѣла; въ Городецкомъ городищѣ—2 полированныхъ топора со сверлинами; въ Дьяковомъ — 1 кремневый скребокъ; въ городищѣ Топорокъ — 2 кремневыхъ стрѣлы и въ городищѣ Синьковскомъ — 1 скребокъ. Въ другихъ мѣстностяхъ каменныя орудія почти совсѣмъ отсутствуютъ.

Авт.

служившіе для литья металла, глиняныя формочки, желѣзные и мѣдные шлаки.

Характерными остатками скотоводства служатъ многочисленныя кости домашнихъ животныхъ, въ числѣ которыхъ фигурируютъ кости лошади, коровы, овцы и свиньи. Кости лошади преобладаютъ. Несомнѣнно у человѣка имѣлась и собака, хотя остатки ея до сихъ поръ не найдены. Домашнія птицы, повидимому, отсутствовали. На ряду со скотоводствомъ существовали охота и рыболовство. О существованіи земледѣлія свидѣтельствуютъ ручные жерновки (терки) и серпы, но, повидимому, эта отрасль хозяйства еще не пользовалась широкимъ распространеніемъ.

Изъ городищъ извѣстны по берегамъ р. Оки: Недостоевское, Кирилловское и Городецкое (всѣ три — Рязанской губерніи); по берегамъ р. Волги и ея притоковъ: Пекуновское, Топорокъ, Корчевское, Лялинскій городокъ (всѣ четыре—Тверской губ.), Пирожная гора и Синьковское (оба—Московской губ.); по берегамъ р. Западной Двины: Юпинское (Витебской губ.). Остатки селищъ менѣе выразительны и поэтому менѣе извѣстны, но если признакомъ такихъ остатковъ считать присутствіе въ почвѣ обломковъ посуды, то таковые остатки были найдены по берегамъ р. Оки: въ окрестностяхъ селъ Солодчи, Городищъ, Курмана (Рязанской губ.), Волосова (Владимирской губ.); по р. Волгѣ: въ окрестностяхъ г. Костромы, селъ Бѣлгородки, Избережья, Вышняго-Волочка (послѣднія три—Тверской губ.). Холмища изслѣдованы по р. Окѣ и ея притокамъ: въ окрестностяхъ с. Гремячаго (Калужской губ.), Ловецкихъ выселокъ (Рязанской губ.) и с. Дьякова (Московской губ.).

Городища обыкновенно имѣютъ трехугольную форму, ограниченную съ двухъ сторонъ естественными обрывами, а съ третьей — землянымъ дугообразнымъ валомъ, который сопровождается снаружи рвомъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ форма городищъ бываетъ овальною или огражденною двумя валами и нѣсколькими рвами. Валы насыпаются то изъ простой земли, то изъ обожжён-

ной и уплотненной глины. Обжиганіе глины, насколько это разъяснено изслѣдователями, производилось на мѣстѣ вала и велось въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала на опредѣленное мѣсто накладывался слой глины, затѣмъ на него сваливался слой дровъ, сверхъ которыхъ располагался второй слой глины, охватывавшій дрова съ боковъ и соединявшійся по краямъ съ первымъ слоемъ, образуя какъ бы трубу. Для бо́льшей тяги и выхода дыма сверху пробивались отдушины. Когда подожжённыя дрова сгорали, то уголь удалялся, а верхній слой ударами колотушекъ осаживался внизъ на нижній слой. Такимъ образомъ получалось два слоя обожжённой глины. На нихъ накладывались новые слои, и производились новыя обжиганія, пока, наконецъ, валъ ни получалъ требуемую высоту. Тогда его сверху покрывали сырой глиной и придавали ему окончательную форму. Получались удивительно прочныя сооруженія, которыя съ большимъ трудомъ разрушаются даже современными стальными лопатами и кайлами.

Наиболѣе типичнымъ и вмѣстѣ наиболѣе изслѣдованнымъ является Городецкое городище[1]). Это городище расположено на лѣвомъ берегу поёмной долины р. Оки, близъ с. Городца, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Форма городища—трехугольная, съ двухъ сторонъ ограниченная

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи типичнымъ считаютъ Дьяково городище, но съ этимъ нельзя согласиться, такъ какъ названное городище представляетъ два разновременныхъ культурныхъ отложенія, при чемъ древнѣйшее изъ нихъ, характеризуемое сѣтчатымъ керамическимъ орнаментомъ, отложилось въ то время, когда городище совершенно не существовало, и на мѣстѣ его было простое холмище. Ошибочно возведя разновременныя и разнородныя культуры въ одинъ типъ, изслѣдователи естественно впали въ другую ошибку, такъ какъ были вынуждены подвести подъ ошибочно созданный типъ почти всѣ древнія городища не только сѣверной и средней, но даже южной Россіи, при чемъ самое понятіе о типѣ настолько расплылось, что утратило всякое научное значеніе.

Авт.

естественными обрывами, а съ третьей — землянымъ валомъ простѣйшей конструкціи и рвомъ. На внутренней площади его располагались жилыя землянки, изъ которыхъ только одна приходилась въ срединѣ, а прочія располагались по окраинамъ площади, такъ что ими замыкалась средина городища со всѣхъ сторонъ.

Землянки имѣли видъ четырехугольныхъ ямъ отъ 10 до 18 аршинъ длины, около 8 аршинъ ширины и $1^1/_2$ аршинъ глубины. Крышей землянокъ служили толстыя, вѣроятно, колотыя доски, сверху покрытыя слоемъ земли. Кажется весьма правдоподобнымъ, что крыши эти были односкатными, при чемъ приподнятая сторона ихъ опиралась на бревенчатыя переводины, а получавшіеся боковые просвѣты загораживались стѣнами, засыпанными снаружи землей.

Внутри нѣкоторыхъ землянокъ находились примитивные очаги, въ видѣ незначительныхъ углубленій, сдѣланныхъ въ срединѣ земляного пола. Любопытно, что полы иногда оказывались заросшими вершковъ на 5 желтовато-бурою плотною почвою, въ которой крупныхъ бытовыхъ остатковъ почти не оказывалось, но встрѣчалось много мелкихъ костей и чешуи рыбъ. Въ свѣжемъ разрѣзѣ почвы эти кости и чешуя были мало замѣтны, но когда почва просыхала и вывѣтривалась, то милліарды ихъ, точно иглы ежа, выступали наружу, и тогда самый цвѣтъ слоя измѣнялся въ сѣрый. Разсматриваемый слой могъ отложиться только во время обитанія землянокъ. Въ этомъ случаѣ важно отмѣтить, что въ слоѣ, среди рыбьихъ костей и чешуи, нерѣдко встрѣчались нѣжныя раковины сухопутныхъ моллюсковъ, преимущественно изъ семействъ Helix и Clausilia. Остатки этихъ животныхъ указываютъ на то, что въ лѣтнее время года человѣкъ оставлялъ землянки совершенно свободными, переселяясь въ другія болѣе удобныя жилища, какъ это дѣлаютъ и въ настоящее время многія племена, стоящія на низкой степени культурнаго развитія.

Ямы землянокъ служили центромъ разнообразныхъ скопленій предметовъ домашняго быта. Среди нихъ по количеству первое мѣсто занимали кости животныхъ и рыбъ. Всѣ крупныя кости, содержавшія мозгъ, оказывались расколотыми вдоль съ очевидною цѣлью извлеченія изъ нихъ мозга. Второе мѣсто занимали остатки глиняныхъ издѣлій, которые состояли изъ обломковъ посуды, пряслицъ, рыболовныхъ грузилъ, тиглей и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Больше всего встрѣчалось обломковъ простой кухонной посуды, отличавшейся удивительнымъ однообразіемъ и стойкостью своихъ типовъ.

Глина, употреблявшаяся для лѣпки сосудовъ, оказывалась смѣшанною съ дресвой и лишь въ исключительныхъ случаяхъ—съ обломками толченыхъ раковинъ. Обжиганіе сосудовъ—сильное. Формовка—ручная. Стѣнки—тонкія, неровныя, а днища—плоскія. Можетъ быть для переноски и подвѣшиванія, а можетъ быть и для украшенія, по краямъ сосудовъ продѣлывались сквозныя отверстія, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ располагались попарно, а чаще шли непрерывнымъ рядомъ вокругъ всей шейки. Изрѣдка встрѣчались сосуды со сквозными дырами въ бокахъ и днищахъ. Назначеніе такихъ сосудовъ остается загадочнымъ. Изъ огромной массы обломковъ посуды болѣе двухъ третей были орнаментованы сплошными сѣтчатыми узорами, на первый взглядъ совершенно однообразными, но въ дѣйствительности скрывающими въ своихъ деталяхъ несходныя черты, указывающія на разнообразные виды орудій, которыми они воспроизводились. Такъ на нѣкоторыхъ обломкахъ встрѣчаются узоры, нанесенные тонкою нитью, живо напоминающіе нитчатые узоры окскихъ стоянокъ бронзовой эпохи, но они здѣсь уже не пользуются прежнею распространенностью: ихъ замѣняютъ неизвѣстные въ болѣе раннихъ окскихъ культурахъ узоры, воспроизводимые сѣтками и тканями, представляющимися довольно разнообразными. По отпечаткамъ этого орнамента мы знакомимся съ тремя совершенно различными видами

тканей: тонкой, очень похожей на современное ручное грубое полотно; средней, похожей на особыя ткани, часто употребляемыя крестьянами среднихъ губерній на хлѣбные мѣшки; и, наконецъ, очень толстой, схожей съ самыми грубыми современными тканями, извѣстными подъ названіемъ „дерюгъ“ и употребляемыми на половики и настилки въ крестьянскихъ домахъ. Далѣе слѣдуютъ узоры, воспроизводимые рогожами. Количество ихъ очень велико. Они доказываютъ, что обитатели Городецкаго городища были отличными мастерами рогожнаго дѣла. Судя по оттискамъ и слѣпкамъ, ихъ рогожа была тонка, плотна и вообще очень добротна; выплеталась она преимущественно изъ узкихъ полосокъ древесной коры, вѣроятно, луба и бересты.

Сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчались обломки посуды съ грубымъ ямочнымъ узоромъ, который впервые появляется въ средне-русской культурѣ въ бронзовую эпоху.

Изъ другихъ глиняныхъ издѣлій прежде всего останавливаютъ вниманіе пряслица. Число ихъ невелико; формы—самыя простыя; два пряслица оказались украшенными точечнымъ орнаментомъ. Пряслица въ изучаемой культурѣ интересны въ томъ отношеніи, что среди болѣе древнихъ окскихъ памятниковъ ихъ совсѣмъ не оказывается. То же можно сказать про ложковидные тигли, рыболовныя грузила и другія загадочныя издѣлія.

Большую роль въ жизни городецкаго человѣка играли издѣлія изъ кости, среди которыхъ мы видимъ наконечники стрѣлъ, иглы, разнообразныя проколки, или шила, долота, гарпуны, плоскія тупыя орудія ножевидной формы, а также кости, служившія украшеніями, каковы зубъ со сверлиною и съ такою же сверлиною небольшая кость, которая могла играть роль бусины или, еще вѣроятнѣе, пряжки для застёгиванія одежды. Всѣ эти издѣлія очень просты и первобытны. Для бо́льшей твердости нѣкоторыя орудія искусственно обожжены на огнѣ.

Не успѣли совершенно выйти изъ домашняго обихода и каменныя орудія. Такъ въ двухъ землянкахъ найдены цѣлый полированный діоритовый топоръ со сверлиною и обломокъ другого совершенно такого же топора. Изрѣдка встрѣчались одиночные экземпляры кремневыхъ осколковъ, почти всегда несшіе слѣды вліянія на нихъ сильнаго жара. Чаще встрѣчались каменные жерновки (или терки), служившіе для растиранія хлѣбныхъ зеренъ. Сравнительно частое нахожденіе этихъ предметовъ въ культурномъ слоѣ городища указываетъ на существованіе земледѣлія, слѣды котораго въ болѣе раннихъ культурахъ области совсѣмъ неизвѣстны.

Изъ металлическихъ издѣлій найдены желѣзные ножи и желѣзный крючекъ. Всѣ эти предметы залегали въ культурномъ слоѣ, внѣ землянокъ, въ которыхъ, однако, удалось найти мѣдные и желѣзные шлаки, а вблизи—глиняные тигли. Очевидно, городецкій человѣкъ не только пользовался металлическими издѣліями, но и самъ являлся ихъ производителемъ.

Въ срединѣ двора городища, на наиболѣе открытой его площади, найдено большое количество (нѣсколько возовъ) чистой и какъ бы вымѣшанной глины, лежавшей кускомъ округлой формы и глубоко уходившей въ грунтъ. При изслѣдованіи этой массы глины сначала казалось, что имѣется дѣло съ глинобитной печкой, но затѣмъ, когда ниже пошла чистая сыроватая глина, мысль стала склоняться въ пользу предположенія, что предъ нами простая заготовка глины для керамическихъ цѣлей. Однако, подобныя явленія были дважды встрѣчены Ю. Г. Гендуне въ городищѣ Топоркѣ, гдѣ, благодаря лучшей сохранности, удалось выяснить спеціальное назначеніе ихъ для ритуальныхъ цѣлей: это, повидимому, были небольшіе жертвенники. Въ Топоркѣ около этихъ сооруженій найдены чрезвычайно любопытныя вещи въ видѣ глиняныхъ изображеній птицы, самки звѣря (волчицы), клыковъ животныхъ, глиняныхъ бусъ, пронизей и колокольчиковъ, ясно имити-

рующихъ металлическимъ, столь обычнымъ въ украшеніяхъ финскихъ могильниковъ средней поры желѣзныхъ орудій. Ю. Г. Гендуне объяснила всѣ эти предметы какъ принадлежности шаманскаго культа.

Изъ селищъ полнѣе другихъ представляется Бологовское, на мѣстѣ котораго прослѣживаются остатки жилыхъ землянокъ и тѣ же признаки металлургіи, скотоводства и земледѣлія, съ какими мы познакомились въ Городецкомъ городищѣ. Остатки другихъ селищъ являются болѣе или менѣе случайными. Возможно, что на мѣстахъ ихъ окажутся не постоянныя, а только временныя жилища лѣтнихъ стоянокъ.

Гораздо обстоятельнѣе изслѣдованы холмища. Назначеніе ихъ еще не выяснено, но, вѣроятнѣе всего, они служили для общественныхъ ритуальныхъ цѣлей. Это доказывается какъ необыкновенными скопленіями на каждомъ холмищѣ золы, могущими получиться лишь при частыхъ сожиганіяхъ костровъ, такъ и отсутствіемъ несомнѣнныхъ остатковъ жилищъ на мѣстахъ кострищъ.

Среди бытовыхъ отбросовъ, наполняющихъ зольные слои холмищъ преобладаютъ дешевые, но цѣлые предметы домашняго быта, служившіе, повидимому, обѣтными приношеніями въ жертву богамъ. Таковы разные виды костяныхъ, рѣже каменныхъ и металлическихъ, орудій и разнаго рода другихъ подѣлокъ. Множество костей животныхъ и обломковъ глиняной посуды, можетъ быть, свидѣтельствуетъ объ общественныхъ пиршествахъ или многочисленныхъ приношеніяхъ пищевыхъ продуктовъ, при чемъ глиняная посуда, разрушаясь отъ времени, естественно превращалась въ обломки.

По своему наружному виду холмища представляютъ болѣе или менѣе ярко выступающія природныя возвышенія или болѣе изолированные береговые отроги. Размѣры холмищъ настолько значительны, что на мѣстахъ ихъ въ болѣе позднее время сооружали цѣлые городки, какъ это наблюдается на Дьяковомъ холмищѣ, подъ Москвою.

Наиболѣе цѣлымъ и типичнымъ изъ извѣстныхъ въ настоящее время холмищъ можно считать Гремячевское. Это холмище находится у с. Гремячева, Перемышльскаго уѣзда, Калужской губ. Оно представляетъ изъ себя природный бугоръ, расположенный на самомъ берегу р. Оки. Его верхняя часть имѣетъ видъ слегка выпуклой площадки, покрытой культурнымъ слоемъ, достигающимъ отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ толщины. Въ составъ культурнаго слоя входили уголь и зола, а на ряду съ ними залегали кости, обломки глиняной посуды, каменныя и металлическія орудія и другія подѣлки. Кости оказывались цѣльными, жжёными и битыми, среди нихъ господствовали кости лошади, затѣмъ рѣже встрѣчались кости коровы, лося, свиньи и др. Изъ костяныхъ подѣлокъ особенно часто попадались иглы, рѣже — проколки, стрѣлы, гарпуны, привѣски въ видѣ просверлённыхъ зубовъ медвѣдя, кабана и, что особенно интересно, треугольная и круглая пластинки, вырѣзанныя изъ человѣческихъ череповъ, указывающія на существованіе трепанаціи череповъ. Совершенно такая же привѣска была найдена въ извѣстномъ Котловскомъ могильникѣ, Вятской губ. [1]). Представителями каменныхъ орудій явились 2 топора и 3 скребка; кромѣ того найдено нѣсколько кремневыхъ ножей и небольшое число осколковъ кремня. Среди глиняныхъ предметовъ преобладали обломки глиняной посуды, покрытой сѣтчатымъ орнаментомъ. Свидѣтелями металлургической индустріи являлись глиняные ложковидные тигли и каменная форма, затѣмъ бронзовыя украшенія, въ видѣ иглъ, булавокъ, одной бляхи и обрывковъ проволокъ, и, наконецъ, желѣзныхъ серповъ, ножей, удилъ и др. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ металлическихъ вещей, напримѣръ, бронзовыя булавки съ вѣерообразной ажурной головкой, попали въ свои холмища уже въ болѣе позднее время [2]).

[1]) Ф. Д. Нефедовъ. „Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Прикамьѣ". Матеріалы по археолог. восточн. губ., т. III, стр. 49.

[2]) Совмѣщеніе въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ памятниковъ разныхъ эпохъ въ средне-русской области случается особенно часто. Это явленіе

Заканчивая на этомъ обзоръ интересной культуры, мы убѣждаемся, что ею положено прочное начало средне-русскому культурному очагу, первый проблескъ котораго явился въ огнѣ, пущенномъ еще рукою неолитическаго человѣка для борьбы съ неблагопріятными элементами лѣсной природы.

Какой народности принадлежитъ описанная культура, сказать трудно. Несомнѣнно, она принадлежала одной народности, которая уже въ то время находилась въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ культурными странами, о чемъ свидѣтельствуетъ случай находки въ занятой ею области, именно, въ Ростовѣ Великомъ, золотой монеты Филиппа Македонскаго. Вѣроятно, эта народность существовала здѣсь и во времена Геродота и, можетъ быть, поименована и описана имъ, но мы, въ настоящее время, еще не въ состояніи связать ея имени съ произведеніями. Что касается антропологическихъ признаковъ этой народности, то они остаются совершенно неизвѣстными, потому что до сихъ поръ не удалось открыть принадлежащихъ ей погребеній и вообще человѣческихъ костей, за исключеніемъ упомянутыхъ амулетовъ. Судя же по многимъ бытовымъ чертамъ, необходимо полагать, что народность ближе всего стояла къ населенію волжско-камской области и такимъ образомъ могла относиться къ финскому корню.

Въ заключеніе намъ остается взглянуть на сѣверъ Россіи; но эта обширная область всё еще покрывается глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Вѣроятнѣе всего, сѣверные народы, борясь съ еще болѣе суровой и дѣвственной природой, жили пережитками глубокой старины, которые трудно пріурочить къ соотвѣтствующему времени. Вмѣстѣ

объясняется тѣмъ, что народы, смѣняя другъ друга, одинаково вынуждались держаться уже насиженныхъ мѣстъ, за чертою которыхъ сразу начинались непроходимые лѣса и болота, куда еще долго человѣкъ не могъ проникнуть.

Авт.

съ тѣмъ многія обширныя области оставались совсѣмъ безъ обитателей, какъ остаются безъ нихъ огромныя пространства, иногда на тысячи верстъ въ длину и ширину, въ нашихъ современныхъ восточно-сибирскихъ владѣніяхъ. Даже проникающіе по временамъ въ эти дебри культурные лучи не находятъ возможности загорѣться свѣточемъ очага и снова гаснутъ на долгое время. Въ такихъ глухихъ мѣстахъ, конечно, не можетъ быть никакихъ памятниковъ болѣе глубокой старины, какъ это, дѣйствительно, и наблюдается во многихъ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ древнѣйшіе археологическіе памятники едва — едва касаются конца средней поры желѣзныхъ орудій, т.-е. конца I-го тысячелѣтія по Р. Хр.

Средняя пора желѣзныхъ орудій.

Наиболѣе важными культурными явленіями средней поры желѣзныхъ орудій представляются распространеніе христіанства и массовое введеніе желѣза въ бытъ не только цивилизованныхъ, но и многихъ варварскихъ народовъ Стараго свѣта, при чемъ первое, несомнѣнно, сыграло въ развитіи человѣчества болѣе важную роль, чѣмъ второе. Ко времени христіанской проповѣди повсюду царилъ законъ: „зубъ за зубъ, и око за око“. Порабощеніе и всевозможное избіеніе людей считались обычными повсюду. Въ самыхъ цивилизованныхъ государствахъ правители почитались богами, а подчиненные третировались не выше рабовъ. Созданные усиліями мудрыхъ людей гражданскіе законы исполнялись лишь тамъ, гдѣ оказывались выгодными для автократовъ и правящихъ классовъ. Въ результатѣ казалось, что человѣчество, подавленное борьбою въ средѣ вида, не только примирилось съ такими явленіями жизни, но и приняло ихъ какъ незыблемую основу своего бытія; казалось, оно пришло къ окончательному выводу, что однимъ изъ представителей его вида искони предначертано господствовать, а другимъ рабствовать и всѣмъ другъ друга ненавидѣть, считая за аксіому, что „homo hominis lupus

est". Но это только казалось. На самомъ же дѣлѣ, параллельно съ развитіемъ матеріальной культуры, въ человѣчествѣ развивались и разумъ и чувство справедливости, которые и получили полную кристаллизацію въ ученіи Іисуса Христа, открывшаго, что всѣ люди суть дѣти Бога, а слѣдовательно братья, равные между собою, обязанные одинаково любить и уважать другъ друга. Апостолъ Павелъ, борясь съ закоренѣлыми генеалогическими предразсудками, училъ, что люди наслѣдуютъ царство Божіе *не по происхожденію*, а по благодати Божіей. Всё это уничтожало въ корнѣ основу исконной борьбы среди вида и направляло освобождавшіяся силы къ достиженію общаго благополучія. Къ сожалѣнію, великія идеи не осуществляются сразу. Новыя идеи охотно воспринимались всѣми труждающимися и обремененными, но брезгливо отбрасывались господствующими, гордыми сознаніемъ своего превосходства и никакъ не хотѣвшими признать единства своего происхожденія и равенства съ подчиненными; поэтому они напрягли всѣ силы для уничтоженія вредныхъ для нихъ христіанскихъ идей. Завязавшаяся отчаянная борьба, однако, еще болѣе подчеркнула превосходство христіанства надъ язычествомъ, и послѣднему въ концѣ концовъ пришлось капитулировать. Гонимое стало господствующимъ. Но это продолжалось недолго: вскорѣ началась скрытая внутренняя борьба. Принявъ новое ученіе лишь по формѣ, а не по духу, господствующіе классы не только удержали языческія формы правленія въ своихъ рукахъ, но и постарались, замаскировавъ и запутавъ сущность ученія, разжечь рознь между его послѣдователями. Такимъ образомъ возникли ереси и расколы, а ученіе любви стало чаще служить оружіемъ ненависти. На почвѣ этихъ отрицательныхъ явленій господствующаго христіанства возникла новая религія магометанства, удержавшая распространеніе проповѣди общечеловѣческой любви на много вѣковъ.

Въ первой половинѣ изучаемой поры христіанство было принято народами Аравіи, Египта, Сѣверной Африки,

Испаніи, Галліи, Рима, Греціи, Малой Азіи, отчасти южной Россіи и Кавказа, Персіи и Месопотаміи. Во второй половинѣ его принимаютъ германцы и славяне, а въ числѣ послѣднихъ и славянская Русь. Благотворное вліяніе христіанства особенно сильно сказалось на германцахъ и славянахъ: оно быстро ввело ихъ въ кругъ культурныхъ народовъ и положило основу ихъ міровой гегемоніи.

Что касается политическихъ событій, то они представляются въ это время въ слѣдующемъ видѣ.

Въ первые вѣка Римская имперія достигаетъ апогея своего могущества. Въ это время въ ея составъ входили Британнія, Галлія, Испанія, Швейцарія, южная часть Германіи, Италія, весь Балканскій полуостровъ, Дакія, почти всё побережье Чернаго моря, часть сѣвернаго Кавказа, Арменія, вся Малая Азія, Ассирія, Месопотамія, Сирія, Аравія, Египетъ и всё сѣверное побережье Африки. Римъ являлся средоточіемъ высшей культуры. На него были обращены глаза всего древняго міра, къ нему жадно прислушивались и ждали всякихъ культурныхъ новостей; теперь изъ него, какъ нѣкогда изъ Вавилона, распространялись моды и формы жизни. Отпускаемые Римомъ товары и деньги на сѣверѣ достигали Финляндіи, на сѣверо-востокѣ — сліянія Оки и Волги, на востокѣ—Индіи, на югѣ—Эѳіопіи, на западѣ—береговъ Атлантическаго океана. Однако въ такихъ огромныхъ предѣлахъ и такомъ господствующемъ культурномъ положеніи Римская имперія оставалась недолго: уже въ концѣ III вѣка по Р. Хр. она раздѣлилась на двѣ части, образовавъ Восточную и Западную Римскія имперіи, соединявшіяся послѣ въ одно государство лишь на короткое время. Въ 476 году, подъ натискомъ разныхъ варварскихъ племенъ, Западная Римская имперія окончательно падаетъ, а Восточная получаетъ имя Византіи, которая, борясь съ наступавшими отовсюду врагами и падая политически, служитъ разсадникомъ христіанства среди сосѣднихъ варварскихъ, преимущественно славянскихъ, племенъ и этимъ заканчиваетъ свою роль въ міровой культурѣ.

Обнаруживъ слабость и разложеніе Римской имперіи, на неё съ ожесточеніемъ набрасываются всѣ сосѣдніе народы: съ сѣвера наступаютъ германцы и славяне, съ востока — безчисленныя орды иранцевъ, тюрковъ и монголовъ.

Въ первой половинѣ VII вѣка въ Аравіи получаетъ прочное начало магометанство, послѣдователи котораго уже въ началѣ VIII вѣка овладѣваютъ всѣми римскими землями, расположенными въ Передней Азіи, по всему сѣверу Африки и даже въ Испаніи, повсюду нанося разгромъ ослабленному внутренними раздорами христіанству. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ громадныя богатства и овладѣвъ культурными странами, магометане быстро выдвигаются впередъ и, пока не сковали ихъ религіозный фанатизмъ и бюрократизмъ, являются почти единственными хранителями наукъ и искусствъ, завѣщанныхъ человѣчеству древними просвѣщенными народами.

Къ концу средней поры желѣзныхъ орудій въ Европѣ организуются новыя государства: Англія, Франція, Германія, Польша, Русь и др. Нѣкоторыя изъ этихъ государствъ успѣваютъ заявить себя крупными міровыми силами.

Сосредоточивая вниманіе на историческихъ событіяхъ, совершившихся въ изучаемую пору на территоріи современной Европейской Россіи, мы прежде всего должны отмѣтить движеніе сарматскихъ народовъ отъ Пріазовья къ западу. Воюя и разоряя другъ друга, эти народы подрываютъ и понемногу уничтожаютъ обширнѣйшую Римскую имперію. Въ результатѣ плодороднѣйшія земли южно-русскихъ степей оказываются или сильно оскудѣвшими, или даже запустѣвшими, и въ область ихъ начинается движеніе западныхъ и восточныхъ народовъ. Во II вѣкѣ по Р. Хр. на берегахъ Днѣпра осѣдаетъ народъ, оставившій послѣ себя „поля погребальныхъ урнъ“, совершенно схожія съ такими же полями, которыя оставлены въ Средней Европѣ славяно-германскими племенами. Нѣсколько позже отъ устья Вислы къ Черному морю наступаютъ готы и быстро овладѣваютъ

обширнѣйшими областями по всему югу Россіи. Возникаетъ сильное Готское царство, просуществовавшее, впрочемъ, недолго. Во второй половинѣ IV вѣка ему наносятъ рѣшительное пораженіе гунны, которые, изгнавъ готовъ изъ предѣловъ Россіи, сами вторглись вслѣдъ за ними въ Западную Европу.

Какое вліяніе гунны оказали на культурное развитіе въ лучшей части теперешней Россіи, можно судить по тому факту, что отъ времени изгнанія готовъ до образованія Хазарскаго царства не видно ни одного сплоченнаго общества и не видно сколько-нибудь замѣчательныхъ археологическихъ памятниковъ. Между тѣмъ за это время успѣваютъ сильно подвинуться впередъ народы, осѣвшіе на болѣе дурныхъ почвахъ лѣса, куда не могло проникнуть разлагающее вліяніе „великаго переселенія народовъ“. Въ волжско-камской, средне-русской и, наконецъ, въ сѣверо-западной (финляндской) областяхъ являются многочисленные памятники сравнительно высокихъ финскихъ культуръ, отмѣченныхъ большимъ количествомъ желѣза, бронзы и серебра.

Въ IX вѣкѣ значительная часть современной русской территоріи оказывается занятой славянскими племенами, изъ которыхъ кривичи, дѣлясь на южныхъ—смоленскихъ и сѣверныхъ—новгородскихъ, оказываются разбросанными по обширной области, центрами которой служатъ Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ. На юго-востокѣ къ этому племени примыкаютъ вятичи, осѣвшіе на верхнемъ и среднемъ теченіи Оки. Эти два племени являются авангардами общаго наступленія русскихъ славянъ въ область финновъ. За ними стоятъ радимичи, сѣверяне, дреговичи, древляне и поляне, а еще далѣе въ Прикарпатьѣ—бужане, волыняне, тиверцы и угличи. Откуда и когда появились всѣ эти племена, точно неизвѣстно. Русская лѣтопись говоритъ, что нѣкоторыя изъ нихъ пришли съ береговъ Дуная, другія отъ ляховъ; но можно допустить, что среди нихъ были и такія, которыя пришли изъ славянскихъ

центровъ Прибалтійскаго края, съ острововъ Балтійскаго моря и даже со Скандинавскаго полуострова, гдѣ славянскія поселенія, благодаря смежности ихъ съ могущественными славянскими племенами, представляются вполнѣ возможными. Но какъ бы то ни было, осѣвши въ новыхъ мѣстахъ, славянскія племена поспѣшно стремятся къ политической организаціи, доказывая тѣмъ самымъ, что они вышли изъ среды народовъ, знакомыхъ съ государственностью. Поляне, древляне, вятичи, новгородцы обзаводятся своими князьями, а южные кривичи подчиняются верховному жрецу—„криве“. Въ концѣ изслѣдуемой поры мы уже видимъ всѣ племена сплоченными подъ властью кіевскаго князя и наносящими полный разгромъ могущественному въ то время Хазарскому царству, энергично наступающими на Византію и, наконецъ, принимающими отъ послѣдней христіанство. Таковы въ общихъ чертахъ историческія событія, имѣвшія мѣсто въ предѣлахъ Европейской Россіи. Волнуясь, какъ море, черезъ русскія обширныя области прошло въ среднюю пору желѣзныхъ орудій много народовъ, и каждый изъ нихъ оставилъ памятники своей безпокойной жизни, запечатлѣвъ въ нихъ свои духовныя и физическія силы и обозначивъ ими мѣста своихъ часто недолговѣчныхъ пребываній и сношеній другъ съ другомъ. На изученіи этихъ памятниковъ мы и сосредоточимъ наше вниманіе. Многіе изъ нихъ еще не удалось связать съ именами оставившихъ ихъ народовъ, и потому эти памятники по необходимости приходится изучать какъ анонимы. Устраненіе послѣдняго недостатка является одною изъ интереснѣйшихъ задачъ русской археологіи. Въ рѣшеніи этой задачи принимаютъ живое участіе лучшіе представители нашей науки.

Южно-русскія культуры времени римскаго владычества.

(I—III вѣковъ по Р. Хр.)

Наиболѣе извѣстныя древности времени римскаго владычества и вліянія въ южныхъ областяхъ современной тер-

риторіи Европейской Россіи открыты въ Крыму, на Кавказѣ и въ Малороссіи. Эти древности характеризуются сильнымъ, часто непосредственнымъ вліяніемъ римской, греческой и отчасти египетской культуръ на мѣстныя варварскія культуры. Находимыя въ изобиліи и повсюду античныя издѣлія этого времени носятъ печать упадка. Высокая художественная античная техника конца ранней поры желѣзныхъ орудій теперь получила чисто фабричный характеръ, выражая паденіе вкуса даже въ такихъ подѣлкахъ, какими являются золотыя наиболѣе цѣнныя ювелирныя издѣлія. Таковыми прежде всего представляются многочисленныя золотыя бляшки, служившія по старой варварской традиціи украшеніемъ одеждъ; онѣ получили въ это время совершенно примитивныя геометрическія формы ромбиковъ, трехугольниковъ, зигзаговъ, полумѣсяцевъ, въ сущности не имѣвшихъ никакого изящества и никакой художественной цѣны. То же самое слѣдуетъ сказать и о золотыхъ привѣскахъ въ видѣ вазоновъ, амфоръ, якорей, крестиковъ, кружковъ, кубиковъ, подвѣшиваемыхъ на золотыхъ цѣпочкахъ не только къ мелкимъ золотымъ предметамъ въ родѣ головныхъ булавокъ и вѣнчиковъ, но и къ болѣе крупнымъ въ родѣ стеклянныхъ сосудовъ и др. подобныхъ предметовъ. На ряду съ этимъ явленіемъ получаютъ широкое распространеніе скань, зернь, вставки разноцвѣтныхъ камней (альмандиновъ, аметистовъ, сердоликовъ, халцедоновъ, бирюзы и др.), цвѣтныхъ стеколъ, эмали и жемчуга; появляется техника позолоты и покрытія тонкими листками золота серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей, получавшихъ видъ какъ бы настоящихъ золотыхъ издѣлій; замѣчается приливъ стеклянной посуды, часто имитирующей античнымъ формамъ металлическихъ и теракотовыхъ сосудовъ. Въ общемъ, по отношенію къ изящнымъ вещамъ этого времени, можно замѣтить, что чѣмъ онѣ старше, тѣмъ строже ихъ стиль и серьёзнѣе выполненіе, и чѣмъ позже, тѣмъ хуже ихъ стиль и небрежнѣе выполненіе. Повидимому, уже въ III вѣкѣ появляются во-

тивныя вещи, выполненныя съ большою небрежностью изъ тонкихъ листковъ золота въ видѣ головокъ барановъ, трезубцевъ, листьевъ и др. Всѣ эти вещи имѣли широкое распространеніе въ южной Россіи, проникая даже въ Сибирь. Главными центрами ихъ производства служили черноморскіе города, нѣкогда основанные греками и теперь входившіе въ составъ или Римской имперіи или Босфорскаго царства, находившагося въ вассальной зависимости отъ Римской имперіи, въ особенности столица царства Пантикапея, гдѣ этого рода предметы отличались необыкновеннымъ изобиліемъ и являлись продуктомъ, несомнѣнно, мѣстнаго производства.

Пантикапея находилась у Босфорскаго пролива, на мѣстѣ современной Керчи. Ея основаніе относится къ VI вѣку до Р. Хр. и приписывается выходцамъ изъ малоазійскаго греческаго города Милета. Пользуясь выгоднымъ географическимъ положеніемъ, Пантикапея быстро разбогатѣла и стала играть выдающуюся роль среди всѣхъ греческихъ городовъ сѣвернаго Черноморья. Въ V вѣкѣ вокругъ нея уже образовалось самостоятельное Босфорское царство*), состоявшее изъ грековъ и отчасти эллинизированныхъ сарматовъ, просуществовавшее до IV или даже до V вѣка по Р. Хр. Оно управлялось тираннами и царями нѣсколькихъ династій, изъ которыхъ особенно прославились династіи Спартакидовъ и Аспургіановъ. Послѣд-

---

*) *Литература:*

1) А. Б. Ашикъ. „Воспорское царство“.
2) „Древности Босфора Киммерійскаго“ (Antiquités du Bosphore Cimmérien, conservées au Musée Impérial de l'Ermitage), изд. подъ ред. Жиля, Спб., 1854 г., I и II т., съ атласомъ.
3) S. Reinach. „Antiquités du Bosphore Cimmérien“, Paris, 1892.
4) B. Latyschev. „Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Italiae“, Спб., 1890 г.
5) Его же. „Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиоіи и Кавказѣ“, Спб., 1892 г.
6) Ю. Кулаковскій. „Карта Европейской Сарматіи“, Кіевъ, 1899 г.

няя династія получила власть какъ разъ около начала христіанской эры и царствовала почти до конца III вѣка по Р. Хр. Цари ея находились всё время въ зависимости отъ Римской имперіи и часто называли себя именами римскихъ императоровъ. Въ составъ Босфорскаго царства во время аспургіанской династіи, какъ и ранѣе, входили южные берега Крыма до Ѳеодосіи, Таманскій полуостровъ и побережье Азовскаго моря до устья р. Дона (Танаиса).

Главнымъ богатствомъ босфоритянъ являлась торговля хлѣбомъ, часть котораго, по свидѣтельству Страбона, собиралась внутри Босфорскаго царства, а часть получалась изъ сосѣднихъ странъ, гдѣ кочевники за умѣренную плату охотно уступали свои земли подъ пашни босфорскихъ земледѣльцевъ. Повидимому, немаловажную роль играла также и торговля домашнимъ скотомъ, которая велась преимущественно въ трехъ городахъ: 1) Танаидѣ, на устьѣ Дона, 2) Фанагоріи, на восточномъ берегу Босфорскаго (Керченскаго) пролива, и 3) Пантикапеѣ. Города Танаидъ и Фанагорія служили рынками, куда стекались изъ сосѣднихъ степей кочевые народы, а съ моря приплывали греки и жители разныхъ приморскихъ городовъ. Пантикапея же являлась главнымъ складомъ всякихъ товаровъ. Кочевники привозили сюда для продажи рабовъ, скотъ, кожи и другіе сырые продукты. Изъ цивилизованныхъ странъ доставлялись вино, масло, ткани, золотыя и серебряныя украшенія,

---

7) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, вып. I и II, Спб., 1889 г.

8) А. А. Котляревскій. „Обзоръ изслѣдованія о фрескахъ керченской катакомбы“. „Древности“, Труды Имп. Моск. Археолог. Общ., т. VI, в. II, стр. 23—26.

9) С. А. Усовъ. „Объясненіе керченскихъ фресокъ“. Ibid., стр. 27—34.

10) Д. И. Иловайскій. „Нѣсколько замѣчаній о времени и народности керченскихъ фресокъ“. Ibid , стр. 34—40.

11) В. Стасовъ. „Катакомба съ фресками, найденная въ 1872 г. близъ Керчи“. Отчетъ Имп. Археолог. Ком. за 1872 г., стр. 235—339, съ рисунками на табл. I—XVIII, Спб., 1875 г.

стеклянная и терракотовая посуда, бусы и др. Многіе подобные предметы представлялись на рынки и мѣстными босфорскими мастерами.

Объ огромныхъ богатствахъ Босфорскаго царства краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ многочисленныя археологическія находки, сдѣланныя повсюду въ предѣлахъ его владѣній. Многіе открытые здѣсь памятники относятся къ превосходнымъ произведеніямъ античнаго искусства. Изученію ихъ посвящена довольно обширная литература. Но памятники даннаго времени носятъ черты того общаго упадка искусства, какой наблюдается въ это время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Къ памятникамъ этого времени относятъ погребенія въ катакомбахъ, которыя особенно часто встрѣчаются около Керчи, т.-е. древней Пантикапеи, и рѣже вокругъ развалинъ Фанагоріи. Катакомбы вырубались въ скалистыхъ берегахъ или въ слояхъ материковой глины. Входы въ нихъ дѣлались въ видѣ галлереи, иногда облицованной каменными плитами. Изъ галлереи шелъ ступенчатый спускъ внутрь катакомбы, представлявшей обыкновенно обширную комнату съ вырѣзанными въ стѣнахъ ложами для помѣщенія покойниковъ, сопровождавшихся множествомъ разнообразныхъ предметовъ въ видѣ разнаго рода часто драгоцѣнныхъ украшеній, терракотовыхъ сосудовъ, лампъ, статуэтокъ. Но главный интересъ катакомбъ заключается въ ихъ фресковой живописи, гдѣ изображаются разныя бытовыя и миѳологическія сцены. Въ катакомбѣ, открытой

---

12) П. Бутковъ. „О мѣстности г. Танаиса“. „Древности“, Труды Имп. Моск. Археолог. Общ., т. III, в. 2.

13) К. К. Гёрцъ. „Историческій обзоръ археологическихъ изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ“. Ibid., т. VI, в. 1, 2 и 3.

14) И. Е. Забѣлинъ. „Объясненіе Страбоновыхъ свидѣтельствъ о мѣстностяхъ Воспора Киммерійскаго“. Труды III Археолог. Съѣзда въ Кіевѣ, т. II.

15) „Отчеты Имп. Археологической Комиссіи за 1878 и 1879 года“.

16) „Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, т. I.

17) „Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ.“, 1891 г., № 5.

въ 1872 году близъ Керчи, представлены сцены боевой жизни. На одной изъ этихъ сценъ изображенъ всадникъ, покрытый латами и съ шлемомъ на головѣ, направляющій ударъ длиннаго копья въ противника, представленнаго въ видѣ бородатаго пѣшаго воина, вооруженнаго кинжаломъ и ромбическимъ щитомъ. На другой сценѣ представленъ отрядъ воиновъ съ копьями и круглыми щитами, слѣдующихъ за знаменосцемъ. Наконецъ, на третьей сценѣ—бой кавалеристовъ.

На фрескахъ не менѣе извѣстной керченской катакомбы, открытой въ 1877 году, изображены сцены мирной жизни кочевника. Его жилищемъ является круглая палатка, меблированная стульями съ высокими спинками. Снаружи къ палаткѣ прислоняются длинныя копья, а рядомъ на сучьяхъ дерева виситъ лукъ. Внутри и около ютится семья, къ которой стремятся всадники, пасшіе въ степи коней. Всё это живо знакомитъ насъ съ бытомъ одной части населенія Босфорскаго царства.

Покойники, помѣщенные въ катакомбахъ, если ихъ не ограбили, что случается рѣдко, сопровождаются многими, иногда весьма цѣнными, предметами: на головахъ ихъ помѣщаются вѣнки, въ ушахъ—серьги, на шеѣ—ожерелья, на рукахъ—браслеты, перстни, и всё это—изъ золота и разсчитано на ошеломляющій блескъ, показную роскошь, хотя бы и шло въ ущербъ изяществу и капитальности произведеній.

Изъ кавказскихъ древностей времени римскаго владычества наиболѣе замѣчательными представляются Самтаврскій могильникъ Тифлисской губ. и курганныя погребенія Кубанской области.

Самтаврскій могильникъ находится въ долинѣ рѣки Арагвы, близъ Мцхета и Тифлиса *). Въ составъ его вхо-

*) *Литература*:

1) E. Chantre. „Recherches anthropologiques dans le Caucase“, Paris, 1885 г.

дитъ большое число погребеній различныхъ временъ, а между прочимъ и погребенія, относящіяся къ I вѣку по Р. Хр. Одно изъ такихъ погребеній оказалось датированнымъ двумя серебряными монетами римскаго императора Августа, выбитыми во 2-мъ году до Р. Хр., и тремя серебряными парѳянскими монетами приблизительно того же времени. Въ могильной ямѣ этого погребенія находилась гробница въ видѣ ящика, сложеннаго изъ каменныхъ плитъ, сверху покрытаго такими же плитами. Внутри гробницы лежали останки двухъ покойниковъ: мужчины и женщины; оба они были оріентированы головами на востокъ и лицомъ другъ къ другу. Въ головахъ покойниковъ стояли три глиняныхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ содержалъ пшенную кашу. На женскомъ костякѣ оказались слѣдующія украшенія: на головѣ вѣнчикъ изъ золотыхъ зубчатыхъ листочковъ, двѣ золотыхъ серьги съ альмандинами; на шеѣ—разнообразныя бусы; на пальцахъ рукъ—два золотыхъ и три серебряныхъ перстня; металлическое зеркало въ деревянной оправѣ лежало между обоими покойниками. При мужскомъ костякѣ, кромѣ вышеназванныхъ монетъ, никакихъ вещей не оказалось.

Подобныхъ погребеній въ Самтаврскомъ могильникѣ оказалось нѣсколько. Всѣ они одинаково носятъ слѣды римскаго вліянія, а большинство ихъ имѣетъ вещи римскаго или греческаго происхожденія. Особенный интересъ этихъ вещей заключается въ томъ, что онѣ являются древнѣйшими представителями культуры самаго начала средней поры желѣзныхъ орудій. Всматриваясь въ нихъ, легко замѣтить, что онѣ еще близки къ античнымъ вещамъ лучшаго времени: ихъ золото высокопробно, формы изящны и массивны.

2) „Антропологическая Выставка“, т. I, стр. 364, и т. II, стр. 276 и 277.

3) „Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства“, №№ 11 и 12, стр. 105 и 106.

4) „Имп. Россійскій Историческій Музей. Указатель памятниковъ“, Москва, 1893 г., стр. 404—408.

Но на ряду съ ними появляются безвкусныя подѣлки изъ тончайшихъ пластинокъ золота, въ видѣ трехзубчатыхъ листковъ, а также начинаетъ распространяться страсть къ украшенію золотыхъ вещей драгоцѣнными камнями. Въ послѣднемъ признакѣ можно уже видѣть начало выработки такъ называемаго готскаго стиля.

Гораздо распространеннѣе оказалась культура кубанскихъ кургановъ*). Проф. Н. И. Веселовскій пріурочиваетъ её ко II—III вѣкамъ по Р. Хр., выдвигая въ доказательство слѣдующіе мотивы: 1) аналогичныя культуры въ другихъ областяхъ датированы монетами и индикаціями монетъ римскихъ императоровъ II — III вѣка по Р. Хр.; 2) кубанская культура содержитъ значительное количество издѣлій изъ египетской голубоватой пасты, усиленный притокъ которыхъ на Кавказъ и въ русское Черноморье совпадаетъ съ первыми вѣками христіанской эры; и, наконецъ, 3) въ ней изобилуютъ предметы, принадлежность которыхъ къ данному времени прочно установлена, каковы лампочки и канделабры помпейскаго типа, мѣдные ковши римскаго времени, фибулы, чаши изъ красной глины.

Въ составъ изучаемой культуры входитъ множество золотыхъ и рѣже серебряныхъ издѣлій, въ родѣ шейныхъ гривенъ, браслетъ, колецъ, бусъ, серегъ, пряжекъ, головныхъ булавокъ, мелкихъ нашивныхъ бляшекъ и др., затѣмъ бронзовыя издѣлія, изъ которыхъ обращаютъ вниманіе котлы, такъ называемаго скиѳскаго типа, большія, иногда вызолоченныя чаши, или тазы, зеркала и свѣтиль-

*) *Литература*:

1) Н. И. Веселовскій. „Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 341—373.

2) „Отчетъ Имп. Археологической Комиссіи за 1896 г.“, стр. 56—64; за 1898 г., стр. 77 и 78; за 1899 г., стр. 43—51; за 1900 г., стр. 36, 37 и 44; за 1901 г., стр. 66—76; за 1902 г., стр. 65—91.

ники, желѣзное оружіе и орудія, стеклянныя и керамическія издѣлія. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей представляютъ художественныя произведенія; таковы изображенія тритоновъ, разныхъ сценъ изъ греческой миѳологіи, украшающихъ нѣкоторые предметы, глиняные кружки съ оттисками изображеній головы Медузы, иногда покрытые позолотой и др. Но большинство вещей остается почти чуждымъ художественности, представляя изъ себя формы или совсѣмъ лишенныя украшеній, или украшенныя простыми геометрическими узорами. Однако, несмотря на послѣднее явленіе, всѣ онѣ несутъ печать классической культуры, хотя и отживающей свой вѣкъ.

Главная масса предметовъ добыта въ курганахъ Кубанской области. Эти курганы отличаются отъ другихъ особою формою. Въ основаніи они имѣютъ яйцевидное очертаніе, вытянутое съ запада на востокъ, и вершину насыпи не надъ центромъ, а надъ восточною полою. Покойники, обыкновенно, хоронились въ катакомбахъ и только изрѣдка въ ямахъ, вырытыхъ въ грунтѣ, сверху покрытомъ насыпью кургановъ. Входы въ катакомбы всегда шли съ запада и имѣли видъ глубокихъ колодцевъ. Покойниковъ оріентировали головою на югъ и обставляли всѣми по вѣрѣ необходимыми для загробной жизни предметами. Затѣмъ катакомбу закрывали или сырцовымъ кирпичемъ или бревнами. По всѣмъ деталямъ катакомбныя погребенія оказываются совершенно схожими съ открытыми на развалинахъ Ольвіи и относимыми ко II вѣку по Р. Хр. Къ сожалѣнію, огромное большинство кубанскихъ погребеній оказывается ограбленнымъ современниками покойника, хорошо знавшими устройство могилъ и легко проникавшими къ ихъ сокровищамъ.

---

3) „Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи“, вып. 1 и 4.

4) А. А. Спицынъ. „Шаманизмъ въ отношеніи къ русской археологіи“. Записки Имп. Русск. Археолог. Общ., т. XI. Труды Отд. Славянск. и Русск. Археологіи, Спб., 1890 г., стр. 167—176.

Н. И. Веселовскій приписываетъ кубанскія погребенія римлянамъ, основывая свое заключеніе на такихъ подробностяхъ погребальнаго обряда, какія наблюдаются только у римлянъ, и на характерныхъ типахъ предметовъ итальянскаго происхожденія. Между прочимъ къ послѣднимъ имъ отнесены лампы, фибулы, мечи и нѣкоторые другіе. Что касается присутствія среди нихъ греческихъ, точнѣе пантикапейскихъ, издѣлій, то это объясняется близостью и непосредственною географическою связью съ промышленными и торговыми центрами Босфорскаго царства, состоявшаго въ это время въ полной политической зависимости отъ Римской имперіи.

Къ концу изучаемаго времени, повидимому, слѣдуетъ отнести замѣчательный Новочеркасскій кладъ, дающій большое число предметовъ, схожихъ съ кубанскими *). Этотъ кладъ открытъ въ 1865 году въ землѣ Войска Донского, близъ г. Новочеркасска, въ небольшомъ курганѣ Хохлачъ. Въ составъ его входятъ: 1) діадема, сдѣланная изъ листового золота, украшенная: въ срединѣ—художественнымъ бюстомъ женщины-царицы, вырѣзаннымъ изъ аметиста въ античномъ стилѣ, по бокамъ—разноцвѣтными камнями и мелкимъ жемчугомъ, по верхнему краю—золотыми изображеніями оленей съ бирюзовой инкрустаціей, такими же изображеніями птицъ и деревьевъ, выполненныхъ въ грубоватомъ азіатскомъ стилѣ, и, наконецъ, по нижнему краю—большимъ числомъ привѣсокъ; 2) массивное золотое ожерелье или, можетъ быть, также діадема, украшенная двумя рядами грифоновъ грубаго азіатскаго стиля, съ коралловою инкрустаціею и съ топазами на мѣстѣ глазъ; 3) два

*) *Литература*:

1) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, в. III, стр. 132—140.

2) Ch. de Linas. „Les origines de l'orfévrerie cloisonnée“, Paris, 1878 г.

3) Н. И. Веселовскій. „Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 346 и 347.

золотыхъ браслета, сдѣланныхъ изъ массивнаго круглаго дрота, спирально-согнутаго въ пять оборотовъ и законченнаго съ обоихъ концовъ изображеніями фантастическихъ животныхъ грубаго азіатскаго стиля; 4) три золотыхъ складныхъ коробочки съ изображеніемъ въ томъ же стилѣ тигра и орла, терзающихъ оленя; 5) золотой флаконъ для духовъ на золотой цѣпочкѣ, очень похожій на найденный въ Керчи съ изображеніями въ томъ же стилѣ на бокахъ флакона барса и орла, пожирающихъ оленя, а на крышкѣ — бѣгущихъ зайцевъ; 6) золотая статуэтка эрота, или амура, выполненная въ античномъ стилѣ I—II вѣка по Р. Хр.; 7) золотая инкрустированная пластинка съ золотою цѣпочкой; 8) большое число нашивныхъ бляшекъ изъ чистаго золота, часто покрытыхъ эмалевыми, коралловыми и бирюзовыми инкрустаціями, а иногда представляющихъ грубыя изображенія оленей; 9) двѣ золотыхъ круглодонныхъ чаши, изъ которыхъ одна имѣетъ ручку въ видѣ оленя[1]); и 10) золотой футляръ (капторга), съ золотою цѣпочкой, покрытый изображеніями грызущихъ другъ друга животныхъ, выполненными рѣзнымъ горельефомъ въ азіатскомъ стилѣ. Въ общемъ Новочеркасскій кладъ носитъ варварскій характеръ, указывающій на принадлежность клада какому-нибудь народу, вышедшему изъ Азіи. Судя же по античнымъ вещамъ, время которыхъ опредѣляется довольно точно, и чрезмѣрному употребленію цвѣтныхъ инкрустацій, время его можно пріурочить къ концу III вѣка по Р. Хр.

---

[1]) Подобный золотой сосудъ былъ найденъ въ станицѣ Мигулинской и пріобрѣтенъ гр. А. С. Уваровымъ. По верхнему краю сосуда, украшенному инкрустаціей, имѣется греческая надпись загадочнаго содержанія, сдѣланная, по мнѣнію В. В. Латышева, во II в. по Р. Хр. Сосудъ описанъ архимандр. Амфилохіемъ въ статьѣ „Находка древностей въ юртѣ станицы Мигулинской на Дону“ („Древности“, Труды Имп. Моск. Археолог. Общ., т. I, стр. 197—200).

Авт.

Гораздо ближе къ кубанской культурѣ оказалась культура, открытая въ двухъ курганахъ Харьковской губерніи[1]). Въ число ея предметовъ входятъ нашивныя золотыя бляшки, въ видѣ ромбовъ, крестовъ, якорьковъ и др. Особенно богато одно золотое ожерелье, состоящее изъ цѣпочки и нѣсколькихъ медаліоновъ, украшенныхъ альмандинами и жемчугомъ.

Наконецъ, самая отдаленная находка этого рода сдѣлана въ долинѣ р. Псла, Обоянскаго уѣзда, Курской губ.[2]). Въ составъ ея вошли: шейная гривна, отлитая изъ сплава золота, мѣди и цинка, стеклянный фіалъ, или чаша, съ изображеніемъ Бахуса и большое количество золотыхъ нашивныхъ бляшекъ обычныхъ для изучаемаго времени типовъ. Гр. А. С. Уваровъ сближалъ эти вещи съ видѣнными имъ въ Ольвіи [3]).

Проникновеніе подобныхъ памятниковъ далѣе къ сѣверу Россіи не наблюдается, но проф. Н. И. Веселовскій

---

[1]) Е. П. Трефильевъ. „Археологическая экскурсія въ Купянскій уѣздъ, Харьковской губ., лѣтомъ 1901 года". Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 136—138. — В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ". Ibid., стр. 210 и 237.

[2]) „Временникъ Имп. Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", кн. 16, Смѣсь, стр. 68. — „Имп. Россійскій Историческій Музей. Указатель памятниковъ", Москва, 1893 г., стр. 154 и 155.

[3]) Ольвія, основанная въ VII вѣкѣ до Р. Хр. милетцами, просуществовала до VI вѣка по Р. Хр. Ея цвѣтущее состояніе совпадаетъ со временемъ до Р. Хр.; послѣ же начала христіанской эры Ольвія приходитъ въ упадокъ, хотя и въ это время продолжаетъ оказывать сильное культурное вліяніе на сосѣднихъ варваровъ. Для перваго ознакомленія съ ольвійскими древностями рекомендуемъ: 1) „Отчеты" и „Извѣстія" Имп. Археолог. Ком. за послѣдніе года, гдѣ часто прилагаются планы раскопокъ и фототипіи съ наиболѣе важныхъ находокъ. 2) „Имп. Россійскій Истор. Музей. Указатель памятниковъ", Москва, 1893 г. 3) В. В. Латышева, „Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи", Спб., 1887 г. 4) Его же, „Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ", Спб., 1893 г. 5) Э. Р. фонъ-Штерна, „Античная глазированная посуда съ юга Россіи", Одесса, 1899 г. *Авт.*

указываетъ явленіе ихъ въ Сибири и Средней Азіи. Несомнѣнно, широкимъ распространеніемъ эти вещи обязаны вліянію Римской имперіи, возбуждавшей своимъ величіемъ всеобщее вниманіе народовъ Стараго свѣта и вызывавшей желаніе вступить съ нею въ дѣловыя сношенія.

Вмѣстѣ съ вещами и, повидимому, въ большомъ количествѣ распространялись по всей южной Россіи римскія и отчасти босфорскія монеты. Изданныя въ спеціальныхъ археологическихъ картахъ, онѣ еще полнѣе иллюстрируютъ какъ оживленныя сношенія варваровъ съ Римской имперіей, такъ и тѣ районы, гдѣ эти варвары обитали. Наибо́льшій притокъ такихъ монетъ, совпадая съ I—III вѣками по Р. Хр., растекается по водоемамъ рѣкъ Кубани, Дона, Днѣпра и Вислы*). Несомнѣнно, онѣ попадали сюда глав-

*) *Литература:*

1) Д. Я. Самоквасовъ. „О происхожденіи русскихъ и польскихъ славянъ и причинѣ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ землѣ древнихъ руссовъ и ляховъ". Труды VIII Археолог. Съѣзда, т. 3, стр. 31—43.

2) В. Е. Данилевичъ. „Монетные клады Кіевской губерніи до первой четверти XV столѣтія". Труды IX Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 260—264.

3) Его же. „Карта монетныхъ кладовъ и находокъ единичныхъ монетъ Харьковской губерніи". Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 378—379 и др

4) Его же. „Монетные клады Екатеринославской губ.", Харьковъ, 1904 г.

5) В. Б. Антоновичъ. „Археологическая карта Кіевской губ." Приложеніе къ XV т. „Древностей", Москва, 1895 г.

6) Его же. „Археологическая карта Волынской губ." Труды XI Археолог. Съѣзда, т. I.

7) В. Г. Ляскоронскій. „Находки римскихъ монетъ въ области средняго Приднѣпровья". Ibid., стр. 458—461.

8) О. Сѣцинскій. „Археологическая карта Подольской губ." Ibid.

9) Д. И. Багалѣй „Объяснительный текстъ къ археологической картѣ Харьковской губ." Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I.

10) В. А. Городцовъ. „Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки". Ibid.

11) A. Hackman. „Die Funde aus den fünfe ersten Jahrhunderten n. Chr.", Helsingfors, 1905.

нымъ образомъ путемъ торговыхъ сношеній. Такимъ же путемъ онѣ проникали и далѣе въ среднюю и даже сѣверную Россію, гдѣ находки ихъ, однако, представляютъ явленія очень рѣдкія.

Движеніе западно-европейскихъ народовъ въ Россію.

Народъ днѣпровскихъ полей погребальныхъ урнъ *). Вопросъ о народѣ, оставившемъ поля погребальныхъ урнъ, интересуетъ многихъ ученыхъ, при чемъ согласнаго рѣшенія до сихъ поръ не получено. Установлено только, что народъ принадлежалъ къ славяно-германской семьѣ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ русскихъ изслѣдователей считаютъ возможнымъ приписывать днѣпровскія поля погребальныхъ урнъ славянамъ. Если это такъ, то въ нихъ мы имѣемъ древнѣйшіе памятники нашихъ предковъ, хотя необходимо замѣтить, что преемственной связи позднѣйшихъ славянскихъ памятниковъ въ Россіи съ описываемыми еще не установлено, и разница между ними представляется значительною.

Поля погребальныхъ урнъ, или поля погребеній (champs d'urnes, Urnenfelder), представляютъ могильники безъ земляныхъ насыпей или съ едва замѣтными насыпями. Такіе могильники, обыкновенно, планируются на открытыхъ ровныхъ, иногда нѣсколько возвышенныхъ, площадяхъ. Въ могилахъ встрѣчаются остатки сожженій и цѣлые костяки, представляющіе остатки простыхъ погребеній. Остатки сожженій, въ видѣ обугленныхъ и растрескавшихся на мелкіе куски человѣческихъ костей и попорченныхъ огнемъ металлическихъ предметовъ, полагаются въ глиняную урну, которая ставится на дно неглубокой ямы, гдѣ и окружается другими глиняными сосудами. Рѣже сожжённыя кости

*) *Литература:*

1) В. В. Хвойко. „Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ“, Спб., 1901 г.

2) В. Е. Данилевичъ. „Курсъ русскихъ древностей“, Кіевъ, 1908 г.

покойниковъ кладутся прямо на дно ямы и обставляются сосудами. При простыхъ погребеніяхъ ямы вырываются глубже, покойники полагаются безъ строго опредѣленной оріентировки, чаще въ вытянутомъ и рѣже въ скорченномъ положеніи. Древнѣйшія поля погребальныхъ урнъ открыты въ Средней Европѣ. „Если мы бросимъ взглядъ на страны Средней Европы, говоритъ Л. Нидерле, въ которыхъ встрѣчаются такія поля погребальныхъ урнъ наиболѣе древняго типа, то увидимъ, что они ограничиваются только слѣдующими мѣстностями: Лузаціей (областью лужичанъ), Бранденбургомъ, Силезіей, Моравіей, Австріей, сѣверной Венгріей, Галиціей и Познанью. Въ Чехіи они встрѣчаются только въ сѣверной и восточной ея частяхъ, главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Лабы (Эльбы)“. Повидимому, къ болѣе позднему времени относятся могильники этого рода, открытые въ западной Германіи, Галліи, Англіи, а также и въ Россіи.

Возникновеніе полей погребальныхъ урнъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторитетныхъ археологовъ, относится къ бронзовой эпохѣ, а конецъ существованія ихъ—къ средней порѣ желѣзныхъ орудій. Центромъ распространенія полей служатъ сѣверные отроги Карпатскихъ горъ, откуда они распространились во всѣ стороны. Проникновеніе ихъ въ Приднѣпровье, повидимому, совершилось очень поздно. Самый типичный могильникъ, открытый въ окрестностяхъ с. Черняхова, Кіевской губ., датируется римскими монетами II вѣка по Р. Хр.; на то же время указываютъ и арбалетныя фибулы, сопровождающія погребенія.

Несмотря на недавнее открытіе полей погребальныхъ урнъ въ предѣлахъ Россіи, выясненная площадь ихъ распространенія достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Такъ по-

---

3) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, Спб., 1898 г.

4) J. L. Píč. „Starožitnosti Země České“. Въ этомъ замѣчательномъ многотомномъ трудѣ д-ръ Пичъ даетъ подробный обзоръ всѣхъ извѣстныхъ въ Средней Европѣ полей погребальныхъ урнъ, нанося ихъ на карты.

добные могильники указываютъ въ губерніяхъ Кіевской, Черниговской, Харьковской и др. Вліяніе же этой культуры замѣтно на берегахъ р. Оки и ея притоковъ.

Изъ вещей, сопровождающихъ поля погребальныхъ урнъ, обращаютъ вниманіе серебряныя, бронзовыя и желѣзныя фибулы, изъ которыхъ особенно характерны небольшія арбалетныя фибулы, бусы изъ сердолика, янтаря, коралла, стекла и разныхъ композицій, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія синія четырехгранныя бусы съ бѣлыми ромбическими глазками на каждой грани, костяные гребни, совершенно одинаковые съ находимыми въ Ольвіи и Пантикапеѣ, бронзовыя булавки съ эсовидными завитками, иглы, шила, кольца, желѣзные ножи, серпы и др. Но самыми интересными представляются глиняные сосуды. Одни изъ нихъ сдѣланы отъ руки, другіе—на гончарномъ кругѣ. Первые отличаются простотой, вторые—разнообразіемъ формъ и орнамента. Послѣдніе часто имѣютъ красивую темную глянцевидную поверхность, украшенную разнообразными линіями, кружками и звѣздочками. Интересно, что обломки совершенно такихъ же сосудовъ съ орнаментомъ изъ пересѣкающихся линій и оттиснутыхъ крестчатыхъ звѣздочекъ найдены Н. И. Булычевымъ на р. Серенѣ, лѣвомъ притокѣ Оки, въ древнемъ городищѣ Городцѣ[1]), Калужской губ., а обломки темныхъ глянцовитыхъ сосудовъ мною найдены въ Конищевскомъ городищѣ, недалеко отъ Рязани. Очевидно, жители береговъ Оки, около II вѣка по Р. Хр., имѣли оживленныя сношенія съ жителями Приднѣпровья и пользовались издѣліями послѣднихъ, такъ какъ описываемая керамика въ области Оки имѣетъ всѣ

5) Его же. „Přehled České archaeologie“, Praga, 1908.

6) Б. И. Ханенко. „Древности Приднѣпровья“, вып. IV. Кромѣ сего имѣется довольно обширная литература на нѣмецкомъ языкѣ, принадлежащая германскимъ и австрійскимъ археологамъ.

[1]) Н. И. Булычевъ. „Журналъ раскопокъ по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Волги и Днѣпра“, Москва, 1899 г., табл. XXIV, рис. 12, и табл. XXXIV, рис. 4.

признаки привознаго товара. То же слѣдуетъ сказать и относительно мелкихъ арбалетныхъ фибулъ, встрѣченныхъ въ одномъ изъ финскихъ рязанскихъ могильниковъ [1]) и оказавшихся какъ бы одного штампа съ фибулами Черняховскаго могильника.

Что касается быта приднѣпровскихъ обитателей, то таковой представляется вполнѣ осѣдлымъ, обогащеннымъ не только стадными домашними животными, но и птицами, въ родѣ куръ, а также и плодами земледѣлія. Любопытно, что одинъ черепъ Черняховскаго могильника оказался еще при жизни покойника трепанированнымъ, а другой— деформированнымъ. Первый признакъ какъ бы указываетъ на знаніе хирургіи, другой — на сродство народности съ готами, у которыхъ деформированіе череповъ пользовалось широкимъ распространеніемъ.

Въ общемъ поля погребальныхъ урнъ представляютъ выдающійся интересъ и заслуживаютъ серьёзнаго вниманія.

*Готы**). По сохранившемуся преданію, готы первоначально жили въ Скандинавіи, откуда, переправившись черезъ Балтійское море, заняли область по нижнему теченію р. Вислы, оказавшись среди славянскихъ, литовскихъ и отчасти финскихъ племенъ. Древнѣйшее упоминаніе о готахъ въ Привислянской области относится къ IV вѣку до Р. Хр. Въ первой половинѣ II вѣка по Р. Хр. они остаются въ той же области, но къ концу этого вѣка они быстро начинаютъ распространять свои владѣнія въ направленіи устья р. Дуная и сѣвернаго побережья Чернаго моря, которыми и овладѣваютъ въ началѣ III вѣка.

---

[1]) „Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея за 1907 г.“, стр. 12.

*) *Литература*:

1) В. В. Латышевъ. „Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ“, в. I, Клавдія Птоломея географическое руководство, стр. 231.

2) Ю. Кулаковскій. „Карта Европейской Сарматіи по Птоломею“, Кіевъ, 1899 г.

Въ 238 году по Р. Хр. произошло первое столкновеніе готовъ съ римлянами. Въ 251 году готы, проникнувъ во Ѳракію, разбили при Арбиттѣ, близъ современной Варны, римскую армію, потерявшую убитымъ своего императора Деція, и съ этихъ поръ стали господами почти всего Черноморья, наводя ужасъ на Грецію. Босфорское царство, чтобы спасти тѣнь своей независимости, поспѣшило вступить въ союзъ съ готами и передало имъ весь свой флотъ, пользуясь которымъ готы опустошили не только кавказское и малоазійское побережья Чернаго моря, но и многіе берега Греціи, а также острова Средиземнаго моря.

Занявши обширнѣйшія области, готы вскорѣ раздѣлились на двѣ вѣтви: восточную и западную и стали называться остготами и вестготами. Остготы владѣли всѣмъ русскимъ Черноморьемъ, включая отчасти Кавказъ, гдѣ осѣли готы, названные тетраскитами. Наибо́льшаго могущества остготы достигли въ царствованіе Германриха, овладѣвшаго бо́льшею частью нынѣшней Европейской Россіи, но при немъ же они и пали. Въ 375 году на остготовъ обрушились гунны и нанесли имъ такой разгромъ, что Германрихъ въ отчаяніи лишилъ себя жизни, а сынъ его Гунимундъ съ большою частью остготовъ принялъ подданство гуннамъ и вмѣстѣ съ ними напалъ на другую часть остготовъ и вестготовъ, не выдержавшихъ такого натиска и начавшихъ своимъ отступленіемъ на западъ такъ называемое „великое переселеніе народовъ“. Послѣ этого въ

3) Ю. Венелинъ. „О готахъ“, Москва, 1843 г.

4) Ф. Брунъ. „Черноморье“, ч. II, Одесса, 1880 г.; IV. „Черноморскіе готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи“. Эта глава печаталась также въ Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. 24, стр. 1—60.

5) Его же. „О родствѣ готовъ съ даками, сихъ послѣднихъ съ славянами и румынъ съ римлянами“.

6) А. Куникъ. „О запискѣ Готскаго топарха“, Спб., 1874 г.

7) В. Г. Васильевскій. „Русско-византійскіе отрывки“, VII. Житіе Іоанна Готскаго. Журн. Мин. Народн. Просв. 1878 г., ч. CXCV, стр. 86—154.

предѣлахъ Россіи осталась лишь небольшая часть готовъ, удержавшаяся въ Крыму и Тамани (Фанагоріи). Въ концѣ IV вѣка эти готы считались христіанами, имѣли епископа и удержали свою политическую самостоятельность до VIII вѣка. Борясь съ хазарами въ X вѣкѣ, они искали защиты у могущественнаго князя, жившаго къ сѣверу отъ Дуная, въ которомъ всѣ изслѣдователи узнаютъ одного изъ великихъ кіевскихъ князей. Между прочимъ, съ этимъ событіемъ связываютъ возникновеніе русскихъ владѣній въ Тмутаракани (Фанагоріи). Позже крымскіе и таманскіе готы входятъ сначала въ составъ Византіи, а затѣмъ Татарской орды. Въ XV вѣкѣ крымскіе готы еще говорили на древне-готскомъ языкѣ, близкомъ къ нѣмецкому. Въ слѣдующихъ вѣкахъ они совершенно изчезаютъ, смѣшавшись съ татарами.

Такова въ общихъ чертахъ исторія готовъ. Для бытовой археологіи имѣетъ особенный интересъ болѣе ранній ея періодъ, когда подъ готскимъ вліяніемъ создался въ искусствѣ особенный стиль, названный готскимъ. Истинными авторами этого стиля, несомнѣнно, были греки. Уже въ самомъ началѣ средней поры желѣзныхъ орудій въ греческомъ искусствѣ появляется мода украшать золотыя и серебряныя ювелирныя издѣлія драгоцѣнными камнями и разноцвѣтными стеклами. Съ теченіемъ времени эта мода получила широкое распространеніе, проникнувъ въ Среднюю Азію и Сибирь, гдѣ ей придали особый восточный

---

8) Л. Нидерле. „Человѣчество въ доисторическія времена“, Спб., 1898 г., стр. 493—520.

9) Э. Р. фонъ-Штернъ. „Къ вопросу о происхожденіи „готскаго стиля“ предметовъ ювелирнаго искусства“. Записки Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XX.

10) Б. И. Ханенко. „Древности Приднѣпровья“, в. IV.

11) А. А. Спицынъ. „Вещи съ инкрустаціей изъ Керченскихъ катакомбъ, 1904 г.

12) Его же. „Къ вопросу о происхожденіи такъ называемыхъ готскихъ фибулъ.

характеръ, отличающійся вычурностью, а иногда и полнымъ уродствомъ декоративныхъ изображеній животныхъ, птицъ и человѣка, нелѣпо испещренныхъ драгоцѣнными камнями и эмалями. Ко времени появленія готовъ на берегахъ Чернаго моря восточный азіатскій стиль, вмѣстѣ съ кочевниками, началъ проникать въ ту же область, гдѣ вновь подвергся вліянію античнаго искусства, что особенно хорошо выразилось въ вещахъ Новочеркасскаго клада. Готы, проникнувъ въ Черноморье, быстро усвоили себѣ новый стиль, корни котораго процвѣтали, по словамъ Э. Р. фонъ-Штерна, въ Эфесѣ, въ городахъ Виѳиніи и подъ ихъ вліяніемъ и въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Усвояя этотъ стиль, готы сами наложили на него особую печать искусства и въ этомъ видѣ распространили по всему длинному пути своихъ передвиженій, что и даетъ нѣкоторое (условное) право называть стиль ихъ именемъ.

Готскій стиль характеризуется рѣзко выраженными геометрическими формами, которыя скрашены разноцвѣтными вставками эмалей, стеколъ, драгоцѣнныхъ камней и дополнены головками животныхъ, птицъ и человѣка. Въ общемъ стиль представляется строгимъ и далёкимъ отъ натуры. Растительный декоръ, столь оживляющій поверхности изящныхъ ювелирныхъ издѣлій, почти совсѣмъ отсутствуетъ, за то широкимъ распространеніемъ пользуются геометрическія прорѣзи, придающія стилю особенную сухость.

13) Его же. „Предметы съ выемчатою эмалью“, Спб., 1903 г.
14) Н. Рѣпниковъ. „Нѣкоторые могильники области крымскихъ готовъ“.
15) Baron de Baye. „La bijouterie des Goths en Russie“, Paris, 1892.
16) Его же. „Les fibules de l'époque barbare spéciales à l'Ukraine et leurs prototypes“, 1908 г.
17) Его же. „Les tombeaux des Goths en Crimée“, Paris, 1908.
18) В. Ѳ. Миллеръ. „Археологическія развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ“. „Древности“, т. II.
19) А. Харузинъ. „Могилы Гурзуфа и Гугуша“. Изв. Имп. Моск. Общ. Люб. Естествозн. и Антроп., т. LXIV, стр. 5.

Что описываемый стиль выработанъ подъ вліяніемъ готовъ, доказывается какъ тѣмъ, что онъ сопровождаетъ готскую культуру всюду, куда она только проникала, такъ и еще болѣе тѣмъ, что этотъ стиль удержался долѣе или на мѣстахъ позднѣйшей готской осѣдлости, напримѣръ, въ Крыму, или въ мѣстахъ непосредственнаго культурнаго готскаго вліянія, напримѣръ, въ германскихъ земляхъ.

Наиболѣе характерными и стильными среди металлическихъ готскихъ украшеній являются фибулы и поясныя пряжки. Эти предметы вырабатывались чаще всего изъ бронзы, серебра, бѣлаго металлическаго сплава и золота. Послѣднее часто расходовалось весьма экономно, покрывая бронзовыя вещи въ видѣ тончайшихъ листковъ. Готскія фибулы отличаются совершенно оригинальными формами. Мы остановимся на болѣе выразительныхъ изъ нихъ.

Пальчатыя фибулы (fibules doigtées) состоятъ изъ двухъ щитковъ, соединенныхъ дуговиднымъ перехватомъ. Верхній щитокъ, обыкновенно, имѣетъ форму полукруга, украшеннаго однимъ, тремя, а чаще пятью округленными выступами (пальцами), которые иногда замѣняются головками коней, птицъ и человѣка. Эта самая характерная форма фибулъ, по мнѣнію А. А. Спицына, получила начало отъ фибулъ, изображавшихъ въ крайне схематическомъ видѣ человѣка. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ, повидимому, болѣе архаическихъ фибулахъ можно легко усмотрѣть фигуру человѣка, иногда сопровождаемую звѣринымъ орнаментомъ. Впослѣдствіи первоначальный смыслъ фигуры утра-

20) І. Р. Аспелинъ. „Слѣды вліянія готовъ въ сѣверной половинѣ Россіи“. Труды VIII Археолог. Съѣзда, т. III.

21) A. Götze. „Gotische Schnallen“.

22) Гр. П. С. Уварова. „Могильники Сѣвернаго Кавказа“.

23) A. Odobesco. „Le trésor de Pétrossa“, Paris, 1900.

24) O. M. Dalton. „The treasure of the Oxus“, London, 1905.

25) Н. И. Булычевъ. „Журналъ раскопокъ по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Волги и Днѣпра“, Москва, 1899 г.

26) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, в. III.

тился, и она стала трактоваться, какъ простая геометрическая фигура, сопровождаемая крайне схематичными головками животныхъ и птицъ, но изображеніе человѣческой головы на центральномъ мѣстѣ наблюдается и въ этой стадіи развитія фибулы.

Слѣдующую форму представляютъ прорѣзныя фибулы, украшенныя головками коней и соколовъ на крутоизогнутыхъ шеяхъ. Эти фибулы, несомнѣнно, генетически связаны съ предшествующими. По поводу наиболѣе обычнаго украшенія ихъ головками коней существуетъ мнѣніе, что оно имѣетъ мистическое значеніе, такъ какъ съ лошадиными головами у многихъ народовъ связывались суевѣрныя представленія. Такъ скандинавы выставляли вокругъ своихъ жилищъ шесты съ конскими черепами, вѣря, что они ограждаютъ домашній очагъ отъ всякаго зла. Такой взглядъ существовалъ у финновъ и славянъ, изъ которыхъ послѣдніе древній обычай обставлять жилища конскими черепами увѣковѣчили въ архитектурной отдѣлкѣ домовыхъ крышъ, заканчиваемыхъ изображеніями двухъ конскихъ головъ, обращенныхъ въ разныя стороны. Такое же мистическое значеніе должны имѣть и головки соколовъ, или вообще хищныхъ птицъ, при чемъ заимствованіе ихъ съ Востока представляется весьма правдоподобнымъ.

Прорѣзныя фибулы въ видѣ узкихъ трехугольныхъ пластинъ съ вершинами, которыя или отрѣзаны или украшены фигурами ромбовъ съ круглыми выступами на ихъ углахъ, представляютъ форму наиболѣе удаленную, но, повидимому, всё же генетически связанную съ обѣими предшествующими. Прорѣзи ихъ имѣютъ простыя геометрическія фигуры продолговатыхъ трехугольниковъ, ромбовъ, круговъ и т. п.; поверхности, обыкновенно, покрываются выемчатою эмалью. Эти фибулы совершенно схожи со шведскими, отличаясь только тѣмъ, что эмаль ихъ имѣетъ цвѣтъ красный и бирюзовый, тогда какъ эмаль шведскихъ фибулъ имѣетъ одинъ красный цвѣтъ.

Особенною тщательностью отдѣлки отличались поясныя пряжки, состоявшія изъ кольца, застёжки и обоймы. Кольцу часто придавали видъ двуглавой змѣи съ глазами, которыя были выполнены драгоцѣнными камнями или стеклами. Застёжка обыкновенно изображала клювъ или голову съ вытянутой шеей хищной птицы, а обойма представляла четырехугольный щитъ, законченный головой сокола, или геральдическій щитъ, суженный къ низу. Всѣ поверхности колецъ, застёжекъ и обоймъ тщательно покрывались геометрическимъ или звѣринымъ орнаментами, цвѣтными стеклами и драгоцѣнными камнями. Такія пряжки найдены въ Крыму, Австріи, Италіи и вообще во всѣхъ мѣстахъ болѣе продолжительныхъ стоянокъ готовъ.

Изъ другихъ типовъ пряжекъ заслуживаютъ вниманія: 1) подковообразный типъ съ эмалевою инкрустаціею; 2) спрутообразный типъ, въ которомъ обойма и кольцо составляютъ одно цѣлое и напоминаютъ стилизованное изображеніе спрута, принимающее въ дальнѣйшихъ варіантахъ видъ простого геральдическаго щитка; и, наконецъ, 3) типъ небольшихъ пряжекъ съ узкой, фигурно-обрѣзанной обоймой, также составляющей одно цѣлое съ кольцомъ. Всѣ эти типы относятся, однако, уже къ болѣе позднему времени.

Весьма характерными представляются прорѣзныя бляхи, по своему стилю совершенно тождественныя съ прорѣзными геометрическими фибулами. Назначеніе этихъ бляхъ не выяснено. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что онѣ служили исключительно для украшенія конскихъ уздечекъ, но другіе видятъ въ нихъ также и принадлежности личнаго наряда.

Заслуживаютъ вниманія часто встрѣчаемыя луновидныя привѣски съ концами, украшенными разнообразными, но чаще крестовидными придатками. Всѣ эти вещицы являются украшенными выемчатою эмалью.

Изъ другихъ предметовъ слѣдуетъ упомянуть о браслетахъ и серьгахъ. Браслеты принадлежатъ къ разнымъ

типамъ. Въ сопровожденіи прорѣзныхъ геометрическихъ фибулъ и бляхъ являются чрезвычайно оригинальные плоскіе массивные браслеты, украшенные характерными поперечными гребнями, прорѣзями и выемчатою эмалью. Въ сопровожденіи прорѣзныхъ фибулъ съ головками коней являются браслеты съ полыми сильно расширенными концами, спирально-заходящими другъ за друга. Наконецъ, въ сопровожденіи пальчатыхъ и человѣкообразныхъ фибулъ, выступаютъ массивные круглые браслеты съ утолщенными концами, иногда обработанными въ формы стилизованныхъ головокъ львовъ и змѣй. Ближайшими прототипами ихъ являются золотые браслеты, найденные на берегахъ р. Оксуса (Аму-Дарьи), въ Туркестанѣ, а болѣе отдаленные — въ браслетахъ Месопотаміи, гдѣ они получили окончательное развитіе еще въ началѣ ранней поры желѣзныхъ орудій.

Серьги пользовались широкимъ распространеніемъ; изъ нихъ наиболѣе типичны представляющія видъ кольца съ круглымъ щиткомъ внизу. Это—серьги такъ называемаго меровингскаго типа. Щитъ то украшается головками птицъ, то трехугольными выступами, покрытыми зернью, то прорѣзями. Въ болѣе позднихъ культурахъ становятся очень характерными золотыя серьги съ одной крупной золотой бусиной болѣе или менѣе кубической формы съ округленными углами, украшенной драгоцѣнными камнями и зернью. Этотъ типъ серегъ заимствованъ съ магометанскаго Востока. Другія же формы болѣе древнихъ серегъ оказываются копіями или варіантами античныхъ образцовъ.

Площадью распространенія вещей готскаго стиля служила значительная часть Европейской Россіи: ихъ находятъ на Кавказѣ, по всей полосѣ южно-русской степи и въ области средне-русскаго лѣса. До сихъ поръ, однако, находки такихъ вещей носятъ какой-то отрывочный характеръ. Наибольшее число находокъ сдѣлано на Кавказѣ, въ Крыму, на Днѣпрѣ и Окѣ.

Среди кавказскихъ замѣчательны находки, сдѣланныя близъ ауловъ Камунты, Кумбулте и Рутхи. Въ составъ ихъ входятъ золотыя, мѣдныя съ накладнымъ золотомъ и просто мѣдныя вещи, обильно украшенныя гранатами, цвѣтными стеклами и эмалью. Гр. П. С. Уварова относитъ эти вещи къ VI—VII вѣкамъ по Р. Хр. и указываетъ на единство ихъ техники съ западно-европейскими вещами такъ называемаго меровингскаго (готскаго) стиля.

Гораздо интереснѣе крымскія находки. Мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя происходятъ изъ Керченскихъ катакомбъ и могильника Суукъ-Су.

Въ 1904 году керченскіе кладоискатели („счастливчики“) напали на двѣ нетронутыя древнія катакомбы, расположенныя въ самомъ г. Керчи. Время катакомбъ опредѣлилось золотыми монетами и золотыми индикаціями монетъ императора Констанція II, царствовавшаго въ 317—361 годахъ, и Валентиніана III, царствовавшаго въ 425—455 годахъ по Р. Хр. Въ составъ вещей вошли обломки рукоятки меча, оправленной въ золото и украшенной альмандинами, разной формы золотыя бляшки, пара великолѣпныхъ плоскихъ браслетъ со звѣриными головками, поддерживающими большіе круглые щитки, двѣ пары золотыхъ серегъ, мѣдная фибула въ видѣ мухи, обложенная листкомъ изъ блѣднаго золота, украшенная янтаремъ и зернью, пара серебряныхъ однопальчатыхъ фибулъ, обтянутыхъ золотымъ листкомъ и украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Всѣ эти вещи оказались одного стиля и отличаются высокой техникой. А. А. Спицынъ не допускаетъ, чтобы такая техника была въ Керчи въ данное время мѣстною и потому склоняется къ мысли, что вещи явились въ Крымъ въ качествѣ привознаго товара изъ болѣе культурныхъ центровъ. Если такая мысль вѣрна, то мы въ данныхъ вещахъ имѣемъ дѣло съ тѣми образцами, отъ которыхъ получилъ непосредственное начало готскій стиль. Но такъ какъ среди этихъ вещей замѣчаются предметы, которые болѣе всего характерны для гот-

ской или даже вообще скандинавской культуры, каковы, напримѣръ, узкіе наконечники ремней и пальчатыя фибулы, и такъ какъ по своей техникѣ эти предметы совершенно схожи съ остальными, то возможно допустить, что всѣ они изготовлены въ крымскихъ ювелирныхъ мастерскихъ, при чемъ художниками ихъ могли быть греки, а употреблявшіеся для украшенія ихъ драгоцѣнные камни и стекла могли быть привозимы изъ другихъ странъ. Во всякомъ случаѣ, имѣется основаніе разсматривать керченскія вещи, какъ прикосновенныя къ „готскому стилю", разумѣя подъ этимъ, какъ было замѣчено, стиль, условно связанный съ готами.

Безспорными готскими памятниками считаются добытые въ могильникѣ Суукъ-Су. Этотъ могильникъ находится въ двухъ верстахъ къ востоку отъ Гурзуфа. Въ его напластованіи замѣчены два рѣзко выраженные слоя, каждый съ особымъ типомъ погребеній и сопровождающихъ ихъ вещей. Въ нижнемъ слоѣ покойники лежатъ или въ ямахъ, покрытыхъ досками, или въ катакомбахъ (земляныхъ склепахъ); въ верхнемъ слоѣ они покоятся въ каменныхъ ящикахъ, составленныхъ изъ плитъ и сверху прикрытыхъ такими же плитами. Погребенія нижняго слоя датируются монетами V^ и начала V^II вѣка по Р. Хр., но среди нихъ имѣются и болѣе древнія. Нѣкоторые покойники этого слоя оказались съ деформированными черепами. Погребенія верхняго слоя относятся, приблизительно, къ IX—XI вѣкамъ.

Въ инвентарь нижняго слоя погребеній входятъ серьги, разнообразныя бусы, привѣски, бляшки, большія, преимущественно пальчатыя, фибулы, поясныя пряжки съ обоймами, перстни, браслеты и разная мелочь. Почти всѣ эти вещи выдержаны въ готскомъ стилѣ.

Инвентарь верхняго слоя погребеній отличается бѣдностью. Входящіе въ составъ его вещи представляютъ или образцы окончательно выраждающагося готскаго стиля или образцы совершенно чуждаго стиля. Таковы крестики,

центромъ выработки которыхъ служилъ Херсонесъ, или Корсунь, сообщившій имъ названіе „корсунскихъ крестовъ“.

Изъ днѣпровскихъ особенно замѣчательными представляются золотыя вещи изъ клада, найденнаго гдѣ-то въ предѣлахъ Кіевской губерніи случайно, и многочисленныя вещи изъ Пастырскаго городища.

Въ составъ клада вошли одна золотая инкрустированная пряжка, одинъ золотой браслетъ со звѣриными головками на концахъ и нѣсколько кусковъ массивной золотой гривны [1]). По стилю эти вещи близки къ вещамъ вышеописанныхъ керченскихъ катакомбъ.

Въ Пастырскомъ городищѣ открыто цѣлое культурное наслоеніе, указывающее на обитаніе городища во время готскаго владычества въ южной Россіи. Изъ найденныхъ въ этомъ слоѣ вещей особенно характерны прорѣзныя съ конскими и соколиными головками фибулы, затѣмъ серьги съ круглыми щитками внизу, браслеты съ широкими дутыми концами, иногда заходящими спирально другъ за друга, и многіе другіе предметы.

Кромѣ того, въ Приднѣпровьѣ въ разныхъ пунктахъ найдены весьма характерныя луновидныя привѣски, прорѣзныя болѣе или менѣе трехугольныя фибулы и бляхи и подковообразныя пряжки, всѣ украшенныя выемчатыми цвѣтными эмалями. Въ общемъ число подобныхъ находокъ въ Приднѣпровьѣ весьма значительно.

Не рѣдки онѣ и въ области Оки. Особенно замѣчателенъ кладъ, найденный Н. И. Булычевымъ въ Мощинскомъ городкѣ. Этотъ кладъ оказался заложеннымъ въ насыпи вала, а слѣдовательно явился позже основанія городища. Вотъ что пишутъ о немъ въ своемъ коллективномъ трудѣ гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ: „Лѣтомъ 1888 года г. Н. Булычевымъ сдѣланы замѣчательныя

[1]) Вещи хранятся въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.

находки въ Калужской губерніи, Мосальскомъ уѣздѣ, у подошвы Мощинскаго городца, въ видѣ клада, зарытаго кучею и состоявшаго изъ 12 бронзовыхъ браслетовъ, множества бусъ (изъ нихъ многія красной пасты) и цѣлаго ряда отлично сохранившихся вещей съ эмалью. Среди обычныхъ бронзовыхъ древностей варварской эпохи I—V вѣковъ по Р. Хр. оказался цѣлый рядъ предметовъ человѣческаго убора и украшеній изъ бронзы, какъ-то: большихъ ажурныхъ пряжекъ отъ ремней поясныхъ, перевязей и пр., подвѣсокъ фигурныхъ къ ожерельямъ и серегъ въ видѣ крестиковъ, ромбовъ, а также предметовъ конскаго убора, фигурныхъ удилъ, наборовъ узды, погремушекъ на цѣпяхъ изъ разнообразныхъ звеньевъ и пр. Главнымъ мотивомъ этихъ послѣднихъ издѣлій является тонкая рѣзьба, прорѣзныя геометрическія формы"...

Принадлежали ли эти вещи готамъ, заходившимъ на Оку, или онѣ попали сюда случайно, благодаря, напримѣръ, торговлѣ, военной добычѣ и т. п., сказать затруднительно. Во всякомъ случаѣ онѣ несутъ всѣ характерныя черты готскаго стиля, и если изрѣдка подобныя имъ встрѣчаются на Востокѣ, напримѣръ въ Сибири, то въ такомъ явленіи слѣдуетъ видѣть не болѣе какъ выраженіе европейскаго вліянія на Азію, но не наоборотъ, что противорѣчило бы имѣющимся въ распоряженіи современной науки фактамъ.

Движеніе восточныхъ народовъ въ Россію.

Одновременно съ движеніемъ западныхъ народовъ въ степную область нынѣшней Россіи двигались изъ Азіи и восточные народы, изъ которыхъ особенно громкую извѣстность оставили по себѣ гунны, хазары, печенѣги, торки (узы) и половцы. Ихъ скоропреходящая слава покоилась на варварскомъ политическомъ могуществѣ, а не на культурномъ значеніи. Какъ кочевники, они стояли на примитивной степени развитія и поэтому не могли принять участія въ общечеловѣческой культурной работѣ. Слабое исключеніе

составляютъ только полуосѣдлые хазары. Характерными признаками памятниковъ восточныхъ народовъ въ Россіи служатъ кривыя сабли, желѣзныя стремена и новыя, ранѣе неизвѣстныя, формы желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ. Сабли имѣютъ прямой клинокъ и напоминаютъ однолезвійные мечи, отъ которыхъ онѣ получили свое начало, и только въ самомъ концѣ изучаемой поры появляются сабли сильно изогнутой формы. Стрѣлы всѣ—черешковыя, бо́льшею частью крупныя; формы лезвій ихъ довольно разнообразны: встрѣчаются плоскія и трёхлопастныя, иногда съ фигурными обрѣзами.

*Гунны**). Гунны первоначально обитали въ Азіи, къ сѣверу отъ Китая, гдѣ, въ концѣ ранней поры желѣзныхъ орудій, пріобрѣли большое политическое значеніе, но въ концѣ I вѣка по Р. Хр. понесли сильное пораженіе отъ китайцевъ и двинулись на западъ. Въ началѣ II вѣка они стояли уже на берегахъ Яика (Урала), а въ концѣ IV вѣка перешли Волгу, завоевали алановъ, передвинулись черезъ Донъ, разгромили готовъ, гонясь за которыми, вступили въ предѣлы Западной Европы. Въ южной Россіи гунны оставались недолго и не оставили по себѣ никакихъ замѣтныхъ памятниковъ, наибо́льшее число которыхъ ожидается въ совершенно неизслѣдованной области р. Урала.

---

*) *Литература:*

1) К. Иностранцевъ. „Хунъ-ну и гунны. (Библіографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа хунъ-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ)“, Спб., 1900 г. Въ сочиненіи приведенъ указатель 48 русскихъ и иностранныхъ авторовъ, касавшихся изслѣдованія гунскаго вопроса. Невошедшія въ этотъ указатель сочиненія приводятся ниже.

2) Н. И. Ашмаринъ. „Булгары и чуваши“. Изв. Общ. Археолог. Истор. и Этногр. при Имп. Казанскомъ университетѣ, т. XVIII, вып. 1, 2 и 3.

3) Д. А. „Гунны“. Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, полут. 18.

*Хазары**). Послѣ нашествія гунновъ весь югъ Россіи какъ бы замираетъ и исчезаетъ изъ глазъ исторіи. Первыми появляются авары, которые, выступивъ въ VI вѣкѣ изъ-за Волги, овладѣваютъ областью отъ Дона до Дуная, сосредоточиваются на послѣднемъ и господствуютъ до VIII вѣка, когда подвластные народы, возмущенные жестокимъ обращеніемъ, возстали и отложились отъ нихъ [1]). Послѣ этого также быстро возвышаются хазары. Первыя достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ народѣ восходятъ ко II вѣку по Р. Хр., когда онъ занималъ область къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ и велъ успѣшныя войны съ Арменіей. Съ нашествіемъ гунновъ хазары, повидимому, теряютъ самостоятельность и принимаютъ участіе въ гунскихъ разгромахъ, а затѣмъ надолго стихаютъ и только въ концѣ VII вѣка снова овладѣваютъ вниманіемъ исторіи. Наибо́льшее могущество хазаръ совпадаетъ съ IX вѣкомъ, когда владѣнія ихъ простирались отъ Кавказа до береговъ р. Оки и отъ нижней Волги до устья Днѣпра. Но уже въ началѣ X вѣка обнаруживается ихъ политическое паденіе, а въ 966 году русскій князь Святославъ уничтожаетъ Хазарское царство окончательно.

О происхожденіи хазаръ имѣются разныя сужденія: одни считаютъ ихъ тюрками, другіе—финнами, третьи—венграми и т. д. Несомнѣнно, населеніе Хазаріи было смѣшанное, и въ составъ его входили разные народы, удержавшіе свои обычаи и религіи.

---

*) *Литература:*

1) А. Я. Гаркави. „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“, Спб., 1870 г.

2) Его же. „Къ вопросу о южной границѣ Хазаріи“. Труды V Археолог. Съѣзда, протоколы, стр. 46 и 143.

[1]) Авары — обры (abari, habares, ἄβαροι, ἄβαρες) существовали въ Европѣ отдѣльнымъ государствомъ съ 560 до 810 года по Р. Хр. Полагаютъ, что они жили между Чернымъ моремъ и Нижнимъ Дунаемъ (см. Ю. Венелина „Объ образахъ, ихъ царствѣ и его предѣлахъ“).

Авт.

Царство управлялось каганомъ, считавшимся верховнымъ самодержавнымъ владыкой, хотя фактически всѣми государственными дѣлами управлялъ его намѣстникъ—пехъ. Въ періодъ наибо́льшаго могущества хазарскіе каганы вступали въ брачные союзы даже съ византійскимъ императорскимъ домомъ.

Бытъ хазаръ является полуосѣдлымъ: на зиму они собирались въ города, а на лѣто удалялись въ степи. Изъ хазарскихъ городовъ особенною извѣстностью пользовались Итиль, находившійся при впаденіи Волги въ Каспійское море (по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, на мѣстѣ современной Астрахани), Семендеръ, Баланджаръ и др.

Что касается хазарскихъ древностей, то онѣ до настоящаго времени точно не установлены. Сдѣланы только первыя попытки связать съ хазарами могильники, открытые на берегахъ р. Донца близъ с. Верхне-Салтова и хут. Зливки. Однако съ этимъ не всѣ согласны, и, основываясь на сходствѣ Салтовскаго могильника съ кавказскими, нѣкоторые ученые приписываютъ его аланамъ. Но какъ бы то ни было, судя по монетнымъ датамъ и географическому положенію донецкихъ могильниковъ, представляется вполнѣ несомнѣннымъ то, что погребенные въ нихъ люди, независимо отъ племенного состава, должны быть подданными Хазарскаго царства, и поэтому изученіе ихъ памятниковъ въ настоящемъ отдѣлѣ вполнѣ умѣстно.

Салтовскій могильникъ находится на правомъ берегу р. Донца, около с. Верхне-Салтова, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губ. Могильникъ, группируясь въ нѣсколькихъ пунктахъ, занимаетъ обширную площадь, пересѣчен-

3) П. Голубовскій. „Печенѣги, торки и половцы“, Кіевъ, 1884 г.

4) Д. А. Хвольсонъ. „Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Абу-Али Ахмеда бенъ-Омаръ Ибнъ-Даста“.

5) Ф. К. Брунъ. „О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи; топографическія и историческія замѣтки“. Труды I Археолог. Съѣзда, т. II.

6) В. М. Ведровъ. „Объ итальянскихъ колоніяхъ въ XII вѣкѣ, въ Хазаріи; замѣтка на докладъ г. Бруна“. Ibid.

ную въ разныхъ направленіяхъ глубокими оврагами. Мѣстами на этой площади открываются въ почвѣ скопленія обломковъ древней глиняной посуды, какъ бы указывающія на мѣста нѣкогда бывшихъ временныхъ стоянокъ или селеній, центромъ которыхъ являлось сильное укрѣпленіе, впослѣдствіи получившее названіе „Салтановскаго городища“. Одновременность же могильника съ городищемъ считается установленною.

Могилы салтовскихъ погребеній имѣютъ видъ катакомбъ, устроенныхъ слѣдующимъ образомъ. Сначала вырывалась длинная входная яма, болѣе или менѣе точно оріентированная съ запада на востокъ. Полъ ямы постепенно опускался внизъ и велъ въ катакомбу, представлявшую небольшое помѣщеніе, имѣвшее въ планѣ квадратную форму, около 3 аршинъ въ длину и ширину, и купольный верхъ. Узкій входъ въ катакомбу загораживался или деревяннымъ заслономъ, или камнями, или глиной, а вся входная яма засыпалась землею въ уровень горизонта почвы. Въ большинствѣ катакомбъ находится по нѣскольку покойниковъ, чаще всего по три, рѣже—по два и по одному. Ихъ клали прямо на полъ, оріентируя или поперекъ линіи входа или продольно, ногами ко входу. Подстилкою имъ часто служитъ слой мелкаго угля. Обыкновенно покойники лежатъ на спинѣ, параллельно другъ другу и съ вытянутыми конечностями, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ кисти рукъ рядомъ лежащихъ покойниковъ оказываются соединенными между собою. Такъ въ одной катакомбѣ, гдѣ были погребены мужчина и женщина, кисть лѣвой руки женщины лежала вложенною въ кисть правой

7) В. Г. Васильевскій. „Русско-византійскіе отрывки. VII. Житіе Іоанна Готскаго“. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., 1878 г., январь.

8) В. В. Григорьевъ. „Обзоръ политической исторіи хазаръ“. Сѣверный Архивъ, 1835 г., № 17.

9) Б. А. Дорнъ. „Извѣстія о хазарахъ восточнаго историка Табари“. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., 1844 г., кн. 7.

руки мужчины; въ другой катакомбѣ мужчина держалъ за руки двухъ женщинъ. Такая связь покойниковъ какъ будто бы указываетъ на насильственную смерть женщинъ, обреченныхъ сопровождать мужчинъ въ загробной жизни. Въ головахъ покойниковъ ставились глиняные сосуды и полагались кости, вѣроятно, съ мясомъ быка или барана. Съ мужчинами клали оружіе или орудія, а съ женщинами—множество разнаго рода украшеній.

Въ составъ оружія и орудій входятъ сабли, топоры, стрѣлы, ножи и орудія, напоминающія кельты. Всѣ они сдѣланы изъ желѣза. Сабли встрѣчаются рѣдко. Топоры имѣютъ узкія формы, съ болѣе или менѣе вытянутыми обухами, обработанными въ видѣ молотковъ. Стрѣлы всѣ—черешковыя, то плоскія, то трехлопастныя. Ножи—простой формы и одного типа. Назначеніе кельтовидныхъ орудій не выяснено.

Гораздо многочисленнѣе предметы украшеній. Они дѣлались изъ золота, серебра, бронзы и стекла. Въ ушахъ носились серьги; на шеѣ—бусы, привѣски, монеты; на рукахъ—браслеты, кольца, перстни; на одеждѣ, обуви и поясахъ — множество бронзовыхъ бляшекъ и бубенчиковъ. Нерѣдко также находятся бронзовыя зеркала. Серьги представляютъ видъ овальнаго кольца съ длинной пирамидальной подвѣской, составленной изъ шариковъ и зерни; среди нихъ нерѣдко встрѣчаются золотые экземпляры. Бусы отличаются большимъ разнообразіемъ. На ряду съ ними помѣщались бронзовыя спиральки и разнаго рода подвѣски. Браслеты—самой простой формы, чаще изъ гладкой круглой проволоки и только въ исключительныхъ случаяхъ витые изъ нѣсколькихъ прутиковъ. Интереснѣе перстни

10) А. М. Покровскій. „Верхнесалтовскій могильникъ“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I.

11) В. А. Бабенко. „Древнія салтовскія придонецкія окраины южной Россіи“. Ibid.

12) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., 1901 года“. Ibid.

съ глазками въ видѣ гнѣздъ съ четырьмя лапками, куда вставлялись сердолики, разноцвѣтныя стекла или смальта. Изъ привѣсокъ любопытны имѣющія форму круга, украшеннаго головками соколовъ и такого же круга съ заключеннымъ въ немъ конькомъ. Изъ нашивныхъ серебряныхъ бляшекъ заслуживаютъ вниманіе бляшки съ изображеніемъ женщинъ, одѣтыхъ въ длинныя одежды и съ серьгами въ ушахъ, при чемъ изображеніе серегъ совершенно соотвѣтствуетъ формѣ золотыхъ серегъ, найденныхъ въ могильникѣ.

По формѣ могилъ и по характеру вещей Салтовскій могильникъ оказывается очень схожимъ съ катакомбными могильниками сѣвернаго Кавказа, открытыми близъ ауловъ Чми, Камбулта, Лизгора и др. Всѣ эти могильники одинаково датируются монетами VI—IX вѣковъ по Р. Хр.

По характеру вещей на Салтовскій могильникъ похожъ и Зливкинскій, открытый также на берегу р. Донца, близъ хут. Зливки (Хайловщины), Изюмскаго уѣзда. Въ этомъ могильникѣ покойники полагались въ простыхъ ямахъ, а не въ катакомбахъ, и выдерживали довольно строгую оріентировку головою къ западу. Покойниковъ сопровождаютъ глиняные сосуды, желѣзные ножи, стрѣлы, огнива, бронзовыя, иногда позолоченныя, украшенія, стеклянныя и др. бусы, кости домашнихъ животныхъ и одинъ обломокъ арабскаго диргема VIII в. по Р. Хр. При сравненіи зливкинскихъ металлическихъ вещей съ салтовскими между ними установлено полное сходство, на нѣкоторыхъ глиняныхъ сосудахъ оказались даже одинаковыя клейма, указывающія на выходъ ихъ изъ одной мастерской. Въ виду всѣхъ этихъ явленій не можетъ быть сомнѣнія, что люди, похороненные въ обоихъ могильникахъ, жили въ

---

13) В. Е. Даниловичъ. „Курсъ русскихъ древностей“, Кіевъ, 1908 г.
14) Гр. П. С. Уварова. „Могильники Сѣвернаго Кавказа“.
15) Д. Я. Самоквасовъ. „Основанія хронологической классификаціи“. Варшава, 1892 г.

одно время и находились въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ.

Изъ случайныхъ находокъ, связанныхъ съ предѣлами и временемъ Хазарскаго царства, слѣдуетъ отмѣтить богатую находку въ одномъ курганѣ на Дону, близъ станицы Романовской, Области Войска Донского. Часть этой находки хранится въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ и состоитъ: 1) изъ золотого аграфа (застёжки) въ формѣ пары массивныхъ квадратныхъ бляхъ, украшенныхъ жемчугомъ, яхонтами (сапфирами) и изображеніями травъ, цвѣтовъ, фазановъ и павлиновъ; 2) маленькой золотой застёжки, украшенной драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; 3) золотой пряжки; 4) нѣсколькихъ обломковъ золотой орнаментованной пластинки; и 5) золотой византійской монеты Льва III Исаврянина (717—741 г. по Р. Хр.). Всѣ вещи, повидимому, происходятъ изъ византійскихъ мастерскихъ.

Разсматривая культуру, связываемую съ хазарами, въ цѣломъ, можно замѣтить, что она носитъ смѣшанный характеръ и отличается отсутствіемъ въ искусствѣ опредѣленнаго стиля.

*Печенѣги, торки и половцы**). Съ паденіемъ политическаго могущества Хазарскаго царства весь югъ Россіи начинаютъ вновь потрясать орды кочевыхъ тюрковъ, которыя, преслѣдуя другъ друга, неудержимо стремятся на западъ. Сначала выступаютъ печенѣги, затѣмъ торки и слѣдомъ за ними половцы. Проф. П. В. Голубовскій признаетъ всѣ эти орды за вѣтви одного племени, кочевав-

---

*) *Литература:*

1) П. Голубовскій. „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ“, Кіевъ, 1884 г.
2) Н. Аристовъ. „О землѣ половецкой“, Кіевъ, 1877 г.
3) В. Васильевскій. „Византія и печенѣги“. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., 1872 г.
4) П. Сумъ. „Историческое разсужденіе о печенѣгахъ“. Чтенія въ Общ. Истор. и Древн., 1846 г., № 1.

шаго нѣкогда въ областяхъ Центральной Азіи. Время перваго вступленія ихъ въ Европу точно неизвѣстно. IX-й вѣкъ по Р. Хр. застаетъ печенѣговъ кочующими между Ураломъ и Волгой, а торковъ (узовъ) и половцевъ—за Ураломъ, въ Арало-Каспійскихъ степяхъ.

Въ концѣ IX вѣка торки, поддерживаемые хазарами, напали на печенѣговъ и принудили ихъ податься на западъ, за Волгу. Отступая печенѣги въ свою очередь напали на венгровъ, кочевавшихъ между Волгой и Дономъ, оттѣснили ихъ сначала къ Днѣстру и Пруту, а затѣмъ далѣе въ Паннонію (Венгрію), и сами заняли область отъ устья р. Дуная до Днѣпра, при чемъ на берегахъ послѣдняго ихъ владѣнія простирались почти до самаго Кіева. Торки также переправились черезъ Волгу и, соединившись съ частью печенѣговъ, осѣли на Дону и Донцѣ, имѣя главнымъ центромъ своихъ кочевій р. Торецъ, впадающую въ р. Донецъ близъ современнаго г. Славянска (древняго Тора).

Повидимому, въ это время вступили въ предѣлы Европы и половцы, нѣсколько задержавшіеся между Ураломъ и Волгой.

Въ концѣ X вѣка, несомнѣнно, всѣ три орды уже были въ Россіи. Впослѣдствіи каждая изъ нихъ продвинулась дальше. Орда печенѣговъ перешла на Балканскій полуостровъ и тамъ исчезла. Орда торковъ переселилась въ русскія владѣнія и бо́льшею частью осѣла по р. Роси, въ Кіевскомъ княжествѣ, и основала городъ Торческъ, а частью удалилась въ Венгрію. Половцы, преслѣдуя печенѣговъ, частью также переправились на Балканскій полу-

---

5) А. Куникъ. „О тюркскихъ печенѣгахъ и половцахъ по мадьярскимъ источникамъ“. Зап. Академіи Наукъ по 1 и 3 отд., 1855 г., т. III, в. 5.

6) Н. Е. Бранденбургъ. „Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губ., въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей“. Труды X Археолог. Съѣзда, т. I.

островъ, а бо́льшею частью слились съ татарами и раздѣлили съ ними одинаковую политическую участь.

Культурная роль всѣхъ этихъ ордъ скорѣе является отрицательною, чѣмъ положительною. Ничего не созидая, онѣ стремились только къ грабежамъ и разрушенію. Единственными памятниками ихъ жизни служатъ курганы, разбросанные по всѣмъ степямъ южной Россіи. Они представляютъ невысокія насыпи, бо́льшею частью уже разрытыя кладоискателями. Впрочемъ, кочевники этого времени чаще пользовались чужими болѣе древними курганами и въ нихъ хоронили своихъ покойниковъ. Отличительными чертами ихъ погребеній служатъ кривыя сабли и широкія стрѣлы. Покойники нерѣдко полагаются въ деревянные гробы, вырѣзанные изъ одного дерева, обыкновенно дуба или береста, но чаще кладутся въ яму безъ гроба. Мужчинъ сопровождаютъ цѣлые трупы или отрубленныя части коней, всегда располагаемыя въ строго опредѣленномъ порядкѣ.

При обширныхъ систематическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ XII и XIII Археологическими Съѣздами по берегамъ рѣкъ Донца, Торца, Бахмута и Кальміуса, всего на протяженіи верстъ 400 поперекъ Новороссійской степи, было встрѣчено нѣсколько типовъ поздне-кочевническихъ погребеній, изъ которыхъ одинъ типъ связывается съ торками, а другой, вѣроятнѣе всего, съ половцами.

Главная масса погребеній перваго типа найдена при сліяніи Торца съ Донцомъ, въ предѣлахъ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ. Южная граница распространенія этого

---

7) В. А. Городцовъ. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., 1901 года“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I.

8) Его же. „Матеріалы археологическихъ изслѣдованій на берегахъ р. Донца“. Ibid.

9) Его же. „Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., 1903 г.“. Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I.

типа погребеній проходитъ сѣвернѣе г. Бахмута, къ югу отъ котораго подобныя погребенія совсѣмъ не встрѣчены. Главною отличительною чертою ихъ служитъ оріентировка покойниковъ и положенныхъ съ ними коней головами къ западу. Покойники обыкновенно лежатъ въ гробахъ-колодахъ. Если, вмѣсто цѣлаго коня, полагались его части, то въ составъ ихъ обязательно входили отрубленная голова, ноги, а иногда и хвостъ, которые раскладывались сбоку или на крышкѣ гроба такъ, чтобы голова коня приходилась противъ головы, а заднія ноги и хвостъ — противъ ступней покойника. Всѣ покойники оказывались взрослыми мужчинами [1]); при нихъ найдены кольчуги, сабли, ножи, стрѣлы, огнива, узкіе и длинные колчаны изъ бересты, украшенные костяными пластинками или, рѣже, желѣзной оковкой, сѣдла съ желѣзными стременами, узды съ серебрянымъ и бронзовымъ наборомъ и нѣкоторыя другія вещи.

Личныхъ украшеній при покойникахъ оказалось немного; они состояли изъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ серегъ, перстней и другихъ подобныхъ вещицъ. Отъ одежды сохранились куски шелковыхъ тканей и позументовъ, а также грубыхъ шерстяныхъ матерій; отъ обуви—куски кожи. Изрѣдка встрѣчались глиняные сосуды; при одномъ покойникѣ оказалось мѣдное ведерко, а при двухъ другихъ—деревянныя чашки, по формѣ схожія съ кумысными чашками современныхъ киргизовъ.

Совершенно такого же типа погребенія оказались на берегу Роси, въ Кіевской губ. Въ виду же того, что изъ

---

10) Его же. „Дневникъ раскопокъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., 1903 г.“ Ibid.

11) Е. П. Трефильевъ. „Курганы съ каменными бабами Купянскаго уѣзда, Харьковской губ.“ Труды XIII Археолог. Съѣзда, т. I.

12) А. С. „Курганы кіевскихъ торковъ и берендѣевъ“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ.

[1]) Женщины и дѣти, повидимому, хоронились иначе, чѣмъ мужчины, а поэтому ихъ погребенія не удалось связать съ мужскими.

Авт.

позднѣйшихъ кочевниковъ въ обѣихъ названныхъ областяхъ жили торки, то и необходимо этотъ типъ погребеній приписать имъ.

Второй типъ погребеній отличается отъ перваго главнымъ образомъ тѣмъ, что покойники оріентируются головами на востокъ, а сопровождающіе ихъ кони—головами на западъ, и если, вмѣсто цѣлаго коня, положены его части, то и онѣ располагаются въ томъ же порядкѣ, т.-е. отдѣленная голова коня кладется противъ ступней ногъ, а заднія ноги и хвостъ—противъ головы покойника. Этотъ типъ погребеній явился въ области Донца позже перваго и съ бо́льшею вѣроятностью можетъ быть приписываемъ половцамъ. Погребенія совершались или въ болѣе древнихъ чужихъ или въ своихъ курганахъ. Въ первомъ случаѣ остатки погребеній можно встрѣтить и въ насыпяхъ и въ грунтовыхъ ямахъ; во второмъ—обязательно въ ямахъ. Ямы дѣлались необширныя и неглубокія; шире — въ головахъ, чѣмъ въ ногахъ; обыкновенно—съ закругленными, но иногда и съ прямыми рѣзко выраженными, углами; сверху ихъ покрывали бревенчатымъ накатникомъ или засыпали землей. Накатникъ укладывался всегда поперекъ ямы горизонтально или косвенно, такъ что бревна однимъ концомъ упирались въ дно ямы, а другимъ лежали на противоположномъ верхнемъ краѣ ея. Горизонтально расположенный накатникъ находился или на поверхности почвы или нѣсколько ниже поверхности, опираясь на особые выступы (заплечики), оставляемые на бокахъ ямъ.

Когда яма была закрыта накатникомъ, то надъ нею насыпался небольшой продолговатый холмикъ земли. Этотъ холмикъ сплошь закладывался камнями, что придаетъ насыпи видъ черепахи; иногда въ головахъ покойника ставился камень, возвышающійся надъ прочими. На хребтѣ каменной облицовки раскладывались кости (вѣроятно, съ мясомъ) овцы и коровы; затѣмъ всё вновь засыпалось землею, и курганъ получалъ окончательную форму — въ видѣ полушара съ вершиной надъ центромъ основанія.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда погребеніе совершалось въ чужихъ болѣе древнихъ курганахъ, каменная облицовка предварительной насыпи надъ ямой или совсѣмъ отсутствуетъ или выражается только нѣсколькими камнями, положенными надъ могильною ямою.

Покойники, обыкновенно, полагаются прямо на землю, но иногда они лежатъ и въ гробахъ. Мужчины и женщины хоронились одинаково. Съ первыми полагались сабли, ножи, колчаны со стрѣлами, огнива, сѣдла, топоры; съ женщинами — бусы, ножи, металлическія зеркала и др. Интересны колчаны: они имѣютъ форму бронзовыхъ кельтовъ, расширяющихся къ низу. Верхняя часть ихъ иногда покрывается костяными пластинками съ орнаментомъ изъ геометрическихъ фигуръ, оленей, всадниковъ, вырѣзанныхъ рельефомъ, съ полями, заполненными краской.

Третій типъ погребеній съ покойниками въ боковыхъ подкопахъ ямъ и отрубленными конскими головами, повидимому, принадлежитъ татарамъ. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ случай находки при покойникахъ монетъ татарскихъ хановъ XIV вѣка.

До сихъ поръ не удалось связать ни одного типа погребеній лишь съ печенѣгами, что вполнѣ объясняется отсутствіемъ систематическихъ раскопокъ какъ въ области между Ураломъ и Волгой, такъ и въ области между Днѣпромъ и Дунаемъ, гдѣ печенѣги имѣли свои наиболѣе продолжительныя кочевья.

Финны средней и сѣверной Россіи.

При выясненіи состава населенія средней и сѣверной Россіи въ раннюю пору желѣзныхъ орудій мы приходили къ заключенію, что оно, повидимому, состояло изъ финновъ, хотя писатели того времени называли ихъ иногда скиѳами и другими именами. Правильность нашего заключенія подтверждается болѣе достовѣрными историческими извѣстіями средней поры желѣзныхъ орудій. По этимъ извѣстіямъ, дѣйствительно, почти вся русская лѣсная об-

ласть оказалась изстари занятою финнами [1]). Сѣверною границею ихъ распространенія являлся Ледовитый океанъ съ его заливами и Бѣлымъ моремъ, а южною—линія, проведенная отъ Урала до Балтійскаго моря приблизительно черезъ Уфу, Тамбовъ, Орелъ, Витебскъ и Ревель. Къ концу же средней поры финны успѣли занять всѣ побережья Финскаго и Рижскаго заливовъ и продвинуться еще далѣе къ югу.

Занимая такую обширную область, финское населеніе оказалось далеко не настолько многочисленнымъ, чтобы покрыть её ровнымъ этническимъ слоемъ, а покрывало лишь незначительныя полосы, простиравшіяся по берегамъ большихъ рѣкъ въ видѣ жилъ, оставляя между ними огромныя пространства совершенно необитаемыми. Если нанести финскія поселенія изучаемаго времени на хромолитографированную физическую карту Россіи и обозначить ихъ красною краскою, то получится такая картина: крайній сѣверъ предстанетъ покрытымъ голубоватыми штрихами тундры, а всё остальное—сплошнымъ зеленымъ цвѣтомъ лѣса, и только береговыя линіи большихъ рѣкъ и отчасти озеръ покроются красными узкими полосками населенія, то тянущимися непрерывно, то оторванными и разбросанными отдѣльно. Эти красныя полоски напомнятъ намъ тѣ, которыя такъ ярко бросаются въ глаза на этнографической картѣ Сибири, обозначая современное распространеніе русскаго племени; но финскія этнографическія полоски средней поры желѣзныхъ орудій были несомнѣнно уже сибирскихъ и при этомъ распространялись не среди населенныхъ площадей, какъ распространяются послѣднія, а среди сплошного лѣса и тундры. Исключеніе представляли только окраины.

---

[1]) Подъ финнами въ настоящемъ случаѣ разумѣется группа племенъ, говорящая на финскихъ языкахъ. Въ составъ этихъ племенъ входятъ угры и собственно финны. Къ уграмъ обыкновенно относятъ вогуловъ, остяковъ и мадьяръ (венгровъ); къ собственно финнамъ—вотяковъ, пермяковъ, зырянъ, черемисъ, мордву, весь, ямь (финляндцевъ), водь, чудь, ливь, куровъ и, наконецъ, мерю, муромy и мещеру, скрывающихся въ современныхъ черемисахъ и мордвѣ.

Такое географическое размѣщеніе населенія, давая ему возможность наиболѣе широкой эксплуатаціи природныхъ богатствъ страны, является крайне невыгоднымъ въ политическомъ отношеніи, такъ какъ не только не побуждаетъ это населеніе къ организаціи солидныхъ союзовъ и государствъ, но ведетъ къ полному его раздробленію, способствуя образованію такихъ длинныхъ владѣльческихъ границъ, какія совершенно невозможно защищать отъ вторженія враждебныхъ племенъ, при чемъ аборигенамъ приходится выбирать одно изъ двухъ: или отступить въ другія свободныя мѣста, или быть уничтоженными по частямъ.

Какъ разъ въ такомъ критическомъ положеніи оказалось большинство населенія финновъ въ среднюю пору желѣзныхъ орудій, когда въ ихъ область устремились съ одной стороны славяне, съ другой — норманны и съ третьей — тюрки. Несомнѣнно, сознавая свое необезпеченное политическое положеніе, финны стремились искусственно укрѣпить принадлежавшія имъ владѣнія, возводя на нихъ всюду городки и городища, а къ концу изучаемой поры нѣкоторые изъ нихъ даже приступили къ концентраціи населенія, какъ бы готовясь къ воспріятію высшаго политическаго строя. Такъ сосредоточеніе населенія замѣчается въ областяхъ рѣкъ Камы, Оки и восточнаго побережья Балтійскаго моря, гдѣ найдено особенно много памятниковъ его древней жизни.

Характерными признаками финскаго быта даннаго времени являются небольшія городища, жертвенныя мѣста въ видѣ костищъ и холмищъ, погребенія въ могильникахъ и, наконецъ, металлическія украшенія съ обильными шумящими привѣсками.

*Финскія древности волжско-камской области**). Культурный очагъ, давно теплившійся въ волжско-камской

*) *Литература:*

1) А. А. Спицынъ. „Приуральскій край“. Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, собранные и изданные Имп. Моск. Археолог. Общ., вып. I.

области, особенно сильно разгорѣлся въ среднюю пору желѣзныхъ орудій, когда его начинаютъ питать матеріалы, вызванные изъ просвѣщеннѣйшихъ странъ того времени. По довольно согласному мнѣнію всѣхъ изслѣдователей, владѣльцами этого очага были финны, предки которыхъ и были виновниками его появленія. Богатства, скопленныя въ волжско-камской области въ среднюю пору желѣзныхъ орудій, настолько велики, что возбуждаютъ невольное удивленіе и заставляютъ вспомнить о сказочныхъ богатствахъ Біарміи, воспѣтыхъ въ скандинавскихъ сагахъ, въ основу которыхъ, повидимому, легли разсказы о реальныхъ богатствахъ капищъ именно волжско-камской области, гдѣ, несмотря на всѣ неблагопріятныя современныя условія для сохраненія старины, каждый годъ даетъ всё новыя и новыя находки рѣдчайшихъ памятниковъ, поражающихъ нерѣдко своимъ научнымъ значеніемъ. Въ составъ ихъ входятъ монеты, серебряныя украшенія и сосуды. Древнѣйшія монеты оказываются индо-парѳянскими I вѣка по Р. Хр., затѣмъ слѣдуютъ сассанидскія (IV — VI вѣковъ), византійскія (V — VII вѣковъ), индо-бактрійскія (V — VII вѣковъ) и болѣе позднія арабскія монеты, притекавшія однимъ непрерывнымъ токомъ до самаго конца средней поры желѣзныхъ орудій. Въ числѣ многочисленныхъ серебряныхъ сосудовъ фигурируютъ греко-римскіе, византійскіе, персидскіе, арабскіе, индійскіе и вообще восточные. Среди украшеній главную массу составляютъ шейныя массивныя гривны, обыкновенно отлитыя изъ высокопробнаго серебра. Притокъ

2) Его же. „Древности бассейновъ рѣкъ Оки и Камы“. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Археолог. Ком., № 25, Спб., 1901 г.

3) Его же. „Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края“, 1889 г.

4) Его же. „Шаманскія изображенія“. Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ.

5) Его же. „Шаманизмъ въ отношеніи къ русской археологіи“. Ibid., т. XI, в. 1.

всѣхъ этихъ вещей не представлялъ мимолетное случайное явленіе, а вполнѣ систематическое, совершавшееся въ продолженіе почти всѣхъ вѣковъ изучаемой поры, такъ что оно успѣло запечатлѣться не только на внѣшнемъ бытѣ, но даже и въ религіозныхъ символахъ населенія. Такъ, по мнѣнію Д. Н. Анучина, миѳическая птица Гаруда [1]), обоготворяемая въ Индіи, была усвоена обитателями волжско-камской области, и амулеты, изображающіе эту птицу, пользовались у нихъ широкимъ распространеніемъ.

Чѣмъ же вызывался такой притокъ иностранныхъ товаровъ и идей, и что могли давать въ обмѣнъ на нихъ

---

6) Его же. „Гляденовское костище". Ibid., т. XII, в. 1.

7) Его же. „Древности Камской чуди по коллекціямъ Теплоуховыхъ", Спб., 1902 г.

8) Ѳ. А. Теплоуховъ. „Древности Пермской чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ.". Пермскій край, т. II.

9) Его же. „Рисунки древностей Пермской чуди, принадлежащихъ Пермскому Музею". Труды Пермск. Учен. Архивн. Ком., в. 3.

[1]) „Въ Индіи, говоритъ Д. Н. Анучинъ, съ глубокой древности существовало представленіе о миѳической птицѣ Гаруда, смертельномъ врагѣ змѣй (Naga's); въ основѣ этого представленія положенъ былъ, вѣроятно, образъ грифа, истреблявшаго змѣй, но съ нимъ слилось также, повидимому, представленіе о Гарутмаутѣ („небесномъ прекраснокрыломъ"), воплощавшемъ въ себѣ солнце, небо, въ противоположность землѣ. На одномъ изъ древнѣйшихъ буддійскихъ памятниковъ, каменныхъ воротахъ въ Санчи, представлено, какъ всѣ животныя собрались на поклоненіе священному дереву Бодхи (Bodhi); здѣсь видны большія птицы въ родѣ попугаевъ, грифы съ тѣломъ льва, крылатые быки съ человѣческимъ лицомъ и другія существа, указывающія явственно на художественное вліяніе Персіи. Изъ этого „попугая" и „грифа", по мнѣнію проф. Грюнведеля, и выработался впослѣдствіи художественный образъ Гаруды, получившій мало-по-малу антропоморфные признаки (человѣческую голову и руки); въ новѣйшемъ брахманскомъ искусствѣ Гаруда—уже человѣкъ, но съ крыльями и съ кривымъ птичьимъ клювомъ. Изъ Индіи представленіе о Гарудѣ перешло въ Восточную Азію (Китай, Сіамъ, Японію). Гаруда была усвоена вообще буддизмомъ, и мы встрѣчаемъ ея изображенія въ буддійскихъ храмахъ Тибета и Монголіи". (Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній, т. III, стр. 131).

жители волжско-камской области? На это довольно опредѣленно отвѣчаютъ археологическіе матеріалы, собранные и освѣщенные трудами мѣстныхъ изслѣдователей. Эти матеріалы удостовѣряютъ, что въ продолженіе всей средней поры желѣзныхъ орудій волжско-камская область покрывалась многочисленными городищами, расположенными по берегамъ какъ главныхъ рѣкъ, такъ и многихъ притоковъ, частыми костищами, служившими мѣстами общественныхъ богослуженій, и могильниками, сопровождавшими населенныя мѣста.

Наиболѣе древнія городища, относимыя къ первой половинѣ средней поры, оказываются схожими съ костеносными городищами предшествующей поры: они также изобилуютъ костями животныхъ и подѣлками изъ этихъ костей, но позднѣйшія городища этотъ признакъ утрачиваютъ и начинаютъ походить на обыкновенныя среднерусскія городища. Напротивъ, костища, въ продолженіе всей поры, почти одинаково изобилуютъ костями животныхъ и костяными подѣлками. Кости принадлежатъ преимущественно лошади, коровѣ, овцѣ, свиньѣ, оленю. Принимая во вниманіе огромныя количества костей этихъ животныхъ, необходимо заключить, что скотоводство служило главнымъ источникомъ богатства жителей; вторымъ источникомъ являлась охота и третьимъ — пчеловодство. О распространенности охоты свидѣтельствуютъ какъ кости дикихъ животныхъ, повсюду находимыя въ городищахъ

---

10) Его же. „Чудское жертвенное мѣсто на Камѣ“. Ibid.

11) Его же. „Земледѣльческія орудія Пермской чуди“. Пермскій край, т. I, Пермь, 1892 г.

12) Его же. „Древности Пермской чуди изъ серебра и золота и ея торговые пути“. Пермскій край, т. III, 1895 г.

13) С. Ешевскій. „Замѣтка о пермскихъ древностяхъ“. Пермскій сборникъ, т. I.

14) Н. Г. Первухинъ. „Опытъ археологическаго изслѣдованія Глазовскаго уѣзда, Вятской губ.“ Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи“, в. 2.

и костищахъ, такъ и лѣсная природа, изобиловавшая всякою дичью. Что касается пчеловодства, то о немъ говорятъ металлическія изображенія пчелъ, приносившіяся въ жертву богамъ на мѣстахъ костищъ. Мéньшую роль играли земледѣліе и металлургія, хотя оба эти промысла несомнѣнно существовали. Такимъ образомъ въ обмѣнъ на товары культурныхъ странъ волжско-камскіе жители могли отвѣчать отпускомъ сырья, въ видѣ кожъ, шерсти, сала, дорогихъ мѣховъ, воска и, наконецъ, нѣкоторыхъ продуктовъ горнаго промысла, въ особенности мѣди, добываніе которой здѣсь являлось вполнѣ окрѣпшимъ старымъ дѣломъ.

Главнымъ путемъ торговыхъ сношеній служила р. Волга, соединявшая волжско-камскую область, черезъ посредство Чернаго моря, съ областями сначала Римской имперіи, а позже Византіи и Малой Азіи, и черезъ Каспійское море — съ Хазаріей и Персіей. Другой не менѣе оживленный караванный путь, выходя изъ Индіи и Персіи, шелъ по р. Оксу (Аму-Дарьѣ) и берегомъ Аральскаго моря черезъ Бактрію и Туркестанскія степи, затѣмъ р. Иртышемъ до современнаго Тобольска и далѣе по р. Турѣ и Тавдѣ въ волжско-камскую область. Этотъ путь просуществовалъ много вѣковъ и заглохъ только въ недавнее время.

Изъ товаровъ, доставлявшихся описанными путями, особенное вниманіе обращаютъ на себя серебряные сосуды въ видѣ блюдъ, чашъ, ковшей, кувшиновъ, отличающихся массивностью и часто великолѣпной художественной отдѣл-

15) Его же. „По слѣдамъ чуди“. Ibid.

16) Его же. „Краткій очеркъ кладовищъ, встрѣчающихся въ Глазовскомъ уѣздѣ“. Ibid.

17) А. Н. Шатровъ. „Археологическія свѣдѣнія о Зюздинскомъ краѣ“. Ibid

18) Д. Н. Анучинъ. „Къ исторіи искусства и вѣрованій у Пріуральской чуди“. Ibid.

19) К. И. Невоструевъ. „О городищахъ древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царствъ“. Труды I Археолог. Съѣзда, т. II.

кой. Полагаютъ, что эти сосуды имѣли религіозное назначеніе, служа атрибутами божествъ. Въ скандинавской сагѣ о Карли и Торерѣ говорится, что на колѣнахъ біармійскаго бога Іомаля стояла серебряная чаша, полная серебряныхъ денегъ, а на шеѣ висѣло толстое серебряное ожерелье (гривна). Въ 1876 году Финчъ и Брэмъ видѣли на нижней Оби изображеніе „большого шайтана“, представлявшаго видъ куклы, завѣшанной кусками матеріи и лентами, сверхъ которыхъ были прикрѣплены четыре металлическихъ тарелки.

Несомнѣнно, къ предметамъ религіознаго значенія относятся многочисленныя металлическія изображенія божествъ, или, такъ называемые, чудскіе образки, составлявшіе предметы шаманскаго культа. Первое появленіе ихъ совпадаетъ съ началомъ, а наиббльшій расцвѣтъ—съ концомъ средней поры желѣзныхъ орудій. Среди нихъ господствуютъ фантастическія изображенія людей съ головами лосей, птицъ съ головами людей, ящеровъ, змѣй, медвѣдей, лосей и др. Ихъ выработка носитъ мѣстный характеръ и указываетъ на отсутствіе въ странѣ настоящихъ художниковъ, которые могли бы воплотить чудесные образы народной фантазіи въ живыя благородныя формы.

Изъ всѣхъ коллективныхъ религіозныхъ памятниковъ наиболѣе грандіознымъ является Гляденовское костище. Это костище располагалось на дворѣ обширнаго городища, основаннаго на береговомъ мысѣ поёмной долины р. Камы, въ семи верстахъ отъ г. Перми.

---

20) J. R. Aspelin. „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“, II.

21) Его же. De la civilisation préhistorique des peuples Permiers et de leur commerce avec l'Orient“. Travaux du II Congrès international des Orientalistes à Leyde, t. II.

22) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, в. III.

23) С. К. Кузнецовъ. „Къ вопросу о Біарміи“, Москва, 1905 г.

24) Энциклопедическій словарь изд. Брокгауза и Ефрона, 71 полут. „Финно-угорское племя“.

При изслѣдованіи въ 1896 и 1897 годахъ Гляденовское костище представляло видъ холма неправильной формы, часть котораго оказалась сползшею внизъ, благодаря осѣданію берега. Въ составъ костища входили свѣжія и пережжённыя въ пепелъ кости животныхъ, образовавшія буровато-сѣрую массу, достигавшую двухъ аршинъ толщины и занимавшую площадь болѣе 170 квадратныхъ саженъ. Въ этомъ слоѣ было собрано до 1900 различныхъ бытовыхъ предметовъ. Древнѣйшіе изъ нихъ датируются индо-парѳянскими монетами Кадфиза I, династіи Турушки, царствовавшаго отъ 30 года до Р. Хр. по 10 годъ послѣ Р. Хр., и Санибара, царя Сакастана, царствовавшаго въ концѣ I вѣка по Р. Хр. Къ этому времени слѣдуетъ отнести бронзовые стрѣлы и обломки, совершенно схожіе со скиѳосарматскими, бусы голубоватой египетской смальты, серьги съ конической подвѣской, свитой изъ одной проволоки, а также глиняные круглодонные сосуды съ прямыми и зубчатыми краями. Всѣ остальныя вещи относятся уже къ болѣе позднему времени; въ общемъ же гляденовскія вещи иллюстрируютъ бо́льшую часть средней поры желѣзныхъ орудій (I—VI вѣка по Р. Хр.). Между ними имѣются мѣдныя литыя изображенія мужчинъ, женщинъ, всадниковъ, стрѣлковъ, собакъ, лошадей, коровъ, овецъ, свиней, разныхъ дикихъ звѣрей, птицъ, змѣй, ящеровъ и пчелъ. Далѣе слѣдуютъ предметы украшенія въ видѣ серегъ, бусъ, перстней, бляшекъ, пряжекъ; предметы вооруженія въ видѣ стрѣлъ; предметы быта въ видѣ ножей, долотъ, кочетыговъ, удочекъ и миніатюрныхъ кирокъ, топоровъ, копій. Одни изъ этихъ предметовъ сдѣланы изъ мѣди, другіе—изъ желѣза и третьи—изъ кости. Назначеніе всѣхъ ихъ—чисто ритуальное; часть ихъ, пови-

---

25) „Восточное серебро. Атласъ древней серебряной и золотой посуды восточнаго происхожденія, найденной преимущественно въ предѣлахъ Россійской имперіи“, съ введеніемъ Я. И. Смирнова. Изд. Имп. Археолог. Ком., Спб., 1909 г.

димому, украшала ризы божества, а часть служила приношеніями этому божеству.

Кромѣ городищъ и костищъ, нерѣдко открываются и погребенія. Всѣ они совершались, какъ и въ предшествующую эпоху, исключительно въ могильникахъ[1]). Покойники полагались въ неглубокихъ ямахъ съ разнообразной оріентировкой, но чаще головою на югъ или на сѣверъ. Могильникъ „Атамановы кости“, расположенный на берегу р. Вятки, ниже г. Малмыжа, представлялъ невысокій холмъ, почти сплошь покрытый широкими каменными плитами, поросшими травой и деревьями. Подобныя формы могильниковъ существовали и у прибалтійскихъ финновъ.

Въ нѣкоторыхъ могильникахъ конца средней поры желѣзныхъ орудій наблюдалось перерываніе костяковъ и легкое обжиганіе ихъ огнемъ, производимыя съ ритуальными цѣлями. Покойники, обыкновенно, сопровождаются разнаго рода металлическими украшеніями и предметами домашняго быта.

Во второй половинѣ изучаемой поры, въ южной части волжско-камской области, получило начало Булгарское царство, завершившее развитіе волжско-камскаго культурнаго очага. Основаніе этого царства приписывается пришлымъ съ юга народностямъ, но участіе въ образованіи его финской народности едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Памятниками царства считаются многія городища и огромное количество серебряныхъ и даже золотыхъ украшеній въ видѣ серегъ, бусъ, браслетовъ, перстней, иногда отличающихся изяществомъ формъ и характернымъ зерневымъ орнаментомъ. Находками этого рода особенно славятся развалины и окрестности г. Булгара, бывшей столицы Булгарскаго царства, и г. Билярска, гдѣ также существуютъ обширныя развалины древняго города.

---

[1]) Въ волжско-камской области встрѣчаются погребенія въ курганахъ, но они принадлежатъ другой, вѣроятнѣе всего, тюркской народности, а не финнамъ.

Авт.

Финскія древности окской области *). Если культуры волжско-камской области поражаютъ насъ своими богатствами, привезенными изъ другихъ странъ, то культуры окской области не менѣе поражаютъ чистотою и устойчивостью типовъ мѣстныхъ издѣлій. Притекавшія изъ другихъ странъ вещи играли здѣсь подчиненную роль. Въ массѣ многочисленныхъ металлическихъ издѣлій преобладаютъ бронзовыя и серебряныя, которыя извлекаются изъ богатыхъ могильниковъ буквально пудами. Не мало также встрѣчается желѣзныхъ издѣлій, но золотыя еще нигдѣ не найдены.

Бронзовыя и серебряныя издѣлія имѣютъ видъ украшеній, отличающихся разнообразіемъ и стильностью. Многія вещи снабжаются привѣсками или сами служатъ таковыми. По общему виду эти вещи ближе всего стоятъ къ волжско-камскимъ и прибалтійскимъ, которыя приписываются, обыкновенно, финнамъ. Устойчивость формъ ихъ— удивительная: многія изъ нихъ можно прослѣдить на протяженіи почти всѣхъ вѣковъ средней поры желѣзныхъ орудій. Таковы спирали, бутылочныя, коническія, трапецевидныя и лапчатыя привѣски, ажурныя бляхи-застёжки и др.

Желѣзо употреблялось главнымъ образомъ для оружія и орудій. Изъ него выковывались ножи, кельты, копья, мечи. Ножи имѣютъ обычныя формы. Кельты представляютъ прямое развитіе нѣкоторыхъ формъ сибирскихъ бронзовыхъ кельтовъ. Желѣзные окскіе кельты просуществовали до времени славянской колонизаціи Оки. Несомнѣнно, такая продолжительность существованія примитивной формы самаго главнаго орудія труда указываетъ на большую куль-

*) *Литература*:

1) Гр. Ѳ. А. Уваровъ. „Курманскій могильникъ“. „Древности“, т. XIV.
2) В. Н. Ястребовъ. „Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи“. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Археолог. Ком., № 10.
3) А. А. Спицынъ. „Древности бассейновъ рѣкъ Оки и Камы“. Ibid., № 25.

турную изолированность населенія изучаемой области. Копья встрѣчаются двухъ типовъ: въ видѣ рогатинъ и острогъ. Оба типа существовали безъ всякихъ измѣненій въ продолженіе почти всей средней поры желѣзныхъ орудій. Мечи имѣются обоюдоострые и однолезвійные; изъ первыхъ особенно любопытна форма съ рукояткой, оканчивающейся роговидными завитками, свойственными скиѳо-сарматскимъ мечамъ конца ранней и начала средней поры желѣзныхъ орудій.

При условіи крайней устойчивости и консерватизма формъ мѣстныхъ издѣлій, особенную научную цѣнность пріобрѣтаютъ издѣлія, проникавшія въ область изъ другихъ болѣе культурныхъ странъ, такъ какъ эти издѣлія являются хорошими датами для опредѣленія времени. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важными представляются фибулы и нѣкоторыя украшенія, очевидно, служившія достояніемъ зажиточныхъ людей. Располагая эти вещи въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, получаемъ рядъ датъ, указывающихъ на существованіе окской культуры во II—VII вѣкахъ по Р. Хр. Далѣе замѣчается въ притокѣ датирующихъ вещей какъ бы перерывъ, но затѣмъ появляются славянскія вещи, и почти одновременно съ этимъ финская культура оставляетъ берега Оки, и слѣды этой культуры мы видимъ уже на окраинахъ области, напримѣръ въ Тамбовскомъ уѣздѣ, гдѣ они датируются арабскими и западно-европейскими монетами самаго конца средней и начала поздней поры желѣзныхъ орудій.

Изъ внѣшнихъ вліяній на окскую область первымъ по времени было римско-сарматское, сообщившее области римскія монеты, мечи съ рогатыми навершьями и кольца

4) Его же. „Городища Дьякова типа“. Зап. Имп. Археолог. Общ., Русск. Отд., т. V.

5) В. И. Сизовъ. „Дьяково городище близъ г. Москвы“. Труды IX Археолог. Съѣзда, т. II.

6) А. И. Черепнинъ. „О рязанско-окскихъ могильникахъ“. Труды X Археолог. Съѣзда, т. I.

съ раздутостями въ видѣ напущенныхъ бусинъ; вторымъ явилось вліяніе днѣпровскаго народа полей погребальныхъ урнъ, которое дало небольшія латенскія арбалетныя фибулы и образцы своей оригинальной керамики; третьимъ—готское [1]), принесшее прорѣзныя фибулы и бляхи въ видѣ узкихъ трехугольныхъ пластинъ съ отрѣзанными вершинами, прорѣзныя фибулы съ головками коней, крестообразныя арбалетныя и пальчатыя фибулы, разныя инкрустированныя вещи, серебряные поясные наборы и др.; четвертымъ—славянское, давшее височныя кольца то простыя, то съ напущенными металлическими бусами; и, наконецъ, пятымъ—арабское, выразившееся въ монетахъ и растительномъ орнаментѣ на металлическихъ вещахъ, появившемся уже на переходѣ въ позднюю пору желѣзныхъ орудій.

Коллективные бытовые памятники окской финской культуры представляются городищами, холмищами и могильниками. Городища удерживаютъ старыя примитивныя формы трехугольниковъ, ограниченныхъ съ двухъ сторонъ естественными, иногда искусственно-срѣзанными, обрывами и съ третьей напольной стороны—однимъ, двумя и даже тремя валами и соотвѣтствующимъ числомъ рвовъ. Количество городищъ весьма значительно. Въ число ихъ входятъ всѣ городища, не содержащія керамики съ сѣтчатыми узорами (признаками городищъ предшествующей поры) и памятниковъ славянской народности, смѣнившей финновъ. Впрочемъ необходимо замѣтить, что городища ранней поры

---

7) А. В. Селивановъ. „О древнѣйшемъ населеніи Пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи“, Владиміръ, 1908 г.

8) Н. И. Булычевъ. „Журналъ раскопокъ по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Волги и Днѣпра“, Москва, 1899 г.

9) Ю. Г. Гендуне. „Городище Дуна Лихвинскаго уѣзда, Калужской губ.“, Спб., 1903 г.

[1]) Іорданъ, готскій писатель начала VI вѣка по Р. Хр., въ своей исторіи готовъ упоминаетъ Vasinobrancas, Merens, Mordens (весь, мерю и мордва), какъ народы, входившіе въ составъ царства Германриха.

Авт.

иногда оставались обитаемыми и въ среднюю пору, а объ категоріи этихъ городищъ нерѣдко заселялись и утилизировались славянами, вслѣдствіе чего часто случается, что площадь одного и того же городища покрыта культурными слоями разныхъ временъ и народностей.

Изъ финскихъ городищъ особенно замѣчательны: Мощинское, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губ., гдѣ былъ найденъ кладъ характерныхъ готскихъ вещей IV вѣка по Р. Хр., и Старо-Рязанское, связанное съ обширнымъ финскимъ могильникомъ и послужившее впослѣдствіи ядромъ огромнаго городища г. Рязани, столицы Рязанскаго великаго княжества.

Холмищъ, исключительно принадлежащихъ средней порѣ, еще неизвѣстно, но за то всѣ извѣстныя холмища ранней поры (Гремячее, Ловецкое, Дьяково) остаются въ употребленіи и въ продолженіе средней поры. Послѣднее явленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ указываетъ на непрерывность существованія въ окской области одного и того же народа. Дьяково холмище, въ среднюю пору даже было укрѣплено и получило видъ городища. Послѣднее явленіе не представляетъ что-либо исключительное: въ волжско-камской области то же самое наблюдалось въ Гляденовскомъ костищѣ. Но это явленіе интересно въ томъ отношеніи, что указываетъ на тревожное время и начавшіяся столкновенія съ инородными племенами, наносившими оскорбленіе святынѣ. Изъ выше цитированной скандинавской саги о Карли и Торерѣ мы узнаемъ, что цѣлью хищническихъ набѣговъ въ финскія области служили, именно, святилища, гдѣ, благодаря щедрымъ приношеніямъ, сосредоточивались значительныя богатства. Въ окской области поводъ къ осторожности и

10) В. А. Городцовъ. „Матеріалы для археологической карты долины р. Оки“. Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I.

11) „Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея за 1907 г.“, стр. 12, пунктъ 5.

защитѣ священнаго мѣста могли дать русскіе славяне, надвигавшіеся съ запада и скоро овладѣвшіе всею этою страною.

Обильные бытовые остатки, погребенные въ культурныхъ слояхъ городищъ и холмищъ, свидѣтельствуютъ, что главными занятіями жителей являлись скотоводство, охота и рыболовство; земледѣліе, повидимому, имѣло лишь второстепенное значеніе. Изъ техническихъ промысловъ извѣстны были металлургія, ткацкое производство, обработка кости и глины. Всѣ эти промыслы имѣли исключительно кустарный характеръ. Памятниками металлургіи служатъ тигли и формы для отливки металлическихъ издѣлій и самыя издѣлія; ткацкаго производства — многочисленныя пряслица и сохранившіеся образцы тканей; обработки кости и глины—большое количество костяныхъ и керамическихъ издѣлій.

Въ археологическомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ могильники: они даютъ возможность познакомиться съ угасшимъ народомъ, съ его физическими и духовными силами, насколько онѣ запечатлѣлись на его костяхъ и произведеніяхъ. Несомнѣнно, это былъ народъ хорошо одаренный во всѣхъ отношеніяхъ, обладавшій значительнымъ богатствомъ и отличавшійся религіозностью. Благодаря многовѣковому пребыванію народа въ одной и той же области, его могильники также носятъ всѣ признаки многовѣкового существованія, иллюстрируя жизнь народа на протяженіи едва ли не всей средней поры желѣзныхъ орудій.

Самые древніе признаки финской жизни въ окской области даютъ Дубровическій и Кошебеевскій могильники. Первый находится въ Рязанской губ. и уѣздѣ, а второй— въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ. Существованіе Дубровическаго могильника установлено нами еще въ 1895 году, но онъ до сихъ поръ остается неизслѣдованнымъ. Въ 1907 году случайно было обнаружено одно богатое погребеніе со многими металлическими вещами, часть которыхъ въ настоящее время хранится въ Императорскомъ

Россійскомъ Историческомъ Музеѣ. Среди этихъ вещей оказалось три серебряныхъ арбалетныхъ фибулы поздняго латенскаго типа, совершенно схожихъ съ фибулами, которыя были добыты въ Черняховскомъ полѣ погребальныхъ урнъ, Кіевской губерніи, и датированы римскими монетами II вѣка по Р. Хр.[1]) Сходство между окскими и днѣпровскими фибулами настолько велико, что онѣ кажутся какъ бы вышедшими изъ одной мастерской.

Совершенно такого же типа арбалетныя фибулы являются древнѣйшей датой и для Кошебеевскаго могильника, указывая на существованіе его также во II или, самое позднее, въ III вѣкѣ по Р. Хр., когда типъ этихъ фибулъ пересталъ существовать, имѣя наибо́льшее распространеніе въ славянскихъ и германскихъ прибалтійскихъ земляхъ. Въ Кошебеевскомъ могильникѣ на то же время указываютъ и желѣзный мечъ съ вершиной рукоятки въ видѣ загнутыхъ роговъ и большія бронзовыя кольца съ выпуклостями и придатками въ видѣ бусинъ. Наиболѣе поздними датами этого могильника являются пальчатыя готскія фибулы, существовавшія въ предѣлахъ Россіи въ IV—VII вѣкахъ по Р. Хр., при чемъ дата позднѣйшаго вѣка для средней Россіи представляется менѣе вѣроятною, чѣмъ древнѣйшая, потому что въ VII вѣкѣ пальчатыя фибулы вырабатывались только въ Крыму и отчасти на Кавказѣ и, представляя въ это время совершенно вымирающую форму, не могли имѣть широкаго распространенія, тогда какъ въ IV и отчасти V вѣкахъ онѣ господствовали по всей южной Россіи, откуда уже легко могли проникнуть въ среднюю Россію, и, между прочимъ, въ окскую область.

Такимъ образомъ время Кошебеевскаго могильника находится между II и VII вѣками по Р. Хр. [2]).

---

[1]) Коллекція Черняховскаго поля погребальныхъ урнъ хранится въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.

Авт.

[2]) А. А. Спицынъ сближаетъ время Кошебеевскаго могильника со временемъ Пьяноборскаго могильника Елабужскаго уѣзда, Вятской губ.,

Фибулы, похожія на дубровическія, были найдены и въ Борковскомъ могильникѣ близъ г. Рязани, поэтому начало этого могильника также слѣдуетъ пріурочивать ко II—III вѣкамъ по Р. Хр. Болѣе же поздними датами этого могильника являются готскія прорѣзныя фибулы, украшенныя головками коней, по формѣ, металлу и размѣрамъ совершенно одинаковыя съ днѣпровскими, найденными въ Пастырскомъ городищѣ. Эти фибулы указываютъ на существованіе могильника въ IV вѣкѣ по Р. Хр. Къ тому же времени, повидимому, относятся крупныя арбалетныя и крестообразныя фибулы. О болѣе позднемъ времени могутъ свидѣтельствовать готскія пальчатыя фибулы и поясныя серебряныя бляшки, пряжки и наконечники ремней, изготовлявшіеся до VII вѣка по Р. Хр. на Кавказѣ и въ Крыму. Наконецъ, самой поздней датой являются височныя кольца, то гладкія, то съ напущенными на нихъ металлическими бусами. Эти украшенія—славянскія, и если въ могильникѣ они не случайны, то въ нихъ слѣдуетъ видѣть начало вліянія русскихъ славянъ на окскихъ финновъ, каковое здѣсь могло появиться никакъ не ранѣе VIII вѣка.

Приведенныя даты въ совокупности позволяютъ заключить, что Борковской могильникъ существовалъ между II и VIII вѣками по Р. Хр. Обширность могильника и многочисленность его погребеній также указываютъ на много-

---

допуская, что послѣдній изъ нихъ существовалъ нѣсколько ранѣе. Всё это правильно. Однако древнѣйшею датою Пьяноборскаго могильника слѣдуетъ считать серьги въ видѣ колечка съ нижнимъ концомъ, завитымъ въ спираль, образующую коническую привѣску, а такія серьги въ значительномъ количествѣ найдены въ Крыму, именно, въ ящичныхъ погребеніяхъ Байдарской долины съ вещами никакъ не позже первыхъ вѣковъ христіанской эры, а возможно даже и болѣе ранняго времени. Коллекціи вещей изъ ящичныхъ погребеній Байдарской долины хранятся въ Имп. Россійскомъ Историческомъ Музеѣ, за № 45716. Описаніе ихъ см. въ „Извѣстіяхъ Имп. Археолог. Ком.“, вып. 30, Спб., 1909 г.

Авт.

вѣковое существованіе могильника и безпрерывную близъ него жизнь финскаго населенія, не дождавшагося здѣсь, однако, конца средней поры желѣзныхъ орудій.

Приблизительно къ освѣщенному времени слѣдуетъ относить и другіе средне-русскіе могильники финской народности[1]), при чемъ наиболѣе поздними изъ нихъ представляются Максимовскій, въ которомъ часть покойниковъ принадлежала, по мнѣнію его изслѣдователя, уже другой, именно, русской народности, Лядинскій и Томниковскій, несущіе признаки существованія ихъ въ концѣ средней и началѣ поздней поры желѣзныхъ орудій.

Погребенія во всѣхъ финскихъ могильникахъ совершались въ простыхъ неглубокихъ ямахъ (отъ $^1/_2$ до 2 арш. глубины). Покойники обыкновенно полагались вытянуто на спинѣ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ сидя. На ряду съ простыми погребеніями практиковались также и трупосожженія, существовавшія повсюду и въ продолженіе всѣхъ вѣковъ изучаемой культуры.

---

[1]) Финскіе могильники въ настоящее время извѣстны въ слѣдующихъ пунктахъ, расположенныхъ по р. Окѣ и ея притокамъ: Тульской губ., Бѣлевскаго у., близъ монастыря Жабынь; Рязанской губ., Зарайскаго у., близъ с. Вахина, на Шмаковой горѣ; Рязанскаго у., близъ с. Константинова, на дюнѣ Высокой (этотъ могильникъ неправильно названъ Кузьминскимъ по с. Кузьминскому, къ которому могильникъ никакого отношенія не имѣетъ); того же у., близъ с. Борки; того же у., близъ с. Дубровичъ, на дюнѣ Борокъ; того же у., близъ д. Гавердовой (неправильно названный Польновскимъ); Спасскаго у., близъ с. Шатрищи у Старо-Рязанскаго городища; того же у., близъ с. Терехова, въ городищѣ; того же у., близъ с. Борокъ, на дюнѣ Ундрихъ; того же у., въ с. Тыринской слободѣ; Касимовскаго у., близъ с. Курмана; Тамбовской губ., Елатомскаго у., близъ с. Кошебеева; Тамбовскаго у., близъ с. Ляды; Шацкаго у., близъ с. Ново-Томниковки; Владимирской губ., Муромскаго у., близъ д. Максимовки; Мелѣнковскаго у., близъ с. Урванова; Вязниковскаго у., близъ слободы Холуя. Нѣкоторые изъ этихъ могильниковъ остаются или недостаточно или совсѣмъ неизслѣдованными. При болѣе внимательномъ розыскѣ и раскопкахъ по берегамъ р. Оки число финскихъ могильниковъ, несомнѣнно, во много разъ увеличится.

Авт.

Останки покойниковъ какъ въ простыхъ погребеніяхъ, такъ и трупосожженіяхъ полагались или прямо на дно ямы, или на доски, или на лубъ (кору липы), или на бересту. Доски иногда наблюдались съ боковъ и сверху покойниковъ; тоже и лубъ и береста.

Оріентировка покойниковъ въ простыхъ погребеніяхъ оказывается неустойчивою, хотя замѣтно, что предпочиталось полагать покойниковъ головою или на сѣверо-востокъ, или на сѣверъ. Рѣже всего встрѣчается оріентировка покойниковъ головою на югъ. Покойники часто, хотя далеко не всегда, сопровождаются разными металлическими вещами и глиняной посудой. Обыкновенно съ мужчинами полагаются оружіе, конская сбруя, глиняные сосуды, а съ женщинами—разныя украшенія.

Благодаря способности металлическихъ (въ особенности бронзовыхъ) вещей окислять и такимъ образомъ предохранять отъ гніенія органическія вещества, до насъ дошли такіе нѣжные предметы, какъ ткани, шнуры, ремни и кожа; иногда же оказываются сохранившимися цѣлые головные наряды, пояса, конскія узды, куски одежды и, наконецъ, волосы на головахъ покойниковъ. Всё это даетъ возможность возстановить многія подробности, касающіяся какъ самого человѣка, такъ и окружающей его обстановки.

Судя по дошедшимъ до насъ остаткамъ, одежда древнихъ окскихъ финновъ шилась изъ шерстяныхъ, рѣже полотняныхъ и еще рѣже изъ бумажныхъ матерій. Мужчины и женщины носили нижнія и верхнія одежды. Нижнія одежды шились изъ болѣе тонкихъ, а верхнія изъ болѣе толстыхъ тканей. Мужскія одежды выяснены менѣе, чѣмъ женскія, лучше консервированныя множествомъ нашитыхъ на нихъ металлическихъ вещей. Мужскіе головные уборы и обувь остаются неизвѣстными, между тѣмъ какъ женскіе головные уборы дошли до насъ или совершенно цѣлыми, или легко возстановляются во всѣхъ деталяхъ; сохранились и нѣкоторыя части обуви, которая у богатыхъ

особъ была кожаною и сопровождалась бронзовыми пряжками и бляхами.

Въ общемъ нарядъ богатаго мужчины представляется въ слѣдующемъ видѣ: на шеѣ его, сверхъ нижней одежды (рубашки), лежитъ массивная серебряная гривна; на груди—большая бронзовая бляха; поясомъ служитъ широкій ремень, весь покрытый серебряными бляхами; къ нему подвѣшены: ножъ съ ножнами, оправленными въ бронзу, и мечъ съ еще болѣе пышными серебряными ножнами; на рукахъ—браслеты; верхняя одежда (можетъ быть, плащъ) застёгнута тяжелой серебряной фибулой; въ рукахъ—два копья и топоръ, а около видна конская сбруя, унизанная множествомъ металлическихъ украшеній, а иногда и боевой конь. Однако далеко не всѣ мужчины могли носить на себѣ такія богатства; напротивъ, многіе изъ нихъ ограничивались бронзовыми украшеніями, и бывали бѣдняки, которые сопровождались въ загробный міръ только однимъ желѣзнымъ ножемъ.

То же самое можно сказать и о женской половинѣ: богатыя изъ нихъ покрывались съ головы до ногъ всевозможными металлическими украшеніями, а бѣдныя довольствовались однимъ бронзовымъ браслетомъ или одной бронзовой пряжкой. Волосы заплетались въ косы, завязываемыя шнурками, ремешками, иногда украшенными металлическими привѣсками. Богатыя женщины на головахъ носили кокошники, вѣнцы и повязки; всё это обильно украшалось бронзовыми спиральками, обоймами, привѣсками то короткими, висѣвшими около ушей, то длинными, спускавшимися на грудь. Шея сплошь завѣшивалась бусами и гривнами; на рукахъ носилось по нѣсколько браслетъ, перстней и колецъ; браслетами украшались иногда и ноги. Нижняя одежда шилась длинною; её опоясывали узкими кожаными поясами, покрытыми дорогими бляшками; иногда отъ пояса спускался длинный конецъ, также украшенный бляхами и подвѣсками. Застёжками служили мелкія пряжки. Верхняя одежда была только до колѣнъ;

ея воротъ, рукава и подолъ обшивались бронзовыми спиралями, а послѣдній кромѣ того множествомъ колокольчатыхъ подвѣсокъ. Весь женскій нарядъ разсчитывался на блескъ и шумъ; каждое движеніе обладательницы такихъ сокровищъ должно было сопровождаться свѣтовыми эффектами и звономъ.

Такъ живы картины, которыя рисуетъ предъ нами инвентарь мертвыхъ; и если бы такъ же живо передали намъ свѣдѣнія о домашнемъ бытѣ окскихъ финновъ развалины селеній и городищъ, то, кажется, можно было бы возстановить всю обстановку жизни почившаго народа и тѣмъ какъ бы вызвать его въ нашемъ представленіи къ новой жизни.

*Финскія древности прибалтійской области**). Третьимъ райономъ, гдѣ финны успѣли сплотиться въ болѣе замѣтныя этническія массы, являются восточные берега Балтійскаго моря. Заселеніе этого района финнами совершилось неодновременно. По мнѣнію А. Хакмана (Alfred Hackman), финны сначала заняли область современной Финляндіи, а потомъ уже распространились по Остзейскому краю и прилегающимъ къ нему островамъ. Въ обѣихъ областяхъ имъ пришлось войти въ тѣсныя соприкосновенія съ арійскими племенами и испытать ихъ сильное культурное вліяніе. Въ Финляндіи они встрѣтились со скандинавами, въ Остзейскомъ краю — съ литовцами, славянами и, возможно, германцами. Несмотря на разнообразныя, иногда скрещивающіяся, вліянія всѣхъ этихъ народовъ, западные финны всё же удержали и свои самобытныя культурныя особенности. Къ такимъ особенностямъ слѣдуетъ отнести:

---

*) *Литература:*

1) A. Hackman. „Die ältere Eisenzeit in Finnland“, Helsingfors, 1905.
2) J. R. Aspelin. „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“, Helsingfors, 1877.
3) Н. Харузинъ. „Обзоръ доисторической археологіи въ Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей“. Временникъ Эстляндской губ., Ревель, 1894 г., кн. 1.

1) обычай устраивать особыя жертвенныя мѣста; 2) обычай хоронить покойниковъ въ общественныхъ могильникахъ; и, наконецъ, 3) обычай укрѣплять свои селенія городищами. Несомнѣнно, къ самобытнымъ финскимъ чертамъ относятся также украшенія одеждъ и головныхъ уборовъ металлическими шумящими наборами и нѣкоторые виды желѣзныхъ орудій, въ родѣ, напримѣръ, кельтовъ, копій, ножей и другихъ.

Къ чертамъ, заимствованнымъ отъ другихъ народовъ, слѣдуетъ отнести погребенія въ курганахъ и многіе предметы быта, въ видѣ монетъ, фибулъ, топоровъ, мечей.

Къ разряду жертвенныхъ мѣстъ относятся холмы, сложенные изъ камней. Назначеніе этихъ холмовъ загадочно, однако всѣми изслѣдователями они принимаются за памятники языческаго культа. При изслѣдованіи въ такихъ холмахъ находятъ золу, угли, разные предметы домашняго быта, а иногда и остатки сожжённыхъ человѣческихъ костей. Принадлежность этихъ памятниковъ финнамъ доказывается современными этнографическими данными. По сообщенію Видемана, каменные холмы у эстовъ возникли изъ обычая закладывать камнями мѣста, на которыхъ совершались жертвоприношенія по случаю дальнихъ путешествій, или на которыхъ случилось какое-нибудь преступленіе; въ послѣднемъ случаѣ каждый прохожій обязывается бросить на такое мѣсто камень, палку, крестъ и т. под.

Городища имѣютъ обычныя формы. Всѣ они огораживаются валами и рвами. Нѣкоторыя особенности кон-

4) П. Висковатовъ. „Пюхтицкое древнее кладбище Эстляндской губ.“ Ibid.
5) „Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga 1896“, Riga, 1896.
6) R. Hausmann. „Ueberblick über die Entwickelung der archäologischen Forschung in den Ostseeprovinzen wärend der letzten fünfzig Jahre“. Труды X Археолог. Съѣзда, т. II.
7) A. Bielenstein „Die lettischen Burgberge“. Ibid.
8) Его же. „Holzzeit der Letten“. Ibid.

струкцій несомнѣнно вызваны мѣстными условіями почвы. Такъ въ Остзейскомъ краю, благодаря распространенности круглыхъ холмовъ, располагаемыя на нихъ городища также получили круглыя формы [1]). Нерѣдко городища располагаются среди болотъ, но чаще—на берегахъ рѣкъ и ручьевъ. При раскопкахъ городищъ находятъ остатки сгорѣвшихъ домовъ, слѣды колодцевъ и разные бытовые предметы. Иногда близъ городищъ удавалось находить склады оружія.

Наибольшій археологическій интересъ представляютъ погребенія, которыя совершались или въ видѣ трупосожженій, или въ видѣ простыхъ погребеній. Первоначально покойники хоронились, повидимому, исключительно въ общественныхъ могильникахъ, но въ концѣ средней поры стали практиковаться погребенія и въ курганахъ. Въ общественныхъ могильникахъ отдѣльныя могилы часто обставлялись камнями, расположенными на поверхности почвы то въ видѣ четырехугольниковъ, то въ видѣ круговъ. Широкое пользованіе камнями, несомнѣнно, обусловливалось изобиліемъ этого матеріала, оставленнаго здѣсь древними ледниками. Что же касается обычая обозначать могилы камнями, то онъ наблюдается также у волжско-камскихъ финновъ и, очевидно, не противорѣчитъ общефинскимъ религіознымъ воззрѣніямъ.

---

9) F. Kruse. „Necrolivonica“, Dorpat, 1842.

10) П. Іорданъ. „О городищахъ Эстляндской губ.“ Сборникъ свѣдѣній по географіи и статистикѣ Эстляндской губ., Ревель, 1889 г.

11) H. Appelgren. „Die vielreihigen silbernen Gliederketten in finnländischen Funden“.

12) „Finskt Museum“, статьи A. Hackman'a въ №№ 11 и 12, 1897 г.; № 2, 1900 г.; № 2, 1906 г.

[1]) Подобныя городища встрѣчаются въ средней Россіи, гдѣ формы ихъ также обусловливаются холмами ледниковаго происхожденія. См. В. Каменскій: „Чортово городище въ Ветлужскомъ уѣздѣ по раскопкамъ 1908 г.“, въ Сборникѣ Музея по Антропологіи и Этнографіи при Имп. Академіи Наукъ, VII, 1909 г.

Авт.

Съ покойниками полагаются разные предметы быта. Въ мужскихъ погребеніяхъ часто встрѣчаются оружіе и орудія, при чемъ наиболѣе цѣнныя изъ нихъ преднамѣренно портятся. Среди украшеній господствуютъ бронзовыя, рѣже встрѣчаются серебряныя и желѣзныя, а золотыя, повидимому, совсѣмъ отсутствуютъ.

Благодаря изобилію металлическихъ украшеній, сохранились остатки тканей, и выяснились многія подробности одежды. Изъ тканей особенно замѣчательны такъ называемыя кольчужныя, протканныя бронзовыми кольцами, располагаемыми въ видѣ геометрическихъ узоровъ. Женщины носили на головахъ вѣнцы, составленные изъ бронзовыхъ спиралекъ, обоймъ и другихъ металлическихъ украшеній; на шеѣ—ожерелья и гривны; на рукахъ—браслеты, перстни и кольца. Женскія одежды состояли изъ длинныхъ рубашекъ, короткихъ платьевъ и плащей. Необходимою принадлежностью ихъ костюма служили также фартуки. Всё это нерѣдко украшалось металлическими спиралями, привѣсками и побрякушками. Одежда мужчинъ состояла изъ рубашекъ, штановъ и кафтановъ, подпоясываемыхъ кожаными поясами, украшенными металлическими бляхами и кольцами для привязи ножей, мѣшечковъ для огнива и другой мелочи. Обувью одинаково для мужчинъ и женщинъ, повидимому, служили онучи и лапти, подвязываемые ремнями.

Въ общемъ развитіи прибалтійскіе финны нисколько не уступали ни своимъ соплеменникамъ, населявшимъ восточную и среднюю Россію, ни сосѣднимъ латышамъ и литовцамъ.

Русскіе славяне *).

Русскіе славяне представляютъ крупную вѣтвь славянскаго родословнаго дерева, выросшаго на корнѣ арій-

*) *Литература*:

Для ознакомленія съ древностями русскихъ славянъ существуетъ обширная литература. Её можно подраздѣлить на спеціально-археологи-

ской расы. Чтобы освѣтить генетическое отношеніе русскихъ къ другимъ славянамъ, считаемъ вполнѣ умѣстнымъ привести здѣсь взглядъ на этотъ вопросъ проф. Л. Нидерле, какъ одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи и археологіи славянскихъ народовъ.

„По новѣйшей теоріи, говоритъ онъ, славяне первоначально занимали мѣсто на пространствѣ Средней Европы, гдѣ они мало-по-малу языкомъ и отчасти даже культурой обособлялись отъ остальныхъ индо-европейскихъ народовъ. Но славяне не были никогда вполнѣ едиными ни по культурѣ, ни по языку, ни по тѣлосложенію. На пространствѣ, на которомъ безспорно помѣщались первобытные роды славянскіе, мы замѣчаемъ, во-первыхъ, въ эпоху доисторическую разные типы череповъ, а также разные типы цвѣта волосъ; при появленіи славянъ въ исторіи одна часть ихъ изображается какъ народъ съ свѣтлыми глазами и русыми или рыжими волосами, другой же части приписываютъ комплекцію темную, которая подтверждается отчасти и остатками въ могилахъ. Существовали также разные виды домашней культуры уже въ эпоху до Христа. На западѣ между Лабой и Вислой открываются одни типы могилъ и инвентаря, другія опять формы адріатико-дунайскія и иныя на востокѣ за Вислой, гдѣ преобладаетъ вліяніе Чернаго моря. Наконецъ, уже въ ту эпоху, когда славянское племя отдѣлилось отъ остальныхъ арійцевъ, въ средѣ ихъ самихъ продолжалась дифференціація языка, которая поддерживалась еще другими факторами, напримѣръ, созданіемъ отдѣльныхъ культурныхъ центровъ, распаденіемъ

ческую и обще-историческую. Первая въ современномъ ея развитіи обслуживаетъ рѣшенія частныхъ, вторая — общихъ вопросовъ. Въ настоящемъ случаѣ мы приводимъ лишь тѣ сочиненія, которыя необходимы для общаго ознакомленія съ изслѣдуемыми древностями.

1) Сводная лѣтопись, составленная по всѣмъ изданнымъ спискамъ лѣтописи Л. И. Лейбовичемъ, Спб., 1878 г.

2) А. А. Шахматовъ. „Розысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“, Спб., 1909 г.

политическимъ и мѣстной изолированностью, переселеніемъ отдѣльныхъ частей и смѣшеніемъ ихъ съ чужими элементами, и въ концѣ концовъ приняла такіе размѣры, что народъ, представлявшій когда-то всё-таки одно цѣлое, распался на нѣсколько отдѣльныхъ частей или группъ". Какъ всё это происходило въ частностяхъ, какія были причины разброда отдѣльныхъ племенъ, задается вопросами Л. Нидерле и отвѣчаетъ, что правдоподобнѣе всего „первобытный народъ, помѣщавшійся главною массою между Одрою и Днѣпромъ и уже въ доисторическое время доходившій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до Лабы, Салы, до Дуная, Десны, Нѣмана и до Балтійскаго моря, распался на этомъ огромномъ пространствѣ, подъ вліяніемъ то естественныхъ территоріальныхъ условій, то культурныхъ условій, однихъ на востокѣ, другихъ на западѣ, и, наконецъ, въ силу развитія языка, на три группы. Изъ нихъ первая на западъ отъ Вислы и Карпатскихъ горъ, распространившаяся по направленію западному даже за низовье Лабы (Эльбы), за Салу, Шумаву, успѣла въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи образовать вѣтви славянъ полабскихъ, поморскихъ, польскихъ, лужицкихъ и чешско-словацкихъ; вторая, древнѣйшія жилища которой, всего вѣроятнѣе, были гдѣ-то между верховьемъ Вислы, Днѣстромъ и среднимъ Дунаемъ, подвинулась со временемъ, за исключеніемъ небольшихъ остатковъ, совсѣмъ на югъ Карпатскихъ горъ, переселилась то на Драву и Муру, то черезъ Саву и Дунай на Балканскій полуостровъ и преобразовалась въ вѣтви словенскую, сербо-хорватскую и болгарскую; третья часть,

3) А. Я. Гаркави. „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и руссахъ. (Съ половины VII вѣка до конца X вѣка по Р. Хр.)", Спб., 1870 г.

4) А. Куникъ и бар. В. Розенъ. „Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ". Прилож. къ XXXII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ.

5) Д. А. Хвольсонъ. „Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, булгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Ибнъ-Даста", Спб., 1866 г.

примыкавшая къ Днѣпру, распространилась большимъ полукругомъ въ направленіи сѣверномъ къ Финскому заливу, далѣе къ верховью Днѣпра, къ Волгѣ, Окѣ, на востокъ къ Дону, на югъ къ Черному морю и къ низовью Дуная, преобразившись при этомъ въ народъ русскій, который подъ вліяніемъ различныхъ условій въ средѣ своей развилъ нѣсколько особей".

Таковою представляется схема древнѣйшей жизни и дробленія славянъ. Слѣдующій рядъ фактовъ помогаетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на историческую перспективу этой схемы. Уже въ V вѣкѣ до Р. Хр. Геродотъ упоминаетъ народъ генетовъ, обитавшихъ на р. Вислѣ, въ которыхъ нѣкоторые историки узнаютъ славянъ венетовъ или венедовъ. Въ I вѣкѣ по Р. Хр. о привислянскихъ венедахъ говоритъ Плиній старшій. Нѣсколько позже о нихъ упоминаетъ Тацитъ, который замѣтилъ, что венеды по своему образу жизни очень близки къ германцамъ. Въ IV вѣкѣ по Р. Хр. мы видимъ ихъ въ составѣ обширнаго Готскаго царства Германриха, владѣвшаго приблизительно всею южною половиною современной Европейской Россіи. Писатели конца V и начала VI вѣковъ по Р. Хр., готъ Іорданъ и византійцы Прокопій и Маврикій, лучше знакомые съ венедами, дѣлятъ ихъ на антовъ, жившихъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ, и на славянъ, занимавшихъ область между Вислой и Днѣпромъ. По отзыву Іордана, анты считались храбрѣйшимъ племенемъ, а по отзыву Прокопія, оно было и самое многочисленное, далеко простиравшееся

---

6) И. И. Срѣзневскій. „Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ, Спб., 1848 г.

7) В. Е. Иконниковъ. „Опытъ русской исторіографіи", т. 2, Кіевъ, 1908 г.

8) Д. И. Иловайскій. „Розысканія о началѣ Руси".

9) С. Ѳ. Платоновъ. „Лекціи по русской исторіи", изд. 5-е, Спб., 1907 г.

10) И. Е. Забѣлинъ. „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ", ч. I, Москва, 1908 г.

къ сѣверу. Императоръ Маврикій называетъ славянъ благосклонными къ иностранцамъ и войнолюбивыми. Въ VI—VII вѣкахъ средоточіемъ восточныхъ славянъ служили предгорья Карпатъ, а гегемонія принадлежала племени дулѣбовъ (волынянъ), царю которыхъ повиновались цари другихъ племенъ. Въ это время на нихъ напали авары, или обры, которые своими сильными притѣсненіями, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, дали рѣшительный толчокъ къ передвиженію если не всѣхъ, то значительной части славянскихъ племенъ съ юга на сѣверъ.

Масуди, арабскій писатель начала X вѣка, въ своемъ географическомъ сочиненіи „Золотые луга“, замѣчаетъ, что по уничтоженіи (обрами) гегемоніи волынянъ (дулѣбовъ) наступили между племенами союза раздоры, и каждое изъ нихъ избрало себѣ самостоятельнаго царя. Дробленіе восточныхъ славянъ на мелкія части замѣчаетъ и другой арабскій писатель, Аль-Бекри, по словамъ котораго „славяне народъ столь могущественный и страшный, что если бы не были раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, то не помѣрился бы съ ними силой ни одинъ народъ въ мірѣ“.

Русская Начальная лѣтопись, составленная въ XI вѣкѣ, повѣствуетъ, что, къ концу средней поры желѣзныхъ орудій, русскіе славяне дѣлились на 12 племенъ, изъ коихъ тиверцы и уличи занимали область по Днѣстру и Южному Бугу, простираясь до устья Дуная; бужане и дулѣбы (волыняне) — по Западному Бугу; поляне — по Днѣпру, имѣя центромъ Кіевъ; сѣверяне—по Деснѣ, Сейму и Сулѣ; древ-

---

11) В. Ключевскій. „Курсъ русской исторіи“, ч. I, Москва, 1908 г.

12) Д. Я. Самоквасовъ. „Происхожденіе русскаго народа“, Москва, 1908 г.

13) Л. Нидерле. „Обозрѣніе современнаго славянства“. Энциклопедія славянской филологіи. Изд. Отд. русск. языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, в. 2, Спб., 1909 г.

14) П. Полевой. „Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта“, т. I, Спб., 1879 г.

ляне—по лѣвымъ притокамъ Припети; дреговичи—между Припетью и Западною Двиною; радимичи—по Сожу; вятичи—по Окѣ; кривичи—по водораздѣлу Днѣпра, Двины и Волги; и, наконецъ, словѣне—по Ильменю. Вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтопись отмѣчаетъ, что племена пришли съ юга отъ береговъ р. Дуная; исключеніе представляли лишь радимичи и вятичи, которые выступили отъ ляховъ. Въ общемъ основная масса населенія представляется вполнѣ однородною. Подвигаясь къ сѣверу, эта масса вошла въ связь съ племенами финновъ, литовцевъ, скандинавовъ, а также и западно-европейскихъ славянъ-венетовъ, обитавшихъ по островамъ и южному берегу Варяжскаго (Балтійскаго) моря и къ концу средней поры выдвинувшихъ свои торговыя колоніи не только по всему побережью Рижскаго, но и Финскаго заливовъ, а также и по берегамъ рѣкъ Западной Двины, Аа и друг., входившихъ внутрь материка.

Въ IX вѣкѣ бо́льшая часть русскихъ славянъ вмѣстѣ съ финнами подпадаетъ подъ власть хазаръ и варяговъ, но уже X вѣкъ застаетъ всѣ племена объединенными подъ властью кіевскихъ князей и составляющими одно могущественное государство — Русь. Обаяніе новаго государства было весьма значительно: сосѣднія страны спѣшили вступить съ нимъ въ международныя сношенія, а болѣе культурныя изъ нихъ выслали своихъ проповѣдниковъ, чтобы познакомить съ идеями высшихъ религій, результатомъ чего и явилось крещеніе Руси по греческому или восточному христіанскому обряду.

---

15) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, вып. 5, Спб., 1897 г.

16) А. А. Спицынъ. „Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ“. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., 1899 г., № 8.

17) Гр. А. С. Уваровъ. „О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей“. „Древности“, т. III.

18) В. И. Сизовъ. „Курганы Смоленской губерніи“. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Археолог. Ком., № 28, Спб., 1902 г.

Бытовыя славяно-русскія древности носятъ какъ общія черты, свойственныя всему народу, такъ и частныя, свойственныя одному или смежной группѣ племенъ, вошедшихъ въ составъ народа. Общими бытовыми чертами являются ясно выраженная склонность къ городской и вообще осѣдлой жизни, обусловленная стремленіемъ къ торговлѣ, земледѣлію и колонизаціонному характеру распространенія населенія, одинаковые религіозные представленія и обряды, а также гуманныя отношенія къ инородцамъ. Частныя черты выражались во второстепенныхъ деталяхъ религіозныхъ обрядовъ и внѣшнихъ формахъ одежды и украшеній.

Городская жизнь у русскихъ славянъ была чрезвычайно распространенною. Скандинавскія саги называютъ занимаемую ими землю „Гардарикомъ“, т.-е. страною городовъ. Возникновеніе многихъ городовъ относится къ глубокой древности. Русская Начальная лѣтопись не помнитъ времени основанія даже такихъ крупныхъ городовъ, какъ Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Ростовъ, Полоцкъ и Новгородъ; всѣ они представляются лѣтописцу исконными или изначальными.

Количество славянскихъ городовъ въ концѣ средней поры желѣзныхъ орудій было весьма значительнымъ. Князь Святославъ въ 967 году взялъ 80 болгарскихъ городовъ на Дунаѣ. Лѣтопись знаетъ множество городовъ въ землѣ тиверцевъ и уличей. Въ 988 году князь Владимиръ ставитъ цѣлый рядъ новыхъ городовъ, располагая ихъ по рѣкамъ Деснѣ, Вострѣ, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Большое число городовъ существовало у древлянъ, дреговичей, кривичей, сѣверянъ и другихъ племенъ[1]). Причиной возник-

[1]) Географъ Баварскій говоритъ: „уличи—народъ многочисленный, у него 318 городовъ; бужане имѣютъ 231 городъ; волыняне (Velanzani)—70, сѣверяне — 325“. Проф. М. К. Любавскій. „Историческая географія Россіи въ связи съ колонизаціей. Курсъ, читанный въ Моск. университетѣ въ 1908—9 г.“, Москва, типо-литографія И. И. Любимова.

новенія такого множества городовъ одни ученые считаютъ торговлю, другіе — колонизацію среди враждебныхъ племенъ.

По мнѣнію академика В. Г. Васильевскаго, верхнедунайскіе славяне, „руги“, занимались торговлей въ глубокой древности, а слѣдовательно, уже тогда могли сознать необходимость городовъ, какъ торгово-промышленныхъ центровъ. При археологическихъ изслѣдованіяхъ славяно-русскихъ городовъ очень часто находятъ монеты другихъ народовъ, въ особенности арабовъ. Въ 1802 году въ городищѣ близъ г. Великихъ Лукъ былъ найденъ кладъ серебряныхъ монетъ, вѣсившій по офиціальнымъ даннымъ около 2, а по неофиціальнымъ—около 6—7 пудовъ. Часть этихъ монетъ, доставленная академику Френу, состояла исключительно изъ арабскихъ монетъ 924—977 годовъ по Р. Хр. Наконецъ, самые крупные славяно-русскіе города оказываются расположенными по главнымъ торговымъ путямъ. Всё это какъ бы, дѣйствительно, указываетъ на возникновеніе ихъ, именно, благодаря торговымъ потребностямъ.

Однако существуютъ другіе не менѣе основательные доводы, по которымъ возникновеніе большого числа городовъ объясняется особыми условіями славянской колонизаціи Руси. Эта колонизація совершалась въ областяхъ, уже ранѣе занятыхъ чуждыми и несомнѣнно враждебными племенами. Поэтому каждое новое поселеніе прежде всего необходимо было обезпечить отъ враждебныхъ посягательствъ аборигеновъ, что и заставляло вокругъ его сооружать крѣпостныя ограды, т.-е. придавать поселенію видъ города.

Въ пользу такого взгляда на причину возникновенія славяно-русскихъ городовъ особенно сильные доводы приводитъ проф. Д. Я. Самоквасовъ. Основываясь на историческихъ документахъ, онъ указываетъ, что первоначальная колонизація южно- и восточно-русскихъ окраинъ, совершившаяся на виду исторіи, велась не открытыми селами, а городами, около которыхъ и отчасти изъ которыхъ впо-

слѣдствіи, съ замиреніемъ враждебныхъ племенъ, возникли села и хутора. Такъ первые русскіе поселенцы нижняго Дона, вышедшіе изъ родины въ XVI вѣкѣ, завоевали татарскій городъ Ахасъ, укрѣпили его лучше прежняго и переименовали въ Черкасскъ. Затѣмъ вскорѣ были построены 4 новыхъ города, а въ концѣ XVII вѣка на берегахъ Дона насчитывалось уже 52 города, и на ряду съ ними не было ни одного села. Точно такъ же новгородцы колонизовали Вятскій край въ еще болѣе раннее время. Они отнимали городки у вотяковъ и черемисовъ и селились въ нихъ, а когда находили болѣе удобнымъ, то приступали къ постройкѣ новыхъ городовъ; такимъ образомъ возникли Вятка, Котельничъ, Орловъ и др. Всё это даетъ основаніе полагать, что и древнѣйшая первоначальная колонизація велась русскими людьми такими же способами, и справедливость такого положенія подтверждается съ одной стороны фактомъ изобилія городовъ, а съ другой стороны отсутствіемъ въ историческихъ источникахъ свѣдѣній о существованіи въ изучаемую пору селъ и деревень.

Древніе славяно-русскіе города не отличались ни обширностью ни силой укрѣпленій. Аль-Бекри, арабскій писатель XI вѣка, говоритъ, что, когда славяне хотятъ построить городъ, то отыскиваютъ мѣстность, богатую пастбищами и водою; намѣчаютъ оградой круглое или продолговатое пространство, затѣмъ окружаютъ это пространство рвомъ и земляным валомъ. Земля для вала берется изъ рва; для уплотненія она утрамбовывается досками и жердями, пока не пріобрѣтаетъ плотности битой глины. Доведя валъ до надлежащей высоты, отмѣриваютъ мѣсто для воротъ и черезъ ровъ строятъ мостъ[1]). Кромѣ рва и вала,

[1]) О городскихъ мостахъ, ведущихъ черезъ ровъ внутрь укрѣпленія, говорится въ лѣтописи. „Побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий (послѣ сраженія съ Ярополкомъ въ 977 г.), бяше чересъ гроблю (ровъ) мостъ ко вратомъ градным, тѣснячеся другъ

города укрѣпляли еще и деревянными сооруженіями, въ родѣ тына, башенъ и т. п.; поэтому въ древнихъ источникахъ встрѣчаются выраженія „сметать градъ“ и „срубить градъ“, т.-е. соорудить земляныя или деревянныя укрѣпленія города.

Судя по сохранившимся городищамъ отъ древнихъ славяно-русскихъ городовъ, планы ихъ были довольно разнообразны: чаще всего они трехугольны, рѣже четырехугольны и круглы. Размѣры площадей ихъ не велики и варьируютъ между 300 и 500 шагами въ окружности, хотя бываютъ размѣры и больше и меньше. Городище древняго Путивля, по словамъ Д. Я. Самоквасова, имѣетъ 500 аршинъ, а площадь каменной крѣпости, заложенной въ Ладогѣ въ 1116 году и сохранившейся до настоящаго времени,—400 аршинъ въ окружности; такіе же приблизительно размѣры имѣютъ и городища Чернигова, Новгородсѣверска, Воргола, Сновска, Вышегорода и множества другихъ безымённыхъ.

Громадное большинство городищъ располагается по берегамъ рѣкъ. Въ областяхъ древнихъ поселеній финновъ русскіе часто пользовались городищами послѣднихъ, что въ настоящее время обозначается различнымъ содержаніемъ культурныхъ слоевъ, отложившихся на поверхностяхъ такихъ городищъ.

Какъ ни странно, но до сихъ поръ славяно-русскія городища еще не получили спеціальнаго археологическаго изслѣдованія. Всѣ археологи одинаково приписываютъ этимъ памятникамъ выдающееся научное значеніе, но никто не посвящаетъ своего труда для ихъ раскопокъ. Д. Я. Самоквасовъ сдѣлалъ первый опытъ опредѣленія границъ древнѣйшихъ волостей Сѣверянской земли на основаніи группировки городищъ и отношенія ихъ къ болѣе важнымъ

друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга съ мосту в дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци“. Лѣт. по Лавр. списку, изд. Археогр. Ком., стр. 73.

административнымъ центрамъ. Идея—прекрасная и, повидимому, осуществимая, но требующая детальнаго и строго научнаго изслѣдованія каждаго городища, безъ чего въ одну группу легко ввести памятники разныхъ временъ и народовъ.

Въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи имѣются лишь результаты отрывочныхъ и случайныхъ изслѣдованій городищъ, но и они даютъ возможность составить нѣкоторое сужденіе о такихъ бытовыхъ деталяхъ, о которыхъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Такъ въ нѣкоторыхъ городищахъ удалось прослѣдить формы жилыхъ землянокъ, глинобитныхъ печей, кладовыхъ ямъ, а по сопровождающимъ ихъ костямъ животныхъ и бытовымъ предметамъ составить понятіе о существовавшихъ промыслахъ и домашнихъ занятіяхъ.

Землянки имѣли четырехугольныя формы и небольшіе размѣры (около 6 арш. длины и ширины). Отъ глинобитныхъ печей, обыкновенно, сохраняются только обломки; но въ одномъ случаѣ удалось найти почти цѣлую печь; она напоминала форму небольшого колокола и была вылѣплена на основѣ, сплетенной изъ хвороста или другого подобнаго матеріала. Около землянокъ случались небольшія, но довольно глубокія круглыя ямы. На днѣ ихъ иногда оказывались остатки хлѣбныхъ зеренъ, отдѣльныя кости животныхъ, разбившаяся глиняная посуда. Всё это дало основаніе полагать, что ямы имѣли значеніе кладовыхъ для храненія пищевыхъ продуктовъ.

Жилища въ видѣ землянокъ находятся далеко не во всѣхъ русскихъ городищахъ. Поэтому необходимо допустить, что одновременно съ ними существовали и другіе виды жилищъ, отъ которыхъ не сохранилось выразительныхъ остатковъ. Такими жилищами могли быть деревянные дома, упоминаемые въ Начальной лѣтописи. Эти дома окружались дворами и клѣтями. Болѣе богатые дома назывались теремами.

Среди костей, сопровождающихъ жилища, постоянно встрѣчаются кости коровы, лошади, овцы, свиньи, собаки,

словомъ всѣхъ видовъ домашнихъ животныхъ, свойственныхъ зажиточнымъ крестьянскимъ и помѣщичьимъ дворамъ. Но на ряду съ костями этихъ животныхъ въ городищахъ встрѣчаются въ изобиліи кости дикихъ животныхъ и рыбъ[1]), указывающія на дѣятельное занятіе жителей охотой и рыбной ловлей.

Находимыя въ большинствѣ случаевъ обугленныя хлѣбныя зерна, желѣзные серпы и обломки жернововъ отъ ручныхъ мельницъ свидѣтельствуютъ о существованіи довольно развитого земледѣлія. Желѣзные шлаки, литейныя формы указываютъ на обработку металловъ, а многочисленныя глиняныя и шиферныя пряслица—на ткацкое искусство.

Религія славяно-руссовъ состояла изъ обоготворенія силъ и явленій природы, а также предковъ. Главнымъ божествомъ ихъ считался Перунъ, богъ грома, молніи и войны. Но въ болѣе древнее время первенствомъ пользовался Сварогъ, богъ неба, отецъ Дажбога, бога солнца, и Хорса, бога огня, называвшихся поэтому Сварожичами. Важными богами считались также Стрибогъ, богъ вѣтра, и Велесъ, богъ домашнихъ животныхъ и богатства. Главнымъ божествомъ культа предковъ являлся Щуръ, или Чуръ, хра-

---

[1]) При раскопкахъ Донецкаго городища членами XII Археолог. Съѣзда найдены кости слѣдующихъ видовъ:

1) медвѣдя (Ursus arctos),
2) лося (Cervus alces),
3) благороднаго оленя (Cervus elaphus),
4) сайги (Saiga) (?),
5) зайца (Lepus),
6) бобра (Castor fiber),
7) двухъ разныхъ видовъ утокъ,
8) сома (Sibirus glamis),
9) щуки (Esox lucius),
10) леща (Abramis brama),
11) карпа (Ciprinus carpio),
12) одинъ видъ изъ осетровыхъ.

Труды XII Археолог. Съѣзда, т. I, стр. 118 и 119.

нитель домашняго очага, землевладѣльческихъ границъ и путей. Олицетвореніемъ бога солнца на землѣ считался огонь, которому придавалось священное чистилищное значеніе. Священною стихіею считалась и вода. Огонь и вода играли видную роль въ представленіи о смерти: огонь облегчалъ мертвымъ переходъ отъ земной жизни къ райской, а вода приносила ихъ души въ образѣ русалокъ на землю.

Славяно-руссы не имѣли ни храмовъ ни жреческой касты, но у нихъ существовали изображенія боговъ и особые вѣщіе люди, называемые волхвами и кудесниками. Изображенія боговъ ставились на холмахъ и сопровождали путниковъ въ дорогахъ. Предъ ними совершались жертвоприношенія и погребенія мертвыхъ.

Арабскій писатель Ибнъ-Фадланъ въ началѣ X вѣка видѣлъ изображенія боговъ руссовъ, находившіяся при церемоніалѣ сожженія покойниковъ, совершеннаго въ г. Булгарѣ (недалеко отъ современнаго г. Казани). Въ 980 году князь Владиміръ Святой поставилъ въ Кіевѣ изображаніе Перуна съ серебряной головой и золотыми усами, а также изображенія Хорса, Дажбога и Стрибога, передъ которыми онъ приносилъ жертвы, не исключая человѣческихъ.

Погребенія мертвыхъ совершались подъ видомъ трупосожженій и простыхъ погребеній, при чемъ первыя повсюду являются болѣе древними, чѣмъ вторыя, возникшія въ самомъ концѣ изучаемой поры. Останки покойниковъ у большинства племенъ помѣщались въ курганахъ, но у нѣкоторыхъ племенъ (радимичей, вятичей и сѣверянъ) эти останки вкладывались въ сосуды и ставились на столбахъ при путяхъ, можетъ быть, ввѣряясь Чуру, богу рода и родового владѣнія. Отъ послѣдней формы погребеній археологическихъ памятниковъ не сохранилось.

Загробный міръ русскими представлялся, какъ рай, или зеленый великолѣпный садъ, гдѣ умершіе вкушали удовольствія, находясь въ кругу своихъ знакомыхъ и родныхъ. По умершимъ совершались тризны или поминки,

сопровождаемые пирами, борьбою и разными играми въ честь умершихъ. Съ покойниками полагались предметы домашняго быта, но въ большинствѣ случаевъ въ незначительномъ количествѣ: очевидно уже явилось сознаніе о безполезности такихъ расходовъ.

Въ связи съ религіозными вѣрованіями развилась обширная народная словесность, состоявшая изъ обрядовыхъ пѣсенъ, причитаній, заговоровъ и др. Пѣніе сопровождалось аккомпаниментомъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ.

У славяно-руссовъ существовали письмена, о которыхъ упоминаютъ какъ восточные, такъ и западно-европейскіе писатели. Образцы такихъ письменъ найдены въ области владѣній вятичей, но эти письмена, однако, до сихъ поръ остаются не совсѣмъ разгаданными.

Таковы общія черты славяно-русской культуры до принятія христіанства, послѣдовавшаго въ концѣ средней поры желѣзныхъ орудій. Для оцѣнки значенія этой культуры среди передовыхъ и отсталыхъ культуръ того времени, необходимо знать подъ какими вліяніями она развивалась, и какое вліяніе сама оказывала на другія.

Основой русской жизни являлась эксплуатація природныхъ богатствъ посредствомъ земледѣлія, охоты, пчеловодства и рыболовства. Что касается обрабатывающей промышленности, то она имѣла характеръ чисто кустарный: большихъ фабрикъ и заводовъ не существовало. Каждый городъ, будь онъ крупнымъ торговымъ центромъ или небольшимъ фортомъ, одинаково стремился обезпечить себя необходимыми производствами. При раскопкахъ городищъ, обыкновенно, находятъ желѣзные шлаки, а иногда литейныя формы, указывающія на существованіе металлическаго производства; костяныя подѣлки и керамика носятъ также мѣстный характеръ; многочисленныя же пряслица указываютъ на мѣстную выработку ткани. Всѣ предметы подобнаго производства носятъ признаки развитой народной культуры: среди нихъ, какъ справедливо замѣчаютъ

гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, нѣтъ вещей такъ называемаго примитивнаго характера. Наиболѣе художественныя произведенія вырабатывались въ болѣе крупныхъ торговыхъ и административныхъ центрахъ, въ родѣ Кіева и Новгорода, куда стекались предметы искусствъ разныхъ странъ и народовъ, не исключая и самыхъ передовыхъ. Въ такихъ центрахъ лучшіе заграничные образцы усвоялись, впитывались въ мѣстное искусство и затѣмъ уже, подъ видомъ своего доморощеннаго, растекались по всѣмъ обширнымъ предѣламъ государства или федераціи племенъ, всюду давая основной тонъ и единство формъ, замѣчаемые со времени славяно-русской гегемоніи въ культурахъ всѣхъ народовъ, населявшихъ въ то время обширную русскую равнину, независимо отъ ея лѣсного или степного покрова.

Сношенія русскихъ славянъ съ сосѣдними и отдаленными народами были весьма оживленны и носили преимущественно дѣловой (торговый) характеръ. Главными культурными очагами къ концу изучаемой поры являлись Персія и Византія, и съ обоими ими русскіе славяне находились въ постоянныхъ и непосредственныхъ связяхъ. Несомнѣнно болѣе сильное и благотворное вліяніе Русь испытывала со стороны Византіи, откуда получались и лучшія произведенія искусства и знанія какъ въ области матеріальной, такъ и духовной культуры. Нѣкоторыя изъ русскихъ племенъ (тиверцы, уличи) находились въ сосѣдствѣ съ Византіей и могли получать ея товары съ разныхъ ближайшихъ къ нимъ рынковъ; другія племена были болѣе удалены и поэтому должны были сноситься лишь съ немногими торговыми рынками, связанными съ путями сообщенія. Главнымъ же путемъ являлся Днѣпръ, соединявшій, при посредствѣ Ловати, Ильменя и Волхова, Черное море съ Балтійскимъ. На этомъ пути первымъ крупнымъ торговымъ пунктомъ Византіи являлся Херсонесъ, а вторымъ — Царьградъ. Въ обоихъ пунктахъ русскіе славяне имѣли постоянныя торговыя факторіи, получая по-

средствомъ ихъ разные предметы роскоши и высшаго комфорта, въ родѣ дорогихъ украшеній, металлическихъ сосудовъ, тканей, монетъ и др.

Изъ Византіи русскими заимствованы искусства украшать металлическія вещи эмалью, сканью, растительнымъ и животнымъ орнаментомъ; оттуда же были заимствованы нѣкоторыя формы одеждъ и головныхъ уборовъ, въ видѣ корзнъ, вѣнцовъ, кокошниковъ, кичекъ и др.

Не менѣе сильное вліяніе русскіе славяне испытывали и со стороны азіатскаго Востока. По свидѣтельству арабскихъ писателей, славяно-русскіе купцы являлись даже въ Багдадъ. Ибнъ-Хордадбе, въ своемъ сочиненіи „Книга путей и государствъ", характеризуя торговыя сношенія Востока съ Русью, говоритъ:

„Что же касается купцовъ-русскихъ—*они же суть племя изъ славянъ*—то они вывозятъ мѣха выдры (бобра), мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому (Черному) морю, и царь Рума (Византіи) беретъ съ нихъ десятину. А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи (Волгѣ), проходятъ по заливу хазарской столицы (Итиля), гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (юго-восточная часть Каспійскаго моря) и выходятъ на любой имъ берегъ... Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ".

Несомнѣнно, главными торговыми рынками, гдѣ совершался бойкій обмѣнъ русскихъ товаровъ съ восточными, являлись Итиль, столица Хазарскаго царства, расположенный при устьѣ р. Волги, и Булгаръ, столица Болгарскаго царства, расположенный также на Волгѣ, ниже Казани [1]). Наиболѣе важными путями, связывающими Русь съ Востокомъ, служили Ока и Волга. Этими путями притекала глав-

[1]) Г. Булгаръ былъ разрушенъ Святославомъ въ 969 году и, повидимому, уже болѣе не существовалъ.

Авт.

ная масса предметовъ роскоши: пряностей, ароматическихъ веществъ, шелковыхъ, атласныхъ и бархатныхъ матерій, сафьяна, серебряныхъ издѣлій, въ видѣ сосудовъ, цѣпочекъ, колецъ, привѣсокъ, бусъ, монетъ и, наконецъ, стального оружія.

Знакомясь и усвояя византійскіе и востóчные стили искусства, русскіе мастера довольно талантливо сливали ихъ въ одно и такимъ образомъ создавали новый стиль, образцомъ котораго являются серебряныя оправы двухъ турьихъ роговъ, взятыхъ изъ Черной могилы, въ г. Черниговѣ, вмѣстѣ съ золотой монетой византійскихъ императоровъ Василія I и Константина IX (860—870 г.), а также съ обрубкомъ золотой монеты Константина X и Романа II (948—956 г.). Обѣ оправы представляютъ широкія пластины, расчеканенныя одна — перевитыми пышными травами, другая — весьма сложною композиціею, изображающею охоту на птицъ и бой драконовъ съ грифонами, образовавшими своими переплетеніями замысловатыя фигуры. Техника чеканки подражаетъ восточнымъ оригиналамъ, а мотивы переплетающихся растеній и чудовищныхъ животныхъ—византійскимъ образцамъ. Русскій геній здѣсь сказался въ оригинальномъ введеніи въ композицію пѣтуховъ, пользовавшихся у русскихъ славянъ мистическимъ уваженіемъ, а также въ гармоническомъ распредѣленіи всѣхъ фигуръ по украшаемой поверхности и, наконецъ, въ весьма удачномъ примѣненіи украшенныхъ пластинокъ къ турьимъ рогамъ, служившимъ почетными кубками для питья здравицъ. Предметы въ окончательной ихъ отдѣлкѣ представляютъ, дѣйствительно, солидный и красивый видъ.

Сильное вліяніе на русскую культуру оказывалъ и Западъ, съ которымъ еще не были порваны родственныя связи. Оттуда получались дорогіе сорта оружія, нѣкоторыя украшенія и монеты, а также и многія формы бытового и даже государственнаго уклада.

Менѣе всего испытывалось вліяніе отъ финскихъ народностей, но и оно, несомнѣнно, существовало и въ осо-

бенности въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ русскіе колонисты входили въ непосредственное соприкосновеніе съ финскимъ населеніемъ; таковы области волжскаго и окскаго междурѣчья. На берегахъ верхней Волги, Клязьмы и Оки можно часто наблюдать въ русскихъ курганахъ типичныя финскія привѣски и другія принадлежности личныхъ украшеній.

Чѣмъ же отвѣчали на всѣ эти вліянія русскіе славяне? По письменнымъ историческимъ документамъ можно видѣть, что на Востокъ и въ Византію они доставляли сырые продукты: мѣха, воскъ, медъ, а изъ обработанныхъ продуктовъ только—желѣзныя издѣлія (мечи). Главная же масса переработанныхъ товаровъ ими направлялась къ сосѣднимъ народамъ съ менѣе развитыми культурами. Къ нимъ отпускались и, повидимому, въ большомъ количествѣ издѣлія изъ серебра, бронзы и желѣза. Вырабатываемые въ русскихъ мастерскихъ серебряные браслеты, гривны, височныя кольца, перстни, привѣски широко распространялись по всѣмъ областямъ, вошедшимъ въ настоящее время въ составъ Европейской Россіи; они шли также въ огромномъ количествѣ въ Скандинавію, служа, можетъ быть, платой за службу норманскихъ наемныхъ войскъ, или данью, или добычей викинговъ. Въ Стокгольмскомъ Музеѣ, среди многочисленныхъ предметовъ, извлеченныхъ изъ скандинавскихъ кладовъ IX—XI вѣковъ, можно видѣть много характерныхъ издѣлій Кіева и Новгорода. Часть ихъ является разрубленною на куски съ очевидною цѣлью болѣе точнаго разсчета за купленный товаръ или услуги. Не мало русскихъ издѣлій находится и по южному побережью Балтійскаго моря. Но особенно много ихъ отправлялось къ восточнымъ финнамъ и болгарамъ, гдѣ нѣкоторыя русскія издѣлія, какъ, напримѣръ, височныя кольца, считались наиболѣе модными и получали дальнѣйшее мѣстное развитіе въ восточномъ вкусѣ.

На ряду съ товарами русскіе славяне сообщали инородцамъ и много идейнаго. Таковы понятія о необходи-

мости государственнаго порядка и о равенствѣ между людьми, независимо даже отъ расоваго ихъ различія. Послѣднее, повидимому, производило особенно сильное впечатлѣніе и, несомнѣнно, явилось главнымъ стимуломъ, побуждавшимъ инородцевъ искать покровительства Руси. Такъ намъ уже извѣстно, что крымскіе готы искали защиты у великаго кіевскаго князя; такъ же поступали финны, литовцы и нѣкоторые норманны, искавшіе службы при княжескихъ дворахъ. Всѣ они, вступая въ связь съ славянскою Русью, старались какъ можно скорѣе усвоить ея обычаи, религію, языкъ и самое имя, которымъ гордились и часто прикрывались въ чужихъ земляхъ. Интересно, въ заключеніе, отмѣтить еще тотъ фактъ, что норманскія дружины, стяжавшія себѣ славу лучшихъ тѣлохранителей того времени, предпочитали служить только при дворахъ византійскихъ императоровъ и славяно-русскихъ великихъ князей, и если въ другихъ странахъ онѣ наводили ужасъ и страхъ, то въ Руси были довольно скромны и послушны.

Покончивъ съ обзоромъ общихъ чертъ славяно-русской культуры, намъ слѣдовало бы приступить къ обзору частныхъ, племенныхъ чертъ. Но, къ сожалѣнію, эта одна изъ жгучихъ задачъ русской археологіи еще не имѣетъ достаточныхъ данныхъ для своего рѣшенія; поэтому намъ по необходимости придется ограничиться лишь немногими общими замѣчаніями.

Несомнѣнно, только на точномъ изученіи частныхъ культурныхъ чертъ возможно опредѣленіе какъ областей, занимаемыхъ тѣмъ или другимъ племенемъ, такъ и тѣхъ отличій, благодаря которымъ каждое племя сознавало себя самостоятельной этнографической единицей.

Обыкновенно, частныя культурныя черты полнѣе всего выражаются въ деталяхъ формъ и составѣ инвентаря погребеній. Но въ славяно-русской культурѣ этотъ важный отдѣлъ оказался стоящимъ внѣ нормы, такъ какъ часть племенъ, сожигая покойниковъ, остатки сожженій выставляла въ сосудахъ на столбахъ при путяхъ,

т.-е. предоставляла условіямъ, совершенно неблагопріятнымъ для продолжительнаго храненія памятниковъ, и до насъ не дошло отъ нихъ никакихъ признаковъ; другая часть племенъ, хотя и хоронила останки своихъ покойниковъ въ курганахъ, но, видимо, воздерживалась сопровождать ихъ вещами; поэтому большинство такихъ погребеній оказывается или совсѣмъ безъ вещей, или съ вещами въ крайне ограниченномъ количествѣ. Благодаря такимъ явленіямъ, отъ дошедшаго до насъ погребальнаго инвентаря, обычно являющагося выразителемъ высоты культурнаго состоянія и богатства, получается такое впечатлѣніе, что русскіе славяне до конца средней поры желѣзныхъ орудій совсѣмъ не имѣли ни сколько-нибудь развитой культуры ни богатства. Такое отрицаніе, дѣйствительно, проводится нѣкоторыми изслѣдователями, и оно навѣрно получило бы значеніе аксіомы, если бы ему не противорѣчили сохранившіеся отъ того времени клады, часто поражающіе своимъ огромнымъ богатствомъ, а также историческія свидѣтельства о военныхъ контрибуціяхъ и даняхъ почти со всѣхъ окружающихъ народовъ, о содержаніи наемныхъ отрядовъ иностранныхъ войскъ и, наконецъ, находки въ нѣкоторыхъ погребеніяхъ, повидимому, принадлежавшихъ особенно богатымъ или религіозно-фанатичнымъ людямъ и владѣтельнымъ особамъ. Въ виду такихъ фактовъ, отсутствіе обильныхъ вкладовъ въ могилы слѣдуетъ принимать за плюсъ, а не за минусъ русской культуры, хотя археологи не могутъ не сожалѣть, что такое явленіе лишаетъ ихъ возможности пользоваться удобнымъ скопленіемъ древнихъ памятниковъ для изученія весьма важныхъ частныхъ чертъ племенныхъ культуръ.

Согласно исторической схемѣ разселенія русскихъ славянъ, древнѣйшія погребенія ихъ слѣдуетъ искать въ юго-западной Россіи, а именно въ областяхъ уличей, тиверцевъ и волынянъ (дулѣбовъ), такъ какъ всѣ прочія области были заняты русскими славянами уже позже. Но

погребенія уличей и тиверцевъ остаются до сихъ поръ совершенно невыясненными, а выясненныя погребенія волынянъ относятся главнымъ образомъ уже къ началу поздней поры желѣзныхъ орудій (къ XI—XII вѣкамъ по Р. Хр.). Исключеніе составляютъ курганы съ трупосожженіями, время которыхъ слѣдуетъ пріурочить, по крайней мѣрѣ, къ концу средней поры.

Курганы волынянъ имѣютъ въ основаніи остатки кострищъ, расположенныхъ обыкновенно на поверхности почвы, но иногда и на особомъ помостѣ, сложенномъ изъ камня. Изъ бытовыхъ вещей въ кострищахъ находятъ только обломки разбитой глиняной посуды, покрытые орнаментомъ изъ параллельныхъ линій и городковъ. Обугленныя кости покойниковъ находятся въ насыпи кургановъ, выше кострищъ.

Курганы полянъ имѣютъ кострища или на поверхности почвы, или въ насыпи, иногда на точкáхъ [1]). Въ одномъ случаѣ остатки трупосожженія найдены на днѣ довольно глубокой ямы. Интересно, что совершенно такая же форма курганныхъ сожженій въ ямахъ встрѣчается въ Галиціи. Въ курганахъ иногда встрѣчаются глиняные сосуды съ золой и пережжёнными костями, а иногда пласты сгнившихъ деревъ.

Курганы съ трупосожженіями встрѣчены у древлянъ и дреговичей. Кострища ихъ находятся такъ же, какъ и въ курганахъ полянъ, или на поверхности почвы, или въ насыпяхъ кургановъ, а остатки сожженій помѣщаются въ сосудахъ и безъ нихъ. Содержаніе ихъ инвентаря весьма бѣдно.

Курганы съ болѣе богатымъ инвентаремъ встрѣчены въ землѣ сѣверянъ и кривичей. Особенно замѣчательныя находки дали курганы окрестностей Чернигова и Смо-

---

[1]) Точкáми называютъ особыя встрѣчаемыя въ погребеніяхъ площадки, сдѣланныя изъ утрамбованной земли, иногда смазанной глиной. *Авт.*

ленска, гдѣ пріобрѣтено большое количество иногда весьма дорогихъ вещей, проливающихъ свѣтъ какъ на состояніе мѣстныхъ культуръ, такъ и на связи ихъ съ иностранными культурами.

Менѣе богатыми представляются новгородскіе курганы, несущіе признаки заимствованія ихъ формъ съ юга изъ областей смоленскихъ кривичей, у которыхъ курганы оказываются богаче не только содержаніемъ бытовыхъ предметовъ, разнообразіемъ формъ курганныхъ насыпей, то круглыхъ, то длинныхъ, но и бо́льшею торжественностью обряда, требовавшаго приготовленія для кострищъ особыхъ пьедесталовъ, насыпавшихся изъ бѣлаго просѣяннаго песка.

Кривическія формы кургановъ, но также въ упрощенномъ видѣ, встрѣчаются по берегамъ и притокамъ верхней Волги, между прочимъ, близъ г. Ярославля, гдѣ подъ нѣкоторыми кострищами, расположенными на поверхности почвы, находятся особые тайнички, въ видѣ круглыхъ ямокъ, вершковъ 12 въ діаметрѣ и глубиною, въ которыхъ прятались вещи иногда въ значительномъ количествѣ.

Курганы съ сожженіями встрѣчаются довольно часто въ земляхъ радимичей и вятичей, доказывая, что, на ряду съ обычаемъ выставлять остатки трупосожженій на столбахъ, эти племена не чуждались и общеславянскихъ формъ погребеній въ курганахъ. Въ радимическихъ курганахъ кострища помѣщаются на горизонтѣ почвы, кости же сожжённыхъ покойниковъ или оставляются съ золой и углемъ, или собираются вмѣстѣ и помѣщаются выше кострища. Въ одномъ случаѣ надъ остатками сожженія оказался деревянный срубъ. Въ курганахъ вятичей, кромѣ обычной формы съ остатками кострищъ въ основаніи, встрѣчаются курганы съ остатками сожженій, вложенными въ особые ящики, свободный доступъ къ которымъ преграждался камнями, почти выходившими наружу. Иногда въ такихъ ящикахъ стоялъ небольшой глиняный горшечекъ, наполненный жжёными костями, иногда же такіе

горшечки оказывались не въ ящикѣ, а подъ пирамидкой, сложенной изъ камней, или просто въ насыпи. Наблюдались и другіе варіанты.

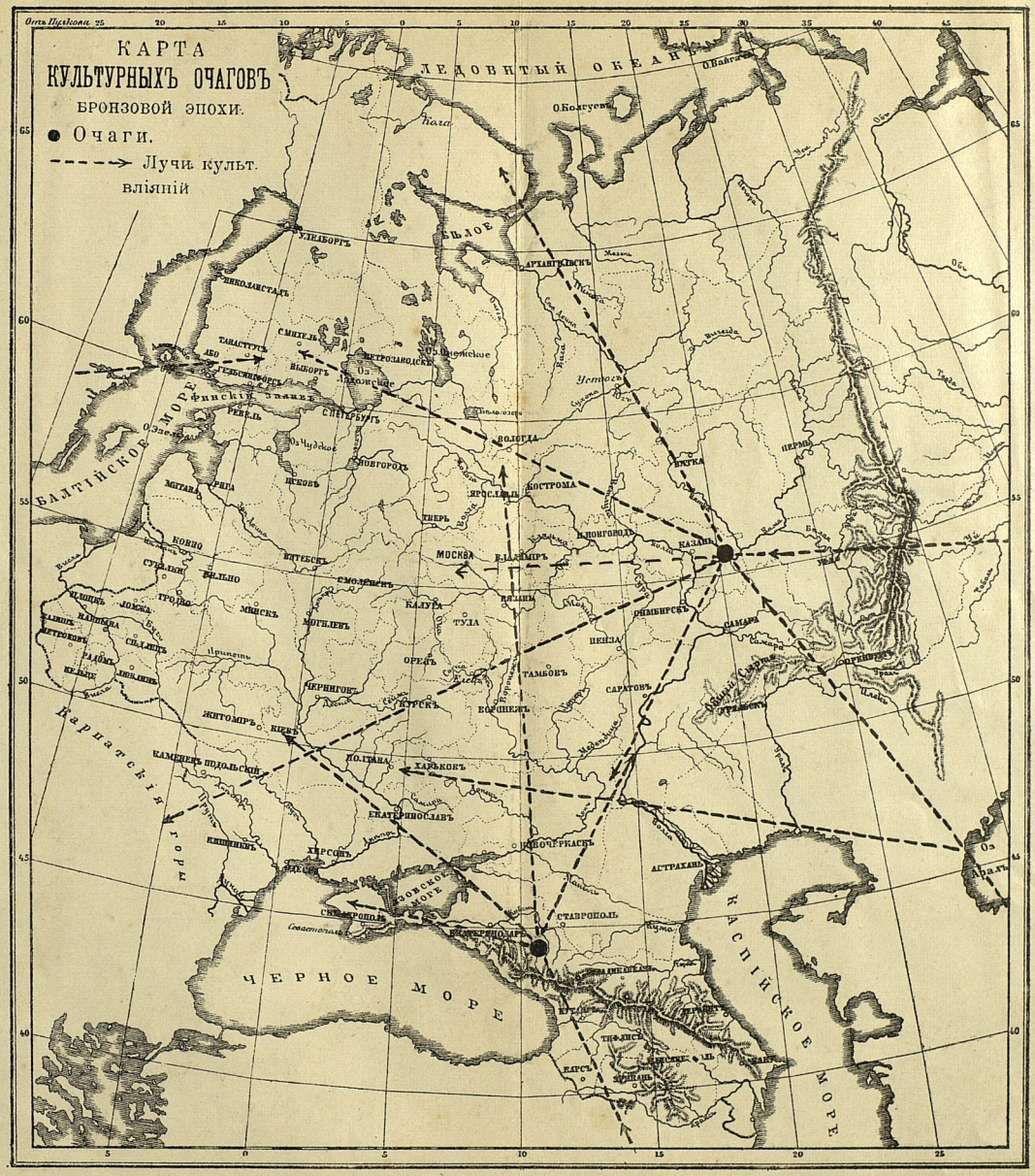
Таковы болѣе важныя изъ частныхъ племенныхъ чертъ славяно-русскаго быта. Ихъ еще слишкомъ недостаточно для постановки какихъ-либо положительныхъ научныхъ выводовъ, но ихъ достаточно для того, чтобы возбудить интересъ къ дальнѣйшему собиранію о нихъ свѣдѣній путемъ болѣе систематическихъ раскопокъ.

Частныя племенныя черты становятся гораздо выразительнѣе въ обрядахъ съ простыми погребеніями, но развитіе ихъ принадлежитъ уже къ поздней порѣ желѣзныхъ орудій, изученію памятниковъ которой мы надѣемся посвятить особый курсъ.

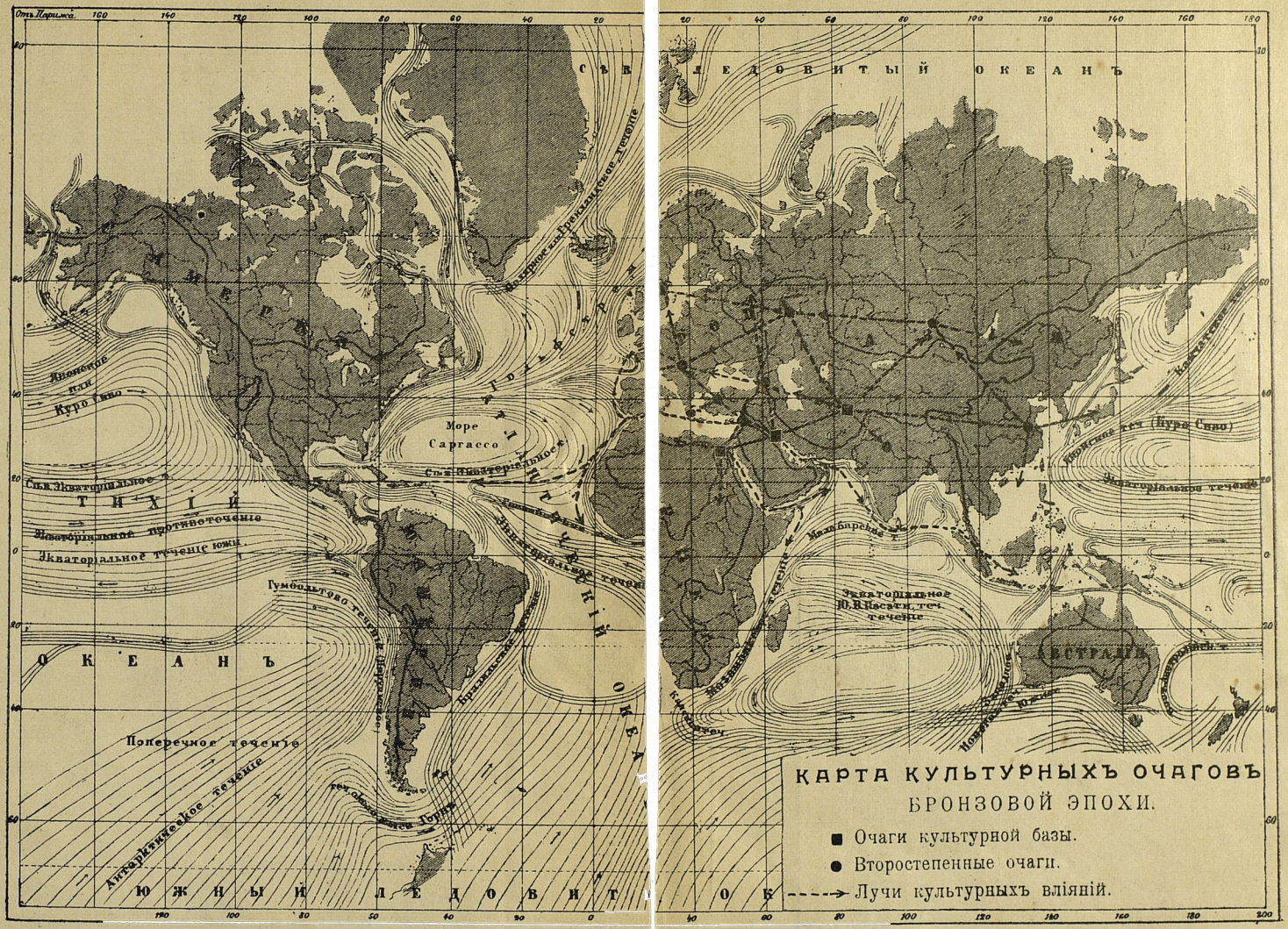
РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
25	(3 снизу)	Shipiez	Chipiez
36	(14 сверху)	Ниппера	Ниппура
158	(12 и 13 снизу)	т. I, кн. I—IV, стр. 234	т. II, кн. V—VIII, стр. 234.
214	(5 сверху)	Тройна	Тройона
252	(5 „)	кабанскаго	кобанскаго
274	(4 „ и въ другихъ мѣстахъ)	Мыза	Маза
311	(7 сверху)	патины	потины
375	(8 „)	ор-	орна-
385	(1 снизу)	hominis	homini
415	(3 „)	Входящіе	Входящія



Картъ изд. г. Ильина.



Изъ картъ изд. г. Ильина.

9158